Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (67)

Часть I

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (67)

Часть I

Тамбов – Пятигорск
2026

УДК 40
ББК 80
К57

Издание включено в ***Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций***.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2026 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Виноградова С.Г., доктор филологических наук (зам. гл. редактора);
Алимурадов О.А, доктор филологических наук (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В.И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ;
К57 М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – .

УДК 40
ББК 80

© Коллектив авторов, 2026
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2026
© ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 2026
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2026

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION
PYATIGORSK STATE UNIVERSITY**

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

VOLUME 2 (67)

Part I

Tambov – Pyatigorsk
2026

UDK 40
BBK 80
K57

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.
Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Comminications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-89450.
The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2026. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Vinogradova S.G., Doctor of Philology (deputy editor-in-chief);
Alimuradov O.A., Doctor of Philology (volume editor-in-chief);
Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;
Zabotkina V.I., Doctor of Philology, Professor;
Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;
Panasenko L.A., Doctor of Philology;
Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;
Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

UDK 40
BBK 80

© Authors of the articles, 2026
© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2026
© FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, 2026
© The Russian Cognitive Linguists’ Association, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....17

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Александрова О. В. Скрытые смыслы политического дискурса.....20

Беляевская Е. Г. Анализ дискурса в когнитивной лингвистике: уровни и структурные составляющие.....23

Болдырев Н. Н. Концептуально-интерпретационный подход в когнитивных исследованиях языка.....28

Гришаева Л. И. Способы структурирования информационного потока и тенденция к семиотической гетерогенности текстовой ткани.....35

Демьянков В. З. Категория идентичности в большом английском корпусе.....40

Зыкова И. В. Креативная прагматика диалога: художественная vs. естественная коммуникация.....46

Карасик В. И. Осмысление революции в афористике.....51

Магировская О. В. Основные форматы когнитивной переработки текстовой информации.....55

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕЛЕСНОГО И ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПЫТА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Алексанян А. Р., Юрченко Д. В. Когнитивная и языковая репрезентация пространства в тексте литературного тура.....60

Алексеева-Нилова Т. Е., Неганова О. Н. Субъективная оценка сложности теста при диагностике навыков чтения у детей 12-14 лет.....64

Абросимова Л. С. Рецепция телесности в когнитивной лингвистике.....68

Беликова Г. В. Схематизация нового в языке: архетипы и фреймы в современном французском словообразовании.....72

Беспалова Е. В. Импликативная семантика ландшафтных номинаций в восприятии носителей немецкого языка.....76

Богданова С. Ю. Концептуальные метафоры в описании ментального мира человека.....80

Дай Пэйцзюнь. Пространственные метафоры как когнитивные механизмы социального дейксиса.....84

Демина И. А. Языковая репрезентация концепта ДОРОГА в песенном фольклоре русских цыган.....88

Дрожащих А. В. Концептуальные основы семантического дрейфа в модальных глаголах *shall* / *will*.....91

Дрожащих Н. В., Ефимова Е. В. Прототипические концептуальные признаки широкозначного слова 95
Дудорова М. В. Концептуализация физиологических состояний и процессов: взаимодействие денотативных классов (на материале фразеологии) 99
Ерофеева И. В. Языковая категоризация образа человека конца XX – начала XXI вв. в синонимических дериватах со значением лица 103
Зиньковская А. В., Сахно А. А. Вербальная манифестация ольфакторных невербальных компонентов коммуникации в аспекте художественного текста 107
Иванова М. А. Концептуальное поле как модель описания новых концептов виртуальной реальности 110
Калинина Л. В. Выражение субъекта и ориентира оценки в конструкции *неуловимый для + Р.п.* 114
Каногина П. Е. Языковая концептуализация пространства города: особенности восприятия улиц по данным НКРЯ 118
Козлова Е. А. Метонимия как когнитивная основа вторичной интерпретации на основе антропонимов 122
Лаенко Л. В. О лексико-синтаксической концептуализации одорической субстанции 127
Макарова О. В. Когнитивный аспект репрезентации слота «Еда» 130
Передриенко Т. Ю. Семантика невыразимого в репрезентации перцептивного опыта 134
Поречная В. И. Метафоры офисного пространства в когнитивном рассмотрении 138
Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Пархоменко А. Н. Специфические особенности стыда в лингвокогнитивном освещении 141
Рыжкина Е. В. Лингвокреативный потенциал символизации при объективации нового когнитивного опыта в современной английской фразеологии 145
Степаненко С. Н. Роль средств вторичной номинации в первичной интерпретации количества 150
Столяр Е. Д. Способы языковой аппроксимации оценки 154
Топорков П. Е. Кванторные местоимения и вопросы концептуализации идеи множества 158
Федотова О. В. Интерпретация ситуации прикосновения английскими глаголами, не имеющими значения прикосновения на системном уровне 161
Фурс Л. А. Фреймовый анализ и оценка события 165
Чернышев А. Б. Категоризация существительных суахили в аспекте когнитивного моделирования 168

Якимова О. А. Когнитивные механизмы формирования архитектурного знания в английском языке 172
Яковлева И. В. Глаголы деформации в реципиентной зоне глаголов речи: семантический переход 175

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ДИСКУРСИВНЫЕ ЖАНРЫ В КОГНИТИВНОЙ ПРОЕКЦИИ

Авдеева Н. П. Конфликтная и бесконфликтная автокоммуникация в художественной прозе А.П. Чехова 179
Белоглазова Е. В. Функциональное своеобразие прецедентной метафоры в художественном руссоцентрическом дискурсе 183
Белошицкая Н. Н. Драматургичность дискурса: индикаторы стратегии самопрезентации 186
Билялова А. А., Камашева М. В. Антропоморфные метафоры в военном медиадискурсе 190
Богатикова Е. П. Между вежливостью и неопределенностью: хеджирование в медицинском консультировании 194
Бондарев Д. Н. Эволюция когнитивных моделей власти в инаугурационных речах американских президентов начала XXI века: социо-когнитивный анализ 198
Бронникова О. В., Головко А. С. Дискурсивная креативность в рассказах Олега Григорьева из сборника «Птица в клетке» 202
Букина Ю. В. Рефрейминг как когнитивно-дискурсивная стратегия реконструкции смысла в мотивационном дискурсе TED Talks 206
Бурняшова П. Ю. Метафора как когнитивно-дискурсивный механизм популяризации научного знания для молодежи (на материале английского языка) 210
Водяницкая А. А. Общее и частное в языковой картине мира Е.С. Боткина: анализ когнитивных схем 214
Гаврилова М. Б. Стратегии манипулирования временем в англоязычных антиутопиях 218
Глибина А. А. Особенности воздействия псевдонаук на научную картину мира представителей российской лингвокультуры 222
Горохова Л. А. Звуковой ландшафт любовного романа: от стереотипных звучаний к стереотипным эмоциям 226
Григорьева В. С. Когнитивный ракурс дискурсивных стратегий 230
Денисенко А. В. Русские метеорологические и бытовые приметы как дискурсивный феномен прогноза: когнитивный аспект 234
Долуденко Е. А. Хеджирование как средство реализации негативной вежливости: от классического романа XIX в. к современной прозе 238

Достовалова А. С. Фрейм утреннего радиоэфира как когнитивная структура взаимодействия со слушателем (на материале радио город FM 107.6 Екатеринбург) 242
Дубовицкая Е. Ю. Языковые инструменты популизма в англоязычном политическом дискурсе 245
Жердева О. Н., Скубиёва Е. Н. Интерпретационная стратегия как дискурсивно-когнитивный механизм языковой личности в диалогической коммуникации 249
Загуменнов А. В. О вариантах реализации интерпретативной дискурсивной стратегии в диахронии (на материале текстов Диакона Федора) 253
Зуева И. В. Современные аспекты метафоризации в англоязычном инженерном дискурсе 257
Ибрагимов А. Когнитивно-прагматические особенности адаптации научного знания в русскоязычном и англоязычном лонгридах 261
Иванова О. Е. Когнитивная оптимизация в поликодовых аннотациях: лингвосемиотические и дискурсивные аспекты 265
Илюхина Н. А. Сценарная логика как принцип построения рекламного слогана 269
Кащеева А. В. Преемственность знания в учебном тексте 273
Киосе М. И., Ржешевская А. А., Потехин В. О. Дискурсивная компетенция говорящего на русском языке как иностранном: анализ нарративов 277
Ковальчук Д. А. Синестезия в языке: когнитивная семантика тактильного Doux в аудиальной метафоре chanson douce 281
Кондратьева О. Н. Когнитивные стратегии декодирования интенций номинатора (на примере названий адвокатских организаций сибирского федерального округа) 285
Коннова М. Н., Форофонтова Е. А. К вопросу о лингвоаксиологическом потенциале прецедентных текстов в американском политическом дискурсе 289
Кононова И. В., Осипов С. К. Дискурсивно-обусловленная интерпретация содержательной структуры концепта MENTAL WELLBEING в англоязычных СМИ 293
Корнева В. В. Когнитивные механизмы имплицитной деонимизации топонимов в медийном пространстве 297
Костеева Д. Ю. Актуализация концепта ENSEIGNANT во французском академическом дискурсе 300
Кострова О. А. Сложное предложение с хронотопическими придаточными как инструмент нарративной стратегии (на материале немецкого языка) 304
Кузьменко П. Б. Глагол *казаться* и его окружение как организаторы образ-схем различных типов 308

Лагутова А. С. Тактика определения святости в религиозном дискурсе 312
Ларионенко В. В. Когнитивная доминанта ВЛАСТЬ в архитектонике политического манифеста Муаммара Аль-Каддафи «Зеленая книга» 316
Лебедева И. С., Грибанова Т. И. Фреймовая семантика коммуникации в диаде «доктор-пациент» 320
Меликян А. С. Параметризация афоризма как жанрово-стилистической категории: лингвокультурологический аспект 324
Милевская Т. В. Отношения тождества в связном тексте и стратегия избыточности 328
Мубаракшина А. М., Фаттахова Н. Н. Функции когнитивного символа в архитектонике текста медиагороскопа 331
Натхо О. И. Почему «Век живи» превращается в «век форси»: цели и эффективность трансформации пословиц в современных англоязычных СМИ 335
Ненашева Ю. А. Принятие решений как фактор просодической организации высказываний 339
Павлюк О. Н. Кумуляция и синергия в препозитивных атрибутивных конструкциях с семантикой цвета 342
Палехова О. В. Интертекстуальность немецкого политического дискурса (на примере выступлений в бундестаге министров экономики) 346
Парамонова М. И. Реализация дискурсивных стратегий развертывания и интерпретации информации в титульном фотокомплексе англоязычного новостного текста 349
Перелыгина Д. С. Репрезентация образа «своего» в тексте «жесткого» детектива 353
Петухова Т. И. Эгоцентрические характеристики дневника писателя 357
Попова А. Н., Пивоварова Л. Н. Лингвистические средства репрезентации понятия «синдром» в медицинском дискурсе 361
Потанина Н. Л. Концепт ЗНАНИЕ и проблема менталитета древних эллинов 364
Рогозина И. В. Медиаобраз Бориса Джонсона: лингвокогнитивная реконструкция 368
Руджери Ф. Структурно-прагматические типы диалогических единств в передаче категории эмотивности в итальянском телеинтервью 372
Рябуха О. В., Лобанова А. К. Когнитивный потенциал паратекстуальных элементов (на материале кратких аннотаций/ рекламных текстов на обложке книги) 376
Самбурова С. А. Литературный жанр как когнитивная категория 380
Сапиева С. К. Дискурсивные стратегии символизации Кавказа: когнитивная проекция в массмедиа 382

Седова Н. К. Концептуальная метафора в англоязычном спортивном видеорепортаже об этапе Формулы-1 386
Сергеева Ю. М. Диалогичность как доминантная черта современного дискурса 389
Соколова В. Л. Особенности реализации скрытой манипулятивности в качественной прессе и таблоидах Великобритании 393
Степанова А. Н. Парадоксальность как когнитивная стратегия репрезентации нестандартных эмоций (на материале поэтического корпуса) 397
Таймур М. П. Лингвокреативность через призму аутопоэзиса 401
Трофимова Н. А., Озернова А. А. Фрейм FRESH в гастрономическом медиадискурсе Джейми Оливера 405
Тугуз Т. Р. Особенности функционирования модульно-сопряженных когнитивных информативов в романах Р. Стивенсона и Т. Фонтане 408
Турлова Е. В. Интерпретирующий потенциал номинативной парадигмы современного англоязычного учебного дискурса 412
Тюкина Л. А., Бабаян В. Н. Имплицитность и механизмы смыслопорождения в русском языковом анекдоте: лингвопрагматический и когнитивный аспекты 417
Фанян Н. Ю. Место лингвоаргументологии в области когнитивно-дискурсивных исследований 421
Чжан Ц. Прагмаэстетическая стратегия репрезентации концептов СЕРДЦЕ/УМ в поэзии нашего времени 425
Чиковани Т. В. Специфика функционирования бинарных оппозиций в модели когнитивной доминанты проповеди св. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского «Christ Is Risen» 429
Чулкова Е. Д. Ономасиологические модификации в конструировании исторической личности в публицистическом дискурсе: диахронический аспект 433
Чумак-Жунь И. И. Репрезентация модусного концепта СВОЙ/ЧУЖОЙ в поэтическом дискурсе 437
Шилихина К. М. Метакоммуникация как отражение когнитивных ожиданий в дискурсе 441
Шутёмова Н. В. Виды аргументации в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия 445
Щербак А. С. Антропоним в аспекте когнитивной защиты человека 448
Щербакова И. А. Когнитивный сценарий ситуации утешения ребенка в англоязычном художественном тексте 452
Щирова И. А. О применении принципов системности для понимания художественного текста 455

CONTENTS

PREFACE 17

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE AND DISCOURSE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GUIDELINES

Aleksandrova O. V. Hidden meanings in the political discourse 20

Belyaevskaya E. G. Cognitive approach to analyzing discourse: levels of description and structural elements 23

Boldyrev N. N. Conceptual-interpretive approach in cognitive language research 28

Grishaeva L. I. Ways of structuring the information flow and the tendency towards semiotic heterogeneity of text 35

Demyankov V. Z. Category of identity in the Large English Corpus 40

Zykova I. V. Creative pragmatics of the dialogue: artistic vs. natural communication 46

Karasik V. I. Conceptualization of revolution in aphorisms 51

Magirovskaya O. V. Main formats of cognitive processing of textual information 55

COGNITIVE MODELING OF SPATIAL-BODY AND PERCEPTUAL EXPERIENCE IN LANGUAGE AND SPEECH

Aleksanyan A. R., Yurchenko D. V. Cognitive and linguistic representation of space in the text of a literary tour 60

Alekseeva-Nilova T. E., Neganova O. N. Subjective difficulty assessment of reading-related cognitive tasks in children aged 10-14 64

Abrosimova L. S. Perception of corporeality in cognitive linguistics 68

Belikova G. V. Schematization of new phenomena in language: archetypes and frames in contemporary French word formation 72

Bespalova E. V. Implicative semantics of landscape nominations in the perception of German speakers 76

Bogdanova S. Yu. Conceptual metaphors in the description of human mentality 80

Dai P. Spatial metaphors as cognitive mechanisms of social deixis 84

Demina I. A. Language representation of the concept ROAD in the folklore songs of Russian gypsies 88

Drozhashchikh A. V. Conceptual basis of semantic drift in the modal verbs *shall* / *will* 91

Drozhashchikh N. V., Efimova E. V. Prototypical conceptual features of eurysemic words 95

Dudorova M. V. Conceptualization of physiological states and processes: interaction of denotative classes (based on phraseology) 99

Erofeeva I. V. Language categorization of human image in late XXth – beginning XXIst century in synonymous derivatives with the meaning of person 103
Zinkovskaya A. V., Sakhno A. A. Verbal olfactory manifistation of nonverbal components of communication from the literary text perspective 107
Ivanova M. I. Conceptual field as a model for describing new concepts of virtual reality 110
Kalinina L. V. Verbalization of the subject and the criterion of valuationin the construction *neulovimyy dlya + genitive* 114
Kanogina P. E. Linguistic conceptualization of urban space: perception features of city streets based on the Russian National Corpus 118
Kozlova E. A. Metonymy as a cognitive basis for secondary interpretation based on anthroponyms 122
Laenko L. V. On lexico-syntactical conceptualization of odour substances 127
Makarova O. V. Cognitive aspect of the FOOD slot representation 130
Peredrienko T. Yu. Semantics of inexpressible in the representation of perceptive experience 134
Porechnaia V. I. Office space metaphors in cognitive perspective 138
Prokhorova O. N., Chekulai I. V., Parkhomenko A. N. Specific features of shame in linguocognitive coverage 141
Ryzhkina E. V. Linguistic and creative potential of symbolization in objectifying new cognitive experience in modern English phraseology 145
Stepanenko S. N. Role of secondary nomination means in the primary interpretation of quantity 150
Stolyar E. D. Methods of linguistic approximation in the evaluative statement 154
Toporkov P. Ye. Quantifier pronouns and issues of conceptualizing the idea of a set 158
Fedotova O. V. Interpretation of touch situations by English verbs lacking systemic meaning of touch 161
Furs L. A. Frame analysis and event evaluation 165
Chernyshev A. B. Categorization of Swahili nouns in the context of cognitive modeling 168
Yakimova O. A. Cognitive mechanisms of architectural knowledge formation in English 172
Yakovleva I. V. Verbs of deformation in the target domain of speech act verbs: a semantic shift 175

DISCURSIVE STRATEGIES, TACTICS, AND DISCURSIVE GENRES IN COGNITIVE PROJECTION

Avdeeva N. P. Conflict and cooperation in intrapersonal communication in Anton Chekhov's stories 179

Beloglazova E. V. Specific functions of precedent metaphor in fictional Russia-centred discourse 183

Beloshitskaya N. N. Discourse dramaturgy: indicators of the self-presentation strategy 186

Bilyalova A. A., Kamasheva M. V. Anthropomorphic metaphors in military media discourse 190

Bogatikova E. P. Between politeness and ambiguity: hedging in medical consulting 194

Bondarev D. N. The evolution of cognitive models of power in the inaugural speeches of the American president: a sociocognitive analysis 198

Bronnikova O. V., Golovko A. S. Discursive creativity in Oleg Grigoriev's short stories from the collection "A Bird in a Cage" 202

Bukina Y. V. Reframing as a cognitive-discoursive strategy of meaning reconstruction in TED talks motivational discourse 206

Burnyashova P. Y. Metaphor as a cognitive-discursive mechanism for the popularization of scientific knowledge (based on the material of the English language) 210

Vodyanitskaya A. A. General and specific in the linguistic picture of the world of E.S. Botkin: analysis of cognitive schemes based on his letters 214

Gavrilova M. B. Strategies of time manipulation in English-language dystopias 218

Glibina A. A. Peculiarities of pseudoscience influence on the Russian linguistic culture representatives' scientific view of the world 222

Gorokhova L. A. The soundscape of romance fiction: from stereotypical sounds to stereotypical emotions 226

Grigorieva V. S. Cognitive perspective of discursive strategies 230

Denisenko A. V. Russian meteorological and everyday signs as a discursive phenomenon of forecasting: cognitive aspect 234

Doludenko E. A. Hedging as a means of implementing negative politeness: from a classic 19th – century novel to contemporary prose 238

Dostovalova A. S. Frame of the morning radio broadcast as a cognitive structure of interaction with the listener (based on the radio Gorod FM 107.6 Yekaterinburg) 242

Dubovitskaya E. Yu. Linguistic tools of populism in the English political discourse 245

Zherdeva O. N., Skubieva O. N. Interpretive strategy as a discursive-cognitive mechanism of the linguistic personality in dialogue 249

Zagumennov A. V. On the ways of implementing the interpretive discursive strategy in diachrony (based on the texts of deacon Fyodor) 253
Zueva I. V. Modern aspects of metaphorization in English-language engineering discourse 257
Ibragimov A. Cognitive and pragmatic adaptation of academic knowledge in Russian- and English-language longreads 261
Ivanova O. Y. Cognitive optimization in polycode annotations: linguosemiotic and discursive aspects 265
Ilyukhina N. A. Scenario logic as a principle for constructing an advertising slogan 269
Kashcheyeva A. V. Knowledge continuity in educational text 273
Kiose M. I., Rzheshevskaya A. A., Potekhin V. O. Discursive competence of the speakers of Russian as l2: narrative discourse 277
Kovalchuk D. A. Synesthesia in language: the cognitive semantics of tactile *doux* in the auditory metaphor *chanson douce* 281
Kondratyeva O. N. Cognitive strategies decoding nominator's intentions (using the names of lawyers' offices in the Siberian Federal District as an example) 285
Konnova M. N., Forofontova E. A. On the issue of linguoaxological potential of precedent texts in American political discourse 289
Kononova I. V., Osipov S. K. Discursive interpretation of the value of mental wellbeing in English-language media 293
Korneva V. V. Cognitive mechanisms of implicit deonymization of toponyms in media discourse 297
Kosteeva D. Yu. Actualization of the concept ENSEIGNANT in French academic discourse 300
Kostrova O. A. Complex sentences with chronotopic clauses as a tool of narrative strategy (based on the German language) 304
Kuzmenko P. B. The verb *kazatsya* and its context as organizers of various types of image-schemas 308
Lagutova A. S. The tactics of defining holiness in religious discourse 312
Larionenko V. V. Cognitive dominant POWER in the architecture of Muammar al-Gaddafi's political manifesto "The Green Book" 316
Lebedeva I. S., Gribanova T. I. Frame semantics in the doctor-patient communicative dyad 320
Melikyan A. S. Parameterization of aphorism as a genre-stylistic category: linguocultural aspect 324
Milevskaya T. V. Identity relations and redundancy strategy in coherent text 328
Mubarakshina A. M., Fattakhova N. N. Functions of a cognitive symbol in the text architectonics of the media horoscope 331

Natkho O. I. Why “live and learn” is becoming “live and force”: the goals and effectiveness of proverb transformation in contemporary English-language media 335
Nenasheva Iu. A. Decision-making in speech prosody 339
Pavlyuk O. N. Cumulation and synergy in prepositive attributive constructions with the semantics of colour 342
Palekhova O. V. The intertextuality of German political discourse (on the example of speeches by the Ministers of Economy in the Bundestag) 346
Paramonova M. I. Implementation of discourse strategies of presenting and interpreting information in the title photo complex of the English-language news text 349
Perelygina D. S. The image of the friend in a hardboiled detective story 353
Petukhova T. I. Egocentric characteristics of a writer's diary 357
Popova A. N., Pivovarova L. N. Linguistic means of representing of the concept SYNDROME in medical discourse 361
Potanina N. L. The concept of KNOWLEDGE and the problem of the mentality of ancient Hellenes 364
Rogozina I. V. Boris Johnson’s media image: linguocognitive reconstruction 368
Ruggeri F. Structural-pragmatic types of dialogic units in the rendering of the EMOTION category in Italian television interviews 372
Ryabukha O. V., Lobanova A. K. Cognitive potential of paratextual elements (based on the material of blurbs on a book cover) 376
Samburova S. A. Literary genre as a cognitive category 380
Sapieva S. K. Discursive strategies for symbolizing the Caucasus: cognitive projection in mass media 382
Sedova N. K. Conceptual metaphor in English-language sports video reports on Formula One Grand Prix 386
Sergeeva Yu. M. Dialogical aspect of contemporary discourse as its dominant feature 389
Sokolova V. L. Features of hidden manipulation in British quality press and tabloids 393
Stepanova A. N. Paradoxicality as a cognitive strategy for representation of non-standard emotions (based on the Poetry Corpus) 397
Taymour M. P. Linguistic creativity through the prism of autopoesis 401
Trofimova N. A., Ozernova A. A. Frame FRESH in the gastronomic media discourse of Jamie Oliver 405
Tuguz T. R. Specific features of modular-coupled cognitive informatives in R. Stevenson’s and T. Fontane’s novels 408

Turlova E. V. Interpretive potential of modern English-language educational discourse nominative paradigm 412
Tyukina L. A., Babayan V. N. Implicitness and mechanisms of meaning generation in Russian-language jokes: linguo-pragmatic and cognitive aspects 417
Fanyan N. Yu. Linguistic argumentology in the cognitive-discursive research 421
Zhang Q. Pragmaesthetic strategy for representing the HEART/MIND concepts in the poetry of our time 425
Chikovani T. V. Specificity of functioning of binary oppositions in the cognitive dominant model of the sermon by St. John of Shanghai and San-Francisco "Christ Is Risen" 429
Chulkova E. D. Onomasiological modifications in the construal of a historical personality in journalistic discourse: a diachronic perspective 433
Chumak-Zhun I. I. Representation of the modus concept OWN and ALIEN in the poetic discourse 437
Shilikhina K. M. Metacommunication as a reflection of cognitive expectations in discourse 441
Shutemova N. V. Kinds of argumentation in statements of outstanding universal value of world heritage sites 445
Shcherbak A. S. Anthroponyms in the aspect of human cognitive defense 448
Shcherbakova I. A. The cognitive script of a child's comfort situation in an English-language literary text 452
Schirova I. A. On applying systemic principles for understanding a fictional text 455

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной выпуск серии «Когнитивные исследования языка», в котором представлены материалы секционных заседаний XIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, который пройдет 22-25 апреля 2026 г. в Пятигорском государственном университете. Данное издание представляет собой результат плодотворного интеллектуального диалога ученых из разных стран и регионов Российской Федерации, объединенных интересом к исследованию когнитивных аспектов языка и дискурса в контексте активно развивающихся информационно-коммуникационных технологий.

Проблематика конгресса охватывает широкий спектр актуальных направлений современной когнитивной лингвистики и отражает научные интересы авторов статей, объединенных общей проблематикой и – в значительной степени – схожей когнитивно ориентированной методологией, но существенно различающихся по материалу и степени его охвата.

Особую ценность конгрессу придают пленарные доклады ведущих ученых, представляющих различные научные школы и направления когнитивной лингвистики. Мы выражаем глубокую признательность пленарным докладчикам за их фундаментальный вклад в освещение магистральных проблем когнитивной лингвистики.

Работа Николая Николаевича Болдырева посвящена специфике, месту и роли концептуально-интерпретационного подхода, основанного на изучении интерпретирующей функции языка во всех ее проявлениях и взаимосвязях с познавательными процессами, в когнитивных исследованиях языка, его теоретических и методологических установках. Предлагается инновационный метод концептуально-интерпретационного анализа как часть его методологии и различные типы когнитивно-лингвистических интерпретант в качестве предмета исследования. Валерий Закиевич Демьянков в своем выступлении «Категория идентичности в большом английском корпусе» анализирует и классифицирует контексты, в которых употребляются единицы класса «идентичность» в большом многожанровом английском корпусе текстов. Ученый демонстрирует корреляции речи об идентичности с категориями определенности, посессивности и времени с позиций конструкционной грамматики.

Ольга Камалудиновна Ирисханова обращается к полимодальным эффектам и специфике выражения позиции говорящего в устном диалоге. Владимир Ильич Карасик рассматривает осмысление феномена революции в афористических высказываниях, устанавливая, что доминирующей оценкой подобных событий является понимание революции как исторического катаклизма, несущего страдания многим людям и не меняющего сути общественного устройства. Елена Георгиевна

Беляевская проводит анализ дискурса в рамках когнитивной лингвистики, выделяя его уровни и структурные составляющие, включая уровни когнитивных примитивов и когнитивных конвергенций. Ирина Владимировна Зыкова исследует креативную прагматику диалога, взаимосвязи художественной и естественной коммуникации и развитие теории прагматической аутентичности художественного дискурса. Применяется когнитивно-прагматический подход к анализу (не)конвенциональности диалогической речи в англоязычном кинодискурсе. Людмила Ивановна Гришаева обращается к теме способов структурирования информационного потока и тенденции к семиотической гетерогенности текстовой ткани. В докладе учитываются особенности современного информационного общества, а также характеристики субъекта как носителя личностной и коллективной идентичности.

Оксана Валериевна Магировская в рамках пленарного доклада описывает основные форматы переработки текстовой информации, уделяя особое внимание факторам, обусловливающим когнитивные трудности, которые возникают в результате концептуального взаимодействия адресата с текстом. В работе выявляются когнитивные механизмы, обеспечивающие переработку текстовой информации. Ольга Викторовна Александрова рассматривает вербальные средства сокрытия, завуалированного представления реальных фактов и событий в выступлениях и материалах политического дискурса. Доклад Зинаиды Андреевны Харитончик раскрывает особенности построения и функционирования концептуальных матриц как моделей знания.

Глубокие и содержательные выступления пленарных докладчиков позволили участникам конгресса ознакомиться с передовыми идеями и актуальными тенденциями в области когнитивных исследований, способствовали формированию целостного представления о современном состоянии и перспективах развития когнитивной лингвистики в цифровую эпоху и создали атмосферу для секционных выступлений.

Секция «Когнитивное моделирование пространственно-телесного и перцептивного опыта в языке и речи» посвящена обсуждению того, как язык кодирует непосредственный чувственный и пространственно-телесный опыт человека, в контексте принципов воплощенного познания. Секция объединяет исследования, в которых язык рассматривается как когнитивный инструмент интерпретации реальности, в котором языковые единицы выступают вербальными маркерами ментальных моделей мира.

В рамках секции «Дискурсивные стратегии, тактики и дискурсивные жанры в когнитивной проекции» рассматриваются когнитивные механизмы порождения и восприятия различных типов дискурса и дискурсивных жанров, а также структура и эффективность дискурсивных стратегий и тактик с позиций адресанта и адресата дискурса.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем членам оргкомитета. В особенности хотелось бы отметить научно-педагогических работников Пятигорского государственного университета, принимавших участие в подготовке сборника, рецензировании и редактировании статей: А.Р. Алексанян, Л.А. Горо-

хову, М.Р. Желтухину, Г.А. Лебеденко, О.М. Литвишко, В.А. Михайлову, М.Н. Лату, А.В. Раздуева, Ю.Р. Тагильцеву, С.В. Тищенко, Т.А. Ширяеву и др. Особую признательность хотелось бы выразить проректору по научной работе и развитию интеллектуального потенциала Пятигорского государственного университета О.А. Алимурадову, директору Института переводоведения, русистики и многоязычия ПГУ И.Б. Федотовой, директору Института иностранных языков и международного туризма ПГУ А.М. Акопянц, а также и лично ректору университета А.П. Горбунову за неоценимую поддержку и системную координацию подготовки научного мероприятия.

Мы надеемся, что представленные в сборнике материалы будут способствовать дальнейшему развитию отечественных и зарубежных исследований в русле когнитивной лингвистики, а также стимулировать междисциплинарный диалог в эпоху стремительного развития цифровых технологий и искусственного интеллекта.

С уважением,
Оргкомитет XIII Международного конгресса
по когнитивной лингвистике

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И ДИСКУРСА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

О. В. Александрова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ovaleksandrova@gmail.com

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Вопрос о политическом дискурсе находится в настоящее время в центре внимания не только лингвистики, но и гуманитарных наук в целом. В статье рассматриваются вербальные средства сокрытия, завуалированного представления реальных фактов и событий в выступлениях и материалах данного вида дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, подтекст, эвфемизмы, политическая корректность, хеджирование

Речи политиков всегда находятся в центре внимания широчайшей аудитории. В настоящее время мы все живём в период очень тревожной политической ситуации в мире, которая не может не волновать каждого человека. Политический дискурс, несомненно, обладает огромной силой воздействия, однако, это воздействие может иметь и манипулятивный характер, действуя в пользу его автора, и обладает множеством скрытых смыслов, подтекстом, помогающих завуалировать, определённым образом интерпретировать, или замалчивать ситуации, факты, события, а, нередко, и просто обманывать аудиторию. Конечно, любой политик имеет свои задачи, как общего характера, представляя, например, определённую партию, движение, организацию и т.д. В то же время каждый обладает своей собственной индивидуальностью, и следует своим целям. В этом отношении важным представляется принцип фокализации информации, т.е. своего рода восприятие сказанного с точки зрения того, кто это говорит. «Вводя элементы картины мира, относящиеся к узусу, в свою коммуникативную деятельность, продуцент использует объективные факты языка, субъективируя их в зависимости от их интенции и ситуации общения» [Левицкий 2017: 301]. Данное положение относится, конечно, не только к политическому дискурсу, но и к другим областям деятельности человека.

Для достижения своих целей политический деятель, как и представители других гуманитарных наук, как уже указывалось, пользуются различными речевыми приёмами, при помощи которых осуществляется манипуляция. По справедливому замечанию В.З. Демьянкова, «подобно политике и обыденной жизни, тексты гуманитарных наук являются хорошим средством для трансфера мнений, для придания этим мнениям статуса непреложных истин как в науке, так и за её пределами – в общественной жизни. Исследование языковых средств такой манипуляции является важной областью когнитивной лингвистики» [Демьянков 2018: 48].

Остановимся на некоторых приёмах воздействия на аудиторию, которые часто используются в выступлениях видных политических деятелей Великобрита-

нии и США разных периодов времени XX-XXI вв. в целях манипулирования, а точнее передачи фактов, событий, отношений в такой форме, которая уводит адресантов от реального понимания происходящего. Уже много сказано о роли метафоры в политическом дискурсе, которой пользуются практически все политики [Александрова 2024: 28-29]. Среди других средств использования языковых средств для передачи определённого подтекста можно упомянуть эвфемизмы, жаргонизмы, высокопарный стиль речи *(inflated language)*, *gobbledygook (*напыщенность, употребление длинных и непонятных слов и целых отрезков речи*)*, а также процессы хеджирования [Lutz 1989; Осипов 2013]. Для обозначения языка, содержащего такого рода элементы, был введён специальный термин в английском языке: *Doublespeak*, который пока ещё не получил соответствующего термина в русском языке и передаётся, как *подтекст, двойной разговор, двойное дно языка* и др.

Несомненный интерес для современной лингвистики представляют эвфемизмы. В современном англоязычном сообществе, особенно американском, стремительное развитие получает социальное движение политической корректности, что неизбежно находит отражение в языке. Многие ранее существовавшие слова заменяются на новые, политкорректные, уже есть специальные словари политической корректности, а многие слова и выражения из этой области уже включены в нормативные словари современного английского языка. В основном, единицы, используемые в политкорректной речи, образованы путём деривации, или соединения слов общего языка. Так, например словосочетание *stolen products* относится к таким продуктам питания, как яйца, сыр, мёд, шерсть, получаемым от животных, насекомых и других живых существ; *unlawful deprivation of life* означает убийство; inappropriate actions – незаконные действия.

Следует отметить, что хотя в российском обществе движение за политическую корректность отсутствует, русский язык, тем не менее, также использует слова и выражения эвфемистического характера, чтобы избежать недовольство, обиду, неправильное понимание со стороны своей аудитории. Так, например, политкорректное словосочетание *senior citizen* уже давно существует в английском языке для обозначения людей старшего возраста. В русском языке сейчас также можно слышать *люди старшего возраста*, а не *старые люди, старики.* Хотя до сих пор в пенсионных удостоверениях, выдаваемых людям, выходящим на пенсию, пишут, что это *пенсия по старости*.

Все знают, что существует огромное количество ситуаций, когда за завесой многословия, непонятных слов и выражений, использования возвышенной речи кроется стремление говорящего или пишущего скрыть, завуалировать истинную проблему, ради обсуждения которой он начал процесс коммуникации. Такие случаи характерны, конечно, не только для политического дискурса, но и практически для всех, в основном гуманитарных, коммуникативных ситуаций.

Хотелось бы в связи с обсуждаемыми проблемами обратиться и к такому относительно новому разделу изучения языковых особенностей использования подтекста, как *хеджирование*. Данный термин пришёл в языкознание из экономики и рассматривается как один из возможных приёмов суггестии (определённого пси-

хологического воздействия на сознание и подсознание человека) в политическом дискурсе [Осипов 2013]. В современных лингвистических словарях он пока ещё не зафиксирован, но целый ряд исследователей уже его использует, так, В.З. Демьянков определяет его как *отчуждение*, употребляемое, например, в метонимии, в экономике же он используется в значении *возводить препятствия, уклоняться от разоблачения* и т.д. В работе Г.А. Осипова *хеджирование* определяется как «приём речевого страхования или речевой осторожности, направленный на завуалированное воздействие на массовое сознание путём намеренного ухода от использования прямо номинативных средств вербализации. … Приём хеджирования реализуется в речи при помощи лексических, стилистических и грамматических средств, которые являются вспомогательными» [Осипов 2013: 17]. Автор выделяет приёмы хеджирования в политическом дискурсе, среди которых идеологические (наиболее частотные), метафорические, аллюзивные и политкорректные. Например, в предложении: *Bill Clinton has a well-deserved reputation for delivering alternatively concise speeches* содержится политкорректное словосочетание *alternatively concise* вместо *verbose*, которое поддерживает мнение автора этого высказывания и показывает его определённо негативное отношение к выступлениям в то время президента Клинтона [Beard, Cerf 1993: 6].

Сопоставляя средства хеджирования и подтекста (doublespeak), можно сделать вывод, что, фактически, они идентичны, используют одни и те же языковые средства для воздействия на понимание высказываний представителей политических, общественных и других областей аудиторией.

Все перечисленные способы вербального воздействия, используемые политическими деятелями, и, шире, представителями других гуманитарных и общественно-политических областей, представляют несомненный интерес не только для лингвистов. По существу, это междисциплинарная область, затрагивающая вопросы психологии, политологии, социологии, экономики, антропологии и многие другие. Безусловно, они постоянно останутся в центре внимания когнитивной науки в целом, и, конечно, лингвистики.

Литература

Александрова О.В. Когнитивно-прагматические и манипулятивные особенности современного политического дискурса // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 5 (61). С. 26-32.

Демьянков В.З. Языковые средства языковой манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 48-52.

Левицкий А.Э. Специфика когнитивно-дискурсивной деятельности индивида с позиций антропологического подхода // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 299-303.

Осипов Г.А. Хеджирование как когнитивно-прагматический приём суггестии в политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2013.

Beard H., Cerf C. The official politically correct dictionary and handbook. New York: Villard books, 1993.

Lutz W. Doublespeak: From “revenue enhancement” to “terminal living”: How government, business, advisers, and others use language to deceive you. New York: Harper & Row, 1989.

O. V. Aleksandrova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

HIDDEN MEANINGS IN THE POLITICAL DISCOURSE

The issue of political discourse is currently in the focus of attention not only in linguistics, but also in the humanities in general. The article examines the verbal means of concealment and veiled presentation of real facts and events in speeches and materials of this type of discourse.

Key words: political discourse, doublespeak, euphemisms, political correctness, hedging

Е. Г. Беляевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
bellgeorgelena@gmail.com

АНАЛИЗ ДИСКУРСА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: УРОВНИ И СТРУКТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Моделирование смысловой структуры текста/дискурса представляет собой многоуровневый процесс, куда в качестве составляющих необходимо включить уровень когнитивных примитивов (как исходный) и уровень когнитивных конвергенций, на котором формируется концептуальное основание семантики как языковых единиц, являющихся элементами текста, так и всего текста/ дискурса в целом, включая его интерпретационный потенциал.

Ключевые слова: когнитивные структуры, конвергенция, формирование текста, интерпретация ситуации, лингвистический уровень

Из всех языковых сущностей в непосредственное ощущение лингвисту дан только текст (или дискурс как текст в момент его создания), поскольку коммуникативное взаимодействие между людьми представляет собой обмен информационными сообщениями-текстами. Все остальное, что известно о языковой системе – о звуковой стороне языка, о функционирующих в языке словах и словосочетаниях, об идиоматических фразах и о грамматической системе языка – все это данные, извлеченные из текстов и затем каталогизированные.

В структурной лингвистике текст был и началом анализа, когда он последовательно разделялся на более мелкие отрезки, которые могли быть, но могли и не быть самостоятельными языковыми единицами, и завершающим этапом лингвистического анализа, когда исследователи пытались генерировать речь (текст), имитируя речетворческую деятельность человека. Н. Хомским была предпринята попытка воссоздать процесс генерирования речи. Для этого автор ввел понятие ***лингвистического уровня*** как «метода представления высказывания» [Хомский 1962: 521], которое и было основным объектом моделирования в генеративных грамматиках. Процесс формирования или порождения высказывания признавался иерархичным: Н. Хомский выделял в рамках порождающей грамматики два внешних уровня высказывания. Во-первых, фонематический уровень или уровень *произносительной структуры* высказывания, когда от разного звукового оформления зависит смысл, передаваемый в ходе коммуникации. Во-вторых, выделялся уровень грамматической *структуры* высказывания, который в настоящее время обычно и имеют в виду, когда говорят о *поверхностном уровне*. Уровень, полу-

чивший название *глубинного*, представлял собой уровень ***организации грамматической*** *структуры высказывания*, когда специальный лингвистический анализ позволял уточнить представление о *смысловой структуре* высказывания [Хомский 1962: 518-520]. Собственно смысл, заложенный в высказывании, особенно на фоне ситуации, в которой данное высказывание употребляется, в генеративных грамматиках из рассмотрения исключался.

В когнитивной лингвистике, которая изначально поставила своей целью изучение смысловой стороны языковой системы, сложилось представление о том, что семантика языковых сущностей базируется на когнитивном (концептуальном) основании, которое структурирует смысловое содержание языковых единиц, высказываний и текстов [Беляевская 1992; Болдырев 2020].

Когнитивные основания семантики высказывания, а тем более когнитивные основания семантики текста/дискурса, представлены весьма сложными когнитивными моделями и сложными объединениями когнитивных моделей. Это позволяет поставить вопрос об изучении процесса их формирования с выделением еще целого ряда «лингвистических уровней».

С учетом того, что было сделано в структурной лингвистике и в когнитивной лингвистике, можно полагать, что применительно к смысловой стороне коммуникации в настоящее время можно говорить о нескольких уровнях формирования текста и, соответственно, о нескольких уровнях лингвистического анализа и описания семантики высказывания, что можно представить следующим образом (top-bottom presentation):

1. Звуковое оформление высказывания.
2. Поверхностный уровень организации грамматической структуры высказывания.
3. Глубинный уровень организации грамматической структуры высказывания.
4. Глубинный уровень семантики высказывания: уровень фиксации ***авторского отношения*** к сообщаемому (фактические данные. шутка, ложь, желание усилить или ослабить впечатление и т.д.).
5. Глубинный уровень концептуального основания семантики высказывания.
6. Глубинный уровень конвергенций.
7. Глубинный уровень когнитивных примитивов.

Предлагаемый порядок следования выделяемых лингвистических уровней, конечно, условный, но он позволяет проследить последовательность формирования когнитивных структур, обеспечивающих выбор конкретных языковых средств в процессе создания высказывания. Если применить данную уровневую схему непосредственно к тексту, то она должна усложниться за счет введения в действие когнитивных моделей соединения высказываний между собой для формирования собственно «ткани текста» с учетом грамматических категорий текста и композиции текста/ дискурса.

Многие исследователи, работающие в рамках когнитивной лингвистической парадигмы, полагают, что имеются относительно простые, возможно, условно

элементарные, когнитивные структуры, в том числе разные по типу концепты, фреймы, концептуальные метафоры и метонимии, словообразовательные модели, модели стилистических приемов и т.д. Такие единицы составляют последний уровень в приведенной выше иерархии – ***уровень когнитивных примитивов***. Он принадлежит общему знанию языка (language competence) и участвует в любом языковом действии, например, в формировании новых слов, новых значений слов, новых идиом, в контекстуальной модификации уже имеющихся идиом и др.

В свою очередь, когнитивные основания семантики высказывания, а тем более когнитивные основания семантики текста, представлены весьма сложными когнитивными структурами и кластерами когнитивных моделей, что позволяет поставить вопрос о существовании специального уровня, на котором происходит формирование подобных неограниченно сложных концептуальных структур в ходе речемыслительной деятельности человека. Мы называем этот уровень ***уровнем когнитивных конвергенций*** [Беляевская 2025]. Под ***концептуальной конвергенцией*** мы понимаем ***слитные кластеры взаимодействующих когнитивных моделей и концептуальных структур, где один элемент очень трудно отделить от другого. Степень слияния при этом может быть оценена поразному, но все структурные составляющие уровня конвергенций имеют единую смысловую направленность и формируют смысловое единство***.

Создавая «ткань» текста, структурные составляющие уровня конвергенций накладываются друг на друга, образуя сложные единства, причем они могут взаимодействовать попарно, но могут одновременно конструировать более сложные концептуальные конфигурации, состоящие из нескольких элементов. Взаимодействуя, они далее могут продуцировать новые когнитивные модели и концептуальные структуры.

Продемонстрировать конвергентное концептуальное основание смысловой структуры текста сложно, прежде всего, потому что текст – это смысловое единство, и у него в концептуальном основании должна быть единая конвергенция, тем более сложная, чем длиннее текст. Кроме того, в конвергенции входят грамматические категории текста, а они требуют специального рассмотрения.

Поэтому в качестве примера мы приведем небольшой отрывок из романа Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков», который обладает относительной самостоятельностью, поскольку в нем описываются воспоминания одного из персонажей.

It was a night in winter and she was skating lightly over a pond of white moon ice, her image gliding and whispering under her. It was a night in summer in this town of fire in the air, in the cheeks, in the heart, your eyes full of the glowing and shutting-off color of fireflies. It was a rustling night in October and there she stood, pulling taffy from the hook in the kitchen, singing, and there she was, running on the moss by the river, and swimming in the granite pit beyond town on a spring night, in the soft deep warm waters, and now it was the Fourth of July with rockets slamming the sky and every porch full of now red-fire, now blue-fire, now white-fire faces, hers dazzling bright among them as the last rocket died [Bradbury 1977: 123].

Отрывок включает в себя несколько коротких контекстов, построенных по одной концептуальной модели и описывающих воспоминания, относящиеся к разным временам года. В концептуальное основание отрывка входят фреймы ВРЕМЕНИ (night, winter, summer, autumn (October), spring, the Fourth of July, etc.), ПРОСТРАНСТВА (a pond, in this town, in the kitchen, the moss by the river, in the granite pit, beyond the town, in the waters, etc.), ЛИЦА (she, face, cheek, heart, eyes, etc.), которые коррелируют с когнитивными моделями соответствующих категорий текста. Эти базовые грамматические категории текста, взаимодействуя между собой, формируют грамматическую категорию дейксиса и категорию системы координат. Данную конструкцию поддерживают фреймы, фиксирующие информацию о действиях, в том числе и характерных для каждого времени года (skating, singing, stood pulling taffy, running, swimming, etc.). При этом в конвергенцию вступают когнитивные модели стилистических приемов – параллельных конструкций, а также лексических и семантических повторов. Особую роль играют фреймы СВЕТА, ЦВЕТА, ТЕМНОТЫ, ЗВУКА, ДВИЖЕНИЯ, ФИЗИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ, ЭМОЦИЙ, ЗРИТЕЛЬНОГО И СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ. Следует отметить, что все эти когнитивные структуры не существуют изолированно друг от друга, они накладываются друг на друга, и, собственно, в тексте их могут представлять одни и те же репрезентанты. Например, whispering и rustling одновременно указывают на звук и движение, а dazzling – на свет, эмоции и физическое восприятие. Элементы перечисленных выше фреймов также являются частью стилистических приемов – эпитетов и метафор; они же обеспечивают формирование текстовой категории модальности.

Представленное выше описание указывает на предлагаемое направление анализа текста, но за недостатком места не является исчерпывающим. Оно должно быть дополнено анализом типов эпитетов, анализом аллюзий (taffy, the Fourth of July), анализом словообразовательных моделей, а также установлением иерархии выделенных когнитивных структур, которые характеризуются разной степенью обобщения.

Отметим, что, анализируя словообразовательные модели, можно обнаружить модель концептуальной интеграции при образовании таких единиц, как red-fire/ blue-fire/ white-fire faces. Как известно, концептуальная интеграция представляет собой двухчастную концептуальную структуру, где ***два*** исходных ментальных пространства (input spaces) интегрируются и формируют generic space, которое порождает ***новую единицу*** или ***новое высказывание***. Модель концептуальной интеграции всегда ***бинарна*** [Croft, Cruse 2007: 32-39], поэтому она используется, главным образом, для описания процесса порождения языковых сущностей бинарной структуры – сложных слов, мемов, парадоксов. В приведенном выше отрывке base space «празднование Дня Независимости в Америке» формирует два input spaces – «разноцветные огни фейерверков» и «люди, собравшиеся на праздник», которые далее продуцируют generic space и затем blended space, что в результате позволяет получить семантику сложных слов, описывающих «картинку» лиц зрителей, залитых разноцветными огнями.

Необходимо упомянуть еще одно важное свойство уровня концептуальных конвергенций в процессе формирования текста. Как отмечает Н.Н. Болдырев, в реальной коммуникации интерпретацию задают именно ситуации, а не отдельные языковые единицы [Болдырев 2024] (см. также [Болдырев 2023]). Совмещение (точнее, порядок совмещения) когнитивных структур при формировании текста играет в ходе интерпретации определяющую роль, поскольку в этом процессе отражаются точка зрения автора, его мировидение, его оценки. Иными словами, именно здесь фиксируется и уточняется интерпретация ***ситуации***.

Кроме того, роль интерпретирующей доминанты могут играть концептуальные оппозиции. В частности, в приведенном выше отрывке ключевую роль играет оппозиция СВЕТ – ТЬМА: в зимнюю ночь лед на катке светится лунным светом, летнюю ночь освещает горящий в воздухе огонь множества мерцающих светлячков. Конструирование когнитивного основания смысловой структуры текста только кажется интуитивным, оно должно основываться на некоторых закономерностях, которые заслуживают специального изучения.

Литература

Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.

Беляевская Е.Г. О конвергенции когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. 2025. № 3 (64). С. 18-23.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 21-79.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/interpretatsiia-mira-v-iazyke-33ee97

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: результаты исследования // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 48-53.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Изд-во Иностранной Литературы, 1962. С. 412-527.

Bradbury R. Dandelion Wine. London: Panther books, 1977.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

E. G. Belyaevskaya *(Moscow, Russia)*

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE APPROACH TO ANALYZING DISCOURSE: LEVELS OF DESCRIPTION AND STRUCTURAL ELEMENTS

Modeling the semantic structure of text/ discourse is a multi-level process where one should take into consideration the level of conceptual primitives (as the starting-point of text/ discourse formation) and the level of converging conceptual structures to form cognitive models to shape the semantics of language units functioning in the text, as well as the complex conceptual structures underlying text semantics as a whole. The level of converging conceptual structures also accounts for the interpretation of the events described in the text giving an insight into the author's point of view.

Key words: cognitive structures, convergence, text formation, interpreting situations, linguistic level

Н. Н. Болдырев *(Россия, Тамбов)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОДХОД В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

В качестве одного из перспективных направлений лингвистических исследований позиционируется концептуально-интерпретационный подход, основанный на изучении интерпретирующей функции языка во всех ее проявлениях и взаимосвязях с познавательными процессами. Отмечаются специфика этого подхода, его место и роль в общей системе когнитивных исследований языка, рассматриваются его основные теоретические и методологические установки. Предлагается метод концептуально-интерпретационного анализа как часть его методологии и различные типы когнитивно-лингвистических интерпретант в качестве предмета исследования.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка, концептуально-интерпретационный подход, концептуально-интерпретационный анализ, когнитивно-языковая интерпретанта

Современная парадигма когнитивных исследований языка отличается многообразием направлений, используемых методов и подходов. Это многообразие обусловлено возможностью изучения разных аспектов языка, его функций, единиц и категорий. Особого внимания, как представляется, заслуживает направление, связанное с изучением интерпретирующей функции языка (подробнее о данной функции см.: [Болдырев 2011; 2017; 2018]), который можно обозначить как **концептуально-интерпретационный подход**.

Сущность этого подхода определяется антропоцентрической (и потому интерпретирующей) природой человеческого сознания и языка, ведущей ролью человека в ментальном конструировании мира на основе полученных знаний, в формировании конкретных смыслов и вариативности выбора средств их передачи в языке (подробнее см.: [Болдырев 2018]). Рассуждая о процессах мышления и его связи с языком, С. Пинкер, в частности, подчеркивал, что мозг человека способен осмыслить и структурировать конкретную ситуацию разными способами [Pinker 2007: 45]. В этом ему, несомненно, способствует естественный **язык**, который приобретает все большую значимость не только как средство общения, но и **как интерпретирующий фактор познания** (см.: [Болдырев 2017]). Последнее служит очевидным свидетельством актуальности и востребованности предлагаемого подхода не только для лингвистических, но и в целом для всех общественно-гуманитарных исследований.

Используя средства языка в обыденном и научном познании окружающего мира, человек ориентируется как на сам изменяющийся мир и растущий поток информации о происходящем в мире, так и на ранее полученные и закрепленные в коллективном и индивидуальном сознании, в том числе в языковой форме, сведения о мире. Он вынужден постоянно корректировать собственную гипотезу устройства мира, его концептуальную и языковую картину. Все эти процессы самым естественным образом связаны с интерпретацией и ре-интерпретацией ранее полученных знаний, всей концептуальной системы человека.

Как следствие, **интерпретирующий компонент** становится неотъемлемой составляющей всей системы знаний человека и семантики языковых единиц в особенности. Соответственно, он не может оставаться вне зоны внимания лингвистов и требует специального изучения. Поскольку данный компонент имеет непосредственное отношение к познавательным процессам и знаниям о мире, то он, естественно, вызывает пристальный интерес у лингвистов-когнитологов и все чаще осознанно или интуитивно включается в программы когнитивных исследований языка. В этой связи возникает логичный вопрос о том, что конкретно является или должно быть предметом таких исследований. Если речь идет об отдельном компоненте языковой семантики, то ответ, видимо, кроется в истоках структурализма и, в частности, классической теории языка как системы знаков.

Обращение к этим истокам позволяет вспомнить о понятии интерпретанты, которая, с подачи Ч. Пирса, выделяется в структуре языкового знака и указывает на связь означаемого с тем, что этот знак обозначает. При этом Ч. Пирс специально подчеркивал такую характеристику интерпретанты, как динамичность [Пирс 2000]. Наличие подобных интерпретант в структуре любых текстов и их вариативность отмечала позже и Е.С. Кубрякова, описывая основные свойства текста [Кубрякова 2004: 258]. О возможно разных способах прочтения текста читателем, заложенных в самом тексте, писал также У. Эко [Eco 1979].

В рамках когнитивного подхода исходно чисто структурное понятие интерпретанты и соответствующий термин призваны получить более широкое осмысление и особую значимость как когнитивно-языковой, а не исключительно структурно-языковой, элемент. Феномен когнитивно-языковой интерпретанты, как представляется, и лежит в основе интерпретирующей природы языка, его интерпретирующей функции, интерпретационной семантики языковых единиц. Именно он составляет предмет концептуально-интерпретационного анализа и соответствующего подхода.

Данное утверждение полностью согласуется с **целями и задачами когнитивного подхода в лингвистике**, призванного выявлять взаимодействие и связи языковых структур со структурами знания в процессах познания мира и языковой коммуникации. Эти связи определяют основные характеристики языковых единиц и их функциональные возможности на уровне системы языка и в реальных процессах его использования. Их анализ также позволяет прогнозировать **интерпретирующий потенциал** языковых единиц и категорий и модели его реализации на функциональном уровне.

В этом контексте понятие интерпретанты наполняется новым содержанием. Оно не сводится к ее толкованию как элемента структуры языкового знака и выходит за пределы «внутренней лингвистики» (по Ф. де Соссюру) – в область так называемой «внешней лингвистики» (в его же терминологии), обретая более широкий смысл, связанный с передачей любых типов знания о мире. **Когнитивно-языковая интерпретанта** обращена ко всей системе знаний человека, сигнализируя о специфике их интерпретации на коллективном и индивидуальном уровнях. Это – тоже знание, но особого типа: **знание об определенном способе интерпретации переда-**

ваемого содержания в семантике (означаемом) означающего в единстве (это важно подчеркнуть) **со знанием языковых средств его репрезентации**.

Структура и содержание этого знания (элементарное, сложное, интегративное, многоаспектное, выводное, импликативное), как и способ его репрезентации в языке, непосредственно обусловлены уровнем сложности языкового знака, с чем и связана динамичность интерпретанты (см. выше). На уровне отдельного слова или морфемы в роли интерпретанты выступает та или иная характеристика передаваемого ими концепта как единицы знания об объекте или событии. На уровне предложения – элемент его концептуальной структуры, а на уровне текста или дискурса – многоаспектное знание в виде единства нескольких интерпретирующих когнитивных контекстов, т.е. когнитивная матрица как единица многоаспектного знания. Другими словами, **интерпретанта – это часть концептуальной структуры, связанной с языковым знаком и лежащей в основе формирования его системного значения и функциональных смыслов.** Она активируется самим этим знаком в сознании человека и одновременно активирует всю эту концептуальную структуру.

На уровне всей концептуальной системы человека, его системы знаний, функцию когнитивно-языковой интерпретанты выполняют модусные концепты и категории (см. подробнее: [Болдырев 2009: 33-35; 2018: 264-266]). Они имеют языковую природу и обеспечивают различные модусы интерпретации концептуального содержания любого уровня сложности. В отношении всего языка эту функцию выполняет грамматика, интерпретирующая знания о мире, представленные в лексике, с позиций норм их передачи в языковой коммуникации. Данные нормы осмыслены и систематизированы в виде грамматических концептов и категорий (см. грамматические схемы интерпретации в: [Болдырев 2021]).

В силу своей непосредственной связи с общей парадигмой когнитивных исследований языка концептуально-интерпретационный подход разделяет ее базовые методологические установки. В то же время его специфика, связанная с изучением первичной (коллективной) или вторичной (коллективно-индивидуальной или индивидуально-авторской) интерпретации объектов и явлений окружающего мира, требует разработки и использования дополнительных методов анализа, учитывающих данную специфику. В качестве такового может быть использован **концептуально-интерпретационный метод анализа**.

Названный метод имеет **комплексный характер**, совмещая одновременно приемы концептуального анализа (дефиниционного, деривационного, фреймового, импликативного, инференционного, таксономического, матричного и др., см. подробнее: [Болдырев 2018]) и анализа интерпретационной составляющей семантики языковых единиц. Разнообразие используемых приемов открывает новые перспективы для исследования разных типов связи между языковыми единицами и структурами знания, а также для более глубокого понимания того, как эти структуры влияют на восприятие и интерпретацию передаваемой информации. Он позволяет также установить когнитивные и языковые механизмы формирования интерпретирующих смыслов.

Целью данного метода является изучение специфики конфигурации концептуального содержания в единстве с интерпретационным характером семантики языковых единиц, в которой эта специфика представлена. Последние отражают сделанный автором высказывания выбор в отношении способа передачи и интерпретации определенного содержания. Соответственно в каждом конкретном случае **предлагаемый метод реализуется** в виде интерпретационно-дефиниционного, интерпретационно-деривационного, интерпретационно-фреймового, интерпретационно-импликативного, интерпретационно-инферентного, интерпретационно-таксономического, интерпретационно-матричного и других видов анализа. Рассмотрим некоторые примеры конкретного анализа когнитивно-языковой интерпретанты, определяющей семантику языковых единиц разного уровня сложности и их интерпретирующий потенциал.

Интерпретационно-дефиниционный анализ семантики любой лексической группы единиц демонстрирует наличие в ней определенных компонентов-интерпретант, связанных с субкатегоризацией этих единиц в составе той или иной лексической категории по количественным (‘много – мало’) и качественным (внутренне присущим) параметрам. В отношении существительных, обозначающих предметные сущности, **интерпретанты количества** уточняют объем, размер, габариты и т.д., например, почтового отправления: *письмо, бандероль, посылка, контейнер, груз*, а **интерпретанты качества** – форму, способ, функцию и т.п.: *телеграмма, перевод, авиа, экспресс, с уведомлением*. О количественной интерпретации качества см. также: [Болдырев, Федяева 2020].

В отношении семантики разных глаголов, передающих, например, движение субъекта, **количественные интерпретанты** указывают на их различия в передаче таких параметров, как: скорость движения, его интенсивность, длительность, повторяемость и др.: *ходить, гулять, бегать, мчаться, тащиться, плестись, кружить*, а **качественные интерпретанты** – (не)направленность, (не)предельность, способ, (не)самостоятельность и т.д.: *ползать, летать, плавать, скакать, прыгать, ехать, возить, доставлять*.

Деривационные интерпретанты в семантике языковых единиц, которые выявляются в результате **интерпретационно-деривационного анализа**, актуализируют связи деривационного характера между разными языковыми единицами на концептуальном и языковом уровнях: их первичность или производность, вторичность: *идти – перейти – обойти – зайти – дойти, шагать – дошагать – перешагивать, вышагивать, опаздывать* (← ‘приходить / приезжать / прилетать позже указанного или назначенного времени’), *успевать* (← ‘приходить / приезжать / прилетать в указанное или назначенное время’.

Фреймовые интерпретанты в концептуальной структуре, лежащей в основе формирования семантики языковых единиц, выявляются в ходе **интерпретационно-фреймового анализа** и раскрывают способы концептуализации мира в виде пропозиций (пропозициональные фреймы), различных иерархий и ассоциаций (иерархические и ассоциативные фреймы). Эти способы, а также тип фрейма задают и определенные возможности разной интерпретации мира, его фрагментов за

счет различных вариантов конфигурирования их структуры и выбора способов их языковой репрезентации.

Пропозициональный фрейм, например, типового события (субъект – предикат – объект) или фрейм конкретного события, в том числе **сценарий** (субъект – предикат – объект + адресат – получатель – время – место – образ действия – результат) допускают разную интерпретацию их обязательных и факультативных компонентов, а также связей между ними. Конкретность / абстрактность / одушевленность / неодушевленность / активность / пассивность субъекта и объекта могут быть объединены в рамках разных типов событий. Последние могут интерпретироваться как действия, процессы, состояния, отношения. Сравните: *Пилот успешно посадил самолет на автостраду / Самолет успешно сел на автостраду / Самолет успешно садится на любую автостраду / Самолет находится на автостраде.*

Иерархический, в том числе классификационный, фрейм предполагает знание иерархических связей между субъектами или объектами, знание различных частных категоризаций: классификация и маркировка товаров, отелей, транспортных средств, системы академических оценок, рейтингов, спортивных и других достижений. Например: *Учредителем университета считается Минобрнауки; Линейно деканы подчинены ректору, а функционально – проректорам; Вуз входит в число десяти лучших университетов России; Пятизвездочный отель; Автомобили Е-класса; Журналист года.*

Ассоциативный фрейм содержит знания об устойчивых и временных, причинно-следственных, эмоционально-оценочных связях коллективного и индивидуального характера между физическими и ментальными объектами. Например, имя собственное может быть ассоциировано с конкретным человеком (*однокурсник Павел*), типажом или киногероем (*Павел Корчагин*), типом поведения (*Павлик Морозов*), историческим персонажем (*Император Павел*), христианской религией (*Апостол Павел*) и всем, что с ними связано.

Таксономические интерпретанты в концептуальной структуре и семантике языковых единиц как цель и результат **интерпретационно-таксономического анализа** содержат в себе информацию о том, на каком уровне данная языковая единица репрезентирует соответствующее знание в языке: **базовом** (*письмо, телеграмма, посылка*; *петь, танцевать, рисовать*), **суперординатном** (*почтовое отправление; художественная самодеятельность, искусство*) или **субординатном** (*заказное письмо, молния, ценная бандероль, посылка с уведомлением; распевать, голосить, вальсировать, пританцовывать, отплясывать, разрисовывать, малевать*).

Интерпретанты инференции устанавливаются в результате **интерпретационно-инферентного анализа**. Они сигнализируют о том, что для правильной интерпретации передаваемого содержания требуется привлечение определенного выводного знания. Например, для понимания смысла политических выражений *дружественные / недружественные страны* требуется знание современного контекста международных отношений между Россией и соответствующими странами.

Аналогично: *Товары многих западных производителей и брендов стали недоступными для отечественного потребителя* (выводное знание: ‘закрытие фирменных магазинов и нарушение прямых поставок из-за введенных санкций, выросшая стоимость’).

Интерпретанты импликации выявляются с помощью **интерпретационно-импликативного анализа**. Они отсылают к определенным импликациям, имеющим, в сравнении с инференциями, более предсказуемый или однозначный характер, поскольку основаны преимущественно на причинно-следственных связях: определенная причина имплицирует конкретное следствие. Например: *Не сиди на сквозняке* (→ *простудишься*); *Отдых за границей стал для многих мечтой* (→ *дорого*); *Осторожно, мокрый пол* (→ *можно поскользнуться и упасть*); *Технический перерыв* (→ *не входить*); *Во дворе злая собака* (→ *не входить, может укусить*).

Когнитивно-матричные интерпретанты сигнализируют о многоаспектности интерпретируемого знания и, следовательно, о необходимости привлечения разных контекстов осмысления (матрицы когнитивных контекстов). Рамки этих контекстов призваны обеспечить соответствующее восприятие и понимание передаваемого содержания. Сама интерпретанта в этом случае также представляет собой единицу многоаспектного знания – когнитивную матрицу, которая имплицируется семантикой отдельного слова (например, его широкозначностью или прецедентностью) или целого текста. Так, научное мероприятие интерпретируется его организаторами в контексте материально-финансовых затрат, организационного, технического и транспортного обеспечения, авторитетности приглашенных докладчиков (*Мы такую конференцию не потянем*); участниками мероприятия – с точки зрения уровня организации, комфортности созданных условий для работы и проживания, культурной программы и т.д.: *Конференция прекрасно организована.*

С учетом сложной организации языковой единицы, ее структуры и содержания можно отдельно выделить **текстовые и дискурсивные интерпретанты**, которые предполагают применение **интерпретационно-дискурсивного метода**. Данный метод и сама интерпретанта раскрывают разные аспекты (и границы когнитивных контекстов) возможной интерпретации как общего содержания текста или дискурса, так и отдельных передаваемых в них смыслов. В качестве таковых могут, например, рассматриваться интерпретанта социокультурной специфики дискурса [Болдырев, Дубровская 2016] или медиаинтерпретанта [Болдырев, Ефименко 2025].

Все варианты интерпретант могут также анализироваться **в контексте функций и типов языковой интерпретации**: интерпретанты селекции, классификации или оценки (см. например: [Дубровская 2025]).

В заключение следует еще раз отметить перспективность развития концептуально-интерпретационного направления в когнитивных исследованиях языка, которая связана с изучением интерпретирующей функции языка во всех ее проявлениях и взаимосвязях с познавательными процессами. Широкие возможности этого направления обеспечиваются прочной методологической базой когнитивно-

го подхода, а его самостоятельность – разработкой и применением особого метода – метода концептуально-интерпретационного анализа.

Данный метод когнитивного исследования языка направлен на выявление и описание интерпретирующего потенциала языковых единиц любого уровня сложности. Последнее достигается за счет анализа концептуальной основы их семантики и выделения в ней разных типов интерпретант: дефиниционных, деривационных, фреймовых, импликативных, инференционных, таксономических, матричных, дискурсивных и др. На языковом уровне эти интерпретанты обнаруживают себя в конкретном выборе определенных средств репрезентации, в том числе интерпретационной семантики.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н.Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22-34. URL: http://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-22-34

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75, № 1. С. 29-39.

Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н. Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 3. С. 5-17. URL: http://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-3-5-18

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14. URL: http://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-3-5-14

Дубровская О.Г. О естественном интеллекте сквозь призму интеллекта искусственного // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 29-43. URL: http://doi.org/1020916/1812-3228-2025-4-29-43/

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения: пер. с англ. М.: Логос, 2000.

Eco U. The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts. Bloomington; London: Indiana University Press, 1979.

Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N.Y.: Viking Penguin, 2007.

N. N. Boldyrev *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

CONCEPTUAL-INTERPRETIVE APPROACH IN COGNITIVE LANGUAGE RESEARCH

A conceptual and interpretative approach based on the study of the interpretive function of language in all its manifestations and interrelations with cognitive processes is positioned as one of the promising areas of linguistic research. The specifics of this approach, its place and role in the general system of cognitive language research are noted, and its main theoretical and methodological principles are considered. The method of conceptual and interpretative analysis is proposed as part of its methodology and various types of cognitive-linguistic interpretants as the subject of research.

Key words: interpreting function of language, conceptual-interpretive approach, conceptual-interpretive analysis, cognitive-linguistic interpretant

Л. И. Гришаева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru

СПОСОБЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА И ТЕНДЕНЦИЯ К СЕМИОТИЧЕСКОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ ТКАНИ

Тенденция к семиотической гетерогенности текстовой ткани трактуется в предлагаемых рассуждениях как эффективный способ структурирования информационного потока и акцентирования салиентных сведений, необходимых и достаточных при взаимодействии носителей языка и культуры. Учитываются особенности современного информационного общества, а также характеристики субъекта как носителя личностной и коллективной идентичности. Это позволяет принимать во внимание возможность снятия неопределенности при декодировании воспринимаемых сведений, разграничения информационного шума и салиентной информации. Значимым становится выбор таких средств и способов реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий, которые представляются субъекту максимально оптимальными сложившимся условиям.

Ключевые слова: текстосемантическая, текстосинтаксическая, функциональная, семиологическая организация текста, тенденция к креолизации, информационное общество, структурирование информационного потока, способы объективации салиентных сведений

Изучение принципов структурирования информационного потока требует акцентировать ряд тезисов.

(1) Текст – способ и результат решения в тех или иных условиях носителями языка и культуры некоторой коммуникативной и когнитивной задачи. Каждый текст представляет собой один из множества потенциально вероятных вариантов некоторого инварианта «тип текста», исторически сложившегося в конкретной языковой культуре.

(2) Текст – способ и средство фиксации и трансляции продуцентом с помощью элементов культурных кодов некоторого сложно организованного, структурированного, расчленяемого комплекса коммуникативно и когнитивно релевант-

ных сведений о мире. Для этого языковая культура располагает постоянно пополняющимися наборами изофункциональных средств и способов реализации стратегий. Это первичные и вторичные, конвенциональные и окказиональные, вербальные и невербальные средства. Носители языка присваивают их в процессе освоения и дифференциации социокультурного опыта как более или менее приемлемые и/или продуктивные, чтобы достигать в некоторых условиях свои цели.

(3) В тексте подобные средства объективируют не все сведения, значимые для взаимодействия. Большая их часть, служащая основой для установления взаимопонимания и организации взаимодействия между интерактантами, **не объективируется**, но средства объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений о мире активируют и со-активируют эти знания. Не объективируемые в коммуникации сведения в количественном отношении существенно преобладают над объективируемыми. При необходимости необъективированные сведения могут объективироваться вербально и/или невербально, обеспечивая высокую степень вариативности способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи.

(4) Текст порождается в процессе отрефлектированного и/или неосознаваемого субъектом выбора средств и способов реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий. Этот выбор представляется самому продуценту максимально оптимальным и эффективным в актуально сложившихся коммуникативных условиях.

(5) Любой порождаемый и воспринимаемый текст погружен в сложно организованный комплекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, описываемый как соотношение концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ1 и ЯКМ2) [Кубрякова 1988].

(6) Результат реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий подпадает под влияние комплекса обязательных и/или факультативных факторов-катализаторов и факторов-ингибиторов различной природы, внешних и внутренних по отношению как к порождению, так и к рецепции соответствующего текста. Эти факторы нелинейно соотносятся с факторами риска и условиями успешности при коммуникации.

(7) Результат количественной и качественной ментальной обработки воспринимаемых реципиентом сведений не может совпадать в количественном и качественном отношении с комплексом сведений, (сознательно) транслируемых продуцентом при порождении соответствующего текста. Причина в том, что, во-первых, порождение и рецепция текста – результат интерпретации мира разными субъектами и в том, и в другом случае; причем эти процессы не являются взаимоконвертируемыми. Во-вторых, оба процесса погружены в относительно автономные комплексы внутритекстовых, межтекстовых, интертекстуальных связей, конфигурация которых не тождественна как при порождении, так и при рецепции текста. Однако эти комплексы обнаруживают зоны пересечения в разных множествах разнородных сведений. В стандартном случае присутствует общность социокогнитивного опыта у субъектов как носителей различных личностных идентичностей и одной общей коллективной идентичности.

Структурирование информационного потока в текстовом пространстве проявляется, таким образом, в **последовательности** объективации сведений средствами культурных кодов при их трансляции и в известной в культуре **степени их детализации**. Это предопределяет соотношение «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура», что не может не отражаться на организации текста.

Чтобы осознать и понять принципы семантической, синтаксической, функциональной, семиологической организации текста как феномена, необходимо ответить на следующие вопросы. (1) Насколько закономерным является структурирование информационного потока при трансляции сведений от продуцента к реципиенту? (2) Насколько устойчивой может быть связь между семиотической гетерогенностью текстовой ткани и снятием неопределенности при кодировании и декодировании сведений в процессе решения носителями языка некоторых коммуникативных и когнитивных задач?

Анализ креолизованных текстов разного типа убеждает в необходимости ответить утвердительно на поставленные вопросы, во-первых, и вычленить ряд наиболее значимых факторов, во-вторых. Последнее побуждает усматривать в принципах организации креолизованных текстов результат влияния характера современного общества на структурирование информационного потока при трансляции сведений. Тенденция к креолизации, думается, оказывается ответом на трансформацию структуры социальных связей в информационном обществе, на изменения ментальных структур коллективной идентичности коллективного субъекта, а также принципов и способов структурирования сведений о мире в интеракции.

Целесообразно назвать ряд параметров, обусловливающих результат ментальной обработки сведений о мире с помощью средств культурных кодов при интерпретации субъектом креолизованного текстового пространства. Подобный подход позволяет прослеживать закономерности в структурировании информационного потока и выявлять вариативность соответствующих процессов, в частности принимать во внимание:

– количественные параметры креолизованного текста[1];

– качественные параметры креолизованного текста[2];

– количественные и качественные, лингвистически релевантные, параметры вербальной части креолизованного текста[3];

[1] Типы соотношения вербального и иконического: нулевая – частичная – полная креолизация [Анисимова 2013].

[2] Типы соотношения вербального и иконического: «kongruente, komplementäre, elaborative Bezüge» [Ballstädt 1997], или же «Diskrepanz, Neutralität, Ergänzung, wechelseitige Erhellung» [Schmitz 2001].

[3] Это прежде всего следующие параметры: один или несколько микротекстов; способы выражения каждой текстемы: полная – эллиптическая структура, способ выражения рематической части текстемы; коммуникативный тип предложения; тип выражения каждой пропозиции: первичный – вторичный, глагольное, субстантивное, адъективное предложение; простое – сложное (паратаксис – гипотаксис).

– количественные и качественные характеристики невербальной части креолизованного текста[1], а также сущность изображаемого/представляемого в креолизованном тексте[2];

– определение соотношения «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура» в вариативном текстовом пространстве[3];

– тип креолизованного текста[4] с возможностями, например, варьирования перспективизации комплекса воспринимаемых сведений в позитивную/негативную сторону, наличия/отсутствия изменения пропорций и/или габаритов того или иного элемента реальной, фикциональной, виртуальной действительности и пр.;

– характер невербальных средств объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений о мире: вербально ⇔ невербально[5];

– статус культурного кода и средств реализации когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий: элементы первичного – вторичного, искусственного (из логики, музыки, математики, физики, химии, начертательной геометрии и т.п.) кодов, конвенциональные – окказиональные, нормативные – креативные, распознаваемые как нарушение нормы разной этиологии.

В качестве доказательства правомочности высказанных суждений можно привести один пример в разных вариациях – как он был порожден продуцентом и модифицирован этого оригинала.

Оригинал: соблюдение конвенций при оформлении научного текста == реципиент замечает глупость или отсутствие знаний == отсутствие понимания

Введение
1. Симметрия в математике и логике
1.1. Симметрия в химии
1.2. Симметрия в физике
1.3. Симметрия в биологии
2. Симметрия как эстетическое восприятие
3. Симметричный текст
Заключение

Модификация: нарушение конвенций оформления научного текста == реципиент в состоянии осмыслить предлагаемые ему сведения, хотя может и не согласиться с интерпретацией продуцента

Введение
Симметрия в математике и логике
Симметрия в химии
Симметрия в физике
Симметрия в биологии
Симметрия как эстетическое восприятие
Симметричный текст
Заключение

[1] В виду имеются такие, как картинка, рисунок, фото, артефакт, ментефакт, ситуация и др.

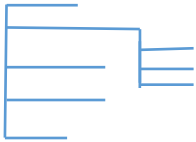
[2] Потенциально это могут быть: субъект, артефакт, ментефакт, ситуация, символ, культурный герой, а также элемент какой: реальной, фикциональной или виртуальной – действительности.

[3] Вариантами могут быть: «надпись + картинка», «подпись + картинка», «надпись + подпись + картинка», «картинка» и т.п.

[4] Например, реклама, репортаж, видеосюжет, художественный фильм, докудрама, карикатура, сувенир, картина, комикс, мультфильм, фото и др.

[5] Это элементы из кодов: оптики, акустики, густики, гаптики, одорики, проксемики, хронемики, жестики, мимики, кинесики и др.

Формальная макроструктура текста
(последовательность и статус микротекстов в текстовом целом)

Литература

Анисимова Е.Е. Лингвистика текстов и межкультурная коммуникации (на материале креолизованных текстов). М.: Тезаурус, 2013.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 141-172.

Ballstädt S.P. Wissensvermittlung. Die Gestaltung von Lernmaterial. Weinheim: Beltz, 1997.

Schmitz U. Optische Labyrinthe im digitalen Journalismus. Text-Bild-Beziehungen in Online-Zeitungen / Hans-Jürgen Bucher, Ulrich Puschel (Hs.) // Die Zeitung zwischen Print und Digitalisierung. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2001. S. 207-232.

L. I. Grishaeva *(Voronezh, Russia)*

Voronezh State University

WAYS OF STRUCTURING THE INFORMATION FLOW AND THE TENDENCY TOWARDS SEMIOTIC HETEROGENEITY OF TEXT

In the present discussion, the tendency towards the semiotic heterogeneity of texts is interpreted as an effective means of structuring the information flow and highlighting salient information that is necessary and sufficient in the interaction of language speakers who share a culture. The analysis takes into account the features of contemporary information society as well as the characteristics of the subject with both personal and collective identity. This approach makes it possible to consider the reduction of uncertainty in decoding perceived information and to distinguish between information noise and salient data. Of particular importance is the selection of such means and modes of implementing cognitive, nominative, and communicative strategies that are perceived by the subject as maximally optimal under the given conditions.

Key words: textual semantic, textual syntactic, functional, and semiotic organization of text, tendency toward creolization, information society, structuring of the information flow, ways of objectifying salient information

В. З. Демьянков *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
vdemiank@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В БОЛЬШОМ АНГЛИЙСКОМ КОРПУСЕ[1]

Анализируются и классифицируются контексты, в которых употребляются единицы класса «идентичность» в большом многожанровом английском корпусе текстов. На этом материале демонстрируются корреляции речи об идентичности (или тождестве, точном совпадении и т. п.) с категориями определенности (при употреблении артиклей), посессивности и времени. Предлагается интерпретация этого языкового материала под углом зрения конструкционной грамматики.

Ключевые слова: идентичность, контрастивный корпусной анализ, когнитивная vs. метафизическая идентичность, конструкция, конструкционная грамматика, продуцирование текста, интерпретация текста, статистика конструкций в корпусе текстов

1. Конструкция и идентификация

Исследования последних лет, посвященные соотношению структуры языка с тем, как язык используется в реальных коммуникативных практиках, неизбежно приводят к вопросу об идентичности коммуникантов, устанавливаемой, например, по тому, какие разновидности и варианты выражения употребляются, а какие избегается упоминать. По таким признакам, как по анализу крови и слюны в медицинском учреждении, делаются выводы о психологических, этнических, идеологических, даже политических предрасположенностях, симпатиях и антипатиях личностей по их речи.

В работе [Демьянков 2025] рассматриваются характерные черты дискурса об идентичности в социальных и гуманитарных науках, где сам термин *идентификация*, или *индивидуация*, употребляется, по меньшей мере, в двух смыслах [Sauchelli 2018: 19]. Эпистемическая, или когнитивная, идентификация состоит в мысленном опознании и вычленении индивидуальных объектов внимания или размышления. А метафизическая идентификация характеризует физический мир, вытекая из ряда других фактов, уточняющих идентичность объекта, ср.: «Об идентичности и идентификации в метафизическом смысле говорят, когда требуется найти (identify «распознать»), а если нужно, то и обезвредить, нейтрализовать или даже вовсе уничтожить, тот или иной объект, вызывающий повышенный интерес и/или беспокойство. В букете с призывом к бдительности звучат подобные термины в технической литературе. Особенные опасения вызывают предметы, славящиеся своей вредоносностью, они «идентифицируются» как опасные» [Демьянков 2025: 8].

В данной публикации продолжается исследование сочетаемости элементов текста методами конструкционной грамматики: дискурс как «реконструкция су-

[1] Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18–00702) «Языковые параметры национальной идентичности: Латиноамериканский текст» в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

ществующего представления о мире и как создание (конструкция) нового мира», в опоре на несущие элементы, тоже конструкции, предоставляемые языком во внеязыковом контексте (см. [Демьянков 2025a: 61]). В центре внимания находятся сочетания из двух или большего количества языковых единиц, систематически повторяющиеся в аутентичных текстах на данном языке. При достаточно полном выборе корпуса текстов составляется идеальный, образцовый список таких сочетаний, идя по которому, можно построить неограниченное количество сколь угодно длинных связанных текстов, имитируя человеческую деятельность по построению правильных предложений. Эта идея широко используется в современных системах искусственного интеллекта, таких как ChatGPT, способных продуцировать тексты на естественных языках [Демьянков 2025b]. Учет частоты, с какой употребляются конкретные конструкции из этого списка, позволяет моделировать человеческие предпочтения при таком построении текстов, указывая на степень относительной существенности у самых частых сочетаний и предопределяя границы креативности человеческой речи на различные темы.

2. Контексты «идентичности» в английском корпусе

В английском корпусе из 25,5 тыс. непереводных художественных и научных текстов наблюдаем следующую статистику употребления словоформ однокоренных с *identity* (в скобках после сочетания указываем количество найденных в корпусе примеров):

98% (47322 предложений) беспрефиксная основа (*identity*, *identify* и т. д.) >

1% (638) с отрицательным префиксом *un–* (напр., *unidentified*) >

меньше 1% (135) с префиксоидом *self–* >

38 предложений с префиксом *non–* и т.д.

С остальными префиксами и префиксоидами эта основа употребляется значительно реже.

У беспрефиксной основы выявлено более 12 тыс. различных левых и столько же правых контекстов. Среди этих контекстов — и нулевые (обозначаются %%%), когда интересующая нас словоформа находится в самом начале предложения (например, левый контекст %%% *identification* – 238) или в самом конце предложения (например, правый контекст *identity* %%% – (4608).

2.1. Левые контексты

2.1.1. *Identify*

– to identify (6893), например: *When the heart is fresh, and the view of the future unsullied by the blemishes which have been gathered from the experience of the past, our feelings are most holy: we love to identify with the persons of our natural friends all those qualities to which we ourselves aspire, and all those virtues we have been taught to revere* «Когда сердце свежо, а взгляд на будущее не запятнан пороками, накопленными на основе опыта прошлого, наши чувства наиболее святы: нам нравится отождествлять с личностями наших настоящих друзей все те качества, к которым мы сами стремимся, и все те добродетели, которые нас учили почитать» (Cooper J.F. The Spy: A Tale Of The Neutral Ground, 1821).

2.1.2. *Identity*

– *the identity* (5267), например: *If he wants to lie and protect the identity of someone, then why should you care?* «Если он хочет солгать и защитить чью-то личность, то почему это должно вас волновать?» (Grisham J. The Chamber, 1994). А вот сочетание *an identity* (558), с неопределенным артиклем, встречается значительно реже, ср.: *All quandaries cease; all doubts sink into the silence; the task assumes once more; his real life is awake; the heart of reality throbs for him, adjusting the workman to an identity which cannot grow old* «Все затруднения исчезают; все сомнения тают; к задаче снова возвращаются; его настоящая жизнь пробуждается; сердце реальности бьется для него, приспосабливая рабочего к тому самоосознанию, которое не может состариться» (Levington W. Comfort, Child and Country: A Book of the Younger Generation, 1916);

– *his identity* (2791), например: *He doesn't deny his identity, and insists that his name is Wilkes* «Он не отрицает своей идентичности и настаивает на том, что его зовут Уилкс» (Futrelle J. Mystery of the Golden Dagger, 1875-1912). Интересно, что сочетание с другими личными местоимениями встречается значительно реже: *her identity* (784), *their identity* (782), *my identity* (670), *its identity* (543), *your identity* (393), *our identity* (146);

– *of identity* (1516), например: *It was only a shot at random – the common advocate's trick in trying to confuse a witness over questions of identity*; *but to Sir Gilbert, under the circumstances, it was inexpressibly distressing* «Это был всего лишь выстрел наугад — обычная адвокатская уловка, направленная на то, чтобы сбить свидетеля с толку вопросами о личности; но сэра Гилберта в данных обстоятельствах это невыразимо огорчило» (Allen G. What's Bred In the Bone, 1891).

2.1.3. *Identified*

– *be identified* (2239), например: *There was a good deal of mixed blood, no doubt, and many dark persons could not be identified as belonging to any particular race* «Несомненно, там было много смешанной крови, и многие темные личности не могли быть идентифицированы как принадлежащие к какой-либо определенной расе» (Hudson W.H. A Shepherd's Life, 1910);

– *been identified* (1941), например: *The Chinese lead agent in Moscow has been identified and is under surveillance* «Ведущий китайский агент в Москве был идентифицирован и находится под наблюдением» (Clancy T. The Bear and the Dragon, 2000);

– *was identified* (1047), например: *The property found on him was identified and the magistrate offered the prisoner a jury, which he declined* «Обнаруженное при нем имущество было опознано, и мировой судья предложил подсудимому обратиться к присяжным, от чего он отказался» (Reade Ch. Put Yourself in His Place, 1870).

Другие пассивные конструкции значительно менее частотны: *is identified* (844), *were identified* (487), *are identified* (472), *being identified* (168).

2.1.4. *Identical*

– *the identical* (2075), например: *Shooting one from a tree, I have observed another take up the strain from almost the identical perch in less than ten minutes afterward* «Подстрелив одного из них с дерева, я наблюдал, как другой менее чем через де-

сять минут принялся за дело с почти такого же насеста» (Burrows J. Wake-Robin, 1868). Значительно реже в таких предложениях встречаем неопределенный артикль, в конструкции *an identical* (583), напр.: *On Thursday he made an identical announcement with regard to the Vidame de Blavon* «В четверг он сделал аналогичное заявление в отношении Видама де Блавона» (Sabatini R. Scaramouche – A Romance of the French Revolution, 1921). В обоих случаях в русском переводе прилагательное *идентичный* не годится;

– *is identical* (1405), например: *She has risen in the world of late years; and she is identical with that sly old lady who employed me professionally a short time since* «В последние годы она поднялась в этом мире; и она ничем не отличается от той хитрой старой леди, которая не так давно наняла меня на работу» (Collins W. Armadale, 1864);

– *are identical* (1380), например: *The major portion of his capital is, with his wife's, in the 'firm'; it is administered and employed for him by men whose family interests and his are identical, whose knowledge of business is profound, whose own capital is there too* «Основная часть его капитала, как и капитала его жены, вложена в “фирму”; ею управляют и нанимают на работу люди, чьи семейные интересы совпадают с его собственными, которые глубоко разбираются в бизнесе и у которых есть собственный капитал» (Jefferies R. Hodge and His Masters, 1880).

2.1.5. *Identification*

– *the identification* (1745), например: *Underhill asked him some questions about the identification process, and Stephano described the fingerprinting* «Андерхилл задал ему несколько вопросов о процессе опознания, и Стефано описал, как снимают отпечатки пальцев» (Grisham J. The Partner, 1997). Примеров с неопределенным артиклем, *an identification* (285), значительно меньше. Например: *Each clone had an identification number tattooed on the back of their neck and at the base of their spine* «У каждого клона был вытатуирован идентификационный номер на затылке и у основания позвоночника» (Long J. Year Zero, 2000).

2.2. Правые контексты

2.2.1. *Identity*

– *identity of* (6268), например: *To be unable to point out the identity of any person in the town was to ruin a reputation* «Не иметь возможности опознать кого-либо в городе означало погубить репутацию» (Baldwin G. Grey Town: An Australian Story, 1922);

– *identity* %%% (4608), т.е. правый контекст пустой, поскольку слово *identity* стоит в самом конце предложения, напр.: *This was a far more secluded spot than the public sleeping room or the streets of the city, where some accident might pierce my disguise and reveal my identity* «Это было гораздо более уединенное место, чем ночлежка или улицы города, где какой-нибудь несчастный случай мог нарушить мою маскировку и раскрыть мою личность» (Burroughs E.R. Swords of Mars, 1936);

– *identity and* (1982), например: *My mission had been to testify to his identity and loyalty* «Моей миссией было засвидетельствовать его личность и преданность» (London J. The Iron Heel, 1907).

2.2.2. *Identical*

– *identical with* (5417), например: *If the former is pronounced "Yangis", it is almost identical with "Yankees", and Indian words have seldom been spelt as they are pronounced* «Если первое произносится как "янгис", то оно почти идентично слову "янки", а индейские слова редко пишутся так, как произносятся» (Cooper J.F. The Deerslayer, 1841);

– *identical* %%% (1531), т.е. когда нечто объявляется «идентичным», например: *But the cases were not identical* «Но эти случаи не были идентичными» (MacGrath H. The Ragged Edge, 1922);

– *identical in* (1151), например: *As far as I can tell by the naked eye, they're perfect duplicates, identical in form and composition* «Насколько я могу судить невооруженным глазом, это идеальные копии, идентичные по форме и составу» (Cussler C. Atlantis Found, 2000);

– *identical to* (966), например: *He looked tired and haggard, but it was quite clear that, as far as build and features were concerned, he was identical to his brother, David* «Он выглядел усталым и изможденным, но было совершенно ясно, что телосложением и чертами лица он очень похож на своего брата Дэвида» (Gardner J. Never Send Flowers, 1993).

2.2.3. *Identified*

– *identified with* (5340), например: *"The Line of Thang", he remarked with inoffensive pride, "has for seven generations been identified with a high standard of literary achievement"* «Род Тангов, — заметил он с безобидной гордостью, — на протяжении семи поколений ассоциировался с высокими литературными достижениями» (Bramah E. Kai Lung's Golden Hours, 1922);

– *identified as* (1895), например: *Altogether, thanks to the efforts of Mabel and her influence upon a certain invisible person whose identity changed often but who was always to be identified as the "help", things were much better at the Commonwealth than one had a right to expect in a town the size of Chula Vista* «В целом, благодаря усилиям Мэйбл и ее влиянию на некоего невидимого человека, личность которого часто менялась, но которого всегда называли "прислугой", дела в Содружестве наций шли гораздо лучше, чем можно было ожидать в городке размером с Чула-Висту» (Hall J. Across the Mesa, 1922);

– *identified the* (1446), например: *If he had been Corporal Evans, who is missing, you could not have identified the body; but you are quite sure the body you saw was that of a corporal?* «Если бы это был капрал Эванс, который пропал без вести, вы не смогли бы опознать тело; но вы совершенно уверены, что тело, которое вы видели, принадлежало капралу?» (Manning F. The Middle Parts Of Fortune: Somme and Ancre, 1916). Значительно меньше случаев с *identified a* (240), когда артикль неопределенный, например: *When we say, for example, we have identified a body as a Russian, you wonder how good is that identification, how qualified are these people who are telling me to accept this body and take it home?* «Когда мы говорим, например, что опознали тело россиянина, вы задаетесь вопросом, насколько хороша эта идентификация, насколько квалифицированы эти люди, которые советуют мне принять это тело и отвезти его домой?» (Smith M.C. Havana Bay, 1999);

– *identified* %%% (1419), например: *One of the two Durrance had long since identified* «Один из тех двоих, кого Дюрранс уже давно опознал» (Mason A.E.W. The Four Feathers, 1902);

– *identified by* (1217), например: *This was the man identified by Jansen* «Это был тот самый человек, которого опознал Янсен» (Stellman L.J. Port O' Gold: A History-Romance of the San Francisco Argonauts, 1922);

– *identified in* (954), например: *They had me positively identified in that state anyway* «Во всяком случае, в этом состоянии они меня точно опознали» (Anderson E. Thieves Like Us, 1937).

2.2.4. *Identify*

– *identify the* (2819), например: *The distance and the speed were too great, the horse and kit were not sufficiently familiar to allow the spectators to identify the one man who seemed to have a plan in his head, and a horse under him* «Расстояние и скорость были слишком велики, лошадь и снаряжение были недостаточно знакомы, чтобы зрители могли опознать человека, у которого, казалось, был план в голове, и лошадь под ним» (Conquest J. Leonie of the Jungle, 1921). С неопределенным артиклем таких случаев гораздо меньше, например: *To identify a poison you must be able either to carry out a chemical analysis or observe the poison at work on the victim-most of the major poisons have symptoms peculiar to themselves and follow their own highly idiosyncratic courses* «Чтобы идентифицировать яд, вы должны уметь либо провести химический анализ, либо понаблюдать за действием яда на жертву — большинство основных ядов имеют специфические симптомы и протекают по-своему, в высшей степени своеобразно» (Maclean A. Bear Island, 1971).

2.2.5. *Identification*

– *identification of* (2395), например: *In the country it is our custom first to identify the horse, and that gives us a sure clue to the identification of the driver* «У нас в стране принято сначала опознавать лошадь, и это дает нам верный ключ к идентификации погонщика» (Grayson D. Adventures In Friendship, 1910);

– *identification* %%% (1156), например: *Armstrong and Inspector Thomas watched exactly where he put his hands for fingerprint identification* «Армстронг и инспектор Томас внимательно следили за тем, куда он клал руки при идентификации отпечатков пальцев» (Clavell J. Noble House, 1981);

3. Заключение

Корпусное исследование контекстов, в которых употребляются словоформы лексем класса «идентичность» (*identity, identify, identified, identification* и т. п.), показывает целый ряд корреляций, не всегда бросающихся в глаза вне такого корпуса. Так, употребление определенного артикля в контексте таких лексем значительно более частотно, чем употребление неопределенного артикля. По-разному естественно употребление посессивных местоимений и предикатов в настоящем и прошедшем времени.

Литература

Демьянков В.З. О понятии идентичности в научном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 5-16.

Демьянков В.З. Конструкционные параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. 2025a. Вып. 1-1 (62). С. 57-64.

Демьянков В.З. Дискурс как мостик между языком и видением мира // Когнитивные исследования языка. 2025b. Вып. 3 (64). Ч. I. С. 41-49.

Sauchelli A. Personal Identity and Applied Ethics: A Historical and Philosophical Introduction. London; New York: Routledge, 2018.

V. Z. Demyankov *(Moscow, Russia)*

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
RUDN University

CATEGORY OF IDENTITY IN THE LARGE ENGLISH CORPUS

"Identity" as a metalinguistic term plays a special role in texts on linguistics and philosophy. The contexts in which units of the "identity" class are used in the large English corpus of texts are analyzed and classified. This material demonstrates correlations of the lexical category of identity (or sameness, exact coincidence, etc.) with the grammatical categories of definiteness (when using the definite articles), possessiveness, and tense, signaled by relative frequencies of certain contexts. An interpretation of this linguistic material from the point of view of the constructive grammar is put forward.

Key words: identity, contrastive corpus analysis, cognitive vs. metaphysical identity, construction, constructive grammar, text production, text interpretation, statistics of constructions in the corpus of texts

И. В. Зыкова *(Москва, Россия)*

Институт языкознания РАН,
Московский государственный лингвистический университет
irina_zykova@iling-ran.ru

КРЕАТИВНАЯ ПРАГМАТИКА ДИАЛОГА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ VS. ЕСТЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Исследование посвящено изучению взаимосвязи художественной и естественной коммуникации и развитию теории прагматической аутентичности художественного дискурса. В статье разрабатывается когнитивно-прагматический подход к анализу (не)конвенциональности диалогической речи в кинодискурсе. Основным исследовательским объектом является фаза прекращения контакта в диалоге. Исследование проводится на материале современных англоязычных фильмов. Установлено, что (не)конвенциональность диалогической речи в кинодискурсе проявляется в формально-содержательной организации фазы прекращения контакта, прагматических типах финальной реплики, размыкающей диалоги, и в формульности языковых средств прекращения контакта.

Ключевые слова: естественная коммуникация, диалог, кинодискурс, художественный фильм, креативная прагматика, прекращение контакта

Диалогическая речь является главной формой интерперсонального взаимодействия, в которой проявляются самые разнообразные лингвистические, социальные, культурные, исторические, когнитивные и психологические процессы и явления. В силу объективности данного факта ее изучение с позиции общей тео-

рии языка и междисциплинарных областей лингвистики, в частности, когнитивной лингвистики, остается крайне актуальным в настоящее время (см., например, [Кубрякова 2012; Беляевская 2015; Болдырев 2024; Зыкова 2025]). В конце XX в. активное развитие получает направление, изучающее особенности диалогической речи, производимой в условиях реального общения, в сопоставлении с диалогической речью, представленной в разных видах художественной коммуникации. Сопоставляются различные вербальные средства (речевые акты, дискурсивные маркеры, фразеологизмы, переменные словосочетания и конструкции и т.д.), употребляемые в художественных произведениях, в том числе в фильмах [Quaglio 2009; Ryan, Granville 2020]. Особый интерес к кинодискурсу обусловлен тем, что диалоги в кино основаны на конвенциях естественной коммуникации, в них передаются «типовые» образцы межличностного устного общения во всех возможных (неформальных и формальных) ситуациях, прошедших определенную художественную «обработку» средствами киноискусства. Цель нашего исследования – разработать когнитивно-прагматический подход к выявлению (не)конвенционального характера передачи диалогической речи в игровом кино, что позволит всесторонне оценить прагматическую аутентичность последнего, или иначе говоря, степень близости кинодискурса, представляющего особый вид художественного дискурса, к естественной коммуникации.

Оценка прагматической (не)конвенциональности кинодискурса осуществляется нами посредством анализа фазы прекращения (или размыкания) контакта, являющейся необъемлемым структурно-содержательным компонентом диалога в повседневном общении и, следовательно, диалога в художественном фильме. Во многих современных исследованиях отмечается, что завершение разговора – это фаза, требующая особо деликатного подхода. Последние слова оказывают воздействие на ментальное и психоэмоциональное состояние собеседников еще некоторое время после расставания и в значительной мере определяют их дальнейшие отношения. В качестве источников материала выступают две современных англоязычных кинодрамы «The Driving Lessons» («Уроки вождения», 2006) и «The Son» («Сын», 2022). Составление диалогических профилей данных фильмов выявляет сбалансированность и репрезентативность выборки исследовательского киноматериала. Полные сведения о диалогических профилях даны в таблице 1

Таблица 1. Диалогические профили англоязычных фильмов в сопоставлении

Параметры	**1. «Driving Lessons»**	**2. «The Son»**	**Всего**
Количество диалогов (Abs.*)	61	65	**126**
Контактный (непосредственный) диалог* vs. бесконтактный (посредственной) диалог по телефону (Abs.)	59 vs. 2	56 vs. 9	**115** vs. **11**
Количество собеседников: двое vs. больше двух (Rel.**)	79 vs. 21 %	72 vs. 29%	**69** vs. **31%**

Примечание: *Abs. – абсолютные показатели. **Rel. – относительные показатели.

В англоязычной коммуникации фаза прекращения контакта (*далее* – ФПК) относится к числу наиболее ритуализированных или стандартизированных фаз диалога, обменные реплики в ней являются регламентированными. На сегодняшний день установлен устойчивый набор признаков организации данной фазы, наделяющий ее упорядоченной структурой. Изучение (не)нормативной организации ФПК, по мнению специалистов, открывает доступ к процессу проникновения когнитивно-психологических аспектов в разговорную речь. Анализ научной литературы по данной проблематике позволяет говорить о том, что нормативность ФПК определяется следующими факторами: выполнением собеседниками более двух коммуникативных ходов (turns), реализующих единую коммуникативно-прагматическую задачу – «прекратить общение»; в рамках коммуникативных ходов – осуществлением общепринятых или обязательных (базисных, ядерных) речевых действий (speech acts) и использованием формул (speech or discourse formulas), соответствующих иллокутивной интенции размыкания контакта. С учетом данных факторов прагматическая (не)конвенциональность диалога в художественной коммуникации определялась нами в ходе анализа: (1) специфики формально-содержательной организации ФПК в фильмах; (2) прагматических типов финальной реплики, размыкающей диалоги; (3) формульности языковых средств прекращения контакта (*далее* – СПК).

(1) Исследование формально-содержательной организации ФПК установило, что диалог в рассматриваемых кинодрамах в 79% случаях завершается посредством одного коммуникативного хода, выполненного одним из его участников, или двух коммуникативных ходов, сделанных обоими участниками. Например, в кинодраме «The Son» в диалоге между главным героем Питером и таксистом именно последний произносит фразу, размыкающую контакт: Taxi driver: *Thank you. Have a good day now*. В фильме «Driving Lessons» диалог завершается обменом репликами двух киногероев: Evie: *Take me home.* Ben: *We can look for a campsite on the way. I'm sorry*. Типичные для естественной коммуникации многоходовые ФПК составляют 21% в анализируемых фильмах.

При исследовании наличия общепринятых речевых актов, используемых киноперсонажами в рамках каждого коммуникативного хода и маркирующих фазу прекращение контакта, мы применили фреймовый анализ с опорой на подход, предложенный в работах [Edmondson et al. 2023; House, Kádár 2024]. Согласно данному подходу, фаза завершения диалога включает три основных речевых акта, представляющих три соответствующих слота фрейма ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНТАКТА: слот EXTRACTING/EXTRACTOR (прямое объявление о необходимости закончить диалог), слот WISH-WELL (пожелание) и слот LEAVE-TAKE (собственно прощание). Фреймовый анализ показал, что в фильмах при завершении диалога используются речевые акты двух слотов в разных комбинациях или только одного из трех слотов. Например, в фильме «Driving Lessons» ФПК состоит из речевых актов таких слотов, как EXTRACTOR и LEAVE-TAKE: Laura: ***Is that all****?* [EXTRACTOR] Evie: *Yes. I'm sorry. Yes.* ***Please give him my very best wishes*** [LEAVE-TAKE]. Laura: ***Thank you so much for calling***. ***Goodbye*** [LEAVE-TAKE]. В кинопроизведении «The Son» ФПК формируют рече-

вые акты только одного из трех слотов – LEAVE-TAKE: Peter: *Hey… **Good night*** [LEAVE-TAKE]. Nicholas: ***Night**, dad* [LEAVE-TAKE]. Согласно анализу, диалоги в обоих фильмах также заканчиваются выражением благодарности или чувства эмоциональной близости (симпатии, любви), нежелания собеседников расставаться, например: Nicholas: <…> *And… I wanted to tell you… that **I love you***. Peter: ***We love you too*** [EXPRESSING AFFECTION]. Данный факт указал на необходимость расширения структуры фрейма ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНТАКТА такими слотами, как THANKING и EXPRESSING AFFECTION AND/OR RELUCTANCE TO SEPARATE (подробнее об этих речевых актах см. [Pillet-Shore 2024]). Согласно полученным данным, в 41% кинодиалогов собеседники используют речевые акты, активирующие два или один из пяти слотов изучаемого фрейма. В 59% кинодиалогов завершение общения осуществляется без их активации. Таким образом, выявленные результаты свидетельствуют о том, что с формально-содержательной точки зрения ФПК в двух рассматриваемых фильмах отличается в большей мере прагматической неконвенциональностью.

(2) В 126 диалогах были выявлены 134 финальных реплики, размыкающих контакт, и 23 случая завершения диалога с использованием жеста или молчанием. Изучение прагмасемантических характеристик 134 СПК привело к выделению 12 прагматических типов (по убыванию частотности): 1) «прощание» – 28%; 2) «информация о чем-либо» (напр., о погоде, будущих планах, личных переживаниях и т.д.) – 23%; 3) «благодарность» – 16%; 4) «согласие или одобрение» – 10%; 5) «личное мнение» – 5%; 6) «просьба или приказ» – 5%; 7) «запрос или проверка информации» – 4%; 8) «обещание или предупреждение» – 3%; 9) «приглашение или предложение» – 2%; 10) «извинение» – 2%; 11) «общеизвестное знание» – 1%; 12) «ругательство» – 1%. К разряду общепринятых в повседневном общении относятся два прагматических типа СПК: «прощание» и «благодарность». Остальные прагматические типы могут быть квалифицированы как неконвенциональные. Например, в фильме «The Son» разговор между Питером и Бет завершается речевыми актами просьбы и обещания: Beth: <…> *Think about him* [their son Theo] *and everything will be all right*.

Особого внимания заслуживает тот факт, что диалоги в фильмах могут заканчиваться фрагментом песни, которая в стихотворно-музыкальной (иносказательной) форме акцентирует внимание зрителя на ментальном и психоэмоциональном состоянии одного из киноперсонажей, участвующего в диалоге, а также на теме беседы или ситуации общения. Например, разговор Бена со своей матерью Лаурой завершается первыми строками песни: *If I am alive this time next year / Will I have arrived in time to share? / And mine is about as good this far, / And I'm still applied to what you are*.

(3) Употребление (речевых, дискурсивных, ситуативных) формул (или клише) делает общение киноперсонажей более непринужденным, повышает уровень его (т.е. общения) прагматической аутентичности. Как показало наше исследование, формульный характер СПК в анализируемых фильмах определяется устойчивостью их синтаксической структуры, лексического состава, иллокутивного заряда (или согласованием по иллокутивной функции, согласно Е.В. Падучевой) и связи с соответствующей социокоммуникативной ситуацией. Проведенный анализ установил, что наибольшей степенью формульности обладают СПК таких прагматиче-

ских типов, как «прощание» и «благодарность» (например, *I've got to go; It's time to go; Good night; Say hi to him from me, will you?; Thank you; Thanks a lot*). Формульность СПК других прагматических типов варьирует, ср., например, СПК-«извинение» (*Excuse me*) и СПК-«личное мнение» (*I think I must be losing it*). Наиболее лексически и синтаксически разнообразными являются СПК, информирующие собеседника о чем-либо (например, *I had a brilliant time, really; He's in very good hands*). В целом отметим, что формулы и формульные элементы, делая речь киноперсонажа более естественной (непосредственной), служат усилению своей «исходной» иллокуции, другими словами, акцентируют иллокутивную функцию, например, извинения, обещания, прощания, приказа, информирования и т.д. На основании этого мы приходим к заключению о том, что употребление формул в таких прагматических типах СПК как «прощание» и «благодарность» повышает прагматическую конвенциональность кинодискурса. Использование же формульных элементов в составе других прагматических типов СПК (извинения, просьбы, запроса некой информации, оскорбления и т.д.) способствует повышению неконвенциональности диалогической речи в рассматриваемых англоязычных фильмах.

Подводя итог, подчеркнем, что все выявленные количественные и качественные данные свидетельствуют о том, что (не)конвенциональность диалогической речи в современных англоязычных кинодрамах имеет взаимообусловленное проявление в формально-содержательной организации ФПК, прагматических типах финальной реплики, размыкающей диалоги, и в формульности СПК. Наряду с имитированием реальных образцов завершения общения, в фильмах происходит художественная стилизация диалогической речи, снижающая ее прагматическую конвенциональность и, соответственно, прагматическую аутентичность кинодискурса. В фильмах диалог является «прогрессивной формой» (в терминологии Л.В. Щербы), которую отличает сознательное или «умышленное» (по выражению Л.П. Якубинского) речевое творчество, реализующее художественно-эстетические и прагматические задачи автора кинопроизведения. Прагматические явления естественной речи подвергаются глубокому осмыслению в художественной коммуникации и становятся особыми формами креативной прагматики.

Литература

Беляевская Е.Г. Диалог в художественной прозе – текст в тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 19 (730). С. 9-18.

Болдырев Н.Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5-19.

Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 3. С. 46-65.

Кубрякова Е.С. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 128-146.

Edmondson W., House J., Kádár D.Z. Expressions, speech acts and discourse: An pedagogic interactional grammar of English. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

House J., Kádár D.Z. An interactional approach to speech acts for applied linguistics // Applied Linguistics Review. 2024. 15 (4). Pp. 1695-1715.

Pillet-Shore D. 'Routines' and 'formulaic language' in conversation analysis (a longer version showing additional data of Chapter 10) // The Routledge handbook of conversation analysis. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/385470140_

Quaglio P. Television dialogue: The sitcom Friends vs. natural conversation. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2009.

Ryan J., Granville S. The suitability of film for modelling the pragmatics of interaction: Exploring authenticity // System. 2020. Vol. 89. Pp. 1-13.

I. V. Zykova *(Moscow, Russia)*

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University

CREATIVE PRAGMATICS OF THE DIALOGUE: ARTISTIC VS. NATURAL COMMUNICATION

The study focuses on the interrelation between artistic and natural communication and the development of the theory of pragmatic authenticity of artistic discourse. The paper elaborates a cognitive-pragmatic approach to the analysis of the (non)conventionality of dialogical speech in cinematic discourse. The main research object is the phase of contact termination in English-language film dialogues. According to research findings, the (non)conventionality of dialogical speech in cinematic discourse manifests itself in the formal-semantic organization of the closing, the pragmatic types of the final remark that breaks the dialogue, and in the formality of linguistic means of contact termination.

Ключевые слова: natural communication, dialogue, cinematic discourse, feature film, creative pragmatics, closing

В. И. Карасик *(Москва, Россия)*

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В АФОРИСТИКЕ

Рассматривается осмысление революции в афоризмах. Установлено, что доминирующей оценкой таких событий является понимание революции как исторического катаклизма, несущего страдания многим людям и не меняющего сути общественного устройства. Такая позиция в целом соответствует установкам созерцателей применительно к оценке мироустройства.

Ключевые слова: когнитивный концепт, революция, оценка, понятие, афоризм

Лингвокультурное моделирование реальности направлено на выявление и описание доминантных характеристик картины мира, отражающей коллективный и индивидуальный опыт носителей соответствующей культуры. В качестве базовой единицы картины мира во многих работах признается концепт – квант переживаемого знания, в содержании которого можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки [Воркачев 2014; Демьянков 2007; Карасик 2004; Красавский 2008; Слышкин 2004; Степанов 1997; Стернин 2008]. Понятийное содержание концепта состоит в выражении его родовых и видовых признаков, его образное содержание сводится к конкретизации этих признаков в их ситуативном

проявлении и в метафорическом осмыслении, его ценностное содержание объясняет связь этих признаков с нормами мировосприятия и поведения и установками определенной культуры. В когнитивном плане именно ценностный признак является наиболее значимым для появления и развития концепта, поскольку модус первичен в интерпретативной деятельности людей, ибо цель действия определяет выбор действия [Абушенко 2002; Болдырев 2018; Вольф 1985; Дементьев 2013; Маркелова 2013; Микешина 2009].

Типология концептов весьма разнообразна, поскольку мир многомерен. Такая типология сводится к идеографическому описанию реальности. В рамках типологии концептов выделяются идеологические ментальные образования, основное содержание которых состоит в характеристике групповых ценностных приоритетов. Подобные концепты характеризуются тем, что их ценностное содержание обычно включает столкновение различных социальных позиций. К числу таких концептов относится «революция».

Осмысление революции в русской лингвокультуре позволяет увидеть агональное отражение ценностей, зафиксированных в понятийной интерпретации этого концепта в толковых словарях разных эпох:

Революция – *франц.* переворот, внезапная перемена состоянья, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство (В. Даль).

Революция – 1. Коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насильственном низвержении отжившего общественного строя и утверждении нового, прогрессивного общественного строя. 2. Переворот в какой-либо области, ведущий к коренному преобразованию, усовершенствованию, обновлению чего-либо (ССРЛЯ).

Революция – 1.0. Резкий скачкообразный переход от одного состояния к другому, а также *с оттенком разговорности* вообще резкое изменение в обычном течении, устройстве чего-либо. 1.1. Коренное изменение социально-политического строя, которое в отличие от реформирования и социальной эволюции характеризуется резким разрывом с предшествующей традицией, обычно насильственным преобразованием общественных и государственных институтов, а также совокупность событий, результатом которых является такое изменение (БУСРЯ).

Можно заметить, что в понятийном осмыслении этого концепта отражен зигзагообразный модус его ценностного осмысления: объективное содержание: социальный переворот, этот признак является общим во всех интерпретациях, субъективная квалификация – 1) смута и уничтожение порядка в обществе, 2) низвержение отжившего строя и утверждение нового прогрессивного общественного устройства, 3) насильственное преобразование реальности.

Мы понимаем, что различие в оценочной квалификации этого концепта обусловлено позицией субъекта оценки: первичную отрицательную оценку революции дают представители власти и молчаливое большинство, вынужденное жить в эпоху перемен, положительная оценка отражает позицию революционеров, считающих себя проводниками социального прогресса, вторичную отрицательную оценку этого события выносят наблюдатели, понимающие, что тяготы и жертвы

революции приводят к замене персоналий и символов, но не меняют принципиально общественного устройства.

Аксиологическое осмысление концепта наиболее наглядно представлено в текстах, выработанных для закрепления ориентиров поведения и мировосприятия, т.е. аксиогенных текстах, к ним относятся мифы, легенды, сказки, притчи, пословицы, поговорки, афоризмы, лозунги, девизы, слоганы, шутки, анекдоты и различные нарративы, в которых развиваются ценностно маркированные сюжеты.

Обратимся к афоризмам, в которых осмысливается революция.

Афористы в большинстве высказываний отрицательно оценивают революцию и революционеров.

Подчеркивается, что революция похожа на стихийное бедствие и противоположна свободе:

Народу кажется, что он свободен в революциях, это страшный самообман. Он – раб темных стихий… В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы… Революция… случается с человеком, как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение (Н.А. Бердяев).

Всякий революционер кончает как палач или как еретик (А. Камю).

В нормальном государстве вне закона находятся два класса: уголовный и правящий. Во время революций они меняются местами, – в чем, по существу, нет разницы (М.А. Волошин).

Революция губит лучших, / самых чистых и самых святых, / чтоб, зажав в тенетах паучьих, / надругаться, высосать их (М.А. Волошин).

Революции никогда еще не облегчали бремя тирании, а лишь перекладывали его на другие плечи (Дж. Б. Шоу).

Акцентируется неприятие насилия, естественное для интеллектуалов:

Страшно подумать, сколько памятников и произведений искусства погубили революции (Ф. Делакруа).

В девяти случаях из десяти революционер – это скалолаз с бомбой в кармане (Дж. Оруэлл).

Опиум народа – не религия, а революция (С. Вейль).

Тот, кто рассуждает о революции, должен готовиться к гильотине (У. Черчилль).

Но при этом отмечено, что внешне революции выглядят красиво, хотя более пристальный взгляд видит кровь и страдание:

Пока мы читаем о революциях в книгах, все это очень красиво на вид, они так чисты, так приветливы; однако потом, когда рассматриваешь их в натуре, они, быть может, и выигрывают в смысле своей грандиозности, но в деталях представляют очень грязное, мерзкое зрелище (Г. Гейне).

Революция – это братание идеи со штыком (Л. Питер).

Глупости, совершаемые опытными людьми; нелепости, провозглашаемые умными людьми; преступления, совершаемые честными людьми, – вот что такое революция (Л. де Бональд).

Вместе с тем констатируется, что революции ускоряют развитие общества и освобождают огромную энергию народа:

Ошибаются те, кто думает, что народ, переживающий революцию, легко победить; напротив, он в состоянии побеждать других (Ш. Монтескье).

…Все действительно сильные натуры… раз вступив на революционный путь, даже из поражений всегда черпали новые силы… (К. Маркс).

Революции – локомотивы истории (К. Маркс).

О жертвенности в судьбе революционеров говорится в высказывании, которое приписывается известному деятелю Французской буржуазной революции Жоржу Дантону:

Революция, как бог Сатурн, пожирает собственных детей.

Революция выбрасывает на авансцену истории тех, кто в обычной жизни никогда бы не стал публичной фигурой и лидером:

В революционные бури люди, едва годные для того, чтобы грести веслом, овладевают рулем (П. Буаст).

Заслуживают внимания мысли о цикличности социальных процессов:

Нищета ведет к революции, революция – к нищете (В. Гюго).

Все революции кончались реакциями. Это неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг (Н.А. Бердяев).

Хорошо известны фразы о том, что революция – это молодость мира:

У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы (У. Черчилль или Б. Дизраэли).

Кто в шестнадцать лет не революционер, тому в тридцать лет не хватит отваги, чтобы быть начальником пожарной команды (А. Моруа).

Таким образом, осмысление революции и революционеров свидетельствует о том, что с точки зрения опытных и зрелых наблюдателей такие события являются большими историческими катаклизмами, несущими страдания многим людям.

Осмысление революции в афористических суждениях отражает позицию той части общества, которая рационально оценивает происходящие события, критически характеризует представителей прежней и новой власти и в целом соответствует установкам не деятелей, а созерцателей применительно к оценке мироустройства.

Литература

Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 21-23.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом «Языки славянской культуры», 2018.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: Кошелев А.Б., 2007. С. 26-33.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008.

Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013.

Микешина Л.А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6-17.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.

V. I. Karasik *(Moscow, Russia)*

Pushkin State Russian Language Institute

CONCEPTUALIZATION OF REVOLUTION IN APHORISMS

The paper deals with the understanding of revolution in aphorisms. The texts show that the dominant perception of revolution is that of a historical cataclysm that brings suffering to many people and does not change the essence of the social structure. This position generally corresponds to the attitudes of contemplatives in relation to the assessment of the world order.

Key words: cognitive concept, revolution, assessment, concept, aphorism

О. В. Магировская *(Красноярск, Россия)*

Сибирский федеральный университет

magirovskayaov@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ФОРМАТЫ КОГНИТИВНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье описаны основные форматы переработки текстовой информации: понимание, интерпретация, объяснение, истолкование, адаптация. Особое внимание уделяется факторам, обусловливающим когнитивные трудности, которые возникают в результате концептуального взаимодействия адресата с текстом. Выявляются когнитивные механизмы, обеспечивающие переработку текстовой информации.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, объяснение, истолкование, адаптация, текстовое концептуальное взаимодействие

Эволюционное усложнение концептуальных структур и расширение репертуара когнитивных операций в процессе развития когнитивной системы человека неизбежно находят отражение в системе языка и способах вербализации мыслительной деятельности. Язык, соответственно, целесообразно рассматривать в не-

разрывной связи с эволюцией когнитивных способностей человека. Однако среднестатистический носитель современного языка, осваивая его с раннего детства, как правило, не осознаёт ни степени сложности когнитивных процессов, лежащих в его основе, ни масштабов исторического развития языковой системы. Для носителя с условно «нормальным» уровнем когнитивного развития язык функционирует как прозрачный и самоочевидный инструмент коммуникации, а процессы концептуальной интерпретации протекают преимущественно автоматически.

В то же время язык, не представляющий трудностей для одной группы носителей, может становиться серьёзным когнитивным барьером для других социальных групп, отличающихся по своим социально-антропологическим характеристикам. К таким группам относятся малообразованные люди, лица младшего детского и глубоко пожилого возраста, мигранты, люди, не обладающие достаточным объёмом фоновых знаний и др. Отдельную категорию составляют лица с когнитивными нарушениями, возникшими в течение жизни, для которых понимание текстов на родном языке в такой период жизни становится существенно затруднено.

Трудности понимания текстов в обозначенных случаях объясняются несоответствием между когнитивной сложностью текста и возможностями адресата по его обработке. Это несоответствие может проявляться в перегрузке рабочей памяти, отсутствии необходимых концептуальных схем, недостаточной сформированности категориальных структур или нарушении механизмов интеграции новой информации в уже существующую систему знаний.

В этом контексте особую значимость приобретает проблема переработки текстовой информации, представляющая собой многоаспектный когнитивный процесс. Она реализуется в различных форматах, которые отличаются как по глубине осмысления, так и по целям концептуального взаимодействия между автором и адресатом текста. Основными форматами переработки информации в зависимости от цели концептуального взаимодействия являются понимание, интерпретация, объяснение, истолкование и адаптация [Адресация текста… 2024].

Понимание представляет собой базовый когнитивный процесс, связанный с оценкой воспринимающим субъектом степени сложности текста и возможностью включения новой информации в уже сформированные структуры знания. Данный способ концептуального взаимодействия предполагает соотнесение языковых выражений с соответствующими концептами, а также построение целостной ментальной модели описываемой ситуации. Понимание всегда предполагает поиск смысла и самостоятельность мышления, в результате чего происходит трансформация имеющейся у субъекта познания системы знаний посредством формирования ментальной модели ситуации, включающей участников, их роли, причинно-следственные связи и возможные сценарии развития событий. При этом новая информация либо интегрируется в уже существующие когнитивные структуры, либо приводит к их модификации и перестройке. Например, при чтении инструкции *Перед началом работы убедитесь, что устройство отключено от сети* адресат формирует обобщённое представление о необходимости предварительных действий, не анализируя при этом конкретные технические параметры устройства

или возможные аварийные сценарии. Отсутствие детализированной информации не мешает адресату адекватно ориентироваться в описываемой ситуации, может изменить ранее поверхностное представление о рисках работы с оборудованием, дополнив его осознанием потенциальных угроз и необходимости строгого соблюдения регламентированных действий.

Понимание носит ситуативный характер и зависит от индивидуального опыта адресата. В результате, оно может не совпадать с авторским замыслом, но, тем не менее, остаётся фактом состоявшегося осмысления.

Интерпретация, в отличие от понимания, выступает «процессом и результатом субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процессом и результатом субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 12]. Интерпретация соотносится с вариативностью концептуализации, при которой один и тот же текст активирует у разных адресатов различные фреймы и ассоциативные поля. Так, формулировка *Использовать средство в хорошо проветриваемом помещении* может интерпретироваться одним адресатом как необходимость открыть окно, другим – как требование использовать принудительную вентиляцию, третьим – рекомендация, допускающая отклонения, и т.д. Подобные расхождения обусловлены индивидуальным когнитивным опытом, уровнем абстракции мышления, структурой фоновых знаний, а в случае интерпретации инструктивных текстов – профессиональной подготовкой и уровнем ответственности адресата.

Объяснение как тип когнитивной переработки информации направлено на выявление причинно-следственных связей, закономерностей и алгоритмов, лежащих в основе содержания текста [Адресация текста… 2024: 17]. Данный тип концептуального взаимодействия связан с операциями категоризации и схематизации, позволяющими структурировать информацию и представлять её в виде логически упорядоченной системы. Он характерен, прежде всего, для научного (аналитического) мышления, основанного на логике, системности и способности выделять существенные признаки, соотносить отдельные элементы информации между собой, классифицировать факты и устанавливать взаимосвязи между ними. В инструктивных текстах объяснение часто сопровождает директивные формулы и направлено на повышение осознанности действий адресата. Так, указание *Не открывайте крышку при работающем устройстве, так как это может привести к травме* позволяет адресату не только усвоить запрет, но и понять его функциональную мотивацию. В результате формируются устойчивые поведенческие алгоритмы и снижается вероятность ошибочных действий.

Истолкование актуализируется в тех случаях, когда для адекватного понимания текста адресату недостаёт определённых данных. Данный тип концептуального взаимодействия предполагает восстановление утраченных или неактуализированных фреймов, без которых текст остаётся частично или полностью непонятным. Например, формулировка *Заземлить корпус устройства* требует обращения к техническому знанию о принципах электробезопасности.

Особым типом концептуального взаимодействия является адаптация (упрощение, симплификация) текста. Адаптация представляет собой целенаправленный процесс устранения когнитивных трудностей у адресата при сохранении достоверности и корректности информации и связана с перераспределением когнитивной нагрузки, упрощением концептуальных структур, экспликацией имплицитных смыслов и актуализацией базовых фреймов, доступных адресату. В отличие от интерпретации, адаптация основывается на экспертном знании и исключает искажение или фальсификацию содержания [Адресация текста… 2024]. Её целью является разработка эффективных способов упрощения текстов с учётом когнитивных возможностей читателей, что способствует реализации принципов социальной инклюзии в современном обществе и снижению коммуникативных барьеров. Соответственно, объём и форма подачи информации варьируются в зависимости от особенностей восприятия адресата, обусловленных его когнитивными, социальными и антропологическими характеристиками.

Адаптация текста осуществляется в нескольких форматах языковой репрезентации («простой язык» (*plain language* (англ.)) и «ясный язык» (*easy language* (англ.)*, leichte Sprache* (нем.)) и представляет собой управляемый процесс снижения когнитивной нагрузки адресата. Он достигается за счёт упрощения концептуальной структуры текста, уменьшения степени абстракции, экспликации имплицитных связей и ориентации на базовые когнитивные схемы, универсальные для большинства носителей языка.

В формате простого языка основной задачей является оптимизация когнитивной обработки текста без утраты его информативной полноты. Это предполагает сокращение количества вложенных структур, отказ от терминологической избыточности и предпочтение прототипических языковых средств. Ясный язык ориентирован на ещё более радикальное упрощение и предполагает максимальное соответствие текста элементарным когнитивным операциям, доступным адресату с ограниченными возможностями понимания.

Например, исходный фрагмент текста инструктивного характера *В случае несоблюдения установленных требований заявка подлежит аннулированию* на простом языке может быть сформулирован с помощью сложноподчиненного предложения, в котором прямая причинно-следственная связь заменяет пассивные конструкции и юридическую терминологию, – *Если требования не выполнены, заявку отменяют*. Ясный язык дополнительно актуализирует фрейм «правило – последствие», делая его явным и когнитивно прозрачным благодаря нескольким простым взаимосвязанным предложениям – *Есть правила. Правила нужно соблюдать. Если правила не соблюдены, заявку отменяют*.

Таким образом, текст как языковая единица, репрезентирующая динамично развивающуюся когнитивную систему человека, тесно связан с эволюцией познания. Он функционирует не только как средство передачи информации, но, прежде всего, как сложный когнитивный механизм, обеспечивающий формирование и

трансформацию ментальных моделей адресата. Различные форматы концептуального взаимодействия – от понимания до адаптации – отражают глубину и цели концептуального осмысления информации, способствуют преодолению коммуникативных барьеров и реализации принципов социальной инклюзии.

Литература

Адресация текста как прагматический фактор его дискурсивной обработки / Л.В. Куликова, С.В. Первухин, Н.В. Нечаева и др. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31 (246). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.

O. V. Magirovskaya *(Krasnoyarsk, Russia)*

Siberian Federal University

MAIN FORMATS OF COGNITIVE PROCESSING OF TEXTUAL INFORMATION

The article describes the main formats of processing textual information: understanding, interpretation, explanation, commentary, adaptation. It identifies the cognitive mechanisms that ensure the processing of textual information. Special focus is given to the factors causing cognitive difficulties that result from the addressee's conceptual interaction with the text.

Key words: understanding, interpretation, explanation, commentary, adaptation, textual conceptual interaction

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕЛЕСНОГО И ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПЫТА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

А. Р. Алексанян, Д. В. Юрченко *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
anchen@bk.ru, dmitry_yurchenko@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ТУРА

В данной статье рассматриваются особенности когнитивной и языковой репрезентации пространства в англоязычных текстах литературных туров. Тексты описывают локации, связанные с известными английскими литераторами. Описываемое пространство в основе своей реально, однако его смысловой фокус детерминирован личностью и произведениями литератора. Пространство может быть представлено как когнитивная метафора ИССЛЕДОВАНИЕ, а также ономастическими и образными языковыми средствами. Для усиления прагматического эффекта от описания пространства создателями текста применяются стратегии *аттрактивности пространства, эксклюзивности маршрута* и мысленного *погружения* реципиента в пространство.

Ключевые слова: текст, когнитивная метафора, языковая репрезентация, метафорическое пространство, средство номинации, текстовая стратегия

В нашей статье мы обратимся к проблеме когнитивной и языковой репрезентации пространства, создаваемого смысловой тканью информационно-рекламного текста, посвященного литературному туризму. Современная когнитивно-дискурсивная парадигма, принятые в ней постановки проблем, подходы к изучению языковых явлений и богатый исследовательский инструментарий дают возможность изучения концептуальных и языковых средств репрезентации пространственных отношений, в том числе и через описание локаций.

В качестве описываемого эмпирического материала будут рассмотрены англоязычные тексты литературных туров, представленные на сайте Literary Tours of England (https://literarytoursengland.com/). Данный сайт предлагает всем желающим принять участие в многодневном путешествии, связанном с жизнью, местом проживания и творчеством таких известных английских писателей, как У. Шекспир, Ч. Диккенс, Дж. Остин, Ш. Бронте, Т. Харди, Л. Кэролл, Дж. Оруэлл и многих других. Литературные туры представляют собой особый вид культурно-познавательной деятельности, связанной с жизнью и творчеством писателей и поэтов, их литературными произведениями, а также культурными явлениями (документальными, художественными фильмами и сериалами и т.п.), созданными по мотивам произведений и снятыми в тех же локациях.

Информация по каждому из предлагаемых туров каталогизирована, разбита по времени (дням) и содержит подробное описание туристических локаций на месте пребывания, достопримечательностей, экскурсионной программы, а сайт представляет собой специализированный электронный каталог, имеющий своей целью ознакомить потенциального потребителя с предлагаемой услугой и купить ее.

С.Н. Безус отмечала широкий диапазон туристических текстов и выделяла среди них туристические путеводители, туристические брошюры, каталоги и программы путешествий и, в некоторых случаях, туристические билеты [Безус 2017]. Мы будем считать текст литературного тура частным случаем туристического каталога, содержащим основную информацию по программе путешествий. Подобные тексты обладают рядом универсальных текстовых признаков, к которым Л.Е. Бахвалова относит информативность, цельность, связность, интеграцию и завершенность [Бахвалова 2010]. Описываемые путешествия (туры) дают возможность познакомиться с городами, историей, культурой и архитектурой Англии, в том числе через литературный контекст. Тексты каталогов обладают высокой информативностью и плотностью информации, что роднит его с деловым текстом, но в то же время основная задача такого типа текстов состоит в обращении к эмоциональной сфере реципиента с целью вызвать живой интерес.

Туры сайта Literary Tours of England представляют собой очень хороший пример лингвистического картирования местности и текстовой репрезентации локации через ее ономастические реалии, прежде всего топонимы и урбанонимы (ойкодомонимы, годонимы, агоронимы и т.п.) и ономастическую спецификацию, прямо или косвенно связанную с литератором. Например, описание тура, посвященного жизни и творчеству писательницы Дж. Остин, разбито по дням и включает в себя такие разделы, как **«Day 1: Drive to Bath …, Day 2: Explore Bath …, Day 3: Explore Bath …, Day 4: Drive to Winchester…, Day 5: Explore Jane Austen's Hampshire…, Day 6: Explore Winchester and other attractions…, Day 7: Drive to Heathrow Airport»** (Jane Austen Tour). Каждый день подробно описан через фактическую, культурно-историческую и литературную репрезентацию локации, где главными элементами картирования становятся топонимы и литератор в контексте города и своего творчества. Например:

Day 2: Explore Bath

A full day to enjoy this historic city and its Jane Austen associations.

Bath is a special place. Built by the Romans around the only natural hot springs in England, it's been preserved for its marvelous Roman remains and its Georgian architecture in the Palladian style. No wonder the entire city has been designated a World Heritage Site by UNESCO. Jane Austen lived in Bath – unhappily – from 1801 to 1806 and the city, especially its social life, provided inspiration for her novels. Northanger Abbey *(1817) and* Persuasion *(1818) are even set in Bath. We'll visit the Jane Austen Centre, a modest museum that commemorates Jane's time in the city. You'll be greeted on the front steps by Mr. Bennet from* Pride and Prejudice *(1813). Actually it's Martin Salter, who's said to be the most photographed man in England! The museum features an instructive video presentation and costumed guides. There's also a fine gift shop and Regency Tea Room* (Jane Austen Tour).

Приведенные примеры, в нашем понимании, можно рассматривать как когнитивный и языковой уровни репрезентации пространства в тексте литературного тура. Рассмотрим их более подробно. Помимо фактологического описания маршрута в целом и пространства каждого топонима в частности, текст содержит ярко

выраженную прагматическую установку на привлечение интереса. Каждый день образует отдельный формальный и семантический блок, который обещает новые впечатления. В понимании когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004] эти блоки можно рассматривать как элементы, репрезентующие когнитивную метафору ОТКРЫТИЕ, создающую метафорический каркас всего тура. Обращение к эмоциональной сфере и будущим впечатлениям реципиента имеет своей целью убедить его в привлекательности маршрута и предложения. На языковом уровне когнитивная метафора ОТКРЫТИЕ представлена через глаголы *to drive (ехать)* и *to explore (открывать, исследовать)*, используемые в отношении перемещения в пространстве и знакомства с ним, например: ***Drive to Bath, Drive to Winchester, Day Drive to Heathrow Airport, Explore Bath, Explore Winchester and other attraction*.**

Внутри каждого блока через образную лексику первичной номинации, лексические метафоры и тематическую лексику раскрывается яркая картина пространства, свидетельствующая о его уникальности (*special place, built by the Romans, natural hot springs, marvelous Roman remains, Georgian architecture, Palladian style, World Heritage Site by UNESCO).* Город представлен как источник вдохновения для Дж. Остин и место сюжета ряда литературных произведений *(inspiration for her novels,* Northanger Abbey *(1817),* Persuasion *(1818).* Как одна из нынешних туристических аттракций указывается музей писательницы *(Jane Austen Centre),* воссоздающий исторический колорит эпохи начала XIX в. как через костюмы, современные формы презентации и сувенирную продукцию (*instructive video presentation, fine gift shop)*, так и через присутствие в нем образов героев книг: *You'll be greeted on the front steps by Mr. Bennet from* Pride and Prejudice *(1813).* Важным элементом текста является и связь с настоящим в виде ссылок на современную массовую культуру и медийное узнавание отдельных лиц и фактов, например: *Martin Salter, who's said to be the most photographed man in England!, location for many feature films and TV shows, the excellent adaptation of* Persuasion*.* Создаваемое таким образом в тексте пространство города подчеркивает его значимость, историческую ценность и, при этом, наполненность современной жизнью и живым интересом.

Рассмотрим стратегии создания описываемого пространства. Первой прагматической стратегией в подобных текстах выступает ***аттрактивность***, погружающая реципиента в описываемое пространство. Она достигается за счет концептуальной метафоры, присутствующей в тексте, и языковых средств, репрезентующих её. Создаваемое пространство когнитивно по своей природе. Заявленное путешествие обещает новый опыт, много открытий, впечатлений и напрямую обращается к эмоциональной сфере реципиента.

Второй прагматической стратегией, реализуемой через подобные тексты, можно рассматривать как ***эксклюзивность*** для реципиента. У него должно создаваться впечатление, что тур подготовлен исключительно для него с целью удовлетворить все эстетические запросы и потребности, например: *This specially designed tour takes you to the historic city of Bath, where the Austen family lived for six years,*

and to their home in Hampshire. The tour is completely private. You and your party will be our only guests. What's more, the pace is unhurried. Само пространство тоже представлено как уникальное через употребление образной лексики с положительной семантикой, например: *Bath is a* ***special*** *place, The Roman Baths are* ***spectacular****, Winchester's* ***splendid*** *cathedral,* ***instantly recognizable*** *as a location for countless period dramas in film and television* и др.

Третьей стратегией, на наш взгляд, является ***погружение*** в пространство. Её целью является мысленно перенести реципиента из внешнего мира в создаваемое пространство текста и сделать его частью, одновременно погрузившись в жизнь и эпоху литератора, например: *You'll have plenty of time to immerse yourself in Jane Austen's world and enjoy every site you visit (literary, non-literary, film and TV locations)*.

Подведём некоторые итоги работы. Такие онимы, как дома-музеи, памятники, достопримечательности и локации, где разворачиваются действия романов являются частью описываемого пространства в тексте литературного тура. Они должны вызывать неподдельный интерес у реципиентов текста (туристов), затрагивая их эмоциональную сферу и побуждая к исследованию данного пространства.

Пространство может иметь в тексте когнитивную и языковую репрезентации. Когнитивная репрезентация пространства возможна через концептуальную метафору (в нашем случае ОТКРЫТИЕ). Она может располагаться эксплицитно или имплицитно в ключевых блоках текста (например, заглавии), задавая рамки метафорического толкования. Языковая репрезентация реализуется через единицы первичной и вторичной номинации со значительной долей образной лексики. Для привлечения интереса реципиента к пространству при создании текста используются стратегии ***аттрактивности пространства, эксклюзивности тура*** и мысленного ***погружения реципиента*** в пространство. Само пространство в основе своей реально, однако в подобном роде текстов детерминировано личностью литератора и его творчеством, которые выступают как главный смысловой фокус.

Литература

Бахвалова Л.Е. Лингвопрагматические параметры экскурсионной речи // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2010. № 4. С. 90-93.

Безус С.Н. Жанровый диапазон туристических текстов // Вестник экспертного совета. 2017. № 3 (10). С. 60-68.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Literary tours of England. URL: https://literarytoursengland.com/

A. R. Aleksanyan, D. V. Yurchenko *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

COGNITIVE AND LINGUISTIC REPRESENTATION OF SPACE IN THE TEXT OF A LITERARY TOUR

The paper examines the features of the cognitive and linguistic representation of space in the English-language texts of literary tours. The texts describe locations associated with famous English writers. The described space is basically real, but its semantic focus is determined by the per-

sonality and works of the writer. The space can be represented as a cognitive metaphor, as well as through onomastic and figurative language. To enhance the pragmatic effect of describing space, the text creators use strategies of space attractiveness, route exclusivity, and the recipient's mental immersion in the space.

Key words: text, cognitive metaphor, linguistic representation, metaphorical space, means of nomination, textual strategy

Т. Е. Алексеева-Нилова, О. Н. Неганова *(Санкт-Петербург, Россия)*

Санкт-Петербургский государственный университет
t.alekseeva-nilova@spbu.ru, leeevillon@gmail.com

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА СЛОЖНОСТИ ТЕСТА ПРИ ДИАГНОСТИКЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ 12-14 ЛЕТ[1]

В статье рассматривается субъективная оценка сложности теста как индикатор когнитивной нагрузки при выполнении заданий на проверку сформированности навыков чтения. Анализируется, в какой мере субъективное восприятие сложности задания участником соотносится со скоростью и успешностью выполнения каждого из восьми когнитивных тестов у русских подростков 12–14 лет. Показано, что диагностическая ценность субъективной оценки напрямую зависит от типа задания, уровня сформированности механизмов метакогнитивного контроля у учащегося и степени формализованности критериев успешности прохождения теста.

Ключевые слова: механизмы чтения, сложность теста, субъективная оценка, подростковый возраст

В экспериментальной лингвистике возрастает интерес к изучению субъективных параметров когнитивной деятельности, дополняющих традиционные объективные показатели выполнения заданий [Ахметова, Касаболотова 2016]. Наряду со временем реакции, точностью и успешностью прохождения теста всё большее внимание уделяется субъективной оценке сложности теста, отражающей индивидуальное восприятие когнитивной нагрузки и степень осознанности собственных когнитивных ресурсов [Кожевников, Данилова 2023]. Данный параметр рассматривается как важный компонент метакогнитивной регуляции деятельности и может служить дополнительным индикатором особенностей обработки информации [Старыгина, Нуриев 2017].

Особую значимость анализ субъективной сложности теста приобретает в исследованиях механизмов чтения у детей и подростков, поскольку чтение представляет собой сложный, многоуровневый когнитивный процесс, включающий перцептивную обработку зрительного стимула, фонологическое декодирование, лексический доступ, синтаксическую и семантическую интеграцию [Kintsch 1998]. На разных этапах формирования навыка чтения нагрузка на отдельные когнитивные механизмы может варьироваться, что отражается как на объективных показателях выполнения, так и на субъективном восприятии сложности задания [Макеева, Мартынова 2020].

[1] Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 25-28-03517

Процесс овладения навыком чтения в детском возрасте характеризуется постепенной автоматизацией базовых операций [Лалаева 1983; Корнев 1997]. На начальных этапах значительная часть когнитивных ресурсов направлена на декодирование графемно-фонемных соответствий, в то время как по мере развития навыка возрастает роль лексического и семантического уровней обработки [Cain et al. 2004]. В связи с этим субъективная оценка сложности может зависеть не только от формальной структуры задания, но и от уровня сформированности отдельных когнитивных компонентов у конкретного ребёнка [Кузьмина, Авдеева, Тарасова 2023].

Цель данного исследования – выявление соотношений между оценкой сложности задания на проверку навыков чтения самим учащимся и объективными показателями выполнения этого задания — скоростью и успешностью — у русских подростков в возрасте 12–14 лет. **Гипотеза** заключалась в том, что субъективная оценка сложности будет коррелировать с объективными параметрами, однако, характер и направленность этих связей могут различаться в зависимости от типа когнитивной задачи и степени её формализованности [Наумов, Выхованец 2014].

Участники. В исследовании приняли участие 15 русских школьников (8 девочек, 7 мальчиков) в возрасте от 12 до 14 лет (Me=13, SD=0.775) с нормальным или скорректированным до нормы зрением и без диагностированных неврологических нарушений. Эксперимент включал восемь наиболее часто используемых в практике тестов (см. табл. 1), направленных на оценку сформированности навыка чтения и связанных с ним когнитивных процессов, проводился индивидуально с каждым участником, в присутствии одного и того же экспериментатора. После выполнения каждого задания участники оценивали его по порядковой шкале сложности, где -2 – очень сложное задание, +2 – очень легкое. В ходе выполнения каждого задания фиксировались время реакции и успешность прохождения теста.

Таблица 1. Результаты анализа полученных данных

Название теста	Инструкция	1 Время, затраченное на выполне-ние теста (ср.знач.)	2 Успешность прохождения теста (ср.знач.)	3 Субъективная оценка сложности теста (ср.знач.)	Уровень значимости коэффициента ранговой корреляции Кендалла (*p*- значение) между		
					1 & 2	2 & 3	1 & 3
1	2	3	4	5	6	7	8
Чтение слов [Дорофеева и др. 2021]	Читать слова как можно быстрее и без ошибок (144 слова)	98 с	98,6 %	+ 1,33	**0,017**	**0,002**	> .05
Чтение псевдослов [Дорофеева и др. 2021]	Читать псевдослова, стараясь не допускать ошибок (144 псевдослова)	120 с	94,9 %	– 0.7	**0,018**	> .05	**0,042**

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Чтение текста [Корнев 1997]	Прочитать текст (181 слово) и ответить на вопросы по содержанию (8 вопросов)	93 с чтение текста 39 с – ответы на вопросы	99,4 % 79 %	+ 0,8	> .05	> .05	> .05
Недорисованные изображения [Семаго 2004]	Назвать, что было изображено на картинке (12 половинок предметов)	–	–	0,0	–	–	–
Звуковая замена [Дорофеева и др. 2018]	Заменить заданный звук в слове (Например, *звук “а” на “у”. Ма. *пауза**)	180 с	100%	+ 1,1	–	–	–
Субтест Векслера № 5 (Словарный. Детский вариант)	Дать определения предъявляемым словам	–	75,2 %	– 0,9	–	**0,021**	–
Субтест Векслера № 6 (Повторение цифр. Прямой порядок)	Повторить последовательности цифр в прямом порядке	63 с (макс.длина числового ряда - 6)	56 %	+ 0,5	**0,018**	> .05	> .05
Субтест Векслера № 6 (Повторение цифр. Обратный порядок)	Повторить последовательности цифр в обратном порядке	58 с (макс.длина числового ряда - 4)		– 0,7	**0,018**	> .05	> .05

Методы. Для статистического анализа данных использовались корреляционный анализ, линейные регрессионные модели и ординальная регрессия. Такой комплексный подход позволил оценить вклад времени реакции и субъективной оценки сложности теста в объяснение успешности выполнения заданий [R Core Team 2025; JASP Team 2024].

Результаты. Анализ полученных данных (см. табл. 1) выявил значимые корреляции между скоростью и успешностью прохождения теста только в заданиях с чёткими критериями правильности ответа: тестах на чтение слов, псевдослов и повторение цифр в детской версии шкал интеллекта [WISC] – чем успешнее участник справлялся с заданием, тем меньше времени тратил на его выполнение. Значимые взаимосвязи между субъективной оценкой сложности теста и успешностью его выполнения были обнаружены в задании на чтение слов и в словарном субтесте Векслера – чем успешнее участник выполнял эти задания, тем более лег-

кими они ему казались (т.е. он адекватно оценивал собственные когнитивные затраты). Взаимосвязь между субъективной оценкой сложности и временем выполнения задания обнаружена только для теста с псевдословами – чем больше времени участник тратил на чтение псевдослов, тем более высокую оценку сложности он ставил этому тесту. Для тестов «Недорисованные изображения» и «Звуковая замена» статистически значимых взаимосвязей между субъективной оценкой их сложности и объективными параметрами выполнения задания (скоростью и успешностью) обнаружено не было, что, по всей видимости, связано с методическими особенностями самих тестов. Задание на звуковую замену оказалось чрезмерно простым для данной возрастной группы: все участники выполняли его одинаково успешно и быстро, что исключило возможность анализа индивидуальных различий. Задание с недорисованными изображениями, напротив, характеризовалось отсутствием объективных критериев правильности его выполнения и высокой вариативностью интерпретаций стимулов (участники предлагали несколько правильных вариантов угадывания недорисованного предмета), что существенно затруднило количественный анализ полученных данных.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что субъективная оценка сложности теста может рассматриваться как дополнительный индикатор когнитивной нагрузки в ряде тестов на проверку навыков чтения у подростков и использоваться как предиктор сформированности этих навыков в педагогической практике, однако его диагностическая ценность напрямую зависит от типа теста и валидности шкалы оценки того, насколько успешно этот тест пройден.

Литература

Ахметова Н.А., Касаболотова Г.А. Психолингвистические аспекты процесса чтения как вида речевой деятельности // Концепт. 2016. № 10. С. 101-114.

Дорофеева С.В., Гринько И.Ю., Перевощикова Т.Д., Драгой О.В. Разработка тестов на чтение слов и псевдослов для оценки навыков чтения у русскоговорящих детей // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. М.: Буки Веди; Ин-т практической психологии и психоанализа, 2021. С. 502-507.

Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Методология исследования понятия «сложность» // Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 1. С. 34-42.

Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб.: МиМ, 1997.

Кузьмина Ю.В., Авдеева С.М., Тарасова К.В. Цифровая грамотность и когнитивный контроль у детей // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 4. С. 81-97.

Лалаева Р.И. Нарушение процесса овладения чтением у школьников. М.: Просвещение, 1983.

Макеева С.Г., Мартынова Е.Н. Теоретические основы формирования смыслового чтения как универсального учебного действия // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 61-73.

Наумов И.С., Выхованец В.С. Оценка трудности учебных задач на основе синтаксического анализа текстов // Учёные записки. 2014. № 48. С. 102-115.

Семаго М.М., Семаго Н.Я. Диагностико-консультативная деятельность психолога образования. М.: Айрис-пресс, 2004.

Старыгина С.Д., Нуриев Н.К. Дидактическая инженерия: оценка сложности тестов // European Science. 2017. № 14. С. 45-52.

Cain K., Oakhill J., Bryant P. Children's Reading Comprehension Ability: Concurrent Prediction by Working Memory, Verbal Ability, and Component Skills // Journal of Educational Psychology. 2004. Vol. 96. Pp. 31-42.

JASP Team. JASP (Version 0.19.3) [Computer software]. 2024.

Kintsch W. Comprehension: A Paradigm for Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 38-51.

R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2025.

WISC. URL: https://psylab.info/Тест_Векслера/Детский_вариант

T. E. Alekseeva-Nilova, O. N. Neganova *(St Petersburg, Russia)*

St Petersburg State University

SUBJECTIVE DIFFICULTY ASSESSMENT OF READING-RELATED COGNITIVE TASKS IN CHILDREN AGED 10-14

The paper examines the relationship between subjective difficulty assessment of cognitive tasks and objective performance measures in children aged 10-14. The study focuses on reading-related tasks and shows that subjective difficulty reflects cognitive load mainly in tasks with clearly defined success criteria.

Key words: reading mechanisms, cognitive tasks, subjective difficulty, adolescence

Л. С. Абросимова *(Ростов-на-Дону, Россия)*

Южный федеральный университет

lara.abrossimova@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Телесность рассматривается как фундаментальная основа человеческого опыта и познания. Язык отражает и формирует наше восприятие телесного опыта, включая сенсорные ощущения, двигательные реакции и эмоциональные состояния. Когнитивная лингвистика способствует объективации телесного опыта путем анализа категорий, метафор, семантического пространства и этнокультурных особенностей.

Ключевые слова: когниция, когнитивная лингвистика, концептуализация, телесность, экспериенциализм

На современном этапе становления когнитивной науки продолжается уточнение и расширение ее методологического аппарата. Онтология лингвистики – это философско-лингвистическое учение о бытии языка, его фундаментальных сущностях, категориях, структуре и их связях, задача которого – моделировать знания о мире через язык. Принимая за основу постулаты когнитивной лингвистики, мы считаем невозможным когнитивное исследование без обращения к телесным смыслам.

Природу лингвистических процессов возможно обнаружить и раскрыть только обращаясь к человеку и его когнитивному потенциалу. Применительно к когнитивной лингвистике, мы опираемся на следующие установки онтологического подхода: междисциплинарность, соразмеримость эволюции человека с эволюцией

природы, учет телесности как части когнитивного аппарата человека, а также понимание человека не как исключительно рационального, а как эмоционального, чувственного существа.

Обращение к онтологическим основам когнитивной лингвистики обусловлено попыткой понимания ее глубинных бытийных истоков, что является довольно сложной задачей в связи с необходимостью применения методологий, выходящих за рамки лингвистики и требующих *междисплинарного* рассмотрения.

В данной работе мы остановимся более подробно на телесности как одном из онтологических оснований когнитивной науки. Несмотря на все рациональное, которое процветает в нашем современном, технологичном мире, человек не перестал быть телесным. Гуманитарная наука в течение долгого времени игнорировала тело. Более того, достаточно продолжительно тело рассматривалось как низменное и недостойное изучения. Гуманитарные науки изучали исключительно социальные и психические проявления человеческой природы. Сегодня же гуманитарий, постоянно расширяя зону своих интересов и привлекая данные других наук, не может обойтись без обращения к психофизиологии. Раньше мышление человека пытались уподобить работе машины, а теперь машину пытаются построить по подобию мозга человека. Очевидно, что обращение к психофизиологическим процессам – перспективно, и наши интуиции о важности телесного опыта находят подтверждения в различных исследованиях признанных экспертов в области когнитивистики. Как отмечает Стефан Дж.Коули (S.J. Cowley) в своем докладе на Международной научной конференции «Проблемы языкового сознания», проходившей в Тамбовском ГУ им. Г.Р. Державина в 2011 г., язык не может изучаться изолированно, отдельно от других наук, так как язык – связующее звено между мозгом, телом и деятельностью: «…language links brains, bodies, activity and the cultural world» [Cowley 2011: 33]. Сторонники данного подхода рассматривают язык как средство обеспечения взаимодействия мозга, тела и окружающей действительности.

Джордж Лакофф в своей знаменитой работе «Женщины, огонь и опасные вещи» противопоставляет традиционный объективистский (философский – мы бы уточнили – классически философский) взгляд на мышление и новый экспериенциальный. Ученый приводит подробную классификацию принципов и того и другого подходов. Как первый, так и второй подход признают категоризацию основным способом осмысления действительности. Однако телесная обусловленность мыслительных процессов учитывается в экспериенциальном походе. «Мышление является воплощенным. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф 2004: 13].

Рядом ученых подчеркивается важность кинестетического знания в связи с тем, что различные формы перцепционного / телесного опыта дают начало когнитивным схемам, имеющим аналоговые качества, т.е. ментальные модели отражают

кинестетические качества тела, его визуальные и пространственные репрезентации [Gibbs, Colston 2006: 248].

Известно, что даже слепые люди вполне успешно справляются с задачей освоения действительности посредством тактильных операций. Здесь уместно вспомнить эксперимент, проведенный в Загорской школе-интернате для слепых воспитанников («Загорский эксперимент»). Ученые, оценивающие результаты эксперимента, характеризовали знания нескольких выпускников и, в дальнейшем, чрезвычайно успешных студентов МГУ, как «ясные и отчетливые», приписывая их более свободному и осознанному владению своим телом. Так, «ясность и отчетливость» восприятия мира достигается именно в процессе активной человеческой деятельности, инструментом которой является тело человека, присваивающего в этой деятельности анатомию и механику предметного мира. Осваивая мир, человек судит о его форме и параметрах в соответствии с формами и параметрами собственного тела, т.е. образом своего телесного Я. А эти самые формы и параметры своего тела человек добывает, встраиваясь в систему социально-культурного пространства» [Богданова 2009].

Такая «телесная воплощенность» разума наиболее ярко отражается в «соматичности» языка. Многие представления формируются как результат телесного взаимодействия с окружающим миром, отражая теорию «концептуальной метафоры» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), которая является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики и согласно которой концепции организуются вокруг телесных переживаний и взаимодействий с миром. Например, метафорические выражения *глубоко в сердце*, *в глубине сердца* отражают наше физическое восприятие глубины, связанное с восприятием пространства: *Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил* ***в глубине сердца****: они там и умерли* (Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени). В данном случае концептуализация происходит на основе сходства физических характеристик, что обусловлено сенсорными ощущениями, полученными через органы чувств. Таким образом, тело становится отправной точкой для понимания в том числе и абстрактных концепций.

Очевидно, что пространственные ориентиры являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни с самого рождения, они осваиваются при помощи движения тела в пространстве и также находят отражение в языке (предлоги места и движения, наречия места, глаголы состояния и чувственного восприятия, телесные метафоры и др.). Такие «языковые маркеры», реализуя тесную взаимосвязь абстрактных понятий и физического опыта, способствуют более легкому пониманию и интерпретированию окружающего мира. Клаудия Бругман и Джордж Лакофф подчеркивают необходимость в когнитивной топологии, которая берет человеческое тело за точку отсчета изучения структур в смысле пространственных отношений. Подразумевается, что структуры, изучаемые в рамках когнитивной топологии, имеют источником сенсорно-моторные операции [Brugman, Lakoff 2006: 110-111].

Человеческий эмоциональный опыт также неразрывно связан с телесностью. Психосоматические проявления такого опыта (дрожь, сердцебиение, дыхание) отражаются в языке, подчеркивая взаимосвязь эмоциональных состояний и тела. Такие выражения как *руки холодеют*, *дыхание спирает, сердце замирает, ноги ватные* позволяют достаточно точно передавать такие человеческие эмоции, как страх, восторг, отчаяние и др. В данном случае ментальность буквально строится на фундаменте ощущений собственного тела. Эти метафоры показывают, как человеческий разум переносит телесные переживания на осознание сложных жизненных ситуаций и эмоций. Благодаря телесному опыту человек понимает и интерпретирует мир вокруг себя более легко и точно.

Необходимо отметить, что «физические качества есть не только проявление способности индивида к выполнению «практической работы», они также выступают компонентом человеческой потребности «заметить себя», обнаружить свое собственное присутствие в мире, определить свое место в этом мире, а также телесным образом «рассказать» о культуре, к которой он принадлежит. Одной из движущих сил лингвокреативной деятельности человека и является именно это желание человека» [Абросимова 2012: 478].

Таким образом, телесность представляет собой отправную точку в формировании многих концептуальных структур, играет значимую роль в процессах категоризации действительности и формирования способов представления знаний, способствует формированию социокультурных образцов поведения. Исследования в рамках когнитивной лингвистики продолжают доказывать значимость телесности в формировании языковой системы. Языковые категории позволяют структурировать и группировать разнообразные телесные ощущения, формируя основу для их вербального выражения и коммуникации. Объективация телесного опыта языком является процессом, при помощи которого индивидуальный чувственный опыт тела преобразуется в общие понятия и категории, доступные для понимания другим людям. Объективированный опыт становится предметом разговора, письма, искусства и других форм коммуникации. Через символы и метафоры язык помогает выразить эмоциональные состояния и внутренние переживания. Таким образом, личные чувства становятся частью коллективного сознания и культуры.

Когнитивная лингвистика способствует объективации телесного опыта путем анализа категорий, метафор, семантического пространства и этнокультурных особенностей. Она раскрывает механизмы, благодаря которым мы можем передавать и понимать физические ощущения и переживания, обогащая нашу способность общаться и познавать мир.

Литература

Абросимова Л.С. Рефлексия телесного опыта в лингвокреативной деятельности (словообразовательный аспект) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 476-485.

Богданова М.А. Становление образа телесного Я как проблема рождения личности // Психология телесности: теоретические и практические исследования. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/psytel2009/contents/40808

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Brugman C., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. Berlin; New-York: De Gruyter Mouton, 2006. Pp. 109-139.

Cowley S.J. Linguistic cognition: using cognitive contexts to realize values // Когнитивные исследования языка. 2011. № 8. С. 33-35.

Gibbs R.W., Colston H.L. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. Berlin; New-York: De Gruyter Mouton, 2006. Pp. 239-268.

L. S. Abrosimova *(Rostov-on-Don, Russia)*
Southern Federal University

PERCEPTION OF CORPOREALITY IN COGNITIVE LINGUISTICS

Corporeality is considered as the fundamental basis of human experience and cognition. Language reflects and shapes our perception of bodily experience, including sensory sensations, motor responses, and emotional states. Cognitive linguistics contributes to the objectification of bodily experience through the analysis of categories, metaphors, semantic space, and ethnocultural characteristics.

Key words: cognition, cognitive linguistics, conceptualization, corporeality, experientialism

Г. В. Беликова *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
gv.belikova@mpgu.su

СХЕМАТИЗАЦИЯ НОВОГО В ЯЗЫКЕ: АРХЕТИПЫ И ФРЕЙМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Рассматриваются когнитивные механизмы вербализации актуальных реалий и формирования лексико-семантических неологизмов в современном французском языке. В центре внимания – процесс схематизации эмпирических фактов и их концептуализации через призму языка. На избранных примерах проиллюстрированы механизмы взаимодействия фреймовых структур, фундирующих значения рассматриваемых неологизмов. Показано, что создание номинантов актуальных реалий во французском языковом сознании представляет собой не произвольный, а схематизированный акт, подчиненный универсальным когнитивным моделям (протофреймам, архетипам).

Ключевые слова: неологизм, фрейм/протофрейм, концептуализация, метафорическая схематизация, архетип

Динамика современного мира, особенно в технологической и социокультурной сферах, постоянно порождает новые явления, требующие языкового обозначения. Французская языковая культура, с ее богатой словообразовательной традицией и активной языковой политикой, представляет собой уникальное поле для изучения того, как происходит концептуализация актуальных социокультурных явлений и как язык «схватывает», фрагментирует и осмысляет новую реальность.

Процессы неологизации в современном французском языке обнаруживают не создание принципиально новых моделей, а «развертывание» и адаптацию укорененных в коллективном сознании ментальных схем. Так, недавний неологизм *sapiosexuel* (сапиосексуал, т.е. человек, испытывающий влечение к умным людям; слово впервые отмечено во французском языке около десяти лет назад, но кодифицировано в словаре Petit Robert только в 2025 г.) концептуализирует такое социальное и психофизиологическое явление как сексуальное и романтическое влечение человека к другому. При этом основанием этого «притяжения» выступают не физическая красота, а интеллект, эрудиция, остроумие и когнитивные способности партнера. Результат телескопии в лингвистическом плане, этот термин является языковой «монограммой» концептуальной интеграции двух фреймовых структур знаний. Первый фрейм-источник данного понятия – «сексуальная ориентация», активируется морфом *-sexuel* (homosexuel, hétérosexuel, bisexuel) и структурирует знание о человеческих отношениях, в частности сексуальном влечении к другому. Эта базовая, универсальная когнитивная модель психофизиологии человека сразу же категорирует новое явление не как черту характера или предпочтение, а как отдельный вид сексуальной ориентации, ставя его в один ряд с типовыми категориями. Второй фрейм-источник может быть назван «интеллект как сущность», поскольку он представлен, что показательно, не общеупотребительным intelligence, а латинским корнем *sapio-* (от sapere – «быть мудрым, иметь вкус, разум»), создающим металингвистические коннотации, отсылающие не к обыденному представлению, а к элитарному, почти сакральному протофрейму «Sapiens» – человек разумный. Данный языковой экспонент фокусирует в значении рассматриваемого неологизма отдельные элементы этого протофрейма, структурирующего представление об интеллекте не как наборе знаний, а разуме и мудрости – высшей способности, которая определяет человеческую сущность.

Итак, опираясь на кантовскую теорию творческого воображения и схематизма [Кант 2015] для представления специфики концептуализации рассматриваемого явления, можно заключить следующее: *образ* – человек, испытывающий влечение к другому, когда наблюдает работу его ума (дискуссия, шутка, анализ), – «включает» *схему* (правило синтеза образа), функционирующую здесь как интеграция элементов фрейма «сексуальная ориентация» с архетипическим концептом «мудрость/разум как высшая ценность»; эта схема, определяя наше созерцание, активирует новое *понятие* – «вид сексуальной ориентации, где объектом влечения является интеллектуальная сущность другого человека», которое, в свою очередь, вызывает *имя* «sapiosexuel» (sapiens + sexualité). Это номинант является прямым отражением описанной схемы концептуализации, а также иконическим знаком в том смысле, в каком Поль Рикер утверждал: «Прежде, чем стать гаснущим восприятием, образ пребывает возникающим значением» [Рикер 1990: 421]. Имя *sapiosexuel* не просто называет явление, не описывает его, а, скорее, изображает воплощенную связь *sapio-* (интеллект-сущность) + *-sexuel* (вектор влечения), тогда как его значение овнешняет фрагмент коллективного сознания (идеи о примате разума) как универсальной константы в его проекции на новый социальный опыт.

Коллективное языковое сознание, сталкиваясь с новыми сложными идеями (социальная справедливость, экология, биоэтика), не изобретает с нуля формы их языковой концептуализации, но зачастую эксплуатирует не просто «старую» лексику, а архетипические культурные коды, заряженные сакральным, историческим или мифологическим смыслом. Так, например, популярный окказионализм *carbonalyser* (перен. расширения для браузеров, позволяющее измерять углеродный след веб-навигации и оценить влияние интернет-серфинга на окружающую среду), или родственный ему окказионализм *carbonifère* (перен. эпоха цифрового загрязнения), «заимствуются» из своего фрейма «геологическая эра», терминал «каменноугольный период» для того, чтобы стать мифоподобным обозначением современной «эры углерода». В результате метафорической схематизации современная цифровая цивилизация уподобляется гигантским геологическим силам, отложениям каменноугольного периода, которые теперь – не залежи угля, а выбросы CO_2, а цифровые облака, как геологические пласты, становятся предвестниками грядущей климатической катастрофы. Профилируемые в значениях неологизмов базисные знания о грязной, примитивной эпохе ископаемого топлива, эпохе накопления углерода в форме угля, создают представление об «окаменевающих» цифровых практиках в виде нашего климатического будущего. Таким образом, эти эмблематические номинанты – своего рода анти-бренд, противопоставленный образам «зеленого», «чистого» цифрового будущего. Актуализация подобной номинации в дискурсе становится серьезным инструментом когнитивного рефрейминга, заставляющего пересмотреть всю парадигму восприятия цифрового мира с позиций исторической ответственности за судьбу планеты.

Сходная когнитивная логика лежит в основе неологизма *infox*: возникнув как окказиональное образование, он был институционализирован в качестве официальной замены англицизму fake news, четко концептуализируя идею намеренно распространяемой ложной информации в медийном и цифровом пространстве. Феномен целенаправленной дезинформации в медиасреде осмысливается и подводится под понятие посредством активации архетипического элемента «угроза жизни» в результате схематизации – концептуального блендинга (М. Тернер, Ж. Фоконье): отображения и смешения фреймовых элементов двух исходных концептуальных доменов «*information*» (1) и «*toxique*» (2) в новом, создаваемом метафорой ментальном пространстве «бленде». Таким образом понятие *Infox* получает свое значение как отражение того, что и как представляется в подводимом под это понятие эмпирическом факте. Решающими для организации его значения становятся метафорические инференции, обусловленные проекцией слотов «яд, заражение, болезнь» из фрейма (2), транслирующих не просто знания о вреде такой информации, но активирующих архетипическую модель угрозы, невидимой, проникающей и отравляющей «тело» социума: ложная информация – это не ошибка, а яд для демократического организма. Термин *toxique*, обозначающий химико-биологическую характеристику вещества, извлеченный из своего фрейма, становится мифоподобным компонентом в составе номинанта *Infox*, поскольку

профилирует в его значении сему абсолютного, буквально биологического зла, причиняемого намеренной ложной информацией, и требующего, соответственно, «иммунного ответа» (медиаграмотность, цензура, регулирование), т.е. очищения информационного пространства.

Эту же мифопорождающую модель демонстрирует и неологизм *startupeur* (предприниматель, основатель стартапа), в частности при его актуализации в метафорическом контексте. Интеграция во французский язык этой кальки с английского происходит, по-видимому, через морф -eur, который активирует фрейм «активного агента», часто рискующего «героя-деятеля» – entrepreneur-aventurier, explorateur (см., о не только лексической «детализации концептуального содержания» в [Болдырев 2011:15]). Так, в предложении *Startupeur à la conquête du Far West numérique* (*Стартапер, покоряющий цифровой Дикий Запад*) (https://legrandcontinent.eu/fr/2025/11/20/sortir-du-brainrot-une-strategie-europeenne) неологизм *startupeur* в соположении с метафорическим *Far West numérique* активирует фрейм с концептуальным основанием «стартапер» и находящийся за ним «набор» информации, который накладывается на свернутый в имени *Far West* историко-мифологический сценарий об освоении американского Запада. Таким образом, стартапер, этот новый ковбой-первопроходец, осваивает цифровые просторы вместо прерий и ведет конкурентную борьбу вместо перестрелок, его «золотая лихорадка» – это поиск европейской стратегии против доминирования Кремниевой долины и завоевывание новых территорий, таких как ИИ, «Банда пяти» (IT-гиганты) GAFAM или новейшие технологии.

Итак, подводя итог, отметим, что описанные когнитивные модели создания неологизмов широко представлены в современной французской языковой культуре. Подобные языковые новообразования являются характерным знаком мифоподобного творчества нации, они демонстрируют, как национальный язык становится полем идеологической борьбы и инструментом конструирования новой социальной реальности через архетипические модели.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С.11-16.

Кант И. Критика чистого разума // Книга вторая. Аналитика основоположений. Глава I. О схематизме чистых рассудочных понятий. М.: издательство «Эксмо», 2015. URL: https://studfile.net/preview/1868081/page:34/

Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сборник: пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 416-435.

Филлмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. под ред. Б. Ю. Городецкого. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга,1983. С.74-122. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novo/text.pdf

Sortir du Far West numérique: une stratégie européenne dans l'âge sombre de la Silicon Valley. URL: https://legrandcontinent.eu/fr/2025/11/20/sortir-du-brainrot-une-strategie-europeenne-dans-lage-sombre-de-la-silicon-valley/#:~:text=Ce%20pouvoir%20num%C3%A9rique%20s'est

G. V. Belikova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Pedagogical University

SCHEMATIZATION OF NEW PHENOMENA IN LANGUAGE: ARCHETYPES AND FRAMES IN CONTEMPORARY FRENCH WORD FORMATION

The article examines the cognitive mechanisms of verbalization of current realities and the formation of lexical and semantic neologisms in modern French. The focus is on the process of schematization of empirical facts and their conceptualization through the lens of language. Selected examples illustrate the mechanisms of interaction between frame structures that underlie the meanings of the neologisms under consideration. It has been shown that the creation of nominees for current realities in the French linguistic consciousness is not an arbitrary act, but a schematized act that is subject to universal cognitive models (proto-frames and archetypes).

Key words: neologism, frame/proto-frame, conceptualization, metaphorical schematization, archetype

Е. В. Беспалова *(Самара, Россия)*
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
bespalowa@mail.ru

ИМПЛИКАТИВНАЯ СЕМАНТИКА ЛАНДШАФТНЫХ НОМИНАЦИЙ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу синонимов и ассоциаций лексем-номинантов крупных ландшафтных концептов немецкой лингвокультуры WALD, MEER и BERG на материале открытого тематического тезауруса OpenThesaurus. Путем когнитивного и семантического анализа выявляются сущностные признаки концептов, создающие стереотипно воспринимаемый дополнительный импликативный смысл, обнаруживающий социально-исторические, оценочные ассоциации, обогащающие структуру концепта.

Ключевые слова: ассоциация, импликативная семантика, ландшафтный концепт, сущностная номинация, тезаурус

В словарях и справочниках представлены знания об окружающем мире и о языковых единицах, объективирующих это знание. Словари в целом рассматриваются с позиций когнитивной лингвистики как «особая форма концептуализации мира в языке, т.е. языковой формат знания», а типы словарей как способ и форма концептуализации и категоризации мира, систематизация научных и энциклопедических знаний [Болдырев 2019: 29]. Лексические единицы, объективирующие в конкретном языке ландшафтные формы, представлены в лексикографических источниках, дающих ответ на вопрос об их составе, происхождении, значении, сочетаемости, употреблении, грамматических характеристиках. В значении слова фиксируется знание людей, полученное во взаимодействии с окружающей действительностью, поэтому правомерно говорить о лексическом значении как разновидности знания о мире. Для изучения структуры ландшафтных концептов обращаются к данным словарей.

Тезаурус рассматривается как способ систематизированного представления знания, позволяющий фиксировать семантические отношения между составляющими его единицами [Караулов 1981: 182; 148]. В открытом тезаурусе представ-

лены синонимы и ассоциативные связи носителей современного немецкого языка. Для понимания семантических отношений между компонентами знания, зафиксированного в единицах, связанных в сознании носителей языка с ландшафтными номинациями, мы обращаемся к данным открытого тематического тезауруса OpenThesaurus [Openthesaurus.de], ссылка на который присутствует в составе соответствующей словарной статьи немецкого корпусного словаря DWDS [DWDS]. Путем когнитивного и семантического анализа синонимов и ассоциаций мы выявляем импликативные смыслы ландшафтных номинаций. Это дает возможность оценить современный уровень знания о природных объектах в сознании представителей немецкой лингвокультуры. В их картине мира выделяются сущностные номинации, индуцирующие «стереотипное понимание небуквального или обогащенного смысла на основе общей или близкой когнитивной базы» [Кострова 2015: 133].

В открытом тезаурусе проверялись номинации природных объектов, претендующих, согласно нашим предыдущим исследованиям, на роль сущностных в немецкой лингвокультуре (см., например, [Беспалова 2018]). Обратимся к результатам наших наблюдений по данным номинаций метаконцептов WALD, MEER и BERG.

Метаконцепт BERG

Наибольшее количество ассоциаций в тезаурусе оказалось у номинации *Berg*, которая входит в ассоциации или встречается в качестве самостоятельного или в составе сложного слова 449 раз. К этому номинанту приводится 11 синонимов, большинство из которых имеет дескрипторный характер (Anhöhe, Bodenerhebung, Erhebung, Erhöhung, Höhe, Hügel, Buckel), отдельные синонимы помечены как диалектальные, относящиеся к южнонемецким диалектам *süddt. (Buhel, Bühl), представлен и разговорно-региональный стиль (Hubbel). Многочисленность дескрипторов и наличие диалектальных и разговорных вариантов свидетельствуют об укорененности обозначаемого ими концепта в коллективном сознании этноса.

Приведем некоторые сущностные признаки этого концепта, создающие стереотипно воспринимаемый дополнительный смысл. По данным открытого тезауруса к ним относятся следующие.

Одна из ассоциаций – по аналогии с поднятием на вершину горы – связана с достижением определенного предела. Основная форма, выражающая этот предел в разговорном языке: mehr geht einfach nicht. Синонимичные выражения: *die absolute Obergrenze sein, am oberen Limit sein, (das) Äußerste sein, das war mein letztes Wort* и др. Интерпретируя эту ассоциацию, можно обратиться к концепту высокого качества, зафиксированного в словосочетании deutsche Qualität.

Еще один ассоциативный ряд выводит на понятие «обзор», который в прямом и переносном смысле открывается с горы: das Gesamtbild, der Gesamtüberblick, die übergeordneten Zusammenhänge.

Наконец, в концепт BERG входят ассоциации, связанные с опасностью сорваться с высоты, поскользнуться, что фигурально выражается глаголом bergen (ein Risiko bergen), идиоматическим словосочетанием auf dünnem Eis и другими средствами.

Кроме того, приводится список слов, выражений, пословиц, содержащих компонент Berg/-berg. Признак высоты метафорически усложняется в выражении

goldene Berge versprechen, в словосочетании Spitze des Eisbergs и в сложных существительных Abfallberg, Ablaufberg. Признак утаивания отражен в пословице Mit etwas hinterm Berge halten. Производными от глагола bergen являются verbergen, beherbergen. Список включает профессиональные термины Bergbau, Bergarbeiter, (ins Bergwerk) einfahren, Abraumhalde (Kohlebergwerk), топонимические номинации Albaner Berge, Baden-Württemberg, Berg-Karabach, реалии, например, Bergfried (главная башня средневекового замка), названия растений и животных: Bergnelke, Bergkatze, Berglöwe и др.

Как видим, ассоциативные связи носителей немецкого языка совпадают с интерпретацией рассматриваемого концепта в словарях, что позволяет определить концепт BERG как метаконцепт, включающий не только природные объекты, но и социально-исторические, оценочные ассоциации, обогащающие доминантный номинант.

Метаконцепт MEER

Метаконцепт дает в открытом тезаурусе 109 вхождений (Teilwort-Treffer), что в 4 с лишним раза меньше, чем у концепта, связанного с признаком «высота». Это свидетельствует о не столь значительной роли концепта в немецкой лингвокультуре, что находит объяснение в географических условиях. Синонимами концепта являются Ozean, (die) See, Weltmeer, причем последнее имеет пометы «высокий стиль» и «литературное».

Семантика, которая стереотипно создается концептом, связана, с одной стороны, с позитивной оценкой, впечатляющим воздействием, благоговением, что передается глаголами и выражениями beeindrucken, imponieren, mit Ehrfurcht erfüllen. С другой стороны, однако, с номинантом связан смысл опасности: ins Meer kippen, im Meer versinken. 3–5 места в ассоциативном ряду занимают географические названия: Adria, Ägäis, Andaman.

Другие ассоциации расширяют список географических названий: Böhmisches Meer, Beringmeer и др. При переносном употреблении номинант получает смысл «большое количество»: Blütenmeer, Farbenmeer, Dünenmeer, рельеф суши, омываемой морем Meeresbusen, Meeresufer и др.

Метаконцепт WALD

В качестве синонимов приводятся: Forst, Holz, Tann.

Ассоциации, возникающие в сознании носителей немецкого языка, связанные с лексемой *Wald,* можно разделить на следующие смысловые группы.

1) Сосредоточение, которое можно получить в лесу, где господствует спокойствие, тишина. В лексеме *Wald* имплицируется смысл, передаваемый существительными *Ruhe*, *Schweigen* («покой, молчание»).

2) Плохое поведение может ассоциироваться с фразеологизмом *sich benehmen wie die Axt im Wald* («вести себя как медведь», букв. «как топор в лесу»). *Имплицируется сема разрушения.*

3) Сема большого количества имплицируется в лексеме Algenwald («лес водорослей»).

4) Сема одиночество имплицируется в словосочетаниях *in Waldeinsamkeit* («лесное одиночество»), *allein im Walde* («один в лесу»), имплицирующих

меланхолически-романтическое чувство добровольного одиночества в лесу, ощущение единения с природой. В современном мире, особенно в ситуациях общения во время и после пандемии COVID-19, лексема *Waldeinsamkeit* может также приобретать смысл «стремление к временному отшельничеству на лоне природы».

Таким образом, ассоциации носителей немецкого языка проявляют импликативный смысл номинантов крупных природных объектов. Наибольшее количество ассоциаций связано с семантикой высоты, имплицируемой в лексеме *Berg* и вызывает ассоциации подъема на высоту, достижения высокого предела, но и опасности сорваться вниз. Номинант *Meer* имплицирует, с одной стороны, концептуальные признаки великолепия, грандиозности, создаваемые морем, а с другой стороны, признак опасности, которая таится в глубине моря и связана с передвижением по нему. Кроме того, признак большого количества имплицируется в словосочетаниях типа Blütenmeer, имеющих переносный смысл. Концептуальный имплицированный смысл номинанта *Wald* связан, с одной стороны, с понятием спокойствия, а с другой стороны, с понятием одиночества.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип представления знаний в словаре // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография. Словарь. Дискурс. Корпус. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 29-39.

Беспалова Е.В. Концептуализация горных ландшафтов в экологическом дискурсе немецких СМИ // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 95-98.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.

Кострова О.А. Сущностные номинации и их стереотипное восприятие в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 133-142.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de

Openthesaurus.de. Synonyme und Assoziationen. URL: https://www.openthesaurus.de

E. V. Bespalova *(Samara, Russia)*

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

IMPLICATIVE SEMANTICS OF LANDSCAPE NOMINATIONS IN THE PERCEPTION OF GERMAN SPEAKERS

The article is devoted to the analysis of synonyms and associations of the nominative lexemes of major landscape concepts of the German linguistic culture WALD, MEER and BERG on the material of the OpenThesaurus. By means of cognitive and semantic analyses, the essential features of the concepts are revealed, creating a stereotypically perceived additional implicit meaning, revealing socio-historical, evaluative associations, enriching the structure of the concept.

Key words: association, implicit semantics, landscape concept, essential nomination, thesaurus

С. Ю. Богданова *(Иркутск, Россия)*
Иркутский государственный университет
rusjap@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ОПИСАНИИ МЕНТАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена некоторым изменениям в осмыслении ментальных процессов с помощью концептуальных метафор под влиянием современного уровня развития науки и техники. В частности, работа мозга в художественных произведениях представлена структурной метафорой МОЗГ – ЭТО КОМПЬЮТЕР, а при описании мыслей используются комбинации метафор ПОТОК и КОНТЕЙНЕР. Человек в языковой картине мира может взаимодействовать со своими мыслями, часто наделенными антропоморфными характеристиками, а мозг представляется как самостоятельно функционирующий субъект.

Ключевые слова: концептуализация, ментальные процессы, пространственные лексические единицы, концептуальная метафора, структурная метафора, языковая картина мира

Концептуальные метафоры, которые авторы художественных произведений используют в описании ментальных процессов, отражают так или иначе не только наивную картину мира, но в них можно заметить и представления, соответствующие развитию науки и техники в конкретный исторический период. Пользуясь терминологией Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff 1980], определим метафоры, выявленные в описываемой сфере как онтологические, структурные и ориентационные.

Онтологическая метафора при описании мыслей присутствует в наивной картине мира, в результате чего в английском языке существительные thought и mind активно используются в качестве подлежащего или дополнения с глаголами, содержащими семантический компонент «движение» в структуре значения (глаголами движения, физического действия, речи и др.), а в некоторых случаях мыслям приписываются и другие черты живых существ (наличие глаз: *Burr never took* ***his mind's eye*** *off Jonathan* (Le Carre 1994), способность отбирать что-то у человека: *The* ***thought took away*** *any appetite Paola might have had* (Snow 1985) и др.). Тем не менее, мысли воспринимались прежде и продолжают восприниматься как (само)движущиеся сущности.

Структурная метафора, в которой одно понятие структурно упорядочивается в терминах другого, и для обозначения сходных явлений используются сходные выражения, также имеет место в описании мыслительной деятельности. Речь идет о метафоре ПОТОК, где мысли «текут», «льются», «бурлят» и пр. Необходимо подчеркнуть, что данная метафора, как правило, в языке проявляется совместно с другими метафорами – КОНТЕЙНЕР и ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ. Вопрос о том, где находятся мысли и сознание, получает свой ответ в произведении Д. Брауна *The secret of secrets*. В соответствии с ноэтической теорией сознания, обсуждаемой в этой книге, мозг человека всего лишь приемник, который лучше или хуже у разных людей может получать нужную информацию извне: *The* ***brain*** *is a receiver…and* ***consciousness flows in****, not* ***out*** (Brown 2025). Поток сознания

(consciousness) внутрь, в мозг, обозначается фразовым глаголом flow in. Другими лексическими единицами, репрезентирующими метафору ПОТОК, являются существительное flow, словосочетание sweep in waves, глагол well и др.: *He paused to let the furious note-takers catch up with the* ***flow of his thoughts*** (Stubbs 1995); *In moments of crisis our* ***thoughts*** *do not run consecutively but rather* ***sweep over us in waves*** *of intuition and experience* (Le Carre 1990)*; David found rich* ***thoughts welling into*** *his heart* (Michener). В последнем примере, где также присутствует метафора КОНТЕЙНЕР, местом, в которое направляются мысли, предстает не мозг, а сердце.

Метафора КОНТЕЙНЕР традиционно представляла мозг (brain) в языковой картине мира как вместилище для информации и мыслей. В конце XIX в. литературный герой Шерлок Холмс рассуждал о мозге, который человек по собственному желанию мог заполнять нужной или ненужной информацией: *I consider that a man's* ***brain*** *originally is like a little empty attic. <…> A fool* ***takes in*** *all the lumber of every sort that he comes across, so that the knowledge which might be useful to him* ***gets crowded out****. <…> It is of the highest importance, therefore, not to have useless facts* ***elbowing out*** *the useful ones* (Doyle 1887). В данном фрагменте подчеркивается неэластичность границ контейнера: при заполнении всякой «рухлядью» (lumber) и ненужной информацией мозг, сравниваемый с чердаком (attic), не может вмещать больше, чем туда входит, и бесполезные для человека факты «выталкивают» (crowd out, elbow out) полезные. Представляет интерес как активность человека по сбору информации, так и «активность» самой информации, которая концептуализируется как имеющая антропоморфные черты: у нее есть локти (elbows).

В современной англоязычной художественной прозе метафора МОЗГ – ЭТО КОНТЕЙНЕР продолжает использоваться: *That day, I splurged on dead-tree editions. No matter that I've developed nearperfect recall (and, as a result, a* ***brain cluttered and clogged*** *with random facts), jotting marginal notes and flagging key passages with Post-Its made me far more efficient* (Lerner 2019, COCA). *Within two weeks Niall had* ***sucked the contents*** *of the high school textbook* ***into his brain*** (Moyer 2018, COCA).

Развитие в XX в. структурных метафор МОЗГ – ЭТО МАШИНА [Lakoff 1980: 27] и ЧЕЛОВЕК – ЭТО КОМПЬЮТЕР [Абрамова 2012] повлияло на представление мозга и мыслительной деятельности в англоязычной языковой картине мира. Портрет слова brain в корпусе Skell (https://skell.sketchengine.eu) показывает, как говорят о деятельности мозга в жанрах, не относящихся к художественной литературе. Среди глаголов, подлежащим для которых является существительное brain, есть глагол process «подвергать обработке», «обрабатывать»: *You'll find what you're looking for because that's how the* ***brain processes*** *information. My* ***brain*** *was simply not* ***processing*** *information appropriately*. Эгоцентричность данных контекстов позволяет допустить, что они отражают современные представления людей о работе мозга, уже вполне закрепившиеся в языковой картине мира, причем, речь чаще идет о модификации концептуальной метафоры МОЗГ – ЭТО МАШИНА: МОЗГ – ЭТО КОМПЬЮТЕР. Глаголы wire (wire up), rewire (*зд*. «программировать», «(пере)устанавливать соединение», «(пере)настраивать на»), которые могут быть

использованы с существительным brain как дополнением, репрезентируют тот же метафорический перенос: *Did God **wire** our **brains** to boost healing when we believe in healing?* Вероятно, коллокация brain is wired постепенно проникает в обыденную речь из нейробиологии, где она используется, когда идет речь о связи нейронов.

Что касается художественной литературы, авторы тоже используют метафору МОЗГ – ЭТО КОМПЬЮТЕР, хотя таких примеров пока немного. Так, мозг может быть перезагружен: *His **brain restarted** when they reached the last ledge for the day and anchored themselves* (Rutkoski 2018, COCA). Как в любом механизме, работающем от электроэнергии, в мозге может произойти короткое замыкание: *You expected to feel nothingness, but instead it's a myriad of contradictory feelings: cold so cold it feels as if it's burning you, pain so fierce it **short-circuits** your **brain** and becomes something else entirely, purely sensation* (Qiouyi Lu 2019, COCA).

В книге Д. Брауна *The secret of secrets* один из персонажей – Кэтрин Соломон, ученый, занимающийся проблемами мозга и сознания. Рассказывая о результатах своей работы другу-гуманитарию, она использует метафору МОЗГ – ЭТО КОМПЬЮТЕР: *The **brain reboots**. The whole system **shuts down**. And when it **comes back online**, it does so gradually… buying time for the brain to **restore** its GABA levels, **reengage** its **filters**, and shield the waking **brain** from too much **input*** (Brown 2025). В данном примере о мозге говорят как о самонастраивающейся машине (компьютере), которая перезагружается, сначала полностью выключаясь (shuts down), потом снова, постепенно восстанавливая свою работу (comes back online), переустанавливает уровни химических веществ, переподключает фильтры для защиты от избытка входной информации. Здесь работа мозга максимально полно структурируется в терминах работы машины, позволяя персонажу на простом примере из хорошо освоенного современным человеком фрагмента действительности – реального опыта работы с компьютером – объяснить сложнейшие результаты научных экспериментов. В книге в некотором смысле мозг противопоставляется телу, в частности, когда речь идет о биологической смерти. *As we die, our **bodies shut down**… and our **brains wake up**!* (Brown 2025). Когда «выключаются» тела, мозг просыпается, причем фразовый глагол wake up также относится к компьютерной лексике (*The computer **wakes up** immediately*), представляя собой стертую метафору, часто использующуюся в обыденной речи.

Мысли в наивной картине мира, как правило, размещаются в голове человека, но могут разбегаться или «приходить в голову», тем самым пересекая границу, отделяющую внутреннее от внешнего, в том или ином направлении. Граница может содержать фильтры, обычно закрытые, но которые можно открыть: *It means that during the dying process, our **brain's filters open up**, and we become a radio that hears the entire spectrum* (Brown 2025). Совмещение онтологической метафоры, представляющей мозг как живое существо, и ориентационной метафоры КОНТЕЙНЕР демонстрирует следующий пример: *Exactly. Your eidetic **brain** simply has a superior mechanism for **reaching out** and **grabbing** data* (Brown 2025). Здесь говорится о том, что у мозга есть механизм, позволяющий «достать» данные за пределами контейнера и «схватить» их.

Интересный контекст, метафорически описывающий взаимодействие человека с его же мыслями, представлен в романе Л. Пенни *The Grey Wolf*: *He could have gone into the Abbot's walled garden, but decided to stay where he was and* ***let his mind run wild*** *while he stood still. <…> The morning sun warmed his face as he closed his eyes and* ***chased his thoughts****. Finally, he* ***ran one to ground****. But there was something else. Some small* ***thought*** *that had* ***brushed*** *by Armand when they were discussing that first letter* (Penny 2024). Обращает на себя внимание возможность использования лексем mind и thoughts как взаимозаменяемых. Мысли (mind) разбегаются по воле человека, после чего он пускается в погоню за ними (thoughts). Одну мысль ему удается «прижать к земле», т.е. поймать. Однако он осознает, что еще и другая мысль (thought) задела его, пролетая мимо. Такой образ, созданный автором, демонстрирует мыслительный процесс человека, ищущего решение проблемы, и мысли, метафорически представленные здесь в виде живых самодвижущихся существ, обретают в данном контексте реальные очертания.

Таким образом, благодаря концептуальным метафорам, которые применяет человек при обсуждении абстрактных понятий, касающихся ментальной сферы, можно проследить изменения в языковой картине мира, обусловленные научно-техническим прогрессом. Во многих проанализированных контекстах человек взаимодействует со своими мыслями, сознанием как с самостоятельными сущностями, имеющими антропоморфные или зооморфные черты, в то время как мозг представляется как самостоятельно функционирующий субъект.

Литература

Абрамова А.А. Обратимые метафорические модели «Человек – это компьютер» и «Компьютер – это человек» в русской языковой картине мира // Известия АлтГУ. 2012. № 2 (74). С. 149-152.

Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

S. Yu. Bogdanova *(Irkutsk, Russia)*
Irkutsk State University

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE DESCRIPTION OF HUMAN MENTALITY

The article is devoted to some changes in the understanding of mental processes by means of conceptual metaphors, which occur due to the influence of the current level of development of science and technology. In particular, the work of the brain in literary works is represented by the structural metaphor BRAIN IS A COMPUTER, and when describing thoughts, combinations of metaphors FLOOD and CONTAINER are used. In the linguistic worldview, a person can interact with their thoughts, often endowed with anthropomorphic characteristics, but the brain is presented as a self-functioning entity.

Key words: conceptualization, mental processes, spatial lexical items, conceptual metaphor, structural metaphor, linguistic worldview

Дай Пэйцзюнь *(Пекин, Китай)*
Пекинский университет
iskra@stu.pku.edu.cn

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Данная работа посвящена исследованию социального дейксиса в рамках теории концептуальной метафоры; при этом теория образ-схем применяется как его когнитивные механизмы. Обосновывается, что абстрактные социальные отношения концептуализируются посредством метафорической проекции физического пространственного опыта.

Ключевые слова: образ-схема, социальный дейксис, концептуальная метафора, пространственная метафора

Социальный дейксис (англ. social deixis) традиционно определяется как грамматикализация социальной информации, отражающая социальные личности коммуникантов и отношения между ними [Levinson 1983: 89]. В русистике эта тема долгое время рассматривалась преимущественно в рамках прагматики и социолингвистики, где основное внимание уделялось правилам речевого этикета и ситуативному употреблению местоимений «ты» и «вы». Однако простое описание узуса не объясняет глубинных причин: Почему в русском языке понятия «уважение» и «статус» связаны с понятием «высота»? Почему социальная дистанция коррелирует с физической?

Когнитивная лингвистика предлагает ответ через теорию образ-схем – доконцептуальной структуры, возникающей из нашего телесного опыта взаимодействия с пространством. Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что пространственные метафоры возникают вследствие того, что «человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром», и «основаны на нашем физическом и культурном опыте» [Lakoff, Johnson 2003: 15].

Согласно Болдыреву [Болдырев 2016: 12], язык выполняет интерпретирующую функцию, используя коллективные когнитивные схемы для структурирования индивидуального опыта. В данной работе исследуем социальный дейксис как систему метафорических проекций, где физическое пространство служит исходным доменом для осмысления социальной иерархии и дистанции.

1. Схема «вверх – вниз»: Вертикальная метафора власти

Схема «вверх – вниз» структурирует всю нашу деятельность в отношении гравитации [Lakoff 1988: 372], и на социально-физиологической основе, состоящей в том, что социальное положение коррелирует с социальной властью, а физическая сила ассоциируется с направлением «вверх», так как «победитель в схватке обычно находится наверху», порождается метафора «высокое социальное положение – вверх; низкое социальное положение – вниз» [Lakoff, Johnson 2003: 17]. Данная схема составляет когнитивную рамку социальных иерархических отношений.

Иерархические социальные дейктические элементы кодируют социальный статус коммуникантов через метафору вертикального пространства: исходный домен – «верх» и «низ», а целевой – социальный статус, сословие или власть. Об-

ладание властью или силой, господство и общественный успех ориентированы вверх; а подчинение власти или силе ориентировано вниз.

Ср. уставные обращения в соответствии с классом в табели о рангах 1722 г. (правила действовали до 1917 г.): К чинам I-II класса – «Ваше высокопревосходительство»; к чинам III-IV класса – «Ваше превосходительство»; к чинам V класса – «Ваше высокородие»; к чинам VI-VIII класса – «Ваше высокоблагородие»; К чинам IX-XIV класса – «Ваше благородие».

Очевидно, что чем выше и значительнее должность у человека, тем больше к нему почета и уважения, тем выше выражается метафора в обращении. Лексема «высокопревосходительство», как составная часть обращения к чинам I-II класса, заключает в себе троичную высоту (восходить, пре, высоко), т.е. трижды восходить к почестям, почету [Петрова 2014: 270].

При обращении в Российской империи, в армии, и к духовенству также часто используются морфемы «высок/высоч», «пре», «восход» для выражения и усиления почета и положительного отношения:

К членам Российского императорского дома – «Ваше Императорское Высочество», «Ваше Царское Высочество», «Ваше Высочество» и др.

К полным генералам – «ваше высокопревосходительство»; к генерал-майорам и генерал-лейтенантам – «ваше превосходительство»; к подполковникам и полковникам – «ваше высокоблагородие».

К митрополитам и архиепископам: «Ваше Высокопреосвященство»; к архимандритам, игуменам монастырей и протоиереям: «Ваше Высокопреподобие».

Кроме вышесказанных имен существительных как типичных представителей абсолютного социального дейксиса, примерами такой метафоры служат и другие социальные дейктические элементы, такие как глагол «снизойти», где движение вниз символизирует проявление снисхождения, милосердия или благосклонности к нижестоящему со стороны вышестоящего; и имена прилагательные «верхний», «низший» для описания слоя общества, «высший», «средний», «низкий» для описания сословия и «старший», «младший» для описания воинских званий.

Лексическая реализация схемы «вверх – вниз» показывает, что в русском языке социальный статус концептуализируется как физическая высота: тот, кто обладает властью, находится «вверху».

2. Схема «далеко – близко»: Психологическая дистанция

Образ-схема «далеко – близко» представляет собой модель воплощенного познания, функционирующую как исходный домен, который осуществляет когнитивную проекцию физической дистанции на абстрактные субъективные концепты, как эмоциональные отношения. Концептуальная метафора «Интимность – это близость» на основе данной схемы устанавливает соответствие между близкой физической дистанцией и высокой эмоциональной связью, что позволяет концептуализировать абстрактную близость через конкретный физический опыт.

Пространственные лексические единицы «близкий», «далекий» и производные от них имеют переносное социальное значение и являются выразителями семиотической оппозиции «свой – чужой»: *близкий человек*, *близкая родня*, *дальняя*

родня. Кроме этого, связь пространственного и социального значения эксплицируется и в словах «здешний», «тутошний», «нездешний», «приезжий» и др. [Смолякова 2006: 21-22].

Кроме прямой лексикализации понятия дистанции, средства социального дейксиса вообще и тесно связаны с метафорой расстояния. Апресян [1986: 291-293] отмечает, что понятие личной сферы говорящего удобно иллюстрировать на примере дейктического местоимения «ты». Он построил понятие личной сферы для упрощения выбора «вы (вежливое)» и «ты»: обращения «ты» удостаивается любой объект, который входит в личную сферу; а «вы» по контрасту становится способом обращения к тем объектам (преимущественно людям), которые находятся за пределами личной сферы говорящего.

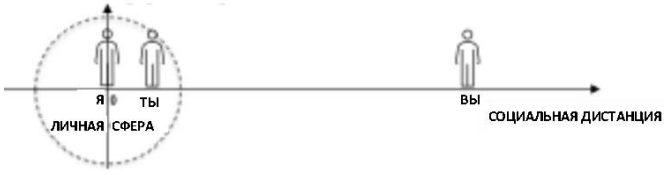

Рис. 1. Личная сфера и социальная дистанция

Итак, в зависимости от того, входит ли референт в «личную сферу» говорящего, можно разделить социальные дейктические элементы горизонтально на близкие (личное местоимение «ты» и соответствующую ему форму 2-го лица ед. ч. глагола, близкие обращения, ласкательные суффиксы и т.д.) и дистанционный (личное местоимение «вы» и соответствующую ему форму 2-го лица мн. ч. глагола, обращения по имени-отчеству, обращения по должности и статусу, и т.д.).

3. Схема «центр – периферия»: Идентичность и отчуждение

Схема «центр – периферия» является базовой для человеческого познания, возникающей из опыта восприятия собственного тела как центра перцепции. В социальном дейксисе эта схема конструирует границы между собой и другими, внутренней группой и внешней группой. Для каждого типа дейксиса дейктический центр включает три компонента: Я (говорящий), Здесь и Сейчас. Хотя дейктический центр традиционно определяется с позиции говорящего, однако в процессе речевого общения он может смещаться. Данное явление, описываемое как дейктическая проекция [Lyons 1977: 579], способно порождать различные прагматические эффекты: эмпатию или деэмпатию.

3.1 Эмпатическое включение: Социальный дейктический элемент приближения «мы» может функционировать как инструмент расширения «центра». Используя «мы» вместо «ты» или «вы» в речи, обращенной чаще к ребенку или пациенту («Ну, как *мы* себя чувствуем?», «Где у *нас* болит?»), говорящий включает адресата в свой «центр», создавая общее психологическое пространство безопасности.

3.2 Деэмпатическая маргинализация: В схеме третье лицо (он/она/они) находится на периферии. Использование третьего лица как социальный дейктический

элемент отдаления в присутствии адресата (например, рассерженная мать специально говорит о ребенке: «Пусть он выйдет!») является актом символического исключения человека из центра коммуникации, маргинализуя его на периферию внимания и снижая его эмоциональную вовлеченность.

Следует отметить, что образ-схемы существуют не разрозненно, а в тесной сопряженности друг с другом: пространственная локализация центра и периферии логически сопрягается с восприятием близкого и далекого, формируя единую когнитивную структуру в системе перцептивно-концептуальных отношений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что система социального дейксиса в русском языке глубоко мотивирована базовыми когнитивными механизмами – пространственными метафорами. Схема «центр – периферия» определяет границы идентичности, схема «вверх – вниз» задает координаты социальной иерархии и власти, схема «далеко – близко» регулирует степень социальной интимности.

Таким образом, пространство, будучи фундаментальной формой бытия, объективно структурирует онтологическую картину мира и находит систематическое отражение в когнитивных механизмах человеческого восприятия.

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5-33.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Петрова О.О. Культурно-идеологические созначения в семантике ориентационных метафор «Верх – Низ» // Преподаватель XXI Век. 2014. № 3. С. 268-275.

Смолякова Н.С. Пространственные лексические единицы в лингвокультурологическом аспекте (на материале говоров Среднего Приобья): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. London: The Univ. of Chicago Press, 2003.

Lakoff G. Women, Fire, and Fangerous Things: what categories reveal about the mind. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1988.

Levinson S. Pragmatics. New York: Cambridge University Press, 1983.

Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

P. Dai *(Beijing, China)*

Peking University

SPATIAL METAPHORS AS COGNITIVE MECHANISMS OF SOCIAL DEIXIS

The paper investigates social deixis within the framework of Conceptual Metaphor Theory, utilizing Image Schema Theory to identify its underlying cognitive mechanisms. It is argued that abstract social relations are conceptualized through the metaphorical projection of embodied spatial experience.

Key words: image schema, social deixis, conceptual metaphor, spatial metaphor

И. А. Демина *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
demina-ia@rudn.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ДОРОГА* В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ ЦЫГАН

Статья посвящена анализу текстов песен и определению концепта ДОРОГА в фольклоре русских цыган. На материале песен выявлено, что концепт ДОРОГА в представлении цыганского народа включает в себя не только пройденный путь, но и образ семьи, защиты, счастья и накопленного опыта поколений.

Ключевые слова: концепт ДОРОГА, цыганский фольклор, цыганский язык, русские цыгане

Фольклор является древнейшим способом отражения культурного наследия народа, его традиций, ментальности и видения мира. Образованное от слияния двух слов англ. «folk» – «народ» и «lore» – «мудрость», понятие фольклора охватывает множество жанров — от сказок и эпических былин до народных песен и частушек, каждый из которых хранит в себе опыт и переживания народа.

Ценностные ориентиры национального сознания, духовные, культурные константы находят концентрированное выражение в концептах [Баваева 2024: 34]. В данной статье мы обратимся к песенному фольклору русских цыган и одному из его основных концептов ДОРОГА. В силу кочевого образа жизни дорога была неотъемлемой частью повседневной жизни цыган, именно поэтому данный концепт часто встречается в текстах цыганских песен и имеет глубокий метафорический смысл.

С цыганского языка лексема «дром» мн. ч. «дрома» означает «дорога, путь» [Сергиевский 1938: 41]. Цель данного исследования заключается в изучении и описании структуры концепта ДОРОГА (цыг. ДРОМ) в текстах песен русских цыган. Материалом исследования послужили тексты 4 цыганских песен, содержащих в себе лексему «дром». Объем песен составляет 303 лексические единицы.

Рассмотрим часть текста «Гэнэ рома» (Пошли цыгане) (табл. 1).

Таблица 1. Текст песни «Гэнэ рома» (Пошли цыгане)

Ай, гэнэ рома, рома тэ родэс	Ай пошли цыгане, цыгане искать
Ай, бахт бари, бахт ба(я)ри.	Счастье большое, счастье большое.
Кай тут тэ родэс,	Где тебя искать,
Бахт ту амари?	Счастье ты мое?
Сыкав о **дром баро**,	Покажи **дорогу большую**,
Дром амэнгэ.	**Дорогу мою**.

В данной песне употребляется словосочетание «дром баро» – дорога большая, длинная. Оно весьма распространено в цыганском фольклоре, что объясняется кочевым образом жизни этого народа, в отличие от оседлых народностей, где дорога зачастую обозначала путь, иногда полный опасностей и испытаний, который в конце обязательно должен привести к конечной точке, например, к дому, к сча-

стью. В цыганском мировосприятии ДОРОГА – это не перемещение из одного места в другое, это защищенное и желанное пространство, где человека окружает семья (табор). Иными словами, концепт ДОРОГА в данном контексте включает в себя представление дороги как родного дома в цыганском видении мира. Именно поэтому значение длинной дороги сопоставляется с длинной и счастливой жизнью. Не случайно в тексте повторяются словосочетания «бахт бари» (большое счастье) и «дром баро» (большая дорога). Дорога не должна привести цыгана к дому, сам процесс кочевания и есть цель, главное, чтобы дорога не кончалась, а была большой «баро».

В песне также наблюдается следующее обращение: «Где тебя искать, счастье мое? Покажи дорогу большую, дорогу мою». Мы видим, что герой ищет счастья, и счастье для него – это ни что иное, как ДОРОГА, которая являлась целью в жизни кочевого народа.

Еще один образ счастливой и долгой дороги встречается в песне «Джелем, джелем» (Ехал я, ехал). Данная песня считается народным гимном цыган, принятым на Всемирном конгрессе цыган в 1971 г. Она была написана Жарко Йовановичем, который в годы Второй Мировой войны из-за геноцида потерял всю свою семью и был узником трех концлагерей, свои переживания он отразил в данной песне [Marushiakova 1995].

Несмотря на то, что происхождение песни не относится к фольклорной традиции русских цыган, ее текст быстро разлетелся по миру и глубоко вошел в репертуар, трансформируя текст и язык, что впоследствии сделало песню народной уже в России. Ниже приведем фрагмент исходного текста песни.

Таблица 2. Текст песни «Джелем, джелем» (Ехал я, ехал)

Джелем, джелем, **лунгонэ дромэнса**, Маладилэм бахталэ ромэнса, Джелем, джелем, **лунгонэ дромэнса**, Маладилэм бахталэ ромэнса. Ай, ромалэ, ай, чявалэ! Ай, ромалэ, катар тумэн авэн Лэ церенса **бахталэ дромэнса** Ви манса су бари фамилия Мударадала э кали легия. Авэн манса са лумниякэ рома, Кай путайлэ лэ **романэ дрома**,	Ехал я, ехал **долгими дорогами**, Я встречал счастливых цыган. Ехал я, ехал **долгими дорогами**, Я встречал счастливых цыган. Ай, цыгане, ай, ребята. Цыгане, откуда вы едете С шатрами по **счастливым дорогам**? Прежде была и у меня большая семья, Да убили её Чёрные Легионы… Идёмте со мною, цыгане мира, Открыты **цыганские дороги**!

В песне также встречаются словосочетания «лунгонэ дромэнса» (длинные дороги), «бахталэ дромэнса» (счастливые дороги) и «романэ дрома» (цыганские дороги). Здесь прослеживается мотив того, что ДОРОГА – это неотъемлемая часть представления цыганского счастья. Несмотря на то, что герой потерял семью, которую убили «Черные Легионы» (так называли цыгане солдат дивизий СС в годы Второй мировой войны), ДОРОГА объединит его с другими цыганами, и он сможет вновь обрести свой дом. Таким образом, в данном контексте концепт

ДОРОГА в песенном цыганском фольклоре репрезентирует образ безопасной обители, которая даже в период трудностей может помочь и объединить народ. Похожий образ показан в тексте песни «Нашав дромэнца» (Потерял дорогу).

Таблица 3. Текст песни «Нашав дромэнца» (Потерял дорогу)

Нашав **дромэнца** мэ, нашав вэшэнца, ромалэ.	Потерял **дороги**, потерял леса, цыгане.
Палал прастана, э годляса ман родэн.	Сзади бегут, кричат и ищут меня.
Да на помэк ман, на помэк ман,	Не оставь меня, не оставь меня,
Масхари ж мири,	Божья Матерь.
Выльджя ман, выльджя ман, мири лачи	Выведи меня, выведи меня, моя хорошая.

Слова песни представляют собой некую молитву, обращение цыгана, который потерял дорогу. Обращение «Масхари» означает обращение к божественному воплощению, корни этого слова неизвестны. Многие «русска рома» или русские цыгане, которые по вероисповеданию придерживаются христианской традиции, в частности православия используют данное слово для обращения к Божьей Матери. Но на бытовом уровне, часто такое обращение может и употребиться к дорогому человеку, например, к дочери, сестре и т.д. Так можно предположить, что образом спасительного божества, к которому обращается герой, может быть и сама ДОРОГА. «Выльджя ман, выльджя ман, мири лачи» (Выведи меня, выведи меня, моя хорошая) – данные слова могут быть обращены к ДОРОГЕ, которая должна указать путь к спасению, как некий божественный и сакральный образ.

Таким образом, в изученном материале прослеживается, что концепт ДОРОГА в цыганских песнях включает в себя не только образ счастья и родного дома, но и образ божественной силы и защиты. В отличие от русских-народных сказок и русского фольклора, где дорога или путь нередко представляют угрозу («Налево пойдешь – жизнь потеряешь, и т.д.»; пословицы «Не хвались отъездом, хвались приездом!»; «Не ищут дороги, а спрашивают»; поговорки «Дорога извилиста, а истина пряма»; «Дома спи, а в дороге не дремли»), в цыганском фольклоре ДОРОГА предстает в образе защитника, который не предаст, выведет и поможет в трудную минуту. Обратимся к следующей песне «Панч чавэ» (Пять сыновей).

Таблица 4. Текст песни «Панч чавэ» (Пять сыновей)

Панч чявэ дадэстэ,	Пять сыновей у отца,
Бут дыкхтя дро свэто ёв,	Много видел на свете он,
О джиипэн пхаро,	Жизнь тяжёлая,
Бут о дром прасталас ёв,	**Много дорог** пробежал он,
Шэро ёв на ракхья.	Голову он не хранил.
Пашэ пэскри семьица	Рядом со своей семьёй
Джиипэн ёв на дыкхья.	Жизни он не видел.

Сюжет повествует о трудной жизни цыгана, имеющего пять сыновей. «Бут о дром прасталас ёв» (Много дорог пробежал он) — в данном контексте «много дорог» может обозначать не только продолжительность пройденного пути, но и

отражать совокупность жизненных событий, который цыган пережил на своем пути. Иными словами, в данном контексте концепт ДОРОГА будет описывать судьбу, накопленный опыт и жизненную мудрость.

В заключение важно отметить, что Концепт ДОРОГА в цыганском песенном фольклоре являет собой сложный, многогранный символ, включающий многовековой опыт поколений. В нем нашли свое отражение и сложившиеся традиции (ДОРОГА – семья), и кочевой уклад (ДОРОГА – жизнь), и перенесенный геноцид (ДОРОГА – защита). ДОРОГА для цыган есть некий символ национальной идентичности, элемент культурного кода, который сохраняется даже в современном мире.

Литература

Баваева О.К. Концепт СВОБОДА/НЕЗАВИСИМОСТЬ в ойрат-калмыцкой лингвокультуре // Macrosociolinguistics and Minority Languages. 2024. Т. 2, № 1. С. 32-49.

Сергиевский М.В., Баранников А.П. Цыганско-русский словарь. М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1938.

Marushiakova E., Popov V. Studii Romani. Vol. II. Minority Studies Society. Sofia, Bulgaria: «Club ’90», 1995. Pp. 21-22. URL: https://web.archive.org web/20080116205255/ http://www.geocities.com/~/ Patrin/gelem.htm

I. A. Demina *(Moscow, Russia)*
RUDN university

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT *ROAD* IN THE FOLKLORE SONGS OF RUSSIAN GYPSIES

This article analyzes song lyrics and defines the concept of ROAD in the folklore of Russian Roma. Based on the songs, it was revealed that the concept of ROAD in the Russian gypsies’ imagination encompasses not only a journey but also an image of family, protection, happiness, and the accumulated experience of generations**.**

Key words: concept of road, Romani folklore, Romani language, Russian gypsies

А. В. Дрожащих *(Тюмень, Россия)*
Институт деловой карьеры в Тюменской области
dalexv2012@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДРЕЙФА В МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ *SHALL / WILL*

В статье рассматривается длительный, поэтапный цикл перестройки концептуальных категорий, лежащий в основе семантического дрейфа древнеанглийских глаголов *sculan* / *willan.* Процессы переноса, субъективации/интерсубъективации, обесцвечивания, обобщения и инференции реализуются через контекстное расширение, реанализ, частотное подкрепление, полисемию, конвенционализацию, конкуренцию форм и функциональную специализацию.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, модальные глаголы, вспомогательные глаголы, футуральность, семантический дрейф, грамматикализация

В настоящей статье рассматриваются концептуальные процессы, лежащие в основе семантической трансформации древнеанглийских глаголов *sculan* / *willan* (современные модальные глаголы *shall*/*will*). Претерито-презентный глагол *sculan*

‘быть должным’ и неправильный глагол *willan* ‘хотеть, желать’ претерпевают процесс направленного семантического дрейфа (drift) внутри траектории грамматикализация – модализация. Семантическая интерпретация древнеанглийских глаголов *sculan / willan* не раз становилась предметом специальных исследований. Были рассмотрены эпистемические значения данных глаголов [Цвинариа 2019], волитивная модальность [Сагалова 2009], семантика формы future в истории английского языка [Сухомлина 2014], функционально-семантическое распределение глаголов в текстах и конкуренция в модально-футуральной сфере [Lowrey 2012], а также траектории их грамматикализации и последующая специализация значений в системе английских модальных/вспомогательных глаголов [Warner 1993; Traugott, Dasher 2002]. Исследователи полагают, что древнеанглийская лексема *sculan* передает неизбежное будущее в рамках неизбежной необходимости, а *willan* – предсказательное будущее, лишаясь семантики волеизъявления [Цвинариа 2019], хотя отсутствует единая точка зрения, в какой исторический период данные глаголы получили статус вспомогательных и модальных глаголов [Lowrey 2012]. По Б. Хайне, грамматикализация представлена такими процессами, как обесцвечивание (bleaching) – утрата лексических значений; контекстное расширение (extension) – распространение на новые контексты; декатегоризация (decategorialization) – утрата морфосинтаксических характеристик; эрозия (erosion) – редукция формы [Heine 2003].

Несмотря на долгую историю интерпретации, целостный концептуальный цикл трансформации семантики данных глагольных лексем остается изученным не до конца. С точки зрения когнитивной лингвистики, история *shall/will* может быть репрезентирована как перестройка концептуальных категорий и их прототипов. Это длительный, поэтапный цикл перераспределения функций между формами, представленный переносом, субъективацией/интерсубъективацией, семантическим обесцвечиванием, обобщением и инференцией. К механизмам дрейфа будем относить контекстное расширение, реанализ, частотное подкрепление, полисемию, конвенционализацию прагматических выводов, конкуренцию форм и функциональную специализацию. Материалом исследования служат контексты словаря [OED], содержащие глаголы *sculan* / *willan*. Цель работы – выявить концептуальные основания и механизмы семантического дрейфа анализируемых глаголов.

В древнеанглийский период *sculan* обозначал ‘обязанность/необходимость’, а *willan* – ‘воля/желание’, оба глагола активно употреблялись в конструкции с инфинитивом, что создало условия для дальнейшей грамматикализации. В X в. у *sculan* реализуются значения ‘конкретные долги/обязательства’, что поддерживает исходную семантику ‘обязательство как задолженность’. С другой стороны, в нормативно-директивных контекстах (религиозные наставления, правила) укрепляется интерсубъективная функция – *sculan* выражает то, что адресат обязан делать/не делать. Для *willan* продуктивна база ‘желание/предпочтение’, которая, как правило, имеет значение ‘хотеть’, но в возрастающей степени получает новую интерпретацию ‘хочу/намерен’. Эта стадия критична: ‘намерение’ еще сохраняет психологическую прозрачность, но уже систематически порождает интерпретации

‘будущего’. В XI в. продуктивными становятся три модальные зоны *sculan*: 1) ‘запрет/предписание’ (деонтическое значение ‘директивности’), закрепленные в библейском и наставительном дискурсе: *Ne sceolon ge mine þa halgan hrinan* (с. 1000) Не смейте прикасаться к моим святым / вам нельзя…. (значения приводятся по словарю [OED], цифра после примера указывает на год вхождения значения глагола в английский язык). Такие жанры делают *sculan* типовым маркером ‘нормы/закона’, что и сохраняется в подъязыке права современного английского языка; 2) ‘необходимость’, уже активно используемая в рассуждениях и описании принуждения обстоятельствами; 3) ‘назначенность/установленность будущего’ (appointed / decreed future): в библейских повествовательных контекстах *sculan* выражает будущее как ‘предустановленое’, например: *Þin wif Sarra sceal habban sunu* (с. 1000) Твоя жена Сара родит сына. Здесь будущность возникает как следствие внешнего установления. Значение ‘установление’ как будущий результат в высоком регистре (пророчества, предание) становится особенно сильным и потому конвенционализируется. У *willan* в этот период продуктивны значения: 1) ‘желание/предпочтение’: *…ne wylle sona þæt niwe* (с. 1000) …и (он) не захочет сразу нового (вина); 2) ‘намерение/волевое решение’, переход к семантике ‘будущего’: *Min Drihten, ic wille gangan to Rome* (971) Господин мой, я хочу / намерен идти в Рим; 3) ‘воля авторитетного агента’, ведущая к гарантированному исходу и ускоряющая футуральную трактовку: *Ic wille mid flode folc æcwellan* (с. 1000) Я уничтожу народ потопом. Регулярная инференция ‘если субъект намерен/решил, то действие будет реализовано’ постепенно закрепляется в качестве значения. Будущее как таковое не наблюдается напрямую; оно часто концептуализируется через интенциональность *will* (‘намерение агента проецируется вперед’) или нормативную/обязательную причинность *shall* (‘должно произойти по правилу – ожидаемо в будущем’).

В среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды значения развиваются в соответствии с типичными траекториями развития модальной семантики: *will* расширяет контексты от ‘волеизъявления/намерения’ к предсказанию и далее к относительно нейтральной футуральности, тогда как *shall* на базе ‘обязанности’ закрепляет деонтическую и директивную интерпретацию и лишь в отдельных регистрах конкурирует как маркер будущего. К современному английскому периоду *will* становится основным средством выражения будущего времени в большинстве контекстов, а *shall* сужается до специализированных ниш (формально-юридическое предписание, институциональная директивность, некоторые вопросительные конструкции типа *Shall we…?*).

В когнитивной трактовке в истории *shall/will* менялись концептуальные области/сценарии, в рамках которых говорящий конструирует ситуацию. *Shall/will* образуют радиальные категории, организованные вокруг разных прототипических сценариев: *shall* – вокруг деонтического (OBLIGATION/NECESSITY), *will* – вокруг волитивно-интенционального (VOLITION/INTENTION). Для обоих глаголов характерным оказывается общий перенос значений ‘долг/обязанность’/’необходимость’ (*причина*) > ‘ожидаемое выполнение’ > ‘неизбежный будущий результат’ (*след-*

ствие) у *sculan* и ‘воля/желание’ (*причина*) > ‘намерение’ > ‘ожидаемая реализация’ > ‘будущее событие’ (*следствие*) у *willan*. Именно это объясняет, почему будущее у *sculan* исторически окрашено ‘назначенностью’/‘установленностью’, а у *willan* — ‘намерением’/‘прогнозом’. При смещении семантики к значениям, выражающим оценку/позицию говорящего, вступает в действие субъективация значений (особенно у *willan* как ‘предсказание’/‘эпистемическая уверенность’). При усилении ориентации на адресата и социальную норму осуществляется интерсубъективация (типично для *sculan* в директивных/юридических регистрах ‘так установлено/предписывается’). Частотность в определенных контекстах ведет к ослаблению лексического ядра – *sculan* теряет семантику долга и выражает ‘необходимость’/‘назначенность’, а затем участвует в футуральных конструкциях; *willan* теряет значение ‘желание’ и маркирует ‘интенциональность’/‘футуральность’. Налицо обесцвечивание лексического компонента при росте грамматической функции.

В ходе исторического употребления и конкуренции форм происходит смещение прототипов (prototype shift): *shall* специализируется в директивно-нормативной зоне, а у *will* центральными становятся футуральные и предиктивные значения, что приводит к системному семантическому дрейфу и перераспределению функций.

Таким образом, историческая динамика глаголов *shall/will* в английском языке представляет не единичный «скачок» значения, а семантический дрейф – целостный цикл концептуальных процессов, сопровождаемый вариативностью и перераспределением значений.

Литература

Сагалова Е.С. Волитивная модальность в древнеанглийских речевых произведениях // Вестник ННГУ. 2009. № 1. С. 202-207.

Сухомлина Т.А. Семантика формы Future в истории английского языка // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и коммуникация. 2014. Вып. 14. С. 88-93.

Цвинария М.Е. Структурно-семантическая и прагматическая характеристики эпистемических высказываний с глаголами ‘sculan’ и ‘willan’ в «Беовульфе» // Филологический аспект. 2019. № 3 (47). С. 117-124.

Heine B. Grammaticalization // The Handbook of Historical Linguistics / ed. by B.D. Joseph, R.D. Janda. Malden: Blackwell, 2003.

Lowrey B. Grammaticalisation and the Old English Modals // Quaderna. Recherche: A Multilingual and Transdisciplinary Journal. 2012. № 1. URL: https://quaderna.org/wp-content/uploads/2012/11/Lowrey-grammaticalisation-old-english-modals-DEF.pdf

OED – Oxford English Dictionary. 2nd ed. CD-ROM version 4.0. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Warner A. English Auxiliaries: Structure and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

A. V. Drozhashchikh *(Tyumen, Russia)*
Tyumen Institute of Business Career

CONCEPTUAL BASIS OF SEMANTIC DRIFT IN THE MODAL VERBS SHALL / WILL

This article examines a long-term, stage-by-stage cycle of conceptual/functional redistribution between competing forms that underlies the semantic drift of the Old English verbs *sculan* and *willan*. Processes such as semantic transfer (metaphoric/metonymic shift), (inter)subjectification, semantic bleaching, generalization, and (pragmatic) inferencing are implemented through contextual extension, reanalysis, frequency-driven entrenchment, polysemy, conventionalization, competition between forms, and functional specialization.

Key words: Old English, modal verbs, auxiliary verbs, futurity, semantic drift, grammaticalization

Н. В. Дрожащих, Е. В. Ефимова *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
e.v.efimova@utmn.ru, n.v.drozhashhikh@utmn.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ШИРОКОЗНАЧНОГО СЛОВА

В статье рассматривается когнитивная специфика широкозначных древнеанглийских глаголов. Результаты исследования показывают, что прототипические концептуальные признаки глагола *faran* характеризуют базовый домен пространства, типичную прото-сцену source–path–goal, динамический процесс движения, протяженность во времени, одушевленность и субъектность агента, направленность на достижение локации и отсутствие спецификации способа движения. Способ движения и иные характеристики уточняются в контексте.

Ключевые слова: концептуализация, широкозначность, прототип, глаголы движения, древнеанглийский язык

В настоящей статье рассматриваются прототипические концептуальные признаки широкозначных глаголов в древнеанглийском языке (IX-XI вв.) на материале семантики глагола *faran* ‘идти, путешествовать’. Работа выполнена в рамках когнитивной диахронической семантики и исторической лексикологии. Объект исследования – диахроническая семантика широкозначного слова в древнеанглийском языке. Предметом исследования являются прототипические характеристики древнеанглийского широкозначного глагола *faran*. Цель работы – выявить прототипические концептуальные признаки данной лексемы. Обращение к диахроническим аспектам когнитивной семантики широкозначных слов позволяет выявить их системообразующую роль в лексической системе языка. Такие слова высокочастотны, входят в лексический минимум, участвуют в большом количестве коллокаций. Привлечение к историческому материалу достижений когнитивной лингвистики позволяет по-новому описать семантическую эволюцию базовых глаголов и определить, как носители языка концептуализируют базовые действия и движения.

Материалом исследования служат контексты корпуса древнеанглийских произведений IX-XI вв. (122 497 словоформ), а также словаря [Oxford English Diction-

ary 2009], содержащие лексему *faran*. Методология работы включает анализ когнитивной семантики слова и его прототипических признаков в рамках теории прототипов. Здесь и далее будем использовать термины когнитивной лингвистики: домен, прототип, прото-сцена, концептуальный признак, концептуализация и некоторые другие.

Феномен широкозначности, или эврисемии находит отражение в трудах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н.Н. Амосова [Амосова 1963], J. Newman [Newman 1996], С.Л. Песина [Песина 2005], М.Ю. Евтеева [Евтеева 2012], Н.В. Литвинова [Литвинова 2016], H-J. Schmid [Schmid 2018] и др. Исследователи определяют широкозначность как свойство лексемы обладать недифференцированным семантическим содержанием, конкретная реализация которого осуществляется в контексте. Это свободное качество связи между обозначаемым/обозначающим, обеспечивающее широту семантического варьирования [Литвинова 2016], например лексема thing, которая в словаре обозначает «любую данность, служащую предметом мысли», однако в разных контекстах это значение уточняется, сохраняя устойчивость своей «основной части» [Амосова 1963: 114]. В древнеанглийском языке широкозначная лексика составляет значительный пласт словаря, отражая специфику архаичного мышления, которая заключается в нерасчлененности и диффузности семантических признаков.

Несмотря на то, что специфика широкозначности определяется многими лингвистами, когнитивные механизмы, лежащие в основе концептуализации признаков широкозначного слова, описаны не в полной мере. В статье мы выдвигаем гипотезу о том, что в основе семантической организации широкозначной лексемы лежит набор концептуальных признаков в рамках прото-сцены, обеспечивающий специфику функционирования такой лексемы.

Теория прототипов и категорий базового уровня была впервые сформулирована Э. Рош [Rosch 1978] и является широко распространенным и изучаемым явлением в когнитивной лингвистике и лексической семантике. Согласно Э. Рош, прототипом является такой член категории, который разделяет максимум общих свойств с остальными членами этой категории и минимум свойств с членами других категорий. В отечественной трактовке прототип «служит основой образования значений полисемантичной глагольной лексемы» [Беляева 2001]. Прототипическая организация значения реализована на уровне имидж-схемы, или прото-сцены, в рамках которой формируются радиальные расширения, обеспечивающие широкозначность глагола: «при осмыслении того или иного понятия пучок прототипических признаков способен восстанавливать в сознании человека ситуацию в целом» [Беляева 2001].

В древнеанглийском языке находим глаголы движения со спецификой способа передвижения: *ridan* ‘ехать верхом’, *seglian* ‘плыть’, *gan* ‘идти’ и т.д. *Faran* выделяется тем, что часто кодирует не способ, а сам факт перемещения/поездки, т.е. представляет собой схематичный, общий глагол движения. Глагол восходит к общеиндоевропейскому корню **per*- ‘проходить через, пересекать’, где в этимоне также обнаруживаются элементы прототипической семантики.

Типичная прото-сцена для *faran* представляет собой сценарий контролируемого пространственного движения живого агента по протяженному пути (схема source–path–goal) при неопределенном способе передвижения. Мы выделяем признаки: 1) принадлежность к домену физического перемещения в пространстве; 2) динамика; 3) наличие пути; 4) одушевленность и субъектность агента; 5) локация; 6) отсутствие спецификации способа движения. Указанные признаки сохраняются во всех метафорических и метонимических расширениях (‘проходить’ о времени, ‘жить’, ‘погибать’ и др.), что позволяет рассматривать их как прототипическое ядро широкозначного глагола *faran*.

Прототипическое употребление глагола *faran* представлено в корпусе широким значением ‘идти, ехать, путешествовать, держать путь, совершать путь, двигаться по пути, отправляться, направляться куда-то’. Ср. примеры: 1) 971 *Nu we faraþ to Gerusalem* ‘Теперь мы идем/отправляемся в Иерусалим’; 2) 1123 *Þa heofod men heo betwenan foran* ‘Тогда главные люди (вожди) пошли между ними’/‘пошли на переговоры между двумя сторонами’; 3) 1205 *Alch mon mihte faren gend hire lond þaih he bere ræd gold* ‘Любой мог ездить по ее земле, даже если нес при себе золото’; 4) 1300 *I am a man farand þe way* ‘Я человек, идущий/путешествующий по дороге’; 5) 1300 *Þe angel badd [iacob] lete him far* ‘Ангел велел (Иакову) дать ему уйти’; 6) 1314 *Nov is Gij to Warwike fare* ‘Теперь Гай отправился в Уорик’; 7) 1350 *He had ferrest to fare* ‘Ему дальше всех было идти/ехать’; 8) 1375 *To the castell thai thoucht to fair* ‘Они собирались отправиться к замку’; 9) 1385 *…the steppes of hys fete, there he hath fare* ‘…следы его ног там, где он прошел’; 10) 1400–50 *Sum… farand as bestis* ‘Некоторые движутся/рыщут как звери’ (здесь и далее цифра перед примером указывает на год вхождения значения глагола в английский язык. Примеры приводятся по словарю [Oxford English Dictionary]).

Значение ‘идти’ – физическое перемещение по траектории – центральное значение глагола. Оно относится к базовому домену пространства, физического пространственного движения. Данное движение является и действием, и процессом и относится к базовым элементам человеческого опыта, т.е. характеризуется признаками [+динамичность], [+действие], [+процесс]. Это [+контролируемое движение], поскольку агент выбирает, куда и как двигаться, оно противопоставлено иным типам движения. Для движения характерна траектория, или [+путь] и предполагается некоторая протяженность во времени. Прототипическим агентом, или носителем действия выступает человек или группа людей. Часто присутствует ориентация на цель (прибытие в определенное место). Faran – это всегда движение куда-то. При этом глагол не кодирует способ движения (‘идти пешком’, ‘ехать верхом’, ‘плыть’) – и в этом заключается его ‘широкозначность’.

Уже в древнеанглийском и более поздние периоды наблюдаем возникновение метафорических значений, которые строятся на основе той же схемы source–path–goal в доменах времени, жизни/смерти и т.д. См. примеры: 11) ‘уйти из жизни’ > ‘умереть’ (‘жизнь’ = ‘путь’) *He scal faran to þan eche liue for his treowscipe* ‘Он пойдёт к той вечной жизни за свою верность Богу’; 12) ‘течь/струиться; проходить, протекать’ (о жидкостях, реках, времени, событиях) 1250 *Ðe vii. fulsum geres*

faren ‘Прошли/протекли семь плодородных лет’; 13) ‘преуспевать’, ‘испытывать удачу/неудачу’ 1000 *Hu mæg se man wel faran*… ‘Как может человек хорошо идти (преуспевать)…’; 1300 *Send him quar he faris werr* ‘Отправьте его туда, где ему придется хуже’; 14) (о поведении, состоянии) ‘вести себя, действовать’ 1300 *Þat wili wolf, þat for sua fals* ‘Тот хитрый волк, который так коварно поступил’; 15) формула прощания: *fare (ye/thee) well* > farewell (1377 *Frendes, fareth wel* ‘Друзья, всего доброго’).

Так, в примере 11) задействована когнитивная схема жизнь = путь и смерть = уход/отправление. При этом у *faran* сохраняется схема движения, но в качестве цели выступает значение ‘вечная жизнь’. Это христианская концептуализация: смерть – это не прекращение, а переход в иной модус бытия.

Таким образом, древнеанглийские широкозначные глаголы, в частности глагол *faran*, – это глаголы с очень общим, «каркасным» событийным смыслом, который заполняется контекстом. Они профилируют не конкретное действие, а схему события. Широкозначный глагол имеет прототип – наиболее типичную ситуацию – и периферию расширений. Говорящий сам выбирает, к какому типу событий отнести ситуацию, а уточнение достраивается контекстом.

Литература

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

Беляева Е.П. Прототипическая база семантики английских глаголов: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2001.

Евтеева М.Ю. Прототипические значения глаголов широкой семантики machen и tun // Вестник ИГЛУ. 2012. № 4 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prototipicheskie-znacheniya-glagolov-shirokoy-semantiki-machen-i-tun

Литвинова Н.В. Семантический потенциал широкозначного глагола «делать» в языках различных групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 371-375.

Песина С.А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики: на материале английских существительных: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2005.

Newman J. Give: A Cognitive Linguistic Study. Berlin; N.Y: De Gruyter Mouton, 1996.

Oxford English Dictionary. 2nd ed. CD-ROM version 4.0. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Rosch E. Principles of Categorisation // Cognition and Categorisation / ed. by E. Rosch, B.B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978.

Schmid H.-J. Shell nouns in English – a personal roundup // Caplettra Revista Internacional de Filologia. 2018. Núm. 64. Pp. 109-128.

N. V. Drozhashchikh, E. V. Efimova *(Tyumen, Russia)*

Tyumen State University

PROTOTYPICAL CONCEPTUAL FEATURES OF EURYSEMIC WORDS

The article examines the cognitive specificity of eurisemic Old English verbs. The results of the study show that the prototypical conceptual features of the verb *faran* characterize the basic domain of space, the typical proto-scene source-path-goal, the dynamic process of movement, the length in time, the animacy and agency of the speaker, the lack of specification of the method of

movement and the focus on reaching the location. The mode of movement and other characteristics are specified in the context.

Key words: conceptualization, eurysemy, prototype, the verbs of movement, Old English

М. В. Дудорова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
primrose81@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРОЦЕССОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕНОТАТИВНЫХ КЛАССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

На материале фразеологизмов, входящих в денотативно-идеографическую группу «Физиологические состояния и процессы», с опорой на синопсис Уральской семантической школы устанавливаются регулярные взаимодействия денотативно-идеографических групп и сфер. Материалом исследования являются данные, полученные при работе над толковым словарем синонимов русской речи.

Ключевые слова: концептуализация, денотативно-идеографические группы, русская лексика, идеографический словарь, метафоризация

В настоящее время коллектив Уральской семантической школы заканчивает работу над Большим толковым словарем синонимов русской речи (опубликован первый том [Большой толковый словарь… 2008]), представляющим комплексное описание не только синонимических, но и в целом парадигматических отношений различной природы (антонимия, семантическое и словообразовательное родство, фразеология). Одна из словарных зон – близкородственные фразеологизмы, «которые (в соответствии с концепцией В.Н. Телия) понимаются достаточно широко и включают в свой состав устойчивые сочетания и обороты разной степени идиоматичности» [Бабенко 2008: 24]. Материалом для данной статьи послужили 355 фразеологизмов, соотносимых с 19 синонимическими рядами (доминанты: Напрягать, Спать, Усталость, Слабость, Дрожать, Зябнуть и т.п.), входящими в группу «Физиологические действия, состояния и процессы, их признаки». Рассмотрение лексических единиц в идеографическом аспекте позволяет проанализировать систему регулярных взаимодействий денонативных классов в механизмах ментальной интеграции. Рассмотрим, с какими денотативно-идеографическими сферами/группами/подгруппами (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы [Бабенко 2015]) взаимодействует фразеология указанной группы (в порядке степени частотности пересечений).

1. Значительное количество фразеологизмов представляет двойную пересекаемость сферы «Конкретная физическая деятельность» и внутрисферного пересечения с группой «Форма и строение организма человека», в таком пересечении представлены:

– части тела человека, метонимически связанные с определенным процессом или состоянием (*[вот-вот] из груди выскочит; колет в боку (в животе, в сердце); зуб на зуб не попадает; руки и ноги трясутся; давить ухо; харю мять; пролеживать бока; сбиваться/сбиться (валиться, падать) с ног; едва (еле, чуть, насилу, с трудом) ноги волочить (таскать, тянуть, передвигать); едва ноги таскать; ноги не держат*);

– части тела человека, метонимически не связанные с определенным процессом или состоянием (*язык на плече; без (задних) ног (быть, лежать, прийти и т.п.); без рук, без ног*).

2. Сфера «Конкретная физическая деятельность»:

– группа «Движение»: *отправляться/отправиться на боковую*; *отходить/отойти ко сну, сходить на двор (до ветру, по нужде, за нуждой)*;

– группа «Отрицательное воздействие на объект»: *чесотка напала; почесун напал; сон напал* (метафорическое представление о состоянии как о живом существе).

Двойные связи представлены пересечением с группой «Растительный мир» (*[быть] как выжатый лимон*), с группой «Животный мир» (*давить/придавить комарика (клопа); поросят можно об лоб бить; хоть поросят об лоб бей*) и с группой «Быт» (*давить (ломать) подушку; хоть спички вставляй*).

3. Сфера «Живая природа»:

– группа «Растительный мир»: *как огурчик, дрожать (трястись) как [осиновый] лист*;

– группа «Животный мир» представлена традиционным метафорическим переосмыслением состояний человека через наблюдаемые состояния животных: *трястись (дрожать) как бобик (как шавка; как цуцик); зябнуть/озябнуть как зяблик; уставать/устать как собака; здоров как бык; как сонная муха; спать как сурок (заяц); заячий сон*.

4. Внутрисферные пересечения представлены соотнесением физиологического состояния или процесса:

– со смертью (*спать мертвым (мертвецким) сном, [спать] как убитый; измотаться в усмерть; предсмертные судороги (конвульсии)*);

– с физиологическими жидкостями, выделяемыми при определенных процессах (*семь потов сошло*); отметим случай двойной связи: *цыганский пот пробрал (прошиб)* (сфера «Нации»);

– с жестами и движениями (*корчиться от боли*);

Отметим внутригрупповую пересекаемость с аналогичным по внешнему проявлению состоянию (*как во сне*).

5. Сфера «Восприятие окружающего мира»:

– группа «Зрительное восприятие» (подгруппа «Изменением цветового признака»): *синеть/посинеть от холода;*

– группа «Акустическое восприятие»: *лязгать/залязгать (стучать/застучать) зубами; задать Храповицкого;* двойная связь представлена через техниче-

скую аналогию со звуками неисправных устройств: *храпеть как граммофон (как патефон)* (пересекаемость с группой «Техника»);

– группа «Осязательное восприятие»: *ног под собой не слышать (не чуять; не чувствовать);*

– группа «Вкусовое восприятие»: *спать сладким сном;*

– группа «Восприятие предмета» (подгруппа «Величина, размер, вес»): *веки тяжелеют.*

6. «Общественно-государственная сфера» представлена аналогиями с различными социальными ситуациями:

– группа «Религия»: *спать (забываться/забыться) [сладким] сном праведника (праведных); еле-еле душа в теле; предаваться/предаться греху;*

– группа «Медицина»: *[бьется (стучит)] как бешеное (сумасшедшее); дрожать (трястись) как в лихорадке;*

– группа «Охота и рыболовство»: *дроздов ловить; клевать носом; носом ловить (удить) окуней;*

– группа «Спорт»: *[как] будто [пудовые] гири на ногах, забивать/забить шайбу;*

– группа «Экономика»: *продавать дрожжи;*

– группа «Право»: *об дорогу не убьешь; долбней не убьешь;*

– группа «Наука»: *здоровье как у космонавта;*

– группа «Сельское хозяйство»: *можно пахать (воду возить).*

7. Сфера «Вещества и материалы»: *ноги как свинцом налитые (как свинцовые; как чугунные); как песок в глаза насыпали.*

8. Сфера «Социальные отношения»: *заехать к Сопикову и Храповицкому; сон посетил; потерять честь.*

9. «Физиологические и бытовые потребности человека»:

– группа «Быт»: *[бьется (стучит)] как часы*;

– группа «Еда»: *вкушать сон; глоток воздуха.*

10. Сфера «Неживая природа»:

– группа «Осадки»: *превращаться/превратиться в сосульку (в ледышку);*

– группа «Минералы»: *спать как камень (каменный).*

11. Сфера «Сверхъестественное» представлена образами, восходящими к мифологии (*уставать/устать как черт; отправляться/отправиться в сонное царство; быть (лежать, покоиться) в объятиях Морфея; спать богатырским сном*) или отражающими представление о влиянии действий человека на «невидимые силы» (*плевать через левое плечо; сплюнь, чтобы не сглазить*).

12. Сфера «Человек и его внутренний мир»

– группа «Эмоции»: *прийти в чувство, спать безмятежным сном, быть (лежать, покоиться) в сладкой неге; нервная дрожь; вступать/вступить (иметь) в близкие (любовные, интимные) отношения; заниматься/заняться любовью; предаваться/предаться любви;*

– группа «Интеллект»: *прийти в сознание; забытье напало; быть в несознанке; терять/потерять сознание;*

– группа «Оценка»: *прийти в норму; без отклонений.*

13. Сфера «Язык и речь» представлена как «описанием» процесса коммуникации (*говорить/поговорить с Храповицким*), так и осмыслением состояния сна через типичные речевые конструкции, сопровождающие отход ко сну и обычно использующиеся в общении с детьми (*[идти] баиньки (спатиньки; бай-бай)*).

Таким образом, фразеологизмы денотативно-идеографической группы «Физиологические и состоянии и процессы» демонстрирует богатство метафорических связей со всеми денотативными сферами (13 из 16), однако показывают различную степень разработанности этих связей. Наиболее тесные связи обнаруживаются между рассмотренной группой и сферами «Конкретная физическая деятельность» и «Живая природа», внутрисферные пересечения наиболее частотны для группы «Форма и строение организма человека», что обусловлено осмыслением скрытых состояний и процессов через аналогичные воспринимаемые зрением действия/признаки. Важно отметить, что для рассмотренной группы распространены случаи двойных связей, когда в создании метафорического значения одновременно участвуют элементы двух сфер-источников.

Литература

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. С. 15-26.

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

Бабенко Л.Г. Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 22-42.

M. V. Dudorova *(Ekaterinburg, Russia)*

Ural Federal University

CONCEPTUALIZATION OF PHYSIOLOGICAL STATES AND PROCESSES: INTERACTION OF DENOTATIVE CLASSES (BASED ON PHRASEOLOGY)

Using phraseological units within the denotative-ideographic group “Physiological States and Processes” based on the synopsis of the Ural Semantic School, regular interactions between denotative-ideographic groups and spheres are established. The study’s material is data obtained during the development of an explanatory dictionary of Russian synonyms.

Key words: conceptualization, denotative-ideographic groups, Russian lexicon, ideographic dictionary, metaphorization

И. В. Ерофеева *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ. В СИНОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

В статье рассматривается специфика отражения образа человека в русской языковой картине мира конца XX – начала XXI вв. через синонимические неодериваты со значением лица, определяются когнитивные основания номинативных процессов в данной сфере, выявляются активные словообразовательные средства, модели, используемые для образования личных имен, устанавливается частотность синонимических номинаций по данным НКРЯ.

Ключевые слова: неодериват, синонимия, когниция, словообразование, картина мира

Появление новых сфер деятельности человека в области культуры, медиа и игровой индустрии, рекламы, Интернета, медицины, спорта, политики в последние десятилетия естественно отражается в словарном составе языка. В этих сферах активно происходят когнитивно-дискурсивные процессы организации языковой картины мира, что приводит к пополнению языка номинациями лиц по новым социальным и профессиональным ролям. Их образование осуществляется по разным моделям, которые отличаются высоким лингвокреативным и экспрессивным потенциалом и установкой на игровое начало [Радбиль и др. 2022: 149].

Использование когнитивно-дискурсивного подхода, утвердившегося в современной лингвистике, позволяет понять, как происходит объективация знаний, опыта, системы оценок и верований людей в языковых формах, как в них отражается совокупность экстралингвистических факторов, психических, социально-исторических и прагматических [Лузгина 2006: 44]. В результате когнитивных процессов осмысления новых сфер деятельности людей в быстро меняющемся мире происходит процесс идентификации человека по значимым для современной действительности признакам.

В процессе номинации лиц часто возникают синонимические образования, являющиеся результатом ментальной деятельности по подбору языковых средств, способных в данном языке на данном этапе развития наиболее точно выразить необходимый смысл. «Близкие по значению слова составляют фрагменты ассоциативно-вербальной сети, образующейся на основании семантической близости» [Ерофеева, Усманова, Байрашева 2020: 51]. Одним из наиболее активных способов формирования синонимических рядов имен лиц является использование имеющихся в русском языке словообразовательных средств. В результате ономасиологической деятельности из имеющегося инвентаря морфем сознание выбирает возможные варианты, способные передать необходимое содержание с учетом комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов.

Среди неологизмов со значением лица преобладают слова с основами заимствованного происхождения, прежде всего из английского языка. Они активно включаются в словообразовательные процессы, осложняются различными искон-

ными и иноязычными аффиксами. Процессы неодеривации интенсивно происходят в тех тематических областях современного русского языка, которые значимы для социума. К таким областям относится культура, что связано, прежде всего, с развитием медиаиндустрии, отличающейся особым динамизмом, использованием цифровых технологий, распространением рекламы. В результате активизации культурной трансмиссии, глобализации и повсеместной цифровизации возникает необходимость в номинации лиц, связанных с этими процессами.

Синонимический ряд образуют номинации лиц с основой *клип*: *клипмейкер – клипмейстер – клиподел* в значении «создатель клипов». Слово *клип* – английское заимствование от *clip* «отрезок», «зажим», которое используется в русском языке для наименования коротких видео. Слово активно включилось в словообразовательные процессы русского языка: *клипмейкер* образовано соединением основ *клип* и *мейкер*, которое, по мнению некоторых ученых, произошло уже в русском языке [Григорьев 2018: 25]. Наряду с ним используется слово *клипмейстер*, вторая часть которого немецкого происхождения от слова *Meister* в значении «мастер» или «руководитель». Третьим синонимом является слово со второй частью собственно русского происхождения *клиподел*, полукалька, отличающаяся жаргонным, неформальным характером, разговорно-иронической окраской.

Для определения частотности употребления синонимических личных дериватов обратимся к газетному корпусу «Центральные СМИ» Национального корпуса русского языка (крупнейшего подкорпуса НКРЯ) [НКРЯ] и данных социальной сети «ВКонтакте». В газетном корпусе НКРЯ слово *клипмейкер* отмечается 381 раз, *клиподел* – 1 раз, *клипмейстер* отсутствует в силу низкой частотности употребления и нерепрезентативности в печатных СМИ и художественной литературе, представляющих основу корпуса. Однако в соцсетях все три синонима используются регулярно.

Расширяется сфера использования номинаций лиц в области журналистики. Синонимические образования *новостийщик – новостник – ньюсмейкер* обозначают «радио- или тележурналиста, выступающего с обзором международных и внутригосударственных новостей, работающего над новостной передачей» [НСЗ-90 2014: Т.2, 1177]. Они образованы при помощи синонимических суффиксов, однако от разных производящих основ: *новостийщик* от прилагательного *новостийный,* также относящегося к новой лексике в значении «посвященный обзору международных и внутригосударственных новостей» [НСЗ-90 2014: Т.2, 1176], по нехарактерной для русского языка модели от основы прилагательного с помощью суффикса *-щик*. Данный суффикс в основном используется при образовании имен со значением лица от глаголов или существительных. Слово *новостник* образовано от существительного *новость* по продуктивной модели с суффиксом *-ник*. Более частотно в газетном корпусе НКРЯ слово *новостник* (45 примеров), *новостийщик* – всего 7 примеров. В современной медиасфере самую высокую частотность обнаруживает заимствованное *ньюсмейкер* от англ. *newsmaker* (858 примеров). С прагматической точки зрения слово *newsmaker* имеет прозрачную структуру, где часть *ньюс* обозначает «новости», а часть *мейкер* –

«производитель действия», также *ньюсмейкер* отличается большим экспрессивным и смысловым потенциалом, чем собственно русские эквиваленты.

С областью рекламы или медиа связаны синонимические номинации *креативщик – криэйтор – креатор* в значении «создатель креатива; сотрудник рекламного агентства, отвечающий за разработку оригинальной творческой концепции, новых нестандартных решений, подходов» [НСЗ-90 2014: Т.2, 355-356]. Самое распространенное *креативщик*, образованное при помощи русского суффикса *-щик*, отмечается в НКРЯ 204 раза. *Криэйтор* и *креатор* передают английское *creator* путем транскрипции и транслитерации соответственно. Более распространен адаптированный, упрощенный вариант *креатор*. Слово фиксируется в толковых словарях современного русского языка, активно используется в СМИ, Интернете. В газетном корпусе НКРЯ *креатор* отмечается 51 раз, *криэйтор* – 28 раз.

К числу новых тенденций современной жизни относится распространение ролевых игр. Явление зародилось в США и получило специальное название *roleplay*. Участник или член сообщества любителей ролевых игр и исторических реконструкций в английском языке называется словом *roleplayer,* однако при общности концепта, заложенного в основе слова, в русском языке был реализован иной путь номинации с помощью собственных словообразовательных средств. Слово *ролевик* образовалось в молодежном сленге при помощи исконного суффикса *-ик*, наряду с ним отмечается синоним *ролевушник,* имеющий еще более сниженный характер. Слово *ролевушник* образовано от просторечного *ролевушка* с помощью суффикса *-ник*. В корпусе социальных сетей НКРЯ 317 примеров употребления слова *ролевик*, образование же *ролевушник* в данном корпусе отсутствует, так как оно носит более ограниченный характер в силу стилистической маркированности и сниженности, передаваемой суффиксом *-ушк-* в производящей основе.

В связи с широким распространением компьютерных сетей возникают номинации лиц, связанные с обслуживанием оборудования, разработкой программ, сетевым маркетингом. В данной области с помощью исконных или давно освоенных морфем образуются синонимы *сетевик – сетенавт – сетянин.* Разговорно-профессиональное слово *сетевик* имеет целый ряд взаимосвязанных значений. В значении «активный пользователь сети» синонимично словам *сетенавт* и *сетянин*, имеющим разговорно-сниженный, шутливый характер. Слово *сетенавт* образовано по той же модели, что и *космонавт, астронавт*, с помощью суффиксоида *-навт* в значении «путешественник в определенной среде». Его возникновение связано с языковой игрой, так как сетенавт путешествует в сети, что образно и метафорически соответствует виртуальному действию. По аналогии с *земляне* или *марсиане* построено образование *сетяне*: *сеть* + *-анин(-янин)*. В НКРЯ *сетяне* отмечается 16 раз, *сетенавты* – 2 раза.

Появление нового способа лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата с помощью воздействия рук врача привело к возникновению синонимических номинаций разговорно-профессионального характера *мануал – мануальщик – мануалист*, образованных по разным моделям деривации и имеющих в качестве синонима официальный термин *мануальный терапевт*. Слово *мануал,* образованное

путем усечения от прилагательного *мануальный* и приобретшее значение лица, представлено в НКРЯ 9 примерами. Наряду с ним употребляются формы с суффиксами *-ист* и *-щик*: *мануалист* (2 примера) и *мануальщик* (41 пример), образованные от словосочетания *мануальный терапевт* путем универбации, которая часто используется в разговорной речи, жаргоне для повышения экспрессивности речи. Преобладание суффиксального *мануальщик* в этом ряду связано с его более выразительной словообразовательной структурой и с тем, что слово *мануал* гораздо чаще используется в предметном значении «инструкция для пользователя, руководство по эксплуатации».

Возникновение синонимических образований со значением лица в языке отражает работу мышления по поиску ассоциаций, передаче коннотаций, стилистического регистра, оттенков смысла для наиболее точного и соответствующего понятию выражения необходимого содержания. Языковая игра является важным фактором создания синонимических номинаций в разговорном стиле, представляющем прежде всего молодежный сленг. В количественном отношении среди синонимов преобладают неодериваты со значением лица с нейтральными суффиксами, образования со стилистически маркированными суффиксами находятся на периферии языковой системы и фиксируются преимущественно в социальных сетях.

Литература

Григорьев А.В. История слов с формантом -мейкер- в русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 22-30.

Ерофеева И.В., Усманова Л.А., Байрашева В.Р. Синонимия в сознании, тезаурусе и словаре // Филология и культура. 2020. № 3 (61). С. 50-56.

Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. Сб. статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 41-49.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/search?search=ChIqDAoICAAQChgyIApACjICC AM%253D

НСЗ-90 – Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ясаи Л., Палоши И.В. Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий // Вестник ННГУ. 2022. № 1. С. 149-153.

I. V. Erofeeva *(Kazan, Russia)*

Kazan (Volga Region) Federal University

LANGUAGE CATEGORIZATION OF HUMAN IMAGE IN LATE XXTH – BEGINNING XXIST CENTURY IN SYNONYMOUS DERIVATIVES WITH THE MEANING OF PERSON

The article examines the specifics of human imagery in the Russian linguistic worldview of the late 20th and early 21st centuries through synonymous neoderivatives with the meaning of a person. It identifies the cognitive foundations of nominative processes in this area, identifies active word-formation tools and models used to form personal names, and establishes the frequency of synonymous nominations based on data from the National Rhetorical Council.

Key words: neoderivative, synonymy, cognition, word formation, worldview

А. В. Зиньковская, А. А. Сахно *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет
anastassiat@rambler.ru, annouchka@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ОЛЬФАКТОРНЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена комплексному рассмотрению вопросов вербального описания ольфакторных компонентов коммуникации в художественном тексте. Сформулированы и описаны характерные особенности ольфакции как научного направления. Прослеживается значительный интерес к исследованиям в области стереохимической теории запахов и ее взаимосвязи с эмоциями человека.

Ключевые слова: ольфакция, семиотика, теория запахов, вербализация, иконический знак, кодирование, декодирование

Современная невербальная семиотика представляет собой совокупность крупных частных научных направлений, нацеленных на теоретическое осмысление и практическую реализацию в области психолингвистики. Так, Г.Е. Крейдлин выделяет паралингвистику, кинесику, гаптику, проксемику, окулесику, аускультацию, ольфакцию, гастику, хронемику и системологию. Ольфакцию он относит к одной из наименее разработанных научных направлений и определяет как науку, изучающую влияние тепловой и химической деятельности организма человека в рамках коммуникативного взаимодействия [Крейдлин 2002: 75].

Еще Иммануил Кант обозначил две категории чувств – sensus vagus (основанные на жизненном опыте человека) и sensus fixus (или des afficierten Organs, основанные на результате работы нервной системы человека). Чувства группы sensus fixus были классифицированы согласно двум человеческим потребностям – пониманию информации, поступающей извне (tactus, visus, auditus) и получению удовольствия (gustus, olfactus) [Kant 2003: 92].

Рассматривая вопросы ольфакции, важно различать семантические особенности прилагательных «одорический» и «ольфакторный». В художественном тексте невозможно выявить определенную характерную градацию между данными словами по причине того, что текст сам по себе является описанием опыта героя, т.е. в любом случае будет иметь антропологические признаки. В случае, если речь идет о научных изысканиях, то прилагательное «ольфакторный» подразумевает любое явление, действие или предмет, относящееся к восприятию запахов, обонянию; в свою очередь, прилагательное «одорический» включает в себя все, что имеет отношение непосредственно к самому запаху [Зыховская 2015: 85-90].

Согласно стереохимической теории запахов, выделяют 7 классов веществ со сходной стереохимической конфигурацией молекул: мускусный (железы ондатры, кабарги), цветочный (лаванда, роза), мятный (мята, ментол), едкий (уксусная кислота, муравьиная кислота), эфирный (эфир, груши), камфарный (камфара, эвкалипт) и гнилостный (тухлые яйца). Согласно стереохимическим исследованиям Дж. Эймура и Р. Монкриффа, запах вещества формируется посредством воздей-

ствия формы и размера пахучей молекулы, подходящей согласно исходной конфигурации [Amoor 1964: 42-49]. Концепция Хеннинга (призма Хеннинга) состоит из шести первичных запахов: цветочного, эфирного, гнилостного, запаха горелого, запаха резины и пряного запаха. Согласно данной теории, эфирный запах является аналогом фруктового и его базовым компонентом выступают перезрелые фрукты [Henning 2020: 117].

Носовая полость человека представлена специфической ольфакторной полостью, содержащей определенный набор сенсорных клеток, и вомероназальным органом, воспринимающим феромоны. Обонятельный эпителий человека окутан ольфакторной мембраной. Обонятельные клетки содержат в себе обонятельные рецепторы. Функции ферментов обонятельного эпителия заключаются в нейтрализации старых запахов и разработке обонятельных рецепторов для восприятия новых. Индивидуальные особенности чувствительности к тем или иным запахам обусловлены непохожей активностью ферментов людей.

Своеобразность личного запаха взаимосвязана с уникальной, неповторимой комбинацией масляной, капроновой, валериановой, каприловой и других кислот, а также особенностью обмена веществ. Биологический запах является постоянным признаком человека, имеет генетическую основу и характеризуется химической структурой феромонов. Главным источником запаха являются апокриновые железы, расположенные в подмышечных впадинах [Бутовская 2004: 231].

В данном исследовании коммуникативная ситуация с задействованными ольфакторными невербальными компонентами коммуникации рассматривается в аспекте семиозиса, где ольфакторный элемент выступает в качестве иконического знака, а участники коммуникации определяются как интерпретаторы. В основании концепции нашей работы лежит теория второй трихотомии знаков, в соответствии с которой знак может выступать в качестве символа (symbol), иконы (icon) и индекса (index). Икона определяется как знак, направляющий к объекту, который он обозначает на основании имеющихся свойств [Пирс 2000: 215; Склярова 2023: 163-168; Верхотурова 2020: 134-139].

Семиотическая интерпретация невербальных компонентов коммуникации обусловлена процессами кодирования и декодирования. Обонятельная сенсорная система отличается наличием реакции на большое количество пахучих веществ. По этой причине рецепторы обоняния обладают перекрывающимися профилями ответов. Малая концентрация пахучих веществ дает неспецифичные ощущения, пороговые и сверхпороговые концентрации запускают разнообразные, сложные электрические импульсы, приходящие в определенные области обонятельной луковицы. В результате в обонятельной луковице формируется уникальное сочетание возбужденных и невозбужденных областей. Таким образом происходит процесс идентификации запахов [Шмидт 1984: 62].

Согласно исследованиям, направленным на изучение взаимосвязи между эмоциями и базовыми запахами, люди в большинстве случаев ассоциируют положительную эмоцию радости с цветочными запахами, удовольствия – с эфирными запахами, эмоцию гнева – с мускусными запахами, а отрицательную эмоцию от-

вращения – с гнилостными запахами. Эмоция печали, в свою очередь, имеет широкий ассоциативный ряд, начиная от камфары. Рассматривая ассоциативный процесс с точки зрения декодирования, установлено, что цветочный запах лаванды способствует крепкому сну, запах перечной мяты улучшает внимание и настроение в целом, запах тухлых яиц вызывает эмоции отвращения [Березина 2013: 20-30].

В рамках проблематики нашего исследования, посвященного дискурсивному представлению ольфакторных компонентов коммуникации, целесообразно обратить внимание на аспект памяти в ольфакторной коммуникации. Следует отметить, что запах функционирует вне времени, т.е. на него не действуют те или иные временные рамки. При этом запах слабо запоминается в самом начале взаимодействия, а по прошествии временного отрезка аспекты памяти усиливаются. Узнаваемость или неузнаваемость не имеют значения в процессе запоминании ольфакторных проявлений. Доказано, что память на ольфакторные проявления, способность их декодировать на словесном уровне и классифицировать согласно определенным признакам, основываются на тождественных когнитивных и семиотических признаках [Черниговская 2004: 171-176]. Также необходимо учитывать влияние так называемой «ольфакторной революции», разрушившей запрет на обсуждение личных, интимных тем, связанных с запахами [Левинсон 2010: 407].

Рассмотрим варианты вербализации ольфакторных невербальных компонентов коммуникации:

She opened the drawing-room door softly, meaning to take him by surprise. The room was filled with a sweet hot scent of flowering azaleas. She ***took a long breath*** *of the perfume, and heard Bosinney's voice, not in the room, but quite close, saying* [Galsworthy 2005: 120].

Она тихонько открыла дверь в гостиную, чтобы захватить Босини врасплох. В комнате плавал сладкий, душный запах цветущих азалий. Джун ***глубоко вдохнула*** *аромат и услышала его голос не в самой комнате, а где-то совсем близко.*

В данной коммуникативной ситуации процесс восприятия запаха вербализован посредством идиомы, выраженной глагольным словосочетанием. Ольфакторный невербальный компонент коммуникации «to take a long breath» использован для выражения волнения, переживания.

Исследование вербализованных ольфакторных компонентов коммуникации в художественном тексте подтверждают следующие положения:

– ольфакторная коммуникация представляет собой сложное взаимодействие биологических, психологических и семиотических систем. Стереохимическая теория запахов выступает в качестве базового элемента, формирующего механизм восприятия пахучих веществ;

– интерпретация запахов осуществляется на уровне кодовых переходов;

– ольфакторные невербальные компоненты коммуникации отличаются тем, что обладают определенным, базовым содержанием, но при этом принимают актуальное значение в зависимости от условий паралингвистического контекста.

Литература

Березина Т.Н. Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // Национальный психологический журнал. 2013. № 4 (12). С. 20-30.

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). Москва: Научный мир, 2004.

Верхотурова Т.Л., Слуднева Л.В. Знаковость поведения человека сквозь призму языка // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 134-139.

Зыховская Н.Л. Ностальгия по прошлому через призму ольфакторной образности (на материале русской прозы XIX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). С. 85-90.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.

Левинсон А. Повсюду чем-то пахнет. Ароматы и запахи в культуре. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Москва: Логос, 2000.

Склярова Н.Г. Лингвосемиотика англоязычного туристического медиадискурса (на материале интернет-публикаций) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2023. № 1. С. 163-168.

Черниговская Т.В. Семиотика запахов: вербализация, синтезия, память // Петербургское лингвистическое общество. Научные чтения – 2003, 2004. Т. 5. С. 171-176.

Шмидт Р. Основы сенсорной физиологии. Москва: Изд-во Мир, 1984.

Amoor J.E., Johnston J.W. Jr., Rubin M. The stereochemical theory of odor // Scientific American. 1964. 210 (2). Pp. 42-49.

Galsworthy J. The man of property. Москва: Издательство «Менеджер», 2005.

Henning H. Der Geruch. Helsinki: Inktank Publishing, 2020.

Kant I. Anthropologie in pragmatische Hinsicht. Hamburg: Felix MeinerVerlag, 2003.

A. V. Zinkovskaya, A. A. Sakhno *(Krasnodar, Russia)*

Kuban State University

VERBAL OLFACTORY MANIFISTATION OF NONVERBAL COMPONENTS OF COMMUNICATION FROM THE LITERARY TEXT PERSPECTIVE

The article focuses on the integrated treatment of verbal description issues of olfactory components of communication in literary text. Olfaction characteristic features as a scientific field are formulated and described. Significant interest in the research in the field of stereochemical theory and its interconnection with a person's emotions can be traced.

Key words: olfaction, semiotics, theory of smell, verbalization, iconic sign, coding, decoding

М. А. Иванова *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет
mashaliva@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ КАК МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ НОВЫХ КОНЦЕПТОВ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В работе обосновывается методологическая ценность полевого подхода к анализу концепта в рамках анализа концептуализации межличностных отношений в виртуальной коммуникации. Сравнение и сопоставление концептуальных полей виртуальных и естественных взаимоотношений позволяет систематизировать и комплексно описать связь между ними.

Ключевые слова: концептуализация, концептуальное поле, виртуальная коммуникация, виртуальная дружба, немецкий язык социальных сетей

В современном мире социальные сети становятся одной из основных платформ реализации разных типов взаимоотношений, что приводит к сдвигу в их вербализации. В результате в немецкоязычном лингвокультурном пространстве формируются новые концепты виртуальных межличностных отношений. Эффективным инструментом описания подобных процессов является полевой подход к анализу и сопоставлению концептов виртуальных и естественных межличностных отношений.

Цель данной работы – исследовать методологическую ценность данного подхода на примере концепта виртуальной и естественной дружбы и продемонстрировать, что концептуальное поле дает возможность систематизировать и комплексно описать связь между ними.

В основе использования концептуальных полей для анализа концептов лежит понятие «лексико-семантическое поле», т.е. группы семантически связанных друг с другом слов и словосочетаний, значения которых взаимосвязаны и полностью покрывают ту или иную понятийную область. Основными компонентами поля являются ядро, ближняя периферия (нейтральные лексемы) и дальняя периферия (стилистически окрашенные лексемы и словосочетания) [Trier 1973; Weisgerber 1962]. При анализе структурных особенностей концепта также можно говорить о ядре и периферии, при этом к ядру «будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее наглядные образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [Попова, Стернин 2001: 60]. Наличие такой параллели позволяет говорить о концептуальном поле – «целостном когнитивном пространстве со сложной разветвленной структурой» [Балашова 2013:503].

Если сопоставить модель концептуального поля с тремя сторонами концепта (понятийная, предметно-образная и ценностная) [Карасик 2004], то ядро будет включать понятийную сторону, а периферия включает предметно-образную и ценностную стороны. Таким образом, к ядру будут отнесены дефиниционная структура концепта, а также его семантические и этимологические особенности, а на периферии найдут отражение типичные образы и когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, а также оценка концепта лингвокультурой и поведенческие нормы, связанные с ним.

Применим полевой подход к изучению концепта дружеских отношений. Он сформировался в немецкоязычной лингвокультуре в результате того, что основные виды личных неформальных отношений концептуализируются в социальных сетях как дружеские. Это явление объясняется тем, что любые взаимоотношения в сети обозначаются словом «Freund» (друг) в значении «контакт в социальных сетях». Новый концепт виртуальной дружбы базируется на метафорическом переносе из области источника «Freundschaft» (дружба) на область цели «Netzfreundschaft» (виртуальная дружба или дружба в социальных сетях) [Иванова 2024].

При нашем подходе к исследованию концептуализации межличностных отношений в виртуальном пространстве первым шагом при построении концептуального поля является выделение ключевой лексемы. Например, в концептуальных полях FREUNDSCHAFT и NETZFREUNDSCHAFT ключевой является лексема «Freund», однако она используется в разных значениях: для первого – в значении «друг», а для второго – в значении «контакт в социальных сетях», поскольку именно так обозначается каждый входящий в список контактов в социальных сетях пользователь.

На следующем этапе на основе анализа языковых средств выделяются микрополя, которые представляют основные семантические характеристики концепта (относятся к ядру) и связанные с ним образы и ассоциативные связи (относятся к периферии). Сопоставление микрополей разных концептов помогает проследить отличия в сторонах концепта. Например, анализ языковых средств объективации концепта виртуальной дружбы позволил выделить пять основных микрополей (1) *Nutzer* (пользователь) и (2) *online Verhalten* (онлайн-поведение), характеризующих участников и процесс дружеского взаимодействия, а также (3) *Anzahl* (количество), (4) *Ware* (товар) и (5) *Flüchtigkeit* (мимолетность), описывающие основные образы виртуальной дружбы. В рамках концепта FREUNDSCHAFT можно выделить шесть основных микрополей: (1) *Mensch* (человек), (2) *Verhalten* (поведение) и (3) *Verhältnis* (отношение), описывающие участников, процесс и характеристику дружбы в естественной коммуникации, а также (4) *lange Dauer* (протяженность во времени), (5) *räumliche Nähe* (пространственная близость) и (6) *Reichtum* (богатство) как основные образы дружбы в реальном мире. Сопоставив полученные микрополя, приходим к выводу, что три выделенных микрополя соотносятся по семантическому наполнению (*Nutzer/Mensch*, *online Verhalten/Verhalten* и *Ware/Reichtum*). Таким образом, выделенные микрополя демонстрируют, что виртуальная дружба концептуализируется как некое товарно-денежное отношение между онлайн-пользователями, в то время как дружба в естественной коммуникации – это взаимоотношение, которое представлено как богатство, духовная ценность.

На следующем шаге необходимо распределить средства репрезентации микрополей в зависимости от их близости к ядру или периферии. Рассмотрим средства репрезентации микрополей *online Verhalten*/*Verhalten*. Микрополе *online Verhalten* включает языковые средства, которые используются для описания процесса поддержания виртуальной дружбы, в то время как микрополе *Verhalten* включает средства репрезентации, описывающие ход дружеского взаимодействия в естественной коммуникации. Лексемы, описывающие начало или систему регуляции дружеского взаимодействия, относятся к ядру микрополей (для микрополя *online-Verhalten* это *Freundschaftsanfrage* (запрос на добавления в «друзья» в социальных сетях), *Freundesliste* (список «друзей»), *Freunde anklicken* (нажать на «друзей») и др.; для микрополя *Verhalten* это *Freundeskreis* (круг друзей), *Freundschaft pflegen / knüpfen* (завести/поддерживать дружбу). Далее, языковые средства, описывающие неприязненное взаимодействие или прекращение «дружбы» в социальных сетях, расположены в периферии поля *online-Verhalten* (например, новые для немецкого

языка выражения *entfreunden, Freund löschen* / удалить из списка «друзей»). К периферии микрополя *Verhalten* также относятся выражения, связанные с окончанием взаимодействия (*Freunde verlieren* / потерять друзей), однако туда также войдут фразеологизмы, описывающие важность друзей (*den Freund erkennt man in der Not* / друг познается в беде и др.). Отбор и анализ средств репрезентации данных микрополей демонстрируют, что дружба в рамках естественной коммуникации нуждается в поддержании, в том числе и в трудных ситуациях. В виртуальном пространстве «дружеское» взаимодействие заключается в добавлении пользователей в список контактов и управление этим списком.

Также благодаря систематизации средств репрезентации можно обратить внимание на повторяющиеся лексемы и на их примере проследить метафорический перенос, на котором основывается новый концепт. В качестве примера рассмотрим выражение *befreundet sein*, которое входит в оба микрополя, но в разном значении. В естественной коммуникации оно трактуется как «состоять в дружеских отношениях», а в виртуальном пространстве используется в значении «быть включенным в список контактов в социальных сетях». Начало взаимодействия в виртуальном пространстве (добавление в список контактов) сопоставляется с началом дружбы в естественной коммуникации (путем выстраивания близкой связи).

Рассмотрим также вербальные выражения, относящиеся к периферии исследуемых концептов микрополя *Ware* / *Reichtum*. Микрополе *Ware* отражает образ, при котором дружба в социальных сетях представляется как товарно-денежное отношение. К ближней периферии будут относиться выражения *Freunde kaufen* (купить друзей), *Freunde anhäufen* (накопить друзей), в то время как более образные выражения *Ware Freunde* (друзья-товар), *Freundschaft ist bares Geld* (дружба – деньги) будут расположены в дальней периферии. Микрополе *Reichtum* включает средства репрезентации, которые объективируют дружбу как духовную ценность (например, выражения *wertvolle Freundschaft* (ценная дружба), *teure Freundschaft* (дорогая дружба), *Freunde gewinnen* (выигрывать друзей), относятся к ближней периферии, а фразеологизм *Freunde sind über Silber und Gold* (друзья дороже серебра и золота) – к дальней периферии).

Важно отметить, что виртуальная дружба также может быть представлена в рамках поля концепта FREUNDSCHAFT, но уже на его периферии. Однако возникновение характерных только для виртуальных отношений ключевых лексем, относящихся к ядру поля (таких как *friend* (англ. друг, используется в немецком языке в значении виртуальных друзей), *Kontakt* (контакт), *ibf* (сокращение от англ. *internet best friend* (лучший Интернет – друг), и абстрактных образов, относящихся к периферии поля (таких как *Überfreundung* (состояние, при котором слишком много виртуальных друзей), *Freundschaft schnell und unkompliziert knüpfen* (заводить друзей быстро и легко), позволяет сделать вывод о формировании нового концепта в немецкоязычном лингвопространстве.

Таким образом, представление собранного в рамках анализа концептов межличностных отношений в виртуальной и естественной коммуникации языкового материала в виде концептуальных полей позволяет не только систематизировать

полученные результаты, но и исследовать вопрос о возможном возникновении новых концептов, порожденных виртуальными отношениями. Для новых концептов в рамках полевой модели удается выделить наиболее характерные для них вербальные репрезентации от наиболее чувственно-наглядно конкретных к более абстрактным, и проследить различия по сравнению с их реализацией в естественной коммуникации.

Литература

Балашова Е.Ю. Концептуальное поле как основа моделирования дискурса (на материале текста Евангелия) // Фундаментальные исследования. 2013. Т. 2, № 4. С. 503-506.

Иванова М.А. Концептуализация дружеских и неприязненных взаимоотношений в немецкоязычном виртуальном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 10 (891). С. 62-67.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg: Winter, 1973.

Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf: Verlag Schwann, 1962.

M. I. Ivanova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL FIELD AS A MODEL FOR DESCRIBING NEW CONCEPTS OF VIRTUAL REALITY

The paper explores the methodological value of the field approach to concept analysis in the context of analyzing the conceptualization of interpersonal relationships in virtual communication. Comparing and contrasting the conceptual fields of virtual and natural relationships allows systematizing and comprehensively describing the connection between them.

Key words: conceptualization, conceptual field, virtual communication, virtual friendship, German language of social networks

Л. В. Калинина *(Киров, Россия)*
Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОРИЕНТИРА ОЦЕНКИ В КОНСТРУКЦИИ *НЕУЛОВИМЫЙ ДЛЯ + Р.П.*

В статье анализируются особенности семантики и функционирования в русском языке конструкции *неуловимый для + Р. п.* с целью выявления и классификации участников ситуации, с точки зрения которых объект оценивается как «неуловимый». Показано, что словоформа родительного падежа в составе данной конструкции чаще всего кодирует ориентир оценки либо субъект оценки, совпадающий с ориентиром.

Ключевые слова: семантика неуловимого, конструкция *неуловимый для + Р. п.*, ситуация оценки, субъект оценки, ориентир оценки

Прилагательное *неуловимый*, как и другие отглагольные прилагательные структуры *не- – -имый*, может характеризовать не только носителя признака (*неуловимый кто/что*), но и того субъекта/участника ситуации, который пытается оказать воздействие на носителя признака (*неуловимый для кого/чего*) (см. в связи с этим: [Петрова 2009: 23]). Типы носителей данного признака уже были нами исследованы (ср., напр.: [Калинина 2017]). Цель настоящей статьи – проанализировать типы участников ситуации, с точки зрения которых объект оценивается как неуловимый. Такие субъекты/участники ситуации выражаются в русском языке конструкцией *неуловимый для + Р. п.*

Материалом исследования явились более 200 контекстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка по запросу *«Слово 1* ***неуловим**** *+ Слово 2* ***для*** *на расстоянии 1 от Слова 1»*. В качестве основных методов использовались методы дистрибутивного и компонентного анализа.

Анализ языкового материала показывает, что участники ситуации, названные в составе рассматриваемой конструкции словоформой родительного падежа, семантически неоднородны.

В одних случаях словоформа родительного падежа называет «лицо или одушевлённое существо, с точки зрения… которого предицируемый предмет получает предикативную оценку» [Золотова 1988: 43]. Ср., напр.: *Каким-то* ***неуловимым для Сергея*** *способом он его так разрезал, что арбуз распахнулся, как огромный тропический цветок* (Искандер Ф. Морской скорпион); *Павлопуло был* ***неуловим для меня*** *на Сахалине* (Дорошевич В. Сахалин); *Уже появившиеся млекопитающие… выедали яйца динозавров, а сами оставались* ***неуловимыми для менее шустрых гигантов*** (Кузина С. Сухопутных динозавров погубили бабочки // Комсомольская правда, 09.09.2013).

В других случаях позицию родительного падежа занимают неличные неодушевлённые существительные, ср., напр.: *Большой Успенский от последнего удара долго гудел, переходя от басовых аккордов к почти* ***неуловимым для уха*** *звукам* (Григорьев С. Александр Суворов); *В этой части общества существовала нерегламентированная государством меновая и денежная торговля…* ***неуловимая для финансовых органов*** (Вагинов К. Гарпагониада); *Малый радиус и низкая высота до сих пор делали «Кассамы»* ***неуловимыми для систем противоракетной обороны*** (Израиль установит «Железный купол» против «Кассамов» // Vesti.ru, 21.07.2010); *Но внутреннее содержание, выраженное в картине, неопределимо,* ***неуловимо для сознания*** (Станиславский К. Моя жизнь в искусстве). В таких случаях мы имеем дело с так называемым «ориентиром» (критерием, параметром) оценки.

Ориентир оценки и способы его выражения были описаны, в частности, Н.В. Сердобольской и С.Ю. Толдовой, изучавшими участников ситуации оценки на примере конструкций с предикативами. По мысли исследователей, «для полного описания конструкции оценки, помимо объекта и субъекта, следует учитывать ещё одного участника, а именно ориентир оценки. Имеется в виду участник, относительно которого делается оценочное суждение <…> Оценка осуществляется…

исходя именно из свойств данного участника» [Сердобольская, Толдова 2014: 445, 459]. Как было замечено Н.В. Сердобольской и С.Ю. Толдовой, синтаксически в русском языке субъект и ориентир оценки чаще всего не различаются, они могут совпадать в одной словоформе, ср.: ***Для меня*** *это недорого* – словоформа *для меня* вербализирует и субъект оценки (говорящего), и ориентир (финансовые возможности говорящего). В других случаях субъект и ориентир оценки могут различаться, ср.: *Это полезно* ***для здоровья*** – словоформа *для здоровья* обозначает именно ориентир, критерий оценки, а субъект оценки прямо не назван.

Очевидно, что в контекстах с сочетанием *неуловимый для + Р. п.* мы также имеем дело с выражением одной и той же синтаксической конструкцией различного смыслового содержания. Представим классификацию типов субъектов и ориентиров оценки, встретившихся в нашем языковом материале.

I. Субъекты оценки в конструкции *неуловимый для + Р. п.* (64 примера). К данной группе мы условно отнесли те контексты, в которых словоформа родительного падежа представляет собой конкретное существительное или местоимение и называет лицо или иное одушевлённое существо. Ср.: *неуловимый для меня (14 случаев), другого/других (9), него (4), человека (3), людей (2), наблюдателя (2), нас (2), стражей порядка (2), читателя (2), агентов ГПУ, врагов, гигантов* (о динозаврах)*, жены, журналистов, захватчиков, Ивана, Ирины, налоговиков, несведущего, остальных, посторонних, президента, присутствующих, провайдеров, Сергея, соглядатаев, социологов, сыщиков, тебя, тех, учёных, чиновников, чужого* и др.

II. Ориентиры оценки в конструкции *неуловимый для + Р. п.* К данной группе отнесены контексты с неличными конкретными, собирательными и абстрактными существительными (вещественных существительных в проанализированном материале не встретилось). Среди ориентиров оценки можно выделить несколько подгрупп.

2.1. Перцептивные возможности субъекта (61 пример): *неуловимый для глаза/глаз (35), слуха (8), взгляда (5), уха (4), внешнего чувства, внимания, зрения, людского носа, обоняния, осязания, взора, человеческих чувств*.

2.2. Интеллектуальные способности субъекта (7 примеров): *неуловимый для сознания (4), понимания, разума, рассудка.*

2.3. Инструмент/способ достижения, фиксации, контроля, классификации, оценки объектов (39 примеров): *неуловимый для радаров* (4), *ПРО/системы противоракетной обороны (3), контроля (2), описания (2), понятий (2), преследования (2), ударов* (в боксе) *(2), внешних мер, живописи, закона, законодательства, идеологии, изображения, классификации, красок, логических терминов, надзора, оценок, пера, правосудия, приёмов мысли, рук, слов, статистики, существующих методов, удочки, цензуры, языка* и др.

2.4. Возможности той или иной социальной группы, организации, институции в использовании 2.1–2.3 (19 примеров): *неуловимый для полиции (5), спецслужб (3), властей, госорганов, правоохранительных органов, прессы, системы, ФБР, финансовых органов, центрального аппарата* и др.

Как видим, при оценке ситуации с «неуловимым объектом» гораздо чаще кодируется именно ориентир оценки, чем субъект. Если принять за основу осуществлённое нами условное разграничение личных и неличных субстантивов, то примерное соотношение ориентира и субъекта оценки составляет 70: 30. Если же учесть факт нередкого совпадения семантических субъекта и ориентира в одной словоформе, преобладание ориентира станет ещё большим. Ср., напр.: *Борис Леонидович даёт оценку Риду в каких-то* ***неуловимых для меня*** *выражениях* (Масленикова З. Разговоры с Пастернаком) – словоформа *для меня* вербализирует и субъект оценки (говорящего), и подразумеваемый ориентир (способность говорящего понять слова собеседника). Ср. также: *Когда я приблизился к ней вплотную, я заметил, что глаза её как будто несколько потускнели; но всё это, я думаю, было бы* ***неуловимо для человека, который раньше не знал и не помнил её, как я*** (Газданов Г. Ночные дороги) – словоформа *для человека,* будучи словоформой личного существительного, подходящей на роль субъекта оценки, на самом деле кодирует ориентир оценки, и важные для оценки ситуации свойства этого ориентира раскрываются в придаточном предложении. Осмелимся утверждать, что в ситуации с «неуловимым объектом» субъект оценки практически всегда совпадает с ориентиром оценки: некий объект неуловим для субъекта именно потому, что субъект не обладает необходимыми свойствами: перцептивными возможностями, интеллектуальными способностями или же инструментом восприятия / понимания / фиксации / контроля объекта.

Анализ функционирования конструкции *неуловимый для + Р. п.* позволяет сделать и другие выводы, важные для изучения семантики неуловимого.

В большинстве толковых словарей отмечаются два значения прилагательного *неуловимый*: прямое ‘такой, которого невозможно или трудно поймать, застать где-либо’ и переносное ‘неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению’. Прямое значение связано с возможностью физически настичь и зафиксировать некий объект в определённых пространственно-временных координатах, переносное – с возможностями перцептивного восприятия объекта или его интеллектуального постижения. В контекстах с конструкцией *неуловимый для + Р. п.* значительно чаще реализуется переносное значение (78% случаев), причём в «индивидуальном рейтинге» лидирует обозначение затруднённости зрительного восприятия: *неуловимый для глаза/глаз/взгляда/взора* (42 примера). Прямое значение в большинстве случаев связано с описанием действий государства как системы управления, контроля, принуждения (*неуловимый для полиции, спецслужб, агентов ГПУ, стражей порядка, ФБР, законодательства, цензуры, надзора, контроля, чиновников* и др.), реже – с действиями представителей определённых профессий (*неуловимый для журналистов, защитников* (в футболе), *прессы, провайдеров*) и «частных лиц», ср.: *Он даже предался мечтам по этому случаю, как он… сделается…* ***неуловимым для беспощадной жены своей*** (Лесков Н. На ножах). Эти данные в очередной раз подтверждают сделанный нами ранее вывод о приоритете в современной речи переносного значения прилагательного *неуловимый*, так как оно связано с восприятием, категоризацией, оценкой объектов окружающего мира, в то время как прямое значение актуально для более узкого круга ситуаций.

Таким образом, анализ семантики и функционирования конструкции *неуловимый для + Р. п.* показывает, что 1) в рамках этой конструкции словоформа родительного падежа вербализирует в первую очередь ориентир оценки; 2) значение субъекта оценки «в чистом виде» практически не отмечается, так как субъект оценки обычно совпадает с ориентиром оценки; 3) среди ориентиров оценки в ситуации с «неуловимыми объектами» чаще всего представлен критерий перцептивного восприятия.

Литература

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Калинина Л.В. «Неуловимые объекты»: к вопросу о сочетаемости прилагательного *неуловимый* // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А., Москва, 27 февраля 2017 года / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: МГОУ, 2017. С. 124-129.

Петрова Н.Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2009.

Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 2. С. 443-477.

L. V. Kalinina *(Kirov, Russia)*

Vyatka State University

VERBALIZATION OF THE SUBJECT AND THE CRITERION OF VALUATIONIN THE CONSTRUCTION *NEULOVIMYY DLYA + GENITIVE*

The article analyzes the features of semantics and functioning of the construction *neulovimyy dlya + Genitive* in Russian in order to identify and classify the participants of the situation from whose point of view the object is assessed as "*neulovimyy*" (*elusive*). It is shown that the form of Genitive in this construction most often encodes the criterion of valuation or the subject of valuation that coincides with the criterion.

Key words: the semantics of the elusive, the construction *neulovimyy dlya + Genitive*, the situation of valuation, the subject of valuation, the criterion of valuation

П. Е. Каногина *(Нижний Новгород, Россия)*

НИУ «Высшая школа экономики»
belova-polina@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ УЛИЦ ПО ДАННЫМ НКРЯ

Данная статья посвящена изучению концептуализации пространства города в русской художественной прозе во второй половине XX в. и в первой четверти XXI в. на примере городских улиц. Для выбранного объекта открытого городского пространства через анализ

системы когнитивных признаков, предметно-понятийных корреляций, пропозициональных и метафорических моделей были установлены особенности его концептуализации.

Ключевые слова: городское пространство, улица, концептуализация, корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика, НКРЯ

Город является основным способом организации пространства вокруг современного человека. В нём пересекаются все ключевые сферы жизни людей: работа, культура, общение, саморазвитие. В этом контексте актуальным становится изучение того, как люди воспринимают город в совокупности его составляющих, а именно – элементов, относящихся к свободному открытому пространству (площадей, улиц, парков, скверов и т.п.), и объектов, которые наполняют его и формируют его специфику [Топоров 1995: 283].

В рамках данной статьи особое внимание уделяется улицам – «месту, пространству вне жилых помещений», расположенному под открытым небом [Шведова 2003: 67]. Возникли улицы ещё задолго до появления городов, в связи с чем сыграли особую роль в формировании нашего общества и в организации окружающего человека пространства. Этимология слова *улица* указывает на его общеславянское происхождение от праславянского корня *ula* – «пустая, освобождённая» [Шанский, Боброва 1994]. Это отражает изначальное представление об улице как о свободном проходе между строениями.

Ещё с древности улицы выполняли множество функций: являлись местом передвижения людей и транспорта, служили площадками для общественных и культурных мероприятий, были центрами торговли, обеспечивали естественную вентиляцию городской территории, служили для прокладки инженерных сетей и организации водоотведения. Кроме того, улицы – это не просто проходы между домами. Это живые страницы истории, в которых отражена эволюция общества. Их архитектура хранит память поколений, а вместе они создают неповторимый дух города, придают ему характер и стиль. С целью реконструирования представлений о городских улицах в сознании носителей русского языка и прослеживания динамики их осмысления представлялось целесообразным обратиться к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), обеспечивающего широкий охват жанров и направлений и хронологическую структурированность данных. Так, в ходе исследования было проанализировано более 22,5 тысяч примеров из подкорпуса художественных прозаических текстов второй половины XX в. и около 14 тысяч примеров в подкорпусе первой четверти XXI в.

Как показывают входящие в НКРЯ примеры, городские улицы чаще всего определяются по местоположению (*соседняя, московская, городская, окраинная, близлежащая и др.*), значимости (*главная, центральная, знаменитая и др.*), наполненности (*пустынная, пустая, безлюдная, людная, оживлённая, многолюдная и др.*), далее – по протяжённости и ширине (*широкая, узкая, длинная, тесная и др.*), степени освещённости (*тёмная, ночная, вечерняя, освещённая, тенистая и др.*), звуковому впечатлению (*тихая, шумная, гулкая, безмолвная, бесшумная, горластая и др.*), температуре и погодным условиям (*мокрая, снежная, весенняя, осенняя, жаркая, холодная и др.*), типу покрытия (*травяная, песчаная, мощёная,*

асфальтированная, каменная, булыжная и др.), степени загрязнённости (*пыльная, грязная, чистая, замусоренная и др.*), степени освоенности (*знакомая, незнакомая, чужая, родная, неизвестная, неведомая и др.*), цветовому восприятию (*зелёная, чёрная, белая, серая и др.*), конфигурации (*прямая, кривая, кольцевая, радиальная, покатая, плавная и др.*), размеру (*большая, маленькая*), времени появления (*старая, новая*), предназначению и расположенным на ней сооружениям (*торговая, пешеходная, базарная*). В текстах обоих временных периодов улицам также давалась оценочная квалификации (*нарядная, сонная, свежая, элегантная, прекрасная, унылая, роскошная и др.*).

При анализе примеров из художественных текстов обращает на себя внимание и то, как авторы описывают улицы в зависимости от времени года и погоды. Особенно разнообразны характеристики улиц в зимний период: *холодная, зимняя, морозная, вьюжная, заметённая, промороженная, ледяная и др.* При этом только современные тексты отличаются упоминанием различных цветовых характеристик улиц города. Именно в текстах первой четверти XXI в. мы встречаем такие определения, как *сумеречно-сиреневая, чёрно-белая, голубая, сизая, жёлтая, серо-стальная, красная, сиреневая*. В то же время писатели второй половины XX в. чаще обращают внимание на размеры улиц и на то, насколько улица удалена или обозрима (*дальняя, отдалённая)*, и такие признаки в более поздних текстах не встречаются.

Предметно-понятийные соответствия. В городской среде улицы не существуют изолированно: они органично сочетаются с другими элементами открытого городского пространства, среди которых на первое место выходят площади, образующиеся на пересечениях улиц: *Я пошатался по прилегающим к площади улицам…* (Голованивская М., 2000), затем идут переулки, проулки, тупики, пустыри, закоулки, проспекты: *…улицы эти и переулки притягиваются сюда силою необычайного исходящего от памятника магнетизма…* (Войнович В., 2000), *…любоваться редким простором площадей, проспектов и даже боковых улиц* (Баконина М., 2000), бульвары, скверы и сады: *…улицы, бульвары, сады, которых давно нет на карте* (Завершнева Е., 2012), *…она осторожно выглянула – улица, сквер, карапузы на качелях* (Снегирев А., 2015), а также объекты, наполняющие городское пространство: жилые дома, офисы, гостиницы, магазины, рынки, кафе и др. Неотъемлемой составляющей улиц являются также люди, проходящие по ним или работающие на них, и транспорт (как личный, так и общественный): *…летний город в зелени, шумная улица с гулом машин, говором людей – обычная жизнь* (Екимов Б., 2008), *…улица была запружена народом…* (Александрова Н., 2010), *Вчера я шагала на работу, улица была людной, все спешили…* (Цветкова А., 2012).

Пропозициональная модель. Представленные в НКРЯ примеры также позволили установить, что в синтаксической структуре высказывания слово *улица* может находиться в позиции локатива – места, где происходит какое-либо действие, а также субъекта (производителя действия, носителя состояния) и объекта, на которое направлено действие. Разнообразные действия-предикаты, попадающие в ситуативно-контекстуальное окружение данного слова, указывают на то,

что улица чаще всего является местом, где разворачивается динамическая жизнь города. По улицам бегут, прогуливаются, бродят, гуляют, идут, мечутся, мчатся, несутся: *…Клёкотов прогуливался по улице Ульяновской…* (Слаповский А., 1995), *…Виктор уже мчался по улицам…* (Мельник А., 2000). Кроме того, улица может выступать целевой или исходной точкой перемещения: *…развернулся и начал выезжать с улицы* (Таранов С., 1999), *…шагаю по дорожке вдоль забора к улице* (Иванов А., 2002), а также промежуточным отрезком пути, который пересекают, направляясь куда-либо: *Он <…> завернул за угол, перешёл через улицу и спустился в метро* (Болмат С., 1999).

Смысловые преобразования. В метафорическом представлении улица определяется в терминах пропозициональной модели других предметных областей, в том числе как живое существо, по аналогии с которым улица рождается, живёт, умывается, стареет, кашляет, спит и др.: *…пустая улица дразнила их пугливой дрожью спутанных теней…* (Славникова О., 1999), *Наша улица упиралась хвостом в Центральный парк культуры и отдыха…* (Сахновский И., 2009), *Галерная улица щурилась раскрытыми форточками…* (Филиппов Д., 2013), жидкость: *… «кривая» июльская улица, бурля, смывала французских королей…*(Кенжеев Б., 2007), *…широкая, как Ангара, улица течёт по строгим каменным просторам…* (Яхина Г., 2015), растение: *… улицы вели себя странно: кустились, разбегаясь веером от перекрёстка…* (Нова У., 2004), транспортное средство (водное, наземное, воздушное): *Мимо пронеслись центральные улицы, грязные переулки «Нахаловки»* (Таранов С., 2001), *Мимо проплывали улицы провинциального города…* (Мацанов А., 2013), предметы, созданные руками человека (сосуд, книга, клубок ниток, стекло, плита и др.).

Наибольшее количество разнообразных метафор было отмечено в художественных текстах первой четверти XXI в., в то время как в текстах второй половины XX в. предикатные метафоры немногочисленны. Тем не менее, именно в текстах прошлого века были отмечены случаи пространственной метонимии: *Вся наша улица переживала – как будут развиваться события?* (Довлатов С., 1985), *А кричала уже вся улица, и город кричал…* (Ратушинская И., 1998) и примеры сравнений улицы с ущельем, щелью, кораблём, дрейфующим на волнах, рекой, гончарным кругом, флейтой: *…вся улица ныряла, как сорвавшийся с якоря корабль…* (Катаев В., 1977), *Улица старая, как гончарный круг* (Коныхов Л., 2010), *Прямая длинная улица <…> чем-то напоминала строгую и благородную концертную флейту* (Иванов А., 2012).

Таким образом, анализ данных НКРЯ позволил проследить эволюцию восприятия городских улиц и описать, как в художественном тексте через объективно-субъективное восприятие автором пространства города происходит его вторичная концептуализация. Так, на первом этапе исследования было выделено 16 групп когнитивных признаков, служащих основой систематизации наших знаний об улицах. На втором этапе были установлены предметно-понятийные корреляции, демонстрирующие возможные сочетания выбранного элемента городского пространства с сопутствующими понятиями.

На третьем этапе исследования при построении пропозициональной модели были выделены разнообразные лексико-семантические группы глагольных предикатов, которые актуализируют разные схемы представления данного элемента пространства. Наконец, анализ данных НКРЯ показал особенности метафорического представления городских улиц и примеры используемых метафорических моделей, что в совокупности позволило реконструировать представление о городских улицах в сознании носителей русского языка во второй половине XX в. и в первой четверти XXI в.

Литература

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Том 3. М.: Азбуковник, 2003.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259-367.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прозерпина» ТОО «Школа», 1994.

P. E. Kanogina *(Nizhniy Novgorod, Russia)*

HSE University

LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF URBAN SPACE: PERCEPTION FEATURES OF CITY STREETS BASED ON THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

This article is devoted to the study of the conceptualization of city streets in Russian fiction in the second half of the XXth century and in the first quarter of the XXIst century. The analysis of the selected object of open urban space in order to establish the features of its conceptualization was carried out through the analysis of a system of cognitive features, subject-conceptual correlations, propositional and metaphorical models.

Key words: urban space, street, conceptualization, corpus linguistics, cognitive linguistics, RNC

Е. А. Козлова *(Тамбов, Россия)*

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

helenka.tmb@mail.ru

МЕТОНИМИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ОСНОВЕ АНТРОПОНИМОВ

В статье рассматривается роль метонимии во вторичной интерпретации на основе антропонимов. Показано, что вторичная антропонимическая интерпретация мира осуществляется на основе моделей концептуальной метонимии, категориальной метонимии и комбинации таких моделей.

Ключевые слова: антропоним, вторичная интерпретация, концептуальная метонимия, категориальная метонимия

Давно известно, что антропоним представляет собой языковую единицу с богатым концептуальным содержанием: имя человека несет информацию о его биологическом поле, национальности, социальном статусе и т.п.; прецедентный антропоним репрезентирует концепт с более конкретным содержанием, отражающим специфические черты его носителя, закрепленные в коллективном сознании людей как часть их концептосферы. Информационная насыщенность антропонимических концептов определяет их сложную, матричную структуру, включающую разные концептуальные области, что, в свою очередь, обеспечивает высокий интерпретирующий потенциал антропонимов за счет взаимодействия этих областей (подробное исследование на эту тему представлено в диссертации Ю.М. Разумовской: [Разумовская 2025]).

В рамках настоящей статьи попытаемся обосновать метонимическую природу вторичной интерпретации, языковым инструментом которой выступают антропонимы. Вторичная интерпретация, как постулирует Н.Н. Болдырев, «представляет собой интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [Болдырев 2018: 260]. Таким образом, при вторичной интерпретации антропоним выражает новый индивидуальный смысл, сформированный на основе уже существующих в коллективном языковом сознании антропонимических концептов. Механизмом формирования такого смысла во многих случаях выступает метонимическая модель концептуального либо категориального типа.

Концептуальная антропонимическая метонимия состоит в репрезентации концепта через имя человека каким-либо образом с ним связанного. Чаще всего это отношение авторства: автор → произведение, изобретение, стиль и т.п. (читать Пушкина, два Пикассо). Такие модели многократно описаны, они репрезентируются прецедентным именем и не представляют сложности для понимания за счет однозначности концептуальной связи между именем и объектом.

Концептуальная метонимия также часто становится источником возникновения антропонимических окказионализмов, когда имя человека оказывается связанным с определенным совершенным им поступком, за счет чего подобный поступок осмысляется через апелляцию к этому имени. Такую модель репрезентируют, например, прецедентные имена в примерах, подобных следующим:

(1) *“Mary did **a Meghan Markle** on her poor husband as soon as she became famous.” “She **Meghan Markled** her sisters from the Bronx”* (https://meaww.com/ meghan-markled-urban-dictionary-ruthlessly-dumped-prince-harry).

(2) *The tuition just jumped again and I swear, with today's prices, I was getting ready to do a **Scarlett O'Hara** and make a dress out of curtains* (CoCA).

Имя *Меган Маркл* в приведенных контекстах передает смысл отказа общаться с людьми, которые больше не могут быть полезны, поскольку супруга принца Гарри завоевала репутацию человека, который поступил таким образом по отношению к своим старым друзьям и членам семьи, став членом Британской королевской семьи. Имя литературного персонажа *Скарлетт О’Хары* активирует сцену из

книги, в которой героиня шьет платье из шторы, и используется для концептуализации такого же поступка.

Не менее важную роль во вторичной интерпретации посредством антропонимов играет категориальная метонимия, т.е. репрезентация категории через входящую в нее субкатегорию или ее отдельного представителя. Она проявляется в том, что в своих суждениях и оценках, касающихся членов категории, мы опираемся на ее лучших представителей – социальные стереотипы, типичные примеры, идеалы, образцы и т.п. [Лакофф 2004: 120-127]. Так, оценка личности человека по каким-либо параметрам (внешность, черты характер, профессиональные характеристики и т.п.) осуществляется через сопоставление с образцами – носителями этих характеристик, в качестве которых выступают как реальные люди, так и герои художественных произведений, библейские и мифологические персонажи. Соответствующие прецедентные имена используются при вербализации таких оценок, например:

Анджелина Джоли – образец женской привлекательности:

(3) *They show that with talent and a large dose of personality you can be beautiful without having to look like* ***Angelina Jolie*** (CoCA).

Шерлок Холмс – образец детектива:

(4) *I'm no* ***Sherlock Holmes****, but I've learned from experience to follow my instinct* (CoCA).

Эйнштейн – образец гения:

(5) *В любви – я* ***Эйнштейн***! (Семнадцать мгновений весны, к/ф).

Прецедентное имя может отражать и сугубо индивидуальную интерпретацию на базе личной концептуальной картины мира субъекта. Так, в следующем примере имя *Майкл Дуглас* для говорящего выступает репрезентантом не каких-либо характеристик, присущих именно этому американскому актеру, а замещает категорию «американец»:

(6) *В курилке — Виктор Викторович, смотрит пронзительно. Ну как ваши дела? Окей, — ответил Алекс. Как сообразил, что надо именно так ответить? Тоже мне,* ***Майкл Дуглас*** (Черных Н.Б. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015, НКРЯ).

Вторичное использование прецедентного антропонима может отражать и более сложную когнитивную конструкцию, образованную комбинацией концептуальной и категориальной метонимий. Характерно использование имени автора для интерпретации ситуации за счет того, что произведения автора выступают образцом определенного сюжета, жанра или атмосферы и потому замещают их в суждениях (категориальная метонимия), сами же произведения при этом концептуализируются через имя автора (концептуальная метонимия). Отсюда, отождествление страданий, страстей, душевных метаний с именем Достоевского, смешных житейских ситуаций с именем Чехова (7), тоталитаризма с именем Оруэлла (8), атмосферы мистического страха с именем Дэвида Линча (9), жестокости и насилия с именем Тарантино (10) и т.п. Имена собственные при этом мо-

гут подвергаться деонимизации (написание со строчной буквы), деривационным процессам, менять частеречную принадлежность:

(7) *Обратно мы ехали на верхушке конки; двое пьяных скандалили всю дорогу с солдатом, сначала было смешно, вроде* ***Чехова****, но потом пошли пьяные выкрикиванья с надрывом, какая-то* ***достоевщина*** (Кузмин М.А. Дневник (1905), НКРЯ).

(8) *Время процесса — 25 минут. Приговор — высшая мера. Приговор окончательный, не подлежит обжалованию, будет приведен в исполнение незамедлительно. Очень «профессионально». Чистый* ***Оруэлл*** (Светов Ф. Мое открытие музея // «Знамя», 2001, НКРЯ).

(9) *We turned it into something entertaining. We were just walking around in a* ***David Lynchian*** *dream horror state. It was just unreal* (CoCA).

(10) *The 46-year-old cofounder of Massachusetts studio Irrational Games made his mark as the visionary behind a series of video games whose* ***Tarantinoesque*** *violence masks subtler points* (CoCA).

Категориальную метонимию может отражать и антропоним, не обладающий прецедентностью, но являющийся прототипическим представителем определенной антропологической категории. Так, существуют стереотипные представления об именах, типичных для представителей определенной национальности, профессии, социального положения, благодаря чему такие прототипические имена способны репрезентировать соответствующую категорию: Джон Булль – англичанин, Иван – русский, Марь Иванна – учительница, Ванька, Петька – простой мужик, работяга:

(11) *A very solid-looking citizen, at first impression a typical* ***John Bull****, waved the Union Jack, the symbol of only one place* (CoCA).

(12) *Ivan had become a legend, a symbol of all the other* ***Ivans*** *who died on the battlefields and fought village by village and street by street to drive the invader out of Russia* (BNC).

(13) *Потому что, когда* ***Марьиванна****, которая вела обществоведение, обществознание или ОБЖ (а есть и более экзотические варианты), вдруг начинает вести «Основы православной культуры», получается нехорошо* (На краю поля // «Эксперт», 2013, НКРЯ).

(14) *Лишен теперь того самого общества, не профессоров там всяких и лауреатов – ты не обижайся, ты не лауреат, — а тех самых, с кем у меня общий язык,* ***Ванек и Петек****, калымщиков, не подсядешь же к ним трезвый, за стукача примут* (Некрасов В. Взгляд и Нечто (1977), НКРЯ).

Интересно, что и при интерпретации самих антропонимов действует категориальная метонимия, основанная на стереотипных представлениях о красивых, благородных, изысканных или, наоборот, грубых, простонародных именах. В следующем примере выстраивается своеобразная иерархия имен, отражающая категоризацию от самых «простых» – *Иваны, Прасковьи, Дарья* к более изысканным – *Жорж, Искра* и наиболее благородному – *Венера*:

(15) *И это было самое непереносимое. Вот, задумавшись над именем Жанны, он сказал: У моего кореша детей много. Сперва были* ***Иваны, Прасковьи****, потом стали его выдвигать вверх, и у него дети пошли* ***Жорж, Искра****, потом он стал начальником – и дочь* ***Венера****. Потом его сняли — имена в обратную сторону покатились. Последняя дочь –* ***Дарья****. Выходит, Жанна, твоего отца еще не сняли?* (Анчаров М. Как Птица Гаруда (1989), НКРЯ).

В примере ниже через категориальную метонимию высмеивается желание матерей невысокого социального положения, репрезентируемого именем *Матрена*, давать детям как можно более изысканные, с их точки зрения, иностранные имена, прототипом которых выступает имя *Анжела*:

(16) *В стихи облёк я чью – то мысль и рад.*
Надеюсь, это не сочтут за плагиат?
Наблюдая жизни драму,
Вывод сделать я не прочь:
Чем ***матрёнистее*** *мама,*
Тем ***анжелистее*** *дочь!* (Врублевский В. Наблюдая. URL: https://stihi.ru/2021/10/29/2005).

Таким образом, подобное речетворчество, как и другие приведенные примеры, наглядно демонстрируют, что интерпретирующий потенциал антропонима обусловлен метонимической природой нашего мышления, хотя и не всегда получает выражение в виде того, что принято называть языковой метонимией.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/

Разумовская Ю.М. Интерпретирующая функция прецедентного имени в медиадискурсе: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2025.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/

CoCA – Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/COCA/

E. A. Kozlova *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

METONYMY AS A COGNITIVE BASIS FOR SECONDARY INTERPRETATION BASED ON ANTHROPONYMS

This article examines the role of metonymy in secondary interpretation based on anthroponyms. It demonstrates that secondary anthroponymic interpretation of the world is based on models of conceptual metonymy, categorial metonymy, and a combination of these models.

Key words: anthroponym, secondary interpretation, conceptual metonymy, categorial metonymy

Л. В. Лаенко *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
lvlaenko30@gmail.ru

О ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОДОРИЧЕСКОЙ СУБСТАНЦИИ

Статья посвящена анализу английских предложений с пропозицией обонятельного восприятия с участием одорических субстантивов. Исследуется взаимосвязь лексических средств и синтаксических способов репрезентации запаха, манифестирующих процесс и результат его концептуализации. Выявлена обусловленность характеристик одорических субстанций от занимаемой их именами позиции в предложении – грамматического субъекта, объекта и от специфики номинируемой субстанции. В результате наблюдается избирательность лексических средств и фразовых конструкций при позиционировании одорического субстантива в пространстве предложения.

Ключевые слова: ситуация одорического восприятия, одорическая субстанция, одорический субстантив, субъект, объект, предикат

Современная лингвистика, особенно её ведущее направление – когнитивная лингвистика с ее стремлением к реконструкции универсальных механизмов формирования и развития языковых значений, категорий, процессов признает восприятие, означающее отражение мозгом человека совокупности свойств предметов или явлений, воспринимаемых его органами чувств в определенный период времени, дающее знание об объектах и позиционируемое как начальная ступень познания, достойным лингвистического внимания. «Языковые формы в таком случае изучаются не автономно, а с позиций того, **как** они отражают определенное видение мира человеком и **каковы способы** его концептуализации в языке, а также общие принципы категоризации и механизмы обработки информации» [Болдырев 2000: 11].

При изучении соотношения языковых форм со структурами перцептивного знания логично исходить из денотативной ситуации соответствующего перцептивного восприятия, структура прототипической модели которой включает субъекта восприятия, перцептивное действие (состояние), объект восприятия, пространство/среду, но каждый из пяти видов чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) представляет свою информацию об избранной субъектом стороне воспринимаемого объекта, что предполагает конкретный способ и определённую ситуацию восприятия. Каждая из таких ситуаций интерпретируются и моделируется по-разному в силу специфики соответствующей перцепции. Лингвисты в связи с этим задаются вопросом о том, каким образом и по каким основаниям особенности восприятия отражаются в языковых означиваниях продуктов когнитивных процессов.

Фокус нашего исследовательского интереса ориентирован на одну из перцептивных ситуаций – ситуацию обонятельного восприятия в англоязычной представленности, лингвокогнитивный опыт моделирования которой демонстрирует ряд её отличительных характеристик: 1) уникальность объекта восприятия, пред-

ставляющего собою летучую одорическую субстанцию, и, как результат; 2) бедность собственно одорической предикатной лексики в силу слабой связи обоняния с вербальными процессами и трудностями номинирования запахов; 3) использование нетривиальных языковых означиваний процесса и результата восприятия запаха.

Объектом исследования является одна из групп английских единиц, обслуживающих ситуацию обонятельного восприятия, – одорические субстантивы *smell, aroma, scent, fragrance, perfume, odour, stench* (далее – ОС) как наиболее коммуникативно востребованные номинации субстанции запаха по данным корпусов. Данные ЛЕ объединены в одну микрогруппу ядерной семой «запах» и служат классификаторами для конкретных денотатов, классифицируя их как пахучие объекты. Центром языковой категории **запах** служит элемент «запах», являясь одновременно и ее названием, и категориальным классификатором. Эта номинация является наиболее универсальной и в сочетании с другими частеречными единицами описывает многие аспекты ситуации обонятельного восприятия. Остальные члены категории синонимичны ядерному, однако противопоставлены друг другу по ряду параметров.

Целью исследования является выявление функционального потенциала таких ЛЕ в предложениях/высказываниях с пропозицией обонятельного восприятия посредством сопоставительного анализа лексических средств и синтаксических способов концептуализации одорической субстанции. Для анализа использовались словарные данные и материалы британских корпусов (2100 контекстов).

Ситуацию одорического восприятия, если рассматривать ее как семантический тип пропозиции, отличает тот факт, что её участниками являются одушевленный субъект (человек или животное), который может быть либо эксплицирован в структуре предложения, что редко, либо имплицирован, приобретая в таком случае статус наблюдателя, что более частотно, и объект восприятия, совпадающий зачастую с источником запаха. В синтаксической же структуре предложения ОС, обладая всеми категориальными признаками существительного, могут реализовывать функции грамматического субъекта в препозиции к предикату и/или объекта в постпозиции от него. Анализ манифестации запаха при реализации отмеченными субстантивами этих функций привел к следующим выводам.

1. В позиции грамматического субъекта на основе концептуальной структуры КАКОЙ ЗАПАХ каждый ОС транслирует «свою» одорическую информацию в составе фразовых конструкций типа A+N1+of N2+(in/from/on L), где A – атрибут, лексические репрезентанты которого реализуют функцию включенного предиката, вводя в предложение свернутую пропозицию, N1 – имя запаха, выраженного субстантивом, N2 – имя источника/носителя запаха, L – локация. Позиция атрибута заполняется качественными определениями адъективного, субстантивного, адвербиального лексико-грамматических типов и использованием метафорически переосмысленных номинаций других ощущений, но с разной степенью востребованности в зависимости от типа субстанции, отраженной в семантике её имени. Реализация актуального смысла таких сочетаний обусловлена онтологической

сущностью каждого типа запаха, отраженного в прототипической семантике его имени (ОС) и в определенной степени влияющего на выбор характерологического атрибута, что согласуется с мыслью относительно того, что «словесные знаки хранятся в сознании носителей языка в неразрывной связи с правилами их грамматического исполнения, а синтаксическая структура предложения является в значительной мере рефлексией свойств лексических единиц. В число таких свойств включаются не только содержательная и синтаксическая, но и лексическая валентность и связанные с нею разрешения или ограничения на сочетаемость словесных знаков в рамках синтаксического целого» [Ломова 2010: 203]. Другими словами, ОС, близкие по значению, отличаются по своему комбинаторному потенциалу, но не без учета субъективного характера самого процесса восприятия запаха, что выражается в использовании неизосемичных лексических средств их характеризации.

Так, *smell* как единица нейтральная, означающая «the characteristics of something that can be recognized or noticed perceiving odours or scents», определяется по всем параметрам восприятия запаха (гедонистической оценке, интенсивности, длительности, качеству, источнику и др.), и потому сочетается с многочисленными признаковыми ЛЕ: *pleasant/unpleasant/intoxicating/sour/ mild/strong/chemical/ artificial/floral/fruity/rotten/herbal/woody/clean/brief/short-lived/ disappearing/long-lasting etc smell* of N2. *Perfume,* означая «the scent of something sweet-smelling», в контекстах метонимически часто отсылает к продукту парфюмерии («a liquid with a pleasant smell, usually made from oils taken from flowers or spices and often used on the skin»), что обусловливает регулярный выбор присубъектных прилагательных с высокой степенью оценки без необходимости референции к источнику запаха посредством of phrase: *The premium perfume smelled absolutely divine.*

2. Все ОС, кроме *smell*, избирательны относительно источника/носителя запаха. Частично он маркируется в прямом значении этих ЛЕ, но обычно указывается в контексте, особенно в случаях мены «словарного» аксиологического знака на контекстуальный, Примером могут служить *aroma*, изначально положительно заряженный ОС («a strong, pleasant smell, usually from food or drink), но *The fetid aroma of rotting food was overwhelming*, *stench,* отрицательно заряженный ОС («a strong foul smell that is very unpleasant»), но *A delightful stench of truffles was enticing*, положительно заряженный ОС («a pleasant smell that is produced by something»), но *An offensive scent wafted from the stagnant pond.*

3. В предложениях с фразовой конструкцией А+*smell* в функции грамматического субъекта действие, совершаемое им и концептуализируемое глагольными предикатами на основе концептульной структуры ЗАПАХ ДЕЛАЕТ ЧТО, регулярно уточняется семантикой причастного оборота, выражающего результат основного действия, и фоновыми имликатурами ключевых номинаций, а положительная/отрицательная оценка запаха маркируется встроенным присубъектным предикатом, дублируется, поддерживается на семном уровне:

The intoxicating smell of coffee filled the air, drawing her into the cozy café.
The awful smell of spoiled milk wafted from the refrigerator, making her gag.

4. При реализации функции грамматического объекта, совпадающего с семантическим, одорические субстанции претерпевают направленные на них действия, выражаемые глаголами различной семантики. В таких предложениях субъект восприятия эксплицирован, проявляется коммуникативная смыслообразующая значимость таких действий, а необходимость многоаспектного представления объекта ослабевает.

Таким образом, малочисленность в английском языке номинаций одорических субстанций при необходимости оязыковления ситуации одорического восприятия креативно компенсируется накопленным и освоенным языковым багажом носителя языка. Лексикон представителя своей лингвокультуры и следование языковым (лексико-грамматическим, синтаксическим) конвенциям вербализации суждений о познаваемом запахе позволяет ему активизировать ситуативно значимые структуры знания и избирательно, сообразно сущности каждой одорической субстанции и коммуникативных целей и задач, репрезентировать их в предложениях/высказываниях.

Литература

Болдырев Н.Н. Прототипическая семантика как метод лингвистического анализа // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во БГУ-ЭП, 2002. С.11-14.

Ломова Т.М., Чирко Т.М. Язык как фразеология: опыт лексико-синтаксического описания // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 202-212.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/x.asp

Webster's Dictionary. URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary

L. V. Laenko *(Voronezh, Russia)*

Voronezh State University

ON LEXICO-SYNTACTICAL CONCEPTUALIZATION OF ODOUR SUBSTANCES

The paper aims at English sentences with olfactory perception proposition including odour nouns analysis. The interrelation between lexical and syntactical means of smell representation, manifesting the process and result of its conceptualization is analyzed. Odour nouns characteristics determination by their sentence positions of grammar subject and object and odour substance peculiarity is revealed. As a result, lexical means and phrase constructions selectivity while positioning odour nouns in the sentence is argued.

Key words: olfactory perception situation, odour substance, odour noun, subject, object, predicate

О. В. Макарова *(Тюмень, Россия)*

Тюменский государственный медицинский университет

omakarova1980@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОТА «ЕДА»

В статье представлен сопоставительный анализ репрезентации слота ЕДА на материале ассоциативно-вербальной сети и лексикографического описания. Выяснили, что изучаемый слот в русском языковом сознании является динамичным, сложным, полевым

образованием с биполярным ядром, в котором гедонистическая составляющая преобладает над утилитарной.

Ключевые слова: фрейм ВКУС, слот ЕДА, ассоциативные реакции, языковое сознание, когнитивная лингвистика

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью процессов речевого моделирования вкусового опыта носителей языка. Важность сенсорного восприятия невозможно недооценивать: система вкуса играет ключевую роль в жизнедеятельности человека, способствуя не только удовлетворению его базовых потребностей в еде, но и получению удовольствия. Фрейм ВКУС как структура сознания, отражающая организацию знаний о вкусовой культуре через систему взаимосвязанных слотов, включает такой эмоционально и оценочно значимый узел, как компонент «еда».

Концепт ЕДА регулярно привлекает внимание учёных: имеются работы лингвокультурологического характера, созданные на материале паремий, художественных текстов, медиадискурса [Миронова 2002; Филиппова 2004 и др.]; изучаются репрезентации концепта ЕДА на материале разных языков [Дормидонтова 2011; Савельева 2006]. В нашей работе компонент «еда», соответствующий слоту фрейма ВКУС и его субфрейму «объект вкусового восприятия», анализируется в связи с изучением динамических процессов языкового сознания в области системы вкуса.

Цель работы – исследовать инвариантные признаки слота ЕДА (основным атрибутом которого является понятие «вкус») и вариативные, актуальные составляющие периферии данной структуры сознания.

Фактическим материалом работы являются данные ассоциативного эксперимента, проведенного под руководством Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2018]. Русский региональный словарь не только включает актуальные сведения, но и отражает репрезентативную выборку информантов – представителей разных этносов, проживающих на территории РФ. Ассоциативный эксперимент является ценным методом доступа к содержанию языкового сознания и стоящих за ним структур. Реакции на стимул фиксируют наиболее важные, стереотипные и личностно окрашенные связи, отражая структуру фрейма.

Слот ЕДА относится к числу базовых ментальных категорий, связанных с витальными потребностями человека, поэтому анализ его репрезентаций способствует пониманию как общих закономерностей организации концептосферы, так и ее культурной специфики.

Материал исследования – список ассоциативных реакций на стимул ЕДА, из них: 250 уникальных реакций, общее количество упоминаний – 849. В основе анализа использованы метод фреймового моделирования, семантической категоризации для выделения признаков слота и сопоставительный анализ данных, извлеченных из ассоциативно-вербальной сети и словарных дефиниций.

Репрезентация слота ЕДА в виде ассоциативных реакций носителей русского языка характеризуется выделением как ядерных, так и периферийных признаков.

Так, ядро изучаемого слота включает следующие терминалы: 1) гедонистический признак: «вкусная» (129), «вкусно» (41), «вкус» (14). Эти доминирующие реакции указывают на то, что в современном сознании еда маркирована, в первую очередь, как категория вкуса, а не как средство утоления голода; 2) синонимический признак: реакция «пища» (40) соответствует общему семантическому полю; 3) физиологический признак: «голод» (17), «кушать/есть» (20), «аппетит» (5). Эти реакции актуализируют базовую функцию еды.

К ближней периферии, вербализованной среднечастотными реакциями, конкретизирующими ядро, относятся социально-бытовые репрезентанты, отражающие связь приемов пищи с ритуалами, местами ее употребления: «обед» (11), «столовая» (7), «тарелка» (5), «стол» (3), «ужин» (3); конкретными объектами вкуса: «хлеб» (10), «мясо» (7), «суп» (3), «курица» (4), «вода» (5), «чай» (2). Выделяются качественные характеристики еды, включающие оценочный компонент: «полезная/здоровая» (10), «сытная» (4), «горячая/холодная» (4) – и аксиологический признак, иллюстрирующий рефлексию носителей о значимости еды: «жизнь» (11), «необходимость» (4), «энергия» (3).

Дальняя периферия представлена единичными реакциями: номинациями блюд и продуктов в рамках индивидуального гастрономического опыта: «пицца», «борщ», «шашлык», «яичница», «ролтон», «булки», «жареная картошка», «макароны», «рис», «рыба», «салат», «сосиска» и др.; разговорными и сленговыми наименованиями, актуализирующими фамильярное отношение к еде: «жрать», «хаванина», «галимая», «круто», «байда»; метафорическими номинациями, отсылающими к сети мировоззренческих, социальных, эмоциональных схем сознания: «источник жизни», «топливо», «победа», «зависимость», «чревоугодие», «осел», «фат-фут», «Он не ангел», «друг», «дом», «богатство», «езда»; иноязычными вкраплениями, указывающими на интерференцию с другими культурами: «EIMER-энергия», «meal».

Тематическая классификация слов-реакций на основе заданного стимула отражает категоризацию по следующим параметрам: по функции: витальная («жизнь», «энергия», «топливо»), гедонистическая («вкусно», «аромат»), социальная («застолье», «угощение», «обед», «диетическая»); по наличию оценки: позитивной («вкусная», «полезная», «любимая»), негативной («галимая», «тухлая», «невкусная»), нейтральной («пища», «продукты»); по степени абстракции: гиперонимы («пища», «еда»), гипонимы-продукты («хлеб», «мясо»), гипонимы-блюда («суп», «борщ»); по отношению к процессу: потребность («голод», «хочу»), действие («кушать», «есть», «готовить»), результат («сытость», «сытый»); по стилистической окраске: нейтральные, разговорные, сленговые («хавчик»), книжные («трапеза», «чревоугодие»).

Выделение гедонистического компонента в ядре также согласуется с современными трендами, фиксирующими смещение акцента с утилитарной на гедонистическую функцию еды в обществе. Наличие на периферии реакций в виде сленга, неологизмов, номинации брендов («Макдональдс», «ролтон») отражает динамику языкового сознания и влияние на него массовой культуры.

Сравнив словарное определение (по «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова) лексемы «еда» с данными ассоциативного эксперимента, отметим, что лексикографическое описание денотативно и функционально: в нем указывается на сущность понятия – «пища» и действие – «процесс еды». Значение словарной дефиниции нейтрально и инвариантно: не содержит оценочности, культурных и индивидуальных коннотаций. Словарная статья структурирована по смысловым компонентам: включает семы «объект» и «процесс» – и статична: фиксирует узуальное, нормативное понимание слова вне временного контекста. Социальный и культурный фон элиминированы, а динамика языкового употребления не отражается. Семантический анализ сводится к фиксации формальной схемы значения слова «еда».

Напротив, концептуальный анализ, опирающийся на ассоциативно-вербальную сеть, способствует выявлению содержательных компонентов лексемы «еда» и структурированию слота ЕДА как сложного ментального конструкта в сознании носителей языка. Ядро слота ЕДА, представляющее обобщенную, деиндивидуализированную модель, в русском языковом сознании является биполярным и оценочно-насыщенным: оно формируется вокруг двух ключевых полюсов: гедонистического, представленного доминирующими реакциями «вкусная», «вкусно» – и биологического, актуализированного реакциями «голод», «пища». Оценочность является, следовательно, не случайным, а центральным, классифицирующим признаком организации всего поля слота ЕДА.

Структура слота ЕДА является полевой: вокруг биполярного ядра фиксируются слои ближней и дальней периферии, расширяющие его содержание. Периферический слой иллюстрирует самый широкий спектр коннотаций – от жизнеутверждающих («жизнь», «здоровье») до резко негативных и этически нагруженных («чревоугодие», «зависимость», «толстый»). Здесь же отражен и богатый социальный контекст: от семейного («домашняя», «мама») и институционального («столовая», «кафе») до маркеров глобализации («Макдональдс», «пицца») и сферы общения («хавчик»). Для моделирования структуры языкового сознания все компоненты смысла существенны, даже если они вербализованы единичными реакциями типа «осел», «фат-фут», «победа». Эти окказиональные номинации являются индикаторами того, как слот ЕДА взаимодействует с другими концептами («животное», «спорт», «успех») и свидетельствуют о глубинных, иногда неочевидных, метафорических и оценочных связях в картине мира.

Семантический анализ, выявляющий значение слова, его структуру, задает инвариантные рамки. Концептуальный анализ показывает, как слово живет в сознании носителей, какими смыслами оно наполнено, и раскрывает его содержательное наполнение, демонстрируя вариативное, эмоциональное и культурно-обусловленное воплощение. Синтез разных подходов способствует формированию целостного представления о лингвокультурном феномене ЕДА.

Разница, выявленная между значением слова как элемента языковой системы и слотом как ментальном конструкте, наполненном личным и коллективным опытом, оценками и культурными кодами, свидетельствует, что концептуальный анализ дополняет словарное определение, наделяет его объемом и динамикой.

Таким образом, слот ЕДА в русском языковом сознании является сложным, полевым образованием с биполярным ядром, в котором гедонистическая составляющая преобладает над утилитарной. Высокий коэффициент стереотипности (реакции «вкусная», «пища», «голод» составляют значительную долю от общего числа) свидетельствует о согласованности в понимании базового содержания этого слота информантами.

Лингво-когнитивный анализ, осуществляемый на материале ассоциативных реакций, способствует выявлению динамических признаков понятия и построению ментальной модели фрейма ВКУС с учетом эмоционально-оценочных и культурно-обусловленных особенностей. Результаты данного исследования свидетельствуют, что еда для носителя русского языка — это не просто источник питательных веществ, а комплексный феномен, связанный с получением удовольствия, организацией домашнего уюта, выстраиванием социальных связей и многого другого.

Литература

Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: на материале русского и французского языков: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2011.

Миронова И.К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропорциональные структуры и их лексические репрезентации: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции. М.: Моск. Междунар. Академия, 2018.

Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «Еда» в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.

O. V. Makarova *(Tyumen, Russia)*
Tyumen State Medical University

COGNITIVE ASPECT OF THE “FOOD” SLOT REPRESENTATION

The article presents a comparative analysis of the “food” slot representation using an associative-verbal network and lexicographic description. It is established that the “food” component in Russian linguistic consciousness is a dynamic, complex, field-like formation with a bipolar core, in which the hedonistic component predominates over the utilitarian one.

Key words: TASTE frame, “food” slot, associative responses, linguistic consciousness, cognitive linguistics

Т. Ю. Передриенко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru

СЕМАНТИКА НЕВЫРАЗИМОГО В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОПЫТА

Цель статьи состоит в исследовании семантики невыразимого в репрезентации перцептивного опыта на русском языке. Материалом для анализа послужили отзывы ресторанных критиков, являющиеся примером вербализации полимодального восприятия. В работе опре-

делены причины, по которым возникает ограниченность языка в выражении перцептивного опыта, обозначены стратегии преодоления данной ограниченности, а также изучены используемые языковые средства.

Ключевые слова: лингво-когнитивный подход, перцептивный опыт, семантика невыразимого, ресторанная критика, концептуализация

Каждый человек не раз сталкивался с ситуацией невозможности передачи своего перцептивного опыта, несмотря на богатство языка. Язык позволяет нам транслировать знания, обмениваться мыслями и чувствами, выражать эмоции, но некоторые ощущения, переживаемые нами, ускользают при попытке перевести их в вербальную форму. Понятия, не поддающиеся описанию, называются в лингвистике вслед за философией невыразимым. М.Ю. Михайлова отмечает, что невыразимое «имманентно» характерно двум сферам человеческого существования: сфере трансцендентального, того, что предшествует чувственному опыту, и сфере внутреннего мира человека. Данные сферы универсальны для всего человечества, а, следовательно, и значение невыразимого «следует признать «языковой универсалией». Невыразимое присутствует и в других сферах человеческого существования, но, по мнению ученого, они являются производными от вышеназванных [Михайлова 2015: 1072].

Выделение категории невыразимого является признанием того, что язык имеет ограничения в вербализации некоторых ощущений и представлений. Н.Н. Немич справедливо полагает, что конституенты невыразимого востребованы в современном языке, поскольку «маркируют номинацию эмоций и чувств адресата, помогают передавать эмоциональное состояние пишущего, которые он не может выразить словами» [Немич 2020: 259]. Цель данной работы состоит в выявлении конституентов и характеристике их семантики в репрезентации перцептивного опыта на русском языке. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обозначения границ выразимости языка и важностью определения, какие данные и почему не поддаются вербализации.

Материалом для исследования послужили отзывы ресторанных критиков, размещенные в интернет-пространстве (https://www.restoclub.ru/msk/review; https://www.restoran.ru; https://restorating.ru/spb; https://allcafe.ru/reviews; https://resto74.ru). Ресторанные критики профессионально описывают зрительное восприятие блюд, их вкусовые качества, характеризуют атмосферу запахов, дизайн интерьера, звуковое оформление. Кроме того, они сопровождают описания эмоциональными реакциями, ассоциативными сравнениями и субъективными оценками, описывая сложные и порой трудно передаваемые ощущения наслаждения и разочарования. Все вышесказанное позволяет рассматривать ресторанную критику как уникальный эмпирический материал, репрезентирующий экспертную рефлексию полимодального восприятия, анализ которой выявляет ограниченность языка в выражении перцептивного опыта и показывает стратегии преодоления данной ограниченности. Для исследования были рассмотрены 150 отзывов ресторанных критиков, и были отмечены 84 случая репрезентации невыразимого.

Анализ примеров показал, что случаи передачи невыразимого делятся на три группы:

✓ невыразимое из-за невозможности подобрать подходящие языковые средства, когда автор откровенно это обозначает (*Простите скудость моего языка, не способного описать сильнейшее гастрономическое удовольствие*);

✓ невыразимое, которое репрезентируется опосредованно, когда автор использует различные стратегии косвенного описания ощущений (*Яблочно-лимонный соус оказался каким-то неземным и просто волшебным*);

✓ использование конституентов невыразимого для вербализации кульминации ощущений и эмоций субъекта восприятия, которые автор умышленно не раскрывает для воздействия на читателя (*Вкусно. Нет слов. Замолкаю*).

Одной из главных причин появления невыразимого являются неспособность субъекта восприятия зафиксировать ускользающее ощущение, чему способствуют неосознанные переживания, а также положительные или отрицательные эмоции:

– Самый сюрприз ожидает вас внутри: шампиньоны в каком-то невероятном соусе;

– Должен признать, что было невыразимо приятно увидеть здесь семейные пары с детьми;

– Слой начинки такой тонкий, что мне не описать, какой вкус она дает своим миллиметром толщины.

Отсутствие в языке лингвистических средств номинации уникальных или абстрактных явлений также является причиной появления невыразимого. При передаче перцептивного опыта критики обращаются к лексическим средствам религиозной сферы, выражая положительный опыт через лексические единицы с семой «божественное», а отрицательный опыт через лексические единицы с семой «демоническое»:

– Отмечу послевкусие семги – долгое, божественное и столь неземное;

– Не рекомендую это блюдо – адская смесь несъедобных ингредиентов.

Для обозначения уникальных или абстрактных понятий также используются неопределенные местоимения (*нечто, какой-то, что-то*), личное местоимение среднего рода (*оно*), прилагательные (*похожий, напоминающий*), глаголы (*напоминать, казаться*), которые создают обобщающий размытый контекст опосредованной номинации:

– Нам подали горячее - какаю-то рыбу с прекрасным гарниром и что-то похожее на куриные фрикадельки.

– Предесерт напоминал корочку от кекса, нечто концентрированное, чуть с карамелью, до легкого эспума.

Кроме того, сложность обозначения перцептивного опыта передается через семантику несуществующего (*небывалый, неведомый, невиданный*), которая выражает не отсутствие номинации в языке для понятия или ощущения, а обозначает то, что субъект восприятия переживает новый перцептивный опыт, с которыми не сталкивался ранее:

– Биточки из кальмара – совсем нежданное, небывалое и удивительное блюдо.

– Высочайшей вершиной искусства … безусловно является «Липин» – особая линия из пяти пицц невиданной доселе лепестковой формы.

Семантика невыразимого обладает национальной спецификой, т.е. отсутствием номинаций понятий, которые могут существовать в других культурах. Ресторанным критикам приходится часто сталкиваться с описанием кухни и традиций других народов мира, и они в большинстве случаев профессионально справляются с этим. Неспособность охарактеризовать перцептивный опыт вкусового восприятия национальных блюд выражается через использование прилагательных (*малопонятный, малознакомый, труднообъяснимый*):

– Для приготовления этого блюда используются малоизвестные нам продукты и специи.

Невыразимое встречается также в контекстах, в которых ресторанный критик не сформировал свое отношение и вербализует неопределенность своей оценки. Для выражения используется двойное отрицание (*не…и не…*) или конструкции, указывающие на наличие альтернативы (*нравится или нет*):

– Мне сложно описать – нравится он (плов) мне или нет, но восхищения или отторжения не вызывает.

– Тесто не толстое и не тонкое, сварено альденте.

Использование конституентов семантической группы невыразимое традиционно происходит по причине языковой некомпетентности автора. Однако в ресторанной критике признание автором неспособности выразить впечатление скорее является языковым приемом, используемым для речевого воздействия на читателя. Признание границ языка является стратегией обозначения силы впечатлений. Кроме того, отказ от описания усиливает оценку и создает эффект повышенной эмоциональности высказывания:

– Высочайшее мастерство шеф-повара из … уличило меня в словесном бессилии.

– Мой русский язык слишком беден для описания абсолютного кулинарного восторга, простите.

Изучение категории невыразимого на материале различных дискурсов позволяет выявить границы языка в репрезентации перцептивного опыта и определить стратегии, которые используются для преодоления этих границ. Причинами появления невыразимого являются эмоциональное состояние субъекта восприятия, его языковая некомпетентность, культурные отличия и намеренное использование языковых средств с семантикой невыразимого для обозначения силы впечатлений и воздействия на читателя. Стратегиями вербализации невыразимого выступают использование лексических средств с семантикой отрицания, применение лексики религиозной сферы, неопределенных местоимений и личного местоимения в среднем роде. Семантика невыразимого вербализуется через сравнения, создающие обобщающий контекст, и через лексические единицы, обозначающие несуществующие объекты. Признание ограниченности языка в некоторых вопросах способствует более глубокому пониманию концептуализации действительности.

Литература

Михайлова М.Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестник Башкирского университета. 2015. № 20 (3). С. 1072-1079.

Немич Н.Н. Эмоциональный потенциал семантики невыразимого в газетном дискурсе // Лекантовские чтения: материалы международной научной конференции. М.: Московский гос. област. ун-т, 2020. С. 259-261.

T. Yu. Peredrienko *(Chelyabinsk, Russia)*

South Ural State University (national research university)

SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE IN THE REPRESENTATION OF PERCEPTIVE EXPERIENCE

The article aims to explore the semantics of inexpressible in the representation of perceptual experience in Russian. The material for the analysis is restaurant critics' reviews which exemplify the verbalization of polymodal perception. The paper identifies the reasons for language limitations in expressing perceptual experience, outlines strategies for overcoming these limitations and examines the used linguistic means.

Key words: lingvo-cognitive approach, perceptual experience, semantics of inexpressible, restaurant reviews, conceptualization

В. И. Поречная *(Курск, Россия)*

Юго-Западный государственный университет

porechvika@gmail.com

МЕТАФОРЫ ОФИСНОГО ПРОСТРАНСТВА В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

В статье рассматриваются особенности параметрических и непараметрических концептов. Отмечается специфика концептуализации пространства. Исследуются понятийное пространство «офис», производные от него концепты «офисная сирена», «офисный хомяк», «офисный планктон». В качестве средства концептуализации рассматривается метафоризация.

Ключевые слова: категория, пространство, концепт, метафоризация, вербализация

Категория пространства является одним из наиболее значимых онтологических параметров в жизни индивида, общества и природы [Бедарева, Дрыгина, Груба 2023]. Человек не мыслит пространство вне себя и себя вне пространства, что указывает на базовый характер данной категории [Балакина, Бороздина 2009: 1].

Пространство представляет собой концепт, исследование которого является одной из актуальных проблем современной лингвистики. С точки зрения В.И. Карасика, концепт в когнитивной и лингвокультурной лингвистике обладает различным содержанием. В когнитивной лингвистике значимым представляется сохранение и структурирование информации об окружающей действительности и самом себе в индивидуальном сознании в форме определенных структур репрезентации знаний и оценок [Карасик 2005: 96-97]. На уровне концептов пространство является ментальным образованием, классифицирующим категории с целью соотношения реальных свойств объектов. В.И. Карасик рассматривает возможность исследования параметрических концептов в качестве понятий [Карасик

2005: 97]. Анализ лексикографических источников и данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) позволил установить, что направлением концептуализации пространства является движение от представления к понятию [Романова 2013: 115-116]. Однако исследование параметрических концептов в виде понятий сводит на нет идею о многомерности концепта, в состав которого входят три составляющих: понятие, образ, ценность [Карасик 2005: 97]. В этой связи значимым представляется применение идеи превращаемости концепта [Ляпин 1997]. Рассмотрение концепта в качестве точки, объединяющей культуру общества и личностные смыслы, а также разнообразные смысловые сферы опыта, знания и переживания, обусловливает возможность соотношения параметрических и непараметрических концептов, обладающих предметным содержанием, в единой системе [Карасик 2005: 98]. Концепт «пространство», который, как было указано ранее, является параметрическим, имеет субъективный характер, поскольку осмысление человеком окружающей действительности основано не только на научном, но и на «наивном» опыте [Бедарева, Дрыгина, Груба 2023]. При исследовании концептуализации пространства следует учитывать его членение на различные сферы [Романова 2013: 115-116].

В русском языке существует лексема «офис» – заимствование из английского языка, объективирующая концепт, обладающий пространственной семантикой. Понятийное пространство «офис», по нашему мнению, обладает сложной структурой, и объективирует результат членения пространства на различные сферы. Об этом свидетельствует появление неологизмов русского языка, производных от лексемы «офис», вербализующих определенные структуры представления знаний и оценок: *офисная сирена, офисные хомячки, офисный планктон* [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 296-299]. С нашей точки зрения, представленные концепты, обладающие предметным содержанием, являются непараметрическими. Рассмотрим их подробнее.

Офисная сирена – «женщина, которая одевается на работу, делая акцент на сексуальности образа; модный в 2024 г. офисный стиль» [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 296]. В Большом толковом словаре русского языка лексема «сирена» обладает четырьмя дефинициями. Значимой для нашего исследования является следующая: «В греческой мифологии: живущая в море полуженщина-полуптица с волшебным голосом, которым она завлекает моряков в гибельные места» [Кузнецов 2000: 1188]. Согласно представленным данным местом обитания сирены являлось водное пространство. Анализ семантики словосочетания *«офисная сирена»* и лексемы *«сирена»* указывает на наличие метафоры. Сфера употребления – деловые коммуникации, язык СМИ, социальных сетей [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 296].

Офисные хомячки (хомяки) – «молодые офисные сотрудники, проявляющие большую активность в социальных сетях, независимость суждений и образа жизни и демонстрирующие конформизм в повседневной жизни» [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 297]. Социальные сети являются элементом качественно нового вида пространства – виртуального и информационного [Романова 2013: 116].

«Офисные хомяки» осуществляют деятельность как в реальном пространстве офиса, так и в указанном выше. Согласно Большому толковому словарю русского языка, лексема «хомяк» обладает двумя значениями. Значимым для данного исследования является первое: «Небольшой грызун с толстым неуклюжим телом и развитыми защёчными мешками, живущий в лесу и собирающий в них большие запасы зёрен, семечек и т.п.» [Кузнецов 2000: 1451]. Как следует из представленной словарной статьи, средой обитания хомяка является пространство леса. Анализ дефиниций словосочетания «офисные хомяки» и «хомяк» позволяет установить, что значимыми элементами в обоих случаях является неуклюжесть, нерасторопность действий в окружающей реальности. Глобализация и развитие технологий, с нашей точки зрения, обусловили приобретение качественно новым, виртуальным пространством, о котором было сказано выше, аксиологического характера. По нашему мнению, именно вариативность самовыражения в пространстве указанного вида составляет ценностную составляющую рассматриваемого концепта. «Офисный хомяк» – это метафора. Сфера употребления – деловые коммуникации, язык науки и технологий, СМИ, социальных сетей [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 297].

Офисный планктон – «широкая категория офисных сотрудников, как правило, находящихся на нижней ступени карьерной лестницы». Сфера употребления – деловые коммуникации, язык науки и технологий, СМИ, социальных сетей [Щетинина, Леонтьева, Касатова 2024: 298]. В толковом словаре лексическая единица «планктон» обладает следующей семантикой: «Скопление мельчайших растительных и животных организмов (бактерий, водорослей, моллюсков, личинок и т.п.), живущих в толще воды морей, рек, озёр и переносимых течением» [Кузнецов 2000: 838]. Среда обитания планктона – водное пространство. Незначительный размер данных организмов указывает на неспособность противостоять течению. С нашей точки зрения, исследуемый концепт, вербализуемый посредством словосочетания «офисный планктон», наряду с рассмотренными выше примерами, является метафорой. Как отмечает О.С. Зубкова, последняя представляет собой результат объективируемых в языковом поле процессов метафоризации [Зубкова 2011: 306]. Аналогизация, подобие и сходство – это операции метафоризации. Их результатом является концептуализированное на когнитивном уровне воспринимаемое сходство между когнитивно-перцептивно-аффективным опытом индивида или его составляющих и объектом. Метафоризацию О.С. Зубкова рассматривает как манифестирующуюся в знаковой и языковой системе концептуализацию. Метафоризация как когнитивная операция основывается на продуктах когнитивной операции перцепции, а также на самой перцепции. По нашему мнению, именно метафоризация в каждом из рассматриваемых случаев являлась активным средством концептуализации.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

Концепт – это комплексное ментальное образование, характеризующееся комплексной структурой. Концепт «пространство» является одним из фундаментальных, параметрических концептов. Производным от исследуемого служит кон-

цепт «офис». По нашему мнению, в отличие от концепта «пространство» данное ментальное образование относится к разряду непараметрических. Результатом изменения окружающей реальности, тенденции к возникновению новых пространств стало появление новых концептов, к числу которых относятся *офисная сирена, офисный хомяк, офисный планктон.* Средством концептуализации в исследуемых случаях является когнитивный процесс метафоризации. Процессы глобализации усилили значимость нового информационного пространства, которое в настоящее время может выступать ценностным компонентом концепта.

Литература

Балакина Е.Н., Бороздина И.С. Концептуализация и вербализация географического пространства в русском и английском языках (на примере категорий «город», «деревня/село») // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2009. № 1 (5). С. 1-7.

Бедарева А.В., Дрыгина И.В., Груба Н.А. Языковая концептуализация пространства в художественном тексте на материале романа В.В. Набокова “Transparent Things” // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 1 (37). С. 1-7.

Зубкова О.С. Условия возникновения метафоры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 306-312.

Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2005. С. 95-108.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып.1. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997. С. 11-35.

Романова Т.В. Динамика концептуализации и категоризации пространства в русском языке (по данным словарей и НКРЯ) // Respectus Philologicus. 2013. № 23 (28). С. 109-117.

Щетинина А.В., Леонтьева Е.В., Касатова С.А. Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика. Екатеринбург: Ажур, 2024.

V. I. Porechnaia *(Kursk, Russia)*

Southwest State University

OFFICE SPACE METAPHORS IN COGNITIVE PERSPECTIVE

The article discusses the features of parametric and non-parametric concepts. The specificity of space conceptualization is considered. The conceptual space “office” and the concepts “office siren”, “office hamster”, and “office plankton” derived from it are explored. Metaphorization is considered as a means of conceptualization.

Key words: category, space, concept, metaphorization, verbalization

О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай, А. Н. Пархоменко *(Белгород, Россия)*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

olgitsa2010@yandex.ru

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТЫДА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В языке часто отмечаются случаи, когда важные феномены человеческих отношений не имеют специального обозначения лексическими или фразеологическими средствами. В работе описан такой феномен, состоящий в своего рода необоснованном стыде за какие-

либо особенности своей внешности, условия проживания и т.п., и описываются языковые средства, передающие подобные структуры знания.

Ключевые слова: концепт, структура знания, сверхфразовое единство, высказывание, стыд

В последнее время наше внимание всё чаще привлекают проблемы, которые, на первый взгляд, внешне далеки от собственно лингвистических вопросов, однако при их более глубоком осмыслении обнаруживается прямая связь между описываемыми языковыми средствами явлений и самой глубинной сущностью семантики этих языковых и речевых единиц. В этом отношении поистине неисчерпаемым кладезем материала исследования являются тексты художественных произведений, где автор достаточно раскрепощённо, там, где в реальной жизни мы обычно стараемся промолчать или иным образом загладить ситуацию как бестактную или иным образом некорректную с точки зрения этических отношений, показывает подобную ситуацию.

Ранее мы неоднократно обращали внимание на языковые средства описания структур знания, которые по их внешним параметрам трудно идентифицировать как концепты уже на тех основаниях, что для их идентификации не существует отдельной единицы лексического уровня или уровня словосочетания, что, по мнению А.П. Бабушкина, утверждающего, что «Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин 2006: 29], даёт основания не относить эти структуры знания к категории концептуальных явлений.

В то же время такие структуры знания существуют, и мы уже предпринимали попытки показать их (например, в [Чекулай 2022]). Напомним, что эти структуры выражаются единицами речи не меньшими, чем высказывание, чаще всего сверхфразовыми единствами. Показательным в этом плане представляется следующее СФЕ из рассказа А.П. Чехова «Кошмар»:

Далее Кунин видел, как кучер Андрей и мальчик Парамон, прыгая через лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбежали к нему под благословение. Отец Яков снял шляпу и медленно благословил Андрея, потом благословил и погладил по голове мальчика. В данном случае реализуется структура знания, не имеющая специального вербального обозначения, но которую можно описать так: «Существуют ситуации, когда люди, искренне полагая, что делают доброе дело (*подбежали под благословение*), наносят вред человеку, который делает им доброе дело (*обрызгивая отца Якова грязью*)».

В рассказе Кунин после увиденной сцены сам испытает стыд за то, что ранее пренебрежительно относился к священнику за убогость его одежды, ведение дома, и это отношение изменилось только после того, как священник, стыдясь самого себя, признался в крайней нищете прихода, в том, что он помогает бедной вдове врача.

Данный вполне жизненный случай из художественного произведения показывает, что анатомия стыда, его последующее осмысление в системе когнитивных представлений с последующей экспликацией в речи ещё далеко не изучены,

несмотря на многочисленные научные произведения, в которых этот психологический феномен является ведущим в описании или повествовании. Например, Н.Д. Арутюнова даёт определение и подробный анализ стыда, который человек испытывает в связи с собственными поступками и деяниями: «внутренний стыд» – это не только «чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка» (первое значение в Словаре Ушакова), но и чувство, удерживающее от предосудительных, неделикатных или обнаруживающих интимную сферу поступков и проявлений» [Арутюнова 2000: 62].

Иными словами, такой стыд носит деятельностный характер, поскольку заставляет человека менять свою жизнь, порой преодолевая постыдные факторы его социального движения и самоутверждения в обществе, такие как улучшение материального благосостояния, повышение в иерархии общественных отношений, клевета на ближних и другие. Но есть ещё стыд, который мы испытываем в связи с поступками других людей, действия которых нам не безразличны. Как известно, такой вид стыда имеет собственное языковое обозначение, выраженное словосочетанием «испанский стыд», или «кринж» (от английского cringe).

Феномен кринжа ещё не подвергался научному описанию не только в лингвистической, но даже и в психологической научной литературе; по крайней мере, кроме интернет-источников общего характера, например, таких как (secretmag.ru), при подготовке данной публикации найдено не было. Кстати, данное издание отмечает, что эта структура знания отмечается только с 2011 г. и это при том, что её языковые обозначения имеются в испанской и немецкой лингвокультурах. Но в данной статье мы хотели бы обратить внимание на такое состояние или ощущение человека, когда он критически относится к каким-то деталям собственной внешности.

Многим людям знакомо чувство, когда при сопоставлении каких-то собственных личных качеств и свойств с соответствующими качествами и свойствами других людей человек испытывает неловкость за эти качества, потому что аналогичные показатели у других людей представляются ему более благородными, престижными, вызывающими больший интерес у представителей другого пола, и т.д.

Возникает соблазн связать данный феномен с комплексом неполноценности, но это не совсем так, поскольку человек может испытывать их эпизодически, в связи с определённой ситуацией. В принятом смысле такое ощущение назвать стыдом достаточно сложно, но иногда оно переживается весьма глубоко.

По нашим наблюдениям, чаще всего такие ощущения возникают в связи с собственной внешностью, в том числе и со скрытыми деталями своей физиологической специфики. Например, многие девушки испытывают сильное недовольство от того, что у них имеются веснушки. Однако достаточно большое число мужчин рассматривают веснушки на женском лице как некоторую «изюминку» в её внешности, выгодно отличающую её от большинства женщин и тем самым придающую им больший шарм. В частности, в романе-трилогии Ю. Семёнова под общим названием «Экспансия» один из главных героев произведения, американский разведчик Пол Роумэн любит датчанку Кристу Кристиансен, обладающую такой особенностью, и даже называет её ласково «Конопушкой». Сам Роумэн имеет доста-

точно крупное лицо с трясущимися щеками и подбородком (причём, эта деталь описания встречается в произведении достаточно часто, очевидно, для достоверности описания внешности) и серьёзно комплексует от этого, что видно из следующего монолога-рассуждения друга Роумэна Грегори Спарка, бывшего работника спецслужб США и в романе участвующего в опасной операции Роумэна по разоблачению послевоенного гитлеровского подполья, который взял в плен одного из руководителей гитлеровцами Лангера и собирается провести экспресс-допрос, нечто в роде «потрошения по Таманцеву»:

– Руки на голову. Вот так, хорошо. Поднимись. Шагни к сиденью и переваливайся сюда. Живо! Я что сказал?! Живо!

Черт, надо бы научиться трясти лицом, когда изображаешь крайнюю степень ярости, это впечатляет; хотя у меня не получится так, как надо, – слишком худой. Это бы получилось у Роумэна, он всегда страдал, что у него круглое лицо: «Нет ничего хуже, когда у мужика бабья рожа, да, Грегори? Будь ты хоть самым бесстрашным парнем, все равно люди прежде всего смотрят на внешность, а особенно женщины, правда?» (Электронная библиотека Royallib).

Очевидно, данный феномен самосознания и самооценки является универсальным, свойственным людям любой национальности и любого происхождения. По-разному относятся к наличию волос на туловище и конечностях у мужчин. Так, герои романа И. Шоу «Rich Man, Poor Man» Рудольф и Гретхен Джордах, наблюдая своего брата Томаса на профессиональном ринге, совершенно поразному рассматривают эту особенность, причём Рудольф явно серьёзно комплексует. В частности:

When Thomas's handlers took off his robe and threw it over his shoulders to put the gloves on over the bandaged hands, the first thing Rudolf noticed, with a touch of jealousy, was that Thomas had almost no hair on his body. Rudolf was getting quite hairy, with thick, tight black curls on his chest and sprouting on his shoulders. His legs, too, were covered with dark hair, and it did not fit the image he had of himself. When he went swimming in the summer, his hairiness embarrassed him and he felt that people were snickering at him. For that reason he rarely sunbathed and put on a shirt as soon as he got out of the water (Shaw I. Rich Man, Poor Man).

Gretchen watched with a rigid, painful grimace on her face, squinting through the smoke at her brother's powerful, destructive, bare figure. She did not like the hairless male body – Willie was covered with a comfortable reddish fuzz – and the ridged professional muscles made her shudder in primitive distaste. ***Siblings, out of the same womb.*** *The thought dismayed her* (Ibid., 400).

Последний пример показывает, что такой вид стыда – если, конечно, его можно квалифицировать как «стыд» – носит не только интернациональный, но и индивидуальный характер. Одна и та же особенность может восприниматься разными людьми одной языковой и национальной культуры с противоположными результатами. Это относится не только к каким-либо физиологическим особенностям человека. Люди могут стесняться своего имени или фамилии, равно как и имён и фамилий членов семьи, своих невзрачных автомобиля, жилья и т.п.

В заключение следует сказать, что, как и указываемые ранее «неотмеченные» структуры знания, подобные феномены индивидуального поведения не имеют специальной номинации как, скажем, тот же «кринж». Безусловно, можно это выразить словосочетанием с глагольным управлением через «комплексовать из-за…», в частности, «комплексовать из-за неровных зубов/ низкого роста/ запаха изо рта» и т.п. Однако в этих случаях действительно у людей имеются основания стесняться каких-либо своих физиологических или косметических особенностей, в то время как в указанных в статье случаях нет каких-то однозначных норм и стандартов, а следовательно, и реальных оснований для стеснения и тем более стыда. В связи с этим у нас имеются основания утверждать, что данная структура знаний не имеет специального выражения лингвистическими средствами, хотя сам феномен необоснованного стеснения существует в сфере человеческих и общественных отношений и тем самым – в лингвокультурах различных стран и народов.

Литература

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54-78.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2006.

Чекулай И.В., *Прохорова О.Н.* О так называемых «неотмеченных» структурах знания: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. М.: «Наука», 2022. С. 272-286.

O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai, A. N. Parkhomenko *(Belgorod, Russia)*

Belgorod State National Research University

SPECIFIC FEATURES OF SHAME IN LINGUOCOGNITIVE COVERAGE

There are instances in the language when the important phenomena of human relations do not have special explication with linguistic lexical or phraseological means. The article gives the description of such a phenomenon that reflects something like an ungrounded shame for some individual physiological or otherwise individual peculiarities, and the linguistic means that realize such phenomena are shown.

Key words: knowledge structure, concept, supra-phrasal unit, utterance, shame

Е. В. Рыжкина *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет

phraseologinya@mail.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИМВОЛИЗАЦИИ ПРИ ОБЪЕКТИВАЦИИ НОВОГО КОГНИТИВНОГО ОПЫТА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В работе рассматривается символизация как один из лингвокогнитивных механизмов, обеспечивающих концептуализацию знаний в языке. Показано, что этот механизм действует при формировании структур знания, которые получают вербализацию посредством фразеологизмов с символьным компонентом, а также при модификации уже существующих концептуальных структур и образовании на их основе новых значений и новых знаков.

Ключевые слова: символизация, символ, ценность, английский фразеологизм, фразеологическая креативность, концептуальная деривация

Работа посвящена изучению действия механизма символизации в ходе языкотворчества на базе английских фразеологических единиц (ФЕ). Материалом послужили 200 английских идиом с компонентом-символом и их дериваты, в т.ч. окказионализмы, отобранные из англоязычных СМИ и корпусов.

Исследование исходит из понимания фразеологической креативности как частного случая креативности языка, которая обусловлена креативностью когнитивных структур [Langacker 1991; Зыкова 2015]. В широком смысле любое творческое использование фразеологии (структурно-семантическое обновление ФЕ, семантическая деривация, образование новых единиц на базе существующих и пр.) отражает акт вторичной интерпретации знания, которая может пониматься как новое осмысление ранее полученного знания или как обработку коллективных знаний сквозь призму «индивидуальной концептуальной системы конкретного человека» [Болдырев 2014: 23]. Эти творческие процессы порождения новых смыслов и воплощения их в речевых и языковых единицах осуществляются посредством различных когнитивных и языковых механизмов. Среди первых можно назвать механизмы концептуальной метафоры и метонимии, символизации, концептуальной интеграции, профилирования, схематизации и др.

В задачи данного исследования входит выявление особенностей символизации как лингвокогнитивного механизма, который действует одновременно на двух уровнях – когнитивном и языковом, для объективации нового когнитивного опыта средствами английской фразеологии.

Под символизацией обычно понимается «замещение одной ситуации другой по принципу ассоциации» [Щербань 2024: 38]. Как отмечает В.Н. Телия, при формировании символа на базе языкового знака происходит смена функции языковой сущности на функцию символическую, а «словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некоторую идею» [Телия 1996: 243]. Важно подчеркнуть, что в функции замещения лексическая единица передает оценку в отношении обозначаемого объекта, т. е. приобретает аксиологический смысл, обусловленный культурой. Этот смысл отражает «главное в познании человеком мира – с выделением из всего существующего ценностей» [Ковшова 2021: 109].

На когнитивном уровне процесс символизации состоит в формировании «устойчивых когнитивных структур, аккумулирующих знания об объекте/ событии как о “лучшем” примере» социокультурной универсалии [Голубева 2018: 250]. Причем в отличие от обычной ценностной составляющей концепта, символьная составляющая соотносится с большей, *культурно-значимой* информацией [Елисеева 2008] (курсив наш – Е.Р.). Она, как правило, формируется в контексте определенной культуры. Так, Н.Н. Болдырев и Е.В. Федяева показывают, что символизм числительных имеет ярко выраженный культурно маркированный характер [Болдырев, Федяева 2020: 11].

Называя символ «механизмом памяти культуры», Ю.М. Лотман указывает на его способность хранить обширные тексты «в свернутом виде» и за счет этого осуществлять перевод «текстов, сюжетных схем и других семиотических образований из одного пласта культуры в другой» [Лотман 1992: 191-192]. Высокая информационная ёмкость и компактность символа делают его весьма экономичным средством передачи знания, и вместе с тем плотность и сложность содержательной стороны символа создает предпосылки для модификации его концептуальной структуры. Так, она может быть перепрофилирована за счет фокусирования на иных концептуальных признаках. Это объясняет полисемию некоторых символов (овца как символ кротости и смирения, а также глупости, ведомости, безволия, робости и малодушия) [Рыжкина 2021].

Несмотря на устойчивость, символ не есть нечто застывшее, но способен к изменению: «символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует» [Лотман 1992: 193], т.е. развивается вместе с культурой. К примеру, радуга у древних языческих народов символизировала высшие силы, в иудаизме – Божий гнев и терпение, в контексте Ветхого Завета это символ вечного завета между Небом и землей, а в Новом Завете радуга означает не только примирение Бога с человеком, но и сияние славы Божией (Откровение 4: 5-6). В современной либеральной культуре, отошедшей от христианства, этот символ претерпел реконтекстуализацию и полное переосмысление и означает толерантность и плюрализм.

Кроме того, вариативность значения символа можно наблюдать в рамках одной лингвокультуры и на одном синхронном срезе в зависимости от знаковой функции символа. В частности, встраиваясь в более сложный знак, такой как фразеологизм, символ нередко приобретает новые смысловые оттенки [Рыжкина 2021]. Так, первая буква греческого алфавита α (alpha) используется в английском языке как обозначение оценки «отлично» за студенческую работу. Вместе с тем английская лексема *alpha* имеет несколько символьных значений, которые реализуются в составе комплексных знаков. Символизм компонента *alpha* в составе библеизма *alpha and omega* заимствован непосредственно из текста Библии – «начало» (то же касается второго знаменательного компонента фразы *omega* – «конец»). В дальнейшем концептуальная оппозиция НАЧАЛО (*alpha*) vs КОНЕЦ (*omega*) получила отражение в паре антонимичных терминов *alpha dog* (доминантный самец в стае) – *omega dog* (самец, имеющий низший статус) и возникших на их базе идиомах. Как часть терминологизма *alpha dog* лексема *alpha* соотносится с модифицированной концептуальной структурой – ПЕРВЕНСТВО (доминантный статус). Данная интерпретация символа (как ярлык определенного типа людей) положила начало открытой серии английских неологизмов с компонентом *alpha*: *alpha male, alpha mom*, *alpha girl, alpha earner* и т.д. Аналогично сформировался символизм лексем *omega, sigma* и *beta* для обозначения статуса человека в некоем иерархичном сообществе.

Неологизм *Alpha generation*/*generation Alpha* (первое поколение третьего тысячелетия, рожденное в цифровой век) интересен тем, что он воплощает представления о детях, для которых родной является «цифровая культура». Здесь компонент *Alpha* косвенно соотносится с концептом НАЧАЛО – как указание на время (начало тысячелетия) и порядок следования (первое из поколений в эпоху полной цифровизации), но его ценностный смысл связан главным образом с теми чертами, которые приписываются детям-альфа и которые, по прогнозам социологов, должны обеспечить новому поколению роль «двигателя цифровой эволюции». На концептуальном уровне символ *alpha* представляет дальнейшую модификацию концепта ПЕРВЕНСТВО, где комбинируются признаки «отличие» и «доминирование». Примечательно, что уже сейчас всерьез обсуждаются потенциальные черты следующего поколения, которое может быть символически обозначено как *generation Beta.* Таким образом, символизация включается в общий процесс обработки, форматирования и объективации нового знания.

Следует отметить, что, хотя для фразеологизмов характерно целостное, неразложимое значение, мотивированные ФЕ с компонентом-символом обычно обладают относительной композиционностью семантики, т. к. символ в составе идиоматического выражения не утрачивает полностью свою «словность», т.е. частично сохраняет грамматическую и лексико-семантическую автономность. Это свойство обусловливает высокий креативный потенциал такой единицы. Так, путем варьирования компонента-символа в смысловую структуру фразеологизма привносится новое содержание, меняется его ценностный смысл. Например, символ *gold* ассоциируется с богатством (*to strike gold* – рус. *найти золотую жилу*) или с высокой ценностью чего-либо (*silence is golden – молчание – золото*). То же символьное значение может иметь прилагательное *golden*. Данный сегмент английской фразеологии активно варьирует и пополняется новыми единицами.

В качестве иллюстрации может служить английское фразеологическое гнездо, которое возникло и продолжает развиваться вокруг компонента *golden*: *golden hello, golden handcuffs*, *golden handshake*, *golden parachute.* Во всех оборотах этой серии, кроме последнего, компонент *golden* отражает не только признак «щедрость со стороны работодателя», но и косвенно указывает на ценность сотрудника, которого компания хочет привлечь, удержать в штате или с почетом проводить на пенсию. Дальнейшее развитие гнезда происходит по линии варьирования данного компонента, что позволяет по-новому отразить идею ценности. Так, *diamond* и *tin* в своем символьном значении представляют контрастные понятия. Окказионализм *tin parachute* («жестяной парашют») означает мизерную компенсацию в случае увольнения. *Diamond parachute* не просто передает противоположный смысл, но и делает акцент на сверхвысоком уровне выплат. Зарегистрированы и промежуточные варианты: *platinum parachute* (очень высокая, но не сверхвысокая компенсация) и *silver parachute* (умеренная компенсация). Теоретически место левого компонента может быть занято любым символом, который фиксирует определенное представление о ценности.

Подводя итоги, отметим, что современная английская фразеология активно развивается, и наибольшая динамика наблюдается в сегментах фразеологической системы, которые сформировались вокруг символов, представляющих особо значимые концепты лингвокультуры. Механизм символизации сопровождает эту динамику, обеспечивая формирование новых концептуальных структур с символьной составляющей и воплощая ценностные смыслы в рече-языковых символах.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Болдырев Н.Н., *Федяева Е.В.* Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

Голубева О.В. Когнитивные основы феномена символизации // Языковое бытие человека и этноса. 2018. Вып XX. С. 249-258.

Елисеева О.В. Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов БОГ и ДЬЯВОЛ в русской, французской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Рыжкина Е.В. Фразеологическая коннотация как продукт межсемиотической транспозиции (на материале английских фразеологизмов с символьным компонентом) // Фразеология в фокусе когнитивистики: коллективная монография: М.: Академия Естествознания, 2021. С. 73-87.

Рыжкина Е.В. Лингвокогнитивные механизмы языкотворчества в современной английской фразеологии в перспективе дискурсной интерпретации знания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 12 (906). С. 113-121.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и линовокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Щербань О.В. Когнитивные механизмы семантической деривации в современной английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.

Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 2: Descriptive application. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

E. V. Ryzhkina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University
phraseologinya@mail.ru

LINGUISTIC AND CREATIVE POTENTIAL OF SYMBOLIZATION IN OBJECTIFYING NEW COGNITIVE EXPERIENCE IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY

The research looks into the workings of symbolization as a language and cognitive mechanism that facilitates conceptualization of world knowledge in language. It shows that this mechanism is employed in forming knowledge structures that are verbalized by means of idioms with a symbolic component, and also in modifying the existing conceptual structures and subsequent meaning development of normative idiomatic units, as well as derivation of new units on their basis.

Key words: symbolization, symbol, value, English idiom, idiom creativity, conceptual derivation

С. Н. Степаненко *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sstepanenko@bsuedu.ru

РОЛЬ СРЕДСТВ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ПЕРВИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛИЧЕСТВА

Объектом внимания в работе выступают особенности первичной языковой интерпретации количественных характеристик явлений окружающего мира посредством английских фразеологизмов количественной семантики, представленных устойчивыми сочетаниями с квантификаторами, выраженными количественными числительными и счетными существительными, претерпевшими при фразеологизации частичную десемантизацию.

Ключевые слова: (первичная) языковая интерпретация, концепт QUANTITY, количественный смысл, языковой механизм, когнитивный механизм, частичная десемантизация

На современном этапе развития человеческого социума одними из наиболее серьезных проблем глобального масштаба признаются «информационные вызовы», обусловленные стремительным развитием информационных технологий в условиях перехода общества на новый, информационный этап развития. Человек в условиях широких технических возможностей передачи и получения информации, а также многоаспектности ее содержания для его эффективной жизнедеятельности должен своевременно и адекватно её обрабатывать, что, по мнению Н.Н. Болдырева, «неизбежно связано с ее определенной интерпретацией» [Болдырев 2023: 5].

Проследить, как человек интерпретирует количественные характеристики действительности, отраженные в транслируемой информации, позволяет когнитивный подход, ориентированный на изучение языковых средств в их взаимосвязи с интерпретативными по своей природе (в силу антропоцентричности языка) познавательными процессами концептуализации и категоризации [Besedina 2020: 21], т.е. с позиций соотношения языковых и когнитивных структур.

Актуальными для решения цели работы – выявить особенности первичной интерпретации количественных характеристик действительности английскими фразеологизмами с компонентом-квантификатором – являются научные положения о том, что: 1) языковая интерпретация – это «вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат репрезентации мира, которая основана <...> на существующих общечеловеческих (коллективных) представлениях о мире и <...> на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2019: 254]; 2) активная роль языка как одной из когнитивных способностей человека, которая совместно с другими когнитивными способностями – концептуализацией и категоризацией – и, обеспечивая реализацию последних, состоит в «формировании, интерпретации, хранении и передаче знаний о мире» [Болдырев 2023: 8].

Совокупность знаний о количественных характеристиках мира, окружающего представителя англосаксонской лингвокультуры, сосредоточена в содержании концепта QUANTITY. Результаты предыдущих исследований эксплицируют, что различные характеристики в этом содержании (базовые (‘дискретность’ и ‘недис-

кретность’) и уточняющие их частные) репрезентируются в английском языке широким ассортиментом единиц количественной семантики на разных уровнях (см., напр.: [Stepanenko, Perelygina 2020; Stepanenko, Fedotova 2022]), что подтверждает положения о: 1) фундаментальности концепта QUANTITY для концептуального пространства английского языка и мышления его носителей (подробнее о прямой корреляции между значимостью для когниции определенных концептов и степенью разветвленности средств их репрезентации в языке, см. в [Кубрякова 2004: 313]); 2) его интерпретирующем типе [Болдырев, Федяева 2020: 5]; 3) наличии у него значительных интерпретирующих возможностей, обеспечивающих как первичную интерпретацию количества (см., напр.: [Степаненко 2025]), так и вторичную [Федяева, 2020].

В данной работе обратимся к рассмотрению особенностей его первичной интерпретации единицами фразеологии. Хотя последние признаются средствами вторичной номинации, которые задействуют уже имеющиеся в языке средства в новом значении [Долгова 2020: 69] и, собственно, сами образуются как результат процесса интерпретации вторичного типа, когда «уже существующие знания получают новое осмысление и образную вербализацию за счет имеющихся в языке единиц, модифицирующих свое значение» [Там же: 11], в фразеофонде английского языка все же имеются устойчивые сочетания, в компонентном составе которых лексемы количественной семантики при фразеологизации претерпели частичную десемантизацию, в результате чего весь фразеологизм среди прочих несет и количественное значение: определенное или неопределенное [Шевченко 2001: 34] и, следовательно, выступает языковым средством интерпретации количественных признаков явлений окружающего мира.

Так, например, субстантивный фразеологизм *a **nine** to **five** (job)*, согласно его дефиниции – a job with normal daytime hours [DoAI] – номинирует работу с фиксированным рабочим графиком. Так как сочетание количественных числительных *(from) **nine** to **five*** в его составе полностью не утратило своего количественного значения (имеет место частичная десемантизация) и реализует количественный смысл «временной период с 9:00 до 17:00, равный 8-ми часам», фразеологизм выступает средством интерпретации такой количественной характеристики как продолжительность рабочего дня. Его количественная семантика – языковой механизм интерпретации – позволяет осмыслять количество как точное и дискретное. В данном случае происходит профилирование в содержании концепта QUANTITY базовой характеристики ‘дискретность’, и фокусирование на ее фоне частной характеристики ‘длительность’/‘продолжительность’. В следствие влияния экстралингвистических факторов, связанных со знанием социокультурных составляющих жизнедеятельности западных лингвокультурных сообществ, в результате действия когнитивного механизма фокусирования в общей или индивидуальной концептуальных системах представителей англосаксонской лингвокультуры происходит актуализация содержательных характеристик других концептов, связанных с интерпретацией качественных характеристик такой работы: определенного типа рабочей среды (работа офисного служащего), должности с предсказуемым,

стабильным/рутинным графиком и пр. (проблемы языковой интерпретации *качественных* характеристик мира не попадают в фокус авторского внимания).

Фразеологизм *(a) daily* ***dozen***, содержащий квантификатор, выраженный счетным существительным dozen (= twelve [CD]), является средством вторичной номинации ежедневных физических упражнений: daily dozen – physical exercise done every day; gymnastic exercises [IP]. Изначально номинация использовалась по отношению к комплексу из 12 гимнастических упражнений, разработанных футбольным тренером Йельского университета У. Кэмпом (W. Camp) во время Первой мировой войны для поддержания физической формы солдат; эти 12 упражнений рекомендовалось выполнять в течение 10-15 минут трижды в день для укрепления мышц и улучшения нейромышечных связей. Учитывая этимологические составляющие, можно предположить, что в сознании современных представителей англосаксонской лингвокультуры данный фразеологизм в силу частичной десемантизации количественной семантики счетного существительного dozen задействован в языковой интерпретации такой количественной характеристики как число физических упражнений, направленных на общее укрепление и оздоровление. При этом сегодня, спустя век, их количество не обязательно интерпретируется как точное, равное двенадцати, а, скорее, как приблизительное, примерное. Языковая интерпретация количества в данном случае обусловлена актуализацией в содержании концепта QUANTITY частных концептуальных характеристик ‘суммарность’, ‘длительность’ и ‘приблизительность’ на фоне базовой характеристики ‘дискретность’, которая выделяется в содержании концепта QUANTITY в результате действия когнитивного механизма профилирования.

В целом, результаты анализа фразеологизмов с компонентом-квантификатором свидетельствуют, что в их значении (после фразеологизации) количественная семантика частично сохраняется. Несмотря на частичную десемантизацию этот языковой механизм оказывается задействованным в интерпретации дискретных количественных характеристик явлений действительности как точных или неточных в квантитативном выражении. Последнее обеспечивается когнитивными механизмами профилирования и фокусирования. В содержании концепта QUANTITY первый обеспечивает актуализацию базовой концептуальной характеристики ‘дискретность’, а второй – ряда частных концептуальных характеристик уточняющего толка. Под влиянием экстралингвистических факторов – социокультурных – фокусирование «высвечивает» содержательные характеристики других концептов в национальной англосаксонской концептуальной системе, которые связаны с интерпретацией качественных сторон номинируемого фразеологизмом явления).

Таким образом, процесс первичной интерпретации количества фразеологическими средствами английского языка связан с разными способами конфигурирования и структурирования концептуального содержания QUANTITY и смежных

концептов в концептуальной системе представителей англосаксонской лингвокультуры.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ИД ЯСК, 2019.

Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5-15.

Болдырев Н.Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5-19.

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

Долгова Е.В. Фразеологические единицы английского языка как модели репрезентации знаний о человеке: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2020.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Степаненко С.Н. Интерпретация количества: когнитивные и языковые аспекты (на примере синтаксических средств английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 128-133.

Федяева Е.В. Количественная интерпретация качества в языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.

Шевченко В.В. Символика и значения числовых компонентов в английских фразеологических единицах: дис. … канд. филол. наук. М., 2001.

Besedina N.A. Interpretation and Morphology: a Cognitive Perspective // Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. Pp. 20-28.

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/

DoAI – Dictionary of American Idioms. URL: https://idioms.en-academic.com

IP – Idioms Proverbs. URL: https://www.proverbmeaning.com/

Stepanenko S.N., Perelygina T.A. Multi-Level Conceptualization of Quantity in Modern English // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 83. Pp. 660-671.

Stepanenko S.N., Fedotova O.V. Quantity Interpretation in the English Language // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2022. № 3. Pp. 75-84.

S. N. Stepanenko *(Belgorod, Russia)*

Belgorod State National Research University

ROLE OF SECONDARY NOMINATION MEANS IN THE PRIMARY INTERPRETATION OF QUANTITY

The object of the author's attention in the work is the peculiarities of the primary language interpretation of the quantitative characteristics of the surrounding world phenomena by means of the English phraseological units with quantitative semantics, represented by the fixed combinations with a partially desemantized quantifiers, expressed by cardinal numerals and count nouns.

Key words: (primary) language interpretation, QUANTITY concept, quantitative sense, language mechanism, cognitive mechanism, partial desemantization

Е. Д. Столяр *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
lenlen1@yandex.ru

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ АППРОКСИМАЦИИ ОЦЕНКИ

В предлагаемой статье в рамках когнитивного подхода описываются основные когнитивные и языковые механизмы, которые используются для выражения смысла аппроксимации в оценочном высказывании. При этом учитывается специфика категории аппроксимации в ее сочетании с категорией оценки. Результат наложения этих сложных ментальных структур на когнитивном уровне проявляется в языке в виде аппроксимативных оценочных суждений. Данная проблема не получала ранее достаточного описания в научной литературе и требует более детального изучения когнитивных процессов, лежащих в основе приблизительной оценочной номинации объекта действительности, что и составляет новизну работы.

Ключевые слова: категория аппроксимации, оценочная категория, оценочная шкала, языковые аппроксиматоры оценки

Цель данной статьи видится в выявлении и рассмотрении основных когнитивных процессов и языковых механизмов, которые лежат в основе выражения смысла приблизительности, неточности оценочного суждения. В связи с этим методология предлагаемого исследования определяется решением следующих целевых задач: раскрываются особенности строения категорий оценки и аппроксимации, определяется их когнитивная основа, уточняется специфика оценочной шкалы, поскольку она отражает общественную систему норм и оценок, и ее соответствие предпочтениям индивида, а также выявляются наиболее используемые языковые средства объективации смысла приблизительности в оценочном суждении. Для более полного решения поставленной цели важно определить основные положения и понятия, используемые в работе.

Когнитивная парадигма исследования является наиболее оптимальной для решения поставленных задач и достижения результатов. Согласно данному подходу, язык является объективирующей системой для нашего концептуального уровня. Соответственно, опираясь на языковой материал, мы можем выявить особенности концептуального строения исследуемых категорий и определить их когнитивную основу. Взаимообусловленность когнитивного и языкового уровней определяет порождение высказываний, в том числе оценочного характера. Эти положения очень важны, так как позволяют рассматривать язык не как замкнутую систему, а учитывать роль человека при построении высказывания. Далее рассмотрим особенности строения и специфику оценочной категории и категории аппроксимации.

Так, оценочная категория представляет собой сложное ментальное образование, которое обладает динамическим аспектом, т.е. предполагает соотнесение предмета оценки с традиционной системой норм, правил и устоев конкретного социума, и статическим аспектом, который проявляется в наличии оценочных классов, категорий в сознании человека [Болдырев 2005].

Важно отметить, что когнитивную основу оценочной категории составляет соответствующий оценочный концепт. При этом он является минимальной единицей уровня ментальных репрезентаций и напрямую связан с внутренним ценностным миром человека [Гаврилова 2005]. Оценочные категории обладают очень гибким и изменчивым строением, раскрыть которое становится возможным только на функциональном уровне при оценке объекта или явления действительности, т.е. когда объект получает соответствующую оценочную номинацию. При этом структура оценочной категории определяется структурой той категории, которая объективирует объект оценки, ее существенными характеристиками и их сопоставлением с системой ценностей самого человека. Вне объекта оценочная категория не является информативной структурой. Она лишь может быть соотнесена с оценочной шкалой, которая представляет собой весьма сложную структуру, в которой находят отражение как субъективная, так и объективная стороны оценки [Вольф 1985; Арутюнова 1999].

Как один из структурных элементов языковой категории оценки, оценочная шкала напрямую связана со сравнением. Нельзя не согласиться с тем, что оценка, как правило, предполагает сравнение. Это означает, что в оценочном акте человек соотносит имеющиеся у него эталоны, нормативные представления с реальным положением вещей в мире, объектами. Результат подобного соотнесения проявляется в речи в виде оценочной номинации.

Однако оценка объекта действительности может не в полной мере совпадать с центральными, существенными характеристиками определяемого, т.е. с его ментальным прототипом, а также с системой ценностей человека. В этом случае при языковой объективации действительности используются средства аппроксимации, которые выступают как маркеры определенного способа мышления и категоризации мира. Различные языковые средства аппроксимации объединяются языковой категорией аппроксимации.

Аппроксимация представляет собой определенный способ восприятия действительности, который проявляется в способности переключаться от одной структуры знания к другой. Иначе говоря, аппроксимация – это профилирование, при котором выделяется фигура и определяется фон [Болдырев, Дубовицкая 2006]. При этом фигурой выступает профилируемый признак (absolutely *nice,* almost *good etc.*). Как отмечает Н.Н. Болдырев, формирование самого смысла приблизительности, схожести, но не идентичности на когнитивном уровне обеспечивается механизмом профилирования [Там же].

Структура категории аппроксимации является сложной и изменчивой. Когнитивная основа – соответствующий концепт, который определяет структурные особенности данной категории и ее информативную наполненность. Последняя проявляется, главным образом, при языковой объективации действительности. Категория аппроксимации, как и оценочная категория, соотносится с оценочной шкалой. Однако в ее основе лежит не общественная или индивидуальная система мнений, оценок, предпочтений человека. Данная шкала определяется параметризацией отношений между реальным миром и идеальным миром, созданным в со-

знании человека. Другими словами, при помощи аппроксиматоров устанавливается степень соответствия/несоответствия реальности и идеализированной картины мира человека.

Соответственно, категория оценки и категория аппроксимации сходны по своей структуре и информативной наполняемости. Обе категории формируются, приобретают конкретную структуру и содержание лишь при соотнесении с другой структурой, которая имеет более четкие информативные границы и структурные элементы. К подобным, как правило, относятся прототипические ментальные образования, которые концептуализируют реальные объекты и явления действительности. Иначе, можно сказать, что обе категории представляют собой особый способ интерпретации действительности и категоризации окружающего мира. При этом они обладают схожей спецификой, которая заключается в зависимом характере данных категорий от оцениваемых объектов. Нельзя сказать, что категории оценки и аппроксимации являются полностью пустыми, неинформативными вне объекта оценки. Однако они могут быть рассмотрены как категории-контейнеры, которые наполняются конкретным содержанием лишь в языке.

Важно отметить сложность ментальных операций при наложении этих структур. При этом происходит переконцептуализация ментального пространства в сознании человека. Исходной точкой в этом процессе является структура, репрезентирующая реальные объекты и предметы действительности, – *the concert was almost magnificent.* Далее формирование положительного оценочного смысла определяется семантикой оценочного прилагательного *magnificent* в сочетании с семантикой существительного *the concert.* Однако употребление наречия-аппроксиматора *almost* указывает на то, что сформированный положительный оценочный смысл словосочетания *the magnificent concert* не в полной мере соответствует представлениям говорящего о *прекрасном концерте*. В актуализируемом значении не все оценочные характеристики, реализуемые через прилагательное *magnificent,* соотносятся с центральными, существенными характеристиками определяемого. В этом случае при порождении оценочного высказывания и для адекватного представления отношения говорящего к реальному положению дел используется аппроксиматор *almost.* Семантика последнего раскрывает количественный признак (градацию) качества (*almost magnificent*). Так, происходит наложение или взаимодействие трех структур: оцениваемой, оценочной и параметрической, что и способствует порождению приблизительности, неточности в оценке.

На языковом уровне приблизительность в оценочном суждении определяется действием механизма номинации, который реализуется через определенные языковые средства. К последним можно отнести наречия-аппроксиматоры (*almost, nearly, about …*), сравнительные конструкции (*not as good / bad as, not so good / bad*), а также использование отрицания *not* в составе составного именного сказуемого, что указывает на тот факт, что подлежащая оценке характеристика не в полной мере соотносится со стереотипными или индивидуальными представлениями человека об объекте оценки. Например

Barbara is *not as good as* Lucy [BNC].

Ms.Reevers says: "*Crime* is *bad enough*" [BNC].

'She'll make *not a bad actress*, if she gets the right training' [Orde 1986: 53].

Итак, было выяснено, что категории оценки и аппроксимации обладают сложной и изменчивой структурой и могут быть рассмотрены как категории-контейнеры, которые получают конкретную информативную наполняемость лишь при языковой объективации, т.е. в момент соотнесения с конкретным объектом действительности. При этом когнитивную основу данных категорий составляют соответствующие единицы уровня ментальных репрезентаций – концепты. Одним из структурных элементов языковой категории оценки, играющим значительную роль в формировании оценочного смысла, является оценочная шкала. Она отображает соответствие/несоответствие оценки реальному положению вещей и системе норм и оценок самого человека. Для того чтобы выразить неполное совпадение, на языковом уровне используется механизм номинации, реализуемый разноуровневыми средствами категории аппроксимации. Последние выражают количественные отношения, что важно для формирования смысла приблизительности относительно качественного признака, репрезентируемого, как правило, оценочным прилагательным.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов, посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16-40.

Болдырев Н.Н., Дубовицкая Е.Ю. Когнитивные механизмы формирования смысла «приблизительность» (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 55-60.

Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106.

Гаврилова Е.Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

BNC – British National Corpus. URL: http://thetis.bl./lookup.html

Orde L. Heritage. London: Corgi Books, 1986.

E. D. Stolyar *(Belgorod, Russia)*

Belgorod State National Research University

METHODS OF LINGUISTIC APPROXIMATION IN THE EVALUATIVE STATEMENT

The objective of this paper is to reveal the basic problems connected with the study of the linguistic means that are used to express the meaning of approximation in an evaluative statement. Great attention is also attached to the description of the specifics of the approximation category in relation with the evaluation category. The result of the superposition of these complex mental structures at the cognitive level is manifested in language in the form of approximative evaluative constructions. The problem under discussion has not previously received sufficient description in the scientific literature, which is the novelty of the work.

Key words: approximation category, evaluation category, evaluation scale, evaluation language approximators

П. Е. Топорков *(Калуга, Россия)*
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ptoporkovnewnew@yandex.ru

КВАНТОРНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИДЕИ МНОЖЕСТВА

В работе рассмотрены кванторные местоимения (каждый, всякий, другой) как средства концептуализации множества в русском языке. Анализируется, как выбор местоимения задаёт логику исчисления элементов (дистрибутивную или совокупную), определяет границы событий и статус объектов. Особое внимание уделяется взаимодействию кванторных значений с оценочными предикатами и денотативными характеристиками, а также их прагматической окраске (позитивной/негативной) в дискурсе. Работа демонстрирует, что кванторные местоимения не только отражают количественные отношения, но также несут значительную концептуальную и оценочную нагрузку.

Ключевые слова: местоимения, кванторные местоимения, прагматика, оценка, концептуализация

Специфика семантики и референции кванторных местоимений рассмотрена в значительном объёме работ, в том числе академической и корпусной грамматиках [Русская грамматика 1980], в ряде работ отечественных [Шелякин 1978; Падучева 1985; Ивлиева 2011; Зализняк, Падучева 2020; и мн. др.] и зарубежных исследователей [Keenan, Stavi 1986; Partee 1995; Haspelmath 1997; Szabolcsi 2010 и др.]

Цель нашего исследования – выявить и описать механизмы, с помощью которых кванторные местоимения участвуют в концептуализации идеи множества, организуют событийные рамки и выражают оценку в русском языке.

Основные задачи исследования:

1. Проанализировать, как кванторные местоимения задают логику исчисления элементов (дистрибутивную или совокупную) и определяют границы включённых событий.

2. Исследовать взаимодействие кванторных местоимений с оценочными именами и предикатами, выявить ограничения на их сочетаемость.

3. Определить характер оценочной (позитивной/ негативной) окраски, присущей различным кванторным местоимениям (каждый, всякий, другой), и её связь с денотативным статусом и дискурсивными практиками.

Кванторные значения общности, опирающиеся на представление об элементе/множестве (*другой, каждый*…), порождаются мыслительной процедурой *вычленения* элемента. Сам характер такого вычленения связан со статусными (в широком смысле) характеристиками вычленяемого объекта – т.е. а) денотативно обусловлен; б) контекстуально обусловлен.

В частности, например, возможен сдвиг от логики исчисления элементов к логике дистрибуции: *У него было* ***несколько жён*** *(т.е. одна за другой) – В мужской комнате на шестьдесят кроватей приходилось восемьдесят жильцов, из них* ***несколько жен*** *рабочих с детьми* (Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы. 2008), также ср.: *Хотя, с другой стороны, он помнил и о древних пророках. Даже Иаков имел* ***несколько жен*** (Ге-

ласимов А. Фокс Малдер похож на свинью, 2001) (одновременно, т.е. статусно идентичные элементы одного события), аналогично с дистрибутивным характером квантора общности: *В следующие ночи костер видели* ***другие жены*** **офицеров**… (У нас была Великая Эпоха, 1987); также: *Каждая следующая жена – хуже предыдущей* (https://vk.com/topic-17959988_23280709) с невозможностью опустить «индикатор» нового событийного плана, ср.: **Каждая жена хуже предыдущей*.

Также см.: *Я ведь не как* ***другие жены****, – ласково сказала она и поцеловала меня в голову, — иногда прямо измучаешься, все думаешь, думаешь, чтобы не перетратить твою лишнюю копейку…* (Бухов А.С. Анисьин муж, 1915): описаны объекты разных множеств (другие жёны – т.е. каждая из них является женой отдельного мужчины).

Таким образом, кванторное местоимение задаёт логику исчисления и границы включённых событий.

Кроме того, кванторное местоимение задаёт границы общности (например, парные парадигматические отношения внутри более обширного множества): *Не изменяя положения, черепаха принялась за кладку яиц. У заднепроходного отверстия показывается яйцо. Черепаха подхватывает его плюсной задней лапой и спускает лапы на дно гнезда.* ***Другая*** *лапа подхватывает следующее яйцо и так далее, до конца кладки* (https://zoogalaktika.ru/facts/zapiski/zemlekopyi-i-saperyi). *Другая* = парная с данной; *У ней появился* ***другой*** *любовник или кандидат в любовники и она вам выписала полную отставку* (https://www.kalmov.ru/2020/04/kniga-sovetov-trista-devyatyy-vypusk.html?m=1). Вероятно, предполагается наличие двух любовников (но не трёх и не десяти), и тогда *другой ~ новый* в антонимической паре.

Также отметим, что оценочные предикаты не могут быть представлены (или не имеют, по крайней мере, такой устойчивой тенденции) как элементы кванторных множеств: *Не стесняй его, Степа, – сказал* ***другой дурак*** *этому, – он тоже гений* (Петкевич Ю. Явление ангела, 2001); *На кривых ногах пять верст дальше! – отвечает Карась, пускает в него комом грязи и удаляется опять в класс. Подходит к нему* ***другой дурак****, Зябуня. Карасик, – говорит он ласково* (Помяловский Н.Г. Очерки бурсы, 1862). Оценочное имя сближается с цитатным употреблением в духе [Вежбицкая 1982], приобретая оценочно-характеризующее значение, также ср.: *Ты тут, драный козел, твою перепечу! А где другая сволочь? На месте стоит!* (Чапыгин А.П. Разин Степан, 1927); *Обругает какая-нибудь сволочь – рана.* ***Другая*** *сволочь похвалит — еще рана. Душу вложишь, сердце свое вложишь – сожрут и душу, и сердце* (Вирабов И.Н. Андрей Вознесенский, 2015), (другая – элемент неизвестного множества, другая сволочь ~ какой-либо иной + негативная оценка).

Примечание. Дополнительные ограничения присутствуют на оценочные имена-метафоры: **иной/ другой козёл, дуб, пень*…

Кванторные местоимения (в частности, неопределённые) по разному относятся к тексту, где они могут быть позитивно и негативно окрашены: местоимение *каждый* может быть окрашено позитивно (и, кроме того, задавать: а) модальные характеристики, например, долженствования; б) омодативные – в определённых

дискурсивных практиках воздействия), *всякий* – скорее негативно (Ср.: Ходят тут *всякие*…). Другие неопределённые местомения, как правило, не несут положительной оценки, но выражают скорее отрицательную, особенно по отношению к лицам, что косвенно связано с самим денотативным статусом замещаемого объекта как неопределённого, т.е. лишенного артикулированных ценностных свойств. В целом, омодативный (дискурсивно-моделирующий) характер прагматики свойственен большинству кванторных местоимений (*Каждый может/ должен…, Все это знают;* также: *мясо на ужин любой съест* [https://otvet.mail.ru/question/90089460] и т.д.; даже личным: *Мы сыты, Вы такие наивные, Они так полагают* и т.д. – значит ли это, что каждому из множества можно приписать указанный предикат? Высказывание предполагает точку зрения, но не «множество зрения»).

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Кванторные местоимения (другой, каждый) являются операторами, которые не только обозначают количество, но и задают специфическую логику исчисления элементов множества — дистрибутивную (последовательное рассмотрение) или совокупную. Эта логика непосредственно определяет границы событийного плана (ср. «несколько жён» как последовательность или как группа).

2. Сочетаемость кванторных местоимений с оценочными именами (дурак, сволочь) ограничена. В таких контекстах местоимение теряет чёткую кванторно-множественную семантику, приобретая характеризующее значение («какой-то иной + оценка»), что сближает его с цитатным употреблением.

3. Кванторные местоимения обладают устойчивой оценочной коннотацией: каждый чаще несёт позитивную или нейтрально-обобщающую семантическую нагрузку, связанную с модальностью долженствования, тогда как всякий и другие неопределённые местоимения в отношении лиц регулярно получают негативную окраску, что связано с денотативной неопределённостью и «лишённостью» определённых (ценных) свойств у обозначаемых объектов.

Литература

Зализняк А.А., Падучева Е.В. Русское адъективное местоимение всякий: семантика и идиоматика // Вопросы языкознания. 2020. № 1. С. 7-26.

Ивлиева Н.В. Каждый может быть ленивым // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7, № 3. С. 79-81.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука,1980.

Русская корпусная грамматика. URL: rusgram.ru

Шелякин А.М. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке // Ученые записки Тартуского университета. 1978. Вып. 442. С. 3-22.

Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, *1997.*

Keenan E.L., Stavi J. A Semantic Characterization of Natural Language Determiners // Linguistics and Philosophy. 1986. 9 (3). Pp. 253-326.

Partee B.H. Quantificational Structures and Compositionality // Quantification in Natural Languages / ed. by E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B.H. Partee. Vol. 2. 1995. Pp. 541-601.

Szabolcsi A. Quantification. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

P. Ye. Toporkov *(Kaluga, Russia)*
Tsiolkovsky Kaluga State University

QUANTIFIER PRONOUNS AND ISSUES OF CONCEPTUALIZING THE IDEA OF A SET

The paper examines quantifier pronouns (*каждый, всякий, другой*) as means of conceptualizing a set in the Russian language. The analysis focuses on how the choice of pronoun establishes the logic for counting elements (distributive or collective), defines event boundaries, and determines the status of objects. Special attention is paid to the interaction of quantifier meanings with evaluative predicates and denotative characteristics, as well as their pragmatic coloring (positive/negative) in discourse. The study demonstrates that quantifier pronouns not only reflect quantitative relations but also carry significant conceptual and evaluative load.

Key words: pronouns, quantifier pronouns, pragmatics, evaluation, conceptualization

О. В. Федотова *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
fedotova@bsuedu.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИТУАЦИИ ПРИКОСНОВЕНИЯ АНГЛИЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ, НЕ ИМЕЮЩИМИ ЗНАЧЕНИЯ ПРИКОСНОВЕНИЯ НА СИСТЕМНОМ УРОВНЕ

Целью данной статьи является рассмотрение языковой репрезентации ситуации прикосновения глаголами, не имеющими значения прикосновения на системном уровне, которая осуществляется через механизм вторичной интерпретации, в рамках этого процесса происходит взаимодействие концептуальных областей ПРИКОСНОВЕНИЕ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ в рамках единой когнитивной матрицы, где ПРИКОСНОВЕНИЕ выступает как область-мишень, а МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ как область-источник.

Ключевые слова: интерпретация, вторичная интерпретация, глагольная интерпретация, глаголы прикосновения, перекатегоризация, когнитивная область, ситуация прикосновения

Согласно когнитивной теории, человек не отражает окружающую его действительность, как она есть, а конструирует её в своем сознании сквозь призму личного и языкового опыта. Другими словами, каждый человек по-своему интерпретирует мир, используя определенные когнитивные модели и механизмы и опираясь на определенные структуры знания, что находит отражение в его языковой деятельности. С помощью такого процесса, как интерпретация, «человек дает свою оценку событию через выбор определенного глагола, посредством которого оно интерпретируется» [Болдырев 2014а]. «Уникальность глагольной семантики заключается в том, что глагол называет и сам тип действия, и предопределяет возможность его участников» [Долинина 1989].

Ситуация прикосновения, как правило, описывается с использованием глаголов прикосновения, т.е. глаголов, имеющих значение прикосновения на системном уровне (например, *touch, dab, finger, grab* и т.д.): *If you* ***touch*** *something, you put your hand onto it in order to feel it or to make contact with it* [CED]; *If you* ***dab*** *something, you touch it several times using quick, light movements* [CED]; *If you* **finger** *something, you touch or feel it with your fingers* [CED].

Однако, глаголы, не имеющие системного значения прикосновения, приобретают способность описывать ситуацию прикосновения в результате вторичной интерпретации, которую Н.Н. Болдырев определяет как когнитивный процесс и функцию языка, направленную на осмысление и репрезентацию уже имеющихся коллективных знаний о мире [Болдырев 2014б; 2016]. «Когнитивным основанием интерпретации является одновременная активация двух концептуальных областей, одна из которых − область интерпретируемого знания или область-мишень интерпретации, вторая – область интерпретирующего знания или область-источник интерпретации» [Болдырев 2013]. Рассмотрим случаи интерпретации ситуации прикосновения глаголами, не имеющими системного значения прикосновения.

Глагол ***be*** не имеет в своей словарной дефиниции указания на действие прикосновения, поскольку принадлежит группе экзистенциональных глаголов, однако способен интерпретировать ситуацию прикосновения через статичное положение рук относительно объекта прикосновения:

*(1) Then both her arms **were** round his waist as if she wanted to crush his ribs* [BNC];

*(2) … despite the fact that Maria's arms **were** around his neck., …* [BNC].

В приведенных примерах вместо глагола с системным значением прикосновения (например, глагола ***hug***) используется экзистенциональный глагол ***be***, который в данных контекстах обозначает положение частей тела субъекта прикосновения, поскольку в его дефиниции есть указание на местоположение *(You use **be** to introduce more information about the subject, such as its identity, nature, qualities, or position* – CED*).* За счет общего компонента «место/position» происходит взаимодействие двух концептуальных областей ПРИКОСНОВЕНИЕ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ в рамках единой концептуальной матрицы, что обусловливает вторичную интерпретацию глагола ***be,*** который приобретает значение «обнимать» и, таким образом, интерпретирует ситуацию прикосновения.

Взаимодействие тех же концептуальных областей, ПРИКОСНОВЕНИЕ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, объясняет возможность глаголов, таких как ***put, hide, place*** *и др.,* интерпретировать ситуацию прикосновения. В дефинициях этих глаголов так же можно проследить наличие компонента «место/place/position» *(When you **put** something in a particular place or position, you move it into that place or position – CED; If you **hide** something or someone, you put them in a place where they cannot easily be seen or found – CED; If you **place** something somewhere, you put it in a particular position, especially in a careful, firm, or deliberate way – CED).*

Ситуация прикосновения может быть описана при помощи глагола ***put***, который начинает интерпретировать ситуацию не как просто положение объекта в пространстве, а как физический контакт, прикосновение, что обусловлено ближайшим контекстом, т.е. использованием лексических единиц, обозначающих части тела:

*(3) She **put** one hand on Carlie's back* [BNC];

*(4) The older woman … **put** her arms around the shaking shoulders* [BNC];

*(5) She **put** her face in her hands for a second* [BNC];

*(6) He **put** his face in her hands, seeking comfort* [BNC].

Ситуации, аналогичные ситуациям, описываемым в контекстах 5,6, могут быть интерпретированы глаголом ***hide,*** что объясняется указанием в его дефиниции на компонент «место/place/position», объединяющий концептуальные области ПРИКОСНОВЕНИЕ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ *(If you **hide** something or someone, you put them in a place where they cannot easily be seen or found* – CED*).*

Глагол ***hide*** приобретает способность интерпретировать ситуацию прикосновения, где визуальное отсутствие объекта подчеркивает плотность тактильного контакта. В приведенных контекстах актуализируется компонент «место» *(her hands, her mass of hair, his shoulder)* и может быть интерпретирован как пространство, внутрь которого помещается субъект (или его часть), что усиливает ощущение физического контакта:

*(7) Mama **hid** her face in her hands* [BNC];

*(8) He **hid** his face in her mass of dark hair* [BNC];

*(9) Rory **hid** her face against his shoulder* [BNC].

В ситуациях, интерпретируемых глаголом ***place***, прикосновение осмысляется как помещение части тела субъекта прикосновения (т.е. «инструмента прикосновения») на поверхность объекта прикосновения:

(10) *The priest **placed** his hands on the child's head* [BNC];

*(11) She **placed** a hand on his arm to restrain him* [BNC].

Дефиниция глагола ***plant*** *(When you **plant** a seed, plant, or young tree, you put it into the ground so that it will grow there* – CED*)* не содержит указания на действие прикосновения, однако в определенных контекстах этот глагол может интерпретировать ситуации прикосновения:

*(12) She **planted** a swift kiss on Alex's cheek* [BNC];

*(13) He **planted** his hands firmly on the table and leaned forward* [BNC];

*(14) She **planted** a hand on his chest to keep him at a distance* [BNC].

Ближайший контекст *(a swift kiss, his hands, a hand on his chest)* позволяет глаголу ***plant*** интерпретировать ситуацию прикосновения. Дальнейший анализ показывает, что ситуация прикосновения может быть интерпретирована как быстрое и точное прикосновение губами (12); либо как твердое, решительное прикосновение с целью опоры (13) или преграды (14).

На основании данных толкового словаря глагол ***have*** следует отнести к глаголам обладания *(to have – to own, hold or possess something* – OALD*).* В его дефиниции нет указания на действие прикосновения или компонент «место/place/position». Однако, в определенных ситуациях глагол ***have*** приобретает способность интерпретации ситуации прикосновения, что объясняется наличием в ближайшем контексте лексических единиц, обозначающих часть или части тела человека и указывающих на «место прикосновения»:

*(15) He **had** a hand on her shoulder…* [BNC].

*(16) Peggy **had** her arms around the elderly woman now* [BNC];

*(17) She **had** her fingers on the cool glass* [BNC].

Глагол ***have*** способен интерпретировать ситуацию прикосновения, как тактильный контакт (15, 16), либо как соприкосновение пальцев с какой-либо поверхностью, например, стакана (17). На перекатегоризацию глагола ***have*** влияет ближайший контекст, а именно – лексические единицы, номинирующие части тела *(hand, arms, fingers)*.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что способность глаголов, не имеющих значения прикосновения на системном уровне, таких как *be, place, put, hide, plant, have* и др. становится возможной в результате вторичной интерпретации, обусловленной взаимодействием концептуальных областей ПРИКОСНОВЕНИЕ и МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, где МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ выступает в роли области-источника интерпретации прикосновения, а ПРИКОСНОВЕНИЕ – в роли области-мишени интерпретации прикосновения. Процесс их взаимодействия приводит к формированию новых смыслов, где физическое нахождение объекта в пространстве интерпретируется, как определенного рода прикосновение.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5-12.

Болдырев Н.Н., Логина Т.В. Роль акциональных глаголов со значением межличностного взаимодействия в оценочной интерпретации событий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014а. № 3. С. 5-9.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка как проявление его антропоцентрической природы // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций. Москва; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2014б. С. 53-57.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л.: Наука, 1989.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/

CED − Collins English Dictionary URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordleamersdictionaries.com/definition/english/

O. V. Fedotova *(Belgorod, Russia)*

Belgorod State National Research University

INTERPRETATION OF TOUCH SITUATIONS BY ENGLISH VERBS LACKING SYSTEMIC MEANING OF TOUCH

The article aims to examine the linguistic representation of the situation of touch by English verbs that lack a systemic-level meaning of touch. This representation is realized via the mechanism of secondary interpretation, involving the interaction of the conceptual domains TOUCH and POSITION within a unified cognitive matrix, where TOUCH functions as the target domain as POSITION functions as the source domain.

Key words: interpretation, secondary interpretation, verbal interpretation, verbs of touch, recategorization, conceptual domain, situation of touch

Л. А. Фурс *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА СОБЫТИЯ

В статье рассматривается роль фреймового анализа в формировании оценочного знания. С опорой на фреймовую модель события «government shutdown» были установлены когнитивные стратегии, лежащие в основе оценочных процессов. К ним относятся такие стратегии, как «выдвижение причинно-следственных отношений», «подмена понятий», «сдвиг фокуса внимания на каузатора события» и «дисбаланс целей».

Ключевые слова: фрейм, фреймовый анализ, когнитивная стратегия, оценка, событие

С развитием когнитивного подхода в фокусе внимания исследователей находится взаимодействие когнитивных и языковых структур в процессах изучения языковых явлений. Фрейм как «структура данных для представления стереотипных ситуаций» [Minsky 1980] является единицей когнитивного уровня. Характерно, что анализ различных фактов действительности с опорой на фрейм позволяет не только раскрыть их сущностную природу, но и также оказать, как формируется оценочное знание о различных событиях. Цель данного исследования – изучение роли фреймового анализа в формировании оценки о событии реального мира. В качестве объекта исследования выступают средства репрезентации широко обсуждаемого в англоязычных новостных изданиях события «government shutdown». Материалом исследования послужили высказывания участников известного в США ток-шоу Face the Nation (https://www.cbsnews.com/news/face-the-nation-full-transcript-10-12-2025).

Концептуальная основа события «government shutdown» установлена с помощью концептуально-дефиниционного анализа лексемы *shutdown* (the act or process of ending the operations of a business, system, industry, etc., either temporarily or permanently [CD]). Она включает такие концептуальные характеристики, как «прекращение работы» и «временная или постоянная остановка деятельности», проецируемые на функции правительства. На этой концептуальной основе моделируется структура фрейма события «government shutdown»: объект, который прекращает работу; каузатор прекращения работы объекта; длительность прекращения работы объекта. С учетом этих данных проанализируем высказывания вице-президента США Дж. Вэнса, представителя республиканской партии, и сенатора от демократической партии К. Мерфи, обсуждавших проблему прекращения работы правительства страны. При этом интерес представляет выявление стратегий формирования оценочного знания об этом событии. Отметим, что стратегии относятся к процедурному знанию (знанию «как»), и их описание позволяет определить когнитивную основу формирования оценки (подробнее о процедурном знании см.: [Фурс 2018]). Фактологический анализ дает основание выделить следующие когнитивные стратегии:

(1) выдвижение причинно-следственных отношений

Данная стратегия предполагает выдвижение на первый план факультативных характеристик события, таких как причина и следствие. За счет переклю-

чения внимания на эти характеристики значимость базовых характеристик снижается:

But, unfortunately, in an environment where we're dealing with limited resources, where the government is shut down, we've got to move some things around. And in that moving thing around, ***there is some chaos, there is some unpredictability****, but we're trying to do everything that we can with the –* ***the hand of cards that Chuck Schumer and the Democrats have dealt us*** (Vance J.D.).

В фокусе внимания говорящего находятся не базовые концептуальные характеристики события, а его следствие (*chaos, unpredictability*) и причина. При этом указывается конкретный каузатор этого события – демократическая партия, выступающая в оппозиции действующему президенту. Более того, и негативные последствия этого события, по мнению Дж. Вэнса, находятся в зоне ответственности демократов. Снятие ответственности за кризис с республиканцев подчеркивается метафорически. Областью-источником для метафорического переноса выступает знание о том, как раздаются карты в карточной игре, и игрок, получивший карты, просто вынужден играть в таких условиях. Тем самым акцентируется распределение ответственности за кризис с правительством. Именно Ч. Шумер и демократы инициировали этот кризис, а республиканцы вынуждены искать способ его решения.

(2) подмена понятий

Эта когнитивная стратегия активизируется в случае, когда вместо фрейма одного события в фокус внимания выдвигается фрейм другого события:

We don't negotiate with a person who has ***taken the entire federal government hostage*** *over a health care policy dispute* (Vance J.D.).

Дж. Вэнс сравнивает все действия демократов по прекращению работы правительства с захватом заложников с целью оказания давления на президента, чтобы начать обсуждение выгодной для демократов повестки по медицинскому страхованию. За счет активизации фрейма «захват заложников» не только выражается критика демократов, но и имплицитно дается оценка их действий как нарушающих нормы права и морали.

Данная когнитивная стратегия характерна и для представителей демократической партии:

Well, because there's no negotiations happening right now because ***Republicans are boycotting those negotiations*** (Murphy Ch.).

К. Мерфи сравнивает отказ от обсуждения выгодной для демократов повестки с бойкотированием их требований. В результате акцент ставится на борьбе за собственные интересы вместо стремления решить возникшую проблему.

They are boycotting negotiations to reopen the government *because they are desperate to raise premiums on people on this country by 75 percent in order to finance their tax cut for the wealthy* (Murphy Ch.).

Этот пример также демонстрирует стратегию подмены понятий, так как вместо обсуждения возможного решения по началу работы правительства демократы навязывают обсуждение программы медицинского страхования, обвиняя респуб-

ликанцев в бойкотировании их повестки дня. Следует отметить, что, выдвигая этот вопрос на обсуждение, демократы надеются привлечь на свою сторону больше избирателей на промежуточных выборах в сенат.

(3) сдвиг фокуса внимания на каузатора события

В ходе активизации данной стратегии создается дисбаланс в оценочных фокусах. Вместо того, чтобы акцентировать важность поиска решения и выхода из сложившейся ситуации, участники ток-шоу обвиняют друг друга в остановке работы правительства:

We are dealing with a ***terrible, chaotic situation*** *because* ***Chuck Schumer and a few far left Democrats decided to shut down the government*** (Vance J.D.).

За счет семантики глагола *to decide* (to choose something, especially after thinking carefully about several possibilities [CD]) подчеркивается продуманный характер действий демократов с целью достижения желаемого. Дж. Вэнс перекладывает вину за правительственный кризис и его последствия на демократическую партию, что подтверждается в ситуативном контексте (*terrible, chaotic*).

And I think it's important to remember that we didn't have a shutdown when Joe Biden was president. And the reason is, because ***they didn't play the kind of games that Republicans are playing*** (Murphy Ch.).

Сенатор К. Мерфи вину за созданный кризис возлагает на действующего президента США. За счет образной оценки, формируемой на основе метафорического переноса, в котором областью-источником выступает знание о формате игры, свойственной для избранного круга участников. Это знание проецируется на представителей республиканской партии. В результате создается ассоциация «если вы играете в такие игры, вы и принимаете на себя всю ответственность за создавшуюся ситуацию». Усиление этого оценочного фокуса достигается также и за счет ситуативного контекста, в котором противопоставляются стили управления страной действующего президента и предыдущего президента, представителя демократической партии.

(4) дисбаланс целей

Данная когнитивная стратегия указывает на нарушение связей между взаимодействующими силами. Тот факт, что две ведущие политические партии в стране не могут согласовать свои позиции в сенате по такому важному вопросу, как разрешение правительственного кризиса, свидетельствует о неэффективной работе законодательного органа страны. Например:

No, you – ***you cannot trust this administration*** (Murphy Ch.).

Данное высказывание репрезентирует дисбаланс целей участников ток-шоу. Основной темой организованного ток-шоу является обсуждение прекращения работы правительства и поиск путей решения этой кризисной ситуации. Однако представители демократической партии пытаются использовать создавшуюся ситуацию в собственных целях. Для них важнее критиковать своих оппонентов, обвиняя их в кризисе. Тем самым они пытаются привлечь на свою сторону всех недовольных сложившейся ситуацией как будущих избирателей на промежуточных выборах в сенат.

С аналогичной целью используется и следующее высказывание:

Well, I listened to the vice president, and ***he's just not living in reality*** (Murphy Ch.).

Обвиняя Дж. Вэнса в том, что он живет в нереальном мире, К. Мерфи подразумевает его неспособность к управлению страной. Это также свидетельствует о предвыборной риторике данного высказывания.

Таким образом, с опорой на фреймовую модель события «government shutdown» были установлены структуры оценочного знания, которые формируются в ходе активизации нескольких когнитивных стратегий. К ним относятся стратегии «выдвижение причинно-следственных отношений», «подмена понятий», «сдвиг фокуса внимания на каузатора события» и «дисбаланс целей». Данные стратегии представляют собой процедурное знание и функционируют как когнитивные операции по обработке информации в процессах познавательной деятельности человека.

Литература

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74-78.

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org

Face the Nation. October 12, 2025. URL: https://www.cbsnews.com/news/face-the-nation-full-transcript-10-12-2025

Minsky M. K-Lines: A Theory of Memory // Cognitive science. 1980. 4 (2). Pp. 117-133.

L. A. Furs *(Tambov, Russia)*

Derzhavin Tambov State University

FRAME ANALYSIS AND EVENT EVALUATION

The article examines the role of frame analysis in the formation of evaluative knowledge. Using a frame model of the “government shutdown” event, the cognitive strategies underlying evaluative processes are identified. Among them there are such strategies as “introducing cause-and-effect relationships”, “substituting concepts”, “shifting the focus to the causative agent”, and “goal imbalance”.

Key words: frame, frame analysis, cognitive strategy, evaluation, event

А. Б. Чернышев *(Москва, Россия)*

Российский государственный гуманитарный университет
alexeich_78@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СУАХИЛИ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Данная статья посвящена исследованию функционирования префикса *ma-* в языке суахили. Понятие категоризации применяется в отношении интеграции существительных суахили как класса, в связи с чем пятый и шестой классы описываются в своей смысловой целостности. Когнитивная модель выявляется при идентификации инвариантного значения языковой единицы и рассматривается в единстве с категорией как грамматическим классом предметов.

Ключевые слова: когнитивная модель, категория, концептуальный параметр, класс

Вопросам категоризации и когнитивного моделирования посвящено множество научных исследований. В условиях меняющегося мира, на фоне регулярных языковых изменений при обращении к новому языковому материалу эти вопросы по-прежнему требуют нового теоретического и практического осмысления. Настоящая статья посвящена особенностям функционирования префиксов имен существительных в таком малоизученном с теоретической точки зрения языке, как суахили, распространенном в географическом ареале Восточной Африки.

В рамках сложившейся современной лингвистической парадигмы понятия категоризации и когнитивного моделирования отнюдь не являются тождественными. Одна же из главных особенностей языка суахили в отношении существительных заключается в том, что данный разряд слов, игнорируя традиционное и привычное для большинства европейских языков понятие грамматического рода, оперирует делением на классы, уже отражающие вполне сложившиеся реалии мира, форманты знаний. При этом функторами, варьирующими классы, выступают не флексии, а префиксы – начальные элементы слова, определяющие не только форму самого существительного, но также и форму сказуемого и всех относящихся к существительному слов. Таким образом, существительное суахили представляет собой не просто лексико-грамматический класс, существительное как отдельная категория имеет ярко выраженный семантический характер. Как следствие, имеет место основание констатировать, что категоризация существительного суахили основана на концептуальной интеграции объектов. Всевозможные же случаи функционирования существительного того или иного класса в суахили актуализируют соответствующий ментальный образ.

Класс существительных в суахили, по аналогии с родом существительных в европейских языках, закономерно может рассматриваться в качестве категории как грамматической, так и концептуальной, основанной на фиксации опыта. И если под категорией понимать объединение объектов на основе общего концепта [Болдырев 2006: 6], под самой категоризацией – отнесение единиц знания к рубрикам опыта, обнаруживаемого в закономерностях, находящих свое отражение в языке [Болдырев 2019: 108], а под когнитивной моделью – схематизированный ментальный образ, повторяющийся во всех контекстуальных реализациях языковой единицы [Беляевская 2005: 5], то понятия категоризации и когнитивной модели окажутся очень близкими применительно к существительным суахили.

Из признанных в современном суахили восемнадцати классов существительных [Мячина 1960: 59] в рамках данной работы к анализу предлагается рассмотрение условно шестого класса. Данная «условность» объясняется тем, что классы существительных суахили представляют собой парный принцип деления, в основе которого лежит категория числа – единственного и множественного. Это означает, что шестой класс существительных является грамматически оппозиционным пятому классу по признаку множественности, но при этом аналогичным ему семантически. С точки же зрения словообразования, отличительным элементом шестого класса выступает префикс *ma-* как маркер множественного числа в оппозиции к

существительным пятого класса, характеризующимся нулевым префиксом. Вместе с тем маркер *ma-* является тем началом, интегрирующим обозначаемые им предметы в одной категории. Поэтому в рамках анализа шестой класс существительных обозначим как «пятый-шестой», категориальный признак которого традиционно усматривается в том, что предметы данного класса представляют собой круглую форму.

Имеющийся здесь, на наш взгляд, недостаток интерпретации предметов как круглых заключается в нескольких факторах. Во-первых, понятие круга относится не к чисто геометрическим формам, а к предметам, ассоциирующимся, как правило, с фруктами, а именно: *tunda* ‘фрукт’ – ***ma****tunda* ‘фрукты’, *chungwa* ‘апельсин’ – ***ma****chungwa* ‘апельсины’, *tufaha* ‘яблоко’ – ***ma****tufaha* ‘яблоки’, *nanasi* ‘ананас’ – ***ma****nanasi* ‘ананасы’, *chenza* ‘мандарин’ – ***ma****chenza* ‘мандарины’, *limau* ‘лимон’ – ***ma****limau* ‘лимоны’, *embe* ‘манго’ – ***ma****embe*, *papai* ‘папайя’ – ***ma****papai*, *tende* ‘финик’ – *matende* ‘финики’, *tikiti* ‘дыня’ – ***ma****tikiti* ‘дыни’. Во-вторых, относящиеся к пятому-шестому классу слова, такие как ***ma****cho* ‘глаза’, ***ma****ziwa* ‘озёра’ (с омонимом ‘молоко’) в большей степени являются не круглыми, а овоидными.

Данное противоречие может быть устранено посредством выявления когнитивной модели префиксального элемента *ma-*, одновременно уточняющей и категориальный признак интегрируемых предметов в один класс. Гипотезой о когнитивной модели функтора *ma-* является идея жизни, зарождающейся в материнской утробе, как раз напоминающей все ту же форму овоида. Неслучайно употребление начального элемента *ma-* отмечается в словах, выявляющих базовые концепты зарождения бытия, а именно: ***ma****ma* ‘мама, мать’, ***ma****ji* ‘вода’. Как следствие, предметы, обозначающие фрукты, попадают в категорию пятого-шестого класса не собственно в силу своей формы, а вследствие их ассоциации с созревающим плодом. Иными словами, «созревающий плод» может быть обозначен как первый концептуальный параметр когнитивной модели маркера *ma-*. Пример:

(1) *Bila kujali juhudi za Uingereza za kuwaweka watumwa, watumwa wengi walihamia kwenye maeneo ya visiwa, ambapo walipanda minazi, mikarafuu na miti ya* ***ma****tunda* [Fair 2013: 10]. (Перевод – Несмотря на усилия британцев сохранить рабов, многие рабы мигрировали на островные земли, где они сажали кокосы, гвоздики и фруктовые деревья).

Второй концептуальный параметр когнитивной модели аффикса *ma-* определяется как «органы человека, напоминающие форму утробы-овоида». К этим органам относятся, в частности, глаза, уши, живот (желудок), легкие. Примеры:

(2) *Inspekta Wingo akamwuliza Agnes hali anamtazama kwa* ***ma****cho* ***ma****kali* [Katalambulla 1968: 26]. (Перевод – Инспектор Винго расспросил Агнес о ситуации и пристально смотрит на нее).

То есть инспектор смотрит на допрашиваемую буквально «острыми глазами».

(3) *Hata, aliyeitumia kwa njia hii hakukumbuka jambo hili lakini tena uelewe wazi kuwa ule moshi wake kidogo tu ukiavuta, lazima* ***ma****pafu yatadhurika* [Katalambulla

1968: 59]. (Перевод – Даже тот, кто употреблял его таким образом, не помнил об этом, но опять же ясно понимал, что если вдохнуть хотя бы немного его дыма, легкие, скорее всего, будут повреждены).

Третьим концептуальным параметром когнитивной модели функтора *ma-* является «зарождение идеи». По аналогии с материальным зарождением, данный параметр представляет метафорический перенос на уровень восприятия зарождения чего-то абстрактного. Так, в частности, возникают концепты, идеи, мысли, проблемы (как сущности), слова и т.п. Примеры:

(4) *Inspekta Wingo akakumbuka jambo moja la* ***ma****ana* [Katalambulla 1968: 12]. (Перевод – Инспектор Винго вспомнил один ключевой момент).

Слово «ключевой», или «важный», используется в переводе, скорее, для художественной стройности предложения. Слово же *maana* в языке оригинала буквально означает «значение», «концепт», приобретая при этом абстрактный характер и соответствуя форме единственного числа существительного в русском языке.

(5) *Baada ya mawazo* ***ma****zito yaliyomaumbua usiku, Inspekta Wingo akaamua kwenda Rufita kufanya upelelezi zaidi* [Katalambulla 1968: 39]. (Перевод – После тяжелых мыслей, в которых он копался всю ночь, инспектор Винго решил отправиться в Руфиту, чтобы провести дальнейшее расследование).

В данном примере существительное в форме множественного числа с префиксом *ma-* ***ma****zito* имеет значение «идеи», «мысли».

(6) *Nayo ilikuwa fupi kidogo yenye* ***ma****neno ya kumtaka mzee Jacob afuatane na Kokona kwenda Nzega kwenye kazi yao* [Katalambulla 1968: 33]. (Перевод – Это было короткое письмо со словами о просьбе старика Джейкоба сопровождать Кокону в Нзегу во время их работы).

(7) *Alikuwa ana shaka kwa kuwa barua ilimwongezea* ***ma****tatizo* [Katalambulla 1968: 33]. (Перевод – Она отнеслась к этому с сомнением, поскольку письмо усугубило ее проблемы).

Анализ языкового материала в рамках объема данной статьи не претендует на исчерпывающую репрезентацию когнитивной модели исследуемого языкового знака. Тем не менее, он допускает возможность интерпретации значения, основываясь не исключительно на грамматических принципах, а в аспекте когнитивной модели, в общей интерпретации которой для префикса *ma-* суахили лежит представление об утробном зарождении жизни. Такое уточняющее знание о языковом элементе выявляет как особенности мышления народностей банту в их традиционной естественной близости с природой, отражая языковую картину мира, так и устойчивость принципов когнитивного подхода к исследованию языка.

Литература

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Мячина Е.Н. Язык суахили. М.: Издательство Восточной литературы, 1960.

Fair L. Historia ya Jamii ya Zanzibar Na Nyimbo za Binti Saad. Nairobi: Twaweza Communications, 2013.

Katalambulla F.H.H. Simu ya kifo. Dar es Salaam: East African Literature Bureau, 1968.

A. B. Chernyshev *(Moscow, Russia)*

Russian State University for the Humanities

CATEGORIZATION OF SWAHILI NOUNS IN THE CONTEXT OF COGNITIVE MODELING

This article is devoted to the study of functioning of the prefix *ma-* in the Swahili language. The concept of categorization is applied to the integration of Swahili nouns as a class, the fifth and sixth classes being described in their semantic integrity. The cognitive model hypothesis is put forward by identifying the invariant meaning of a linguistic unit and is analyzed in the unity with the category as a grammatical class of objects.

Key words: cognitive model, category, conceptual parameter, class

О. А. Якимова *(Москва, Россия)*

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

yakimovaoa@inbox.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ЗНАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов, участвующих в репрезентации архитектуры в английском языке. На материале авторитетных словарей анализируется, как интеграция метафоры, концептуального блендинга, метонимии и семантического сужения формирует архитектурное знание, превращая его в инструмент для понимания и концептуализации окружающего мира.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивный механизм, архитектура, концептуальная метафора, концептуальный блендинг, метонимия, семантическое сужение, репрезентация

В центре внимания современной когнитивной науки находятся различные аспекты моделирования ментальных репрезентаций, объективированных различными средствами в английском языке. Согласно Н.Н. Болдыреву, формирование смысла в языке базируется на таких трех фундаментальных процессах, как концептуализация, категоризация и интерпретация. Формируя знания о мире, язык помогает осмыслить объекты, события и закрепить результаты познания в виде единиц знания – концептов [Болдырев, Фролова 2022: 488].

К числу когнитивных механизмов формирования смыслов относятся ограничение, опредмечивание, аналогия, вычленение части, абстрагирование, мультиплицирование, сравнение, концептуальная метафора, фокусирование и дефокусирование, символизация [Болдырев, Федяева 2020: 6]. В соответствии с

вышеуказанным отметим, что формирование языковых репрезентантов концепта ARCHITECTURE является результатом интеграции нескольких когнитивных механизмов. Данный факт указывает на сложную, многомерную природу как самого феномена архитектуры, так и когнитивных процессов обработки информации и приобретения знаний о нем.

Цель исследования – выявить когнитивные механизмы репрезентации архитектуры в английском языке. Материалом для анализа послужили словарные статьи и иллюстративные примеры, репрезентирующие лексическую единицу *architecture* в авторитетных лексикографических источниках [Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Collins Dictionary].

В данном контексте особую значимость приобретает метафорическое моделирование, поскольку, как показало исследование, наиболее частотным когнитивным механизмов формирования архитектурных смыслов выступает концептуальная метафора ARCHITECTURE – STRUCTURE. Лексическая единица *architecture* «покидает» сферу строительства, но сохраняет свою концептуальную суть, описывая структуру сложной системы в компьютерах, литературе, обществе и биологии. В примерах *software architectures, system architectures, parallel architectures, layered architectures, agent-based architectures, behaviour-based architectures, computer architecture* метафора становится термином. Английский язык закрепляет аналогию между структурой здания и структурой программы компьютерной системы. Концептуальная метафора плодотворно переносится в биологию для описания структуры живых организмов: *the seedlings of these species have contrasting crown architectures; the architecture of muscle fibres*. В следующих фрагментах литературный роман репрезентируется как конструкция со своей структурой – *the architecture of a novel*, а Вселенная как грандиозное, упорядоченное строение – *the architecture of the universe.*

Когда английский язык выходит за рамки простого описания в область глубокой концептуализации, вместе с концептуальной метафорой в действие вступает механизм концептуального блендинга. Во фрагменте *the tree of the architecture of the band* структура музыкальной группы, в частности, иерархия, роли, звучание, представляется как растение со стволом и кроной. Что касается примера *Trauma lodges on the first floor of human architecture*, то в нем находит свое отражение целая когнитивная модель понимания психики. Личность репрезентирована как здание *(architecture)* с этажами *(the first floor)*. Травма наделяется свойствами незваного жильца *(lodges)*. В следующем анализируемом примере циферблат становится архитектурным сооружением, наделяется масштабом и значимостью инженерного сооружения: *no small feat of dial architecture.*

Как показал анализ, к числу ключевых когнитивных механизмов относится также метонимия. Распространенным ее видом является перенос названия процесса или вида деятельности на его конкретный результат или объект. Во фрагменте *architecture is the art* речь идет о процессе творчества и проектирования. Однако посредством лексемы *architecture* может репрезентироваться и результат этой деятельности, в частности, *a fine example of Moroccan architecture*. В данном кон-

тексте архитектура вербализует не сам процесс, а его итог в форме конкретного здания или целого стиля с характерными чертами. Мы мысленно заменяем действие «проектировать и строить в марокканском стиле» на его результат «здание, являющееся воплощением этого стиля». В других примерах *the fashion critics* и *the architecture critics* фиксируется более сложный вид метонимии, когда группа людей, занятых в определенной сфере деятельности, становится обозначением целой профессиональной системы.

В процессе анализа установлено действие еще одного когнитивного механизма, отвечающего за формирование смысла – семантического сужения. Внутри широкой категории *architecture* как структуры возникают специализированные подкатегории, разделяемые по цели – *architectures for real-time control, architectures in surgery tasks*; по принципу – *shared memory architectures, hybrid manipulators*; по качеству – *resilient and redundant architectures, globally scalable architectures*.

Таким образом, ведущим механизмом формирования архитектурного знания выступает концептуальная метафора, обеспечивающая когнитивный перенос из области строительства в компьютерные науки, биологию, литературу, космологию. Механизм концептуального блендинга создает новые ментальные пространства, совмещая архитектурное знание с концептуальными областями «растение», «жилое здание», «инженерный проект» Метонимия выполняет важную функцию конкретизации знания об архитектуре и смещения фокуса на конкретные проявления концепта. Специализация через семантическое сужение отвечает за внутреннюю дифференциацию и профессиональную детализацию исследуемого концепта.

В заключение, репрезентация концепта ARCHITECTURE является результатом интеграции нескольких ключевых когнитивных механизмов, что подтверждает его сложную, многомерную природу как феномена культуры и мышления.

Литература

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

Болдырев Н.Н., Фролова С.С. Специфика оценочных концептов личность / personality // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 488-492.

Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/architecture

Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/sentences/architecture

Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/architecture

O. A. Yakimova *(Moscow, Russia)*

National Research Moscow State University of Civil Engineering

COGNITIVE MECHANISMS OF ARCHITECTURAL KNOWLEDGE FORMATION IN ENGLISH

The article deals with the cognitive mechanisms involved in representation of architecture in English. By means of authoritative lexicographic sources, it is analysed how the integration of metaphor, conceptual blending, metonymy, and semantic narrowing shapes architectural knowledge, turning it into a tool for understanding and conceptualising the world around us.

Key words: cognitive linguistics, cognitive mechanism, architecture, conceptual metaphor, conceptual blending, metonymy, semantic narrowing, representation

И. В. Яковлева *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
irinadubrov@gmail.com

ГЛАГОЛЫ ДЕФОРМАЦИИ В РЕЦИПИЕНТНОЙ ЗОНЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Данная статья посвящена исследованию семантическо-грамматических ограничений на семантический переход глаголов деформации в реципиентную зону глаголов речи. Грамматические ограничения связаны с аспектуальными характеристиками предикатов. Предикаты совершенного вида обнаруживают большую способность к употреблению в характерных для глаголов речи конструкциях с прямой речью и придаточным изъяснительным.

Ключевые слова: семантический переход, глаголы деформации, глаголы речи, вид, реципиентная зона

Наряду с предикатами других семантических групп, таких как глаголы каузации перемещения [Yakovleva 2015] и звука [Яковлева 2024], глаголы деформации обнаруживают выраженную способность к переходу в семантическую зону глаголов речи. Грамматические ограничения на вид глагола в конструкциях с глаголами речи в русском языке рассмотрены в [Яковлева 2019]. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Глаголы деформации подразумевают нарушение целостности в результате деления на части или создания отверстия. В базе данных «Лексикограф» [Кустова 2004] выделяются несколько подгрупп в пределах данного класса:

1) деформация: отделение (*отрезать, отрубить*);

2) деформация: разделение на части, прекращение функционирования (*перебить, оборвать*);

3) деформация: превращение в массу (*молоть*).

Глаголы первой группы (*отрезать, отрубить*) относительно часто встречаются как в конструкции с прямой речью, так и в конструкции с придаточным изъяснительным, поскольку их семантика хорошо согласуется с распространенным метафорическим представлением о слове как об отделяемом и передаваемом объекте, что позволяет оставить реализованным акцент на содержании речи. Глагол СВ употребляется в рассматриваемых конструкциях значительно чаще, чем глаголы НСВ. В частности, в конструкции с придаточным изъяснительным глагол НСВ *отрезать* представлен только одним примером:

(1) *Папа отрезает, что и профсоюзов там никаких нет* (Зубцов Ю. Королева Кабо-Верде // «Домовой» 2002.06.04)

При этом последний контекст можно рассматривать как настоящее историческое, употребление которого, очевидно, служит определенным стилистическим установкам автора. Что касается глагола *отрубить*, НКРЯ содержит только 1 пример его употребления в конструкции с придаточным изъяснительным, при этом его видовой коррелят *отрубать* подобной способности не обнаруживает.

В донорской зоне глаголы *отрезать* и *отрубить* обозначают осуществление действия быстрым и резким движением острым инструментом, что может допускать отсутствие значительного усилия. Именно поэтому данные глаголы совершают переход в рассматриваемую семантическую зону значительно легче, чем, например, глагол *отпилить*, обозначающий более длительный, требующий усилий процесс, в то время как представление об усилии плохо согласуется с фреймом речевого акта, и, соответственно, препятствует осуществлению рассматриваемого семантического перехода. В реципиентной зоне предикаты *отрезать* и *отрубить* обозначают резкий и/или грубый речевой акт, а также определенную агрессию по отношению к собеседнику и/или ситуации.

Из глаголов второй группы, содержащих представление о такого рода деформации, как разделение на части и прекращение функционирования, в рассматриваемой семантической зоне широкое употребление получает только глагол *перебить*. Дело в том, что представление о прекращении функционирования, так же, как и представление о ненужности, очевидно, плохо согласуется с представлением о речевом акте, поэтому другие глаголы данной группы, например, *оборвать* в данной семантической зоне употребляются ограниченно. Вероятно, глагол *перебить* оказался наиболее распространенным в связи с его широкой семантикой: он является наиболее нейтральным в отношении наличия / отсутствия инструмента воздействия и его типа (ср., например, столь разные употребления, как *перебить веревку* (‘порвать, перетереть’) и *перебить палец* (‘сломать’). При этом семантика разрушения и прекращения функционирования в структуре глагола *перебить* в лексической зоне глаголов речи оказывается отнесенной к предыдущему речевому акту, а не к предстоящему, что несколько ослабляет действие обсуждаемых семантических ограничений:

(2) *Вежливый голос перебил, что для того, чтоб возмутиться предательством, вовсе не обязательно быть дворянином* (Войнович В. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина. 1969-1975)

(3) *Десятки встреченных относились с великодушной ухмылкой и, еще не выслушав, перебивали, что он отстал от времени и происходящего в России ему никак не понять* (Войнович В. Замысел. 1999)

Что касается глагола *оборвать*, то ни сам глагол, ни его коррелят несовершенного вида не обнаруживают способности встраиваться в конструкцию с придаточным изъяснительным.

В реципиентную зону глаголов речи предикаты *перебить* и *оборвать* вносят представление о некоторой резкости действия по отношению к собеседнику, которая, однако, не всегда является следствием агрессии, в отличие от обсуждаемой выше ситуации с глаголами первой группы.

Из глаголов третьей группы, в семантике которых деформация связана с превращением в массу, в зону глаголов речи способен переходить предикат *молоть*:

(4) *У меня был Стасов и молол, что Вы ему об этом писали, но он книги не видал…* (Лесков Н.С. Письма Л. Н. Толстому, 1887-1894)

Однако его употребление в данной зоне связано с довольно жесткими семантическими ограничениями, вследствие чего он нетипично ведет себя и с грамматической точки зрения. В донорской зоне в семантике данного глагола заложено представление о крайне незначительном размере образующихся частиц, что в реципиентной зоне связано с уничижительным отношением к информации (недостоверная, бессмысленная, неважная), передаваемой в результате обозначаемого данным предикатом речевого акта: *молоть чепуху*. При этом деятельность по превращению некоторого объекта в мелкую субстанцию, безусловно, понимается как растянутый во времени процесс, что вносит в семантику данного глагола в реципиентной зоне представление о долгом и неинформативном речевом акте. Подобная коннотация совместима с семантикой конструкции с прямым дополнением, в функции которого при данном глаголе может выступать ограниченный набор существительных, передающих схожее уничижительное отношение к сообщаемой информации: *чепуха, чушь*. Однако обсуждаемая семантика вступает в противоречие с грамматической семантикой конструкций с прямой речью и придаточным изъяснительным.

К глаголам деформации, в той или иной степени способным к переходу в рассматриваемую реципиентную зону, примыкают глаголы *выдавить* и *выдавливать*, содержащие также в своей семантике представление о перемещении объекта, при этом сам объект в зависимости от ситуации может рассматриваться как нужный либо как ненужный: *выдавить пасту из тюбика* и *выдавить гной*. В любом случае данный процесс физического воздействия на объект понимается как встречающий некоторое сопротивление объекта. Для глагола *выдавить* насчитывается 164 употребления в конструкции с прямой речью, а вот способности встраиваться в конструкцию с придаточным изъяснительным данный предикат не обнаруживает, поскольку содержащееся в профиле данного глагола представление о применении усилия и сопротивлении объекта плохо согласуется с фреймом речевого акта, а именно конструкция с придаточным изъяснительным накладывает более жесткие ограничения на семантику предиката, чем более нейтральная в этом отношении конструкция с прямой речью. В реципиентной зоне глаголов речи данный предикат имеет значение ‘произносить с трудом и / или нехотя’.

Еще с большим трудом в характерные для глаголов речи конструкции встраивается предикат *тянуть*, приобретающий в рассматриваемой реципиентной зоне значение ‘произносить нехотя и /или неуверенно ’. Схожим образом ведет себя и глагол *цедить*, содержащий в своей семантической структуре одновременно представление о перемещении и деформации (удалении ненужного), при этом данный процесс в той или иной степени оказывается растянутым во времени. К группе глаголов физического воздействия на объект примыкает глагол *чеканить*, сочетающий в своей семантической структуре представление о физическом воздействии, проявляющемся в серии четких размеренных ударов и сопровождающем его громком звуке. Именно этот звуковой компонент семантики данного глагола способствует его переходу в зону глаголов речи. Непосредственно глагол *чеканить*

встраивается в конструкцию с прямым объектом (*чеканить слова*), в НКРЯ найдено 9 подобных контекстов. Однако однокоренной глагол совершенного вида *отчеканить* оказывается способным встраиваться как в конструкцию с прямым объектом (19 вхождений), так и в конструкцию с придаточным изъяснительным (4 вхождения).

Еще два предиката из группы глаголов деформации (*корежить* и *коверкать*) имеют очень ограниченное с семантической точки зрения употребление в зоне глаголов речи. В донорской зоне они обозначают такой вид силовой деформации, в результате которого происходит потеря функциональности объекта, что плохо согласуется с семантикой речевого акта. В результате данные глаголы не способны ни вводить прямую речь, ни употребляться в конструкции с придаточным изъяснительным. Однако они могут употребляться с прямым дополнением (*коверкать* / *корежить слова*), обозначая искажение либо фонетического облика слов, либо их смысла.

Таким образом, глаголы совершенного вида, обозначающие события, в целом лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным. Наиболее нейтральной к видовым характеристикам оказывается конструкция с прямым дополнением.

Литература

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Яковлева И.В. Семантические переход в лексико-семантическое поле глаголов речи в русском языке: грамматические ограничения на метафоризацию // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 3, № 15. С. 205-220.

Яковлева И.В. Глаголы звука в семантическом поле глаголов речи // Семантические переходы в языках мира: материалы к лингвистическому форуму. М.: МАКС Пресс, 2024. С. 265-273.

Yakovleva I.V. The metaphor of caused motion in the air in the target domain of speech act verbs in Russian from a contrastive perspective // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. Pp. 638-639.

I. V. Yakovleva *(Moscow, Russia)*

Moscow City University

VERBS OF DEFORMATION IN THE TARGET DOMAIN OF SPEECH ACT VERBS: A SEMANTIC SHIFT

The article is devoted to the study of semantic and grammatical restrictions on the semantic transition of verbs of deformation into the recipient zone of verbs of speech. Grammatical constraints are related to the aspectual characteristics of predicates. Perfect predicates show a great ability to be used in constructions with direct speech and subordinate explanatory characteristic of verbs of speech.

Key words: semantic shift, verbs of deformation, speech act verbs, aspect, target domain

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ДИСКУРСИВНЫЕ ЖАНРЫ В КОГНИТИВНОЙ ПРОЕКЦИИ

Н. П. Авдеева *(Саратов, Россия)*
Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского
avdeevanp@gmail.com

КОНФЛИКТНАЯ И БЕСКОНФЛИКТНАЯ АВТОКОММУНИКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Исследуются когнитивно-дискурсивные способы моделирования конфликтной и бесконфликтной автокоммуникации на материале внутренних диалогов и внутренних монологов персонажей прозы А.П. Чехова 1880–1903 гг. Устанавливается, что конфликт в единой концептуальной системе персонажа определяется способностью мышления к децентрации. Выявляются языковые маркеры конфронтационного и кооперационного взаимодействия интерпретационных позиций во внутренней речи персонажей.

Ключевые слова: автокоммуникация, конфликт, внутренний диалог, внутренний монолог, Чехов

В когнитивной лингвистике проблема речевого конфликта, понимаемого как результат несовпадения «индивидуальных интерпретаций коллективных знаний о мире участниками коммуникации» [Болдырев 2024: 13], является одной из центральных. Причины конфликтов в межличностном общении объясняются игнорированием коммуникантами структурных и содержательных особенностей индивидуальных концептуальных систем друг друга [Болдырев 2024]. Данный тезис предполагает бесконфликтность автокоммуникации, поскольку в системе «я-я» отправитель и получатель сообщения обладают единой концептуальной системой. Однако в художественном тексте исследователи выявляют во внутренней речи (ВР) персонажа конфликтогены, развитие и поиск решения конфликта [Ларина 2014]. Актуальность данного исследования определяется способностью единой концептуальной системы ВР создавать конфликт, что уточняет понимание ВР как когнитивно-коммуникативного феномена.

Теоретической основой исследования являются идеи о диалогической природе сознания [Бахтин 1986], автокоммуникации [Лотман 2000: *159-165*], способности мышления к децентрации, т.е. сопоставлении разных точек зрения, отличных от собственной [Пиаже 1994] и речевого конфликта [Болдырев 2024]. Классические и современные теории сознания интегрируются в методологический аппарат работы, представляя ВР как внутренний диалог, в котором сталкиваются интерпретации разных «познавательных перспектив» для «переформулирования» сообщения и обретения нового смысла.

Цель исследования заключается в выявлении когнитивно-дискурсивных способов моделирования конфликтной (конфронтационной) и бесконфликтной (кооперационной) автокоммуникации на материале художественной прозы Чехова 1880–1903 гг.

Конфликтная автокоммуникация реализуется взаимодействием противоположных смысловых позиций, «голосов» в сознании персонажа во внутреннем диалоге (ВД) и внутреннем монологе. Данная модель описывает вербализованные, структурированные конфликты, но менее применима к диффузным, неоформленным экзистенциальным состояниям, также характерным для чеховских героев.

В прозе Чехова ВД-спор представлен сменой реплик в вопросо-ответной структуре, отражающей раздвоение внутреннего «я». Примером является речемыслительный процесс доктора Старцева («Ионыч»), в котором конфликт актуализируется столкновением рациональной и эмоциональной интерпретации действительности: *«В голове какой-то холодный, тяжелый кусочек рассуждал:*

– Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...

– Ну что ж? – думал он. *– И пусть.*

– К тому же, если ты женишься на ней, – продолжал кусочек, *– то ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе.*

– Ну что ж? – думал он. *– В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...»* [Чехов 1985 Т. 9: 261].

ВД-спор Старцева организуется двумя вариантами интерпретации ситуации вследствие способности мышления к децентрации: рациональный голос приводит логические доводы, предостерегает и оценивает, эмоциональный голос возражает и принимает желаемое.

Анализ внутренних монологов (ВМ) героев Чехова выявил два типа автокоммуникативного взаимодействия: конфронтационный и кооперационный. Когнитивно-дискурсивные маркеры в ВМ отражают взаимодействие разных интерпретационных позиций.

Конфронтационное взаимодействие в ВМ аналогично ВД представляет голос эмоционального начала (мечту, удивление, осуждение, обвинение) и рационального (возражение, обобщение, анализ, прогноз, решение). В ВМ актера Попова («Бумажник») противительный союз *впрочем* маркирует переключение беззаботного счастливого мечтания на трезвую оценку финансовых ограничений: *Ведь этакое счастье!* – размышлял он дорогой. *– Не было ни гроша, да вдруг алтын. Махну теперь в родную Кострому, соберу труппу и выстрою там свой театр.* ***Впрочем****... за пять тысяч нынче и сарая путного не выстроишь. Вот если бы весь бумажник был мой, ну, тогда другое дело*... [Чехов 1985 Т. 3: 303-304].

Конфронтация возникает между социальными позициями личности, что свидетельствует о способности интерпретировать ситуацию, принимая роль другого человека. В ВМ заслуженного профессора Николая Степаныча («Скучная история») когнитивный конфликт репрезентируется противопоставлением статусной и бытовой интерпретации собственного «я» в цепочке вопросительных предложений: ***Зачем*** *я,* ***знаменитый человек, тайный советник****, сижу в этом* ***маленьком нумере****, на этой кровати с чужим,* ***серым одеялом****?* ***Зачем*** *я гляжу на этот* ***дешевый*** *жестяной рукомойник и слушаю, как в коридоре дребезжат* ***дрянные*** *часы?* ***Разве*** *все это* ***достойно*** *моей* ***славы и моего высокого положения*** *среди людей?* [Чехов 1985 Т. 7: 162].

Конфликт веры и сомнения, духовного и мирского голоса представлен в ВМ Софьи Львовны («Володя большой и Володя маленький»), переживающей духовный кризис. Позиция верующего представлена утверждением духовных истин, согласием с существованием Бога. Противопоставление и сомнение в вопросе (*но неужели нет*) маркирует конфронтационную позицию – недоверие, сомнение в правильности монашеского пути: ***Бог есть, смерть непременно придет***, ***надо о душе подумать***. *Если Оля сию минуту увидит свою смерть, то ей не будет страшно. Она готова. А главное, она уже решила для себя вопрос жизни.* ***Бог есть… да… Но неужели нет*** *другого выхода, как только идти в монастырь? Ведь идти в монастырь – значит* ***отречься от жизни, погубить ее****…* [Чехов 1985 Т. 8: 179-180].

Конфликт личных желаний и семейных ожиданий в ВМ Мисаила Полознева («Моя жизнь») представлен вопросительной цепочкой, отражающей сомнение в одобрении чувств героя общественным мнением и отцовским авторитетом: Я всё думал: *как отнесутся ко мне мои знакомые, узнав о моей любви? Что скажет отец?* [Чехов 1985 Т. 9: 124].

Так, когнитивный конфликт отражает столкновение смысловых позиций. Когнитивно-дискурсивными маркерами конфликта являются противительные союзы, демонстрирующие смену познавательной перспективы, вопросительные цепочки, обнаруживающие внутреннее противоречие в сознании персонажа.

Кооперационный тип автокоммуникации отражает смысловые позиции, которые сходятся в интерпретации ситуации и реализуют функцию саморегуляции – самоубеждение, самоуспокоение, самоподдержку. Самоубеждение, подавление иррационального страха в ВМ героя («Страшная ночь») реализуется согласием с самим собой, маркерами кооперации являются восклицание с вводным словом уверенности, риторический вопрос-утверждение: *Но все это глупо, и я труслив, как школьник*, – решил я. – *То был оптический обман – и больше ничего! Идя домой, я был так мрачно настроен, что не мудрено, если мои больные нервы увидели гроб...* ***Конечно****, оптический обман!* ***Что же другое?*** [Чехов 1985 Т. 2: 95].

Кооперация демонстрирует самоподдержку и самоуспокоение героя в ВМ Лаптева («Три года»). Так удивление в восклицательных предложениях переходит в самоуспокоение (*поживем – увидим*), демонстрирующее или здоровую саморегуляцию, или пассивную покорность судьбе: ***Как*** *они выросли!* – думал он. – ***И сколько*** *перемен за эти три года… Но* ***ведь*** *придется, быть может, жить еще тринадцать, тридцать лет…* ***Что-то еще*** *ожидает нас в будущем!* ***Поживем – увидим*** [Чехов 1985 Т. 8: 386].

Кооперационная автокоммуникация выполняет у Чехова функцию саморегуляции. Моделирование различных когнитивных позиций в рамках одного высказывания объясняется теорией ментальных пространств: лексические и грамматические средства (противительные союзы, вводные слова различной степени уверенности, условные конструкции, видовременные формы глаголов и др.) создают альтернативные (согласованные или конфликтные) точки зрения на ситуацию.

Таким образом, анализ чеховской прозы представляет убедительный эмпирический материал, поддерживающий теорию диалогической природы сознания (М.М. Бахтин) и децентраций мышления (Ж. Пиаже), т.е. способность субъекта занимать различные социально-ролевые позиции. Автокоммуникация не является полностью бесконфликтной, несмотря на единство концептуальной системы, моделирует кооперационное и конфронтационное взаимодействие интерпретаций ситуации. Конфликтная автокоммуникация реализуется во внутреннем диалоге и внутреннем монологе и моделируется столкновением позиций рационального и эмоционального, статусного и бытового, личного и социального, духовного и мирского. Когнитивно-дискурсивными маркерами смысловых позиций во внутреннем диалоге является вопросо-ответное чередование реплик, отражающее расщепление внутреннего «я». Во внутреннем монологе противительные союзы обозначают смену познавательной перспективы и автокоррекцию; цепочки риторических вопросов отражают несогласие, сомнение и поиск решения. Бесконфликтная автокоммуникация демонстрирует кооперацию смысловых позиций, выполняет функцию когнитивной саморегуляции (самоубеждения, самоуспокоения и самоподдержки) и отражается когнитивно-дискурсивными маркерами согласия и примирения с действительностью: словами с различной степенью уверенности, риторическими вопросами-утверждениями. Тем самым внутренняя речь в чеховской прозе является когнитивно-коммуникативным феноменом, актуализирующим конфликтную и бесконфликтную автокоммуникацию.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная коммуникация в свете теории языковой интерпретации // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2024. С. 13-14.

Ларина С.Г. Ситуация конфликта и её отражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы XIX-XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Орехово-Зуево, 2014.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Межд. пед. академия, 1994.

Чехов А.П. Собрание соч. в 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 1-9.

N. P. Avdeeva *(Saratov, Russia)*

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

CONFLICT AND COOPERATION IN INTRAPERSONAL COMMUNICATION IN ANTON CHEKHOV'S STORIES

The cognitive-discursive methods of modeling conflictual and conflict-free autocommunication are studied on the basis of internal dialogues and internal monologues of characters in Chekhov's prose of 1880-1903. It is established that the conflict in the conceptual system of a character is determined by the ability of thinking to decentralize. The linguistic markers of confrontational and cooperative interaction of interpretative positions in the characters' internal speech are revealed.

Key words: inner speech, intrapersonal communication, conflict, Chekhov

Е. В. Белоглазова *(Санкт-Петербург, Россия)*

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
evbeloglazova@herzen.spb.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ РУССОЦЕНТРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

Настоящее исследование, выполненное на материале корпуса заголовков англоязычных художественных произведений о России, призвано дать ответы на вопросы о специфике функционирования и репертуара метафор в руссоцентрическом дискурсе. Исследование показало, что даже художественные жанры исследуемого дискурса отдают предпочтение не индивидуально-авторской, а прецедентной метафоре, при этом индивидуализирующая функция метафоры вытесняется дискурсо-аттрибутивной, сопряженной с расширением интерпретационного горизонта.

Ключевые слова: Россика, корпус, прецедентная метафора, руссоцентрический дискурс, иноязычное описание России

Введение. Метафора – это и инструмент познания, и инструмент воздействия: выступая точкой наложения вербального, социального и когнитивного миров, метафора участвует в «формировании общественного восприятия и передаче ценностей» [Peng 2024].

Не оспаривая тезис о том, что «ни один из типов дискурса не способен оказать на концепт обыденного сознания такого сильного воздействия как медиакоммуникация» [Кононова, Кочетова 2025: 290], мы хотим обратиться к функционированию метафоры в художественном дискурсе, и попытаемся показать, что (1) метафора является ключевым жанрово- и дискурсивно-специфическим средством конструирования образа России в иноязычном руссоцентрическом дискурсе, при этом (2) даже в художественном тексте метафора носит узуальный характер, т.е. выступает не чертой идиостиля автора и/или уникальным средством раскрытия замысла уникального произведения, но является дискурсивно предзаданной.

Материалы и методы исследования. Исследование выполнено в русле corpus-informed discourse analysis [O'Halloran 2007] на материале корпуса заголовков аутентичных англоязычных художественных произведений, обращенных к России и русской культуре (RossicaT-fiction-Eng), включающего 350 наименований общим объемом 1150 токенов и охватывающего период с 1701 по 2025 гг.

Собранный корпус был подвергнут ручному аннотированию по 6 группам параметров, включая концептуально-референциальные, стилистические, формально-синтаксические и лингвокультурные категории, намеченные на основании исследований дискурса иноязычных описаний России [Белоглазова, Кабакчи 2018], и уточнен по результатам анализа частотного списка слов корпуса.

Результаты исследования. Заголовок произведения, являясь переосмыслением текста, к которому он отсылает, можно, в целом, рассматривать как метафору этого текста. И названия художественных произведений, нередко фокусирую-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02775, https://rscf.ru/project/25-28-02775/

щие один образ, выступающий представителем всего мира текста, являются яркими примерами такой метафоричности. Средняя длина заголовка в RossicaT-fiction составляет 3,3 слова, причем среди них немало одновершинных названий: *December*, *To the Hermitage*…

В то же время такой расширяющий подход к метафоре в исследуемом материале лишает ее эвристичности. Сформулируем нашу гипотезу следующим образом: при его выраженной краткости заголовок в RossicaT-fiction тяготеет к смысловому наращению за счет прецедентности, задействуя прецедентные метафоры, прецедентные тексты и прецедентные (базовые) ксенонимы.

В настоящей статье мы рассмотрим функционирование в нашем корпусе прецедентных метафор – «иносказательных выражений, которые в процессе длительного использования приобрели устойчивый, узуальный характер» [Заботкина, Коннова 2022: 370].

Проведенный анализ показал, что 39% заголовков в корпусе содержат метафоры, при этом наиболее частотными являются метафоры цвета (red, white, scarlet, black, gray), пути, природных явлений, а также зоометафоры.

Рассмотрим прецедентные модели метафорического переноса:

(1) RUSSIA = PLACE {Moscow, Siberia, Kremlin, Red Square, St. Petersburg, Hermitage, Winter Palace, Summer Garden, Arkhangel'sk, Stalingrad, Chernobyl'}

Данное концептуальное пространство представлено (микро)топонимами, выступающими на разных основаниях – политических, культурных, исторических – представителями России.

(2) RUSSIA = RURAL {village, forest, steppe, dacha}

В противовес (1) в (2) Россия концептуализируется как неурбанизированное пространство, включая поддомены «деревенское пространство» и «природное пространство».

(3) RUSSIA = THE LAND OF A RULER {tsar, czar, tsarina, king, Romanov, Rasputin, Stalin, empire, prince Ivan, grand duchess, queen, comrade Koba, empress}

Данная модель воплощает стереотип о России как о диктатуре, стране, где вся власть сосредоточена в руках одного абсолютного правителя. Домен «абсолютная власть» репрезентирован лексемами, номинирующими членов правящей династии, как ксенонимическими (*tsar, czar* и др.), так и полионимическими (*king, prince* и др.); а также именами исторически и мифологически значимых носителей власти.

(4) RUSSIA = THE LAND OF WAR {war, revolution, codename, hero, siege, blood, claws, fangs, storm, metal, iron, weapon, Bickford Fuse, sniper, red, scarlet, black}

Данное концептуальное пространство является одним из наиболее репрезентативных и статистически значимых: мотив ВОЙНА, в целом, относится к концептуальным доминантам руссоцентрического дискурса. Он также относится к наиболее стереотипизированным за счет частотности цветовой метафоры (27 случаев «red»).

(5) RUSSIA = DANGEROUS ADVENTURE {*turbulence, escape, flight, exile, opportunity, dangers, adventures*}

(6) RUSSIA = JOURNEY {*road, flight, far flies, from/to Russia/ Moscow/ the Hermitage /Siberia, journey, escape, running, farewell, travel, wanderer*}

Две последних модели тесно связаны, тем не менее, мы их склонны разделять как цементируемые вокруг разных концептов: риск / опасность в (5) и дорога / путешествие в (6).

(7) RUSSIA = PROBLEM/ PUZZLE {*secret, dilemma, theorem, oracle, hide and seek*}

К данной метафорической модели мы также склонны отнести достаточно многочисленные примеры использования невербального цифрового кода (15 случаев): *Pyat*, *Child 44*, *Moscow 5000*…

(8) RUSSIA = PROMISE / HOPE {*spring, snowdrops, angels in the snow, despite the falling snow, rising star, opportunity, hope*}

В этой модели примечателен заложенный контраст или переход от негативного к положительному.

(9) RUSSIA = COLD {*snow, ice, cold, Arctic, Siberia, polar, winter, December, fur*}

(10) RUSSIA = ELEMENT {*storm, rain, tide, flames, burning*}

Изначально, мы склонны были объединить (9) и (10), представленный такими репрезентантами, как снег и лед – фактически, замерзшая вода, т.е. одна из четырех стихий. Однако, анализ всех элементов сопоставляемых рядов свидетельствует, что (9) цементирует концептуальное пространство холода, а (10) объединяет семантика разгула и мощи.

(11) RUSSIA = STRONG EMOTION {*love, lust, rage, glory, pride, fury*}

(12) RUSSIA = CULTURE {*nesting dolls, Matryoshka, samovar, rusalka, icon, Bronze Horseman, Amber room, cellist, conductor, palace*}

(13) RUSSIA = TREASURE {*gold, billion, jewel, amber, treasure, roubles*}

(14) RUSSIA = ANIMAL {*wolf, bear, eagle, fox, firebird, wolfhound, sparrow*}

Заключение. Приведенный обзор показал, что руссоцентрический художественный дискурс пронизан метафорами и цементируется ими: в отличие от индивидуально-авторских метафор, служащих для выделения текста как уникального, прецедентные метафоры способствуют установлению интер- и интрадискурсивных связей. Их повторяемость и предсказуемость в определенном дискурсивном окружении делает прецедентные метафоры маркерами дискурса – его узнаваемыми репрезентантами и предикторами.

Вынесение такой метафоры в имя текста служит не столько стилистическим приемом, сколько выполняет дискурсо-аттрибутивную функцию, одновременно расширяя интерпретационный горизонт за счет отсылки к множеству текстов референтного дискурса.

Литература

Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 49-59.

Заботкина В.И., Коннова М.Н. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 367-379.

Кононова И.В., Кочетова Л.А. Метафорическая концептуализация ценности mental health в англоязычных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 290-293.

O'Halloran K., O'Halloran K. Critical Discourse Analysis and the Corpus-informed Interpretation of Metaphor at the Register Level // Applied Linguistics. 2007. 28 (1). Pp. 1-24.

Peng W., Li Q. Metaphorical discourse in Beijing Winter Olympic news: a Trinocular Perspective analysis of language, cognition, and social functions // Frontiers in Psychology. 2024. Dec.: 17:15:1477890. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39742050/

E. V. Beloglazova *(Saint-Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia

SPECIFIC FUNCTIONS OF PRECEDENT METAPHOR IN FICTIONAL RUSSIA-CENTRED DISCOURSE

The paper presents the results of the study based on a corpus of headings of English-language fiction about Russia and aimed at identifying the specific functions and repertoir of metaphors in the Russia-centered discourse. The research showed that even the fiction genres of the discourse under study give preference to precedent metaphor over the original one; at that the individualizing function of metaphor gets suppressed by the discourse-attributing function leading to the expanded interpretation horizon.

Key words: Rossica, corpus, precedent metaphor, Russia-centred discourse, translingual representation of Russia

Н. Н. Белошицкая *(Архангельск, Россия)*
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
n.beloshickay@narfu.ru

ДРАМАТУРГИЧНОСТЬ ДИСКУРСА: ИНДИКАТОРЫ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Феномен драматургичности дискурса рассматривается в статье в проекции реализации стратегии самопрезентации. Предлагается включить в модель анализа драматургичности дискурса выявление семантических и прагматических индикаторов драматургичности. Анализ языкового материала показал, что включение прагматических индикаторов в речевые действия может сопровождаться рефреймингом. Семантические индикаторы профилируют стабильные характеристики образа.

Ключевые слова: драматургичность дискурса, самопрезентация, прагматический индикатор, семантический индикатор, рефрейминг, управление впечатлением, тональность

Моделирование дискурса с позиции такого аспекта как драматургичность представляет один из способов выявления закономерностей организации социальных интеракций. Феномен драматургичности дискурса может рассматриваться как разыгрывание ролей, трансляция образа или поддержание имиджа. В рамках такого подхода феномен драматургичности дискурса основывается на лингвосемиотической категории театральность, последняя понимается как «возможность примерки разнообразных масок (апробация и «подгонка» образов или имиджей) в процессе коммуникации и в коммуникативной (семиотической) среде» [Олянич 2004: 156]. В фокусе анализа оказывается агентивность субъекта дискурса, стратегичность и перформативность его речевого поведения, главным образом самопре-

зентация субъекта в условиях социальной интеракции. Более широкий подход к феномену драматургичности, берущий начало в социальных и философских концепциях, охватывает не только осознаваемое субъектом «исполнение роли». Так, автор концепции социальной драматургии И. Гофман рассматривает участников взаимодействия как носителей самых различных ролей, заданных извне [Гофман 2000; 2009]. Лингвистически релевантным в концепции И. Гофмана является выделение обязательности рамок интерпретации – определение ситуации. Это резонирует с базовыми допущениями когнитивной лингвистики о наличии в сознании человека когнитивных сценариев действий и способов интерпретации реальности [Болдырев 2015; 2019]. Значительным эвристическим потенциалом обладает в этой связи понятие метаконцепта – универсальной структуры знаний, в частности, метаконцепта РОЛЬ, детально исследованного О.Г. Дубровской [Дубровская 2014: 76].

В своем понимании феномена драматургичности мы синтезируем ключевые положения изложенных выше концепций. Так, мы полагаем, что агентивность субъекта проявляется в стратегическом выстраивании речевого поведения и неизменно реализуется в широком социально-культурном контексте. Языковая личность с хорошо сформированной дискурсивной компетенцией принимает метарефлексивную позицию, позволяющую обдумывать и планировать коммуникативные действия в рамках реализации дискурсивных стратегий, но любой участник интеракции, будучи членом языкового коллектива и носителем коллективного знания, подчиняется социальному укладу в осознанном или неосознанном ролевом функционировании, что и составляет социальность [Тюпа 2010: 56].

Предметом анализа в данной статье является ключевая стратегия драматургичности дискурса – стратегия самопрезентации. Социальное лицо каждый раз конструируется в интеракциях, это ценный актив субъекта дискурса, который требует постоянного контроля и поддержки. Самопрезентация как стратегия конструирования социального лица есть проявление самовыражения. По мнению В.И. Карасика, самовыражение является одной из важнейших функций языка [Карасик 2021: 225]. Анализируя самовыражение субъекта в различных видах дискурса, В.И. Карасик предложил различать непроизвольное, намеренное (демонстративное) и завуалированное самовыражение [Карасик 2022: 566]. Намеренное самовыражение представляет собой реализацию стратегии самопрезентации. Тактическое воплощение стратегии самопрезентации осуществляется с помощью семантических и прагматических средств, служащих индикаторами драматургичности.

Учитывая тот факт, что «в индивидуальных когнитивных системах коммуникантов на основе коллективного знания и личного опыта познания мира эти схемы конкретизируются, а семантика лексем приобретает определенную специфику» [Болдырев 2019: 41], семантические индикаторы служат четким навигатором при анализе реализации субъектом стратегии самопрезентации. По этой причине начальный этап дискурсивного анализа феномена драматургичности в проекции реализации самопрезентации – лексико-семантическая интерпретация. Конструирование субъектом личного дискурса (самопрезентация) неизменно интегрировано в экстралингвистический фон, что делает стратегическую реализацию самопре-

зентации прагматически открытой культурно-семиотической среде. Соответственно, разнородные параметры коммуникативной ситуации, делающие возможным выведение импликатур и извлечение смыслов, зависимых от ситуации, помещают в фокус внимания прагматические индикаторы. Прагматические индикаторы самопрезентации выступают в качестве сигналов рецепции речевых действий субъекта адресатом и задают вектор интерпретации и выведения, заложенной субъектом импликатуры. Ярким прагматическим индикатором феномена драматургичности выступают средства выражения тональности.

Проиллюстрируем теоретические выкладки примерами анализа языкового материала, в качестве которого используются текстовые отрывки из произведений художественной литературы, отобранные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Ведущим принципом отбора иллюстративного материала служит номинация тональности – манеры и способа выполнения речевого действия субъектом. Относясь к системе модусных категорий, тональность маркирует субъективную (вторичную) «интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [Болдырев 2015: 10]. Индикаторы драматургичности – знаковые данности иллокутивного содержания речевых действий, исчисление которых позволяет войти в интерсубъективное содержание пространства общения. Следовательно, рецепция адресата (его когнитивный план) как результат оценочной интерпретации находит выражение в номинации тональности, то есть манеры или способа выполнения речевого действия субъекта.

Пример 1. *Значит, нет. Что же ты не подходишь? – окликнула она нерешительно подходившего к ним дедушку. Дед подошел и, прежде чем сесть,* ***поздоровался подчеркнуто вежливо****, так что Артур невольно подумал, что надо при случае его назвать Александром Ивановичем, а не как-нибудь безлично* [НКРЯ].

Индикатором реализации стратегии самопрезентации одного из участников коммуникации являются просодические средства – интонация и эмфаза. В рецепции адресата эти сигналы оформляются через тональность нарочитого следования субъектом социальной норме – *поздоровался подчеркнуто вежливо* – что вступает в диссонанс с ожидаемым модусом реализации интеракции. Изменение интонационного рисунка (анализируемый индикатор) устанавливает дистанцию и указывает на более высокий статус субъекта. Результат интерпретации (новое знание) меняет фокус восприятия адресатом субъекта: *надо при случае его назвать Александром Ивановичем, а не как-нибудь безлично.* Наблюдается действие механизма рефрейминга – изменения когнитивной рамки восприятия. В таких ситуациях мы говорим о слиянии векторов стратегий самопрезентации и управления впечатлением в речевом поведении субъекта. В этом слиянии проявляется перформативная суть драматургичности самопрезентации, как это происходит и в примере 2.

Пример 2: *Батурин с самого начала взял подчеркнуто вежливый тон, называя его только по имени-отчеству и вкладывая в это трудно уловимую иронию. Глушов чувствовал эту иронию, но сказать ничего не мог, – зацепиться было не за что* [НКРЯ].

Комплекс прагматических индикаторов стратегии драматургичности – интонационно-просодические средства и поддержка социальной дистанции через механизм отрицательной вежливости (подчеркнутое обращение только по имени-отчеству) позволяют адресату вывести агональную импликатуру – несоответствие выбранной линии поведения психологическому типажу адресата. Адресат исчисляет манипулятивную иллокуцию речевых действий субъекта, но не может противостоять выбранной собеседником манере. Управление впечатлением и коммуникативный контроль составляют перлокуцию эффективного самопрезентирования субъекта в анализируемом примере.

В преломлении к выявлению индикаторов стратегии самопрезентации стоит уточнить, что номинации тональности могут не только служить маркерами рефрейминга (прагматическими индикаторами), но и быть семантическими индикаторами, маркируя сквозную реализацию стратегии самопрезентации. В этом случае семантические индикаторы профилируют «важнейшие характеристики имиджа – наличие нескольких ярких деталей, которые должны запомниться, и сознательная режиссура поведения» [Карасик 2021: 371].

Пример 3: *Баярд был* ***подчеркнуто внимателен*** *и* ***старомодно любезен, отточенно вежлив*** *– эдакий джентльмен в викторианском духе* [НКРЯ].

В примере 3 тональность подчеркнутой вежливости реализуется через семантические индикаторы драматургичности, конструирующие в сознании адресата статичный образ – типаж джентльмена как исполнение субъектом привычной роли.

Выявление индикаторов стратегии самопрезентации может позволить построить типологию драматургичности и выявить закономерности реализации стратегии самопрезентации в корреляции с жанровыми условиями коммуникативной ситуации.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37-44.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ. / под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

Дубровская О.Г. Социокультурная специфика дискурса: субъектный принцип формирования: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Карасик В.И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9, № 3. С. 564-574.

Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2026. URL: ruscorpora.ru

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.

Тюпа В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010.

N. N. Beloshitskaya *(Arkhangelsk, Russia)*
Northern (Arctic) Federal University

DISCOURSE DRAMATURGY: INDICATORS OF THE SELF-PRESENTATION STRATEGY

The phenomenon of discourse dramaturgy is considered in the article in the projection of the implementation of the strategy of self-presentation. It is proposed to include the identification of semantic and pragmatic indicators of dramaturgy in the model of analysis of the dramaturgy of discourse. The analysis of the linguistic material showed that the inclusion of pragmatic indicators in speech acts can be accompanied by reframing. Semantic indicators profile the stable characteristics of an image.

Key words: discourse dramaturgy, self-presentation, pragmatic indicator, semantic indicator, reframing, impression management, tonality

А. А. Билялова, М. В. Камашева *(Елабуга, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
abill71@mail.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ В ВОЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается роль антропоморфных метафор в современном военном медиадискурсе. Метафора анализируется не только как средство языковой выразительности, но и как инструмент когнитивной адаптации, эмоционального и идеологического воздействия на аудиторию. Особое внимание уделяется антропоморфизации – стратегии наделения военных объектов и стратегий человеческими характеристиками, что упрощает восприятие сложных военных реалий и целенаправленно формирует определённое отношение к ним.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, военный медиадискурс

В современном языкознании метафора рассматривается как один из базовых механизмов осмысления действительности, т.е. метафора – это не только средство выразительности, но и инструмент познания, формирующий оценку и восприятие реального мира. Особенно заметна эта роль в специализированных сферах языка, где речь идет о сложных и конфликтных сферах человеческой жизни. К таким сферам относится военный дискурс, в котором военная лексика отражает не только факты и события, но и способы их осмысления, передает эмоциональные и оценочные оттенки, формирует образ войны и её участников в общественном сознании. Антропоморфные метафоры занимают в этой системе особое место. Приписывая войне, армии, вооружению или отдельным военным операциям человеческие свойства и состояния, антропоморфные метафоры выполняют функции когнитивной адаптации, эмоционального и идеологического воздействия.

Проблема, лежащая в основе данного исследования, связана с тем, каким образом антропоморфные метафорические модели участвуют в формировании образа военных понятий в медиадискурсе. Важно понять, какие именно человеческие характеристики чаще всего проецируются на военную сферу, как распределяются оценки и эмоции, закрепленные в таких моделях, и каким образом эти модели поддерживаются или переосмысливаются в современных текстах СМИ.

Степень разработанности проблемы носит неоднородный характер. Теория концептуальной метафоры и когнитивный подход к метафоризации достаточно подробно описаны в отечественной и зарубежной литературе. Исследуются метафорические модели политического и художественного дискурса, анализируется концепт война, рассматриваются стратегии конструирования образа врага [Абдыжапарова, Баранова 2022; Лифэнь, Чжунлянь 2022; Сурменева 2021; Чудинов 2021]. Вместе с тем антропоморфные метафоры в военной лексике СМИ чаще упоминаются как часть более широкого метафорического поля без детального описания их внутренней организации и функциональной нагрузки. Это создает необходимость специального исследования, ориентированного именно на антропоморфные модели.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить и охарактеризовать функции и прагматический потенциал антропоморфных метафорических моделей в текстах военного медиадискурса.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: выделить в корпусе медиатекстов единицы военной лексики, реализующие антропоморфные метафорические переносы; провести классификацию выявленных моделей и описать их основные типы; проанализировать семантическую структуру этих моделей и их оценочный потенциал; определить функции антропоморфных метафор в медиальном военном дискурсе и показать, как они влияют на интерпретацию военных событий читателем.

Объектом исследования является военная лексика современного медиадискурса. Предметом исследования выступают антропоморфные метафорические модели военных понятий в текстах СМИ, а также их структурные и функциональные характеристики.

Научная новизна работы заключается в попытке целостно описать систему антропоморфных метафорических моделей в военной лексике медиатекстов и связать эту систему с механизмами конструирования концепта «война» в массовом сознании. В центре внимания находятся не отдельный метафорический пример, а устойчивые модели переноса, их типология и функции в медиадискурсе.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о метафорической концептуализации специализированных сфер и в конкретизации роли антропоморфных моделей в когнитивной и дискурсивной лингвистике. Практическая значимость работы связана с возможностью применения ее результатов в курсах по лексикологии, стилистике, когнитивной лингвистике, медиалингвистике, а также в практике анализа текстов СМИ и разработке учебных материалов по критическому чтению и интерпретации медиадискурса.

Актуальность и сложность поставленных задач требует обращения к теоретическим основам, позволяющим системно описать антропоморфную метафоризацию в рамках когнитивной лингвистики, где метафора понимается как способ концептуализации абстрактных областей через более конкретные и телесно освоенные сферы. Данная трактовка получила развитие в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые показали, что метафора формирует структуру мышления и

влияет на интерпретацию событий [Лакофф, Джонсон 2004]. Антропоморфизм определяется как приписывание объектам неодушевленной природы характеристик, свойственных человеку. В лингвистике этот механизм рассматривается как форма когнитивного переноса, основанного на универсальном стремлении интерпретировать не человеческие явления через призму человеческого опыта. Военный дискурс функционирует в условиях высокой прагматической нагрузки и социальной значимости, что делает его чувствительным к метафорическим механизмам. Таким образом, специфика военной лексики проявляется в том, что метафора, антропоморфизм и особая организация терминов образуют взаимосвязанную систему механизмов, которые интерпретируют военную действительность.

Анализ медийных текстов показывает, что антропоморфизация остается одним из наиболее продуктивных механизмов образного представления военной действительности. В ходе исследования были выделены основные группы антропоморфных метафор, характерных для современных описаний военных действий и военной техники: военные действия и техника как живой организм, с**тратегия и тактика как черты характера человека**, военные структуры как человеческое тело. Для более глубокого понимания механизмов и функций антропоморфных метафор далее в работе представлен анализ конкретных примеров.

Военная техника и вооружение как живой организм. В этой группе военная техника, оружие или транспортные средства наделяются биологическими или психологическими характеристиками человека: Зенитно ракетный комплекс сканирует небо в радиусе свыше тридцати километров вокруг себя (https://www.kp.ru/daily/27659/5009798/); Abrams – очень капризный в обслуживании танк, он боится пыли, грязи и требует постоянного ухода (https://voennoedelo.com/posts/id50841-ekspert-rasskazal-o-kapriznosti-tanka-abrams?utm_source=chatgpt.com). В данных примерах метафоры выполняют две ключевые функции: функцию когнитивной адаптации, которая помогает упростить восприятие сложных технологий, и функцию эмоционального воздействия, вызывающую у читателя эмпатию и придающую информации эмоциональную окраску.

Стратегия и тактика как черты характера человека. **Эта категория антропоморфных метафор является одной из самых распространенных в медийном дискурсе.** Здесь военные действия, планы или стратегии описываются через призму человеческих качеств, намерений или поступков: *Беспилотник «Молния 2» успешно прошел к цели* (https://tvzvezda.ru/news/202511181516-EJbNf.html); *Военные продолжают зачистку Красноармейска (Покровска) в ДНР, там не прекращаются* ***ожесточенные*** городские бои (https://rg.ru/2025/11/23/reg-dnr/pushilin-rasskazal-o-shtykovyh-boia-na-ulicah-krasnoarmejska.html); *Беспилотник ...* ***надежен*****,** *может работать круглосуточно*, ***устойчив*** *к сильному ветру...* (https://tass.ru/ekonomika/25663029). **С помощью подобных антропоморфных метафор реализуется важный прагматический потенциал: они не только переводят оценку военных операций действий в плоскость человеческих качеств и действий, но и служат инструментом идеологического влияния.**

Военные структуры как человеческое тело. Метафоры данной категории проецируют военные объекты и стратегии на анатомию человека: Командир группы «Рысь» описывает тактику мотоциклетных штурмов как «удар в сердце обороны» (https://news.rambler.ru/army/54651455-udar-v-serdtse-oborony-boytsy-vs-rf-rasskazali-o-taktike-shturma-na-mototsiklah/?utm_source); *НЦУО РФ призван стать мозговым центром всей армии* (https://nachfin.info/SMF/index.php?topic=21297.0 &utm source). Указанные антропоморфные метафоры создают целостный образ армии или обороны как живого, слаженного организма, где у каждого элемента критически важная роль и функция, помогая визуализировать сложные процессы и отражая принципы **системности, взаимосвязи и иерархии**, которые лежат в основе эффективной военной организации.

Таким образом, антропоморфные метафоры в военном медиадискурсе выполняют **многоуровневые функции**, выходящие за рамки стилистически выразительного средства. Они служат **когнитивным инструментом**, упрощающим восприятие сложных военных реалий через призму человеческого опыта, и одновременно выступают **мощным средством идеологического и эмоционального воздействия**. Более того, антропоморфная метафора – это не только **языковое явление**, но и **социальный феномен**, участвующий в формировании коллективных представлений о войне, её участниках и последствиях. Дальнейшее изучение этого механизма позволит глубже понять, как медиа формируют картину мира и влияют на восприятие конфликтов в обществе.

Литература

Абдыжапарова М.И., Баранова И.В. Антропоморфная метафора как отражение специфики языковой картины мира в художественном дискурсе писателей малых народов Севера: на примере произведений АП Неркаги, ЕД Айпина // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 6. С. 107.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. М.: URSS, 2004.

Лифэнь Л., Чжунлянь Х. Анализ концептуальной метафоры «война» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 2021 г.) // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 126-134.

Сурменева Ю.В. Антропоморфная метафора политического кризиса на Украине в российском медиа-дискурсе // Общество. Государство. Личность: проблемы взаимодействия в современных условиях. 12 апреля 2021 г. С. 192-196.

Чудинов А.П. Метафорическая модель «война» в современном политическом дискурсе России и США // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 55-67.

A. A. Bilyalova, M. V. Kamasheva *(Elabuga, Russia)*
Kazan (Volga Region) Federal University

ANTHROPOMORPHIC METAPHORS IN MILITARY MEDIA DISCOURSE

The article examines the role of anthropomorphic metaphors in contemporary military media discourse. Metaphor is analyzed not only as a means of linguistic expression, but also as a tool for cognitive adaptation and emotional and ideological influence on the audience. Particular attention is paid to anthropomorphism – the strategy of attributing human characteristics to military objects and

strategies, which simplifies the perception of complex military realities and intentionally shapes a certain attitude towards them.

Key words: anthropomorphic metaphor, military discourse

Е. П. Богатикова *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Bogatikova.eugene@gmail.com

МЕЖДУ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ: ХЕДЖИРОВАНИЕ В МЕДИЦИНСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Статья рассматривает хеджирование как когнитивно-дискурсивный механизм репрезентации и трансляции специального знания в англоязычном медицинском электронном консультировании. На материале корпуса онлайн-обращений описываются формальные репертуары хеджирующих средств, различие между семантикой вежливости и неопределённости, а также их взаимодействие в управлении риском и кооперацией.

Ключевые слова: медицинская коммуникация, электронное консультирование, хеджирование, эпистемическая модальность, трансфер знания, телемедицина

Проблематика трансляции специального знания в диалоге «врач – пациент» приобретает особую остроту в контексте электронного консультирования. Асимметрия экспертности и ответственности усиливается отсутствием физикального осмотра, паралингвистических подсказок и привычных ситуационных рамок; одновременно с этим возрастает риск интерпретационных ошибок и ожиданий. В когнитивно-дискурсивной перспективе такая консультация представляет собой совместную деятельность по построению и согласованию ментальных репрезентаций болезни, рисков и решений, где языковые форматы знания задают границы вывода и действия. В центре внимания оказывается хеджирование — намеренное маркирование вероятностного, условного и приблизительного статуса высказывания, позволяющее калибровать степень уверенности и смягчать перформативную силу коммуникативных ходов [Lakoff 1973]. В рамках настоящей работы хеджирование рассматривается как интегральный механизм эпистемической и этической регуляции, причём анализ показывает, что профессиональная специфика медицинского дискурса вызывает расширение классического списка хеджей за счёт средств, обслуживающих области доказательности, юридической добросовестности и безопасности пациента.

Согласно классическому определению Дж. Лакоффа, хеджи «делают вещи в большей или меньшей степени неопределёнными» [Lakoff 1973: 471]. Дальнейшие исследования закрепили за хеджированием две взаимосвязанные функции: эпистемическую, обеспечивающую градацию уверенности, обозначение источников/границ знания и условий применимости вывода [Hyland 1998], и риторико-прагматическую, связанную с вежливостью и поддержанием социальных норм взаимодействия в различных сценариях [Brown, Levinson 1987]. В профессиональных сферах с высокой ценой ошибки хеджирование выступает также как средство распределения ответственности и управления риском [Prince et al. 1982]. Для

нашего анализа видится принципиальным развести два слоя значения, активируемых хеджами: семантику *вежливости* и семантику *неопределённости*. Семантика вежливости проявляется в значениях, снижающих уровень резкости высказываний и направленных на кооперацию, тогда как семантика неопределённости кодирует вероятностный статус выводов, неполноту данных и условия выполнения определенных действий [Богатикова 2022]. Настоящее исследование дополняет этот список, показывая, что в медицинском дискурсе систематически используются дополнительные классы хеджей, выходящие за пределы «лакоффовской» типологии.

Материал представлен англоязычным корпусом асинхронных электронных консультаций, состоящим из последовательностей «вопрос пациента — ответ врача» (19 186 слов). Исследование выполнено в русле качественно-описательного дискурсивного анализа с функционально-семантической аннотацией: выделялись формальные классы хеджей и их расширения, определялись функции по двум ортогональным осям (вежливость/неопределённость), сопоставлялись распределения в позициях врача и пациента.

Анализ показал устойчивую склонность к хеджированию у обоих участников, однако роли и функции их хеджей различаются. Ответы врача характеризуются сочетанием эпистемических маркеров вероятности (*It is likely/possible that*), условий выполнения каких-либо действий (*Given the limited information; Without an examination*), мягких рекомендательных формул (*You might consider, It would be reasonable to*), аппроксиматоров и ограничителей обобщения (*typically, in many cases, around*), а также расширенным набором дискурсивных средств, специфичных для медицинской коммуникации. В их числе регулярно встречаются эвиденциальные маркеры (*From the symptoms described; Based on the test results*), юридико-этические оговорки (*This online advice does not replace an in-person medical examination*), предостережения (*Seek emergency care if the pain worsens or if you develop shortness of breath*), временные ограничители (*only as a short course; monitor for the next 72 hours*) и условные ограничители (*if you have no known allergy, If the fever persists, stop and consult a doctor*). Эти маркеры одновременно поддерживают семантику неопределённости – задавая предварительный статус интерпретации симптомов, границы валидности и условия обобщения – и семантику вежливости – смягчая директивность, сохраняя автономию адресата и прозрачность ответственности. Характерными являются конструкты типа *«Based on your description, this could be a tension-type headache, but a clinical examination would be needed to confirm»* и *«It would be reasonable to increase fluid intake for 48 hours, provided there is no swelling or fever»,* где когнитивная осторожность сопряжена с эмпатией, юридической добросовестностью и предостережениями. В пациентских запросах доминируют маркеры неуверенности (*I'm not sure if, It seems like, I wonder whether*), самодиагностические гипотезы (*It might be related to stress, but I can't tell*) и аппроксиматоры опыта (*from time to time; roughly a week*), иногда встречаются метадискурсивные формулы (*From what I found on the internet*), которые, в отличие от врачебных, редко сопровождаются условиями валидности и юридико-этическими чертами. Такие средства создают пространство для совместной интер-

претации: говорящий признаёт границы собственного знания и приглашает эксперта к калибровке гипотез.

Семантика вежливости в анализируемом жанре реализуется через эмпатические маркеры (*I'm sorry to hear that*), мягкую модальность вместо директивных конструкций (*You might consider; It would be advisable to*), переформулировки с уменьшительным оттенком (*just, a bit*). Функция таких дискурсивных маркеров — уменьшить коммуникативное давление в ситуации неравных статусов и ответственности, поддержать кооперацию и доверие [Brown, Levinson 1987]. Семантика неопределённости проявляется через модальные глаголы (*may, might, could*), эпистемические наречия/прилагательные (*possibly, likely, probable*), эвиденциальные оговорки (*Based on what you describe; There is limited information*), аппроксиматоры и ограничители обобщения (*typically, in many cases*), а также через введённые нами расширители перечня хеджей: юридико-этические дисклеймеры (*This guidance is for informational purposes and does not constitute a clinical diagnosis; Remote advice cannot substitute a physical examination*), рамки условности (*assuming no contraindications; if new rash or neurological symptoms develop, discontinue and seek care*), временные ограничители (*for up to seven days; as a brief three-day course*), предостережения (*Seek urgent care for chest tightness, new weakness, or a severe, sudden headache; Go to the emergency department if fever exceeds 38.5°C or if you experience confusion*) и метадискурсивные настройки (*At this stage and with the limited details available; Given the constraints of this online format, my assessment remains provisional*). Их функция – задать вероятностный статус выводов и чёткие границы валидности, одновременно обеспечивая прозрачность этических и правовых условий применения рекомендаций. Принципиально важно, что эти слои часто сочетаются в одной реплике, образуя «эпистемически вежливую» форму: например, *«It would be reasonable to increase fluid intake for the next 48 hours, given the symptoms you describe»* и *«this does not replace an in-person evaluation»,* в которой поддерживается профессиональный образ адресата, калибруется степень уверенности, обозначаются сроки и правовой статус совета.

В рамках когнитивной лингвистики хеджирование выступает форматом репрезентации знания, оно позволяет явно отмечать степень уверенности — от возможности до высокой вероятности, задаёт условия, при которых допустимы обобщения, и помогает соотносить наивные описания с профессиональными категориями [Fauconnier 1994]. При обмене знанием в электронном пространстве, где контекст ограничен и отсутствует физикальное обследование, явные вербализаторы степени уверенности компенсируют дефицит невербальной информации, предотвращают ложную определённость и создают прозрачные ожидания относительно следующих шагов. Расширение существующего списка хеджей показывает, что репрезентация знания в медицинской коммуникации включает юридико-этический аспект: знание описывается не только как вероятностное, но и как применимое лишь при определённых условиях, например, в заданные сроки и при соблюдении критериев безопасности.

Хеджирование, встроенное в семантику неопределённости, предотвращает необоснованные обобщения и защищает от неверных категорических диагнозов вне клинического осмотра; встроенное в семантику вежливости – снижает директивность и поддерживает информированное согласие. Для врача хеджи становятся инструментом адаптации специального знания: они задают понятные условия выполнения какого-либо действия, фиксируют временные рамки и критерии безопасности, а также обозначают вероятностный статус рекомендаций. Для пациента – это способ очертить пределы собственного опыта и инициировать диалог на волнующую его тему. На стыке семантики вежливости и неопределённости формируется устойчивый жанровый паттерн «ответственной» коммуникации. Так, хеджирование в электронном медицинском консультировании выполняет три взаимосвязанные задачи: риторико-прагматическую (поддержание кооперации и защита имиджа адресата), эпистемическую (калибровка уровня уверенности и границ обобщения) и трансляционную (адаптация специального знания к наивным репрезентациям). Разведение семантики вежливости и семантики неопределённости позволяет точнее описать механизмы эффективной и этичной передачи знания. Врачи систематичнее и стратегичнее используют хеджи для маркировки условий валидности, временных рамок и критериев безопасности, юридико-этического статуса советов и вероятностного уровня вывода; пациенты – для артикуляции неуверенности и запроса на экспертную интерпретацию. Тем самым хеджирование выступает не столько «смягчителем» высказываний, сколько когнитивным и нормативным форматом знания, критически важным для качества и этичности дистанционного медицинского диалога.

Литература

Богатикова Е.П. Коммуникативные тактики электронной медицинской консультации в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2022.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Hyland K. Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam: John Benjamins, 1998.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. Pp. 458-508.

Prince E.F., Frader J., Bosk C. On Hedging in Physician–Physician Discourse // Linguistics and the Professions. Norwood, NJ: Ablex, 1982. Pp. 83-97.

E. P. Bogatikova *(Perm, Russia)*

Perm State University

BETWEEN POLITENESS AND AMBIGUITY: HEDGING IN MEDICAL CONSULTING

This article examines hedging as a cognitive-discursive mechanism for representing and communicating specialized knowledge in English-language medical e-consultations. Using a corpus of online queries, it describes the formal repertoires of hedging tools, the distinction between the semantics of politeness and uncertainty, and their interaction in risk management and cooperation.

Key words: medical communication, e-consultation, computer-mediated communication (CMC), hedging, epistemic modality, knowledge transfer, telemedicine

Д. Н. Бондарев *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
bondarev.2002@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТИ В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА: СОЦИО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье анализируется эволюция концепта «власть» в когнитивном измерении на материале инаугурационных речей президентов США периода 2001–2025 гг. В работе делается акцент на ключевых концептуальных стратегиях вербализации власти как идеологического ресурса. Особое внимание уделяется когнитивным схемам, формирующим коллективное восприятие роли государства, лидера и граждан в политическом процессе.

Ключевые слова: власть, дискурс-анализ, инаугурационная речь, когнитивные модели, политический дискурс, социо-когнитивный анализ, частотный анализ

Понятие власти является ключевым для политической науки и дискурсивных исследований. В социологических и политологических исследованиях власть трактуется как способность влиять на общественные процессы через контроль ресурсов, институтов и норм. В современном социо-когнитивном подходе акцент смещается к тому, что власть – это не только внешняя институциональная структура, но и совокупность ментальных моделей и представлений участников дискурса. Она рассматривается как совокупность уникального опыта (переживаний), лежащего в основе формирования регулирующих правил [Демидов 2025: 41-53]. Субъективное восприятие и когнитивные схемы влияют на то, как власть понимается и реализуется в обществе [Будаев 2020: 127].

Политический дискурс характеризуется «полевым строением», в центре которого находятся жанры борьбы за власть, такие как парламентские дебаты и речи лидеров [Шапочкин 2018: 59]. В рамках социо-когнитивного подхода власть рассматривается через призму метафор, сценариев и схем, которые проявляются в речи. Политический дискурс строится вокруг концепта власти, который проявляется во взаимодействии языка, коммуникации и политического состояния общества. Таким образом, «власть» в речи институализируется через различные когнитивные образы и метафоры, отражающие исторический и социальный опыт.

Инаугурационная речь – это особый жанр политического дискурса, приуроченный к вступлению в должность главы государства. Она входит в состав политического ритуала и призвана объявить гражданам задачи и цели президентской деятельности, задав тем самым нравственную и идеологическую установку гражданам страны [Шейгал 2002: 205-214]. Для анализа когнитивных моделей власти в

таком выступлении важно выявить, какие представления о силе, ответственности и роли государства транслирует лидер.

В инаугурационной речи 2001 г. Джордж Буш-младший выстраивает понятие власти через религиозно-идеологический образ. Америка предстает защитником и носителем «правды и свободы»: *society that became a servant of freedom* [National Archives]. Здесь власть представлена как высшая миссия, т.е. власть – не принуждение, а защита. Далее Буш упоминает силу, выходящую за пределы возможностей человека: «*We are guided by a power larger than ourselves who creates us equal in His image»* [National Archives]. Это моделирует власть как божественный дар или как трансцендентный принцип, что подчёркивает легитимность и унифицированность нации. В том же выступлении Буш выделяет и практический аспект власти – государство должно иметь силу для решения социальных задач: «*reclaim America's schools», «reform Social Security and Medicare»* [National Archives]. Когнитивная модель власти у Буша в выступлении 2001 г. – это морально легитимированное лидерство, основанное на божественно санкционированных правах человека и гражданина, реализуемое через защиту свободы внутри страны и её распространение в мире.

В инаугурационной речи 2005 г. Буш оперирует властью в ключе национальных идеалов и глобального влияния: *«Americans, of all people, should never be surprised by the power of our ideals»* [National Archives]. Здесь власть представляется как нематериальная ценность, идеологический импульс продвижения идеалов свободы. Буш продолжает говорить о глобальном распространении «американской свободы», используя метафору огня: *«And one day this untamed fire of freedom will reach the darkest corners of our world»* [National Archives]. Таким образом, в риторике Джорджа Буша-младшего власть концептуализируется как морально и религиозно-санкционированная миссия защиты свободы и распространения демократических ценностей. Власть выступает как трансцендентно легитимированное лидерство, соединяющее национальную идентичность с универсальными демократическими идеалами.

Барак Обама в своих инаугурационных выступлениях связывает власть с ответственностью и нравственным выбором: *«Our power grows through its prudent use; our security emanates from the justness of our cause, the force of our example, the tempering qualities of humility and restraint»* [National Archives]. Здесь власть представлена не как самоцель, а как средство, усиливающееся при благоразумном применении и основанное на справедливой миссии. Важно отметить, что Обама делает акцент на экономическом аспекте власти во время финансово-экономического кризиса, намекая на необходимость государственного контроля рынка с помощью метафоры «*a watchful eye*»: *«But this crisis has reminded us that without a watchful eye, the market can spin out of control»* [National Archives]. Он также обращает внимание на превосходство США, называя её «могущественной нацией» с «самыми большими интересами в мире»: «*no one has a greater stake in a peaceful world than its most powerful nation. We will support democracy from Asia to*

Africa, from the Americas to the Middle East» [National Archives]. Этим Обама продолжает идею Буша о распространении «демократических идеалов США». Национальная мощь США подчёркивается через ответственность на мировой арене: *«America will remain the anchor of strong alliances in every corner of the globe»* [National Archives]. В выступлениях Барака Обамы также делается акцент на гражданском участии, моделируя власть как коллективную способность народа: *«You and I, as citizens, have the power to set this country's course»* [National Archives]. Власть описывается как общее достояние и реализуется через активную гражданскую позицию.

Инаугурация Джо Байдена 2021 г. происходит в атмосфере острой политической поляризации. Байден говорит о мирной передаче власти, как это было на протяжении двухсот лет, подчёркивая традицию и легитимность института: *«to carry out the peaceful transfer of power as we have for more than two centuries»* [National Archives]. Байден сравнивает силу власти с силой примера, обращая внимание на моральный авторитет властных структур перед народом: *«we will lead not merely by the example of our power, but by the power of our example»* [National Archives]. В конце своей речи он обещает во время своего президентского срока думать не о власти, а о возможностях, тем самым представляя власть не как цель для обеспечения собственного интереса, а как инструмент для достижения общественного блага: *«I do, in your service, thinking not of power, but of possibilities; not of personal interest, but of the public good»* [National Archives].

Инаугурация Дональда Трампа 2017 г. явила резко популистскую модель власти. Трамп провозглашает перенос власти от «Вашингтона» к «народу»: «*We are transferring power from Washington, DC, and giving it back to you, the people»* [National Archives]. В данной концепции власть представлена как ресурс, незаконно удерживаемый элитами и вновь обретаемый простыми гражданами. Власть в риторике первого президентского срока Трампа отражает суверенитет народа над правительством: *«January 20, 2017, will be remembered as the day the people became the rulers of this Nation again»* [National Archives].

Инаугурация Дональда Трампа 2025 г. демонстрирует слегка военизированный образ власти. Трамп говорит о возвращении суверенитета и восстановлении безопасности страны: *«Our sovereignty will be reclaimed. Our safety will be restored»* [National Archives]. В этом случае власть интерпретируется как сила, исправляющая прошлые утраты и возвращающая стране былую силу и стабильность. Трамп подчёркивает защитную функцию власти, определяя власть как оборону и охрану нации: *«As Commander in Chief, I have no higher responsibility than to defend our country from threats and invasions»* [National Archives]. В социо-когнитивной перспективе такие высказывания реализуют модель, где лидер видит себя гарантом безопасности граждан. Другими словами, Трамп концептуализирует власть как инструмент защиты народа и восстановления правопорядка.

В рамках исследования был проведён частотный анализ инаугурационных выступлений президентов США рассматриваемого периода с использованием инструмента Voyant Tools. Результаты показали общую тенденцию в репрезента-

ции когнитивных представлений власти через ключевые лексические доминанты. Так, в период президентства Джорджа Буша-младшего наиболее частотными являются слова *Freedom (31)*, *America (31)* и *Nation (25)*, что подтверждает идеологизированную и ценностно-ориентированную модель власти. В выступлениях Барака Обамы наблюдается сдвиг в сторону институционального и гражданского измерения власти, где в числе наиболее частотных слов выступают *Government (8)* и *People (19)*. В инаугурационных речах Дональда Трампа доминирующим становится слово *Country (24)*, акцентируя суверенно-государственную модель власти. В течение последних пяти лет частотность вновь смещается к словам *America (42)* и *Nation (35)*, что свидетельствует о возвращении к национальной идее концептуализации власти, свойственной началу XXI в.

Эволюция когнитивных моделей власти указывает на постепенный сдвиг от трансцендентно-миссионерского, демократического и идеологического понимания власти к прагматичным интерпретациям, защите национальных интересов и возвращению былого величия. Таким образом, эволюция когнитивных моделей власти в инаугурационных речах отражает изменения социально-политического контекста, общественных ожиданий и глобальных вызовов. Социо-когнитивный анализ позволяет показать, что власть в политическом дискурсе функционирует не только как институциональный ресурс, но и как динамическая система ментальных репрезентаций, формирующих коллективное понимание роли государства, лидера и граждан в политическом процессе.

Литература

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб.: Издательство «Наукоемкие технологии», 2020.

Демидов Г.К. Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории // Дискурс. 2025. Т. 11, № 3. С. 41-53.

Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. 2-е издание, переработанное и дополненное. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2018.

Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи – 3: сборник научных статей. Саратов. 2002. № 3. С. 205-214.

National Archives. URL: https://www.archives.gov

D. N. Bondarev *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

THE EVOLUTION OF COGNITIVE MODELS OF POWER IN THE INAUGURAL SPEECHES OF THE AMERICAN PRESIDENT: A SOCIOCOGNITIVE ANALYSIS

The article analyzes the evolution of the concept of POWER in the cognitive dimension using inaugural addresses of US presidents from 2001 to 2025. The paper emphasizes key conceptual strategies for verbalizing power as an ideological resource. Particular attention is paid to the cognitive schemas that shape the collective perception of the role of the state, leader, and citizens in the political process.

Key words: power, discourse analysis, inaugural address, cognitive models, political discourse, sociocognitive analysis, frequency analysis

О. В. Бронникова, А. С. Головко *(Тюмень, Россия)*

Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru, a.s.golovko@utmn.ru

ДИСКУРСИВНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В РАССКАЗАХ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА ИЗ СБОРНИКА «ПТИЦА В КЛЕТКЕ»

В настоящей статье рассматривается феномен дискурсивной креативности как проявление языкового творчества в художественной прозе Олега Григорьева на примере рассказов из сборника «Птица в клетке». Авторы анализируют механизмы и формы языкового творчества, опосредованные когнитивно-дискурсивным подходом, и выявляют, как интердискурсивность способствует активизации читательского восприятия. Особое внимание уделяется взаимодействию поэтического, диалогического, философского и абсурдистского дискурсов, которые формируют уникальные смысловые конструкции. Нарушение прагматических пресуппозиций ведет к переосмыслению концептов и расширению границ художественного текста, приглашая читателя к философскому размышлению.

Ключевые слова: дискурсивная креативность, интердискурсивность, художественный дискурс, Олег Григорьев

Дискурсивная креативность как проявление языкового творчества в художественном дискурсе является актуальной темой современных лингвистических исследований. Особый интерес в этом ключе представляют прозаические произведения поэта Олега Григорьева. Как емко замечает М. Яснов, «Олег Григорьев – поэт люмпенизированного российского мира, в котором стерлась граница между «…» птицей в клетке и птицей на ветке [Яснов 2002]. Цель данного исследования состоит в выявлении механизмов дискурсивной креативности в рассказах из сборника «Птица в клетке» через призму когнитивно-дискурсивного подхода.

Вслед за И.В. Зыковой, мы отталкиваемся от понятия лингвокреативности, под которой понимается «способность глубинных оснований как результатов познания мира системно порождать разнородные знаки языка «…» и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков модифицируются» [Зыкова 2017: 638]. Дискурсивно обусловленная лингвокреативность предполагает наличие определенной специфики «действия» универсальных параметров в каждом конкретном типе дискурса и особые формы проявления в нем креативного использования языка, позволяя различать случаи прагматически ориентированного нарушения дискурсивной нормы, дискурсивно обусловленные средства выразительности и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов [Зыкова 2021: 109-110]. О.В. Соколова определяет дискурсивную креативность как «обновление на уровне микроструктуры дискурса с помощью интенсификации тех или иных языковых приемов, апроприированных из других дискурсов» [Соколова 2023: 95], т.е. в отборе средств, имеющихся в арсенале других дискурсов, и в расширении базы приемов в данном дискурсе.

Следует обратить внимание на взаимодействие различных типов дискурса в процессе дискурсивной креативности, которое может быть опосредовано такими терминами, как интердискурсивность [Чернявская 2016] и когнитивное взаимо-

действие, при которых концептуальные характеристики дискурсов «наслаиваются» друг на друга, воздействуя на участников дискурса и инициируя изменения в их концептуальной картине мира. Это способствует наращиванию дискурсивного смысла через взаимосвязь когнитивных, языковых, прагматических: коммуникативных и общественно значимых факторов [Беспалова 2025].

При анализе рассказов «Две трубы», «Апельсин», «Самокат», «Заступник», «Гусь», «Порядок», «В школу так в школу», «Что вы делаете?», «Кровать», «Случай», «Стаканы», «Лестница», «Стекло», «Получил в нос» было установлено, что интердискурсивность проявляется в жанровой гибридности через когнитивное взаимодействие жанров поэзии, диалогической речи, философской миниатюры, притчи и абсурда. Большинство рассказов строится в формате короткого диалога, при этом прослеживаются черты поэтического дискурса на уровне структуры художественного текста: нелинейная композиционная структура, связанная с вертикальным членением; принцип поэтического структурирования (параллелизм: – *Идти так идти, … – Гулять так гулять, …* [Григорьев 2010: 257]). На языковом уровне – через установку на создание ярких образных средств, например, автор использует такие лексические новообразования, как *… фигуреческие челогуры, которые доят стром… А мимо идут Рамбинзоны в заботине* [Там же: 260].

Данные рассказы также могут быть обозначены как философские миниатюры с элементами жанра притчи, что проявляется в имплицитности, иносказательности, неопределенности дейксиса [Сабурова 2019]. Мы не знаем точного времени и места действия, кем являются герои, куда они направляются и т.п.: *Идет Миша по улице, видит – лудильщик дырявую кастрюлю паяет* [Григорьев 2010: 258]. Это также передается через сюжетную линию и строится по традиционному типу: завязка, действие, кульминация и развязка. Данная структура прослеживается как в графическом расположении рассказов: завязка и развязка отделяются от действия и кульминации дополнительным пробелом между строками, так и в самом построении сюжета большинства рассказов. Завязка, начинающая всё действие, раскрывает причины последующих событий; действие передает поступки персонажей в их взаимосвязях. Например, в рассказе «Лестница»:

Поднимаясь по лестнице домой, Петров насчитал восемь ступенек, спускаясь по лестнице вниз – насчитал только семь.

– Непорядок, – решил Петров и обратился к дворнику.

– Этого не может быть, – сказал дворник и поднялся на восемь ступенек вверх. «…»

Решили снести лестницу вовсе.

Теперь, когда Петров идёт домой, он подпрыгивает на восемь ступенек вверх, а когда выходит из дома, прыгает на семь ступенек вниз [Там же: 259].

Включаются элементарные единицы действия в виде коротких и простых высказываний, незамысловатых движений, которые вербализуются с помощью номинативных и глагольных конструкций, например: *Но если не ставить стакан на стакан, а под стаканом еще стакан, у вас будет только стакан, стакан и стакан* [Там же: 259]. Кульминация «притчи» О. Григорьева передает момент наивысшего

эмоционального напряжения через ситуации, противоречащие здравому смыслу, которые заставляют читателя переживать за героев. В рассказе «Две трубы» читатель уверен, что выкидывают трубу с детьми: *Раскачали трубу и бросили в реку. А дети выспались, вылезли из трубы и разошлись по домам. Спали-то они в другой трубе* [Там же: 255]. На концептуальном уровне развязка содержит моральную составляющую, но в версии О. Григорьева это необязательно нравоучительное завершение, ради которого, как правило, создается вся история, а зачастую философская мысль, приглашение к размышлению в дидактико-аллегоричном формате. Так, в рассказе «Получил в нос» главный герой прощает человека, ударившего его в нос, и пожимает ему руку: *Это был тот самый, что ударил Сидорова в нос. А Сидоров пожал ему руку и все простил* [Там же: 260]. Можно отметить простоту передаваемых смыслов и в то же время глубокую истину о жизни. Во всех рассказах говорится о какой-то конкретной ситуации, но речь идёт об универсальном принципе жизни О. Григорьева: необходимо превращаться в ребенка и с простодушным удивлением радостно открывать знакомый мир.

Рассказы характеризуются сжатостью смысла. Когнитивный механизм инференции позволяет соединять в одной точке обширные сферы человеческого опыта, однако когнитивный диссонанс, возникающий из-за нарушения прагматических пресуппозиций, приводит к нарушению когезии и когерентности текста. Использование ненормативных или противоречащих реальной дискурсивной ситуации языковых конструкций создает абсурдность представляемых событий. Так, одним из средств создания абсурда, как чрезвычайно ёмкого и семантически нагруженного образования, являются прагмакоммуникативные аномалии [Кравченко 2022: 406], т.е. такие текстуальные единства, в которых нарушается принцип соответствия коммуникативного ответа представленному ранее контексту. Это ведет к утрате адекватности коммуникации и формально выражается в несоответствии содержания ответа пропозициональной функции вопроса, как в рассказе «Что вы делаете?»:

Пошел Миша дальше, видит – точильщик ножи точит.

– Дяденька, что вы делаете? – спрашивает Миша.

– Яму копаю, – ответил точильщик [Григорьев 2010: 258].

Абсурд также активизируется через использование асемантических конструкций посредством использования механизма семантического повтора, который является маркером диалогической речи, с одной стороны, а с другой – жанра философской миниатюры:

– Мальчик, ты не видел, проходил ли здесь гусь? Большой гусь с красными лапками.

– Гуся не видел.

– А не видел ли ты гуся, за которым шла гусыня?

– Нет, не видел.

– А не видел ли ты гуся, за которым шла гусыня с тремя гусятами?

– Конечно, видел. Они пошли вон на тот пруд [Там же: 256].

Важно отметить, что О. Григорьев – «это отчетливый тип внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всего официального, «взрослого» … но не идущего на прямую конфронтацию, а просто предпочитающего занять свою нишу: культуру быта, улиц и кухонь, культуру тайного протеста, ерничанья, насмешки и анекдота…» [Яснов 2002]. Передаче этих концептуальных смыслов способствует дискурсивная креативность, проявляющаяся в когнитивном взаимодействии разных типов дискурсов (поэзии, диалога, философской миниатюры и притчи). При этом происходит переосмысление концептов, в том числе как результат выстраивания абсурдных ситуаций, которые формируют новые смыслы и игру с ожиданиями через нарушение стереотипов восприятия, прагматических пресуппозиций и логики развертывания повествования, а также через нарушение языковых норм.

Литература

Беспалова Е.В. Моделирование импликативной семантики ландшафта в разных типах немецкоязычного дискурса: дис. … д-ра. филол. наук. М., 2025.

Григорьев О. Птица в клетке. СПб.: Амфора, 2010.

Зыкова И.В. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности. М.: Р. Валент, 2021.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Кравченко М.А., Кравченко О.В. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 400-421.

Сабурова Н.А., Татаурова А.Г. Жанровые особенности современной притчи и их сохранение при переводе. URL: https://academicjournal.ru/images/PDF/2019/Academy-6-45/zhanrovye-osobennosti.pdf

Соколова О.В. Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 93-105.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта, 2016.

Яснов М. «Маленькие комедии» Олега Григорьева // Дошкольное образование. 2002. № 23. URL: https://dob.1sept.ru/article.php?ID=200202306

O. V. Bronnikova, A. S. Golovko *(Tyumen, Russia)*

University of Tyumen

DISCURSIVE CREATIVITY IN OLEG GRIGORIEV'S SHORT STORIES FROM THE COLLECTION "A BIRD IN A CAGE"

The article examines the phenomenon of discursive creativity as a manifestation of linguistic creativity in Oleg Grigoriev's prose. The authors analyze the mechanisms and forms of linguistic creativity mediated through a cognitive-discursive approach, revealing how interdiscursivity enhances reader engagement. Particular attention is given to the interplay of poetic, dialogic, philosophical and absurdist discourses, which create unique semantic structures, challenge pragmatic presuppositions and encourage the reinterpretation of concepts, expanding the boundaries of artistic text and inviting readers to philosophical reflection.

Key words: discursive creativity, interdiscursivity, artistic discourse, Oleg Grigoriev

Ю. В. Букина *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
juliabukina@mail.ru

РЕФРЕЙМИНГ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА В МОТИВАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ TED TALKS

В статье рассматривается рефрейминг как ключевая контекстно-обусловленная когнитивная стратегия, направленная на трансформацию интерпретационных схем адресата в англоязычном мотивационном дискурсе TED Talks. Выявленные модели рефрейминга, встроенные в тематические кластеры публичного мотивационного дискурса, демонстрируют его стратегическую неоднородность.

Ключевые слова: мотивационный дискурс, фрейм, рефрейминг, стратегия, когнитивно-дискурсивный анализ

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей ролью публичного мотивационного дискурса в современном медиакоммуникативном пространстве и необходимостью теоретического осмысления когнитивных механизмов, обеспечивающих интерпретацию опыта адресатом. Особое место в этом контексте занимает жанр устных публичных выступлений в формате TED Talks, в котором стратегический характер приобретает рефрейминг, представляющий собой инструмент целенаправленного воздействия на когнитивные и аксиологические установки адресата и изменение поведенческих стратегий.

В рамках настоящего исследования объектом анализа является англоязычный мотивационный дискурс TED Talks, представляющий собой самостоятельный тип институционального мотивационного дискурса, обладающий устойчивыми системообразующими характеристиками и ориентированный на мотивационное, ценностное и когнитивное воздействие на массовую аудиторию [Подоляк 2016; Хутыз 2022; Ширяева 2025]. Целью настоящего исследования является выявление и описание когнитивно-дискурсивных механизмов рефрейминга в современном мотивационном дискурсе TED Talks, определение их роли в реконструкции смысла и формировании мотивационного эффекта.

В когнитивной лингвистике теоретическим фундаментом анализа рефрейминга являются теория фреймов и теория концептуальной метафоры [Scherling 2018]. Согласно теории фреймов, интерпретация события определяется активированным когнитивным фреймом, который задает соответствующие параметры ситуации, роли участников и аксиологическую интерпретацию происходящего, а изменение фрейма, таким образом, означает изменение самой интерпретации опыта. Теория концептуального блендинга дополняет данную перспективу, демонстрируя, что рефрейминг может осуществляться посредством интеграции различных ментальных пространств, в результате чего формируется новая структура, меняющая исходное понимание ситуации [Fauconnier, Turner 2008].

Для лингвистического анализа принципиально важно, что рефрейминг не сводится к позитивной оценке, а предполагает перестройку когнитивной модели

ситуации. В отечественной лингвистике теоретической базой исследования рефрейминга служат когнитивно-дискурсивный и лингводидактический подходы, в рамках которых интерпретация дискурса опосредуется когнитивными моделями и концептуальными структурами, при этом смысл формируется в процессе дискурсивной интерпретации. По мнению ученых, рефрейминг представляет собой когнитивную операцию переключения, изменения отношения к ситуации с помощью смены точки зрения без изменения самой ситуации [Одинцова 2012; Александрова 2015].

Для анализа мотивационного дискурса релевантным является позитивный дискурс-анализ, ориентированный на изучение того, каким образом дискурс может способствовать формированию солидарности, социальной сплочённости и позитивных изменений в социуме, где рефрейминг рассматривается как стратегия конструирования альтернативных интерпретационных рамок, направленных на оспаривание доминирующих фреймов и открытие новых возможностей для социального действия [Martin 2004; Macgilchrist 2007].

Материалом исследования послужили англоязычные публичные мотивационные видеолекции TED Talks, отобранные из списка самых популярных выступлений в 2024–2025 гг. по мнению сайта ted.com по критериям жанровой принадлежности к мотивационному дискурсу. Анализ осуществлялся с применением фреймового, когнитивно-дискурсивного анализа, прагматико-дискурсивного анализа стратегий воздействия. В рамках настоящего исследования рефрейминг рассматривается как когнитивно-дискурсивная стратегия, реализуемая через трансформацию оценочных и ценностных фреймов, а также через изменение нарративных структур, направленных на реконструкцию смысла и переосмысление опыта адресата.

Анализ фактического материала в тематических кластерах англоязычного мотивационного дискурса TED-talks (глобальные кризисы планеты; технологии и искусственный интеллект; демократия и социальная ответственность; личностный опыт) позволил выделить ряд основных моделей рефрейминга: «кризис → возможность»; «беспомощность → агентность»; «ответственность → выбор»; «эмоция (страх, тревога) → ресурс / сигнал»; «техническая проблема → моральная ценность»; «индивидуальный опыт → универсальный нарратив».

В модели рефрейминга «кризис → возможность», являющейся наиболее частотной во всех тематических кластерах англоязычного мотивационного дискурса TED Talks (27,7% из общей выборки дискурсивных отрезков, содержащих выявленные модели рефрейминга), кризис в речи спикеров TED представлен не как финальная точка, а как переходный момент, допускающий дальнейшее действие. Так, шведский учёный, эколог Йохан Рокстрём, используя в своем выступлении метафорическое выражение, побуждает адресата к интерпретации угрозы как одновременно существующей возможности ее преодоления: *The window is rapidly closing, but there is still some light in the window... we've reached a pivotal point, not only in terms of risk, but also in terms of opportunity* [Rockström 2024]. Аналогичный механизм наблюдается в его же выступлении при повторяющемся акценте на

наличии решений: *Solving the planetary crisis is not only necessary, it is possible, and we all win if we succeed* [Rockström 2024]. Основными лингвистическими средствами для реализации данной модели рефрейминга служат контрастивные конструкции *(but there is still…)*, модальные конструкции со значением возможности (*is/might be possible*), метафоры рубежа и перехода (*window, light*).

Модели рефрейминга «беспомощность → агентность» (22,3%) и «ответственность → выбор» (17,9%) имеют схожий трансформационный механизм: эмоции превращаются в мотивационный ресурс, используются инструментально, а не как конечная цель; страх и тревога не подавляются, а рационально применяются. У британской журналистки, спикера TED Кэрол Кадвалладр опыт судебного преследования сначала конструируется как состояние уязвимости, а затем как источник силы: *"I felt powerless for a really long time… But we have to act now… In my case, I survived. And you will too. But it's by learning how to fight back."* Далее агентность становится коллективной посредством перехода от личного местоимения *I – я* к местоимению *we – мы*: *We are not powerless… Because we know who we are, and we know what we stand for* [Cadwalladr 2025].

Отметим, что в рамках экологической и климатической тематики, превалирующей выступает модель рефрейминга «кризис → возможность», что указывает на рационально-научный характер мотивации. Технологии и искусственный интеллект представлены преимущественно моделями рефрейминга «ответственность → выбор» (26%) и «кризис → возможность» (24 %), где риски не отрицаются, а переосмысливаются как управляемые. В тематическом блоке «Демократия и социальная ответственность» доминирующей становится модель рефрейминга «беспомощность → агентность» (29%), где адресат представлен как активный субъект политического и морального действия. Личностный опыт представлен посредством рефрейминга как эмоциональный и агентный сдвиг, где наблюдается смена его профиля на универсальный.

Таким образом, выявленные модели рефрейминга как контекстно-обусловленной когнитивной стратегии, встроенной в тематическую структуру публичного мотивационного дискурса, демонстрируют его стратегическую неоднородность. Каждая тематическая зона активирует собственный профиль рефрейминга, адаптированный к типу проблематики: глобальные темы – когнитивный рефрейминг; технологии – рефрейминг выбора и ответственности; демократия – агентность и ценности; индивидуальный опыт – нарративный сдвиг.

Рефрейминг в мотивационном дискурсе TED выполняет центральную функцию в мотивационном воздействии, позволяя сохранить реалистичность описания кризисов, одновременно изменяя их когнитивный статус. Рефрейминг, направленный на формирование нарратива роста и позитивной интерпретации жизненных трудностей, способствует переосмыслению личного и профессионального опыта, формируя у адресата позицию агентного субъекта, способного к осмысленному действию в условиях неопределённости.

Литература

Александрова О.В. Когнитивно-дискурсивные технологии в интерпретации языка и речи // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 59-63.

Одинцова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 73-80.

Подоляк Ж.И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. С. 63-64.

Хутыз И.П. Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса: уровень грамматики // Вестник МГПУ. 2022. № 1 (45). С. 100-112.

Ширяева Т.А. Мотивационный дискурс как средство формирования научной картины мира молодых ученых // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Материалы Всероссийской студенческой конференции с международным участием. Брянск, 2025. С. 267-271.

Cadwalladr C. This is what a digital coup looks like. 2025. URL: https://www.ted.com/talks/carole_cadwalladr_this_is_what_a_digital_coup_looks_like

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2008.

Macgilchrist F. Positive Discourse Analysis: Contesting Dominant Discourses by Reframing the Issues // Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines. 2007. № 1 (1). Pp. 74-94.

Martin J.R. Positive Discourse Analysis: Solidarity and Change // Revista Canaria de Estudios Ingleses. 2004. Vol. 49. Pp. 179-200.

Rockström J. The tipping points of climate change – and where we stand. 2024. URL: https://www.ted.com/talks/johan_rockstrom_the_tipping_points_of_climate_change_and_where_we_stand

Scherling J. Frames, cognition, ideology. And Chomsky / E.M. Luef, M.M. Marin // The talking species: Perspectives on the evolutionary, neuronal and cultural foundations of language. Graz: Uni-Press Graz Verlag, 2018. Pp. 449-468.

Y. V. Bukina *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

REFRAMING AS A COGNITIVE-DISCOURSIVE STRATEGY OF MEANING RECONSTRUCTION IN TED TALKS MOTIVATIONAL DISCOURSE

The article examines reframing as a core context-driven cognitive strategy aimed at transforming the interpretive schemes of the addressee in the English-language TED Talks motivational discourse. The identified reframing models embedded in the thematic clusters of public motivational discourse demonstrate its strategic heterogeneity.

Key words: motivational discourse, frame, reframing, strategy, cognitive-discursive analysis

П. Ю. Бурняшова *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
burnyaschova2015@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена исследованию метафоры как когнитивно-дискурсивного механизма популяризации научного знания для молодежи в условиях современных цифровых вызовов. На материале выступлений ученых на конференции PopTech демонстрируется, как концептуальные метафоры преобразуют сложные научные идеи в доступные и эмоционально вовлекающие модели.

Ключевые слова: метафора, научно-популярный дискурс, дискурс, популяризация, когнитивный механизм, дискурсивный механизм

Трансляция научных знаний сопровождает процесс человеческого развития уже на протяжении многих столетий. Однако в XXI в. научная коммуникация сталкивается с вызовами, обусловленными стремительным развитием цифровых технологий. В первую очередь, возникает проблема информационной перегруженности. Ежедневно в цифровом пространстве, большая часть которого доступна каждому человеку, появляется значительное количество новой информации, требующей её переработки и осмысления. Повсеместная доступность разного рода информации, включая научную, приводит к размытию границ её достоверности. Наряду с этим возникает кризис доверия к науке и её представителям, для борьбы с которым ученые вынуждены искать новые форматы трансляции своих научных достижений и открытий широкой аудитории. Кроме того, важно отметить, что основными потребителями информации в новом цифровом пространстве являются представители различных поколений, включая миллениалов, зумеров и альфа, которые характеризуются рядом специфических черт.

Особенности представителей новых поколений XXI в., согласно мнению Е.В. Шалагиной и С.Д. Полякова, проявляются в «необходимости непрерывной актуализации смысловой базы данных, временной ограниченности осмысления и реагировании на получаемую информацию; интенсивном использовании кратковременной памяти; несосредоточенности на деталях воспринимаемой информации, восприятии и фиксации информации в общих чертах; уменьшении объема и концентрации произвольного внимания; снижении значимости логико-рационального восприятия информации» [Поляков, Белозерова, Вершинина, Данилов, Кривцова 2019: 130]. В связи с этим, представителями этих поколений устанавливаются новые правила потребления информации в цифровом пространстве, подразумевающие не просто трансляциию научного знания, а его популяризацию в доступной и увлекательной форме.

Популяризация научного знания в когнитивной проекции может рассматриваться «в виде набора гибких стратегических процедур, которые управляют процессами организации и восприятия дискурса, обеспечивая проекцию когнитивных

стратегий в области речевого взаимодействия» [Городникова, Будасси 1995: 81]. Одним из таких механизмов, обеспечивающих эффективную когнитивную проекцию сложных научных идей, выступает метафоризация, центральной единицей которой является метафора. Исследование метафоры с когнитивной точки зрения представляет особый интерес и в силу того, что современное изучение процессов понимания выходит за пределы лингвистики и начинает рассматривать язык как компонент сложных когнитивных процессов. Как отмечает Е.С. Кубрякова, смещение исследовательского фокуса на метафору как на явление мышления и познания отражает общую тенденцию лингвистики к изучению того, «как оперирует языком его носитель» [Кубрякова 1998: 49], порождая и воспринимая определенный текст, тем самым формируя новую когнитивно-дискурсивную парадигму.

В сфере науки метафора занимает особое место, поскольку позволяет формировать и выражать новые значения, когда «старые понятия уже очевидно неприменимы к новым фактам, а адекватные этим фактам новые понятия еще не выработаны» [Баранов 2004: 35]. Более того, когнитивный потенциал метафоры, согласно мнению Л.М. Алексеевой, выходит за рамки создания значений, и заключается в возможности для адресанта научного знания сформулировать свое открытие, а адресату – «понять новизну и одновременно интерпретировать исследуемое явление по-своему» [Алексеева 1999: 25]. В свою очередь, согласно мнению Т.А. Ширяевой, когнитивный потенциал метафоры не ограничивается лишь формированием определенных образов, но также позволяет адресанту оказывать определенное эмоциональное воздействие на адресата [Ширяева 2007: 27].

В современной когнитивистике под метафорой, как правило, понимают «любой способ репрезентации концептов, между которыми улавливается семантическое сходство» [Баранов, Караулов 1991: 25], «(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев 2007: 21]. Однако в рамках популяризации научного знания наибольший интерес представляет концептуальная метафора, изучением которой занимались Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов и сформулировали понимание о ней, как о «базовой когнитивной модели, основанной на аналогии и позволяющей осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях)» [Лакофф, Джонсон 2004].

Целью данной статьи является изучение метафоры как когнитивного механизма популяризации научного знания в рамках англоязычного научно-популярного дискурса для молодежи. В качестве материала исследования используется корпус текстов англоязычных выступлений ученых на ежегодной молодежной конференции PopTech, объединяющей представителей различных научных областей. Общий объем проанализированного материала составил 7,1 печ. л.

Проведенное исследование позволяет говорить о частотном использовании метафоры популяризаторами науки для выстраивания определенных когнитивных установок таких как: 1) адаптация сложных научно-технических концепций для широкой аудитории; 2) вовлеченность и сопричастность; 3) агентность и контроль. Так, например, Эбен Байер в выступлении «Architect of Spaceship Earth»,

обращаясь к проблеме климатического кризиса, стремится преодолеть восприятие планеты современным обществом как уязвимого и неконтролируемого объекта посредством метафор. Прежде всего, ученый предлагает рассматривать Землю как управляемый космический корабль: *I want you to think about this as a big living system... So, let's get into it. Here I am... launching mushroom packaging in Camden, Maine... my goal since I started was to be an engineer of* ***Spaceship Earth,*** *to find intersections between technologies, culture, and business, where we can introduce new technological plumbing to our planet.* Далее Э. Байер вводит метафору, определяющую новую роль человечества, и предлагает аудитории считать себя «архитекторами космического корабля «Земля»»: *And the idea I wanna leave you with here is you're* ***all architects of spaceship Earth.*** *We're not passengers on spaceship earth, right? <……> And so we all have to* ***become architects of spaceship Earth*** *and guide the solution.* Наделение людей ролью архитекторов позволяет им, во-первых, ощущать себя частью проекта, а, во-вторых, обладать правом на внесение решений по управлению этим «кораблем», которые при благоприятном исходе поспособствуют установлению контроля над изменениями климата. Об этом продолжает говорить ученый, призывая аудиторию разделить его позицию: *We have to be brave and say, I'm not scared about climate change. I'm gonna be part of the solution. I'm gonna be part of climate control.* Таким образом, на когнитивном уровне метафора понимания нашей планеты как космического корабля позволяет автору трансформировать её восприятие широкой аудиторией из хаотичной экосистемы в технический аппарат, поддающийся управлению. Кроме того, данная метафора активно задействует эмоциональную составляющую, заменяя чувства тревоги и беспомощности перед глобальной проблемой на чувства ответственности и сопричастности к миссии, что особенно релевантно для молодежной аудитории.

На дискурсивном уровне данная метафора не только объясняет сложную научную проблему, уменьшая когнитивный разрыв между экспертом и неспециалистом и, тем самым, формируя принципиально иное понимание проблемы, но и вызывает у реципиентов чувство сопричастности, формируя поведенческие установки. Важно подчеркнуть, что в процессе анализа корпуса текстов нами было отмечено, что использование концептуальных метафор, представляющих собой частотное явление в научно-популярном дискурсе, позволяет авторам репрезентировать сложные, многогранные научные концепции через целостные и знакомые образы. При этом концептуальные области, используемые для метафорического переноса, выбираются адресантами тщательно, принимая во внимание психологические, когнитивные и возрастные особенности целевой аудитории. Последнее положение, а именно эффективность использования метафор в англоязычном научно-популярном дискурсе для молодежи, обусловлено тем фактом, что образы, создаваемые посредством метафор, активируют у молодежной аудитории готовые фреймы и сценарии, позволяя мгновенно структурировать новое знание в рамках знакомых и личностно значимых концептуальных схем, что способствует повышению готовности к усвоению сложной научной информации.

Итак, метафора является не просто украшением речи ученых, а эффективным когнитивно-дискурсивным механизмом популяризации научного знания, позволяющим выстраивать успешную научную коммуникацию. В частности, концептуальные метафоры способствуют трансформации сложных научных концепций в доступные и эмоционально привлекательные модели для неспециализированной молодежной аудитории, обеспечивая на когнитивном уровне репрезентацию абстрактных явлений через знакомые образы, сформированные при выборе наиболее подходящих концептуальных областей, которые приводят к возникновению эмпатии у реципиентов и формированию концептуально иного понимания репрезентируемой научной проблемы. Таким образом, использование метафор не только упрощает передачу научных идей, но и активно формирует новые установки восприятия, что подтверждает её ключевую роль в современной научной коммуникации.

Литература

Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1999.

Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Академии наук. 2004. № 1. С. 33-43.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.

Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19-34.

Городникова М.Д., Будасси Э.В. Научно-популярная статья как тип текста // Филологические науки. 1995. № 5-6. С. 79-88.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: доклады VI международной конференции. 1998. Т. 1. С. 47-50.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Поляков С.Д., Белозерова Л.А., Вершинина В.В, Данилов С.В., Кривцова Н.С. «Клиповое мышление» у старшеклассников и студентов: опыт исследования // Вестник Московского университета. 2019. № 4. С. 126-143.

Ширяева Т.А. Модель понимания метафоры в институциональном деловом дискурсе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 35. С. 26-30.

P. Y. Burnyashova *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

METAPHOR AS A COGNITIVE-DISCURSIVE MECHANISM FOR THE POPULARIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

This article is devoted to the study of metaphor as a cognitive-discursive mechanism for popularizing scientific knowledge for young people in the context of modern digital challenges. Presentations by scientists at the PopTech conference demonstrate how conceptual metaphors transform complex scientific ideas into accessible and emotionally engaging models.

Key words: metaphor, popular science discourse, discourse, popularization, cognitive mechanism, discursive mechanism

А. А. Водяницкая *(Москва, Россия)*

Московский городской педагогический университет
vodyanickayaaa@mgpu.ru

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Е.С. БОТКИНА: АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ СХЕМ

Статья посвящена исследованию когнитивных схем языковой интерпретации врача Евгения Боткина на материале его писем. Профилирование в письмах чувства долга рассматривается как проявление общего в когнитивной схеме Е.С. Боткина. Музыкальные метафоры, окказионализмы, юмор и структурно-специфическое профилирование позитивной стороны жизни в период тяжелых испытаний рассматриваются как проявления частного в когнитивных схемах врача.

Ключевые слова: когнитивные схемы, языковая картина мира, частное и общее

В исследовательском пространстве российской науки наблюдается интерес к эпистолярному и научному наследию Е.С. Боткина, что отразилось, например, в материалах конференции к 145-летию со Дня рождения врача [Теперь судьба… 2011]. В рамках нашего исследования рассматривается эпистолярное наследие Е.С. Боткина и анализируется частное и индивидуальное в когнитивных схемах языковой интерпретации мира врача. Для лингвистической науки необходимо как можно более точно и исчерпывающе определять ключевые метапонятия для дальнейшего выстраивания лингвистического описания [Сулейманова 2011: 135], в связи с чем отметим, что вслед за Н.Н. Болдыревым, под общими схемами мы понимаем «концепты, категории и пропозиции, которые формируют концептуальную систему человека как представителя определенного социума и культуры и непосредственно влияют на его языковую деятельность: на формирование языковой картины мира» [Болдырев 2016: 13], тогда как под частными схемами понимаются схемы, передающие «индивидуально-авторские способы структурирования информации и дискурса: когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, различные конкретные метафорические и метонимические модели», а также «индивидуально-авторские сравнения и метафоры, специфические модели организации предложений, текстов, их лексико-грамматическое оформление» [Там же].

Эмпирическую базу исследования составили письма Е.С. Боткина, написанные за 53 года – с 1865 г. по 1918 г.

Как отмечал сам врач, именно переписка позволяет понять все тонкости души человека, поскольку именно в переписке раскрывается его сердце [Здесь и далее примеры представлены из книги «Музыка души. Письма страстотерпца Евгения Боткина, врача Царской семьи 2021]. Будучи русским врачом, лейб-медиком семьи Царя Николая II, действительным статским советником, Е.С. Боткин открывается читателю в переписке как сын, глубоко почитающий своего отца, заботливый брат, любящий муж и отец, психолог и друг, самоотверженный врач и христианин.

Анализ писем показал, что **общие когнитивные схемы** его интерпретации языковой картины мира связаны с профилированием в письмах **чувства долга**.

В русской языковой картине мира чувство долга является лингвоспецифическим концептом, о чем свидетельствует анализ 9000 словоупотреблений слова *долг* в Национальном корпусе русского языка, проведенный А.Г. Бочкаревым. Автор анализирует предметно-понятийные корреляции и приходит к выводу, что «*долг* сочетается по принципу дополнительности с ответственностью, совестью, справедливостью, нравственностью, честью, достоинством, верностью, тогда как «по функциональной характеристике субъекта может быть гражданский, сыновний, отцовский, врачебный» [Бочкарев 2019: 30]. Как показал анализ писем Евгения Боткина, все эти ценности были значимы для всех членов его семьи, что прослеживается в заботливом отношении маленького Евгения к своим братьям и сестрам; в стремлении повзрослевшего юноши исполнить свой сыновий и врачебный долг; в нежной заботе отца о своих детях (речь идет о письмах Евгения Боткина, адресованных своим детям – данные письма требуют отдельного рассмотрения в силу своих лингвостилистических и структурно-содержательных особенностей, представляя неисчерпаемый источник для лингвистического анализа).

Будучи представителем русской культуры, членом своей семьи, впитавшим все лучшее от своих родителей, крестных, родственников, Е.С. Боткин с детских лет понимал важность долга, осознавал ответственность, лежащую на каждом человеке, и последовательно проецировал это чувство на свою деятельность, что отразилось в его переписке с родными как в детских, так и во взрослых письмах:

Чем больше я живу и вижу, тем более убеждаюсь, что самое ценное на земле – это душа человеческая… только ясность ее, которая называется чистотою совести, дает силы ***мужественно переносить все тяжелое, с чем сопряжено иногда исполнение своего долга***.

В письме своему дяде и крестному, П.С. Боткину, Евгений подчеркивает, что стремится исполнить сыновний, а вместе с тем и врачебный долг: «*Последний завет папы мне был:* «*Не бросай плана заниматься хирургией». **Всей душой я стремлюсь исполнить его волю**. Не всегда и у великого мастера удастся творение, зависящее существенно от того материала, из которого оно творится. Тем труднее ожидать, чтобы план, смело задуманный гениальным человеком, мог бы удаться в руках людей посредственных. Необходимо поэтому, чтобы эти исполнители видоизменили непосильный для них план соответственно своим способностям»*. Анализ этого фрагмента показывает, что автор письма скромно оценивает свои способности (*в руках людей посредственных*), но тем не менее стремится выполнить волю своего отца. Наше предположение о том, что острое чувство долга является общей чертой для всех членов семьи Боткиных, подтвердилось благодаря письму от 26-29 января, адресованному дяде Евгения Боткина – Петру Боткину, где осиротевший юноша пишет: «меня глубоко тронуло **твое благоговейное отношение к папиным желаниям**, твое непременное желание свято выполнить его волю, между прочим и относительно моего ученья».

К **частным когнитивным схемам**, свойственным индивидуальному стилю писем Евгения Боткина, мы относим **специфическое для автора писем** использование юмора, окказионализмов, а также метафор, с помощью которых автор стре-

мится наиболее точно выразить благодарность своим родным. Нередко автор, учившийся музыке у М.А. Балакирева, прибегает к музыкальной метафоре:

«Начинаю с обычной увертюры *на старую, наивную тему: «Мерси, милый дядя Петя».* ***Сколько вариаций сочинено*** *каждым из нас на эту богатую тему и сколько их еще тебе придется получать. А все они пишутся легко и живо, потому что чувство, ими вдохновляемое, постоянно живо и светло и только ждет случая, чтобы заново блеснуть.* ***Сегодня бы оно вдохновило меня еще на две симфонии****, которые я бы должен был посвятить Нюне и Наде, но крутые обстоятельства полагают предел моему поэтическому настроению….».*

Отметим, что благодарность как ценность лейтмотивом проходит через все письма Е.С. Боткина.

Далее автор прибегает к юмору, используя гиперболу:

«От лирики перехожу к эпическому повествованию*: у нас прошла такого рода зима, что, когда нас кто-нибудь в городе спрашивает: «У вас все здоровы?» – мы боязливо отвечаем: «Когда мы вышли из дому, все, кажется, обстояло благополучно».*

Необычное словоупотребление мы также относим к проявлению индивидуального в когнитивных схемах Евгения Боткина: с его помощью автор подчеркивает свое трепетное отношение к родным:

«В нынешнем году, когда от вас было столько грустных, беспокойных известий, особенная является потребность Вас увидать, приблизиться к вам, коснуться ваших тревог, ***разделить ваши горя*** *и заглянуть в ваши жизненные невзгоды, которые всегда кажутся страшней и тяжелей за глазами»*. С помощью использования множественного числа слова *горе*, автор подчеркивает свою готовность быть рядом в трудный для близких период и указывает на то, как эмоционально он переживает за них.

Наряду с выделенными **лингвистическими характеристиками** частных когнитивных схем, мы выявили и **структурно-специфические проявления** индивидуально-авторского начала в анализируемых письмах, а именно: *констатация наличия проблемы + противительный союз + профилирование положительной стороны сложившейся ситуации с помощью оценочных суждений*. Эта тенденция прослеживается в большинстве проанализированных писем, которые автор направлял родным в период тяжелых утрат:

«Ты глубоко тронул меня, милый дядя Петя, тем, что в тяжёлые дни великого семейного горя вспомнил о нас. ***Тяжело переживать семьям такие удары*** (констатация), ***но*** (противительный союз) ***истинное облегчение могут они находить в сплоченности своей, во взаимной поддержке*** (профилирование хорошего)». В этой же части письма автор снова выделяет проблему и фокусирует внимание на позитивной стороне: «*зато* ***вдвое тяжелее тем, на долю которых выпадает перенести горе в одиночестве****, вдали от места действия.* ***Так тяжело было и нам****, принужденным остаться в Петербурге, –* ***тогда как за папу можно было радоваться, что он поездкой в Москву несколько себя успокоит».***

Стремление видеть хорошее во всех обстоятельствах жизни, несомненно, является именно проявлением индивидуального в когнитивной схеме Евгения Боткина, поскольку таким даром обладают не все члены социума. Рассмотри еще пример: *«**Остаётся радоваться, что тётя Соня, умирая, могла благословить Лилю и её жениха**, – (она так желала ее свадьбы!), – и **следует надеяться**, что её **благословение принесёт им** то **счастье**, о котором она для них мечтала».* В данном фрагменте автор письма не только утешает, но и призывает не отчаиваться, настоятельно рекомендует родным не терять присутствия духа в час тяжелых испытаний.

Как показал анализ писем Евгения Боткина, и общее, и частное в его когнитивной схеме, отраженные в эпистолярном наследии врача, ученого, сына, мужа и отца, гармонично выстраивают его личность и помогают ему утешать, поддерживать, радовать его адресатов и сопереживать им. В качестве перспективы исследования представляется интересным рассмотрение лекций Евгения Боткина как текстов академического дискурса именно с точки зрения отражения в них его картины мира.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Бочкарев А.Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концептерусского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 1. С. 20-32.

Музыка души: Письма страстотерпца Евгения Боткина, врача Царской семьи. Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2021.

Сулейманова О.А. Метаязык описания как основа понимания в научном дискурсе // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI в.: тезисы 6-й международной научно-практической конференции (7 декабря 2011 г.). Москва, 2011. С. 135-136.

«Теперь судьба выбрала нас...»: материалы конференции, посвященной 145-летию Е.С. Боткина. Санкт-Петербург, 9 июня 2010 года. Санкт-Петербург: Таро, 2011.

***A. A. Vodyanitskaya** (Moscow, Russia)*

Moscow City Pedagogical University

GENERAL AND SPECIFIC IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF E.S. BOTKIN: ANALYSIS OF COGNITIVE SCHEMES BASED ON HIS LETTERS

The paper focuses on the cognitive patterns of linguistic interpretation used by physician Evgeny Botkin, based on his letters. The profiling of a sense of duty in his letters is viewed as a culturally specific phenomenon characteristic of representatives of Russian culture and as a manifestation of the general in E.S. Botkin's perception of the world. Musical metaphors, occasional expressions, humor, and the structurally specific profiling of the positive side of life during difficult times are considered manifestations of the particular in the physician's cognitive patterns.

Key words: cognitive patterns, linguistic picture of the world, particular and general

М. Б. Гаврилова *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
m.b.gavrilova@utmn.ru

СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕНЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНТИУТОПИЯХ

Цель исследования состоит в выявлении основных целей и стратегий манипулирования временем в англоязычных произведениях жанра антиутопия. Анализируются концептуализация времени в художественном тексте, а также особенности его функционирования в рамках жанра. Делается вывод о том, что деформация темпорального опыта героев выступает одним из ключевых механизмов социального контроля.

Ключевые слова: антиутопия, категория времени, концептуализация, манипулирование, флешбэк

Произведения жанра антиутопия являются своеобразными маркерами кризисных состояний общества, так как в них отражаются события и тенденции, вызывающие коллективную тревогу и страх, а авторы предпринимают попытку спрогнозировать последствия данных процессов [Fitting 2010; Gottlieb 2001]. Специфика жанра определяет особенности функционирования времени в антиутопиях, поскольку изображаемый авторами мир отделен от читателя неопределенным отрезком времени, и действия происходят в более или менее отдаленном будущем [Алимурадов и др. 2024; Alimuradov, Gavrilova 2021].

Часто в антиутопиях присутствует связь между настоящим читателя и изображенным миром: появление антиутопического общества обусловлено действиями, совершенными человечеством в настоящем времени, как, например, в романе Р. Харриса «The Second Sleep» [Harris 2019], где постапокалиптическое будущее напрямую связано с технологическими либо экологическими решениями, принимаемыми в настоящую эпоху.

Таким образом, специфика темпоральной организации произведений жанра антиутопия определяет необходимость исследования языковых механизмов манипулирования временем, что и составляет цель нашего исследования.

Так как антиутопии являются художественным текстом, ключевым для анализа становится понятие «*художественное время*». Как отмечает Е.Н. Широкова, «художественное время – это не только особый способ познания мира и средство моделирования виртуальной реальности художественного текста, но и способ индивидуально-авторской концептуализации времени» [Широкова 2012: 382]. Иными словами, художественное время формируется на основе когнитивных механизмов осмысления временных отношений, закрепленных в языке, и задает параметры причинно-следственных связей и направленности сюжета. Именно «концептуализация временных отношений и оформление их определенными языковыми средствами» [Закамулина 2008: 77] лежат в основе определения *лингвистического времени.* Данный тип времени соотносится с физическим (непрерывное и бесконечное) и хронологическим (время событий) временем Э. Бенвениста [Benveniste 1965].

Темпоральная организация текста осуществляется посредством *моделей времени,* под которыми мы понимаем способ структурирования временных отношений с помощью определенных языковых средств, определяющий характер соотнесения событий, их последовательность и направленность в пределах повествования. Для анализа художественного текста традиционно выделяют три базовых модели времени: линейная, циклическая и нелинейная (см. подробнее [Николаев 2011]). В произведениях жанра антиутопии частотно представлена линейная модель времени с ретроспективными и проспективными включениями, а также элементами цикличности. Одной из фундаментальных черт темпоральной оси, присущей жанру антиутопии, является наличие *диворционной точки (термин наш – М.Г.)* – события, которое стало точкой отсчета для построения антиутопического общества. Эти события могут быть представлены эксплицитно, либо только подразумеваться через сам факт существования нового общества. Попытка властей скрыть информацию о событиях, которые происходили до диворционной точки, – первая стратегия манипулирования временем, которую можно назвать стратегией *«обнуления прошлого».* Наиболее ярко она реализована в романе Дж. Оруэлла «1984» через создание Новояза (Newspeak). Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, язык определяет границы мышления [Regier 2017]. Уничтожая слова, Партия делает невозможными мысли о чем-то неугодном ей, в том числе о прошлом, лишая граждан способности к рефлексии. Основным лингвистическим маркером здесь является грамматическая унифицированность. Например, в Новоязе упраздняются неправильные глаголы, а форма прошедшего времени образуется с помощью регулярного окончания *-ed*: *«The preterite of steal was **stealed**, the preterite of think was **thinked**, and so on throughout the language, all such forms as swam, gave, brought, spoke, taken, etc., being abolished»* [Orwell 2008: 199].

В неправильных формах глаголов сохраняются следы длительного развития языка, этимологические связи и культурные пласты. Иными словами, убрав из языка маркеры его эволюции, носителям такого языка становится недоступна концепция исторического развития. Стратегия «обнуления прошлого» реализуется Министерством Правды, которое уничтожает исторические документы и постоянно переписывает прошлое. Такое фактическое и лингвистическое «обнуление» взаимно дополняют друг друга и создают ситуацию, описанную партийным лозунгом: «*Who controls the past controls the future: who controls the present controls the past»* [Orwell 2008: 162].

В антиутопическом мире контроль над социальным порядком обеспечивается ритуализованными практиками, которые регулируют поведение членов общества и темпоральную упорядоченность. В этом смысле показательным является наблюдение о том, что «темпоральность культуры представляет собой соединение чисто спекулятивного феномена времени и его разнообразных опредмеченных воплощений в обрядовом, акциональном, предметном, вербальном кодах» [Калиткина 2014: 20]. Такие формы опредмечивания времени позволяют властям фиксировать социальный ритм, превращая его в контролируемый процесс. Наиболее ярко ритуализованность показана в романе «The Hunger Games» С. Коллинз, где стратегия

циклизации времени воплощается через ежегодное проведение Голодных игр: «*Taking the kids from our districts, forcing them to kill one another while we watch – this is the Capitol's way of reminding us how totally we are at their mercy»* [Collins 2008: 38].

В данной стратегии стираются причинно-следственные связи событий, так как они происходят, потому что «так принято», а не в результате выбора. Также нивелируется уникальность события, поскольку каждое повторение подтверждает уже принятый порядок.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж Лакоффа и М. Джонсона, время в англоязычной культуре осмысляется как ценный ресурс (TIME IS A VALUABLE COMMODITY) [Lakoff 2003: 8], (см. также: [Щуринов 2025]). В романе Д. Эггерса «The Circle» данная метафора разрушается, так как время перестает быть ограниченным ресурсом субъекта. В противоположность «1984», в романе Эггерса личные истории и прошлое человека становятся публичными, а культ «прозрачности» полностью отнимает у индивида его время в пользу корпорации, реализуя «*стратегию экспроприации времени*» (термин наш – *М.Г.*).

Данная стратегия присуща многим современным антиутопиям, так как фактически время и внимание человека полностью принадлежат государству, но в «The Circle» жизнь превращается в постоянную трансляцию и фрагментируется бесконечными уведомлениями (*zings*) и коммуникацией, что поддерживается лозунгами *Secrets are Lies, Sharing is Caring, Privacy is Theft* [Eggers 2013: 168]. В условиях постоянного потока информации время утрачивает свою ценность и протяженность, подтверждая тезис о том, что «время как мгновение есть гипотеза концептуализации времени, правящей современным человеком, обусловливающей и определяющей его бытие» [Спирина 2009: 69].

В когнитивной лингвистике способность субъекта к ментальному перемещению во времени описывается через понятие *хронестезии* – формы сознания, обеспечивающей «способность вспоминать произошедшие события и тем самым отправляться в прошлое; она также поддерживает процессы планирования и прогнозирования, которые переносят нас в будущее» [Чугунова 2012: 28]. В антиутопиях данная способность может быть искусственно ограничена, как, например, в романе «The Maze Runner», в котором героям неизвестно, что случилось с ними до попадания в Лабиринт, так как им стерли память, а ход времени полностью контролируется извне.

Последняя стратегия манипулирования временем связана с особенностями читательского восприятия и описывается А. Стоком через концепт «*прошлое будущего*» («*future-as-past*»), представляющего собой временной промежуток между настоящим автора и вымышленным миром будущего, внутри которого разворачивается «будущая история» – совокупность фрагментов повествования о возникновении антиутопического государства [Stock 2016: 416].

Проведенный анализ показал, что в англоязычных антиутопиях время выступает не только как элемент художественной организации текста, но и как объект социального контроля. Манипулирование временем реализуется через различные

стратегии, деформирующие темпоральный опыт героев и направленные на подавление их способности к рефлексии и проектированию альтернативного будущего, что позволяет рассматривать время как один из ключевых механизмов власти антиутопического общества.

Литература

Алимурадов О.А., Гаврилова М.Б., Островская К.З., Правикова Л.В. Опыт моделирования структуры категории времени (по данным вербальной репрезентации в романе антиутопии Дж. Дэшнера «The Maze Runner») // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 4. С. 152-161.

Закамулина М.Н. Время: философия и язык (проблемы концептуализации) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2-2. С. 76-78.

Калиткина Г.В. Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). Pp. 17-36.

Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011.

Спирина П.Ю. Концептуализация времени: вечность, временность, мгновение // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 2, № 1. С. 63-72.

Чугунова С.А. Концептуализация времени: «Поворот к телу» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2 (23). С. 25-32.

Широкова Е.Н. Полиаспектность художественного времени как средство индивидуально-авторской концептуализации времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2-1. С. 381-385.

Щуринов В.А., Алимурадов О.А. Когнитивно релевантные функции метафоризированных терминов (на примере терминологий инновационных сфер IT) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 10. С. 4483-4490.

Alimuradov O.A., *Gavrilova M.B.* Category of Time In Modern English Works Of The Dystopian Genre // Man. Society. Communication. ISO LONDON LIMITED: European Publisher, 2021. Pp. 9-17.

Benveniste E. Language and Human Experience // Diogenes. 1965. 13 (51). Pp. 1-12.

Collins S. The Hunger Games. NY: Scholastic Press, 2008.

Eggers D. The Circle. NY: Alfred A. Knopf, 2013.

Fitting P. Utopia, Dystopia and Science Fiction // The Cambridge Companion to Utopian Literature / ed. by G. Claeys. NY: Cambridge University Press, 2010. Pp. 135-153.

Gottlieb E. Dystopian Fiction East and West: Universe of Terror and Trial. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2001.

Harris R. The Second Sleep. London: Penguin Random House, 2019.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003 (1st ed. 1980).

Stock A. The Future-as-past in Dystopian Fiction // Poetics Today. 2016. 37 (3). Pp. 415-442.

Regier T., Xu Y. The Sapir-Whorf hypothesis and inference under uncertainty // WIREs Cognitive Science. 2017. 8 (6). Pp. 1-11.

Orwell G. Nineteen Eighty-Four. NY: Penguin Group, 2008.

M. B. Gavrilova *(Tyumen, Russia)*
University of Tyumen

STRATEGIES OF TIME MANIPULATION IN ENGLISH-LANGUAGE DYSTOPIAS

The study aims to identify the main strategies of time manipulation in English-language dystopian fiction. The paper examines the conceptualization of time in the literary text as well as the specific features of its functioning within the genre. It is argued that the deformation of characters' temporal experience constitutes one of the key mechanisms of social control.

Key words: dystopia, category of time, conceptualization, manipulation, flashback

А. А. Глибина *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Anna.Glibina@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПСЕВДОНАУК НА НАУЧНУЮ КАРТИНУ МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Статья посвящена исследованию особенностей воздействия псевдонаучного дискурса на примере астрологических и нумерологических текстов на научную картину мира представителей российской лингвокультуры. Выявлено, что проанализированные тексты, во-первых, упрощают научную картину мира, редуцируя сложные классификации и фрагменты, детально отражающие действительность; во-вторых, в псевдонаучных текстах происходит репрезентация существующей системы знаний в искажённом виде, что может привести к постепенному сближению научной и наивной картин мира человека.

Ключевые слова: псевдонаучный дискурс, научная картина мира, трансформация

Картина мира представляет собой комплексное субъективное представление какой-либо лингвокультурной общности об окружающей действительности. Это многоуровневая система, включающая в себя представления людей о том, как эта реальность функционирует, развивается и взаимодействует с человеком и т.д.

Существующая в сознании людей картина мира создаёт особую «систему этико-смысловых координат и выступает фундаментальным условием психической жизни человека» [Рягузова 2018: 228].

Как отмечает Ф.Г. Самигулина, в сознании как отдельно взятого представителя лингвокультуры, так и всех представителей этноса могут одновременно сосуществовать разные по объёму и содержанию картины мира, например, наивная, научная, концептуальная, языковая [Самигулина 2010].

Для современной (постнеклассической) научной картины мира характерна высокая степень неопределённости, поскольку большую роль в ней играют случайные факторы. Кроме того, неуклонно усложняется и структура научной картины мира [Молчанова 2010], поэтому часть представителей лингвокультурной общности склонны чаще обращаться к наивной картине мира и, некоторым образом, упрощать научную картину мира, существующую в их сознании.

Актуальность исследования заключается в необходимости рассмотрения того, при помощи каких языковых средств псевдонаучный дискурс может оказывать воздействие на научную картину мира представителей российской лингвокультуры, трансформируя определённые её фрагменты.

В качестве **материала** исследования были взяты тексты псевдонаучного дискурса астрологической и нумерологической тематики общим объёмом 900 000 слов, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет. При помощи сервиса *Счётчик частоты слов* (https://www.i2text.com/ru/word-frequency-counter) в анализируемом корпусе текстов были определены самые частотные знаменательные лексические единицы, которые образуют базовый терминологический аппарат псевдонаук (астрологии и нумерологии), отражая ключевые понятия данной области в языке.

По результатам статистического анализа к наиболее частотным лексическим единицам, используемым в проанализированном корпусе текстов, относятся следующие лексемы: *жизнь (1 652), означать (1 404), планета (1 406), человек (1 307), знак (1 302), хорошо (1 291), энергия (1 127), Луна (1 085), основа (974), влияние (972), астрология (862), гороскоп (860), управлять (841), точка (830), Солнце (824), накшатра (803), карма (795), бог (божество) (782), дом (782), давать (741), силы (735), результат (728), способность (724), должен (716), влиять (710), смысл (702), соединение (610), род (602), прошлый (596), душа (593), асцендент (589), управитель (582), карта (578), время (576), рождение (573), число (571)* и др.

Среди данных лексем были выделены единицы терминологического характера (квазитермины), отсутствующие в отраслевых терминологических словарях: *гороскоп, карма, накшатра, род, душа, асцендент, управитель, рождение*. Указанные единицы образуют смысловую основу псевдонауки. Они отражают в языке идею о связи времени и места рождения человека с его будущей жизнью, создавая иллюзию контроля над будущим посредством разработки прогнозов (гороскопов).

В отличие от науки, создающей сложную картину окружающей действительности, содержащей множество лакун и сложных для понимания элементов, псевдонаука предлагает упрощённую модель реальности, репрезентированную посредством указанных лексем.

Одной из ключевых лексических единиц в псевдонауке является слово *гороскоп*. Эта лексема пришла в русский язык достаточно давно (первый аналог современного гороскопа был составлен Я. Брюсом в начале XVIII в.). На то, что *гороскопы* существовали даже во времена СССР, несмотря на попытки искоренения псевдонаук, указывает его использование в определении слова *астрология* в Научно-атеистическом словаре, опубликованном в 1969 г.:

Астрология (от греч. Astron – звезда и logos – слово, учение) – ложное учение о мнимой непосредственной зависимости всех событий и судьбы людей от небесных тел, обосновывающее попытки делать предсказания о будущем по положению небесных тел (такие «предсказания», составленные по конкретным поводам,

называются **гороскопами**) [КНАС 1969: 44]. Однако отдельной статьи, посвящённой слову *гороскоп*, в данном словаре нет.

В настоящее время слову *гороскоп* посвящена отдельная словарная статья:

Гороскоп, -а; м. [от греч. *hora* – время и *skopeo* – смотрю, наблюдаю] – таблица взаимного расположения планет и звёзд, служащая основой для астрологических предсказаний чьей-либо судьбы, исхода события, явления; само такое предсказание [БТСРЯ 2000: 221].

Такое изменение может косвенно свидетельствовать о возрастании важности обозначаемого им понятия для российской лингвокультуры, в целом. Кроме того, на это указывает огромное число самых разных гороскопов, публикуемых в новых медиа: от индивидуальных, составляемых для отдельно взятого человека, до гороскопов стран и наций. Так, поисковая система Google Chrome выдаёт 26 500 000 результатов для слова *гороскоп*, а согласно Яндекс Вордстат, за один месяц – с 03.12.2025 по 03.01.2026 – было произведено 6 633 526 запросов, содержащих слово *гороскоп*, что также подтверждает укоренение данного феномена в российской лингвокультуре.

Следовательно, посредством роста популярности различных гороскопов происходит укоренение идеи о предопределённости событий в жизни людей и зависимости характера человека и его окружения от положения планет и дат. Несмотря на отсутствие научно обоснованных доказательств существования подобных причинно-следственных связей, псевдонаучные блоги и каналы становятся популярными, что отражается в увеличении числа их подписчиков и оставляемых ими комментариев. Происходит замена значительных областей научной картины мира в сознании отдельных людей на упрощённые псевдонаучные фрагменты. Однако, в свою очередь, это даёт иллюзию контроля над будущим, ощущение его предсказуемости.

Более того, псевдонаучный дискурс может полностью искажать фрагменты научной картины мира, вступая в прямое противоречие с обоснованными фактами. Например, к высокочастотной лексике псевдонаучного дискурса относится слово *планета,* характерное и для научного дискурса. Однако в псевдонаучном дискурсе оно является квазитермином, поскольку обозначает, в частности, реально не существующие небесные тела, например:

*Ашвини управляется **Кету**, **планетой** сомнений, отрицания, знания и критического ума* [Фроли 2003: 9]

Кету и *Раху* в псевдонаучных текстах – это невидимые планеты. Кроме того, вопреки научно доказанным фактам, к планетам относится и Луна:

*Большинство **планет** выглядит сильнее вне своих накшатр. Исключениями являются **Луна**, Раху и Кету* [Фроли 2003: 50].

Следовательно, псевдонаучный дискурс использует языковой инструментарий, который может трансформировать части научной картины мира человека, приводя к её упрощению. В некоторых случаях происходит замена элементов научной картины мира на наивную.

Данная точка зрения находит ряд подтверждений. Например, искажение научной картины мира происходит при упрощении классификации. Так, в следующем фрагменте скорпион относится не к отряду членистоногих из класса паукообразных (Arachnida), а к насекомым:

Каждой накшатре соответствует определённый тип животного, основанный на знаке, в котором находится накшатра. Есть типы человеческие, четвероногие, лесных обитателей, водные и насекомые… Овен, Телец и Козерог… принадлежат к четвероногим, также как и вторая половина Стрельца; Лев – обитатель леса; Близнецы, Дева, Весы и Водолей принадлежат к человеческим, также как и первая половина Стрельца, Рак и Рыбы – водные, ***Скорпион – насекомое*** [Фроли 2003: 36].

Данная альтернативная классификация противоречит научно устоявшемуся факту, отражённому в следующем определении:

Скорпион – ядовитое животное класса паукообразных [БТСРЯ 2000: 1200].

Таким образом, в псевдонаучных текстах создаётся альтернативная классификация, не совпадающая с научной.

Отдельного внимания заслуживает идея перевоплощения, благодаря которой в создаваемую систему могут включаться элементы, не связанные в научной картине мира. Например, в следующем фрагменте репрезентируется идея превращения огня в землю:

В Криттике сила манифестации, полученная в Овне, направляется в поле Тельца – творческой жизненной активности. ***Огонь впервые получает рождение как Земля*** [Фроли 2003: 10].

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о том, что в псевдонаучном дискурсе используется языковой инструментарий, посредством воздействия которого в научной картине мира человека могут происходить трансформации: упрощение целых блоков научной картины мира, содержащих сложную информацию, а также реорганизация фрагментов вследствие искажённой презентации научно доказанных фактов.

Литература

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

КНАС – Краткий научно-атеистический словарь. М.: Наука, 1969.

Молчанова Н.С. Смена и развитие научной картины мира в социально-историческом контексте // Вестник МГТУ ГА. 2010. № 155. С. 115-117.

Рягузова Е.В. Трансформация картины мира и способов категоризации другого у современного ребёнка // Известия СГУ. 2018. Т. 7. Вып. 3 (27). С. 228-237.

Самигулина Ф.Г. Языковая и концептуальная картины мира: коммуникативный аспект // Вестник РУДН. Серия: вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 3. С. 82-86.

Фроли Д. Астрология Провидцев. Заочный курс ведической астрологии. Ч. III. США: Американский институт ведических исследований, 2003.

Счётчик частоты слов. URL: https://www.i2text.com/ru/word-frequency-counter

Яндекс Вордстат. URL: https://wordstat.yandex.ru

A. A. Glibina *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

PECULIARITIES OF PSEUDOSCIENCE INFLUENCE ON THE RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE REPRESENTATIVES' SCIENTIFIC VIEW OF THE WORLD

The article reveals the peculiarities of pseudoscientific discourse influence on the scientific view of the world existing in the Russian linguistic culture representatives' minds, taking astrological and numerological texts as an example. First, the analyzed texts simplify the scientific view of the world reducing complex classifications and areas, which present the reality in all details. Second, pseudoscientific texts represent existing scientifically-proven information in a distorted way, which can lead to gradual convergence of the scientific and naïve pictures of the world in the person's mind.

Key words: pseudoscientific discourse, scientific view of the world, transformation

Л. А. Горохова *(Пятигорск, Россия)*
(Пятигорский государственный университет)
gorohova@pgu.ru

ЗВУКОВОЙ ЛАНДШАФТ ЛЮБОВНОГО РОМАНА: ОТ СТЕРЕОТИПНЫХ ЗВУЧАНИЙ К СТЕРЕОТИПНЫМ ЭМОЦИЯМ

В статье исследуется специфика звукового ландшафта в англоязычных любовных романах, где действие происходит в эпоху Регентства. Результаты демонстрируют высокую степень стереотипности в выборе звукоизобразительных средств, подчиненную гендерным клише и служащую для минимизации когнитивных усилий читателя.

Ключевые слова: звуковой ландшафт, звукоизображение, звукоподражание, ономатопея, любовный роман

Любовный роман является одним из самых популярных жанров массовой литературы. Как и другие «массовые жанры», он предполагает следование жесткому канону, регламентируя как сюжетную структуру, так и выбор языковых средств [Cawelti 1976: 41-42]. Читатели обращаются к произведениям данного жанра, чтобы забыть о надоевшей реальности и погрузиться в вымышленный мир, соответствующий их представлениям об идеальных романтических отношениях. Нельзя не отметить, что эти представления обычно имеют гендерный характер: жанр любовного романа четко ориентирован на женскую аудиторию и, следовательно, воспроизводит типовой «женский» сценарий счастливой любви, сформировавшийся под воздействием современного автору и его читателям общества.

Формульность жанра любовного романа отражается, в числе прочего, в типичном наборе сцен, выборе места и действия в них. Так, практически в любом романе данного жанра, где действие происходит в Великобритании в эпоху Регентства, можно встретить сцены, в которых действие разворачивается на балу (часто это один из ключевых моментов сюжета), на прогулке в парке (в городе) или в окрестностях имения (за городом). Достаточно стандартным является и набор любовных сцен: от первого поцелуя через «грехопадение» к брачной постели.

В нашем исследовании мы рассматриваем звуковые ландшафты (ЗЛ, подробнее о термине см. [Горохова 2022]) трех перечисленных выше разновидностей сцен, типичных для любовного романа, действие которого происходит в эпоху Регентства. В качестве материала были использованы три произведения, авторы которых являются признанными мастерами данного жанра: «Reforming a Rake» (автор Сюзанна Энок – Suzanne Enoch, 2000), «The Viscount Who Loved Me» (автор Джулия Куин – Julia Quinn, 2000) и «How to Be a Wallflower» (автор Элоиза Джеймс – Eloisa James, 2022). В каждом из романов были выбраны все эпизоды, относящиеся к каждой из трех категорий: сцены на балу (от 1 до 3 эпизодов в каждом романе), сцены на прогулке (от 1 до 2 эпизодов) и любовные сцены (от 6 до 9 эпизодов). Затем в тексте выбранных эпизодов были отмечены все элементы звукового ландшафта с помощью тегов двух типов: 1) звукоизобразительные единицы (ЗИЕ) и 2) прямая речь персонажей. Из размеченных текстов были сформированы три подкорпуса: «Ball», «Walk» и «Love», содержащие соответствующие эпизоды.

Анализ полученных данных показывает, что звуковое сопровождение любовных сцен (антропофонические звучания, передающие физические ощущения героев и их эмоции) изображается в романах разных авторов достаточно схожими средствами. Это, прежде всего, изменения в ритме дыхания (*breathe / breath, pant*) и рефлекторные звуки, производимые человеком (*gasp, swallow, cry out, whimper, mule, moan*). Наиболее частотными из них в текстах подкорпуса «Love» являются слова с корнем *breathe / breath* (относительная частотность 4097 ipm – здесь и далее частотность приводится в единицах instances per million – число употреблений слова в тексте, поделенное на объем текста и умноженное на 1 000 000), ономатопы *gasp* (2048,5 ipm) и *moan* (1024,2 ipm), а также звукодескриптивные единицы, описывающие учащенный пульс (*her heart was beating in time to his; the frantic beating of her heart*) (2,16% от общего числа звукоизобразительных единиц в подкорпусе).

Среди глаголов говорения, вводящих прямую речь, напротив, наблюдается значительное разнообразие. Помимо гиперонимов *say* (7169,6 ipm) и *ask* (1707 ipm) в текстах подкорпуса «Love» для введения прямой речи используются различные глаголы, указывающие непосредственно на сам акт речи и намерение говорящего; при этом частота их использования невелика – 1 или 2 вхождения (*amend, inform, state, suggest, supply, tell, interrupt, order, return*).

Еще одну группу составляют звукоподражательные глаголы, которые вводят прямую речь и одновременно характеризуют эмоциональное состояние говорящего (*bellow, mutter, roar, rumble, wail, squeak*). Наиболее частотными из них являются *murmur* (2048,5 ipm) и *whisper* (3072,7 ipm).

Сцены на балу, как видно из полученных результатов, используются авторами для того, чтобы дать героям возможность встретиться и пообщаться друг с другом. Соответственно, ЗЛ бальных сцен представляет собой, по большей части, многочисленные реплики персонажей, а также антропофонические звуки, их сопровождаемые (смех, кашель, учащенное дыхание и т.п.).

Один из центральных компонентов реального звукового ландшафта бала – танцевальная музыка – представлен в художественном тексте скупо и крайне обобщенно: звучания, связанные с музыкой, составляют всего 0,7% от общего числа ЗИЕ в подкорпусе «Ball», при этом все они имеют нейтральный звукодескриптивный характер: *the music for a quadrille began; the waltz drew to a close; the dance ended*. При этом непосредственно на реплики персонажей приходится 64% всех ЗИЕ подкорпуса.

Что касается глаголов говорения, здесь мы наблюдаем ту же закономерность, что и в описаниях любовных сцен: значительное разнообразие ЛЕ, вводящих прямую речь (*admit, allow, announce, explain, observe*), включая глаголы, принадлежащие к формальному регистру (*muse, utter, enunciate*), которые используются для создания исторического колорита описываемой эпохи [Долуденко 2023: 40]. На втором месте по частотности после *say* (11617 ipm) находится глагол *reply* (1642,8 ipm), на третьем – *return* (821,4 ipm). При этом нейтральные глаголы говорения часто получают подкрепление в виде ЗИ эпитетов или фраз: *said with great drama, said flatly, returned smoothly* и т.п.

Для уточнения эмоций, сопровождающих реплики героев, а также для изображения манеры речи или интонации, широко используются ономатопы (*chirp, groan, grumble, gush, jabber, snap, squeak, stammer*). Как и в случае с любовными сценами, лидерами здесь являются *whisper* (704 ipm) и *murmur* (1760 ipm); достаточно часто встречаются также *gasp, hiss* и *drawl* (по 352 ipm).

Достаточно большое место в ЗЛ сцены бала занимает смех, при этом, помимо гиперонима *laugh* (1642,8 ipm), используются ономатопы: *snort, chuckle* (по 234,7 ipm), *titter* (469,4 ipm).

Любопытно, что все другие виды звучаний представлены крайне слабо: их доля составляет всего 0,7% от общего числа ЗИЕ подкорпуса «Ball». Среди них звуки, сопровождающие действия героев (*slapping his brother on the back; tapping the step below him with his cane*), а также всего два случая, когда источником звука является неодушевленный объект – в обоих случаях это стул (*his chair audibly groaned; gave another warning creak*). Такое отсутствие интереса к материальной стороне повествования является типичным для данного жанра: автор сосредоточивает все внимание на чувствах и действиях героев, а окружающая их обстановка изображается самыми общими штрихами.

Типичной для произведений данного жанра является сцена прогулки в парке или за городом, когда герой и героиня получают возможность лучше познакомиться друг с другом и поговорить без свидетелей. Как и в двух предыдущих типах сцен, здесь ЗЛ складывается по большей части из диалога между персонажами. При этом в сценах на прогулке чаще встречаются проявления хезитации (*cleared his / her throat; let out a little sigh; swallowed*), а также паузы в разговоре (*for a long moment … was silent; said nothing*). Довольно высокую частотность имеет слово *silence* и его производные (1810,8 ipm).

Окружающая героев акустическая среда изображается скупо: звучания внешнего мира составляют всего 2,4% от общего числа ЗИЕ в подкорпусе «Walk». Это

звуки, издаваемые птицами (*sing, brawl*) и собаками (*bark*), а также стук колес экипажа (*rumble*).

Любопытно, что в ЗЛ любовного романа присутствуют ЗИЕ, которые ассоциируются с «женскими» или «мужскими» гендерными стереотипами: *gasp, cry out, titter, hiss, mule, purr* – в 100% случаев «женские» звуки; *moan, squeak* – преимущественно «женские»; *drawl, rumble, roar, bellow, growl* – в 100% случаев «мужские» звуки; *murmur, husky (voice)* – преимущественно «мужские».

Таким образом, анализ трех видов сцен, типичных для любовного романа, где действие происходит в эпоху Регентства, показывает, что акцент в «звуковой аранжировке» делается, как правило, на диалогах героев, при этом текст содержит эксплицитные указания на коммуникативные намерения собеседников и их эмоции благодаря широкому разнообразию глаголов, вводящих прямую речь, и их усилению с помощью дополнительных ЗИЕ.

При этом автор обращается к стереотипным сценариям, существующим в сознании читателей и опирающимся на типичный слуховой и эмоциональный опыт [Курских 2025: 104-105]. Как отмечает Н.Н. Болдырев, использование речевых стереотипов и клише ведет «к формированию соответствующих стереотипов и доминант в сознании человека» [Болдырев 2023: 7]. Можно предположить, что актуализация подобных клише в тексте служит триггером, вызывающим соответствующие стереотипные образы в сознании читателя.

Поскольку стереотипные элементы ЗЛ апеллируют непосредственно к общей слуховой и эмоциональной памяти аудитории [Лату 2013: 770], это снижает вероятность неверной интерпретации из-за отсутствия у читателя собственного слухового опыта, связанного с данным звучанием. Следует также учитывать, что любовный роман является развлекательным жанром, и читатель не готов затрачивать много усилий для воссоздания в своем воображении того, о чем говорится в тексте. Минимальное количество деталей позволяет сосредоточиться на взаимодействии героев. Автор использует стандартный набор ЗИЕ, представляющих собой своего рода конвенциональные маркеры эмоций, которые позволяют читателю легко считывать их и без труда выстраивать мысленную картину происходящего. Таким образом, ЗЛ любовного романа прочно связан с его эмоциональным профилем.

Литература

Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. С. 5-8.

Горохова Л.А. О структуре «звукового ландшафта» художественного произведения // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7, № 3. С. 96-100.

Долуденко Е.А. Маркеры эпохи в художественном тексте через призму корпусного исследования / Е.А. Долуденко, В.В. Ващеникина // Цифровые гуманитарные технологии в науке и образовании – 3. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 38-48.

Курских О.В. Механизмы вербализации эмоционального состояния персонажа в англо- и русскоязычной аудиодескрипции к комедийному телесериалу «Тед Лассо» / О.В. Курских, И.М. Шубенок // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5, № 9. С. 101-107.

Лату М.Н. Когнитивные связи между концептами, репрезентирующими внутренний мир человека и явления окружающей среды / М.Н. Лату, А.Н. Василенко, О.А. Миллер // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 770.

Cawelti J. Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as Art and Popular Culture. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1976.

L. A. Gorokhova *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

THE SOUNDSCAPE OF ROMANCE FICTION: FROM STEREOTYPICAL SOUNDS TO STEREOTYPICAL EMOTIONS

The article explores the specific features of soundscape in English Regency romance novels. The findings reveal a high degree of stereotypicality in the choice of sound-representing means, shaped by gender clichés and aimed at minimizing the reader's cognitive effort.

Key words: soundscape, sound representation, sound imitation, onomatopoeia, romance

В. С. Григорьева *(Тамбов, Россия)*

Тамбовский государственный технический университет

grigoriewa@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ РАКУРС ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

В статье представлено обоснование когнитивной сущности дискурсивных стратегий. Предпринимается попытка доказательства формирования эпистемической базы индивида социальными факторами. Утверждается, что понимание намерения говорящего экстраполируется общими социальными знаниями.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, дискурсивные стратегии, социальные знания, эпистемическая база

Дискурсивные стратегии, являющиеся внутренним звеном речевого процесса, первоначально исследовались в теории речевой деятельности (ТРД) в рамках прагматического подхода к анализу языковых фактов (см., например: [Демьянков 1982; ван Дейк 1989]). Однако уже в то время к техникам совершения и понимания высказывания ученые относили кроме владения грамматикой, лексикой и другими языковыми средствами знания о мире вещей, понятий, о внутренней логике процессов, также набор презумпций и ожиданий, общих для конкретной социальной группы [Демьянков 1982]. Целью настоящей статьи является попытка проанализировать познавательные возможности теории речевой деятельности и когнитивной лингвистики на примере речевых стратегий в процессе производства и восприятия речи.

Современный лингвистический анализ дискурса явно выходит за методологические границы и предметные области традиционной лингвистики, т.е. за границы, которые возникли лишь в результате сужения структурных и генеративных истоков, столь характерных для этой дисциплины в XX в. В то же время лингвистический анализ дискурса, основанный на концепции дискурса, вдохновленной М. Фуко, по-прежнему остается в значительной степени на периферии, если не

сказать, что с точки зрения многих экспертов, явно вне лингвистики. Обращение к когнитивным характеристикам составляющих компонентов дискурса, на наш взгляд, внесет определенный вклад в более четкое формирование данной отрасли языкознания.

По мнению М. Фуко, дискурсивный анализ по своей сути является интерпретативным. Хотя дискурсивный анализ, очевидно, гораздо шире и существенно отличается от традиционной герменевтики, он неизбежно разделяет с ней многие предпосылки и характеристики. Так, формы текстов должны быть сначала наполнены смыслом и, следовательно, интерпретированы, прежде чем можно будет осуществлять дискурсивный анализ. Дискурсивный анализ является частью исследования эпистемы, ее структур и условий, и, следовательно, также частью эпистемологии. В социальном сообществе существуют правила, определяющие, какие значения обычно ассоциируются с какими знаками. Эти правила развивались социально и, следовательно, имеют свою историю, историю коммуникации.

Лингвистические знаки могут быть интерпретированы в конкретном социальном сообществе, потому что это сообщество обладает знаниями о том, к каким сегментам или элементам знаний, присутствующих в этом сообществе, могут быть привязаны отдельные знаки. Однако знание, которое должно быть активировано, не существует автономно и независимо от этих знаков. Скорее, оно возникло именно потому, что существуют знаки, с помощью которых люди в социальном сообществе сделали первоначально индивидуальный опыт определенных схожих сенсорных данных запоминающимся, и, следовательно, когнитивно доступным, и, следовательно, изначально передаваемым.

В контексте дискурсивного анализа следует отметить, что лингвистическое формирование знания и социальное формирование знания тесно взаимосвязаны. То, что мы называем лингвистическим знаком, с эпистемологической точки зрения можно описать как знание, возникающее в результате социальной коммуникации. Как показал Д.К. Льюис, мы всегда опираемся на целый класс прецедентов [Lewis 1969]. Однако каждый отдельный прецедент предыдущего использования знака представляет собой пример коммуникации между членами социального сообщества. Таким образом, класс прецедентов, на котором основывается конвенция использования знаков, базируется на наборе отдельных примеров социального взаимодействия. Принципиально важной является интерпретация участниками языковых знаков как компонентов социального взаимодействия. Это означает, что символические знаки неизбежно являются социальными, принадлежащими к сфере социального общения. С эпистемологической точки зрения, знание о потенциале языковых знаков – это социальное знание, основанное на коммуникативном опыте в данной социальной среде.

Необходимо отметить, что все сложные формы социального знания в конечном итоге являются коммуникативными, а это означает, что они, как правило, формируются в языковых процессах, основанных на знаках. Однажды утвердившиеся языковые знаки в определенных ситуациях активируют или стимулируют

активацию в сознании определенных фреймов или комплексов фреймов, другими словами, целые комплексы знаний. Они помещают интерпретацию соответствующих знаков и коммуникативных актов в определенный когнитивный (эпистемический) контекст. Эффект генерации знаний (или расширения знаний), который проявляется в расширении контекста за счет включения новых атрибутов, можно, следовательно, также понимать как эффект сочетания существующих понятий/знаков с «новым» контекстом, с которым они ранее не были связаны эпистемически или когнитивно, что в современной лингвистике трактуется как эффект синергии.

Акты коммуникации (реализуемые в языковом случае как акты использования знаков) интерпретируются в процессе взаимодействия с учетом коммуникативных намерений, которые получатель приписывает человеку, физически выразившему знаки. Согласно Т.А. ван Дейку и В. Кинчу, дискурсивные стратегии – это когнитивные механизмы организации и контроля мыслительных процессов, обеспечивающих решение коммуникативных задач [Дейк, Кинч 1988]. Иными словами, дискурсивная стратегия – это устоявшаяся и оптимальная программа осуществления речевых действий, подчинённая дискурсивным факторам (в первую очередь, мотивам и интенциям коллективной дискурсивной личности). Приведем пример статьи Паоло Бекки в немецкой газете «Berliner Zeitung» от 21.01.2026 г. «Demografischer Winter: Zerbricht die EU wie das Römische Reich?» Основная дискурсивная стратегия автора – предостеречь Европейский союз от распада. Для достижения своей цели автор использует когнитивный механизм сравнения и активирует в сознании читателей знания о падении Римской империи, в частности, о демографическом коллапсе, когда миграционные потоки вышли из-под контроля и Римская империя рухнула. Автор предупреждает: «*Das Ergebnis dieser Entwicklung könnte sein, dass nicht nur – wie bereits Rousseau feststellte – keine Franzosen, Deutschen, Spanier und so weiter mehr existieren werden, sondern dass am Ende vielleicht sogar keine Europäer mehr übrig sind*»

(https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/demografischer-winter-erbricht-eu-wie-das-roemische-reich-li.10015109). (*Современные миграционные потоки могут выйти из-под контроля и привести к исчезновению французов, немцев, испанцев, в конечном итоге, европейцев*).

В научных исследованиях предлагается несколько классификаций дискурсивных стратегий. Так, О.С. Иссерс, классифицируя речевые стратегии, разграничивает два типа целей, отражающих существенные мотивы человеческого поведения: желание быть эффективным и необходимость приспособиться к ситуации. На этой основе ученый выделяет первостепенные и второстепенные цели [Иссерс 2012: 58]. Согласно О.С. Иссерс, первостепенная цель – воздействие на адресата. К второстепенным целям автор относит самовыражение и самооценку, эффективность взаимодействия, стремление говорящего сохранить и преумножить значимые для него ценности, управление ситуацией, избегание отрицательных эмоций [Там же: 58-59]. На наш взгляд, необходимо выделить также ***стратегии привлечения внимания***, активно использующиеся в коммерческой сфере, избирательных

кампаниях, в политике; ***стратегии повышения доверия***, функция которых – утверждение в качестве авторитетных источников; ***стратегии дискредитации***, цель которых – дисквалифицировать или игнорировать другую сторону; ***стратегии драматизации***, апеллирующие к эмоциям, анекдотам и воспоминаниям для успешного воздействия на адресата; ***стратегии спора***, использующиеся в основном для вызывания резких, экстремальных и сенсационных реакций. Непосредственной составляющей и двигателем речевого взаимодействия является интенция адресанта, в прямой зависимости от которой находится смысл высказывания. Смысл высказывания, в свою очередь, находится в прямой зависимости от интенции адресанта, являющейся непосредственной составляющей и когнитивной доминантой речевого взаимодействия. Приведем пример из выступления М. Задорнова. Путешествуя поездом, он зашел в вагон-ресторан, сел за столик. На столе стояла грязная посуда. Обратившись к официантке, сатирик сказал: «*Можно убрать*?» – «*Убирайте»*, – ответила официантка. В данном примере взаимное непонимание и, как следствие, комичность ситуации создается за счет неопределенности смысла использованной фразы, которая, в зависимости от интенции, может восприниматься и как вопрос (так ее, очевидно, восприняла официантка), и как вежливая просьба (с такой интенцией ее, вероятно, произнес М. Задорнов). В качестве дискурсивных стратегий могут выступать различные типы речевых актов: *просьба, совет, предложение, предупреждение, требование*, и др. (см.: [Григорьева 2019]).

Список приведенных видов дискурсивных стратегий не является исчерпывающим. Повседневный коммуникационный процесс характеризуется новыми дискурсивными форматами, включающими помимо визуальных или слуховых элементов иные способы сообщений, требующие их изучения в формате дискурсивного анализа. В перспективе исследований речевого взаимодействия возможно выявление дополнительных дискурсивных стратегий и их моделирование.

Подводя итоги сказанному, отметим, что индивид рождается и социализируется в рамках социально обусловленного знания. Таким образом, вся эпистемическая база индивида, выросшего в социальном контакте, формируется в значительной степени социальными факторами. Индивид, желающий утвердиться в социальном мире, вынужден использовать социально закрепленные связи между знаковыми выражениями и совокупностями знаний. События формируются в прототипические структуры знаний. В процессе коммуникативного взаимодействия намерения адресанта представляют собой предположения адресата, экстраполированные из общих социальных знаний.

Литература

Григорьева В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2018.

Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 327-337.

Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2012.

Lewis D.K. Convention: A Philosophical Study. Cambridge Mass: Harvard University Press 1969.

***V. S. Grigorieva** (Tambov, Russia)*

Tambov State Technical University

COGNITIVE PERSPECTIVE OF DISCURSIVE STRATEGIES

The article presents a rationale for the cognitive nature of discursive strategies. It attempts to demonstrate that an individual's epistemic base is shaped by social factors. It argues that understanding a speaker's intentions is extrapolated from shared social knowledge.

Key words: discourse analysis, discursive strategies, social knowledge, epistemic base

***А. В. Денисенко** (Москва, Россия)*

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

denisenko-av@rudn.ru

РУССКИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ И БЫТОВЫЕ ПРИМЕТЫ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН ПРОГНОЗА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В исследовании анализируются русские приметы как особый фольклорно-прогностический дискурс. Рассматриваются их когнитивные механизмы, структурно-семиотическая организация и речежанровые формы. Показано, как приметы снижают неопределённость, регулируют поведение и обеспечивают преемственность традиции, сочетая архаичные модели мышления с современными формами коммуникации.

Ключевые слова: прогностический дискурс, примета, лингвокультурология, речежанровые формы, когнитивный механизм

Приметы представляют собой устойчивые элементы народной культуры, выполняющие функцию прогноза: они связывают наблюдаемые природные или бытовые признаки с будущими событиями – от изменений погоды и урожая до поворотов личной судьбы. В лингвистическом плане приметы образуют особый фольклорно-прогностический дискурс, характеризующийся в первую очередь ритуализованностью, опорой на коллективный авторитет и выраженной прагматичностью. Их основная задача не только предсказывать будущее, но и снизить неопределённость, регламентировать поведение, передать традиционные знания, тем самым обеспечивая социальную и когнитивную устойчивость сообщества. **Цель** данного исследования – комплексно изучить русские приметы как составную фольклорно-прогностического дискурса, выявить их когнитивные, структурно-семантические и речежанровые характеристики, а также определить их социокультурную функцию и механизмы устойчивости в языковой традиции.

С точки зрения дискурсивного анализа приметы поддаются систематизации на основе тематического критерия, при этом обнаруживаются различные способы их языковой реализации.

М.А. Кулькова предлагает тематическую типологию примет, выделяя три ключевые категории: «погодные или метеорологические приметы; сельскохозяйственные приметы; бытовые или суеверные приметы» [Кулькова 2011: 12-13].

В.И. Карасик, исследуя дискурсивные особенности суеверных представлений, описывает трёхкомпонентную модель воплощения народных примет: «тематика положения дел, ожидаемые последствия, объяснение причинно-следственных связей» [Карасик 2025: 43].

При изучении лингвокультурологических и когнитивных параметров речевого жанра «примета» особое значение приобретает анализ этноспецифических черт мировосприятия, характерных для русской культурной традиции. Эти особенности обусловлены исторически сформировавшимися когнитивными паттернами русского этноса и проявляются в механизмах возникновения и функционирования суеверных представлений [Цивьян 1985: 155].

Таким образом, дискурсивный подход позволяет не только классифицировать суеверия по тематическим группам, но и выявить многообразие способов их выражения – от лаконичных запретов до развёрнутых сценариев с объяснениями и ритуальными действиями.

Тексты большинства примет и суеверий, свойственных русской культуре, обладают двучленной структурой («признак – прогноз»). Структурно-семиотическая организация примет определяется тем, как соотносятся их составляющие [Страусов 2020: 126]. По мнению Тугановой, характерной чертой суеверных примет выступает наличие бинарных смысловых оппозиций [Туганова 2011: 192].

В основе прогностической семантики примет лежат устойчивые когнитивные модели, позволяющие выводить прогноз из наблюдаемого признака. Прежде всего это причинно-следственные схемы: например, в примете *«Ласточки летают высоко – к вёдру. Шныряют низко – на дождь»* низкий полёт ласточек интерпретируется как симптом повышения влажности воздуха, что предвещает дождь [Грушко, Медведев 1996: 84]. Наряду с этим активно работают аналогии и метафоры, при которых природа «очеловечивается»: поведение животных и растений считывается как знаковое. Так, если кошка сворачивается в клубок, это уподобляется человеческому поведению в холод и становится признаком скорого похолодания.

Наконец, в памяти носителей традиции закреплены фреймы ожидания, которые закрепляют в нашем сознании любую стереотипную ситуацию. «Перед тем, как войти в комнату, вы уже заранее знаете, что увидите комнату, а не какой-нибудь пейзаж» [Минский 1999: 71]. При наблюдении определённого признака автоматически активируется прогноз, что существенно сокращает когнитивные усилия при интерпретации новых ситуаций.

Речежанровая организация примет реализуется через устойчивые формулы, которые обеспечивают лёгкость воспроизведения и запоминания. Наиболее ти-

пичны двучленные конструкции по модели «если – то»: *«Если в Ильин день дождь, будет мало пожаров», «Если на Покров ветер с востока, зима будет холодная»* [Грушко, Медведев 1996: 66]. Здесь чётко разделены условие (наблюдаемый признак) и следствие (прогноз). Не менее распространены номинативные формулы с имплицитной связью: *«Воробьи веселы, подвижны, драчливы – к хорошей погоде»* [Грушко, Медведев 1996: 32]. В таких случаях связь «признак – прогноз» выводится из контекста и общего знания.

В народе часто встречаются прогностические высказывания с модальными маркерами, смягчающими категоричность и отсылающими к традиции: *«Говорят, когда месяц рогами вверх – к теплу»*. Особую группу составляют ритуализованные благопожелания и предупреждения, где прогноз соединён с предписанием: *«Не выноси сор из избы вечером – к беде», «На Ивана Купалу нельзя спать – злые духи придут»*. Общими чертами данных речежанровых форм являются краткость и афористичность, параллелизмы и повторы, использование настоящего времени для обобщения, а также принципиальная анонимность – отсутствие индивидуального авторства, что подчёркивает их принадлежность к коллективной традиции.

Функционируют приметы в конкретных коммуникативных ситуациях, придающих им дискурсивную осмысленность. В бытовом прогнозировании они служат для обсуждения погоды, урожая, поездок: например, перед выходом из дома можно услышать: «*Туман утром – день будет ясный»*. В ритуально-календарных контекстах приметы приурочены к праздникам и сезонным рубежам: на Масленицу замечают *«Какой снег на Масленицу, такой и урожай»*. Воспитательная и предупредительная функция проявляется в передаче норм поведения через прогноз последствий: *«Не свисти в доме – денег не будет», «Разбил зеркало – к несчастью».* Кроме того, приметы активизируются при коллективном обсуждении аномалий – редких явлений вроде комет или затмений, которые интерпретируются как знаки грядущих перемен.

Устойчивость примет в культуре обеспечивается рядом когнитивно-дискурсивных механизмов. Во-первых, они экономят когнитивные ресурсы: готовые шаблоны позволяют быстро категоризировать опыт без сложного анализа. Во-вторых, социальная легитимация через ссылку на «народную мудрость» придаёт прогнозу авторитет и снимает личную ответственность говорящего. В-третьих, эмоциональная регуляция достигается за счёт уменьшения тревоги от неопределённости – предсказание будущего создаёт ощущение контроля. В-четвёртых, меморизация облегчается благодаря ритмике, рифме и параллелизмам, которые делают формулы легко запоминаемыми и передаваемыми. В-пятых, селективное подтверждение укрепляет веру в примету: люди склонны запоминать сбывшиеся прогнозы и игнорировать несбывшиеся, что поддерживает жизнеспособность традиции.

Несмотря на общую рационализацию культуры, приметы сохраняют актуальность и в современном дискурсе, хотя и трансформируются. Они продолжают

жить в бытовой речи как прогнозы погоды и бытовые советы, используются в медиа и рекламе в стилизациях под «народную мудрость», а также порождают новые «городские» варианты в Интернет-фольклоре: например, *«Если телефон разрядился в метро – к неприятностям».* Современные изменения касаются прежде всего ослабления ритуального компонента, смешения с научными объяснениями *(«Ласточки летают низко, потому что насекомые опускаются при высокой влажности»*) и появления иронических игр с формой *(«Если кофе пролилось – к удачному дню»).* Тем не менее базовые когнитивные схемы и речежанровые модели остаются узнаваемыми, обеспечивая преемственность традиции.

Таким образом, русские метеорологические и бытовые приметы представляют собой живой дискурсивный феномен прогноза, в котором когнитивные механизмы (причинность, аналогия, символизм, фреймирование) задают смысловую основу, а устойчивые речевые жанры форму её реализации. Их ключевыми чертами остаются двучленная структура, опора на коллективный авторитет, ритуализованность и афористичность, а также явная прагматическая направленность на регуляцию поведения. Благодаря этим свойствам приметы продолжают выполнять важную функцию в народном языковом сознании, соединяя архаичные модели мышления с современными формами речевого взаимодействия.

Литература

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1996.

Карасик В.И. Речежанровые характеристики бытовых примет // Жанры речи. 2025. № 1 (45). С. 41-50.

Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис… д-ра филол. наук. Казань, 2011.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Наука, 1999.

Страусов В.Н., Страусова С.К., Заврумов З.А., Акопянц А.М. Семиосфера и культурные коды примет // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 125-129.

Туганова С.В. Экзистенциальное понятие смерти в суеверном сознании // Вестник ТГГПУ. 2011. № 1 (23). С. 192-198.

Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения: сборник статей / под ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука. Ленингр. отдние, 1985. С. 154-178.

A. V. Denisenko *(Moscow, Russia)*

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia Lumumba

RUSSIAN METEOROLOGICAL AND EVERYDAY SIGNS AS A DISCURSIVE PHENOMENON OF FORECASTING: COGNITIVE ASPECT

The study analyzes Russian signs as a special folkloric predictive discourse. It examines their cognitive mechanisms, structural-semiotic organization, and speech-genre forms. It demonstrates how signs reduce uncertainty, regulate behavior, and ensure the continuity of tradition, combining archaic patterns of thinking with modern forms of communication.

Key words: predictive discourse, sign, linguistic-cultural studies, speech-genre forms, cognitive mechanism

Е. А. Долуденко *(Майкоп, Россия)*
Адыгейский государственный университет
ellen_313@mail.ru

ХЕДЖИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА XIX В. К СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье исследуются стратегии негативной вежливости и хеджирования в романе «Pride and Prejudice» Джейн Остин и его современной адаптации «Eligible» Кёртис Ситтенфельд. На материале прямой речи героев с помощью контекстуального анализа и инструментов корпусной лингвистики выявлены лексические, синтаксические и прагматические сдвиги в реализации хеджирующих практик за двухвековой период.

Ключевые слова: негативная вежливость, хеджирование, диахрония, речевые акты, иллокутивная сила

Негативная вежливость – это концепция, предложенная американскими социолингвистами П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson 1987]. Она относится к дискурсивным стратегиям взаимодействия, которые направлены на сохранение личного пространства и автономии собеседника. Негативная вежливость оказывает влияние на восприятие реальности, являясь результатом когнитивной проекции говорящего. По мнению специалиста по лингвистической прагматике Дж. Юла, в большинстве англоязычных дискурсивных контекстов преобладают стратегии именно негативной вежливости как способ сохранения «лица» собеседника [Yule 2011: 64]. Негативная вежливость проявляется в том, что говорящий старается избежать давления или навязывания своих мнений, уважая границы другого человека и акцентируя его право на свободу принятия решений. Эта стратегия реализуется благодаря таким приемам, как условные формулировки, непрямолинейность, извинение, ограничение обязательств, хеджирование иллокутивной силы, вежливый пессимизм, митигация нежелательных эффектов, акцент на приоритете желаний собеседника.

Негативная вежливость часто отождествляется с коммуникативной стратегией хеджирования [Leech 2014: 11], заключающейся в целенаправленном ослаблении иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно. Понятие хеджей впервые встречается у Дж. Лакоффа, который определяет их как слова и выражения, делающие высказывания «более или менее размытыми» [Lakoff 1973:471]. Феномен хеджирования активно изучается и отечественными лингвистами, в частности А.В. Байковой, Е.Ю. Викторовой, Г.Р. Власян, Е.М. Петровой, Н.А. Ладониной и др.

Целью настоящего исследования является анализ, сравнение и интерпретация реализации стратегий хеджирования в речевом поведении героев двух литературных произведений разных эпох: классического романа нравов Pride and Prejudice

(«Гордость и предубеждение») английской писательницы начала XIX в. Джейн Остин и его современной адаптации Eligible (официальный перевод на русский язык на настоящий момент отсутствует) американской писательницы Кёртис Ситтенфельд. Оба романа сочетают в себе черты романтической истории и социальной сатиры, где ирония и реалистичное изображение повседневной жизни английского/американского общества соответствующей эпохи служат фоном для развития отношений главных героев.

В качестве основных методов исследования применялись контекстуальный анализ и интерпретация, а также статистические методы обработки текстов с помощью приложения открытого доступа AntConc. Кроме статистических данных, встроенная в приложение AntConc функция конкорданса позволила также оценивать контексты, в которых использовалось хеджирование, и его плотность. В качестве единицы измерения мы использовали относительную частотность (число вхождений, поделенное на общее количество слов), что позволило более объективно сравнивать искомые показатели.

Сразу следует отметить, что исследование имеет свои ограничения. Нельзя отрицать, что речевые характеристики персонажей в значительной степени зависят от авторского идиостиля, который определяется такими факторами, как когнитивный стиль автора, индивидуальные модели мышления, гендерные предпочтения, индивидуальная «картина мира». Вкладывая в уста персонажей те или иные хеджи, авторы невольно проецируют на речь героев свои собственные представления о вежливости и собственный репертуар языковых средств, служащих ее реализации. Тем не менее, жанровое и сюжетное сходство романов, а также их сопоставимый объем по количеству лемм и словарной плотности позволяют нам использовать их в качестве исходного материала исследования.

Репертуар хеджирующих средств в английском языке весьма разнообразен. Хеджирование может осуществляться на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. На лексическом уровне негативно-вежливые высказывания, минимизирующие потерю «лица» собеседника, формируются благодаря митигирующим словам и фразам *sort of, rather, technically, quite, pretty* и др. Анализ показал, что наиболее частотным лексическим хеджем в романе Pride and Prejudice является слово *quite* (0,0007855717), в то время как в романе Eligible – это слово *just* (0,00224643262). Эти и другие наречия подобного типа реализуют стратегию ненавязывания, преуменьшения значимости предстоящего взаимодействия:

*"Your mother must have been **quite** a slave to your education"* (Pride and Prejudice).

*"I think she **just** doesn't want to face how serious things could have been," Jane said* (Eligible).

Встречающееся в современном романе довольно частотное наречие *obviously* (0,002808607) вообще не употребляются у Джейн Остин. То же можно сказать и о наречии *technically:*

*"Since he's our step-cousin, it's not **technically** incest."*

*"No," Liz said. "But it's still **technically** gross"* (Eligible).

Интересна также сочетаемость наречия *pretty*, более частотного в романе Eligible (0,0001721404 и 0,0000057274 соответственно): у Сеттенфельд *pretty* определяет такие прилагательные, как *dull, healthy, huge, quickly, surprised, sure, much*, а у Джейн Остин лишь *far, near, much, well*. Самым частотным у современных героев является сочетание *pretty sure*, которое, возможно, невзирая на свою митигирующую функцию, указывает на более открытое выражение девушкой своего мнения, чем в эпоху провинциального джентри.

Отдельного внимания заслуживает использование модальных глаголов в анализируемых произведениях. Следует отметить, что в романе Джейн Остин модальные глаголы встречаются на порядок чаще, чем у Сеттенфельд: *could* (0,0043042781 и 0,0018844847 соответственно); *might* (0,0016366076 85 и 0,0007701019 соответственно); *may* (0,0015793264 и 0,0000815492 соответственно). Однако не все модальные глаголы являются средствами хеджирования. Явное количественное преобладание модальных глаголов у Джейн Остин мы объясняем особенностями ее идиостиля, т.к. они в большинстве своем относятся не к диалогам героев, а к размышлениям и описаниям их действий, в то время как у Ситтенфельд модальные глаголы чаще встречаются именно в разговорной речи персонажей.

Как Джейн Остин, так и Кёртис Ситтенфельд используют модальные глаголы в непрямых речевых актах, что является мощным прагматическим средством негативной вежливости. К таким речевым актам косвенного характера относятся, прежде всего, вопросы-просьбы:

"I'm so sorry, but I need to go. ***Could*** *you — I'm sorry to ask this —* ***could*** *you take me back to Charlotte's to get my stuff, then give me a ride to the airport?"* (Eligible).

В данном примере используется комбинированная тактика: непрямой речевой акт – просьба отвезти в аэропорт – дополняется стратегией извинения *I'm sorry to ask this*, что также является одним из показателей негативной вежливости.

У Джейн Остин модальный глагол *could* также используется в косвенных вопросах, но обычно не в качестве просьбы, а как упрек собеседнику, смягченный за счет непрямолинейности высказывания, как это делает мистер Дарси в разговоре с Элизабет:

*"****Could*** *you expect me to rejoice in the inferiority of your connections? — to congratulate myself on the hope of relations, whose condition in life is so decidedly beneath my own?"* (Pride and Prejudice).

Хеджирование наиболее ярко проявляется в речевых актах, построенных по формуле: felicity condition + {assertion + negation ± subjunctive ± possibility operator ± tag ± please} [Brown, Levinson 1987:135], Сослагательность, модальность (модальный глагол или выражение *I suppose)*, разделительный вопрос значительно снижают иллокутивную силу высказывания, делая его максимально вежливым и «ликосберегающим». Несмотря на то, что Джейн Остин в 4 раза чаще, чем Кёртис Сеттенфельд, вкладывает в уста своих героев фразу *I suppose,* именно последняя использует высказывания, которые полностью или частично строятся по этой формуле, например:

"I don't suppose that any of you can appreciate the terror a man might feel being so outnumbered," Mr. Bennet said (Eligible).

Что касается такого средства хеджирования, как разделительные вопросы, в современном романе их практически нет, или же вместо вопросительного тэга используется наречие *right*, что является характерной особенностью современного английского языка:

Liz turned around. "Of course not. You probably need to see your obstetrician, ***right****?"* (Eligible).

В данном высказывании также используется комбинированная тактика: негативная вежливость достигается не только за счет псевдо-разделительного вопроса, но и благодаря использованию наречия *probably*. Лиз рекомендует сестре проверится у гинеколога, но делает это ненавязчиво, так, чтобы это выглядело так, как будто Джейн сама принимает решение.

Исследование показало, что несмотря на временную дистанцию, базовая цель негативной вежливости — сохранение автономии собеседника и минимизация «угрозы лицу» — остаётся неизменной в обоих текстах. Обе писательницы используют широкий репертуар хеджирующих средств. В то же время, стратегии негативной вежливости и их лингвистическая реализация не являются статичными и подвергаются изменениям под влиянием социокультурных, исторических и когнитивных факторов. Современный английский язык демонстрирует тенденцию к упрощению синтаксических конструкций, расширение лексического репертуара хеджей, смещение фокуса на комбинированные тактики. Тем не менее, ключевые принципы негативной вежливости – уважение границ собеседника и минимизация давления – сохраняют свою актуальность, подтверждая универсальность этих коммуникативных стратегий в англоязычном дискурсе.

Литература

Austen J. Pride and Prejudice. London: Chiltern Publishing, 2018.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. No. 2 (4). Pp. 458-508.

Leech G. The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Sittenfeld C. Eligible: A Modern Retelling of Pride & Prejudice. London: Random House Publishing Group, 2016.

Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2011.

E. A. Doludenko *(Maikop, Russia)*

Adyghe State University

HEDGING AS A MEANS OF IMPLEMENTING NEGATIVE POLITENESS: FROM A CLASSIC 19TH-CENTURY NOVEL TO CONTEMPORARY PROSE

The article examines negative politeness and hedging strategies in Jane Austen's novel "Pride and Prejudice" and its modern adaptation, "Eligible", by Curtis Sittenfeld. With the help of contextual analysis and corpus linguistics, the study revealed lexical, syntactic, and pragmatic shifts in the implementation of hedging practices over a two-century period.

Key words: negative politeness, hedging, diachrony, speech acts, illocutionary force

Код 5.10.1. ***А. С. Достовалова*** *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
molod@uspu.ru

ФРЕЙМ УТРЕННЕГО РАДИОЭФИРА КАК КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СЛУШАТЕЛЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РАДИО ГОРОД FM 107.6 ЕКАТЕРИНБУРГ)

В статье рассматривается фрейм утреннего радиоэфира как когнитивная схема, организующая диалог между ведущим и слушателем. На материале транскриптов Радио Город FM 107.6 (Екатеринбург) проанализированы структурные компоненты фрейма, его языковые маркеры и когнитивные эффекты, способствующие конструированию локальной идентичности и формированию ощущения сопричастности у аудитории.

Ключевые слова: медиадискурс, фрейм, радиоэфир, диалог со слушателем, локальная идентичность

Современные исследования медиадискурса все чаще обращаются к когнитивным моделям взаимодействия коммуникантов. Особое значение приобретает анализ устных форматов, где мгновенная обратная связь формирует специфические схемы восприятия. Утренний радиоэфир представляет собой уникальный пример, сочетающий в себе жесткую структурную организацию с импровизационной природой диалога. Цель данной работы – описать фрейм утреннего эфира как когнитивную структуру, обеспечивающую прогнозирование содержания для слушателя, стандартизацию речевых действий участников и конструирование локального дискурса. Материалом послужили транскрипты утренних эфиров Радио Город FM 107.6 (Екатеринбург) за период январь-март 2025 г. (общий объем 12 эфиров, суммарно около 6 часов звучания).

В когнитивной лингвистике фрейм представляет собой ментальную единицу, которая организует наше знание о мире. Во взаимодействии друг с другом фреймы создают «когнитивный сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания событий» [Чудинов 2003: 71]. Для медиадискурса релевантны следующие свойства фрейма: иерархичность (наличие слотов, компонентов ситуации, ролей и участников), прецедентность (опора на уже известные аудитории сценарии) и динамичность (возможность модификации в зависимости от контекста). В радиоэфире фрейм выполняет функцию «когнитивного каркаса», позволяющего слушателю быстро идентифицировать тип коммуникации (утреннее шоу), предсказывать последовательность блоков (после новостей следует музыка) и интерпретировать речевые действия ведущего (шутка как сигнал расслабления).

На материале Радио Город FM 107.6 выделены следующие обязательные компоненты фрейма. Во-первых, слоты (тематические блоки): приветствие (07:00 – 07:05; формулы «Доброе утро, Екатеринбург! Вы слушаете Радио Город FM на волне 107.6»), новости каждые полчаса 07:30, 08:00, 08:30, 09:00, 09:30 - краткие сводки с локальным акцентом, прогноз погоды (07:15 – 07:20; 09:15 – 09:20; упоминание районов города, например «в Орджоникидзевском +3», «на Уктусе +5»), интерактив (07:20 – 08:30; викторины, опросы, сообщения и звонки слушателей),

общение с приглашенными гостями (08:30 – 09:00), заключительный блок (09:00 – 09:30). Во-вторых, роли участников: ведущие («свой парень», использующий разговорную лексику и шутки и «обаятельная девушка», поддерживающая беседу или наоборот выступающая с контраргументами), слушатель (соучастник», чье мнение запрашивается через вопросы) и гость (эпизодически – эксперт или локальная знаменитость). В-третьих, типичные сценарии: «вопрос – ответ» (ведущие задают вопрос или тему эфира, слушатели отвечают в сообщениях через мессенджеры или по телефону), «история из жизни» (слушатель делится личным опытом, например «Вчера в парке «Зеленая роща»…») и игровой формат (например, узнать песню, переведенную на иностранный язык и обратно на русский).

Фрейм поддерживается следующими лингвистическими средствами – языковыми маркерами: формулы вежливости («Спасибо за звонок, Татьяна!», спасибо за ваши сообщения, дорогие слушатели!»), временные указатели («Только что сообщили…», «Скоро узнаем»), императивы («Звоните прямо сейчас!») и локальные топонимы («На Калине пробка…», «В парке Маяковского фестиваль»). Эти единицы выполняют функцию триггеров, мгновенно включающих у слушателя фрейм «утреннего диалога».

Анализ транскриптов позволил выделить три ключевых когнитивных эффекта фрейма. Первый – прогнозирование содержание: слушатель, слыша джингл новостей, автоматически переключается на восприятие информации. Второй – солидаризация: использование местоимения «мы» («Мы с вами знаем…») создает ощущение общности. Третий – персонализация: упоминание имен слушателей («Елена из Верх-Исетского района задает вопрос…») формирует иллюзию личного общения. Кроме того, фрейм способствует концептуализации времени: утро воспринимается не как хронологический отрезок, а как время диалога с городом. Ведущий с периодичностью «ломает» фрейм для усиления вовлеченности – это составляет динамику фрейма (нарушение ожиданий). Приемы включают в себя неожиданную смену тона (серьезный вопрос после шутки), внеплановый слот (внезапный розыгрыш подарка) и иронию над стандартами («А теперь трек, который вы не ждали…»). Вместе с тем, фрейм адаптивен: в кризисных ситуациях (неблагоприятная погода, ЧП) осуществляется модификация фрейма путем увеличения доли новостей, смены тона ведущих (на более серьезный) и сокращения интерактивов. Такие приемы активизируют внимание, но не разрушают фрейм полностью – слушатель остается в рамках узнаваемой структуры.

Через утренний радиоэфир создается комплексный образ Екатеринбурга, включающий различные аспекты городской жизни. Этот образ формируется через призму общих ритуалов, проблем и возможностей для самовыражения. Екатеринбург представляется как пространство, где люди следуют общим ритуалам, создавая ощущение единства и принадлежности к сообществу. Например, джингл «Тебе машут из соседнего автомобиля? Скорее всего, слушают Радио Город FM» подчеркивает, что слушание радио становится частью утреннего ритуала горожан. Это не просто техническое действие, а символический жест, который объединяет людей и формирует чувство общности.

Фрейм также акцентирует внимание на общих проблемах, с которыми сталкиваются жители города. Например, джингл «Стоишь в пробке на Калине? Еще не так повезет» показывает, что проблемы, такие как пробки, являются частью повседневной жизни екатеринбуржцев. Это помогает слушателям понять, что они не одиноки в своих трудностях и что другие люди сталкиваются с подобными ситуациями. Такой подход создает ощущение солидарности и поддержки, что важно для формирования городской идентичности.

Кроме того, утренний эфир предлагает площадку для самовыражения, подчеркивая значимость каждого голоса. Джингл «Ваш голос важен для нас» показывает, что радио стремится услышать и отразить мнения и переживания своих слушателей. Это создает атмосферу вовлеченности и доверия, где каждый человек может почувствовать свою значимость и влияние на общий дискурс. Утренний радиоэфир становится важным инструментом когнитивного картографирования локального дискурса, помогая слушателям лучше понимать и ориентироваться в городском пространстве. Он формирует локальную идентичность, объединяя людей через общие ритуалы, проблемы и возможности для самовыражения. В результате радио превращается в «голос города», отражающий его динамику, настроения и особенности.

Таким образом, фрейм утреннего эфира – это сложная и многоуровневая система, которая не только организует восприятие информации, но и формирует социальное пространство, выполняет терапевтические функции и адаптируется к изменениям медиасреды. Его устойчивость обусловлена способностью сочетать ритуальность стандартных блоков с гибкостью, позволяющей оперативно реагировать на новые контексты и вызовы. Это делает утренний эфир важным инструментом медиавоздействия, способным влиять на общественное мнение, настроение и поведение аудитории.

Литература

Дейк Т. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Минский М. Фреймы представления знаний. М.: Мир, 1979.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

A. S. Dostovalova *(Ekaterinburg, Russia)*

Ural State Pedagogical University

FRAME OF THE MORNING RADIO BROADCAST AS A COGNITIVE STRUCTURE OF INTERACTION WITH THE LISTENER (BASED ON THE RADIO GOROD FM 107.6 YEKATERINBURG)

The article examines the morning radio broadcast frame as a cognitive schema that organizes the dialogue between the host and the listener. Based on the transcripts of Radio Gorod FM 107.6 (Yekaterinburg), the article analyzes the structural components of the frame, its linguistic markers,

and the cognitive effects that contribute to the construction of local identity and the creation of a sense of belonging among the audience.

Key words: media discourse, frame, radio broadcast, dialogue with the listener, local identity

Е. Ю. Дубовицкая *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
katerinalis-2002@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОПУЛИЗМА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются основные языковые средства выражения популизма. В качестве примера используются публичные речи президента США Дональда Трампа и бывшего вице-президента Камалы Харрис. Формулируются критерии определения популизма, а также причины возросшей популярности этой политической идеологии.

Ключевые слова: популизм, Д. Трамп, критерии популизма, «мы»/«они», народ/ истеблишмент, народ/власть

В последние десятилетия в кругу интересов как отечественных, так и зарубежных лингвистов все чаще оказываются исследования, посвященные анализу политических дискуссий, интервью и освещению политических событий в стране и мире в средствах массовой информации. Ученые исследуют различные языковые средства, среди которых средства и приемы манипуляции общественным мнением, механизмы создания фейковых новостей, детабуирование, дегуманизация и т.д. Среди интересных проблем, которые привлекают внимание в общественно-политической сфере жизни любого общества, следует отдельно отметить тему популизма.

Настоящее исследование ставит перед собой задачу определения основных языковых средств выражения популизма. В качестве материала были выбраны два известных спикера – президент США Дональд Трамп и бывший вице-президент Камала Харрис, которая выступала основным оппонентом Д. Трампа на последних президентских выборах в Америке. Именно эти спикеры, как представляется, являются ярким воплощением изучаемого явления – политического популизма, поскольку оба в публичных речах называют себя частью народа, его защитниками в противовес предыдущему правительству (Д. Трамп) и сопернику на выборах (К. Харрис).

Традиционно популизм рассматривают как некую политическую идеологию, центральное место в которой занимает противопоставление народа и элит [БРЭ]. В рамках этой идеологии сложные проблемы имеют простые решения, понятные и привлекательные для большинства. Электорату на простом языке объясняют, какие социально-привлекательные и при этом элементарные решения имеют острые экономические, политические и другие проблемы в обществе. Идеология выстраивается на оппозиции народ/ordinary folks/ the people/ hard-working Americans/ Britons против элиты/ the elite/ the establishment/ bureaucrats и т.д.

Изучение языковых инструментов популизма невозможно без обращения к пониманию этого явления непосредственно в политологии. Отечественные поли-

тологи А.Г. Володин и С.М. Хенкин подчеркивают основные особенности популизма, которые, по их мнению, сводятся к «упрощенным аргументам, воздействие на эмоции, а не на рациональные воззрения аудитории» [Володин, Хенкин 2020: 90-91]. А.Г. Володин также отмечает, что в популизме возникает социальная потребность в обществе. Он сводится к необходимости перегруппировки сил в стране с тем, чтобы система стала более эластичной, т.е. лучше отзывалась на нужды простого народа, или, другими словами «человека улицы» – простого избирателя [Володин 2020: 253]. Ученый определяет популизм как «действенное средство мобилизации массовых слоев населения в условиях устойчивого кризиса политической системы и ее институтов» [Володин 2020: 253]. Е.О. Опарина подробно анализирует современное политическое течение – правый неопопулизм, который особенно популярен в последние годы в США и ярко проявляется в речах Д. Трампа. Ему свойственны упрощение сложных проблем, апелляция к простым американцам и к их эмоциям, мифологизация и т.д. По мнению Е.О. Опариной, этот политик «постоянно апеллирует к великому прошлому США, обещает экономическое процветание, восстановление былого величия нации, которое могут и должны восстановить сами американцы» [Опарина 2021: 260].

Говоря об общепринятых критериях определения популизма как особой политической идеологии, в политологии обычно выделяют такие критерии, как 1) разделение на элиту (зло) и народ (добро), 2) апелляцию к воле народа (политик-популист стремится ее представлять), 3) кризисную риторику и т.п. Что касается языковой стороны явления, следует выделить лингвистические критерии, среди которых: 1) антонимы/бинарные оппозиции, например, честный – продажный, патриот – предатель, народ – олигархи/коррупционная элита/истеблишмент и т.д.; 2) обращение к местоимению «мы»/ «наш»; 3) кризисная риторика, посредством которой передается необходимость к срочным мерам; 4) упрощение и генерализация и др.

Перейдем к анализу языковых средств реализации популизма.

*1. It fails to protect **our magnificent law-abiding American citizens**, but provides sanctuary and protection for dangerous criminals, many from prisons and mental institutions that have illegally entered our country from all over the world* [Daily Mail].

*2. Our country can no longer give basic services in times of emergency, as recently shown by **the wonderful people of North Carolina*** [Daily Mail].

*3. And now, for an entirely different set of crimes, he was found guilty of fraud by **a jury of everyday Americans**, and separately — and separately found liable for committing sexual abuse* [NY Times].

В приведенных примерах мы видим, как президент Америки Дональд Трамп (1-2) и бывший вице-президент Камала Харрис (3) именуют народ. Д. Трамп противопоставляет граждан правительству и президенту, которые находились у власти до него, указывая на их беспомощность и даже вред. А К. Харрис противопоставляет народ, который выразил волю простых людей в суде, Дональду Трампу, на тот момент будущему президенту США (преступнику и извращенцу, по ее мнению). К. Харрис намеренно использует выражение ***a jury of everyday Ameri-***

cans. Оно выступает как мощное, политически мотивированное оценочное средство в противовес ее оппоненту на выборах. Также в рамках предвыборной кампании она заявляла, что хочет быть «адвокатом народа», что превращает ее высказывание в инструмент воздействия.

В следующих примерах те же спикеры мастерски используют местоимения «we»/ «our» также как средство единения с народом, с которым они якобы наравне и чьи интересы представляют:

4. And its sum total is to pull our country back to the past. But America, ***we*** *are not going back.* ***We*** *are not going back. We are not going back* [NY Times].

5. And one must ask — one must ask, why exactly is it that they don't trust women? Well, ***we*** *trust women.* ***We*** *trust women* [NY Times].

6. For many years, a radical and corrupt establishment has extracted power and wealth from ***our*** *citizens, while the pillars of our society lay broken and seemingly in complete disrepair* [Daily Mail].

В примерах 7-8 спикеры используют кризисную риторику:

7. That is why ***today*** *I will also declare* ***a national energy emergency****. We will drill, baby, drill* [Daily Mail].

8. Fellow Americans, this election is not only the most important of our lives, it is one of ***the most important in the life of our nation****. In many ways, Donald Trump is an unserious man. But the consequences – but* ***the consequences*** *of putting Donald Trump back in the White House are* ***extremely serious*** [NY Times]. Исходя из этих примеров, создается впечатление, что страна находится на пороге катастрофы (пример 7), в условиях тяжелейшего кризиса, вызванного бездарными действиями предыдущего политического истеблишмента. К. Харрис же (пример 8) призывает народ насторожиться, т.к. он переживает «важнейший момент в истории всей нации».

Среди других языковых средств выражения популизма можно выделить различные инструменты, которыми весьма эффективно пользуются политики в своих публичных речах. Это и метафора войны и борьбы, в которую обязательно нужно вступить для победы над продажной элитой либо другим противником. Также публичные фигуры часто используют парцелляцию – короткие, как бы обрубленные предложения для стилизации под язык простого народа. В этих же целях употребляются разговорные выражения. Например, Д. Трамп в своей инаугурационной речи, говоря об энергетике страны, произносит: *We will drill, baby, drill* [Daily Mail]. Также популистским можно считать упрощение сложных идей. Речь идет о, например, намеренной примитивизации государственной обороны Гренландии – «two dog sleds» [NY Post]. Отдельным видом популизма можно считать обещания процветания, несметного богатства и скорого решения всех проблем. Подобными обещаниями изобилуют речи Д.Трампа – «the golden age of America begins right now» [Daily Mail] и т.п.

Приведенный перечень языковых средств не является исчерпывающим. Он лишь намечает пути дальнейшего исследования языковой и когнитивной природы популизма. Как мы видим из многочисленных примеров, эта политическая идеология весьма популярна в современном мире. Интересно взглянуть на основания вновь выросшей популярности популизма. Одной из основных причин, как отме-

чалось выше, является кризисная ситуация в обществе, когда истеблишмент перестает быть эластичным и перестает обращать внимание на нужды простых людей. Это может происходить из-за активной внешней политики, внешних угроз и других глобальных проблем. Сложная, многоуровневая модель власти оказывается неспособной увидеть текущие острые проблемы своих граждан. Тогда в стране появляется политический лидер, склонный упрощать сложившееся положение вещей, ценности, порядки и обращаться к аудитории напрямую – через соцсети, а не через сложившуюся вертикаль власти. Это имитирует доверительный «разговор на кухне» и повышает рейтинги политика.

Таким образом, проанализировав языковую природу популизма, можно сделать вывод о том, что он является не только политической идеологией, но и мощной коммуникативной стратегией, позволяющей мобилизировать электорат. На примере дискурса двух американских политиков мы наблюдаем, как противопоставление «мы» и «они», бинарные оппозиции, гиперболизация, обобщение, упрощение, эмоциональность и т.п. берут верх над аргументами и реалистичными решениями и позволяют политику занять лидирующую позицию у власти посредством одобрения у большинства. Изучение языковой природы популизма необходимо, поскольку оно позволяет отслеживать эти средства в медиадискурсе и эффективно противостоять попыткам манипулировать общественным мнением электората.

Литература

Володин А.Г. Феномен «нового популизма»: американское измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 4. С. 253-277.

Володин А.Г., Хенкин С.М. Феномен популизма: Американское измерение // Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. С. 90-103.

Опарина Е.О. Влияние социокультурного контекста на политический дискурс: на примере языка Дональда Трампа // Вестник Московского гуманитарного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 254-263.

БРЭ – Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/populizm-politicheskaia-ideologiia-ec4df3

Daily Mail. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-14306045/watch-donald-trump-2025-inauguration-speech-ful.html

NY Times – New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2024/08/23/us/politics/ kamala-harris-speech-transcript.html?ysclid=mkyaf565sh350017458

NY Post – New York Post. URL: https://nypost.com/2026/01/12/us-news/trump-says-greenlands-defense-is-two-dog-sleds-as-he-pushes-for-us-acquisition-of-territory/

E. Yu. Dubovitskaya *(Tambov, Russia)*

Derzhavin Tambov State University

LINGUISTIC TOOLS OF POPULISM IN THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

This article examines the main linguistic means of expressing populism. Public speeches by US President Donald Trump and former Vice President Kamala Harris are used as examples. Criteria for defining populism are formulated, as well as the reasons for the increased popularity of this political ideology.

Key words: populism, Donald Trump, criteria of populism, “we”/”they”, people/establishment, people/government

О. Н. Жердева *(Барнаул, Россия)*

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
vigrijanova@mail.ru

Е. Н. Скубиёва *(Баранул, Россия)*

Алтайский государственный университет
Nikoles_16@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию стратегий интерпретации диалогической языковой личности. В рамках интерпретационного уровня авторской модели языковой личности рассматривается система бинарных оппозиций. В основу исследования положен анализ дискурсивного и когнитивного аспектов стратегий интерпретации.

Ключевые слова: интерпретационная стратегия, языковая личность, структура языковой личности, диалогическая коммуникация

В современной лингвистике, переживающей период консолидации антропоцентрической, когнитивной и дискурсивной парадигм, центральным объектом становится человек в языке. В этом ключе исследование интерпретационных стратегий диалогической языковой личности (ЯЛ) представляется особенно важным, поскольку интерпретация – это одна из базовых функций, требующая комплексного анализа на стыке внутренних (когнитивных) и внешних (дискурсивных) факторов.

В то же время существует фундаментальное противоречие между линейной, последовательной природой речи и нелинейной, многомерной природой её понимания. В диалоге ЯЛ должна в реальном времени активировать сложные когнитивные процессы: выбирать из множества смыслов, опираться на опыт и прогнозировать развитие диалога. Традиционные модели ЯЛ, анализирующие монологическое высказывание, недостаточно описывают динамический механизм выбора в живом диалоге.

Целью данной статьи является комплексное описание интерпретационной стратегии как ключевого дискурсивно-когнитивного механизма, обеспечивающего смыслопорождение и взаимопонимание в диалоге, в рамках интерпретационного уровня авторской четырёхуровневой модели диалогической ЯЛ [Скубиёва, Шпильная 2022].

Л.Г. Ким определяет интерпретационную стратегию, как «комплекс речевых действий, используемых в процессе смыслосчитывания интерпретируемого и смыслопостроения интерпретирующего текстов и направленных на достижение коммуникативного результата» [Ким 2010: 283]. Отметим, что этот комплекс находится на стыке внешнего, социально-обусловленного дискурсивного взаимодействия и внутренних, индивидуальных когнитивных процессов ЯЛ. В когнитивном аспекте ин-

терпретационная стратегия – это алгоритм умственных действий, который ЯЛ актуализирует в ситуации диалога. В дискурсивном измерении интерпретационная стратегия материализуется в конкретных речевых действиях, становясь инструментом управления и конструирования диалогической коммуникации.

Для описания интерпретационного уровня структуры ЯЛ участника диалогического взаимодействия были выбраны некоторые бинарные оппозиции стратегий интерпретации, описанные Л.Г. Ким [Ким 2010]. В частности, холистическая/элементаристская, копиальная/креативная, стратегия языкового доверия/языкового скепсиса. Автороориентированная и текстоориентированная стратегии были выделены на основе концепции Т.А. ван Дейка [Дейк 1988].

Рассмотрим названные стратегии, опираясь на дискурсивно-когнитивную природу интерпретационных стратегий.

Оппозиция холистическая/элементаристская стратегия интерпретации определяет вектор интерпретации: от общего к частному (холистическая) или от частного к общему (элементаристская). Когнитивный механизм холистического направления интерпретации активирует схемы, задающие ожидания для обработки информации. Дискурсивно это проявляется в реакциях на общий посыл и в переформулировании. Когнитивный уровень элементаристской интерпретации предполагает углублённую обработку отдельных единиц. В дискурсивном плане наблюдается «зацикливание» на деталях.

Копиальная/креативная интерпретационная стратегия указывает на характер обработки информации, полученной из речевого высказывания. Копиальная стратегия направлена на максимально аутентичную реконструкцию инициального речевого произведения, в то время как при креативной установке понимание рассматривается не как извлечение, а как создание смысла. Когнитивный механизм копиальной интерпретации опирается на активацию стандартных сценариев. В дискурсивном плане обнаруживается использование пересказа, избегание собственных оценок и домыслов. Когнитивный уровень креативной интерпретации допускает множественность интерпретаций в рамках смыслов речевого произведения. Дискурсивный механизм обогащает исходное речевое высказывание своим уникальным тезаурусом и ассоциациями.

Стратегия языкового доверия/языкового скепсиса описывает базовую позицию, с которой ЯЛ подходит к чужому высказыванию – как к принятию информации (языкового доверия) или как её критической оценки (языкового скепсиса). Когнитивный механизм стратегии языкового доверия активирует схемы положительной верификации, что дискурсивно проявляется в согласии, продолжении мысли собеседника. Когнитивный механизм стратегии языкового скепсиса активирует схемы поиска противоречий, а в дискурсивном аспекте обнаруживается вербализация альтернативных точек зрения.

Оппозиция автороориентированная/текстоориентированная стратегия интерпретации ориентирована на источник смысла. Данная ось определяет, куда направлена интерпретационная деятельность ЯЛ – на автора речевого произведения (автороориентированная) или на само речевое высказывание (текстоориенти-

рованная). Когнитивный уровень предполагает построение модели личности собеседника. Речевые реакции дискурсивного плана адресованы автору в реальном времени диалогического взаимодействия. Когнитивный план текстоориентированной модели интерпретации активирует лингвистические компетенции ЯЛ. Дискурсивный аспект проявляется в фокусе на форме и содержании речевого произведения.

Рассмотрим выделенные интерпретационные стратегии на примере диалогической коммуникации из интернет-сообщества «Путешествия АКО Профсоюз образования»:

NN 1: Добрый день, все! Вы читать умеете, прекращайте засорять чат! Сколько можно говорить! Вам общаться не с кем? До каких пор это будет продолжаться!!!

Добьётесь, администраторы закроют чат, будете сами ездить и узнавать про путешествия и т.д. или хуже, ничего знать не будете!!!

NN 2: Ей надо позвонить, а то она нам весь свой телефон перешлёт)

NN 1: Женщина, Вы читать умеете!!!

NN 2: Заблокируйте и всё.

NN 3: В последнее время по причине перегруженности телефонов различными приложениями они могут жить «самостоятельной жизнью». Нужно просто его перезагрузить. Будем терпимее друг к другу.

NN 4: Спасибо!

NN 1: Сразу увидела и спасибо! Не оправдывайте неадекватных людей.

ЯЛ NN 1 интерпретирует инициальные реплики не как ошибку, а как осознанное нарушение правил (*Вы читать не умеете!*). Её интерпретация направлена на поиск скрытых мотивов (*вам общаться не с кем*), что говорит о стратегии языкового скепсиса. Она фокусируется не самих репликах, а на предполагаемых личностных качествах автора этих реплик: назойливость, неадекватность (*не оправдывайте неадекватных людей*), актуализируя авторооориентированное направление интерпретации. ЯЛ мгновенно обобщает (холистическая интерпретация) инцидент до уровня глобальной угрозы всему диалогу (*Добьётесь, администраторы закроют чат…*). ЯЛ буквально воспринимает норму *не засорять чат* и креативно домысливает последствия и мотивацию, что говорит о комплексном использовании копиальной (в части правил) и креативной (в части приписывания мотивов) стратегий. Дискурсивное проявление материализуется в прямых обвинениях, риторических вопросах, угрозах, императивах (*прекращайте*, *будете сами ездить).*

ЯЛ NN 2 демонстрирует языковое доверие (к NN 3) и прагматический скепсис (к NN 1). Она игнорирует эмоциональный посыл NN 1 и воспринимает ситуацию как техническую проблему, предлагая простое решение (*Заблокируйте и всё*). В её первой реплике юмор строится на буквальном прочтении поведения автора инициальных реплик *(она нам весь свой телефон перешлёт*), что указывает на авторооориентированную интерпретацию. Её цель – не анализировать мотивы и характер нарушителя, а прекратить раздражающий сигнал (*заблокировать*). Она принимает объяснение ЯЛ NN 3 как факт и даёт конкретный совет, реализуя тем самым креа-

тивную интерпретацию. Фокусируясь на общей проблеме (засорение спамом диалогической коммуникации), ЯЛ реализует холистическое направление интерпретации, дискурсивное проявление чего обнаруживается в использовании иронии.

ЯЛ NN 3 проявляет языковое доверие к «технической причине» и предполагает не злой умысел языковой личности автора спама, а сбой техники *(телефоны… могут жить «самостоятельной жизнью*). ЯЛ реализует автороориентированную интерпретационную стратегию, называя источником проблемы гаджет, принадлежащий ЯЛ автора спама. ЯЛ продуктивно достраивает контекст, предлагая мирное объяснение, которого нет в исходных данных, что свидетельствует об использовании креативной интерпретации. Заострение внимания на конкретном элементе (перегруженном гаджете) говорит об элементаристском пути интерпретации. В дискурсивном плане эти стратегии проявляются в экспертном объяснении *(перезагрузить*) и моральном призыве к терпимости.

Анализ реплик участников диалогической коммуникации наглядно показывает, как интерпретационные стратегии, актуализируя внутренние когнитивные алгоритмы, материализуются в дискурсивные действия и позволяют ЯЛ выстраивать сам ход диалогического взаимодействия.

Таким образом, представленный подход к интерпретационным стратегиям показывает связь когнитивного и дискурсивного аспектов, что позволяет им (стратегиям) служить ключевым механизмом преодоления фундаментального противоречия между линейностью речи и нелинейностью её понимания в условиях реального диалога.

Литература

Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 153-211.

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2010.

Скубиёва Е.Н., Шпильная Н.Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности // Филология и человек. 2022. № 1. С. 37-52.

O. N. Zherdeva *(Barnaul, Russia)*
Polzunov Altai State Technical University
O. N. Skubieva *(Barnaul, Russia)*
Altai State University

INTERPRETIVE STRATEGY AS A DISCURSIVE-COGNITIVE MECHANISM OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN DIALOGUE

The article is devoted to the study of strategies for interpreting a dialogical linguistic personality. Within the framework of the author's model of a linguistic personality, the system of binary oppositions is considered at the interpretational level. The study is based on the analysis of the discursive and cognitive aspects of interpretation strategies.

Key words: dialogical communication. interpretation strategy, linguistic personality, structure of a linguistic personality

А. В. Загуменнов *(Вологда, Россия)*
Вологодская духовная семинария
zaw1991@mail.ru

О ВАРИАНТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ДИАКОНА ФЕДОРА)

В предлагаемой статье выявлены две реализации стратегии интерпретации смысла, обнаруживаемые в текстах последней трети XVII в. Первая из них обнаруживается нами на уровне синтаксиса как введение пояснительной конструкции в линейное развертывание текстового пространства. Вторая реализация стратегии интерпретации смысла заключается в инкорпорировании жанра «толкования» в авторский текст.

Ключевые слова: исторический синтаксис, текст, дискурс, языковая личность, интерпретативная стратегия

Введение. На данном этапе развития научного знания оформился значительный пласт работ, посвященный «коммуникативным» [Макаров 1998; Иссерс 2015] или «дискурсивным» [Точицкая 2020] стратегиям, под которыми в данной работе понимается «цепь решений говорящего», набор «выборов тех или иных речевых действий и языковых средств», реализующих цели общения в самой «структуре общения» [Макаров 1998: 27]. Сама проблематика проводимой конференции позволяет утверждать **актуальность** этого направления исследований, однако до сих пор применение этих теоретико-методологических координат к историческому лингвистическому материалу остаётся, по сути, единичным [Петренко 2011; Новак 2020]. Основной **целью** данной работы является описание интерпретативной дискурсивной стратегии в сочинениях эпохи русского церковного раскола. **Материалом** нашей статьи послужили сочинения диакона Федора, духовного сына и сподвижника протопопа Аввакума. **Новизна** и **теоретическая значимость** исследования обусловлены тем, что описанные ранее координаты предлагаемой работы впервые применяются к текстам указанной языковой личности [Богин 1984].

I. О месте интерпретативной стратегии в коммуникации

По отношению к *ситуации* общения письменно закрепленная его *форма* уже отвечает выделяемым в научной литературе [Редько, Еремеева 2017] элементам стратегии, а именно: целевой установке сообщающихся (потому что это для чего-то написано), модели поведения в речи и индивидуальным особенностям личности (потому что это вообще написано человеком), а также мировоззренческим установкам участников общения (потому что написано именно так), а потому, в силу конвенциональной природы знака, письмо как таковое уже *может* рассматриваться как толкование персонального содержания. И, при определенных исследовательских установках, этот взгляд на диспозицию «интерпретация – коммуникация» будет оправданным. Мы придерживаемся иной точки зрения.

Коммуникация, согласно нашей позиции, не структура, а подсистема в системе мыследеятельности [Щедровицкий 2024] и подпространство, в котором реализуется интерпретация как ориентированная (т.е. интенциональная) связка процес-

сов, поддерживаемая последовательностью «коммуникативных ходов» [Макаров 1998: 28]. Применительно к нашему лингвистическому материалу – текстам эпохи церковного раскола – это значит, что любое истолкование как таковое формально-грамматически выражено. Интерпретация – видовое понятие по отношению к родовому «коммуникация», «интерпретирующая функция языка» (Н.Н. Болдырев) – служебная для коммуникативной функции как ведущей. В противном случае все исторически отдаленные тексты представляли бы собой только истолкования персонального содержания, что, разумеется, сказалось бы на жанровой системе Древней Руси.

II. Пояснительная конструкция как связка «ходов» в интерпретативной стратегии

По этой причине описание нужно начать с языковых средств определенного произведения определенной языковой личности. Наше предположение заключается в том, что «коммуникативные ходы», фундирующие связку процессов как составляющих интерпретацию, коррелируют (хотя и не тождественны) синтаксическому строению в линейном развертывании пространства обозначающих и обозначаемых. Вероятно, следует иначе взглянуть на пояснительные конструкции, поскольку они в определенной степени являются «камнем преткновения» и для системно-структурной, и для функциональной грамматик, и не исключено, что этот тип предложений вообще может оказаться свернутой до грамматической связи цепью ходов в реализации языковой личностью интерпретативной стратегии.

В «Челобитной царю Алексѣю Михайловичу» 1666-го года нами обнаруживается пример, который подтверждает это предположение. «Вся царства, государь, въ конецъ стекошася, сирѣчь во твое богохранимое господарство; здѣ истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искать! — заблудити будетъ» [МДИР 1881 Т. 6: 35]. Диакону Федору нужно довести до понимания правителя некое мыслимое содержание, при принятии которого получатель должен был бы встать на сторону пишущего. Первый грамматически выраженный ход здесь падает на союз сиречь, которым часть «вся царства въ конецъ стекошася» квазипоясняется как ‘стекошася во твое богохранимое господарство’, но это не пояснение в чистом виде, это – игра на многозначности. Богохранимое господарство в этом фрагменте выступает и как ‘государство’, и как ‘правление, царствование’ [СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 100] одновременно. Второй грамматически выраженный ход обозначен бессоюзной связью, скажем так, «первого» уровня («здѣ истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искать!» [МДИР 1881 Т. 6: 35]). Многозначность продолжает сохраняться, ибо «здѣ» может пониматься снова и как ‘государство’, и как ‘правление, царствование’ Алексея Михайловича. Финал предложения – бессоюзная связь «второго» уровня, оформленная эллиптической конструкцией («не пошто намъ искать! – заблудити будетъ» [МДИР 1881 Т. 6: 35]). Если раскрыть последовательность содержаний каждого из ходов, мы получим их связку по типу: «все царства стеклись в одно пространство» → «это пространство твоего государства и твоего правления, хранимые Богом» → «здесь есть истинная православная вера» → «нам нечего её искать у других» → «потому что

то, что мы найдем, будет заблуждением, а не истиной». Общая интенциональность этого предложения кроется в истолковании самостоятельности Руси от всех возможных иностранных влияний, транслятором которых в «Челобитной…» выступает патриарх Никон.

III. «Толкование» как жанровая реализация интерпретативной стратегии

Помимо языковых средств построения текста в историческом лингвистическом материале может использоваться инкорпорирование жанров. Далеко не все из них, по нашему убеждению, могут быть использованы в реализации интерпретативной стратегии, но характер некоторых из них принципиально ориентирован на интерпретацию. Примером такого жанра может быть «толкование», который имеет давнюю историю и, обыкновенно, строится по модели «стих↔толк». Тем не менее, в единственном найденном нами примере в текстах диакона Федора эта структура нарушается, приближая повествование со стороны говорящего к живой речи. В сочинении «Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братіямъ по вѣрѣ» упомянутой языковой личностью интерпретируются гонения на сторонников староверия как закономерное следствие борьбы за чистоту православия.

Для этого диакон Федор вводит стих из Евангелия от Луки (Лк. 18: 8), где задан риторический вопрос о том, найдет ли Учитель своё учение неиспорченным: *«И по семъ рече о пришествіи своемъ второмъ (т.е. Иисуса Христа – прим. А.З.), глаголя: обаче Сынъ Человѣческій, и пришедъ, обрящетъ ли вѣру свою на земли?»* [МДИР 1881 Т. 6: 184]. Ответ на этот вопрос оформлен как часть жанровой модели «стих↔толк»: *«Толкъ: не обрящетъ убо никакоже истинныя своея вѣры, развѣ малыхъ избранныхъ, крыющихся на земли сей, но смятеніе веліе будетъ въ вѣрѣ и смущеніе, и повсюду расколы будутъ и распри другъ съ другомъ, зане разумъ изпразднится правый въ человѣцѣхъ истребленіемъ истиннаго Духа Господа, за всяку нечистоту и неправду;…»* [МДИР 1881 Т. 6: 184]. При рассмотрении пояснительной конструкции как связки ходов мы выяснили, что все царства ‘стекошася в богохранимое господарство’ Алексея Михайловича, а потому «крыющихся на земли сей» подразумевает именно Россию, как точку стяжения всех и вся, «третий Рим». Всё, что здесь происходит – «смятеніе веліе въ вѣрѣ и смущеніе, и повсюду расколы и распри другъ съ другомъ» – всё это предначертано со слов самого Иисуса Христа. Даже указание на «истребленіе истиннаго Духа Господа» является косвенным намёком на полемику в связи с изменением со стороны Никона восьмого члена Символа Веры, где как раз и сказано о Святом Духе.

Заключение. Мы рассмотрели два варианта реализации интерпретативной дискурсивной стратегии в текстах последней трети XVII в., а именно: ввод пояснительной конструкции и инкорпорирование жанра «толкование» в авторское произведение для реализации общей авторской установки. В первом случае мы утверждаем, что данный тип связи в предложении может рассматриваться как исторически закономерный способ реализации истолкования чего-либо. В приведенном нами примере мы наблюдали не «отождествление», «пояснение», «идентификацию», «поиск соответствия» одной части конструкции другой, а по-

следовательность формально выраженных «коммуникативных ходов» как набор «выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» [Макаров 1998]. Во втором случае – инкорпорирование жанра «толкование» – прослеживаются общие контуры эсхатологического мировоззрения диакона Федора, для которого правка церковных книг – предвестник «последних времён». В этой смысловой перспективе церковный раскол и не раскол вовсе, а подлинная гибель всего христианства и всех верующих.

Литература

Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. …д-ра филол. наук. Калинин, 1984.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 7-е изд., стер. М.: КомКнига, 2015.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе: автореф. дис. …д-ра филол. наук. Саратов, 1998.

МДИР – Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1881. Т. 6.

Новак М.О. Коммуникативные стратегии в толстовском сборнике XIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. № 19 (6). С. 31-42.

Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011.

Точицкая Н.А. Художественное произведение в белорусском медийном арт-дискурсе: интерпретационные стратегии и ценностные ориентиры // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2020. № 2. С. 62-69.

Редько Г.В., *Еремеева А.А.* Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2017. № 4 (207). С. 108-113.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4 (Г – Д). М.: Наука, 1977.

Щедровицкий Г.П. На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход. М.: МИФ, 2024.

A. V. Zagumennov *(Vologda, Russia)*

Vologda Theological Seminary

ON THE WAYS OF IMPLEMENTING THE INTERPRETIVE DISCURSIVE STRATEGY IN DIACHRONY (BASED ON THE TEXTS OF DEACON FYODOR)

The article identifies two implementations of the strategy of interpretation of meaning, found in the texts of the last third of the XVII century. The first of them is found at the syntax level as the introduction of an explanatory construction into the linear expansion of the text space. The second implementation of the meaning interpretation strategy is to incorporate interpretation into the author's text.

Key words: historical syntax, text, discourse, linguistic personality, interpretive strategy

И. В. Зуева *(Москва, Россия)*

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
divirviz@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНЖЕНЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Благодаря научно-техническому прогрессу стремительно изменилась роль инженера в обществе, что способствовало становлению инженерного дискурса как весьма актуального и значимого направления в современной лингвистике. В свою очередь, возросла роль необходимости процесса метафоризации в формировании современного инженерного мировоззрения как новой терминологии и коммуникации.

Ключевые слова: инженерный дискурс, метафора, метафоризация, метафора-термин, технические терминологические системы

В условиях современных реалий в ходе научно-технического прогресса и изменения роли инженера в обществе инженерный дискурс (ИД) становится очень важным и актуальным направлением в современной лингвистике. Инженерная деятельность предполагает регулярное применение научных знаний для создания искусственных технических систем, и дискурс отражает специфику этой деятельности. Термин «инженерный дискурс» впервые был введен в 1999 г. [Авдеева 1999: 3-4], детально раскрывая инженерную действительность через призму когнитивных механизмов и практических аспектов профессии, исследуя связь внеязыковых факторов с речью инженера. ИД трактуется современными исследователями как информационная среда, основанная на научных знаниях, включающая профессиональные понятия и опыт, отражённые сознанием специалиста [Авдеева 2016: 15-17].

Важно отметить, что на современном этапе развития всех инженерных областей одной из языковых особенностей ИД является значительная трансформация лексического и концептуального ландшафта профессиональной терминологии. Важным процессом, сопровождающим этот трансформационный переход ИД, является активное использование различных метафорических конструкций [Скляревская 1993: 2]. Подчеркнем, что ИД, особенно в областях машиностроения, автомобилестроения и механики, характеризуется богатством терминологического аппарата, который служит не только средством коммуникации, но и отражает определенные концептуальные модели, сформированные посредством метафоризации. Метафоры в технической терминологии выполняют функции когнитивных инструментов, облегчающих восприятие сложных понятий и процессов [Катермина, Ширяева 2023: 52], а также формируют специфический образ инженерной реальности.

В данной статье выделяются три основные тенденции метафоризации в инженерной терминологии: (1) механистическая метафоризация, (2) телесно-ориентированная метафоризация и (3) метафоризация процессов через движение и энергию.

1) Механистическая метафоризация является доминирующей в ИД, поскольку инженерное мышление традиционно строится на моделях механического устрой-

ства, аналогичных машинам или механизмам [Lakoff 1993: 239]. Такой подход позволяет визуализировать сложные системы через понятия, связанные с движением, силой, силовыми взаимодействиями и конструктивными элементами. В рамках данной тенденции терминология приобретает метафорические образы, связанные с механическими компонентами, что способствует упрочнению представлений о системах как о механизмах с движущимися частями.

Так, в вышеприведенных примерах используется механистическая метафоризация, поскольку сложные инженерные системы, такие как управление роботом и электросеть – сравниваются с механическими системами, такими как гидравлическая цепь или электрические цепи. Это помогает понять работу данных систем, представляя их как набор взаимосвязанных физических элементов, через которые «текут» сигналы или энергия.

The control system of the robot is like a hydraulic circuit, where signals flow through valves and actuators to produce movement.

The power distribution network functions as a series of interconnected electrical circuits, ensuring that energy reaches every component efficiently.

Так, в первом примере видим, что система управления роботом похожа на гидравлическую цель, в которой регулировка движения осуществляется при помощи клапанов и приводных механизмов, действующих аналогично гидродинамическим элементам, направляющим течение жидкости. Во втором примере электроэнергия представляется как электрическая цепь, которая обеспечивает распределение потока энергии внутри системы. Такое подобие упрощает восприятие сложного процесса энергосети. Отметим, что употребление именно таких аллегорий позволяет лучше понять особенности функционирования различных инженерно-технических устройств путем перевода абстрактных понятий в конкретные механические взаимодействия. В данном контексте нужно подчеркнуть, что ряд исследователей, среди которых Э. Хатчинс (1995), отмечает важность визуализации и механистических представлений для формирования инженерного сознания [Hutchins 1995].

2) Вторая тенденция обусловлена переносом телесных и физиологических образов в инженерную терминологию. Использование различных антропоморфных сравнений является эффективным методом интерпретации технических явлений, который позволяет продемонстрировать сложнейшие инженерные реалии в максимально понятной и интуитивно близкой форме.

The cooling system of the engine functions like the circulatory system in the human body, transporting coolant to remove heat from critical components.

The control circuitry acts as the nervous system of the machine, transmitting signals to coordinate operations across different modules.

Так, приведённые примеры наглядно демонстрируют характерный приём – использование антропоморфных аналогий, сближающих техническое устройство и биологическую структуру организма человека. В первом случае сопоставляются двигательная охлаждающая система автомобиля и человеческая сердечно-сосудистая система. Как циркулирующая в организме по сосудам кровь поддер-

живает оптимальный температурный баланс человеческого тела, также и охладительная жидкость двигательной установки непрерывно перемещается по контурам, отводя избыточное тепло и предотвращая перегрев деталей. Используемое сравнение акцентирует важную роль жидкостного движения и теплового обмена в обеспечении стабильной работоспособности обеих систем. Во втором примере аналогия проводится между электронной схемой управления устройства и центральной нервной системой человека. Электронные сигналы, которые передаются, схожи с импульсами нервных клеток, синхронизирующих и контролирующих функционирование всех подсистем организма. Использованная в данном примере аналогия делает из сложной электрической схемы осмысленную и понятную структуру, позволяя специалисту увидеть единую картину взаимосвязанных операций, подобную управлению организмом человеком. Исследования когнитивных психологов подтверждают эффективность использованного приема: так, Д. Джентнер и А. Маркман в своей статье 1994 г. убедительно доказывают, что трансфер знакомых биологических шаблонов на область технического проектирования увеличивает глубину понимания и улучшает способность инженера оперировать абстрактными техническими категориями [Gentner, Markman 1994].

3) Третья выявленная закономерность касается активного использования в инженерной терминологии образов, отражающих движение, обмен и смену состояний. Подобные метафоры позволяют эффективно демонстрировать динамику происходящих технических изменений, переходы энергии из одного вида в другой и постоянные преобразования, характерные для функционирования большинства современных машин и автоматических комплексов. Представляя технические процессы в виде последовательных или цикличных движений, инженер получает возможность глубже осознать внутренние механизмы работы оборудования, особенности функционирования силовых агрегатов, алгоритмов автоматического управления и принципов обратной связи. Образы перемещения, трансформации и изменения становятся универсальной основой для построения мысленных моделей, позволяющих инженеру ясно представлять себе последовательность этапов рабочего цикла, взаимозависимости переменных величин и причины возникновения отклонений в процессе эксплуатации. Именно этот подход позволяет создавать целостное представление об особенностях деятельности сложных технических систем.

The control system is designed to accelerate the process from a static equilibrium to a dynamic flow, ensuring smooth transition without oscillations.

Как видим, в приведенном примере используется сразу несколько метафорических терминов, основанных на динамических аналогиях: «static equilibrium», «dynamic flow», и «transition». «Static equilibrium» (статическое равновесие) – физический и инженерный термин, который активно применяется в строительстве, технике и механике для оценки стабильности конструкций и предупреждения возможных повреждений или аварий. В выражении «dynamic flow» (динамическое течение/поток) термин «flow» (течение) метафорически переносится из гидродинамики или электротехники, где он обозначает непрерывное движение жидкости

или электрического тока. В контексте описываемого процесса он обозначает активное, непрерывное изменение или развитие, переход к более энергичному состоянию. Фраза «acelerate the process from ... to ...» (ускорить процесс от ... до ...) использует образ перемещения или ускорения, что характерно для механики и управления системами. Она создает образ, что система «движется» или «разгоняется» по пути от статического состояния к динамическому, что помогает понять концепцию изменения режима работы. Именно использование данных метафор позволяет специалисту визуализировать переход системы из стабильного, неподвижного в активное, движущееся состояние. Именно метафорическая сущность приведенных примеров в ИД делает сложные технические процессы более понятными, создавая яркий образ динамики и изменения, что особенно важно при объяснении систем управления или процессов автоматизации.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в ИД дискурсе выделяются три основные тенденции метафоризации: механистическая, телесно-ориентированная и метафоризация через движение и энергию, каждая из которых выполняет определенные когнитивные функции, способствует визуализации и моделированию технических систем, а также облегчает коммуникацию между специалистами.

Литература

Авдеева И.Б. Инженерный дискурс в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2016. № 2 (21). С. 142-150.

Авдеева И.Б. Типология инженерных дискурсов в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения: Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: тезисы докладов международной научной конференции. М.: ГИРЯП, 1999.

Катермина В.В., Ширяева Т.А. Лингвосемиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 47-58.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993.

Сыроватская Е.Ф. Особенности составления технических текстов в рамках англоамериканского инженерно-производственного дискурса ИКТ // Социогуманитарные коммуникации. 2022. № 1 (1). С. 107-110.

Gentner D., Markman A.B. Structural alignment in comparison: No difference without similarity // Psychological Science. 1994. 5 (3). Pp. 152-158.

Hutchins E. Cognition in the World. Cambridge, MA: MIT Press. 1995.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press: 1993. Pp. 202-251.

I. V. Zueva *(Moscow, Russia)*

Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI)

MODERN ASPECTS OF METAPHORIZATION IN ENGLISH-LANGUAGE ENGINEERING DISCOURSE

The role of the engineer in society has rapidly changed thanks to scientific and technological progress, which contributed to the formation of engineering discourse as a very relevant and significant direction in modern linguistics. In turn, the role of the need for the metaphorization process in

the formation of a modern engineering worldview as a new terminology and communication has increased.

Key words: engineering discourse, metaphor, metaphorization, metaphor-term, technical terminological systems

А. Ибрагимов *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
aibragimov194@gmail.com

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛОНГРИДАХ

В работе с опорой на семантическую структуру и особенности позиционирования в научном и медийном дискурсе (на материале лонгрида) устанавливаются прагматические стратегии адаптации научного знания и их специфика в лонгридах на русском и английском языках.

Ключевые слова: семантические роли, типы позиционирования, прагматические стратегии, научное знание, медиадискурс

Настоящее исследование ставит перед собой задачу установить когнитивно-прагматические особенности адаптации научного знания в русскоязычном и англоязычном лонгридах. В ряде исследований они рассматриваются с привлечением прагматических стратегий адаптации. К таковым можно отнести селективную, классифицирующую и оценивающую стратегии [Болдырев, Ефименко 2022], стратегии оформления подзаголовка, выдвижения ключевой информации, актуальности, пояснения, проведения аналогии, включения примеров, персонализации, детерминологизации, настоящего времени [August et al 2020]. Как можно заметить, некоторые из перечисленных стратегий описывают трансформации отдельных характеристик дискурса (например, эвиденциальности, оценки, персонализации), а иные – модификации в конструировании дискурса в целом (например, в отношении селективности его компонентов, выдвижения информации). В работе в качестве прагматических стратегий мы рассматриваем модификации в конструировании дискурсивного события в составе реализующих его семантических ролей и типов позиционирования; к числу наиболее общих стратегий относятся интенсификация и митигация.

Анализ семантических ролей проводится с опорой на их типологию, разработанную в [Ляшевская, Кашкин 2015] и включающую 91 семантическую роль в рамках семи блоков (Агенса, посессивных ролей, Пациенса, Адресата, Экспериенцера, Инструмента, обстоятельственных характеристик), апробированную для анализа дискурсивного события в [Чулкова 2024]. Анализ позиционирования проводится с опорой на разграничение эпистемического, оценочного типов, позиционирования релевантности и интерсубъективности, предложенное в [Du Bois 2007] и апробированное для анализа дискурса в [Ирисханова, Петров 2025; Киосе и др. 2025]. Гипотеза исследования заключается в том, что прагматические стратегии

адаптации научного знания в медиадискурсе будут демонстрировать сходный характер в русскоязычном и англоязычном лонгридах.

Материалом исследования послужили 2 пары текстов: 1) научная статья и сходный по содержанию лонгрид на русском языке и 2) научная статья и сходный по содержанию лонгрид на английском языке. Количество простых предложений в русскоязычной научной статье составляет 732, в русскоязычном лонгриде – 251. Количество простых предложений в англоязычной научной статье равняется 569, в англоязычном лонгриде – 339. На первом этапе проводится параметрическая разметка предложений на предмет реализации семантических ролей и типов позиционирования. На втором этапе осуществляется статистическая обработка данных распределения семантических ролей и типов позиционирования. На третьем этапе определяются значимые различия (с использованием χ^2-тестов) в распределении семантических ролей и типов позиционирования в научном и медийном дискурсах и устанавливаются прагматические стратегии адаптации научного знания в медиадискурсе.

Проведенный анализ позволил выявить 3639 случаев использования семантических ролей и 991 случай позиционирования в русскоязычном материале, 3838 случаев использования семантических ролей и 539 случаев позиционирования в англоязычном материале. В первую очередь рассмотрим особенности распределения блоков семантических ролей на примере русскоязычного и англоязычного материала (см. табл. 1).

Результаты показали интенсификацию агентивности (χ^2=115,36, p<0,001) (1) и митигацию обстоятельственных характеристик (χ^2=18,33, p<0,001), в частности, в отношении ролей Параметр и Значение параметра (см. примеры 2-3), на фоне интенсификации пространственного конструирования (роль Сфера) (χ^2=526,14, p<0,001) (3) в русскоязычном медиадискурсе:

Таблица 1. Частотность блоков семантических ролей, абс. и в процентах

		Агенс	Посессивные роли	Пациенс	Адресат	Экспериенцер	Инструмент	Обстоятельственные характеристики	Всего
Научная статья	рус.	91 (3.51)	104 (4)	576 (22.2)	8 (0.3)	10 (0.38)	137 (5.28)	1669 (64.32)	2595
	англ.	205 (8.42)	15 (0.62)	568 (23.32)	54 (2.22)	28 (1.15)	132 (5.42)	1434 (58.87)	2436
Медиа-статья	рус.	136 (13.03)	38 (3.64)	208 (19.92)	3 (0.29)	15 (1.44)	52 (4.98)	592 (56.7)	1044
	англ.	226 (16.12)	24 (1.71)	336 (23.97)	23 (1.64)	35 (2.5)	64 (4.56)	694 (49.5)	1402

(1) *В ситуации, когда человек* <говорящий> *возмущенно восклицает* <…>.

(2) <…> *визуальный* <признак> *канал передает 55* <значение параметра> *%* <параметр> *информации* <признак>, *просодия – 38* <значение параметра> *%*

<параметр>*, а на долю вербального* <признак> *канала* <признак> *остается лишь 7* <значение параметра> *%* <параметр>.

(3) *Помимо языковых* <признак> *средств, важную* <признак> *роль в коммуникации* <сфера> *играет просодия <…>. Также коммуникационную* <признак> *информацию передают визуальные* <признак> *сигналы <…>.*

В англоязычном медиадискурсе наблюдается схожая тенденция в распределении семантических блоков – установлены интенсификация агентивности (χ^2=52,99, p<0,001) (пример 4) и митигация обстоятельственных характеристик (в особенности параметров) (χ^2=31,6, p<0,001) (примеры 5-6) на фоне интенсификации пространственного конструирования (роль Место) (χ^2=64,21, p<0,001) (пример 6):

(4) *When I* <агенс + говорящий> *ask her* <контрагент> *to point north, she* <субъект поведения> *points precisely and without hesitation.*

(5) *26* <значение параметра> *native* <признак> *English* <признак> *speakers and 20* <значение параметра> *native* <признак> *Mandarin* <признак> *speakers participated in this* <признак> *study.*

(6) *The studies <…> looked at Arabic-French* <признак> *bilinguals in Morocco* <место>*, Spanish-English* <признак> *bilinguals in the U.S.* <место> *and Arabic-Hebrew* <признак> *bilinguals in Israel* <место> *<…>.*

Рассмотрим особенности распределения групп позиционирования на примере русскоязычного и англоязычного материала (см. табл. 2).

В русскоязычном медиадискурсе наблюдается интенсификация эпистемического позиционирования (χ^2=141,61, p<0,001) (пример 7), в частности типа Слабая вероятность (χ^2=19,63, p<0,001) (пример 8), и митигация позиционирования релевантности (χ^2=75,8, p<0,001) (примеры 9-10) и интерсубъективного позиционирования (χ^2=142,45, p<0,001) (примеры 11-12):

Таблица 2. Частотность групп позиционирования, абс. и в процентах

		Эпистемическое	Оценочное	Релевантности	Интерсубъективное	Всего
Научная статья	рус.	78 (19.02)	95 (23.17)	140 (34.15)	237 (57.8)	410
	англ.	66 (20.06)	85 (25.84)	89 (27.05)	89 (27.05)	329
Медиастатья	рус.	330 (56.8)	130 (22.38)	66 (11.36)	121 (20.82)	581
	англ.	56 (26.67)	31 (14.76)	66 (31.43)	57 (27.14)	210

(7) *<…> когда мы хотим* <наличие интенциональности> *обратить внимание окружающих на свое присутствие, мы можем* <возможность осуществления события> *откашляться <…>.*

(8) *Наш мозг не вынес бы* <слабая вероятность> *этого информационного шума, не обладай* <слабая вероятность> *он способностью фильтровать звук.*

(9) *Жесты – это коммуникативное кинетическое поведение, в первую очередь* <выделенный признак объекта> *при помощи рук <…>.*

(10) *Наука, которая исследует жесты, их системы и процессы, называется кинесикой.*

(11) *Отмечу* <своя точка зрения>, *что связь между зрением и языком изучается и в совершенно иной связи* <противопоставление точек зрения> <…>.

(12) *Окулесика изучает зрительный контакт* <…>.

В англоязычном медиадискурсе результаты выявили митигацию оценочного позиционирования (χ^2=9,31, p<0,003) (примеры 13-14):

(13) *Rosch's (1972, 1975, 1978) work on color perception* <…> *was particularly* <высокая интенсивность оценки> *effective* <телеологическая оценка> *in undermining the strong* <психологическая оценка> *view*.

(14) <…> *a new set of theories claiming that language and thought are universal muscled onto the scene.*

Среди отдельных типов позиционирования в англоязычном медиадискурсе отмечена интенсификация слабой вероятности (χ^2=12,62, p<0,001) (пример 15):

(15) *What could* <слабая вероятность> *explain it?*

Таким образом, в распределении семантических ролей обнаружено значительное сходство в русскоязычном и англоязычном медиадискурсе: наблюдаются интенсификация агентивности и митигация обстоятельственных характеристик (главным образом, параметров) на фоне интенсификации пространственного конструирования. В распределении типов позиционирования были при этом выявлены некоторые различия: в русскоязычном медиадискурсе преобладает интенсификация эпистемического позиционирования, митигация позиционирования релевантности и интерсубъективности, в то время как в англоязычном медиадискурсе выявлена митигация оценочного позиционирования. Однако как в русскоязычном, так и в англоязычном медиадискурсе была выявлена интенсификация слабой вероятности в группе эпистемического позиционирования.

Литература

Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. Вып. 4 (9). С. 355-368.

Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. Вып. 3 (6). С. 464-555.

Присханова О.К., Петров А.А. Позиционирование в полимодальном аспекте: анализ интерсубъективизации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. Вып. 1. С. 17-27.

Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. Категория интенсивности и ее реализация в устном экспозиторном диалоге на русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 14-24.

Чулкова Е.Д. Художественные модификации исторических событий в дискурсе: контрастивно-ономасиологическое исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 119-126.

August T., Kim L., Reinecke K., Smith N. Writing Strategies for Science Communication: Data and Computational Analysis // Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP). 2020. Pp. 5327-5344.

Du Bois J.W. The Stance Triangle / ed. by R. Englebretson // Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 139-182.

A. Ibragimov *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE AND PRAGMATIC ADAPTATION OF ACADEMIC KNOWLEDGE IN RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE LONGREADS

Based on the semantic structure and features of positioning in scientific and media discourse (based on the material of longreads), pragmatic strategies for adapting scientific knowledge and their specifics in longreads in Russian and English are established.

Key words: semantic roles, stance types, pragmatic strategies, academic knowledge, media discourse

О. Е. Иванова *(Пятигорск, Россия)*
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
ivanova_oksana_1983@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ В ПОЛИКОДОВЫХ АННОТАЦИЯХ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Настоящая статья посвящена исследованию когнитивных моделей представления поликодового научного контента. В статье обоснована актуальность изучения проблемы поликодовости в современном научном дискурсе, представлено авторское видение понятия «поликодовая научная аннотация», а также проведен анализ актуальных моделей англоязычных научных аннотаций как разновидности профессионального поликодового дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс, поликодовый текст, поликодовая научная аннотация, когнитивная оптимизация

Введение. В контексте стремительного роста объема научного знания критически важной становится проблема когнитивной оптимизации его первичного восприятия. Активное использование адресантами поликодовых сообщений продиктовано необходимостью задействования множественных каналов перцепции для ускорения обработки информации [Сергеева, Уварова 2014: 129], что является прямой реализацией принципа мультимодальности в коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения когнитивно-семиотических стратегий представления научного знания и важностью осуществления анализа приемов создания и интерпретации профессионального дискурса на основе поликодовости, поскольку не вызывает сомнений, что использование множества языковых и культурных кодов помогает снизить когнитивную нагрузку на участников коммуникации и оптимизировать процесс репрезентации ключевых научных концептов.

Целью данной статьи является анализ наиболее продуктивных моделей построения поликодовых англоязычных научных аннотаций и обоснование их когнитивной и семиотической роли в создания научного дискурса.

Методологическую основу исследования сформировали идеи когнитивной лингвистики, теории дискурса и дискурс-анализа, а также работы, посвященные изучению явления поликодовости текстов. В качестве материала исследования используются примеры аннотаций англоязычных научных статей, отражающие

результаты исследований, выполненных в разных сферах профессиональной деятельности.

Результаты и обсуждение. Поликодовые формы коммуникации становятся важным инструментом для научно-профессионального взаимодействия участников современного научного сообщества, что проявляется в различных формах интеграции вербальных и невербальных кодов коммуникации: научные презентации и доклады, виртуальная научная среда, научные публикации и др.

Как известно, аннотация является одним из ключевых жанров научного дискурса, так как она позволяет читателю быстро ознакомиться с содержанием документа, оценить его значимость, определить целесообразность обращения к полному тексту документа [Силкина 2019: 17].

Применение средств поликодового представления информации набирает всю большую популярность при составлении аннотаций научных статей, так как позволяет повысить их информативность, ускорить ознакомление с содержанием научного контента, облегчить навигацию по тексту и предвосхитить содержание полного текста научной статьи.

Существуют различные критерии разграничения поликодовых текстов: критерий систематизации [Бернацкая 2000: 109], роль невербальных элементов [Анисимова 2003: 7], типы корреляций [Журавлева, Пивоварова 2015: 76-77], соотношение объёма иконической и вербальной информации [Алимурадов, Гукосьянц 2022; Пойманова 1997]. Также исследователи выделяют целый ряд моделей построения поликодового текста: вербально-иконические (текст + статическое изображение), вербально-аудиально-иконические (текст + динамическое изображение + аудиокомпонент), вербально-аудиальные (текст + аудиокомпонент), вербально-символьные (текст + символы), вербально-парафемические (текст + парафемика), аудиально-иконические (аудиокомпонент + статическое изображение) [Захаров 2024: 44], которые могут быть положены в основу типологизации поликодовых аннотаций в рамках нашего исследования.

Под поликодовой научной аннотацией мы понимаем разновидность профессионального дискурса, в которой профессионально-научная информация репрезентирована в сжатом виде на основе синергетического сочетания элементов различных семиотических систем.

Нами был проведен анализ научных аннотаций, представленных в различных англоязычных научных журналах, в которых освещается проблематика разных областей знания, с целью выявления наиболее продуктивных моделей создания поликодовых англоязычных научных аннотаций. Выборка материала проводилась на основе научных аннотаций, представленных в электронных научных англоязычных журналах на онлайн-платформе MK ScienceSet Publishers и сборника аннотаций научных докладов, опубликованного по результатам 7-го Всемирного конгресса по образованию, состоявшегося в 2025 г. в г. Осака (Япония).

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Поликодовость стремительно набирает популярность в качестве лингвосемиотического механизма и когнитивной основы для оптимизированного пред-

ставления информации в таком жанре научного дискурса как аннотация. Анализ более 350 аннотаций, представленных в научных журналах, опубликованных в период с 2022 г. по настоящее время, демонстрирует явный сдвиг от традиционных средств представления научного контента именно к поликодовым формам его выражения. Следует отметить, что наибольшее количество поликодовых аннотаций было обнаружено в изданиях за 2025 г.

2. Использование поликодовости чаще наблюдается в научных аннотациях, сопровождающих научные статьи из технических и медицинской областей знания, что обусловлено, прежде всего, высокой сложностью тематики научного исследования, необходимостью точной и однозначной подачи и интерпретации материала.

3. Большой популярностью пользуются у авторов научных аннотаций вербально-иконические (рис. 1), вербально-символьные (рис. 2), вербально-параграфемические модели (рис. 3) построения поликодовых аннотаций. Авторы научных аннотаций все чаще используют вербальные и невербальные семиотические компоненты, которые вступают в сложные семиотические отношения, критически важные для формирования целостного восприятия научного поликодового дискурса. Особый интерес вызывают примеры построения научных аннотаций на основе вербально-цифровой модели (текст +ссылки на цифровые источники) (рис. 4). Несмотря на то, что такой тип поликодовой аннотации не имеет большую распространенность, не вызывает сомнений, что в скором времени он будет все чаще использоваться учеными.

4. Наблюдается тенденция к комбинированию различных моделей в рамках одной поликодовой научной аннотации (рис. 1, рис. 2). С целью максимальной оптимизации научного контента в достаточно ограниченных рамках его презентации в формате научной аннотации авторы нередко прибегают к гибридным моделям поликодовых аннотаций. Помимо текста, изображений, символов и др. для большего усиления смысловых акцентов дополнительно используются различного рода параграфемические средства. Так, на рисунке 1 представлена научная аннотация, в которой помимо столбчатой и линейчатой диаграмм, цветового кодирования присутствует выделение отдельных фрагментов текста полужирным начертанием.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

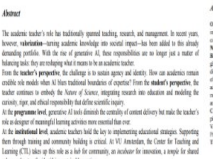
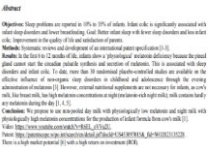

Рис. 4.

Заключение

Таким образом, по результатам выполненного анализа англоязычных поликодовых научных аннотаций можно предположить, что поликодовость в научной аннотации становится актуальной стратегией создания научного дискурса, использование которой требует от автора поликодового текста знаний об основных моделях его построения, креативного мышления, способности к структурированию и визуализации информации, владения современными информационными технологиями.

Литература

Алимурадов О.А., Гукосьянц О.Ю. Типы корреляций вербального и иконического компонентов в конфликтогенных поликодовых текстах (на материале анализа демотиваторов, посвященных движениям и субкультурам деструктивного характера) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 226-231.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на примере креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.

Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение. 2000. № 3 (11). С. 104-110.

Журавлева О.А., Пивоварова М.О. Функционирование невербальных средств в художественном тексте (на примере романа Дж. С. Фоера «Extremely Loud and Incredibly Close») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. IV. С. 76-80.

Захаров Р.И. Языковые, коммуникативно-прагматические и лингвосемиотические особенности поликодовых текстов с русскоязычным вербальным компонентом: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2024.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: дис. … канд. филол. наук. М., 1997.

Сергеева Ю.М., Уварова Е.А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. 2014. № 1. С. 128-134.

Силкина О.М., Хомутова Т.Н. Макроструктура научной аннотации: универсальное и культурно-специфическое (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 1. С. 16-33.

International Exchange of Professionals Thematic Event in Sustainable Development. Keynote Forum / ed. by Dr. James Wang. Osaka: Gala Technology, 2025.

O. Y. Ivanova *(Pyatigorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

COGNITIVE OPTIMIZATION IN POLYCODE ANNOTATIONS: LINGUOSEMIOTIC AND DISCURSIVE ASPECTS

The article explores cognitive models for representing polycode scientific content. It substantiates the relevance of studying the problem of polycode in modern scientific discourse, presents the author's perspective on the concept of "polycode scientific abstracts", and analyzes current models of English-language scientific abstracts as a form of professional polycode discourse.

Key words: scientific discourse, polycode text, polycode scientific abstract, cognitive optimization

Н. А. Илюхина *(Самара, Россия)*

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
ilnadezhda@rambler.ru

СЦЕНАРНАЯ ЛОГИКА КАК ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

В статье показана роль концепта сценарного типа как жанрообразующего приема при создании рекламных слоганов. Сценарная структура организации, хранения и воспроизведения знания в ее проекции на рекламный дискурс предопределяет регулярное использование при создании слогана названия отдельного акта для метонимической репрезентации всей стереотипной маркетинговой ситуации.

Ключевые слова: концепт, сценарий, метонимия, рекламный дискурс, слоган

Как показали исследования последних десятилетий, ментальные структуры многообразно проецируются на языковую систему, определяют закономерные процессы функционирования системы в целом и отдельных классов языковых единиц, определяют направления их развития. В частности, принципы организации знания в структуре разных типов концептов как ментальных единиц обусловливают тенденции в деривационных процессах – в логике морфологического, морфолого-синтаксического и семантического словообразования. Логика структурирования знания, лежащая в основе фрейма, пропозиции, сценария, гештальта, получает непосредственное отражение в массовых процессах развития метонимического и метафорического значений лексических и фразеологических единиц. Наиболее широко проекции структуры ментальных единиц (концептов) разного типа отражены в дискурсивном аспекте по отношению к языковым единицам разных уровней, получают многообразное отражение в текстовых категориях.

В связи с темой доклада кратко коснемся типологии метонимии, которая строится на основе *связи переносов* языковой или текстовой единицы (за которыми стоит сдвиг фокуса внимания как когнитивная операция – манипуляция с элементами знания на основе партитивных отношений) *с принципом организации знания в том или другом типе концепта*. В соответствии с этим принципом в наших работах выделены в качестве основных типов лексической метонимии фреймовый, пропозициональный, сценарный и гештальтный [Илюхина 2023: 39-84]. Определяющее влияние принципов структурирования знания в условиях действия закона экономии способствует широкому распространению метонимии в разных типах дискурса, наиболее массово в нестрогих – неофициальном, непринужденном, спонтанном общении, а также, в частности, в медиа- и рекламном дискурсе.

Принцип организации знания в разных типах ментальных единиц, приводящий к образованию регулярных метонимических реализаций языковых единиц разных уровней, обнаруживает свои проекции также в качестве текстообразующего и жанрообразующего начал. Наиболее очевидной эта роль предстает в таких жанрах как пословица, художественное произведение малой формы, рекламный слоган. Последний в данном случае избран в качестве объекта анализа.

Цель доклада – представить метонимический механизм и его возможности при воплощении концепта сценарного типа на материале слогана как жанра рекламной коммуникации – с демонстрацией тексто- и жанрообразующего потенциала сценария.

Своеобразие жанра слогана заключается, по определению Т.Н. Колокольцевой, в том, что он представляет собой «ключевой полифункциональный компонент рекламного текста, микротекст, представляющий собой краткое, афористичное, образно и эмоционально заряженное высказывание, связанное с брендом (товарным знаком) и выражающее рекламную идею» [Колокольцева 2011: 148].

Спецификой сценария (скрипта) является то, что в этом типе ментальной единицы знание о мире структурируется как «разворачиваемая во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов» [Болдырев 2014: 55]. Сценарный принцип организации знания, воплощенный в соответствующем типе концепта, находит массовое воплощение в метонимии (подробнее о сценарном типе метонимического переноса в лексике см. [Илюхина 2019]).

Однако он получает не менее масштабные проявления и как текстообразующий, и жанрообразующий принцип. Так, результаты исследования рекламного дискурса показывают, что именно сценарный принцип – воспроизведение многоактного события (в данном случае – приобретения услуги и пользования ею) в логике его сценарного развертывания, через апелляцию к одному из актов события – обычно ложится в основу представления товара или услуги, т.е. выступает как текстообразующий и во многих случаях как жанрообразующий механизм в рекламном слогане.

Конкретное содержание большинства рекламных слоганов основываются на отражении *стереотипной ситуации покупки товара или услуги*, т.е. на отражении маркетинговых отношений между производителем / продавцом / рекламодателем и потребителем по поводу продажи / приобретения товара или услуги. Сценарное измерение этой ситуации включает основные этапы их взаимодействия, однако в рамках дискурсивной коммуникации – в данном случае в текстах слоганов – сценарий выходит за рамки типовой *маркетинговой ситуации* и охватывает также предшествующий и последующий этапы жизнедеятельности потенциального потребителя. С учетом этой тенденции стереотипный сценарий обычно включает следующий ряд актов: осмысление потребности в приобретении товара/услуги (поводом для рефлексии может быть наличие проблемы, желание улучшить условия жизни, желание совершенствоваться в том или ином аспекте жизнедеятельности, желание получить удовольствие и т.д.), выбор товара из имеющихся предложений, обращение к продавцу, предварительная оценка товара, покупка, использование, окончательная оценка полученного товара в сравнении реальных качеств с обещанными, вывод об удовлетворенности/неудовлетворенности результатом.

По итогам проведенного исследования массива слоганов с рекламой товаров и услуг разных товарных категорий можно сделать вывод о том, что слоган строится с актуализацией *любого* из названных актов события, который по метоними-

ческой логике воплощает весь сценарий, в том числе момент купли-продажи – наиболее прагматически важный для рекламодателя, но обычно элиминируемый в слогане. К аналогичным выводам на материале анализа рекламы товаров других категорий приходит также А.А. Гайнутдинова [Гайнутдинова 2023].

Продемонстрируем метонимическое использование сценарного принципа воспроизведения многоактного события на примере слоганов, рекламирующих путешествия. В результате исследования массива слоганов с рекламой этого типа услуг можно сделать вывод о том, что слоган может строиться с актуализацией любого из названных выше актов, в данном случае связанных с путешествием.

Представим выявленную картину схематично, с указанием акта, метонимически представляющего стереотипную маркетинговую ситуацию в рекламном слогане:

– акт осознания потребности в путешествии: ***Сбеги от рутины****: Невероятный Кольский ждет тебя* (ТурыРоссии.рф); *Время отдыхать* (Турагентство «Алатантур»); *Пора отдыхать!* (Турагентство «Планета путешествий»); *Хватит работать – пора отдыхать!* (Агентство отдыха «Good Times Production»); *Путешествия, которые вы* ***ждали*** (Авиакомпания «S7»);

– акт принятия решения: *Солнце, море, пляж, отдых…* ***надо ехать****!* (Турагентство «Гран-при»);

– акт выбора конкретного тура: ***Планируйте*** *отдых вместе с нами* (Отель «Radisson SAS Лазурная»); *Всегда удачный* ***выбор****!* (Натали Турс);

– акт обращения в соответствующую организацию (с обычным при этом элиминированием акта оплаты и в целом оформления покупки): *Не мечтайте об отдыхе –* ***звоните сейчас*** (Sunmar); *Путь длиной в тысячи миль начинается* ***с одного клика*** (DvizhTour); ***Бронируй*** *уникальные путешествия по всему миру* (YouTravel.me);

– акт путешествия в разных аспектах его осмысления (содержание, переживаемые чувства, польза и т.д.): *Исследуем культурный код России* («Золотое кольцо»); *Душевный уикенд с* ***лепкой пельменей****,* ***дегустацией меда*** *и* ***катанием на санях*** *в Башкирии* (Большая страна. ком); *Только* ***осень****,* ***вы*** *и* ***Байкал*** (Большая страна. ком); ***Цифровой детокс*** *в горах Алтая* (Russiadiscovery.ru);

– акт оценочного осмысления итогов путешествия: ***СПАсибо****, Псков!* (Dzentour.ru); *Вам будет что* ***вспомнить****!* (VKO Клуб); *Путешествие, которое* ***будет сниться*** (Youtravel.me); ***Возвращайтесь*** *к нам* ***вновь*** (Гостиничный комплекс «Бумеранг»).

Как показывают приведенные примеры, метонимический механизм сценарного типа органично соотносится со стратегиями и тактиками, отличающими рекламный дискурс. Принцип метонимического представления рекламируемого события – в данном случае путешествия – в сценарном аспекте отличается *многосторонним прагматическим эффектом*. Наряду с очевидным для жанра рекламного слогана достоинством – обеспечением лаконичного обозначения события, этот принцип позволяет акцентировать любой акт сценария, который представля-

ется маркетологу наиболее «выгодным» и за счет варьирования актов многоактного события обеспечивает оригинальность каждого торгового предложения, а также дает возможность использовать рациональную либо эмоциональную аргументацию с учетом суггестивного потенциала того или иного акта события по отношению к потребителю.

Подчеркнем, что обнаружить жанрообразующий статус сценария как типа ментальной единицы, его воплощение в форме метонимии сценарного типа – как способа представления ситуации-события в рекламе – возможно только в ракурсе когнитивно-дискурсивного подхода, поскольку внимание к отдельно взятому рекламному тексту не обеспечивает панорамности общей картины. Такое видение открывается лишь при использовании когнитивно-дискурсивного фокуса исследования, учитывающего проекцию ментальных единиц на конкретный тип дискурса, с охватом массива рекламных текстов, в которых представлены разные варианты рекламирования услуги одной категории, ориентированные на разные сегменты целевой аудитории.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Гайнутдинова А.А. Сценарная метонимия как способ обозначения рекламной ситуации // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты: сборник научных статей по материалам международной научной конференции. Самара: ООО «САМАРАМА», 2024. С. 40-48.

Илюхина Н.А. Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении: монография. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023.

Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: к вопросу о когнитивных истоках // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXYII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 469-473.

Колокольцева Т.Н. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 147-171.

N. A. Ilyukhina *(Samara, Russia)*

Samara National Research University

SCENARIO LOGIC AS A PRINCIPLE FOR CONSTRUCTING AN ADVERTISING SLOGAN

The article demonstrates the role of the scenario type concept as a genre-defining device in the creation of advertising slogans. The scenario structure of organizing, storing, and reproducing knowledge, as projected onto advertising discourse, predetermines the regular use of the name of a specific event when creating a slogan for metonymic representation of the entire stereotypical marketing situation.

Key words: concept, scenario, metonymy, advertising discourse, slogan

А. В. Кащеева *(Тамбов, Россия)*

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
kashcheyeva@mail.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЗНАНИЯ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается преемственность знания в учебном тексте как типе текста, выполняющем обучающую функцию. Под преемственностью понимается передача текстом нового знания на основании старого. Подчеркивается зависимость способов передачи нового знания от предметной области и организации учебного текста. Ставится вопрос об изучении когнитивных механизмов формирования нового знания в учебном тексте.

Ключевые слова: учебный текст, обучающая функция, преемственность знания, новое знание, организационные особенности текста, когнитивные механизмы

Тип дискурса, который В.В. Карасик определил как педагогический, реализует цель «социализации новых членов общества», в том числе посредством передачи им системы знаний [Карасик 2023: 120]. Педагогический дискурс предполагает использование разнообразных прецедентных текстов, например, учебников и хрестоматий [Карасик 2002: 220]. Очевидно, что все отмеченные виды текстов выполняют обучающую функцию, поэтому их можно отнести к учебному типу текста. Подтверждение находим в описании классов изданий по формально-содержательному признаку, согласно которому учебным считается издание, которое содержит «…систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и ступени обучения» [ГОСТ: 5].

Когнитивные аспекты изучения языка предполагают анализ типов, форматов и уровней репрезентации знания [Болдырев 2018]. Поэтому в рамках данной статьи мы будем понимать под учебным текстом самостоятельный тип письменного текста, который реализует обучающую функцию, а также хранит в языковой форме и предает определенный объем знания. Цель данной статьи заключается в анализе преемственности знания в учебном тексте как базовое, универсальное свойство, которое характеризует развитие знания и является условием выполнения текстом обучающей функции.

Философское понимание преемственности связано с процессом развития любых объектов при условии сохранения их отдельных элементов или характеристик наряду с количественными или качественными изменениями, последние из которых предполагают изменение структуры объекта [ФС: 527].

В лингвистике проблема преемственности знания чаще всего рассматривается как соотношение нового и старого знания на разных языковых уровнях. На лексическом уровне выявлена преемственность научного знания при формировании новых терминов в области исследования космоса с помощью определенных языковых моделей [Лату 2011] и в естественнонаучной области [Агошкова 2013]. Авторы отмечают, что источником новых научных терминов часто служат общеупотребительные слова, а также слова из другой области знания [Агошкова 2013; Лату 2011]. Представляется, что полученные данные свидетельствуют о взаимо-

связи обыденного и научного типов знания и предметных областей, что обеспечивает преемственность терминосистем.

На уровне текста преемственность знания также наиболее изучена в научном типе текста. В частности, подчеркивается важность преемственности знания в филологическом тексте [Арнольд 2007]. Однако если традиционная лингвистика делает акцент на коммуникативной преемственности как последовательности рематических и тематических частей высказывания [Валгина 2003: 10], то когнитивные исследования фокусируются на структуре нового и старого знания и способах их репрезентации в тексте [Баженова 2020; Должич 2016].

Установлено, что новое знание составляет содержательную основу научного текста, отражает мыслительный процесс его автора, и поэтому имеет определенную структуру [Баженова 2020; Должич 2016]. Новое знание в научном тексте обладает свойством истинности, однако в процессе мыслительной деятельности может обнаруживать иллюзорную природу и требует доказательства в отличие от старого знания, не являющегося иллюзорным [Тихомирова 2013]. Отличительной особенностью репрезентации нового знания является его эксплицитность по сравнению со старым знанием [Должич 2016], что свидетельствует об определенной вербальной компрессии старого знания.

Рассматривая преемственность знания в тексте, важно отметить, что в отличие от коммуникативной преемственности в конкретном тексте, она может быть реализована в нескольких текстах, в том числе через интертекстуальность [Баженова 2020; Должич 2016]. Мы предполагаем, что если рассматривать старое знание в некотором предыдущем тексте как структуру, служащую для формирования нового смысла, то ее можно трактовать как когнитивный контекст [Болдырев 2018: 229]. Следовательно, когнитивный контекст старого знания в изученном тексте обеспечивает преемственность знания в последующих текстах и формирует новое знание определенным образом.

Для образовательной области преемственность знания в тексте приобретает особую важность, поскольку способствует формированию системного знания у обучающихся. Равно как и каждый новый научный текст развивает общую систему знания [Плесканюк 2016: 7]. Вместе с тем, преемственность знания в учебном тексте имеет свои особенности.

Преемственность знания в образовательном процессе требует организации условий и средств обучения [Подпорин 2023], это не предзаданное свойство. Поэтому мы считаем, что способность учебного текста передавать знание проявляется потому, что он организует его особым образом. В отличие от других типов текста, учебный текст содержит ограниченный объем нового знания, что соответствует учебным программам и облегчает усвоение нового знания. Способы организации нового знания в учебном тексте отвечают дидактической цели и уровню обучающихся. К ним можно отнести визуальное выделение ключевых элементов нового знания, композиционную и смысловую иерархию содержания [Майер 2020]. Эти способы фокусируют внимание обучающихся на тех элементах нового знания, которые необходимо усвоить.

Кроме того, одним из дидактических принципов является концентрическая организация материала. В частности, он используется в учебных пособиях для обучения иностранному языку. Согласно этому принципу, тематически схожий материал выражен в более сложных текстах на каждом следующем уровне. В данном случае преемственность знания реализуется за счет качественных содержательных, языковых и структурных изменений учебного текста.

Преемственность знания в учебном процессе предполагает активацию определенных стратегий, которые обучающиеся используют для установления взаимосвязи между имеющимся и новым опытом. Экспериментально выявлено, что для получения нового знания студенты гуманитарных колледжей выявляют сходства между различными идеями, применяют знания в другом контексте и объединяют идеи из нескольких контекстов [Barber 2012]. Полученные результаты приводят нас к мысли о том, что эти стратегии можно соотнести с когнитивными механизмами структурирования концептуального содержания, в частности, концептуальной метафоры и концептуальной интеграции [Болдырев 2018: 189-190]. Однако когнитивные механизмы, обеспечивающие структурирование знания в учебном тексте как типе текста, требуют дальнейшего изучения и обобщения. Выскажем предположение о том, что их выбор зависит от уровня обучения и предметной области.

Так как предметные области имеют специфические объекты исследования, доказательные способы и ресурсы, мы считаем, что учебные тексты разных предметных областей по-разному формируют новое знание. Так, в технической области преемственность в большей степени выражается в новом знании, в необходимости «придумать что-то новенькое» [Арнольд 2007: 29]. Естественнонаучное знание ориентировано на природу, технологии, использует практические выводы [Карпенков 2018], а гуманитарное знание теоретично, исторично, коммуникативно и использует абстрактные выводы [Подпорин 2023]. Следовательно, новое знание в текстах по математике или физике чаще выражено количественно, представляет собой формулу или теорему, содержит демонстрацию практического применения или доказательство [Майер 2020]. Новое знание в текстах по истории и обществознанию может базироваться на отсылках к существующим теориям и их сравнении, исторических справках, т.е., качественно перерабатывать старое знание. Это характерно для гуманитарного знания в целом [Подпорин 2023].

Подводя итого сказанному, отметим, что учебный текст является средством обучения, способом хранения и передачи знания. Преемственность знания может рассматриваться как в отношении серии учебных текстов, так и в отношении конкретного текста. Преемственность знания в учебном тексте обеспечивается его специфической организацией и определенными когнитивными механизмами, обусловленными предметной областью учебного текста и уровнем знания обучающихся.

Литература

Агошкова Е.Б. Проблема преемственности научного знания // Информация – Коммуникация – Общество. 2013. Т. 1. С. 4-6.

Арнольд И.В. Преемственность в филологическом тексте // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. № 1. С. 26-29.

Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте // Вестник ТГПУ. 2020. № 4 (210). С. 144-151.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003.

ГОСТ 7.60-2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения. Москва: Рос. книжная палата, 2003.

Должич Е.А. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 121-123.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.

Карасик В.И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. 2 (50). С. 118-129. URL: https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10

Карпенков С.Х. Концепции современного естествознания. М.; Берлин: Directmedia, 2018.

Лату М.Н. Отражение преемственности научного знания при создании единиц специализированной лексики // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 10 (33). С. 8-21. URL: https://moluch.ru/archive/33/3704/

Майер Р.В. Дидактическая сложность учебных текстов и ее оценка [электронное издание]: монография. Глазов: ГГПИ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Плесканюк Т.Н. Преемственность знания в научном тексте // Преемственность поколений: духовные традиции, культурное прошлое, социальные ценности: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание, 2016. С. 7-12.

Подпорин И.Г. Преемственность содержания гуманитарного знания в образовательном процессе как эпистемологическая задача // Бизнес. Образование. Экономика: материалы Международной научно-практической конференции. Минск: ГУО «Институт бизнеса Белорусского государственного университета», 2023. С. 545-548.

Тихомирова Л.С. Роль иллюзорного знания в структуре научного знания // Вестник ЧелГУ. 2013. № 14 (305). С. 88-92.

ФС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009.

Barber J.P. Integration of learning: a grounded theory analysis of college students' learning // American Educational research Journal. June 2012, Vol. 49, No. 3. Pp. 590-617. URL: http://www.Researchgate.net

A. V. Kashcheyeva *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

KNOWLEDGE CONTINUITY IN EDUCATIONAL TEXT

The article examines the continuity of knowledge in educational texts as the text type that performs an educational function. Continuity is understood as the text's transmission of new knowledge based on existing knowledge. It emphasizes dependence of the methods of knowledge transfer on the subject area and organization of the educational text. It poses the question of cognitive mechanisms of forming new knowledge in an educational text.

Key words: educational text, educational function, continuity of knowledge, new knowledge, organizational features of the text, cognitive mechanisms

М. И. Киосе, А. А. Ржешевская, В. О. Потехин *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
maria_kiose@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ: АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ[1]

В работе на материале записанного корпуса нарративов инофонов, говорящих на русском языке, устанавливается распределение отношений локальной структуры дискурса: коммуникативных, нарративных, риторических, а также речевых сбоев, свидетельствующее об особенностях формирования дискурсивной компетенции инофона.

Ключевые слова: нарративный дискурс, локальная структура дискурса, инофон, эксперимент, дискурсивная компетенция

Исследование обращается к проблеме оценки социокультурной адаптации инофона по его речевому поведению в разных типах дискурса. В то время как в процессе обучения иностранному языку основной акцент делается на усвоение лексики и грамматики, сравнительно меньше известно о том, с какими трудностями сталкивается обучающийся при освоении структуры дискурса. Решение данной проблемы представляется возможным с опорой на экспериментальные данные, полученные в результате анализа речи инофонов при конструировании разных типов дискурса. В настоящей работе на материале записанного корпуса нарративов говорящих на русском языке как иностранном на продвинутом уровне обучения, C1/C2 (ТРКИ-III и ТРКИ-IV) устанавливается распределение отношений локальной структуры дискурса, что позволяет определить особенности формирования дискурсивной компетенции инофона.

Методологически исследование опирается на теории конструирования локальных отношений в дискурсе, которые мы вслед за [Litvinenko 2001; Кибрик, Подлесская 2009] рассматриваем в совокупности коммуникативных, нарративных, риторических типов отношений, а также речевых сбоев. Некоторые типы дискурса уже получили освещение с опорой на его локальную структуру, однако чаще объектом анализа становится распределение этих отношений в дискурсе в целом, т.к. это отвечает задачам машинного обучения и создания ИИ [Potter 2023]. При этом нам известны только единичные работы, в которых такой анализ выполнен применительно к речи на иностранном языке (в основном – китайском). Данная работа продолжает серию исследований полимодального поведения говорящих на русском языке как иностранном; так, в ней сравниваются результаты, полученные по распределению отношений в дескриптивном [Киосе и др. 2025] и нарративном дискурсе. Мы предполагаем, что распределение этих отношений позволяет оценивать ряд особенностей конструирования дискурса инофоном, или его дискурсивной компетенции: 1) совместное построение коммуникации (с активным слушате-

[1] Исследование выполняется в МГЛУ в рамках проекта РНФ № 25-28-03401 «Оценка социокогнитивной адаптации инофона по его полимодальному поведению в разных типах дискурса».

лем) с опорой на коммуникативные отношения, 2) построение нарратива с учетом перспективы нарратора-автора и пересказчика с опорой на нарративные отношения, 3) построение нарратива с учетом комплексности паттернов конструирования нарративного события с опорой на риторические отношения, 4) уровень когнитивной нагрузки с опорой на речевые сбои. Анализ этих особенностей может быть применен для установления уровня формирования дискурсивной компетенции в диагностике социокультурной адаптации инофона.

Материалом являются 20 записей речи говорящих, пересказывающих содержание двух прочитанных текстов с ведущей нарративной функцией. В обоих текстах представлено развивающееся во времени событие. Речь говорящих была расшифрована с применением программы Speech2Text, далее она была скорректирована вручную, сегментирована на элементарные единицы (далее ЭДЕ) и аннотирована тремя кодировщиками. Попарные коэффициенты согласия (Каппа Коэна) на пробном фрагменте (4 записи, 225 ЭДЕ) составили, например, по наиболее частотному риторическому отношению Развития темы 0,85 / 0,87 / 0,84, что свидетельствует о высоком уровне согласованности разметчиков и применимости процедуры разметки к анализу речи инофонов.

Анализ полученных речевых образцов предусматривал сегментацию с помощью ПО Elan записанного устного текста на обособленные друг от друга ЭДЕ, выделенные с опорой на семантико-синтаксический принцип, изложенный в [Кибрик, Подлесская 2009]. В случае сегментации неканонических ЭДЕ (т.е. не соответствующих формату простой клаузы) нами также учитывались степень проявленности просодического аспекта речепорождения, а именно наличие единого интонационного контура, и паузация. Поскольку для испытуемых русский язык не являлся родным, в условиях спонтанной устной речи ожидалось кратное увеличение количества «оборванных» ЭДЕ, а также самоисправлений и речевых сбоев. Приведем примеры дискурсивной транскрипции собранного корпуса.

(1) *и тут а…* (2) *я вижу* (3) *как.. э-э-м…* (4) *он идет с ней под руку*

Основанием для выделения сегментов (1) и (3) в обособленные ЭДЕ является наличие правой границы, маркированной длительной паузой (свыше 1,3 сек). В случае мгновенного самоисправления (см. синтагму (6) ниже) ЭДЕ сохраняла свою целостность. Выделение словоформы *природа* в отдельную ЭДЕ (7) обусловлено значимой паузой на стыке между синтагмами.

(5) *и-и-и…* (6) *и потом опиш.. описывается…* (7) *природа*

Приведем примеры обнаруженных отношений. Так, коммуникативные отношения представлены следующими: Вопрос в *Да?*, Экспрессив в *А! О! Мне нравится!*, Согласие в *да*, Комментарий в *Это я не поняла*, Метадискурсив в *ну, вот, наверно*. Примерами нарративных отношений служат Начало (первая реплика, представляющая содержание прочитанного) в *Рассказчик рассказывает*, Сеттинг (указание в первой реплике на источник получения информации) в *В тексте рассказывал / как один парень по имени Митя ждал письмо от своей любимой*, Кода в *И вот как-то так*. Речевые сбои представлены Хезитациями в *ааа, эээ*, Повторами, Самоисправлениями в *но он хо… бродил пока что*. Анализ риторических

отношений проведен с опорой на их классификацию, предложенную в [Mann, Thompson 1987]. Согласно ей, разграничиваются многоядерные отношения – Объединение в *но потом он увидит ее / она высокая*, Контраст в *когда еще есть солнечные лучи / но уже потихоньку холодает*, Дизъюнкция в *если он сел / или просто стоял*; и одноядерные, например, Развитие темы в *ну, надо бы… надо было пять раз а… перечитать то / что было написано*, Цель в *что было написано / чтобы до него дошло*, Условие в *не помню / если он сел*, Следование в *или что он там собирался делать / но потом он увидит ее* (здесь реализуется и Контраст) и ряд других.

Общее количество ЭДЕ в 20 записях составило 591, диапазон варьирования количества ЭДЕ по тексту 1 составил 15-65 (среднее – 28.1), по тексту 2 – 19-70 (среднее – 31). Общее время звучания составило 22 мин 68 с, ср. время по тексту 1 – 64,3 с, по тексту 2 – 71,8 с. В сравнении с данными, полученными по дескриптиву [Киосе и др. 2025], отмечается увеличение количества ЭДЕ и времени звучания (по дескриптиву это 17,45 ЭДЕ и 60,2 с).

Использование нарративных отношений характеризовалось частотным введением Сеттинга (14) и Коды (11), что свидетельствует об умении говорящих разграничивать в речи две перспективы – перспективу нарратора-автора текста и свою перспективу как пересказчика. Обнаружены следующие коммуникативные отношения: Метадискурсив (79), Комментарий (24), Согласие (9); реже используются Вопрос (6) и Экспрессив (4). В сравнении с данными по дескриптиву установлено снижение количества случаев использования Сеттинга (по дескриптиву – 20), что можно объяснить усложнением структуры события нарратива по сравнению с дескриптивом (появление нескольких персонажей, цепочки действий) и, соответственно, увеличивающейся сложностью в совмещении перспектив нарратора и пересказчика. Также обнаружено увеличение случаев использования Метадискурсива (по дескриптиву – 25) и снижение случаев Согласия, Вопроса и Экспрессива, при сходном количестве Комментариев. Результаты указывают на перераспределение коммуникативной нагрузки говорящего: рост количества дискурсивных маркеров типа *вот, не знаю, по-моему, вроде* свидетельствует о повышении степени нечеткой референции в речи говорящего [Iriskhanova et al 2023], а также о большей прагматикализации речи. На этом фоне наблюдаем снижение интеракционального потенциала речи, предположительно вследствие большей сфокусированности говорящего на усложненной по сравнению с дескриптивом структуре нарратива. Хотя анализу подвергаются монологи, введение коммуникативных отношений в них представляется важным показателем умения оперировать принципами кооперации, имитируя «совместное построение» [Коротаев 2022]. Представляя результаты по речевым сбоям, укажем, что обнаружено 253 случая Хезитации, 7 случаев Повтора, 21 случай Самоисправления; наблюдается значительное увеличение случаев Хезитации, что связано с более сложной для говорящего структурой нарратива.

Анализ риторической структуры показал рост отношений Объединение (289 и 120) при сходном количестве отношений Развития темы (99 и 93), что указывает на значительно большее количество представленных микрособытий при конструировании нарратива в речи. Чаще появляются отношения Оценки (32 и 5), Результата (16 и 5), Следствия (15 и 0), Цели (10 и 0). Таким образом, именно эти риторические отношения являются своеобразными маркерами нарратива в речи изучающих русский язык как иностранный на продвинутом уровне. Отметим и большее разнообразие асимметричных отношений, что свидетельствует о выборе сложных паттернов конструирования события.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов об особенностях дискурсивной компетенции инофона при конструировании нарратива по сравнению с дескриптивом. В аспекте совместного построения коммуникации (с активным слушателем) наблюдаем усиление прагматикализации речи и одновременное снижение ее интеракционального характера. Построение нарратива с учетом перспективы происходит со снижением нарративного вклада пересказчика. Что касается построения нарратива с учетом комплексности паттернов конструирования нарративного события, то наблюдается их усложнение. При этом уровень когнитивной нагрузки также возрастает, что находит отражение в увеличении количества маркеров хезитации. Результаты подтверждают эффективность использования инструментария отношений локальной структуры дискурса для анализа разных типов дискурса в устной речи и возможность опоры на распределение этих отношений в речи инофона для установления дискурсивных особенностей его социокогнитивной адаптации.

Литература

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.

Киосе М.И., Ржешевская А.А., Петров А.А. Локальная структура дискурса описания в речи взрослых, изучающих русский язык как иностранный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2025. Вып. 23. С. 158-168.

Коротаев Н.А. Разметка случаев совместного построения в мультиканальном корпусе // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4 (51). С. 393-397.

Iriskhanova O.K., Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V. Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2023. Iss. 22. Pp. 172-180.

Litvinenko A.O. Describing discourse structure in terms of Rhetorical Structure Theory: Application to Russian material // Труды международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. 2001. Вып. 1. С. 159-168.

Mann W.C., Thomspon S.A. Rhetorical structure theory: Towards a functional theory of text organization // Text - Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. Iss. 8. Pp. 243-281.

Potter A. An algorithm for Pythonizing rhetorical structures // Proceedings of the 4th Conference on language, data and knowledge. Lissabon: NOVA FCSH — CLUNL, 2023. Pp. 493-503.

M. I. Kiose, A. A. Rzheshevskaya, V. O. Potekhin *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

DISCURSIVE COMPETENCE OF THE SPEAKERS OF RUSSIAN AS L2: NARRATIVE DISCOURSE

The study explores the recorded corpus of narratives produced by the speakers of Russian as L2 to identify the distribution of local discourse structure relations, communicative, narrative, rhetorical and speech disfluencies. The results help diagnose the speakers' discursive competence.

Key words: narrative discourse, local discourse structure, foreign language speaker, experiment, discursive competence

Д. А. Ковальчук *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
difrlex@gmail.com

СИНЕСТЕЗИЯ В ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ТАКТИЛЬНОГО DOUX В АУДИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЕ CHANSON DOUCE

В статье рассмотрено функционирование прилагательного *doux/douce* в когнитивно-семантической интерпретации. Показано, что ее ментальная проекция в аудиальную модальность в синестетической метафоре *chanson douce* формирует сложный механизм психологического воздействия в тексте.

Ключевые слова: когнитивная семантика, радиальная модель, лингвосенсорика, синестетическая метафора, концептуальный блендинг

В современной когнитивной лингвистике возрастает интерес к лингвосенсорике как к научному направлению в лингвистике, исследующему способы вербализации перцептивного опыта и межсенсорных переносов в языке. В этом отношении показателен анализ названия романа 'Chanson douce' (Slimani L.), в котором реализуется синестетическая метафора, основанная изначально, согласно нашей гипотезе, на переносе характеристик густативной модальности (*douce* – сладкая) в сферу аудиального восприятия (*chanson* – песня). Современные французские исследователи полагают (см., например, Alexandre Bianco, 2017), что данный библионим (термин Н.В. Подольской, 1988) является прямой отсылкой к песне Анри Сальвадора «Le loup, la biche et le chevalier» («Волк, лань и рыцарь»), воплощая двусмысленность идеи романа: мнимая нежность, скрывающая ужасающую жестокость («волком» здесь является няня). В отличие от оригинального французского названия *Chanson douce* (букв. сладкая/нежная песня), официальный русский перевод заглавия романа – «Идеальная няня» – не передает межсенсорную метафору оригинального названия, что приводит к утрате значимой части смысловых оттенков и, как следствие, импрессивного потенциала, заложенного автором в литературном наименовании.

Когнитивно-семантическая интерпретация исследуемого библионима требует обращения к анализу специфики семантической структуры прилагательного *doux/douce*, исторически обусловленной особенностями его синтаксической пози-

ции в предложении/словосочетании. При употреблении данного прилагательного наблюдается вариативная актуализация сенсорных сем: в предпозиции в сознании реципиента профилируется, как правило, тактильная сема (напр., une douce laine – мягкая шерсть), тогда как в постпозиции на первый план выходит густативная сема (напр., un fruit doux – сладкий фрукт). Применение когнитивно-семантического подхода позволяет реконструировать логику формирования значения библионима и выявить своего рода иерархию сенсорных модальностей в реализации значения исследуемого заглавия романа.

Содержание понятия *doux/douce* («сладкий», «мягкий», «тёплый», «тихий», «нежный», «кроткий». «послушный» и т.д.) концептуализируется на основе телесно обусловленного перцептивного прототипа. Поэтому смысл библионима может быть обусловлен как густативной, так и тактильной семантикой прилагательного. Следовательно, необходимо установить, какие перцептивные схемы формируют синестетическую метафору *chanson douce* – это «сладкая песня», или все же «мягкая (т.е. нежная/тихая/приятная) песня»? Мы полагаем, что формирование значения данной метафоры обусловлено, в первую очередь, ментальной проекцией из густативной в тактильную модальность, т.е. изначально профилировалась густативная сема. Основанием для подобного суждения являются лексикографические данные авторитетных французских источников: в постпозиции прилагательного в его значении фокусируются, т.е. являются центральными, густативные семы – семантические, отражающие восприятие и концептуализацию вкусовых качеств объекта (ср., *vin doux* (сладкое вино)*, saveur douce* (сладкий вкус) и др.), тогда как тактильная семантика (тот объем значения данного прилагательного, который отражает восприятие и концептуализацию осязательных характеристик объекта) профилируется преимущественно в постпозиции. Так, анализ 48 микроконтекстов актуализации данного прилагательного (в том числе в переносных значениях) показал следующие результаты: густативная модальность была представлена 22 примерами **(***amendes douces* (сладкий миндаль)*, vin doux* (сладкое вино)*, moutarde douce* (сладкая горчица)*, cidre doux* (сладкий сидр)*, sauce douce* (сладкий соус) и др.), что составляет около 46% всей выборки), тактильная – 14 примерами, около 29% (*le doux contact de la soi* (нежное прикосновение шелка)*, peau douce* (нежная кожа), *lit/matelas très doux* (мягкая кровать/матрас)*, touche douce* (нежное прикосновение) и др.), визуальная – 6 микроконтекстами (12,5%), аудиальная – 5 словосочетаниями (10%), ольфакторная – 2 примерами (около 4%).

Густативная модальность исследуемого прилагательного реализуется в таких атрибутивных словосочетаниях, где прилагательное *doux/douce* обозначает либо наличие сладкого вкуса у того или иного объекта, либо ослабленную интенсивность вкусового раздражителя. Здесь мы отмечаем факт модифицированного восприятия и концептуализации эмпирического опыта (вкусового ощущения) в зависимости от степени его интенсивности, т.е. телесного воздействия (см., например, [Sweetser 1990: 37-41]). Таким образом, сема «мягкий» в значении прилагательного *doux/douce* в словосочетании**,** например, *goût doux* (мягкий вкус) представляет

собой не автономную семантическую зону, отражающую межсенсорную (вкусовой – тактильный) концептуализацию ощущений, а конкретизацию общей схемы неинтенсивных вкусовых ощущений.

Соотнесенная с физическим взаимодействием, тактильные смысловые компоненты прилагательного *doux/douce* отражают соответствующий прототипический уровень категории, ведь тактильный опыт относится к фундаментальным компонентам воплощенного познания, в терминах которого именно телесный контакт формирует базовые схемы «давление», «сопротивление», «интенсивность», абстрагирующиеся и использующиеся впоследствии для концептуализации иных сенсорных и несенсорных доменов [Neisser 1976: 54].

Отметим, что некоторые исследуемые микроконтексты представляют стертую метафору «сладкий – мягкий/нежный», сформировавшуюся как языковое воплощение концептуальной межсенсорной метафоры «ВКУС – ТАКТИЛЬНОСТЬ». Последняя реализуется через общее семантическое поле, или, в терминах фреймовой семантики – терминал «приятность», который является общим для двух фреймов – ВКУС и ТАКТИЛЬНОСТЬ, что и позволяет значению свободно «мигрировать» из одного домена в другой. Не случайно в словосочетаниях, обозначающих абстрактные качества – *une humeur douce* (кроткий нрав)*, un souvenir doux* (теплое воспоминание)*, une transition douce* (плавный переход) – активируется именно этот общий терминал с его соответствующими слотами, а не конкретная сенсорная модальность. Таким образом, прилагательное *doux/douce* маркирует здесь не само физическое ощущение, а оценочно-смысловой признак «отсутствия резкости/дисгармонии/агрессии», «упакованный» в значении прилагательного в результате языковой интерпретации укорененных в первичном телесном опыте ощущений сладости и мягкости.

В этом плане любопытно заметить, что роман Л. Слимани носит название «Chanson douce», в то время как в самом тексте произведения значительно чаще используется не абстрактный образ «нежной, сладкой песни», а конкретизированная синестетическая метафора *voix douce* (сладкий/мягкий голос). Такой метофтонимический сдвиг от *Chanson douce* к *voix douce* отражает переход от эстетически нейтрального аудиального образа к телесно и прагматически нагруженному акту говорения, где «сладкий» голос выступает способом межличностного контакта.

Данный пример интересен, прежде всего, синкретическим взаимодействием двух модальностей, обусловливающим смысловое содержание понятия doux/douce. Перенос признака в аудиальную сферу реализуется здесь через синестетическую метафору, в которой тактильная характеристика «мягкости» переосмысливается как снижение интенсивности коммуникативного воздействия и одновременно соотносится с вкусовым чувственным образом сглаженного «сладкого» раздражителя. Голос концептуализируется не только как предмет, способный «касаться» адресата, что отражает связь с прототипической моделью неагрес-

сивного физического контакта, но и как форма обволакивающего, приятного воздействия, аналогичного густативному опыту, вербализуемому как «сладость». Тем самым в аудиальной сфере-реципиенте актуализируются элементы сразу двух сенсорных доменов-источников метафорического переноса – тактильного и густативного. Значение данного прилагательного в этой пропозиции целесообразно описывать не только как межсенсорный перенос, но и как результат синестетического концептуального смешения (blending) (Fauconnier, Turner), в котором участвуют фреймовые структуры, восходящие к разным перцептивным доменам. При этом речь идет не о прямом «смешении модальностей», а о блендинге элементов концептуальных структур, исторически и культурологически закрепленных за густативной и тактильной эмпирическими сферами. Именно эта концептуальная интеграция объясняет семантическую и прагматическую многозначность синестетической метафоры *voix douce* в романе: в зависимости от контекста в значении прилагательного может доминировать либо тактильный смысловой компонент (мягкий/нежный голос как физическая близость, эмпатия), либо густативный (сладость, обволакивающая приятность). Таким образом, *voix douce* представляет собой результат межмодального блендинга, в котором «мягкость/сладость» выступает не просто как перцептивный дескриптор, а как когнитивный оператор, формирующий механизм психологического и социального воздействия, выходящий за рамки нейтральной перцептивной характеристики.

Итак, название романа «Chanson douce» и частотная в тексте синестетическая метафора *voix douce* демонстрируют важную роль в построении смысла произведения. Перцептивное приписывание необычных сенсорных характеристик мягкости/сладости аудиальному объекту (голосу няни) и акцентирование этого интермодального образа через его повторяемость на протяжении всего произведения служат лейтмотивной организации текста и создают центральную смысловую оппозицию между иллюзорной, «сладкой» идиллией и скрывающейся за ней леденящей жестокостью.

Литература

Лэнекер Р.В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3 (009). С.15-27.

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: https://www.cnrtl.fr

Dictionnaire de l'Académie française. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr

Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. URL: https://www.larousse.fr

Le Petit Robert. URL: https://www.lerobert.com

Neisser U. Cognition and Reality. San Francisco: W.H. Freeman, 1976.

Slimani L. Chanson douce. Paris: Gallimard, 2016.

Sweetser E. From Etymology to Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

D. A. Kovalchuk *(Moscow, Russia)*
Moscow Pedagogical State University

SYNESTHESIA IN LANGUAGE: THE COGNITIVE SEMANTICS OF TACTILE *DOUX* IN THE AUDITORY METAPHOR CHANSON DOUCE

The article examines the functioning of the adjective *doux/douce* from a cognitive-semantic perspective. It demonstrates that its mental projection into the auditory modality within the synesthetic metaphor *chanson douce* forms a complex mechanism of psychological influence in the text.

Key words: cognitive semantics, radial model, linguosensories, synesthetic metaphor, conceptual blending

О. Н. Кондратьева *(Кемерово, Россия)*
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕКОДИРОВАНИЯ ИНТЕНЦИЙ НОМИНАТОРА (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АДВОКАТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)[1]

В статье выявляются и описываются основные когнитивные стратегии, посредством которых потенциальные клиенты декодируют смыслы, заложенные номинаторами в названия адвокатских организаций, демонстрируется зависимость выявленных стратегий от типа названия и от языковых и общекультурных компетенций реципиентов, оценивается продуктивность каждой стратегии.

Ключевые слова: нейминг, интенции номинатора, декодирование интенций, когнитивные стратегии декодирования, адвокатские организации

Изменения во многих сферах существования социума, требующие правовой оценки, и резкий рост числа специалистов на рынке правовых услуг приводят к интенсивному развитию юридического маркетинга, в котором значительная роль в продвижении юридической организации принадлежит успешному названию. Разработка названий для организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере права, сопряжена с определенными сложностями: номинатору необходимо соблюсти баланс между профессиональной солидностью и оригинальностью, профессиональных объединений, оказывающих идентичные услуги. Также при выборе названия юридической организации необходимо учесть способность потенциальных клиентов считать заложенные в название смыслы, т.е. декодировать интенции номинатора, поскольку именно от этого в значительной степени будет зависеть эффективность созданного названия, успешность продвижения организации и ее конкурентоспособность, т.е. маркетинговая продуктивность.

Для верификации способности потенциальных потребителей правовых услуг корректно декодировать интенции номинатора возможно использование психо-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20206, https://rscf.ru/project/25-28-20206/ и Кемеровской области – Кузбасса.

лингвистических методов, в частности, проведение ассоциативных экспериментов, позволяющих выявить основные ассоциации, порождаемые названием, и соотнести их с мотивировкой выбора названия номинатором (см., например, [Гридина, Коновалова 2022; Новичихина 2004]). При этом ассоциативные интерпретации названия трактуются «как речемыслительный «рефлексивный акт» по поводу названия, отражающий ценностные ориентиры языковой личности» [Гридина, Коновалова 2022: 30] и отражают когнитивные стратегии декодирования интенций номинатора.

В настоящей статье представлены результаты серии ассоциативных экспериментов, в которых в качестве стимульного материала использовались названия трех адвокатских объединений Сибирского федерального округа – адвокатского кабинета (АК) «VICTORIA» (Кемеровская область) и двух адвокатских бюро (АБ) – «ПРИМ групп» (Новосибирская и Томская области) и «Глаукс» (Иркутская область). Выбор номинаций обусловлен тем, что они являются по своей природе ассоциативно-образными, т.е. указывают прямо на сферу деятельности организации и ее услуги, а порождают ассоциации, имплицитно характеризующие адвокатское объединение. Именно названия такого типа, на наш взгляд, могут оказаться потенциально сложными для восприятия широкими слоями населения.

Респондентами выступили студенты 4-5 курсов, обучающиеся на направлениях Филология, Лингвистика, Педагогическое образование (Русский язык и литература) Кемеровского государственного университета. Такие информанты обладают общекультурными и лингвистическими компетенциями, способны к рефлексивной деятельности: студенты не только давали ассоциации, но и зачастую предлагали их обоснование, подобные реакции можно рассматривать как полноценные рефлексивные акты.

Цель статьи – выявить когнитивные стратегии, используемые респондентами при декодировании интенций номинатора, и определить их эффективность, т.е. способность максимально точно эксплицировать заложенные номинатором в название смыслы.

Эксперименту предшествовало определение смысловых интенций номинатора, т.е. смыслов, которые вкладываются в название и актуализируют конкурентные преимущества адвокатской организации. АК «VICTORIA» в качестве названия выбрал имя богини победы, тем самым обещая потенциальным клиентам успешное решение правовых вопросов, АБ «ПРИМ групп» использует латинский корень *prim*, «от латинского PRIMus – первый», отмечая на своем корпоративном сайте свою установку – «никогда не быть номером два» (https://prim.group), АБ «Глаукс» выбирает греческую лексему «сова», отмечая ее символическое значение и указывая, что «основные принципы работы адвокатского бюро – мудрость и сила» (http://glaux.ru).

При проведении эксперимента стимульный материал предлагался респондентам с указанием на тип объекта (адвокатское объединение), которому это название принадлежит, поскольку таким образом можно более явно эксплицировать ассоциативные связи объекта и его номинации, порождаемые в сознании испытуемых

при декодировании интенций номинатора. В процессе обработки и систематизации данных реципиентами реакций было выделено четыре когнитивные стратегии декодирования интенций номинатора – лингвистическая, культурологическая, паронимическая и симпрактическая.

I. При использовании ***лингвистической стратегии*** ассоциации испытуемых сопровождались комментариями, указывающими на происхождение слова, его понятность для носителей русского языка и представляли собой попытки вывести значение названия из его лексического значения в языке-источнике или определить его способ образования:

1) АК «VICTORIA»: *слово «победа» на английском языке; слово «Victoria» (ну или имя) созвучно с английским словом «победа», поэтому у меня хорошие ассоциации; VICTORIA от англ. слова victory – победа, соответственно, им можно доверять; англицизм.*

2) АБ «ПРИМ групп»: *слово PRIM с латинского означает «первый», это подчеркивает профессиональную компетенцию; «ПРИМ» – как первый, заявка на лидерство*; *prime* (*основной*) *– сокращение от prime; прим – как прайм (от англ. prime); команда в прайме (очень крутая); «прайм» – сокращение какого-то слова, а групп – образовано от английского «group»; от иностранного первый.*

3) АБ «Глаукс»: ***образовано*** *из другого языка, английского или греческого; скорее всего, глаукс имеет перевод; «глаукс» – не русское слово; возможно, сокращение от нескольких слов.*

II. **Культурологическая стратегия** встречается реже, она основывается на привлечении информации из разных областей культуры – мифологии, литературы, музыки, балета и т.п.:

1) АК «VICTORIA»: *Виктория – богиня победы; богиня-победительница в римской мифологии.*

2) АБ «ПРИМ групп»: *ПРИМ – созвучие первых нот*; *прима-балерина; балерина первого, ведущего состава*.

3) АБ «Глаукс»: *глаукс – сова – мудрость; сова в мифологии – символ мудрости.*

III. Доминирует при декодировании интенций номинатора ***паронимическая аттракция***, основанная на сближении сходных по звучанию слов родного и неродного языков:

1) АК «VICTORIA»: *виктимность; виктима (жертва)*; *Виктория, имя женское; Викуля; тетя Вика.*

2) АБ «ПРИМ групп»: *ПРИМ – пример, от слова «пример»*; *пример групп; примечание?; применение групп; организация из Приморья, приморские группы?; прим – премиальная.*

3) АБ «Глаукс»: *глаукс – глаз; глаукома (глазное заболевание); глобус; галстук; все проходит гладко – Глаукс; что-то, связанное с гладиолусом; какой-то кактус; уксус; главный; ассоциация со словом «главный».*

При использовании подобной стратегии ассоциирования респонденты употребляют лексемы *созвучно, похоже*, а также называют конкретные звуки, породившие ассоциации: *на имя женское похоже; созвучно со словом «глаз»; «глаукс» – похоже*

на слово «галстук»; ассоциируется со словом кактус, наверно, потому что в конце есть буквы «у» и «с». Такая стратегия декодирования наименее продуктивна и совершенно не позволяет приблизиться к интенциям номинатора:

1) АК «VICTORIA»: *раз от виктима (жертва), то жертвам там помогают; жену хозяина зовут Виктория; владелица тетя Вика.*

2) АБ «ПРИМ групп»: *если «прим» значит «примирение», то организация примиряет стороны.*

3) АБ «Глаукс»: *глаукс – гладко? Возможно, при обращении в это бюро все будет гладко; галстук? место, где собираются адвокаты с разными галстуками.*

IV. Реже всего используется ***симпрактическая стратегия***, основанная на личном бытовом опыте реципиента:

1) АК «VICTORIA»: *У меня сестру Викторией зовут, все Вики хорошие*; *у меня ассоциация только с известной маркой Victoria sicret, только причем тут адвокаты?*

2) АБ «ПРИМ групп»: *думаю, от «прима», как гармония, потому что ассоциируется с теплым прошлым музыкальной школы в 8 лет учебы; я не местный, поэтому не знаю.*

3) АБ «Глаукс»: нет реакций подобного типа.

Проведенное исследование позволило установить, что наиболее частотными при декодировании интенций адресатов являются лингвистическая и паронимическая стратегии. Поскольку участниками эксперимента были филологи, обладающие сформированными языковыми компетенциям, то они достаточно свободно апеллировали к фактам английского и, реже, латинского языков (АК «VICTORIA» и АБ «ПРИМ групп»). Высокий процент использования паронимической аттракции характерен в большей степени для декодирования названия «Глаукс», поскольку незнание древнегреческого языка заставило студентов искать ассоциации, основываясь на созвучиях. Таким образом, выбор когнитивной стратегии декодирования напрямую зависит от типа названия, прозрачности его внутренней формы, образования реципиентов и их фоновых культурных знаний.

Также следует отметить, что из четырех используемых для декодирования интенций номинатора когнитивных стратегий эффективными являются только лингвистическая и культурологическая стратегии, именно их использование позволяет реципиентам максимально точно определить замысел авторов названий адвокатских организаций, в частности, установить связь названия «VICTORIA» с победой, «Глаукс» – с совой и, как следствие, мудростью сотрудников адвокатского объединения, «ПРИМ групп» – с числительным *первый*, т.е. стремлением адвокатского бюро быть «номером один» на рынке правовых услуг.

Литература

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 30-45.

Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004.

O. N. Kondratyeva *(Kemerovo, Russia)*
Kemerovo State University

COGNITIVE STRATEGIES DECODING NOMINATOR'S INTENTIONS (USING THE NAMES OF LAWYERS' OFFICES IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT AS AN EXAMPLE)

The article identifies and describes the main cognitive strategies by which potential clients decode the meanings embedded by nominators in the names of legal organizations, demonstrates the dependence of the identified strategies on the type of name and on the linguistic and general cultural competencies of the recipients, and evaluates the productivity of each strategy.

Key words: naming, nominator's intentions, decoding intentions, cognitive decoding strategies, lawyer offices

М. Н. Коннова, Е. А. Форофонтова *(Калининград, Россия)*
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
mkonnova@kantiana.ru, eaforofontova1@kantiana.ru

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

На примере инаугурационной речи Дж. Кеннеди анализируются ценностные трансформации, затрагивающие прецедентные феномены библейского истока в рамках политической коммуникации. Демонстрируется, что при сохранении внешней, формальной референции к первотексту библейские цитаты подвергаются деконтекстуализации и содержательной генерализации, которые приводят к утрате исходных ценностных смыслов.

Ключевые слова: прецедентный текст, инаугурационная речь, ценность, аксиологические трансформации

Прецедентные тексты принадлежат к числу эффективных средств языкового воздействия. Значимые для массового адресата в гносеологическом, эвристическом и эмоциональном отношениях, они служат точками референции в процессе оценочной категоризации действительности. Аккумулируя знания о национальной культуре, её прошлом и настоящем, они сочетают семантическую насыщенность с лаконичностью формы и актуализируют в сознании аудитории широкие ряды единообразных, глубоко укорененных ассоциаций и оценок.

В центре настоящего исследования находится когнитивно-прагматический, и, шире, аксиологический потенциал прецедентных высказываний в инаугурационных речах американских президентов. Торжественная речь вступления в должность, произносимая новоизбранным президентом непосредственно после принятия им присяги, традиционно служит не только декларацией идеологических установок главы государства, но и подтверждением трансцендентной, не зависящей от преходящей политической конъюнктуры легитимации верховной исполнительной власти.

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Характерной особенностью жанра инаугурационной речи является обращение к авторитету Священного Писания – центрального для традиции протестантизма первотекста, оказавшего ключевое влияние на культурно-историческое становление США. Прецедентные высказывания библейского истока призваны соотносить текущий контекст с вневременно*й* аксиологической шкалой, способствуя расширению «хронотопического горизонта» политического обращения. Апеллируя к единой для большинства слушателей матрице ценностей и идеалов, прецедентные образы актуализируют глубинные уровни личной мотивации слушателей для достижения общих для аудитории национальных целей [Bellah 2005].

Цель данной статьи – анализ механизмов трансформации аксиологического содержания прецедентных высказываний библейского истока в американском политическом дискурсе на примере инаугурационной речи президента Дж. Кеннеди (1917–1963), деятельность которого на многие десятилетия предопределила векторы развития внешней политики Соединенных Штатов.

Инаугурационная речь Дж. Кеннеди, принадлежащая к числу наиболее известных его сочинений и воспринимаемая современниками и потомками как знаковый исторический документ [Widmer 2005: 32], содержит две цитаты из Священного Писания. Первая из них, занимающая в композиции текста срединную позицию, восходит к Ветхому Завету:

(1) Let both sides unite to heed in all corners of the earth *the command of Isaiah* – to "*undo the heavy burdens ... and let the oppressed go free*" (J.F. Kennedy, 20.01.1961) – рус.: Пусть обе стороны объединятся, чтобы донести во все уголки Земли завет Исаии – «развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу».

В примере (1) прецедентное высказывание получает точную атрибуцию посредством дейктического знака *Isaiah* («Исаия») – имени одного из великих пророков ветхозаветной эпохи. Инкорпорируемый фрагмент составляет финал восьмого, предпоследнего, звена в череде параллельных конструкций побудительной модальности. Чередующиеся призывы, объединенные анафорическим повтором глагола *let*, обращены поочередно к американской нации – *Let us*… («Давайте») и её потенциальным оппонентам – *Let both sides* («Пусть обе стороны…»). Прецедентное высказывание предваряется отглагольным субстантивом *command* («завет, приказ»), в семантике которого идеи военного руководства сливаются с мыслью о господстве. Отсылая к образу высшей, верховной власти, он многократно усиливает звучание модального обращения *let both sides*…, сообщая последнему силу безусловного приказа. Упоминание имени ветхозаветного пророка – *command of Isaiah* – вводит иного субъекта речи, имплицитно приписывая авторство не только последующей цитаты, но и всего ближайшего, синтаксически однородного контекста Тому, Кто в сознании аудитории обладает непреходящим, вневременным авторитетом. На фоне эксплицированной ранее антитезы двух политических блоков-оппонентов (*two great and powerful groups of nations*) имя пророка призвано доказать моральную правоту той стороны, которую представляет говорящий.

В тексте книги пророка Исаии цитируемые слова представляют собой два из трёх однородных инфинитивных сказуемых, составляющих середину стиха: "Is

not this the fast that I have chosen? to loose the bands of wickedness, *to undo the heavy burdens*, and *to let the oppressed go free*, and that ye break every yoke?" (Isaiah 58: 6) – рус.: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо» (Исаия 58: 6). Контекстуальное окружение цитируемых слов в прецедентном и заимствующем текстах существенно отличается с точки зрения предметно-логического и символически-аксиологического содержания. В ветхозаветной книге говорящим выступает Сам Бог (Is not this the fast that *I* have chosen?), раскрывающий через Своего пророка внутреннюю сущность одного из важнейших аскетических идеалов – поста (*the fast*). Инфинитивные конструкции *to undo the heavy burdens*, *to let the oppressed go free* в прямом своем значении призывают кредиторов освободить должников от несправедливых долговых обязательств (*heavy burdens*) и отказаться от притеснения тех, кто изнурен нищетой (*the oppressed*). Символическое прочтение соотносится с идеей удаления от порока и неправды в стремлении к добру как средству приближения к Богу как Абсолютному благобытию.

В инаугурационной речи цитируемые слова помещаются в «одномерный» социально-политический контекст момента «здесь и сейчас», который проецирует присущие ему устойчивые ассоциации на семантику единиц прецедентного текста, индуцируя в нём новые, ранее отсутствовавшие смыслы. Ситуативное значение субстантивированного прилагательного *the oppressed* (букв. «угнетенные») задается уже не исходным текстом, но коллокативным «поведением» слов *oppression – oppressed*, актуализирующих в современном английском языке цепочку политических стереотипов, никак не связанных с прецедентным высказыванием, ср.: *political, racial, social, economic, communist, colonial, cultural oppression*; *oppressed minorities, group(s), communities, class(es), population(s), mass(es), nation(s)*. При сохранении внешней, формальной референции к прецедентному тексту внутренняя связь с ним утрачивается, и заимствованные из него высказывания начинают генерировать совершенно иную, далёкую от первотекста информацию.

Второе прецедентное высказывание композиционно предваряет финал инаугурационной речи Дж. Кеннеди:

(2) Now the trumpet summons us again – not as a call to bear arms, though arms we need – not as a call to battle, though embattled we are – but a call to bear the burden of a long twilight struggle, year in and year out, *«rejoicing in hope, patient in tribulation»* – a struggle against the common enemies of man: tyranny, poverty, disease and war itself (J.F. Kennedy, 20.01.1961) – рус.: Ныне труба вновь зовет нас. Она не требует браться за оружие, хотя оружие нам необходимо, не требует идти в бой, хотя мы строимся в боевые порядки, а призывает год за годом нести тяготы долгой мрачной борьбы, «радуясь надежде, терпя горести», борьбы против общих врагов человека: тирании, бедности, болезней и самой войны.

Отсутствие в примере (2) специальной атрибуции ограничивает дейксис к прецедентному тексту – Посланию к Римлянам ап. Павла – преимущественно графическим уровнем. Сниженная, по сравнению с примером (1), узнаваемость обусловлена «второстепенной», «вспомогательной» позицией, которую занимает в

речи прецедентное высказывание. Организующим началом всего фрагмента выступает концептуальная метафора POLITICS IS WAR / ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА. Эксплицируемая чередой однородных конструкций-антитез, усиливаемых морфологическим (напр., *battle – embattled*) и синонимическим повторами в рамках восходящей градации (*battle – struggle – war*), она увеличивает эмоциональное воздействие речи, сообщая ей отчётливую побудительную модальность. Элементы прецедентного текста, оформленные как прямая цитата «*rejoicing in hope, patient in tribulation»* (ц.-сл. «Упованием радующеся, скорби терпяще»), выполняют функцию однородных обстоятельств образа действия, синтаксически подчиненных развёрнутому инфинитивному определению *a call to bear the burden of a long twilight struggle* (букв. «призыв нести тяготы долгой мрачной борьбы»). «Встраиваемое» в милитарную метафору, прецедентное высказывание утрачивает свою содержательную автономию. Его прагматическая функция в речи состоит в «смягчении» звучания воинственной риторики и одновременно в оправдании, легитимации последней через отсылку к высшей, трансцендентной реальности.

Под воздействием контекста трансформируется и аксиологическое наполнение прецедентного высказывания. В Послании к Римлянам цитируемые слова входят в череду параллельных именных сказуемых, составляющих вместе с предшествующим стихом наставление об отношении человека к Богу: «[Be] Not slothful in business; fervent in spirit; serving the Lord; *Rejoicing in hope; patient in tribulation*; continuing instant in prayer» (Romans 12: 11-12) – «…в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны» (Рим 12: 11-12). Имя-символ *hope* («надежда») соотносится здесь с образом «будущего века», с атемпоральным планом вечности. В инаугурационной речи, где в фокусе внимания оказывается образ активной борьбы (*struggle*) с социальным злом (*common enemies of man: tyranny, poverty, disease and war itself*), связь с вневременной реальностью нивелируется.

Как свидетельствует проведенный анализ, американский политический дискурс активно задействует аксиологически насыщенные прецедентные феномены библейского истока. Инкорпорация цитаты в несвойственное ей смысловое окружение сопровождается генерализацией, что приводит не только к семантической переакцентуации, но и к нивелировке ценностных смыслов прецедентного текста. Деконтекстуализация влечет за собой эвристическое упрощение, когда сложные, метафизические смыслы священного текста «заглушаются» под воздействием легко узнаваемых социально-политических стереотипов. Библейская цитата, лишенная содержательной имманентности, становится инструментом для достижения прагматических, утилитарных целей – средством усиления риторической позиции говорящего.

Литература

Bellah R.N. Civil Religion in America // Daedalus. 2005. Vol. 134. № . 4. Pp. 40-55.

Widmer T. So Help Me God: What all fifty-four inaugural addresses, taken as one long book, tell us about American history Author(s) // The American Scholar. 2005. Vol. 74. № 1. Pp. 29-41.

M. N. Konnova, E. A. Forofontova *(Kaliningrad, Russia)*
Immanuel Kant Baltic Federal University

ON THE ISSUE OF LINGUOAXOLOGICAL POTENTIAL OF PRECEDENT TEXTS IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Drawing on J.F. Kennedy's inaugural address, value shifts that affect precedent phenomena of biblical origin in the framework of American political communication are analyzed. It is demonstrated that while maintaining an external, formal reference to the primary text, biblical quotations undergo decontextualization and substantive generalization, which lead to the loss of their original value meanings.

Key words: precedent text, inaugural address, value, axiological transformations

И. В. Кононова, С. К. Осипов *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ivkononova-unecon@yandex.ru, osipov_s_k@yahoo.com

ДИСКУРСИВНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *MENTAL WELLBEING* В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В статье на материале корпуса медиатекстов News on the Web (NOW) с применением метода выделения коллокаций рассматривается дискурсивно-обусловленное ассоциативно-смысловое развертывание содержания лингвокультурного концепта MENTAL WELLBEING. Показано, что ценностная составляющая концепта формируется в результате оценочной интерпретации его ассоциативных признаков.

Ключевые слова: концепт, дискурсивная репрезентация ценностей, корпусная лингвистика, mental wellbeing, медиатекст

Проблема дискурсивной интерпретации ценностей под влиянием фактора медиа привлекает в последние годы все большее внимание лингвистов [Медиатизация лингвокультурных феноменов… 2024 и др.]. Авторы отмечают, что средства массовой информации «не просто транслируют идеи и концепции, вводя их в публичное пространство и придавая им значимость, но и дополняют их содержание, меняют оценки, формируя тем самым их восприятие в сознании членов дискурсивного сообщества» [Kochetova 2023: 8]. В результате в системе коллективных ценностей социума появляются новые концептуальные образования, а уже существующие – трансформируются и эволюционируют.

Цель настоящего исследования – с использованием методики дискурсивно-корпусного анализа (см.: [Кочетова, Попов 2019; Kochetova 2023]) выявить наиболее значимые признаки ассоциативной составляющей концепта MENTAL WELLBEING в его дискурсивной репрезентации в англоязычных СМИ. Материалом исследования послужил пополняемый корпус медиатекстов *News on the Web* объемом 23,9 млрд слов.

Важность контекстуального анализа как исследовательской процедуры толкования значения имени концепта, позволяющей выявить ассоциативно связанные с ним признаки, отмечается в трудах В.И. Карасика [Карасик 2004: 110]. При опи-

сании структуры лингвокультурного концепта в его дискурсивной объективации целесообразно рассматривать *ассоциативную*, *ценностную* и *образную* составляющие концепта, отражающие его вариативность [Кононова 2009: 83-84]. Ассоциативные признаки концепта выявляются на основе анализа контекстов употребления его номинаций. Привлечение в область концептологических исследований корпусных методов автоматизирует контекстуальный анализ и позволяет извлечь данные о статистически наиболее вероятном ближайшем лексическом окружении имени концепта. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта может быть разложима на два измеряемых аспекта: актуальность (проявляющаяся в частотности текстовых апелляций к концепту) и оценочность [Слышкин 2004: 23]. Образная составляющая формируется концептуальными метафорами, выводимыми носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке [Кононова 2009: 73]. Дискурсивно-корпусный анализ контекстуальных связей имени концепта позволяет описать его ассоциативные признаки и их оценочные интерпретации, выявить специфику его метафорической концептуализации, оценить частотность дискурсивных объективаций концепта, что в совокупности отражает его ценностную составляющую.

На первом шаге исследования обосновывалась значимость концепта MENTAL WELLBEING как элемента содержательной структуры концепта WELLBEING. Словари английского языка предлагают следующие дефиниции лексемы *wellbeing,* отражающие *понятийную составляющую* одноименного концепта: 1. with reference to a *person* or *community*: the state of being *healthy*, *happy*, or *prosperous*; *physical*, *psychological*, or *moral* welfare (OED); 2. the condition of *being contented*, *healthy*, or *successful;* welfare (CD). Можно заключить, что словарные дефиниции, отражающие понятийное ядро концепта *wellbeing*, связывают «благополучие», в первую очередь, с физическим здоровьем человека, ощущением счастья, чувством морального удовлетворения от профессиональных и социальных достижений, материальным благосостоянием. Корпусное исследование показало, что данные признаки свойственны и медиаконцепту WELLBEING, однако под воздействием дискурсивных факторов одни из них становятся более значимыми, а другие «затемняются». Медийные нарративы акцентируют как наиболее значимые *ментальный* и *эмоциональный аспекты* благополучия, подчеркивая их наибольшую уязвимость в современном мире. В первые десять наиболее частотных полнозначных коллокатов лексемы *wellbeing* в окне наблюдения +1 вошли *mental* (10,64), *emotional* (9,69), *psychological* (9,44). *physical* (8,27), *financial* (6,35), *economic* (6,35), *social* (5,57). В скобках указаны показатели статистической меры MI (mutual information), измеряющей «силу коллокации» (collocational strenth) – вероятность совместной встречаемости ядерного слова и коллоката. Наивысшей нормализованной частотностью в данном ряду характеризуется коллокация *mental wellbeing* (0,85). Важно также, что она демонстрирует значительное увеличение частотности в период наблюдения – с *0,11* в 2010 г. до *0,98* в 2025 г. Очевидно, что англоязычные медийные нарративы представляют данный аспект благополучия как вызывающий наибольшую озабоченность и требующий особого внимания общества и индивида.

С целью выявления признаков ассоциативной составляющей медиаконцепта MENTAL WELLBEING и их последующей оценочной интерпретации с применением функции «Collocates» были выделены слова, встречающиеся в условиях узкого контекста со сложносоставной лексемой *mental wellbeing* (окно наблюдения 4L-4R). В первые 30 наиболее частотных полнозначных слов вошли: physical (6,28), health (3,18), improve (3,89), care (3,26), impact (3,49), self (5,29), emotional (4,66), nutrition (5,73), fight (3,20), malnutrition (6,73), promote (3,95), employees (3,05), improving (4,08), boost (3,59), improved (3,49), importance (3,52), supporting (3,44), stress (3,68), affect (3,40), prioritise (5,84), maintain (3,26), fitness (3,77), toll (3,73), promoting (3,76), workplace (3,87), commuting (5,84), impacted (3,96), enhance (3,36), resilience (4,25), mindfulness (5,21), negatively (4,42), sleep (3,05), affecting (3,81), maintaining (3,22), improves (4,68), impacts (3,40), mood (3,52), isolation (3,18). Семантическая категоризация выделенных единиц с выборочным интерпретативным анализом конкордансов их употребления позволила выделить следующие *ассоциативные признаки* концепта MENTAL WELLBEING в его медийной объективации: ***физическое здоровье*** (physical, health, resilience); ***эмоциональный комфорт/гармония*** (emotional, mood); ***физическая активность*** (fitness); ***здоровое питание*** (malnutrition, nutrition); ***поддержка государства, бизнеса и общественных организаций*** (promote, prioritise, improving, boost, improved, supporting, maintain, promoting, enhance, maintaining, improves), ***комфортная атмосфера на рабочем месте*** (employees, workplace), ***уязвимость по отношению к негативным факторам*** (impact, affect, stress, sleep, affecting, impacted, commuting, isolation, impacts, negatively), ***осознанность в отношении человека к своему ментальному состоянию*** (self, care, mindfulness).

Англоязычные СМИ отражают связь ментального благополучия с практиками здорового образа жизни и физическим здоровьем в целом: ***Physical health*** *and* ***mental wellbeing*** *are closely linked, and spending time outdoors is one of my favourite ways to recharge* (The Brisbane Times, 11.01.2026). Акцентируется необходимость деятельного участия государства и общественных организаций в программах по поддержанию ментального здоровья граждан, что отражается в наличии в числе коллокатов *mental wellbeing* глаголов с семантикой развития, усиления, продвижения: *…the initiative is an important way to combat social isolation,* ***promote mental wellbeing*** *and encourage inclusivity* (Sunlive, 28.02.2025). Оценочные интерпретации признаков ассоциативного поля концепта формируют его ценностную составляющую. В частности, основным ценностным суждением, выводимым из приведенного выше контекста, может быть следующее: «*Это* очень важно и ценно, раз *это* поддерживают и оберегают». Дискурс медиа продвигает идею необходимости ответственного отношения работодателей к ментальному здоровью сотрудников: *Workplace cafeterias are great social spaces to nurture* ***mental wellbeing among employees*** (News18, 14.11.2024), подчеркивается важность осознания каждым отдельным человеком значимости заботы о собственном ментальном благополучии: *I was taking care of my* ***mental wellbeing through mindfulness*** *and* ***self care,*** *listening to what my body and my mind were telling me* (The Queen's Journal, 02.02.2018). Ме-

диа создают нарратив озабоченности ментальным здоровьем граждан, освещая влияющие на него негативные факторы, такие как стресс, необходимость проводить часы в общественном транспорте, проблемы со сном, социальная изоляция: *Men's Sheds play a crucial role in combating* ***social isolation*** *and promoting* ***mental wellbeing*** (The Lancashire Telegraph, 02.04.2025). Ценностному осмыслению признаков ассоциативной составляющей концепта способствует также оценочная лексика (importance, negatively и пр.), встречающаяся в условиях узкого контекста с лексемой *mental wellbeing*: … *he added, highlighting the* ***importance of mental wellbeing*** *in public discourse* (The Independent, 11.04.25).

К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее описание признаков ассоциативной и ценностной составляющих концепта MENTAL WELLBEING в его интерпретации дискурсом медиа, выявление концептуальных метафор, формирующих его образную составляющую, а также рассмотрение объективации концепта в иных типах дискурса.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Кононова И.В. Генезис британской национальной морально-этической концептосферы сквозь призму языка: монография. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2009.

Кочетова Л.А., Попов В.В. Исследование аксиологических доминант в жанре пресс-релиза на основе методов автоматического извлечения ключевых слов корпуса текстов // Научный диалог. 2019. № 6. С. 32-49.

Медиатизация лингвокультурных феноменов: аспекты языковой репрезентации: коллективная монография / под ред. Л.А. Кочетовой. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2024.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.

CD – Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/

Kochetova L.A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2023. Т. 22, № 5. С. 6-18.

NOW – News on the Web. URL: https://www.english-corpora.org/

OED – Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/

I. V. Kononova, S. K. Osipov *(Saint Petersburg, Russia)*

Saint Petersburg State University of Economics

DISCURSIVE INTERPRETATION OF THE VALUE OF *MENTAL WELLBEING* IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Based on the News on the Web corpus (NOW) and using the method of identifying collocations the article analyzes the discursively conditioned associative-semantic development of the cultural concept of MENTAL WELLBEING. It is shown that the value component of the concept in focus is formed as a result of the evaluative interpretation of its associative features.

Key words: concept, discursive representation of values, corpus linguistics, mental wellbeing, media text

В. В. Корнева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
kornevavalentina@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИМПЛИЦИТНОЙ ДЕОНИМИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена анализу функционирования топонимов как вторичных языковых структур в современном медиапространстве. Описываются возможности использования в новостных сообщениях разных классов топонимов для номинации участников происходящих событий. Делаются выводы о когнитивных основаниях порождения в медиапространстве вторичных топонимических структур и об утрате топонимами категориальных признаков имен собственных.

Ключевые слова: топоним, имплицитность, вторичная номинация, вторичные языковые структуры, когнитивная матрица, концептуальная интеграция, концептуальная деривация, деонимизация**,** медиапространство

Наблюдающийся в последние годы повышенный интерес лингвистов-когнитологов к изучению интерпретативной функции языка отнюдь не случаен: ее изучение способствует пониманию когнитивных механизмов формирования нового знания, которое возникает на базе уже существующего знания о мире и которое репрезентируется в языке в виде вторичных структур (см., например, [Болдырев 2019; Болдырев 2022; Вторичные структуры в языковой картине мира 2022]). Языковые структуры такого рода являются вторичными по той простой причине, что они фиксируют новое знание в «старом», уже бытующем в языке теле знака.

Вторичные структуры весьма разнообразны и по форме, и по содержанию. Предметом нашего анализа являются топонимы, которые широко используются в современных средствах массовой информации как средство вторичной номинации, благодаря чему они оказываются способными сообщать информацию не только о месте происходящих событий, но и об их участниках [Корнева 2023; Корнева, Разворотнева 2024; Корнева, Разворотнева 2025].

Принципиальная возможность подобной функциональной перекатегоризации топонимов в СМИ как средств вторичной номинации обусловлена, прежде всего, тем богатым ассоциативным потенциалом, которым обладают данные языковые единицы. В сознании человека потенциальные ассоциативные связи топонима интегрируются в структуру многоаспектного знания матричного формата – когнитивную матрицу. Вслед за Н.Н. Болдыревым когнитивная матрица понимается как «единая, вербально интегрированная концептуальная структура, единица многоаспектного знания, представленная в сознании человека одним словом, сложный тематический концепт, включающий знание и разных концептуальных областей, и разных омонимов или синонимов, и их отдельных значений» [Болдырев 2019: 92]. Топоним как единица многоаспектного знания является ядром концептуальной матрицы, а ее компонентами (ячейками) могут быть разные концептуальные области (территория, история, культура, религия, диалект) [Болдырев 2019: 94], а также многие другие, как мы увидим в дальнейшем. Отличительной чертой когни-

тивной матрицы выступает интегративный характер и в то же время опциональность ее компонентов [Болдырев 2019: 94], благодаря чему топонимы в разных дискурсивных условиях активируют и со-активируют у реципиентов разные знания. Особенно очевидно эти сущностные свойства когнитивной матрицы проявляются в медиапространстве при функционировании топонимов как средств вторичной номинации.

Согласно данным исследований, когнитивным механизмом формирования вторичных топонимических структур является концептуальная деривация метонимического типа (концептуальная метонимия) [Корнева 2023], причем инвариантная модель метонимии топонимов *место – люди* реализуется в виде набора вариантов [Корнева 2025; Корнева, Разворотнева 2025]. В этом проявляется опциональность компонентов матричной структуры топонима, которая становится особенно очевидной в тех случаях, когда один и тот же топоним либо топонимы одного и того же класса функционируют в разных дискурсивных условиях (в сообщениях разной тематики) или когда топонимы разных классов функционируют в одних и тех же дискурсивных условиях (в сообщениях той же самой тематики). К примеру, наиболее частотные в медиапространстве классы топонимов – кратонимы (названия стран), полисонимы (названия столиц) и некоторые виды урбанонимов в результате метонимических переносов становятся номинациями не соответствующего географического объекта, а других связанных с ним в сознании человека объектов. В частности, в новостных сообщениях о политике и кратонимы, и полисонимы могут обозначать руководство страны или страну как актора международной политики:

Евросоюзу придется вести диалог с ***Россией*** *по Украине* (lenta.ru 20.01.26).

Канада *считает необходимым выстраивание защиты от действий* ***России*** *в Арктике* (lenta.ru 20.01.26).

…на самом деле ***Россия*** *и* Китай *не представляют угрозы для* Вашингтона (lenta.ru 20.01.26).

Запад не списал ни цента долгов ***Украине*** *за время конфликта между* ***Киевом*** *и* ***Москвой*** (vesti.ru 21.01.26).

При этом планы политика вызывают недоумение, так как ***Вашингтон*** *и* ***Копенгаген*** *имеют договор об обороне, включающий в себя размещение американской военной базы* (lenta.ru 20.01.26).

В сообщениях той же самой тематики наряду с кратонимами и полисонимами руководство страны могут репрезентировать также некоторые виды урбанонимов (названия резиденций глав государств):

Песков: ***Кремль*** *не разделяет опасений по поводу роста инфляции* (vesti.ru 26.01.26).

Кремль *обозначил судьбу новых регионов и перспективы отношений с США* (crimea.ria.ru 7.02.25).

Урбаноним *Кремль* может репрезентировать не только руководство страны, но и других участников события – администрацию Кремля:

Владелец пекарни «Машенька» заявил, что готов к новым заказам от ***Кремля*** (vesti.ru 26.01.26).

Наряду с этим *те же самые* наиболее известные и частотные в медиапространстве классы топонимов – кратонимы, полисонимы (реже астионимы – названия нестоличных городов) и урбанонимы (другие виды) могут указывать на вооруженные силы страны, ее экономику, спорт и др.:

США *могут вторгнуться в Гренландию, так что население и власти острова должны быть к этому готовы* (lenta.ru 20.01.26).

Позже глава Белого дома сообщил, что ***Вашингтон*** *нанес успешный удар по Каракасу, уточнив, что операция была проведена совместно с американскими правоохранительными органами* (lenta.ru 20.01.26).

Пентагон направляет шесть истребителей F-5 в район Ближнего Востока (vesti.ru 02.02.26).

Россия **и** Индия **договорились о производстве Superjet 100** (vesti.ru 01.02.26).

Отметим победу **Италии** над **Украиной** (2:1), которая позволила «скуадреадзурре» подняться на второе место в таблице. … Лидирует же в группе «С» **Англия**, набравшая 13 баллов. Также стоит отметить крупную победу **Испании** над **Кипром** (6:0) (lenta.ru 26.02.24).

Ливерпуль рассматривает кандидатуру Хаби Алонсо на пост главного тренера (vesti.ru 25.01.26).

Таким образом, проведенный анализ функционирования топонимов в медиапространстве в качестве вторичных языковых структур показал, что самой многоаспектной единицей топонимического знания оказываются кратонимы. Компонентами их матричной структуры могут быть руководство страны, актор международной политики, национальная сборная, экономика страны, вооруженные силы. Другие классы топонимов (полисонимы и урбанонимы) тоже являются многоаспектными единицами знания, но их связи с другими концептами не столь разнообразны по сравнению с кратонимами. Тем не менее, многообразие и разнообразие скрывающихся под маской топонима смыслов вовсе не препятствуют их однозначной интерпретации реципиентом в силу следующих причин: отправитель и реципиент имеют общую когнитивную базу; актуализация того или иного компонента топонимического знания связана с профилированием описываемой ситуации, с когнитивной рамкой восприятия, которая задается тематикой сообщения. Когнитивным механизмом возникновения вторичных топонимических структур является концептуальная деривация метонимического типа**.** Топоним как средство вторичной номинации оказывается функциональным субститутом разных по семантике апеллятивов, при этом он утрачивает категориальные свойства онимов – быть средством индивидуализации и идентификации географического объекта, что позволяет говорить об имплицитной деонимизации топонимов в медиапространстве.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 1 (48). С. 19-79.

Корнева В.В. Когнитивные основания полифункциональности вторичных структур в испанском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 578-581.

Корнева В.В. Прототипическая модель метонимизации топонимов и ее языковая репрезентация в медийном пространстве // Мир лингвистики и коммуникация: вербально-когнитивный вектор исследований и социальные практики: сборник научных трудов Международной междисциплинарной научно-практической конференции. Тверь, 2025. С. 168-173.

Корнева В.В., Разворотнева И.Н. Особенности функционирования топонимов в заголовках медиатекстов международной тематики (на материале русского и испанского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 55-60.

Корнева В.В., Разворотнева И.Н. Всякий ли топоним оним в медийном пространстве языка? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 2. С. 16-19.

V. V. Korneva *(Voronezh, Russia)*

Voronezh State University

COGNITIVE MECHANISMS OF IMPLICIT DEONYMIZATION OF TOPONYMS IN MEDIA DISCOURSE

The article examines the functioning of toponyms as secondary linguistic structures in contemporary media discourse. It explores how different classes of toponyms are used in news reports to designate participants in ongoing events. The article concludes that the emergence of secondary toponymic structures in media discourse is grounded in cognitive processes and that toponyms tend to lose the categorical features of proper names.

Key words: toponym, implicitness, secondary nomination, secondary linguistic structures, cognitive matrix, conceptual integration, conceptual derivation

Д. Ю. Костеева *(Москва, Россия)*

Российский университет дружбы народов
МИРЭА – Российский технологический университет
kosteevadaria@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ENSEIGNANT* ВО ФРАНЦУЗСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу актуализации концепта ENSEIGNANT во французском академическом дискурсе. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются языковые и дискурсивные средства формирования образа преподавателя. Показано, что концепт ENSEIGNANT функционирует как динамическая когнитивно-социальная структура.

Ключевые слова: концепт ENSEIGNANT, французский академический дискурс, академическая концептосфера, когнитивно-дискурсивный подход, языковая личность преподавателя

В рамках современной когнитивной лингвистики концепты рассматриваются как ключевые единицы репрезентации и организации знания, обеспечивающие связь между языком, мышлением и культурой [Кубрякова 2012; Степанов 2004,

Попова, Стернин 2015]. Именно концепты лежат в основе процессов категоризации действительности, формируя концептуальную картину мира носителей языка. Представляя собой ментально и культурно обусловленные единицы, концепты включают в себя не только рациональные признаки, но и ассоциативные, оценочные и эмоциональные компоненты, формируемые в коллективном опыте носителей языка [Вишнякова, Климанова 2017; Арапова 2016; Гишкаева 2024].

В отличие от логического понятия и лексического значения, концепт выступает единицей концептосферы и отражает специфический способ осмысления действительности, закрепленный в культуре и языке. Отдельный интерес в этом отношении представляет академическая концептосфера, которая, будучи частью национальной концептосферы, транслирует особенности осмысления мира науки и образования. К числу ее базовых элементов относятся концепты «образование», «университет», «студент» и «преподаватель», формирующие ее ядерный уровень [Бузинова 2020: 92].

Академическая концептосфера не является замкнутой или статичной: она динамично развивается под влиянием социальных изменений, трансформаций образовательных парадигм и цифровизации академической коммуникации. В рамках данной концептосферы формируются и актуализируются когнитивные модели профессиональной идентичности участников академического дискурса, в том числе языковой личности преподавателя, в речевом поведении которого закрепляются культурные и ценностные доминанты академической среды [Костеева, Гишкаева 2022]. Внутри академической концептосферы именно фигура преподавателя выступает основным носителем и транслятором институциональных и ценностных установок, что обусловливает выбор концепта ПРЕПОДАВАТЕЛЬ (ENSEIGNANT) в качестве объекта анализа данного исследования.

Во французской лингвокультуре концепт ENSEIGNANT занимает особое место, поскольку преподаватель становится центральным актантом академического дискурса, обеспечивающим передачу знания, воспроизводство научных традиций и формирование профессиональной идентичности обучающихся [Костеева 2024]. В отличие от системного описания концепта в рамках концептосферы, в настоящей статье внимание сосредоточено на его актуализации в дискурсе, т.е. на тех способах, посредством которых различные компоненты концепта ENSEIGNANT проявляются в реальных коммуникативных практиках академической среды.

Материалом исследования послужили данные французских толковых словарей (Larousse, Le Robert), фиксирующие основные номинации преподавателя, а также примеры их употребления в академическом дискурсе. Методологически работа опирается на когнитивно-дискурсивный подход, в рамках которого концепт рассматривается как динамическая структура, актуализируемая в процессе речемыслительной деятельности. Существенным теоретическим ориентиром является положение П. Шародо о приоритетной роли дискурса в формировании культурной и профессиональной идентичности [Charaudeau 2001], что позволяет рассматривать академическое взаимодействие как пространство конструирования образа преподавателя.

Анализ лексикографических источников показывает, что ядро концепта ENSEIGNANT во французском языке формируется, прежде всего, лексемами *enseignant* и *professeur*. Лексема *enseignant* обозначает лицо, профессионально осуществляющее образовательную деятельность, вне зависимости от ее уровня, тогда как *professeur* в контексте высшей школы подчеркивает высокий уровень квалификации преподавателя и его принадлежность к академическому сообществу. Например, в высказывании *Monsieur Bernard est professeur à l'université (Господин Бернар – преподаватель в университете)* номинация *professeur* имплицитно маркирует институциональный статус и научный авторитет референта.

Периферия концепта ENSEIGNANT представлена лексемами *maître, formateur, pédagogue*, а также наименованиями академических должностей, например, *maître de conférences (доцент), professeur des universités (профессор)*. Эти единицы конкретизируют профессиональные и функциональные аспекты деятельности преподавателя. Так, лексема *pédagogue* подчеркивает не столько институциональный статус, сколько наличие педагогического дара и методической компетентности. Например: *un pédagogue attentif aux besoins des étudiants (педагог, внимательный к потребностям студентов)*.

Образный и оценочный компоненты концепта ENSEIGNANT проявляются в метафорических репрезентациях преподавателя как *«проводника знаний» (médiateur culturel) или «культурного посредника»* (*passeur culturel*). Подобные образы соотносятся с регулятивными концептами, содержащими аксиологический код французской академической лингвокультуры, и подчеркивают социальную значимость преподавательской деятельности.

С дискурсивной точки зрения концепт ENSEIGNANT актуализируется через устойчивые коммуникативные практики, отражающие институциональную иерархию и нормы академического общения. Это проявляется, в частности, в формальных обращениях (например, *Monsieur le professeur – Господин преподаватель*), директивных речевых актах (например, *Il convient de distinguer ces deux approaches – Следует различать эти два подхода*), а также в стратегиях смягчения, направленных на поддержание педагогического взаимодействия (например, *Il serait intéressant d'examiner ce point plus en détail – Было бы интересно рассмотреть этот момент подробнее*). Таким образом, концепт ENSEIGNANT функционирует как динамическая когнитивная структура, отдельные компоненты которой активизируются в зависимости от коммуникативной ситуации, статуса адресата и целей взаимодействия.

Проведенный анализ позволяет заключить, что концепт ENSEIGNANT представляет собой сложное когнитивно-социальное образование, актуализируемое в дискурсе через совокупность понятийных, оценочных и образных компонентов. Его дискурсивная реализация отражает как институциональные нормы академической среды, так и ценностные ориентиры французской лингвокультуры, что под-

утверждает продуктивность когнитивно-дискурсивного подхода для исследования языковой личности преподавателя.

Литература

Арапова Г.У. Концепт, понятие и значение слова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-4. С. 591-593.

Бузинова Л.М. Языковая личность преподавателя высшей школы (на материале русской и немецкой лингвокультур): дис. … д-ра филол. наук. Белгород, 2020.

Вишнякова О.Д., Климанова М.В. Лингводидактический дискурс как область реализации культурно значимых концептов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 50-61.

Гишкаева Л.Н. Средства репрезентации концепта «закон» в русском и английском языках (на паремиологическом материале) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 524-529.

Костеева Д.Ю. Языковая личность преподавателя во французском академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 181-184.

Костеева Д.Ю., Гишкаева Л.Н. Культурные доминанты языковой личности преподавателя французского языка // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 512-515.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. 4-е изд., стер. М.: Директ-Медиа, 2015.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

Charaudeau P. Langue, discours et identité culturelle // ÉLA. Études de linguistique appliquée. 2001. № 123-124. Pp. 341-348.

Larousse. Dictionnaire de français. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue

Le Robert. Dictionnaire de français. URL: https://dictionnaire.lerobert.com

D. Yu. Kosteeva *(Moscow, Russia)*

RUDN University

MIREA – Russian Technological University

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT *ENSEIGNANT* IN FRENCH ACADEMIC DISCOURSE

The article examines the actualization of the concept ENSEIGNANT in French academic discourse. Using a cognitive-discursive approach, the study analyses linguistic and discursive means shaping the figure of the teacher. The results show that the concept ENSEIGNANT functions as a dynamic cognitive-social structure.

Key words: concept ENSEIGNANT, French academic discourse, academic conceptual sphere, cognitive-discursive approach, teacher's linguistic personality

О. А. Кострова *(Самара, Россия)*

Самарский государственный социально-педагогический университет
Olga_kostrova@mail.ru

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ХРОНОТОПИЧЕСКИМИ ПРИДАТОЧНЫМИ КАК ИНСТРУМЕНТ НАРРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье продолжается исследование грамматических характеристик хронотопа художественной наррации в немецком языке, начатое в [Кострова 2023]. Новизну составляет изучение вторичных средств создания нарративной стратегии – сложноподчиненных предложений, в которых придаточные времени и места/направления объединяются в группу хронотопических.

Ключевые слова: нарративные стратегии, темпоральная делимитация, дейктическая дескрипция пространства, хронотопические придаточные

Проблема использования грамматических средств в процессе создания нарративного текста ввиду неочевидности связи грамматических и литературоведческих категорий требует обращения к методам когнитивной интерпретации используемых при этом стратегий. В литературоведении нарративная стратегия связывается с жанром художественного произведения [Тюпа 2018]; это композиционная стратегия, основанная на последовательности смены смысловых фрагментов в соответствии с развитием пространственно-временной перспективы. С лингвистических позиций хронотоп художественного текста получает концептуально-грамматическую интерпретацию, при которой основное внимание уделяется использованию первичных средств его создания: грамматических времен и дейктических пространственных обстоятельств конкретной семантики [Кострова 2023]. Однако нарративные стратегии, репрезентируемые сложноподчиненными предложениями (далее СПП) с придаточными времени и места / направления, не дифференцируются. Выявление особенностей этих стратегий составляет **цель** предлагаемой статьи.

СПП с придаточными времени и пространства целесообразно, на наш взгляд, выделить в особую группу СПП с хронотопическими придаточными, исходя из семантики выражаемых отношений и характера реализуемых ими связей. Придаточные предложения в таких СПП, в отличие от других типов обстоятельственных предложений, соотносятся со всем главным предложением, а не с отдельным его членом. Они задают хронотопические характеристики речи, что позволяет использовать их в качестве инструмента нарративных стратегий.

В литературоведении нарративная стратегия понимается как взаимодействие автора, нарратора и адресата: автору принадлежит референтная компетенция, соответствующая его картине мира, нарратору – креативная компетенция рассказчика, создающая особую модальность, а адресату – рецептивная компетенция понимания нарративной интриги [Тюпа 2011: 9]. Отвлекаясь от картины мира автора, сосредоточимся на стратегиях нарратора, включающих аспект понимания и реализуемых указанными СПП.

Нарратор упорядочивает последовательность описываемых событий, структурируя главы, разбивая их на абзацы, реализуя *композиционную* стратегию, и в то же время описывает взаимосвязанные эпизоды, применяя *дейктическую* стратегию, образующую разновидность композиционной. Анализ показывает, что СПП с придаточными времени используются в *делимитативной стратегии,* а СПП с придаточными пространственной семантики – в *дейктической дескриптивной* стратегии.

СПП с придаточными времени темпорально выделяют фрагменты содержания, открывают новую часть или главу повествования или новый абзац. Доминируют при этом СПП с препозитивными придаточными. Их когнитивная интерпретация позволяет определить ступенчатый характер подчинения в них. В системе языка СПП представляет самостоятельную законченную единицу, в которой при посредстве союза реализуется «*внутренняя*» семантико-синтаксическая подчинительная связь; при этом придаточное обозначает (частичную) одновременность (1), предшествование или следование действий или состояний в обеих частях СПП (2, 3). Ср.:

(1) ***Als*** *ich fünfzehn war, hatte ich Gelbsucht* (B. Schlink. Vorleser). (2) ***Als*** *ich von ihr nach Hause kam, saßen meine Eltern und Geschwister schon beim Abendessen* (ebd.). (3) ***Und als*** *sie fertig waren, stellte sie keine Fragen* (DWDS).

«Внутренняя» подчинительная связь исходит, вопреки традиционному мнению, от придаточного, которое требует коммуникативно необходимого продолжения в главном предложении. Таким образом, с одной стороны, придаточное темпоральное, обозначая время совершения действия, выраженного в главном предложении, влечет за собой языковую реализацию последнего, хотя формально (судя по порядку слов) оно зависит от главного в рамках внутренней подчинительной связи. С другой стороны, придаточное зависит и от предшествующего текста, реализуя внешние подчинительные связи. В (1) препозитивное темпоральное придаточное служит композиционным зачином, открывая роман и в то же время обозначает этап в жизни протагониста. В (2) придаточное открывает абзац, вводя в повествование главное предложение, которое служит мостиком для дальнейшего развертывания текста. Композиционная зависимость придаточного обнаруживается в словосочетании *von ihr*, которое отсылает к предтексту. В (3) связь с предтекстом обозначается сочинительным союзом *und*, продолжающим предшествующий текст.

Таким образом, препозитивное придаточное времени реализует двуступенчатую подчинительную связь, ориентируясь, с одной стороны, на внешнюю дискурсивную зависимость, а с другой стороны, требуя присутствия главного предложения, без которого происходит смысловой разрыв текста.

Разнонаправленность подчинения придает делимитирующей стратегии гибкость, делая ее *когерентно-развивающей*. Когерентно-развивающий характер делимитации используется нарратором и для характеристики персонажей в темпорально обусловленных ситуациях, например, в ситуациях сенсуализации, когда действующее лицо видит, слышит или чувствует что-то: (4) ***Als*** *er an die Decke blickte, wurde ihm schwindlig* (DWDS). (5) *Er fühlte Unruhe,* ***als*** *er durch die Räume ging* (DWDS).

О включенности придаточного в композиционную структуру текста можно судить также по факту употребления времен. Так, в СПП с придаточными, вводимыми союзом *als*, традиционная грамматика предписывает употребление прошедших времен, однако, отмечается возможность исторического презенса. На наш взгляд, в последнем случае речь идет о повествовании в настоящем времени, которое используется и в придаточном предложении:(6) *Warum gibt es dann unter den Menschen so viele verschiedene Sprachen?, **frage** ich meinen Vater, **als** wir nach dem Gottesdienst Hand in Hand zum Haus seiner Eltern **zurückgehen*** (DWDS). Изменение традиционного использования временной формы происходит под влиянием темпоральной перспективы рассказчика, обусловливающей дейктичность придаточного предложения, обозначающего «*внешнюю*» направленность его связи на нарратора.

Обратимся к стратегии выражения пространственной составляющей хронотопа. СПП с локативными и направительными придаточными участвуют в выражении хронотопической перспективы частных лиц, обозначая место их действия или пребывания и направления движения. При этом придаточные предложения обозначают локации или направления перемещения в общем виде, не называя конкретных мест. В этих случаях используется стратегия *дескриптивно-дейктического кодирования,* специфика которой состоит в том, что она *имплицирует нарративную микроинтригу*, обращенную к общим знаниям реципиента, благодаря которым он разгадывает интенцию нарратора, побуждающего его к интерактивному участию в повествовании. Ср.:

(7) *Sonnig und still ist es **da**, **wo** in unserer Stadt die Polizei wohnt* (DWDS). (Солнечно и тихо в нашем городе там, где живет полиция).

Дискурсивная зависимость СПП подобного типа выражается в неопределенности пространственных характеристик, имплицирующих дополнительные смыслы, выводящие за пределы СПП. В (7) могут возникнуть разные ассоциации относительно места проживания полиции, например, высказывание может ассоциироваться с вопросом: Почему это интересует субъекта речи? Особенно ярко кодирование интерактивности проявляется в тавтологических суждениях типа: (8) *Kolumbus wusste ebenfalls davon, aber er kam, **wohin** er kam, ohne jedoch dieses Eiland zu finden* (DWDS).

Тавтологические суждения относятся к эпистемологическому уровню (метауровню) мышления [Водоватова 2007]. В высказывании (8) субъект речи, исходя из когнитивной предпосылки, что люди знают о цели и результате путешествия Колумба, предупреждает ложное суждение о том, что ему нельзя приписывать открытие Америки, потому что он думал, что открыл Индию. Этот пример показывает, что СПП с придаточными направления в тавтологической функции выходят за пределы текста и апеллируют к общему знанию.

Поскольку место или направление, обозначаемые локативными и дирекциональными придаточными, тесно связаны с контекстом или апеллируют к общему знанию, дескриптивная стратегия *кодирует импликативную ассоциативно-пространственную интерактивность.* Направление подчинения зависит от позиции придаточного. Типичной является его постпозиция, в этом случае реализуется

правонаправленное подчинение, исходящее от препозитивного главного предложения, как в примерах выше. Допустима и препозиция придаточного, тогда направление подчинения, сохраняя правую ориентацию, исходит от придаточного предложения, ср.: (9) *Da* ***wo*** *ich bin, sehe ich für mich keine hinreichende Zukunftsperspektive* (DWDS).

В примере (9) место пребывания говорящего, особенности которого имплицированы в наречии *wo*, содержательно определяет ситуацию, обозначаемую главным предложением.

Таким образом, нарративная стратегия, репрезентируемая СПП с хронотопическими придаточными, реализуется в разновидностях темпорально-композиционной делимитации и пространственно-дейктической дескрипции. Обе разновидности имеют гибкий характер, благодаря которому создаются когерентно-развивающие темпорально-делимитативные и характеризующе-пространственные импликативно-интерактивные связи нарративного дискурса, что существенно дополняет инструментарий кодирования его хронотопической перспективы.

Литература

Водоватова Т.Е. Тавтологические высказывания: к проблеме смысла // Жанры речи. 2007. № 5. С. 117-123.

Кострова О.А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023.

Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8-24.

Тюпа В.И. Жанровая природа нарративных стратегий // Эстетика минимализма: малые жанры как форма времени: материалы 21 Всероссийской научно-практической конференции словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе - Лейдермановские чтения». Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 19-24.

Bruyn G. de. Tristan und Isolde. Nach Gottfried von Straßburg neu erzählt von Günter de Bruyn. Berlin: Verlag Neues Leben, 1981.

DWDS: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang. URL: https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl

Schlink B. Der Vorleser: Roman. Zürich: Diogenes, 1995.

O. A. Kostrova *(Samara, Russia)*

Samara State University of Social Sciences and Education

COMPLEX SENTENCES WITH CHRONOTOPIC CLAUSES AS A TOOL OF NARRATIVE STRATEGY (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

This paper continues the study of the grammatical characteristics of the narrative chronotope in German, begun in [Kostrova 2023]. The novelty lies in the study of secondary means of creating a narrative strategy-complex sentences containing subordinate clauses of time and place/direction which are combined into a chronotopic group.

Key words: narrative strategies, temporal delimitation, deictic description of space, chronotopic subordinate clauses

П. Б. Кузьменко *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
p.kuzmenko2012@yandex.ru

ГЛАГОЛ *КАЗАТЬСЯ* И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ КАК ОРГАНИЗАТОРЫ ОБРАЗ-СХЕМ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

Статья посвящена установлению различных типов образ-схем, реализуемых глаголом *казаться* и его окружением. Выявляются компоненты контекста, влияющие на идентификацию того или иного типа образ-схем.

Ключевые слова: кажимость, образ-схема, семантика, гибридизация, модусная категория

В повседневной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью воспринимать окружающий мир, интерпретировать события, давать оценки и т.п. Постоянно меняющаяся онтология, а также ограничения, налагаемые на процесс её познания индивидом, часто могут затруднять достоверное и объективное представление о фактическом положении дел. Это в свою очередь, создает субъективный характер отражения действительности. Неполнота имеющихся знаний и помехи в восприятии мира часто вербализуются в речи и обслуживаются классом особых языковых средств, формирующих категорию кажимости. Эта категория совмещает отражение двух измерений некоторого положения вещей: объективного (денотативной ситуации) и субъективного (ментальной обработки этой денотативной ситуации) [Семенова 2007].

Одним из центральных языковых средств, выражающих категорию кажимости в русском языке, является глагол *казаться*. Об этом говорит его самая высокая частотность (по данным НКРЯ 275 505 примеров употребления) в синонимическом ряду глаголов кажимости, доминантой которого он является.

Категория кажимости является одной из модусных категорий. Н.Н. Болдырев отмечает, что модусные категории имеют интерпретирующий характер и занимают особое место в системе противопоставления гносеологических и онтологических концептов [Болдырев 2019]. В рассматриваемых нами контекстах, содержащих маркеры кажимости, просматриваются различные онтологические сущности, получающие интерпретацию говорящего, что воплощается в категории кажимости.

В связи с этим интерес представляют коллокаты глагола *казаться,* а именно его лево- и правосторонний контекст. Это позволит выяснить более тонкие инструменты формирования категория кажимости, а также определить, какие сущности попадают в фокус сознания говорящего и какой тип значения глагола при этом выводится на поверхность в том или ином случае.

Удобным для анализа эмпирического материала представляется вариант теории образ-схем, разработанный Дж. Грэди, суть которой заключается в существовании трёх типов схем, организующих процесс познания человеком окружающего мира и разграничивающихся по степени абстракции: от непосредственного наблюдения до категорий абстрактного типа [Киосе 2022; Grady 2005].

Определение того или иного типа образ-схемы, реализуемого глаголом *казаться,* возможно с учетом его правостороннего окружения, характеристика которого способствует уточнению определенного участка онтологии, подлежащего интерпретации говорящим.

Первый вариант схемы представляет собой результаты перцептивной деятельности индивида. Такие случаи весьма частотны, что, на наш взгляд, обусловлено самой внутренней формой этого слова – «казати», что означает «показывать» (т.е. влиять на орган зрения).

На далеких холмах, у горизонта, леса розово светились, небо было сине, а поля ***казались безграничными*** (Казаков Ю. Двое в декабре, 1962).

Прямые, ровно подстриженные, будто обрубленные волосы (светлые в жизни, они на снимке ***казались темными****)* (Грекова И. Кафедра, 1977).

Они были неподвижными, ***казались неживыми*** *и смотрели внутрь* [Шелин С. Невольник долга // Новое время, 26.03.2006).

В пользу перцепции говорит непосредственный зрительный контакт индивида с объектом. Он может быть воспринят и другими органами чувств (вкус, слух и т.д.). Воспринимаемое свойство может быть номинировано специальными языковыми средствами, выражающими соответствующее качество:

Резко все ***продукты*** *стали* ***казаться сладкими*** (kartaslov.ru).

В юности мне это ***пение казалось громким*** (kartaslov.ru).

Мои войлочные боты, набитые снегом, ***казались*** *мне уже совершенно* ***неподъемными*** (Ткаченко А. На двух войнах (1960-1979) // Звезда, 07.2013).

Как показывают примеры, под глагол *казаться* подпадает весь спектр модусов сенсорного плана. Результаты познания, полученные по другим каналам, закрепляются за глаголом *казаться.*

Второй тип образ-схем, выделяемый Дж. Грэди, связан со вторичной интерпретацией мира и оценкой. Как правило, в таких случаях прямая перцепция не регистрируется. Говорящий формирует суждение, опираясь на какое-либо общее впечатление от ситуации. В семантике глагола в этом случае перцептивные смыслы уходят на второй план, и их место занимает когниция.

Диапазон признаков, фиксируемых предикативами, весьма широк. Говорящий характеризует что-либо с точки зрения достоверности, вероятности, уместности, а также оценки. Последние в рамках этого типа не связаны с перцепцией, хотя она, по всей вероятности, может являться составной частью оснований, на которых говорящий описывает те или иные положения дел.

Скажи, тебе не ***кажется странной*** *вся эта история?* (Белоусова В. Второй выстрел, 2000).

Почему вся эта печальная история ***кажется*** *мне* ***совершенно*** *достоверной?* (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей, 1978).

А победителю доставалась машина, что тогда ***казалось*** *вообще* ***невероятным*** [Кио И. Иллюзии без иллюзий, 1995-1999).

Нередко объекты восприятия получают новые признаки, позволяющие квалифицировать их по-иному. При этом их онтологическая суть не меняется, но второй терм уточняет первый, индивидуализируя его.

*То, что нам в **старом** организме **кажется** патологией, в начале жизни работает, наоборот, на пользу здоровья* (Лосева П. Против часовой стрелки: что такое старение и как с ним бороться, 2020).

*Дети могут **казаться** порою невинными преступниками* (kartaslov.ru).

*Простоватые шутки, вроде акции НПО «Локомотив-Technology», <…> **кажутся анахронизмом*** (Кабанова О. Мощь веселых и назойливых. Открылась рекламная выставка величиной с дом // «Известия», 2002.04.02).

Третья образ-схема реализуется в высказываниях, также содержащих оба терма, но связанными они оказываются лишь референтной ситуацией, вне которой их соположение невозможно. Их стандартная схема выглядит следующим образом: *А кажется Б.* Отнесение конкретного примера к такой схеме возможно после теста, суть которого состоит в ответе на вопрос: «Может ли **А** быть **Б**»? В описанных выше случаях **А** может являться **Б**, быть просто результатом или вариантом интерпретации, закрепленным в **Б**. В третьем же типе образ-схем наблюдается сравнение двух неоднородных сущностей. Второй участник сравнения представляет совершенно другой класс явлений (слова уподобляются заклинаниям, сутки – сну и т.д.). В таких случаях **Б** не является примером **А**. Это свидетельствует о категориальной ошибке, о которой говорила Н.Д. Арутюнова, обсуждая проблемы метафоризации [Арутюнова 1999]. В основе этой ошибки лежит онтологическая смежность или сходство разнородных явлений. Лексика, называющая второй терм сравнения, как правило, приобретает коннотативные оттенки:

*Слова шамана звучали для людей как сказка, а «город», «машина», «экспедиция» **казались скорее магическими заклинаниями**, чем конкретными понятиями* (Смирнов А. Старая легенда // «Знание – сила», 2020).

*Все происшедшее за **последние** сутки **казалось** быстро промелькнувшим **сном*** (Ефремов И. Бухта радужных струй, 1944).

*Работали мы в ночной смене в декабре, и каждая **ночь казалась** пыткой – пятьдесят градусов не шутка* (Шаламов В. Колымские рассказы, 1954).

*Ошалевшие от усталости рабочие, студенты, врачи, юнкера, земские и городские деятели, адвокаты – все **казались братьями**»* (Гуллер Ю. Русский бунт, демократический, но беспощадный // «Вечерняя Москва», 2002.03.14).

Как показывают приведенные примеры, глагол *казаться* представляет результаты восприятия и интерпретации индивидом весьма разнообразных фрагментов окружающего мира. Его включенность в различные типы образ-схем обусловливает его способность формировать их гибридные варианты. В одном из таких вариантов совмещаются перцепция объекта окружающего мира и его интерпретация говорящим. На перцептивный смысл в семантике глагола указывает его субъект (**то**, что можно слышать, ощущать на вкус и т.д.), а гибридность создается с

помощью общеоценочных прилагательных (*хороший* и пр.). Во многих случаях предикативом могут выступать существительные, посредством которых передается оценка (*деликатес = очень вкусный*).

А тогда его ***вкус казался мне лучшим*** *на свете* (kartaslov.ru).

В тот момент это ***блюдо казалось*** *мне* ***деликатесом*** (kartaslov.ru).

На прямую перцепцию указывают, кроме того, части контекста, подчеркивающие личное участие воспринимающего индивида, его опыт и т.д.

Другим случаем гибридизации является совмещение первой образ-схемы с третьей, т.е. перцепции и сравнения, базирующегося на максимальной абстракции говорящего от сущностных признаков второго «участника» сравнения. В следующих примерах совмещаются восприятие феноменов и их сравнение с другими феноменами, принадлежащими совершенно другим классам явлений (осознать вес чего-либо можно в результате осязания, узнать в чем-то игрушку – в результате зрения):

Мой собственный ***груз казался мне*** *сейчас* ***песчинкой*** (kartaslov.ru).

В подводном мире, населенном хищниками или лупоглазыми чудищами, морской конек ***кажется игрушкой*** (Голяндин А. Рассказы о животных, и не только о них: А у морского конька что за конек? // «Знание – сила», 2003).

Проводимый в опоре на теорию образ-схем анализ окружения глагола *казаться* позволяет установить тонкие особенности его семантики, а также определить, какие фрагменты онтологии оказываются в фокусе нечеткого восприятия индивидом или предметом его интерпретации. Так, во взаимодействии друг с другом субъект и предикатив, составляющие такое окружение, указывают на канал получения сведений. Такая детализация модального плана позволяет установить факторы, имеющиеся в распоряжении говорящего для формирования высказывания.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Киосе М.И. Теории образ-схем как инструмент полимодальных исследований // Германистика-2022: nove et nova. Москва: МГЛУ, 2022. С. 136-140.

Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007.

Grady J. Image schemas and perception: Refining a definition. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gryuter, 2005. Pp. 35-55.

P. B. Kuzmenko *(Voronezh, Russia)*

Voronezh State University

THE VERB *KAZATSYA* AND ITS CONTEXT AS ORGANIZERS OF VARIOUS TYPES OF IMAGE-SCHEMAS

The verb *kazatsya* and components of its contexts are explored to reveal various types of image schemas.

Key words: seemingness, image-schema, semantics, hybridization, modus category

А. С. Лагутова *(Москва, Россия)*

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
lagutovaas@gmail.com

ТАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯТОСТИ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются тактики речевого воздействия, используемые для конструирования и передачи святости в религиозном дискурсе на материале хайретизмов акафистов. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода анализируется механизм непрямой номинации, реализуемый через устойчивые фраземы, которые выступают в качестве ключевых вербальных тактик в рамках общей коммуникативной стратегии глорификации.

Ключевые слова: религиозный дискурс, тактика, категория святости, акафист, теолингвистика

Религиозный дискурс, будучи институциональным, обладает ярко выраженной назидательной и ценностно-ориентирующей функцией, поскольку «высвечивает суперморальные нормы как основание для поступка» [Карасик 2002: 224]. Его метаязыковая природа, разворачивающаяся в плоскостях естественного языка и языка сакральных смыслов [Кожемякин 2011], требует особых стратегий и тактик для достижения особой коммуникативной цели – приобщения адресата к вере и формирования у него религиозного мировоззрения.

В русле когнитивной лингвистики, вслед за О.С. Иссерс, под коммуникативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 1999: 54], что предполагает этап планирования, включающий выбор тактик, средств и приемов. Речевое воздействие в таком контексте есть «операция над семантическими цепями (разрыв ассоциативных связей и установление новых)» [Иссерс 1999: 43]. Ритуализация мышления и речевого поведения, свойственная религиозному дискурсу, находит выражение в устойчивых речевых конструкциях (стереотипах), которые позволяют прогнозировать восприятие и эффективно реализовывать стратегический подход.

Одним из ключевых жанров православного религиозного дискурса, где сфокусированы стратегии и тактики конструирования сакрального образа, является акафист. В его структурных единицах, хайретизмах, своеобразным образом кодируется информация о жизни и подвиге святого через символику и прецедентные конструкции [Камалова 2013: 144]. Стратегической целью акафиста является формирование в сознании молящегося целостного, канонически верного и эмоционально-приемлемого образа святого, побуждающего к почитанию и прославлению. Эта цель достигается через комплексное воздействие на когнитивную и эмоциональную сферы читателя, что соответствует определению речевого воздействия как речевого общения, взятому в «аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 1999: 21]. Центральной тактикой в рамках стратегии глорификации в хайретизмах выступает механизм непрямой номинации, реализуемый через устойчивые сочетания слов – фраземы.

В рамках данного исследования под фраземой, вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимается «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [Алефиренко 2004: 23]. Фразема в акафисте выступает как единица непрямой номинации, «означивающая разные образы одного референта» [Киосе 2011: 43]. В то время как прямая номинация представлена агионимом (имя святого в связке с его чином святости), фраземы создают многомерный символический портрет святого, отсылая к событиям из его жизни, чудесам и духовным подвигам.

Ключевым тактическим приемом в определении и формировании образа святого в жанре акафиста назовем использование фразем, выбор которых детерминирован агиосемой – минимальным дифференциальным значением, определяющим чин святости прославляемого святого [Бугаева 2025: 212]. На основании этого критерия можно выделить основные группы фразем:

1. Узуальные фраземы, которые, в свою очередь, подразделяются на:

1.1. Общие узуальные фраземы (которые вербализуются под влиянием агиосемемы – интегрального значения, указывающего на категорию святости как таковую). Они характерны для многих чинов святости и апеллируют к базовым сакральным символам и прецедентным библейским текстам. Например, конструкции с метафорой *крина (лилии) («чистейший крин», «крине, рая небесного процветший»*) отсылают к образу из Песни Песней и символизируют чистоту, Божественное покровительство и факт причастности к Небесному Царству. Аналогичную роль играют фраземы со словами *свеча*, *светильник*, *лампада* (символы духовного света, предстояния пред Богом) или *адамант* (символ твердости в вере);

1.2. Частные узуальные фраземы, которые непосредственно связаны с конкретным чином святости, актуализируя семантику его подвига. Так, фраземы с компонентом *чаша страданий* соотносятся с чином святости мучеников и страстотерпцев, отсылая к евангельскому образу чаши Христовых страданий. Фраземы с лексемами *пастырь* и *паства* характерны для святителей (епископов, митрополитов), а *агнец* – для мучеников.

2. Окказиональные фраземы – уникальные сочетания, отражающие индивидуальные события или чудеса из жития конкретного святого. Например, фразема *«на персех твоих крест запечатленный имевшая»* в акафисте святой блаженной Матроне Московской отсылает к специфической детали ее жития – нерукотворному нательному кресту, с рождения появившемуся на груди святой.

3. Как особую группу фразем можно выделить пограничные или гибридные фраземы, в которых узуальная основа конкретизируется окказиональным элементом. Например, в акафисте Александру Свирскому фразема «*валаамския обители плоде добрый»* является двукомпонентной и пограничной, поскольку конструкция *плоде добрый* представляет собой общую узуальную фразему, а конструкция *валаамския обители* указывает на конкретизацию места и окказиональность использования.

Важной тактикой, усиливающей воздействие на читателя, является использование контекстуальной полисемии. При анализе частных узуальных фразем необходимо учитывать контекст и сочетаемость лексем, поскольку именно в связанном синкретичном образовании рождаются необходимые смыслы, указывающие на лик, в котором был прославлен тот или иной святой, и на глубину тех или иных духовных подвигов. Так, например, вышеприведенная конструкция *чаша страданий* встречается в повествовательной части восьмого икоса акафиста великомученице Варваре *(«чашу страданий, юже даде ми Возлюбленный мой Жених, не имам ли пити?»)* и отсылает к евангельским строкам о страданиях Христа, но в этом же акафисте метафора чаши в одиннадцатом икосе употреблена в ином сочетании – «*чаше, от обилия дому Божия черплющая радость»* – и разворачивает перед читателями новый пласт смыслов, где чаша выступает сосудом и вместилищем радости и добродетелей святой. Аналогичные полярные коннотации также можно встретить при рассмотрении других фразем и метафорообразующих компонентов. Так, например, конструкции, образованные при сочетаемости со словом *венец* открывают разные смыслы: *венец терновый* – маркер чина святости мучеников, великомученников, страстотерпцев, но конструкции *венец славы* или *венец Царства Небесного* рассматриваются уже как общие узуальные фраземы, указывающие на достижение адресатом акафиста святости и жизни вечной. Следовательно, лексема «венец» в рамках тактики спецификации подвига реализуется через вербальный ход «*терновый венец*», а в рамках тактики общей сакрализации как «*венец славы*». Это обусловливает работу семантических индикаторов (конкретизаторов) тактики и прагматических показателей.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что тактика определения категории святости в православном религиозном дискурсе в жанре акафиста представляет собой сложно организованную систему непрямой номинации, экспликатором которой становятся фраземы. Их выбор и функционирование подчинены стратегии глорификации и осуществляются через следующие тактические шаги:

1. Семантическая атрибуция: выбор узуальных фразем в зависимости от чина святости прославляемого святого и воздействия агиосемы и агиосемемы.

2. Узуальное моделирование и символическое кодирование: использование общих узуальных фразем для связи с общими сакральными смыслами и прецедентными текстами для обеспечения «ритуализации» восприятия и углубления эмоционального и дидактического воздействия.

3. Индивидуализация образа и окказиональное означивание: введение окказиональных и гибридных фразем для создания уникального образа святого в связи с пластом его агиографического описания.

4. Контекстуальная актуализация (опционально): введение многозначных ключевых образов-символов для раскрытия многогранности духовного подвига и определения его догматического содержания. Один и тот же лексический элемент становится инструментом разных подтактик в зависимости от сочетаемости и контекста.

Таким образом, процесс вербализации и определения святости в жанре акафиста представляет собой многоуровневую стратегию речевого воздействия, направленную на конструирование заданного образа в сознании читателя. Стратегический контроль осуществляется через определение агиосем и агиосемем в составе фразем. Реализация стратегии происходит через последовательное и комбинированное применение ряда речевых тактик, каждая из которых использует специфические коммуникативные ходы с языковыми индикаторами. Такой подход позволяет описать гимнографический текст как динамичный, целенаправленный процесс религиозной коммуникации, в полной мере соответствующий принципам стратегического речевого поведения в рамках религиозного дискурса, который «концептуализирует слово и наполняет культурным и событийным содержанием стоящий за ним комплекс смыслов» [Коренева 2012: 42].

Литература

Алефиренко Н.Ф. Теория языка: вводный курс. М.: Academia, 2004.

Бугаева И.В. Агиосема как компонент семантической структуры религиозной лексики // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2025. № 1 (30). С. 202-221.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во ОмГУ, 1999.

Камалова А.А. Структура и смысл хайретизмов в акафисте святителю Николаю // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2, № 2. С. 142-148.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Киосе М.И. Непрямая номинация в тексте как лингвистическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2011. № 5. С. 43-47.

Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования // Nomothethika: Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). С. 32-47.

Коренева Ю.В. Концептосфера агиографии и религиозный дискурс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2012. № 5. С. 40-43.

A. S. Lagutova *(Moscow, Russia)*

National Research Moscow State University of Civil Engineering;
Kosygin Russian State University

THE TACTICS OF DEFINING HOLINESS IN RELIGIOUS DISCOURSE

The article examines the tactics of speech influence used for constructing and conveying the category of holiness in religious discourse based on the material of Akathist hairetisms. Within the framework of the cognitive-discursive approach, the mechanism of indirect nomination, realized through stable phrasemes, is analyzed. These phrasemes act as key verbal tactics within the overall communicative strategy of glorification.

Key words: religious discourse, tactics, category of holiness, akathist, theolinguistics

В. В. Ларионенко *(Белгород, Россия)*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
v.lar_159@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА *ВЛАСТЬ* В АРХИТЕКТОНИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА МУАММАРА АЛЬ-КАДДАФИ «ЗЕЛЕНАЯ КНИГА»

В статье представлена структура когнитивной доминанты ВЛАСТЬ, репрезентированной в политическом манифесте Муаммара Аль-Каддафи «Зелёная книга». Выявляются специфика номинации и характеристики базовых концептов, составляющих когнитивную доминанту текста. Когнитивная доминанта ВЛАСТЬ интерпретирована в аспекте народного представительства, закона, диктатуры. Выявлены различия в передаче номинантов когнитивной доминанты в русской, английской и итальянской версиях текста манифеста. Доказана тождественность употребления политической терминологии данного манифеста в трех разноязычных версиях.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, политический дискурс, концептосфера, власть, Муаммар Каддафи, «Зеленая книга»

Научные изыскания в сфере политического дискурса становятся особенно важными в свете текущих геополитических преобразований. Актуальным вопросом современности продолжает оставаться понимание сути власти и способов её осуществления, а также концептуализации в знаменитом политическом манифесте Муаммара аль-Каддафи «Зелёная книга», ключевым элементом которого выступает когнитивная доминанта ВЛАСТЬ вместе с входящими в нее концептами-доминантами и субконцептами.

Т.А. ван Дейк рассматривал дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста» [ван Дейк 1989: 8].

Согласно словарю Н.Д. Арутюновой, термин дискурс многогранен и рассматривается как «целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Арутюнова 1998: 401].

В свете этого когнитивно-дискурсивный подход к исследованию политического манифеста Муаммара аль-Каддафи «Зелёная книга» базируется на том, что «в основе дискурсивной деятельности лежит концептуальная картина мира» [Кушнерук 2024: 443]. В данном случае политическая концептуальная картина мира, которая может быть представлена в виде модели.

В процессе дискурсивного моделирования Е.А. Огнева выделяет следующие параметры архитектоники дискурса: «(1) концептосферы коммуникантов, обсуждающих текст или формат информативного знания, (2) коммуникативная ситуация существования информативной сущности» [Ogneva 2022: 84-85]. Для исследования политического манифеста Муаммара аль-Каддафи значима коммуникативная ситуация информативной сущности, которая заключается в тех экстралингвистических факторах, при которых возник манифест как третья всемирная теория, а именно,

влияние политических трудов философов эпохи Просвещения на М. Каддафи, разочарование в капиталистическом строе, становление ислама государственной религией Ливии, вдохновение М. Каддафи идеями исламского социализма.

Политический манифест Муаммара Аль-Каддафи «Зеленая книга» является форматом политического дискурса, поскольку, по мнению С.В. Кузьминой, «политический дискурс – это способ толкования социальной реальности в ключевых терминах политики, структурированный соответствующими текстами (понятиями, концептами)» [Кузьмина 2011: 55].

Исследование архитектоники манифеста «Зеленая книга» выявило наличие в нем когнитивной доминанты ВЛАСТЬ, представляющей собой когнитивный информативный конструкт, состоящий из двух и более концептов-доминант. В свою очередь, концепт-доминанта – «это концепт, номинативное поле которого обладает параметрами доминантности среди других концептов концептосферы текста или концептосферы дискурса» [Колядин 2025: 8]. Значим тот факт, что концептуальная иерархия компонентов когнитивной доминанты может состоять из одного или нескольких концептов-доминант, представляющих, в свою очередь, сочетание нескольких концептов [Колядин 2025: 34].

В свою очередь, концепты-доминанты имеют следующую типологию: «когнитивные доминанты отдельно взятого произведения; когнитивные доминанты идиостиля писателя; жанровые когнитивные доминанты; когнитивные доминанты литературного направления; когнитивные доминанты каждого периода в развитии литературы» [Огнева 2015: 722].

Когнитивные доминанты функционируют в аспекте когнитивно-дискурсивного миромоделирования, рассматриваемого как «контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности в дискурсе средствами языка» [Кушнерук 2024: 443]. В свете проводимого исследования актуален тот факт, что «миромоделирующий потенциал обсуждаемого политического события выявляется в результате исследования вербально-семиотических ресурсов» [Кушнерук 2018: 27].

Когнитивная доминанта ВЛАСТЬ, функционирующая в английском варианте (далее engl.) политического манифеста «Зеленая книга» как AUTHORITY и в итальянском варианте (далее ital.) как IL POTERE, включает в себя концепт-доминанту, номинация которой указана сразу на трех языках как ПАРТИЯ/ PARTY/ IL PARTITO, которая в свою очередь состоит из субконцептов: (1) НАРОД/ PEOPLE/ IL POPOLO, (2) ДИКТАТУРА/ DICTATORSHIP / LA DITTATURA, (3) ОБЩЕСТВО/ SOCIETY/LA SOCIETÀ, (4) ПРОГРАММА/ PROGRAMME / IL PROGRAMMA.

Концепт-доминанта ПАРТИЯ/ PARTY/ IL PARTITO в рамках когнитивной доминанты ВЛАСТЬ/AUTHORITY/ IL POTERE дефинируется М. Каддафи как *«современная **диктатура**, **диктаторское** орудие правления, поскольку **партия** – это власть части над целым»* [Аль-Каддафи 2016: 11].

Engl.: *The party is the contemporary **dictatorship**. It is the modern **dictatorial** instrument of governing. The party is the rule of a part over the whole* [Al-Qadhafi 2022: 6].

Ital.: ***Il partito*** *è* ***la dittatura*** *contemporanea. È lo strumento di governo delle moderne* ***dittature*** *poiché rappresenta il potere di una parte sul tutto* [Gheddafi 1984: 5].

Представленные контексты, являющиеся номинантами рассматриваемого концепта-доминанты ВЛАСТЬ/AUTHORITY/ IL POTERE, схожи по конструкции и сочетанию аттрактивных элементов, таких как ядро – лексема ПАРТИЯ и атрибутивы ядра «диктатура, диктаторское».

В концепте-доминанте ПАРТИЯ/ PARTY/ IL PARTITO в «Зеленой книге» субконцепт НАРОД репрезентирован следующим образом:

русс.: *С точки зрения подлинной демократии недопустимо, чтобы одна* ***партия*** *правила всем народом, поскольку* ***народ*** *– это множество интересов, взглядов, характеров, территорий и убеждений.* ***Партия*** *– это* ***диктаторское*** *орудие правления, позволяющее сторонникам какой-то одной точки зрения или лицам, объединенным каким-то одним интересом, править всем* ***народом*** [Аль-Каддафи 2016: 11]. *Оппозиционная* ***партия****, будучи по своему характеру также орудием правления, чтобы прийти к власти, должна ниспровергнуть стоящее у власти орудие правления. Чтобы доказать некомпетентность последнего, оппозиционная партия старается свести на нет его достижения и дезавуировать* ***программу*** *его деятельности, даже если эта* ***программа*** *служит интересам* ***общества*** [Аль-Каддафи 2016: 12].

engl.: *And yet, democratically, none of these parties should govern the whole* ***people*** *because of the diversity of interests, ideas, temperaments, localities and beliefs, which constitute the* ***people****'s identity.* ***The party*** *is a* ***dictatorial*** *instrument of governing that enables those with one outlook and a common interest to rule the* ***people*** *as a whole* [Al-Qadhafi 2022: 7]. ***The opposition party****, as an instrument of governing, has to oust the ruling body in order to have access to authority. To prove the unfitness of the instrument of governing, the opposition* ***party*** *has to destroy its achievements and to cast doubt on its* ***plans****, even if those* ***plans*** *are beneficial to* ***the society*** [Al-Qadhafi 2022: 8].

ital.: *Non è democraticamente ammissibile che uno qualsiasi di questi gruppi governi l'intero* ***popolo****, che è formato da numerosi interessi, idee, temperamenti, luoghi di provenienza e credi.* ***Il partito*** *è uno strumento di governo* ***dittatoriale*** *in quanto permette a coloro che hanno le stesso opinioni e gli stessi interessi di governare* ***il popolo*** *nel suo insieme* [Gheddafi 1984: 5]. ***Il partito*** *all'opposizione per giungere al potere deve abbattere lo strumento di governo che è al potere. Per fare questo deve distruggerne le realizzazioni e denigrarne* ***i programmi*** *anche se sono utili alla* ***società*** [Gheddafi 1984: 6].

В отличие от первого контекста данные три варианта контекста представляют собой сопряжение нескольких номинантов номинативного поля субконцепта НАРОД. Сравнительный анализ сопряжения номинантов выявил их идентичный перечень в трех разноязычных контекстах.

Таким образом, в ходе исследования был сделан вывод о тождественности употребления политической терминологии в манифесте Муаммара Аль-Каддафи «Зеленая книга», что намечает новые перспективы в исследовании политического дискурса XX в.

Литература

Аль-Каддафи М. Зелёная книга. М.: Aegitas, 2016.

Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.

ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Колядин А.В. Лингвокультурное моделирование публицистического информативного кода в дискурсивных когнитивных доминантах «architecture» и «архитектура»: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2025.

Кузьмина С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 2. С. 54-56.

Кушнерук С.Л. Миромоделирующий потенциал дискурса политического события // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2018. Т. 15, № 3. С. 26-31.

Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 2. С. 439-465.

Огнева Е.А. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ как когнитивная текстовая доминанта (на материале произведений Ж. Верна) // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 720-725.

Al-Qadhafi M., Vandewalle D.J. The green book. Berkshire: Garnet Publishing Limited, 2022.

Gheddafi M. Il libro verde // Centro Internazionale Ricerche e Studi sul Libro Verde. Tripoli: Giamahiria Libica, 1984.

Ogneva E.A. Modeling of text and discourse worlds / E.A. Ogneva, L.I. Stepanova, T.V. Chikovani // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8, No. 1. Pp. 79-92.

V. V. Larionenko *(Belgorod, Russia)*

Belgorod National State Research University

COGNITIVE DOMINANT *POWER* IN THE ARCHITECTURE OF MUAMMAR AL-GADDAFI'S POLITICAL MANIFESTO "THE GREEN BOOK"

The article provides a comprehensive study of the architectonics of the nominative field of Muammar al-Gaddafi's political manifesto "Green Book" in Russian, English and Italian. Methods such as conceptual space analysis, discourse analysis, and intertextual analysis were applied. The internal structure of the key concepts forming the author's political worldview was studied. The main attention is paid to the analysis of the concept of ВЛАСТЬ/AUTHORITY/ IL POTERE, its interaction with the main categories and its contribution to the formation of the political picture of the world. The research results allow for a deeper understanding of the historical experience of twentieth-century political doctrines, explain the modern spread of populist ideas, and develop cognitive linguistics and translation studies. The unity of meanings and uses of terms and quotations of the text in the original version and translations is confirmed.

Key words: power, political discourse, conceptual sphere, Muammar Gaddafi, The Green Book, cognitive linguistics

И. С. Лебедева *(Москва, Россия)*

Московский государственный институт
международных отношений МИД России (Университет)
lebedeva_irina_68@yahoo.com

Т. И. Грибанова *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет
tigribanova65@yandex.ru

ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА КОММУНИКАЦИИ В ДИАДЕ «ДОКТОР-ПАЦИЕНТ»

В настоящей статье представлены результаты проведенного анализа фреймовой семантики персуазивной коммуникации в диаде «доктор-пациент», направленного на выявление когнитивных процессов, лежащих в основе модификации фреймов. Авторы рассматривают наиболее частотные фреймы и описывают направления их модификации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, модификация фрейма, англоязычный медицинский дискурс, «доктор-пациент»

Коммуникация в диаде «Доктор-Пациент» долгое время находится в центре внимания ученых, в современной лингвистике особый интерес вызывает коммуникативная работа доктора и пациента, направленная на формирование доверительных отношений, что является одним из этических принципов коммуникации в рассматриваемой диаде [Morgan 1982], делает ее более персуазивной и способствует достижению поставленных целей. Обычно коммуникация регулируется врачом как более влиятельным участником, ответственным за результат лечения [Adegbite, Odebunmi 2006], именно врач определяет ход диалога, его темп, темы и подходы к их обсуждению. Однако вклад пациента не менее важен для обеспечения эффективности общения и, как следствие, лечения: позитивный настрой пациента и доверие к врачу как к профессионалу и личности формируют основу эффективного лечения. Несмотря на то, что коммуникация врача и пациента отличается общностью целеполагания и четким пониманием обоюдных намерений, она не лишена выражения отрицательных эмоций, например недовольства, и может приобретать конфликтный характер ввиду деликатности обсуждаемых вопросов, непредсказуемости и высокой степени угрозы «лицу» [Brown, Levinson 2014; Goffman 1967], с которой сталкиваются оба коммуниканта. По этой причине их коммуникативное поведение можно охарактеризовать как коммуникативную работу, направленную по снижение угрозы «лицу», разрешение возможных конфликтов и проявление конвенциональной вежливости. Нарушение этих принципов, навязывание мнений, излишняя прямолинейность, неверное толкование намерений собеседника и/или игнорирование его интересов являются проявлениями неуважения, халатности, стигматизации и, в итоге, приводят к коммуникативной неудаче.

Лингвистические особенности коммуникации в диаде «Доктор-Пациент» рассматриваются целым рядом исследователей [Барсукова 2007; Дзараева, Рогожникова 2014; Желязовска-Собчик 2019; Карымшакова 2015; Линник 2020; Adegbite,

Odebunmi 2006; Morgan 1982], среди них заслуживают внимания следующие: (1) Коммуникация, инициируемая врачом, изобилует вопросами как общего, так и уточняющего характера, объяснениями и инструкциями, повторами и перифразами. Для пациента характерно предоставление кратких и / или развернутых ответов на вопросы, поставленные врачом, в некоторых случаях постановка уточняющих вопросов, вызванных непониманием или необходимостью получения дополнительной информации о диагнозе и / или дальнейшем лечении. Речь пациентов носит преимущественно разговорный характер; (2) Коммуникация, инициируемая пациентом, характеризуется использованием вопросов либо для уточнения полученной информации, либо для привлечения внимания врача к существующим проблемам. Утвердительные высказывания-реакции на слова врача используются пациентом для выражения согласия / несогласия и реакций, выражающих отношение, например: недоверие, нерешительность, сомнение, страх и т.д.). Врач, в свою очередь, обеспечивает необходимую обратную связь, чтобы удовлетворить интерес / озабоченность пациента, объясняет, уточняет, предоставляет дополнительную информацию, с целью убедить пациента в эффективности предлагаемого лечения. Речь врача носит персуазивный характер, отличается наличием повторений, переключением кодов (с преобладанием формальных шаблонов), характеризуется наличием разъяснений и запросами информации, выходящей за рамки лечения. Однако рассматриваемые исследования не учитывают особенности фреймовой семантики коммуникации в диаде «доктор-пациент», ввиду чего полученные результаты носят обобщенный характер. Отношения между врачом и пациентом обычно складываются на протяжении всей совместной работы и затрагивают обсуждение деликатных вопросов. Структура каждого этапа, связанные с ним процедуры и модели коммуникации, являются элементами когнитивной работы коммуникантов и могут быть описаны в терминах фреймов. В основе этого подхода лежит концепт «фрейм», позволяющий структурировать знания о реальности путем описания стереотипных ситуаций. Фрейм представляет собой двухуровневое образование, характеризующееся набором признаков, которые обеспечивают его успешное распознавание [Minsky 1975: 212]. Глубинный уровень включает в себя основные черты прототипических событий, в то время как поверхностный уровень реализуется в определенных коммуникативных условиях, он динамичен и постоянно видоизменяется.

Настоящее исследование направлено на изучение лингвистических особенностей коммуникации в диаде «доктор-пациент» с учетом ее фреймовой семантики. Для целей анализа были просмотрены телесериалы «Скорая помощь» и «Нью-Амстердам» общим объемом 23 часа просмотрового времени и осуществлена сплошная выборка. Применение количественного и качественного методов анализа позволило выделить наиболее частотные фреймы, представляющие прототипические коммуникативные ситуации. В данной статье рассматриваются четыре из них: (1) ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР, (2) НАПРАВЛЕНИЕ НА ОБСЛЕДОВАНИЕ, (3) ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МЕДИЦИНСКИХ ТЕСТОВ (позитивный и негативный сценарии) и (4) ОБЪЯВЛЕНИЕ ДИАГНОЗА (позитивный и негатив-

ный сценарии). Лингвистические особенности коммуникации рассматриваются с учетом фреймовой семантики и представлены как средства, модифицирующие фрейм-прототип.

Фрейм 1: ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР, например: (1) *"What's it look like? I shot myself in the freaking leg. – Oh…Ugh, we'll have you fixed up* ***in no time****"* (Врач приемного отделения – Пациент). Мужчина, пострадавший в результате несчастного случая, испытывает переживания по поводу исхода лечения. Врач стремится ободрить пациента, внушить ему уверенность в благополучном исходе. Используемый *in no time* (рус.: не успеете и глазом моргнуть) выражает уверенность, повышает персуазивность высказывания, позволяет успокоить пациента. (2) *"Good morning, Baba! Any problem? – Yeah, there's a problem. My right arm troubles me, seriously…Yesterday this thing happened. – Don't worry, Baba,* ***you'll be well****. Where exactly does it hurt?"* (Врач – Постоянный пациент, пожилой одинокий человек). Обещание *you'll be well* является конвенциональной формой в медицинском дискурсе, в данной ситуации используется с целью приободрить пациента, убедить его в том, что ему непременно помогут.

Фрейм 2: НАПРАВЛЕНИЕ НА ОБСЛЕДОВАНИЕ, например: *"But first* ***we'll have to*** *start with* ***a little*** *IV".* С целью успокоить и поддержать пациентку, женщину средних лет, врач использует сочетание двух хеджирующих средств – *we* (Seeking Common Ground [Brown, Levinson 2014]) и лексического хеджа-минимизатора *a little.* С целью убедить пациентку в необходимости процедуры используется модальный глагол *have to*, являющийся персуазивной формой в английском языке, однако, фокусирующий внимание именно на необходимости, обусловленной обстоятельствами.

Фрейм 3: ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МЕДИЦИНСКИХ ТЕСТОВ, например: (1) *"The echo is* ***not quite*** *normal. There's a concave deformity in the right atrium,* ***just a subtle*** *one."* Положительный прогноз предполагает позитивный сценарий и не требует высокой степени компенсаторной работы. Фрейм модифицируется посредством лексических хеджей-минимизаторов *not quite* и *subtle* в сочетании с *just*); (2) *"Well, I've got* ***some*** *bad news for you.* ***It appears*** *to be internal bleeding…****Apparently,*** *at* ***some*** *point we* ***could*** *win."*

Негативный сценарий становится причиной когнитивного диссонанса, заданного проблемой выбора между необходимостью предоставить пациентке точную информацию о ее состоянии и возникающей в связи с неблагоприятным прогнозом эмпатией. В качестве модификаторов используются лексические хеджи, выражающие неопределенность, *some, it appears, apparently,* а также лексико-грамматический *could*. Сравнительный анализ использования хеджирования в рассматриваемом фрейме служит доказательством утверждения П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 2014] о необходимости усиления компенсаторной работы при увеличении тяжести сценария (фактор Rx – степень негативного воздействия, которое высказывание может нанести «лицу» [Brown, Levinson 2014]).

Фрейм 4: ОБЪЯВЛЕНИЕ ДИАГНОЗА, например: (1) *"Doctor, what exactly is the problem with me? –* ***You've got acute respiratory infection***. Позитивный сценарий при объявлении диагноза не требует компенсаторики: *You've got acute respiratory infection"*. (2) *"****It appears*** *a case of motor neuron disease. <...> There are no good treatments for it,* ***I'm afraid****. – So, it's life-threatening disease, isn't it? – Yes.* ***I'm sorry*** *... But* ***I don't think*** *it'll happen over a couple of weeks, that* ***could*** *take* ***some*** *months."*

Вышеуказанный пример представляет негативный сценарий, пациент узнает, что неизлечимо болен. Врач использует хеджирующие *It appears, I'm afraid, I don't think*, средства выражения эмпатии *(I'm sorry)* и неопределенности *(could, some).*

Проведенный анализ указывает на необходимость определения фреймовой семантики при анализе коммуникации в диаде «доктор-пациент». Каждый фрейм предполагает определенные направления модификации, которые можно прогнозировать и моделировать, например: (1) Фрейм 1: Речь пациента отличается уклончивостью и неопределенностью; (2) Фреймы 2-3: Неопределенность формулировок и уклончивость становятся более характерными для речи врача; (3) Фреймы 3-4: Неопределенность возрастает по мере увеличения фактора Rx или угрозы «лицу» коммуникантов.

Литература

Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2007.

Дзараева Н.А., Рогожникова Р.А. Стратегии и тактики речевого поведения врача // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 2 (1). С. 47-53.

Желязовска-Собчик М. Дискурс в медицине: краткий обзор мировой литературы // Язык. Текст. Книга: Материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 35-42. URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/78120

Карымшакова Т.Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015.

Линник Л.А. Медицинский дискурс: образы автора и адресата // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25 (1). С. 179-181.

Adegbite W., Odebunmi A. Discourse Tact in Doctor-Patient Interactions in English: An Analysis of Diagnosis in Medical Communication in Nigeria // Nordic Journal of African Studies. 2006. Vol. 15 (4). Pp. 499-519.

Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Fraser B. Pragmatic competence: The case of hedging // New approaches to hedging / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider. Bingley, UK: Emerald, 2010. Pp. 15-34.

Minsky M. A framework for representing knowledge // The psychology of computer vision / ed. by P.H. Winston. NY: McGraw-Hill, 1975. Pp. 211-277.

Morgan M. The doctor-patient relationship // Sociology as Applied to Medicine (2nd ed.). / ed. by D.L. Patrick, G. Scambler. London: Balliere Tindall, Elsevier, 1982. Pp. 55-68.

I. S. Lebedeva *(Moscow, Russia)*
MGIMO University
T. I. Gribanova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FRAME SEMANTICS IN THE "DOCTOR-PATIENT" COMMUNICATIVE DYAD

The article presents the results of frame semantics analysis of persuasive communication in the "doctor-patient" dyad aimed at identifying the cognitive processes underlying frame modification. The authors consider four most frequent frames, describe the linguistic tools used to modify them and explain the need for their modification.

Key words: cognitive linguistics, frame, frame modification, English medical discourse, "doctor-patient" dyad

А. С. Меликян *(Новороссийск, Россия)*
Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета
info@nf-pgu.ru

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ АФОРИЗМА КАК ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема дефиниции и параметризации афоризма в современной лингвистике и литературоведении. На основе анализа русскоязычных и англоязычных лексикографических источников выделяются ключевые дистинктивные признаки афористического жанра: краткость, содержательная глубина, обобщенность, авторская атрибуция, отточенность формы и художественность. Обосновывается необходимость комплексного подхода к определению афоризма, учитывающего как семантико-прагматические, так и стилистико-композиционные характеристики. Делается вывод о перспективности лингвистического исследования афористики в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: афоризм, параметризация жанра, лингвостилистика, авторское высказывание, обобщение, художественная форма, афористичность

Введение. Актуальность исследования параметров афоризма обусловлена отсутствием в современной научной парадигме единого, общепризнанного определения данного термина. Несмотря на широкое распространение афористических высказываний в медиадискурсе, публицистике и повседневной коммуникации, теоретико-методологический аппарат их описания остается фрагментарным. Это препятствует как точной жанровой идентификации, так и системному лингвистическому анализу афористического наследия (см. [Baias 2015; Hui 2019 и др.]).

Цель настоящей работы – систематизировать дистинктивные параметры афоризма на основе сопоставительного анализа лексикографических дефиниций и теоретических концепций, представленных в отечественной и зарубежной лингвистической традиции.

Теоретико-методологические основания исследования

Анализ справочных источников демонстрирует существенную вариативность в трактовке сущности афоризма. В русскоязычной лексикографии преобладают

определения, акцентирующие когнитивно-семантический аспект: *«краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение»* [Ожегов 1983], *«предельно лаконичное и точное выражение мысли»* [Ефремова]. Англоязычные издания (Oxford Learner's Dictionary) [OLD] характеризуют афоризм как *«pithy observation containing a general truth»* («содержательное наблюдение, выражающее общую истину»), что вводит в дефиницию категорию общепринятой истинности.

Однако как показывает контент-анализ, ни одна из приведенных дефиниций не является исчерпывающей. В частности, требование *«general truth»* вступает в противоречие с практикой реального афористического творчества. Высказывание О. Уайльда *«I can resist anything except temptation»* («*Я могу устоять перед чем угодно, кроме соблазна*») демонстрирует, что афоризм может выражать не универсальную истину, а парадоксальное, субъективно-авторское наблюдение, сохраняя при этом жанровую идентичность.

В рамках исследования нами выделяются ключевые параметры афоризма. На основе синтеза лексикографических данных и теоретико-методологических работ отмечается комплекс взаимосвязанных параметров, конституирующих афоризм как особую жанровую форму [Иванов 2018; Федоренко 1990; Шарапов 2023 и др.]. Рассмотрим их более подробно.

1. *Краткость* как структурно-композиционная доминанта

Краткость представляет собой не просто количественную характеристику, а качественное условие афористичности. Ограниченность языкового пространства требует максимальной концентрации смысла, что превращает афоризм в «свернутый» носитель культурного опыта. Данный параметр коррелирует с принципом экономии языковых средств и интенсификацией семантической плотности. Например: «*Whatever you do, do it well*» (W. Disney) – «*Что бы вы ни делали, делайте это хорошо*» (У. Дисней). «*Done is better than perfect*» (Sh. Sandberg) – «*Сделанное лучше, чем идеальное*» (Ш. Сендберг).

2. *Содержательная глубина* и *проблемность*

Афоризм транслирует не поверхностное суждение, а результат рефлексивной деятельности автора. Глубина мысли проявляется в способности высказывания вскрывать сущностные связи явлений, формулировать философские, этические или социально-критические инсайты. Именно когнитивная насыщенность отличает афоризм от банального изречения, например: «*Life becomes easier when you learn to accept the apology you never got*» (R. Brault) – «*Жизнь становится легче, когда ты учишься принимать извинения, которых ты никогда не получал*» (Р. Браулт). «*Life is what happens to you while you're busy making other plans*» (J. Lennon) – «*Жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы*» (Дж. Леннон).

3. *Обобщенность* как результат индуктивного синтеза

Афоризм возникает на основе абстрагирования от частных случаев и формулируется в виде универсализированного вывода, правила или принципа. Обобщение придает высказыванию нормативно-императивный или гномический характер, усиливая его прагматический потенциал и меметическую устойчивость:

«*Determine your priorities and focus on them*» (E. McDargh) – «*Определите свои приоритеты и сфокусируйтесь на них*» (Э. МакДарг). *«The only way to do great work is to love what you do»* (S. Jobs) – *«Единственный способ делать великую работу – любить то, что ты делаешь»* (С. Джобс).

4. *Авторская атрибуция*

В отличие от фольклорных жанров (в частности, пословиц и поговорок (см. [Тарланов 1999]), афоризм сохраняет связь с конкретным автором. Игнорирование данного параметра ведет к размыванию жанровых границ и смешению афоризма с иными формами краткой мудрости. Авторство обеспечивает интерпретационный контекст и позволяет отслеживать идеи автора и эволюцию индивидуального стиля. Например: «*Love the life you live, and live the life you love*» (B. Marley) – «*Полюби жизнь, которой живёшь, и проживи жизнь, которую любишь*» (Б. Марли). «*The only impossible journey is the one you never begin*» (T. Robbins) – «*Единственное невозможное путешествие – то, которое ты так и не начал*» (Т. Роббинс).

5. *Отточенность формы*: точность, выразительность, запоминаемость

Афористическая мысль достигает своей прагматической цели лишь при условии совершенства формы. Синтаксическая завершенность, лексическая точность, ритмико-интонационная сбалансированность способствуют тому, что высказывание фиксируется в коллективной памяти. Например: «*The first wealth is health*» (R.W. Emerson) – традиционная идея обретает новую силу благодаря лаконичной и гармоничной формулировке («*Здоровье – главное богатство*» (Р.У. Эмерсон).

6. *Художественность* как эстетико-стилистический критерий

Данный параметр, нередко игнорируемый в справочной литературе, является конститутивным для литературного афоризма. Как отмечал еще Б. Грасиан в XVII в., афоризм порождается остроумием и сочетает глубину содержания с изяществом формы. Художественность достигается через использование тропов и фигур речи: эпитетов, аллюзий, антитез, повторов, а также через специфическую семантико-структурную организацию текста. Приведем примеры:

«*Either write something worth reading or do something worth writing*» (B. Franklin) – «*Или напишите то, что стоит прочитать, или совершите то, о чем стоит написать*» (Б. Франклин).

«*When I do good, I feel good. When I do bad, I feel bad. That's my religion*» (A. Lincoln) – «*Когда я делаю хорошее, я чувствую себя хорошо. Когда я делаю плохое, я чувствую себя плохо. Это и есть моя религия*» (А. Линкольн).

«*The biggest risk is not taking any risk. In a world that's changing really quickly, the only strategy that is guaranteed to fail is not taking risks*» (M. Zuckerberg). – «*Самый большой риск – не рисковать вообще. В мире, который меняется так быстро, единственная стратегия, обреченная на провал, – это избегание рисков*» (М. Цукерберг).

В научной литературе сохраняется полемика относительно статуса таких признаков, как «неожиданность» и «парадоксальность». Представляется, что данные качества, хотя и часто присутствуют в афористике, не являются обязательными, а факультативными: они скорее характеризуют поджанр парадоксального афоризма,

но не определяют жанр в целом. Афоризм «*We can only change the world by changing men*» (H. Wells) («*Мир можно изменить, только изменяя людей*» (Г. Уэллс) демонстрирует, что жанровая идентичность сохраняется и при отсутствии внешней парадоксальности, за счет глубины обобщения и стилистической завершенности.

Выводы. Проведенный анализ позволяет предложить интегральное определение афоризма: афоризм – это глубокое, стремящееся к истине и полученное путем обобщения, законченное суждение конкретного автора, выраженное в предельно краткой, отточенной технике и особой художественно организованной форме.

Выделение шести взаимосвязанных параметров (краткость, глубина, обобщенность, авторство, отточенность, художественность) создает методологическую основу для дифференциации афоризма от смежных жанровых форм (пословиц, поговорок, цитат, парадоксов) и открывает перспективы для системного лингвистического описания афористики. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку типологии афоризмов с учетом межкультурной вариативности и дискурсивных практик их функционирования.

Литература

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: https://efremova.slovaronline.com/

Журнал афоризмов и биографий известных, великих и популярных людей. URL: http://www.aphorisme.ru/

Лингвистика афоризма. Хрестоматия: учебное пособие / сост. Е.Е. Иванов. Минск: Вышэйшая школа, 2018.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983.

Словарь литературоведческих терминов. URL: http://slovar.lib.ru

Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990.

Шарапов И.П. Теория афористики. М.: Московский союз литераторов, 2023.

Baias C. The Aphorism: Function and Discursive Strategy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 191. Pp. 2267-2271.

Hui A. A Theory of the Aphorism from Confucius to Twitter. Princeton: Princeton University Press, 2019.

OLD – Oxford Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com.

A. S. Melikyan *(Novorossiysk, Russia)*

Novorossiysk branch of Pyatigorsk State University

PARAMETERIZATION OF APHORISM AS A GENRE-STYLISTIC CATEGORY: LINGUOCULTURAL ASPECT

The article discusses the issue of definition and parametrization of an aphorism in modern linguistics and literary studies. Based on the analysis of Russian and English lexicographic sources, the key distinctive features of the aphoristic genre are identified: brevity, meaningful depth, generalization, authorial attribution, refined form, and artistic quality. The article substantiates the need for a comprehensive approach to defining an aphorism, taking into account both semantic-pragmatic and stylistic-compositional characteristics. The article concludes that linguistic research of aphorisms is promising within the framework of an interdisciplinary approach.

Key words: aphorism, genre parametrization, linguostylistics, author's statement, generalization, artistic form, aphoristic nature

Т. В. Милевская *(Москва, Россия)*

Российский государственный экономический университет им. Г.В. Плеханова
Milevskaya.TV@rea.ru

ОТНОШЕНИЯ ТОЖДЕСТВА В СВЯЗНОМ ТЕКСТЕ И СТРАТЕГИЯ ИЗБЫТОЧНОСТИ

В статье текстовый повтор рассматривается с позиций фундаментального логического закона тождества. Отношения тождества, устанавливаемые автором, позволяют воспринимать текст как замкнутую в себе и для себя систему. Коннекторный ряд повторяющихся элементов реализует стратегию избыточности в интересах адресата.

Ключевые слова: повтор, отношения тождества, средства связности, стратегия избыточности

Когда мы говорим о порождении текста, мы имеем в виду большое количество ментальных операций: носитель языка одновременно оперирует существующими в его сознании концептами и отношениями между ними, ситуативными (пропозиционными) сущностями, отбирая и структурируя их в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации. Именно комплекс сложных дискурсивных стратегий, таких, как точность в отборе языковых средств и их комбинации, равно как и адекватность содержания сообщения условиям коммуникации, в конечном счёте, предопределяют достижение прогнозируемого перлокутивного эффекта.

Многократно отмечено, что из «на один и тот же фрагмент базы знаний можно наложить разные стратегии и получить разные тексты» [Маккьюин 1989: 220]. Преобразование ментального содержания в текст предопределяет многообразие существующих жанров и типов речи: конситуация и контекст обусловливают авторский выбор поверхностной структуры. При формировании речевого смысла концептуальные сущности и ситуативные получают, как правило, различные коннотации, семантические приращения, обусловленные опорой на обыденные знания. По существу, мы имеем дело с выбором адекватного коммуникативной ситуации способа оформления текста. Языковые и различные неязыковые знания являются основой коммуникативной компетенции участников общения, определяющей не только оформление интенции, знания и пресуппозиции в определённой коммуникативной ситуации, но и интенциональный потенциал средств репрезентации языковой картины мира.

Но как показывают исследования, важным условием успешности коммуникации является избыточность средств выражения авторской интенции в интересах получателя сообщения, адресата. К числу таковых прагматически обусловленных избыточных средств могут быть отнесены средства когезии. Связная модель ситуации в сознании говорящего с необходимостью отражается в конструируемом тексте: проще говоря, для автора его текст априори связный. В то же время экспликация связей и отношений в порождённом тексте необходима для верной интерпретации связности авторской картины мира получателем сообщения. Хотя использование средств когезии, маркирование связности предикаций и делает конструкцию структурно сложнее, но для получателя сообщения она становится

яснее с точки зрения образования и выражения смысла. Таким образом, стратегия избыточности в использовании средств связности прагматически оправдана.

Исследователи справедливо отмечают, что «текстовая когезия на различных своих уровнях сигнализирует об интенциональности текста – о нацеленности говорящего на репрезентацию в своей речи единой (пусть и многоаспектной) ситуации (отсюда и такое свойство текста, которое в англоязычных работах по его теории очень точно называют aboutness). Соответственно, основной функцией категории когезии в тексте следует тогда признать отражение того, как референтная ситуация поэтапно репрезентируется (развертывается) в пространстве текста, направленного на репрезентацию этой ситуации» [Шидаева, Эфендиева, Хакиева 2021: 135].

В частности, стратегия трансляции связного ментального построения и удержания внимания получателя сообщения обусловливает частотность использования в коммуникации различных видов повтора. Хотя в исследованиях физических процессов отмечается, что повторное пропускание сигнала может привести к искажению восприятия (множественность путей передачи препятствует различению основного и повторного сигнала), в естественной межличностной коммуникации повтор (как лексический, словообразовательный, так и грамматический) используется весьма активно. Всё это обусловливает актуальность исследования стилистических потенций повторяющихся элементов, их смыслообразующих и прагматических функций [Герасимова 2017; Горбунова 2022; Каньшина 2016; Шидаева, Эфендиева, Хакиева 2021].

Представляется, что с позиций когнитивного подхода к организации связного текста повтор является наиболее очевидным способом смысловой организации текста, его тематического развёртывания. Фундаментальный логический закон тождества, впервые обозначенный Аристотелем («Невозможно что-либо мыслить, если не мыслят что-то одно» [Аристотель 1975: 12] и выражаемый формулой А=А применительно к стратегии порождения связного текста, реализуется, прежде всего, с опорой на повторяющиеся элементы, тождественные сами себе и для себя. С точки зрения грамматической семантики повторы, как и лексические синонимы, в роли текстовой скрепы реализуют отношения тождества (идентичности). В.Г. Гак рассматривал повторное обозначение в тексте уже обозначенного объекта как реализацию кореферентных отношений между первичным и последующими обозначениями одного и того же денотата [Гак 1998:536].

Частотность и «плотность» повторов упрощает задачи как читателя, так и автора: коннекторный ряд повторяющихся элементов позволяет поддерживать связность и целостность текста, не прибегая к иным средствам когезии. Например: «Я собрал ладонью немного снега… На крыше стоявшей рядом машины было много слежавшегося снега… Потом я наклонился и стал протирать этим снегом шею. Шея горела от волосков, которые нападали за воротник. От снега было очень приятно!»» [Гришковец 2004: 61].

Средствами связи этого сложного синтаксического целого, оформленного при помощи бессоюзной связи, являются повторяющиеся лексемы – различные падежные формы существительного «снег». В 5 предикативных единицах эта лексема используется 4 раза, что представляется стилистически избыточным. Но исключение повторяющегося элемента разрушает связность, лежащую в основе смысловой целостности этого полипредикативного объединения. В одном фрагменте текста объединяется несколько пропозиций, сравните: 1) человек набирает снег/ 2) рядом стоит машина / 3) герой протирает шею/ 4) шея горит от волосков / 5) герою становится приятно. В таком представлении этот фрагмент не выражает связной модели внеязыковой ситуации. Более того, отсутствуют показатели формальной грамматической связи предикативных единиц – нет союзной и местоименной связи, нет структурного и семантического параллелизма. К слову, связность (3) и (4) также достигается за счёт лексического повтора. Синтагматическая консолидация всего сложного синтаксического целого достигается, таким образом, за счёт рекурренции лексемы «снег» в качестве индикатора функции связывания.

Безусловно, установление отношений тождества наблюдается в текстах разных стилей и жанров. Немаловажно, что связующая функция реализуется отнюдь не только повтором отдельных лексем или единиц разных ступеней деривации. Когерентность, или глобальная связность текста, опирается на рекурренцию основных понятий текста: тождество этих элементов лежит в основе целостности текста.

В конечном счёте, отношения тождества, устанавливаемые автором, позволяют воспринимать текст как замкнутую систему. На этом уровне законы мышления наглядно согласуются со стратегиями построения текста.

Литература

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Герасимова И.С. Средства реализации когезии в региональных документах середины и конца XVIII века // Научный диалог. 2017. № 12. С. 60-73.

Горбунова М.А. Средства установления когезивных связей в англоязычном теологическом тексте // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Научный журнал. 2022. № 3. С. 62-91.

Гришковец Е. Рубашка: Роман. М.: Время, 2004.

Каньшина Н.А. Смыслообразующая и прагматическая функции рекуррентного лексико-семантического компонента в художественном дискурсе (на материале произведений французских авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2016.

Маккьюин Г. Дискурсивные стратегии для синтеза на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXXIV. Компьютерная лингвистика / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 219-225.

Шидаева Х.С.-М., Эфендиева Р.А., Хакиева З.У. Средства когезии в современном англоязычном техническом тексте (на материале текстов по нефтяному производству) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 3. С. 135-139.

T. V. Milevskaya *(Moscow, Russia)*
Plekhanov Russian University of Economics

IDENTITY RELATIONS AND REDUNDANCY STRATEGY IN COHERENT TEXT

In the article, reiteration is considered from the standpoint of the fundamental logical law of identity. The identity relations established by the author make it possible to perceive the text as a closed system in itself and for itself. The connector series of repeating elements implements a redundancy strategy in the interests of the addressee.

Key words: reiteration, identity relationships, means of cohesion, redundancy strategy

А. М. Мубаракшина, Н. Н. Фаттахова *(Казань, Россия)*
Казанский федеральный университет
blondy010888@mail.ru, n-fattakhova@mail.ru

ФУНКЦИИ КОГНИТИВНОГО СИМВОЛА В АРХИТЕКТОНИКЕ ТЕКСТА МЕДИАГОРОСКОПА

Статья посвящена исследованию функций когнитивного символа в архитектонике текста медиагороскопа как синкретичном жанре прогностического и медийного дискурсов. На материале выборки из 1500 текстов авторы систематизируют три ключевые функции символики в данном жанре. Делается вывод о том, что когнитивные символы, эволюционируя от базовых астрологических понятий к сложным знаковым комплексам, формируют ядро гороскопического текста, способствуя не только его связности и воспринимаемой достоверности, но и имплицитной передаче социально-культурных ценностей.

Ключевые слова: русский язык, прогностический дискурс, массмедийный дискурс, медиагороскоп, когнитивный символ, архитектоника текста

Анализ лингвистического наполнения текста является ключевым для понимания транслируемого им мыслительного движения, что справедливо и для такого феномена, как медиагороскоп – синкретичный жанр, возникший в результате дискурсивного сдвига астрологического знания из эзотерической прогностической системы в поле массмедиа. Данное преобразование привело к адаптации классических астрологических концептов под логику медиадискурса с его установкой на доступность, регулярность и воздействие. Языковые средства при передаче смысла медиагороскопа становятся первостепенными: концептуальная картина мира формируется до и вне языка, но лишь язык способен структурировать и транслировать ее [Колшанский 1990: 40]. Изучение гибридных медиажанров, механизмов адаптации эзотерического знания в массовой культуре представляет значительный научный интерес, что обусловливает актуальность предпринятого исследования.

Особую нагрузку в медиагороскопе несут символы, выступающие референтными центрами текста. В процессе языковой гибридизации астрологическая символика эволюционирует в когнитивные символы – устойчивые знаковые комплексы, которые аккумулируют в себе не только архетипические представления об устройстве мира, но и социально-культурные коннотации, транслируемые ме-

диасредой. Они становятся ядром, вокруг которого формируется прогностическое высказывание, обеспечивая его связность и воспринимаемую достоверность.

Основанием семантического анализа вербального символа является его полисемантичность, на которую указывает В.А. Маслова: «Слово-символ – это своего рода “банк данных”» [Маслова 2001: 97]. В свою очередь, актуализация значений когнитивного символа в контексте медиагороскопа подчиняется его функциональной направленности, а функциональный диапазон символа всегда обусловлен теоретическими и прикладными идеями текущей культурной парадигмы. На основании проанализированного эмпирического материала, представляющего собой выборку из 1500 текстов медиагороскопов, распространяемых цифровыми источниками, мы систематизировали ключевые функции когнитивной символики в данном жанре медиадискурса.

1. Символ дает возможность компактного выражения информации.

Семантическую емкость анализируемой когнитивной структуры отмечают все без исключения исследователи, указывая на его потенциальную возможность передать явно не выраженный, латентный, имплицитный смысл высказывания: «символ не заключает в себе и не объясняет, а указывает через себя самого еще и на лежащий в стороне, непонятный, лишь смутно предполагаемый смысл…» [Юнг 1991: 51].

Символика в текстах гороскопа раскрывает познавательные сущности высокой степени абстракции. Репрезентируемые вербально образы подчеркивают личную и социальную значимость масштабных явлений. Так, например, астролог Елена Негрей в своем телеграм-канале раскрывает влияние планеты Меркурий на реализацию родовых программ: *Меркурий – не просто планета общения. Это* ***врата****, через которые родовые программы либо начинают угасать, либо начинают процветать. Важно понимать закон, по которым развивается Род, и что для этого нужно* [Астрология с Еленой Негрей]. В данном случае универсальный культурный символ *врата* служит для обозначения пограничного локуса, разделяющего мир живых и мир усопших [Кирло 2010: 103], что включает в себя бесконечное количество видовых понятий: *предки, отношения, карма, проводники* и т.д.

2. Символы создают особую эмоциональность, воздействующую на человека.

Запомнившийся образ сам по себе всегда эмоционален, он представляет собой «сгусток энергии; т.е. его действительная значимость непропорционально больше, чем на первый взгляд его тривиальное значение, выражаемое его формой как таковой» [Сепир 1993: 205], в связи с чем выделяется такое свойство символа, как «энергийность» (Г.И. Берестнев).

Нами отмечено, что значительную эмоциональность создают те когнитивные символы, в семантике которых заложена негативная коннотация: *Внешне спокойно, внутри бушует* ***вулкан*** *–* ***гнев****, направленный вовнутрь и не имеющий взрослого выхода: капризы, нервные всплески и выплески, повышенная раздражительность, трусость, удары исподтишка, агрессивность в отношении семьи и близких* [Planeta Zemlya].

Драматизм содержания медиапрогноза усиливает контраст между внешними проявлениями и внутренними (*спокойно – бушует*). Вулкан символизирует подавленные негативные эмоции, которые могут прорваться в любой момент. Экспликация концептуального содержания *гнева* реализуется через художественный прием градации: *капризы, всплески, раздражительность, удары, агрессивность*. В языковом плане это делает абстрактное чувство зримым и осязаемым: эстетико-эмоциональная функция когнитивного символа зиждется на понимании его как конечного результата взаимодействия двух основ человеческой деятельности – состояний «ощущения и мышления» [Шиллер 1937: 1-57].

3. Символы способствуют запоминанию и ретрансляции гороскопических текстов.

Наименование знаков зодиака Н. Рубцов относит к символам-знакам высокой степени конвенциональности [Рубцов 1991: 41]. Если учесть, что человеку свойственно проецировать собственные характеристики на внешнее окружение с целью его познания, то имеет место быть и обратный процесс: человек проецирует «концептуальный портрет» внешней среды на категоризацию личностных характеристик носителей, например, зооморфных знаков зодиака восточного гороскопа. При этом природные характеристики выступают исходным лекалом, от которого допустимы отклонения: *Люди, родившиеся в год* ***Собаки*** *по Китайскому гороскопу,* ***честны*** *и бескомпромиссны: несправедливости, происходящие вокруг, не могут оставить их равнодушными. Они всегда* ***готовы встать на защиту*** *слабого, что приносит им в жизни не только немало конфликтов и неудобств, но и* ***заслуженное уважение и любовь окружающих*** [Собака – китайский гороскоп].

Символический образ Собаки в гороскопе не просто описывает характер, но и формирует культурно-социальный идеал. Запоминание указанных характеристик знака обусловлено тем, что *собака* – это готовый моральный ориентир, встроенный в культурный контекст. Яркий и понятный символ вместо сложной натальной карты в значительной степени мотивирует реципиента бессознательно соответствовать описанию.

Для человека, родившегося в год ***Обезьяны*** *по Китайскому гороскопу, вся жизнь – это большая* ***игра****. Он* ***ловок, сообразителен*** *и* ***быстр****, и* ***играет*** *только по своим правилам. Со стороны он может выглядеть* ***несерьезно*** *и даже* ***забавно****, однако за безобидной внешностью скрывается* ***наблюдательность*** *и острый,* ***изворотливый ум*** [Обезьяна – китайский гороскоп]. Популярность подобного гороскопа обусловлена возможностью оправдать носителями данного знака свою неконвенциональность за счет семантической трансформации общепринятых недостатков в контекстуальные достоинства (легкомыслие → креативность). Очевидно, что символы совершают постоянную ротацию из психики и сознания в социальную реальность, в том числе воплощенную, и обратно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что когнитивные символы играют фундаментальную роль в архитектонике текста медиаго-

роскопа, выступая ключевым механизмом адаптации астрологического знания к логике медиадискурса. Выделенные функции –компактное выражение абстрактной информации, генерация эмоционального воздействия и обеспечение запоминаемости и ретрансляции –демонстрируют, что символика является ядром реккурентности, структурирующим прогностическое высказывание и наделяющим его связностью и перлокутивной силой. Символический язык медиагороскопа делает его также значимым явлением в аспекте русской лингвокультуры, поскольку, трансформируясь в гибридные знаковые комплексы, символы аккумулируют не только архетипические, но и актуальные социально-культурные коннотации, становясь проводником культурного кода. Как результат, медиагороскоп, опираясь на образно-символический слой, выполняет не только развлекательную или прогностическую функцию, но и участвует в сохранении и трансляции русской культурной матрицы, интегрируя ее компоненты в повседневный медийный контекст.

Литература

Астрология с Еленой Негрей. URL: t.me/astropeople

Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.

Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления. М.: Наука, 1991.

Обезьяна – китайский гороскоп. URL: https://goroskop365.ru/china/obezyana/

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А.Е. Кибрика. Москва: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993.

Собака – китайский гороскоп. URL: https://goroskop365.ru/china/sobaka/

Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

Planeta Zemlya: URL: t.me/planetazemlyaastro/1047

A. M. Mubarakshina, N. N. Fattakhova *(Kazan, Russia)*

Kazan Federal University

FUNCTIONS OF A COGNITIVE SYMBOL IN THE TEXT ARCHITECTONICS OF THE MEDIA HOROSCOPE

The article is devoted to the study of the functions of the cognitive symbol in the architectonics of the text of the media horoscope as a syncretic genre of prognostic and media discourses. Based on a sample of 1500 texts, the authors identify and systematize three key functions of symbolism in this genre. It is concluded that cognitive symbols, evolving from basic astrological concepts to complex sign complexes, form the core of a horoscopic text, contributing not only to its coherence and perceived authenticity, but also to the implicit transmission of socio-cultural values.

Key words: Russian language, prognostic discourse, mass media discourse, media horoscope, cognitive symbol, and text architecture

О. И. Натхо *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
onatkho@mail.ru

ПОЧЕМУ «ВЕК ЖИВИ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «ВЕК ФОРСИ»: ЦЕЛИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В статье исследуется использование трансформированных пословиц и крылатых фраз в заголовках англоязычной прессы, анализируются цели этого приёма: привлечение внимания через когнитивный диссонанс, сатира, упрощение сложных тем и усиление вовлечённости аудитории; языковая игра представлена как эффективный инструмент современной журналистики для диалога с интеллектуальным читателем.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, трансформация, СМИ, сатира, мемы

«A plague on all your houses» – такой интересный заголовок, напоминающий Шекспира, об увеличении стоимости на недвижимость мы видим в газете the Guardian. Или вот еще: «To spin or not to spin» – статья в The Economist о манипулировании информацией в политической сфере и продвижении кандидатов на важные должности; и вот уже начинает складываться картинка: да, Шекспир, но не традиционный, классический, а другой, более современный, актуальный и, скажем, «в тренде». Не он один оказался в фокусе внимания передовиц, но и всем известные, укоренившиеся в сознании народов общепринятые пословицы и поговорки. Например: «A byte in the hand is worth two in the cloud» в газете The New York Times представляет собой заголовок статьи о местах хранения цифровой информации.

Эти измененные, в какой-то степени, искаженные выражения не являются ошибочными, а, напротив, намеренными, представляющими собой изящное, но весьма мощное оружие современной прессы, ставшее ее «визитной карточкой», нацеленной на и привлекающей интеллектуалов, задействовав иронию и сатиру, крючком создавая молниеносную связь с ними. Заменяя даже одно слово в известной пословице, поговорке или крылатой фразе, журналисты не просто грациозно играют и манипулируют словами, а ставят перед собой реальную и конкретную цель с достижимым результатом: привлечь внимание своих читателей в сложный и противоречивый век клипового мышления и информационной перегруженности. Данная статья представляет собой попытку разобраться и понять, каким образом, какими приемами и с какими целями средства массовой информации достигают поставленные задачи.

Во-первых, провокационный заголовок, выполняющий сейчас функции кликбейта, по сути своей, являющийся тизером, привлекает и удерживает внимание читателя в информационном потоке [Ван 2025: 148], потому что измененная, но знакомая пословица, поговорка или устойчивое словосочетание создает в сознании некий когнитивный диссонанс из-за ее текущего временного видоизменения, что автоматически приводит к попытке самого читателя обратиться к ее оригинальному прочтению (вернемся с нашим вышеприведенным примерам «Быть или не быть» и «Одна голова хорошо, а две лучше»), что, в свою очередь, приводит к

попытке остановиться, понять, вникнуть в суть излагаемого и даже получить интеллектуальное удовольствие от понимания новых смыслов. В современном цифровом мире, где click-through rate (CTR), он же рейтинг кликабельности, другими словами, массовой популярности, ставится во главу угла, заставить читателя задержать свое внимание даже на несколько секунд дорогого стоит. При этом привлекающая внимание фраза является не сенсационной или «желтой» как, например, «Shocking truth behind the royal divorce!», а интеллектуальной игрой клуба знатоков, где информация под заголовком «Too many coders spoil the app» о слишком большой команде разработчиков программного обеспечения сработает намного лучше и интереснее, чем сухие аналитические данные.

Во-вторых, любая пословица является средоточием культурного опыта нации, ее вековой мудростью, выраженной в нескольких словах и фразах, и, действительно, во многих заголовках англоязычной прессы встречаются именно такие пословицы, которые весьма точны, кратки и лаконичны. При этом у них очень высокая степень абстракции, но сравнительно доступная для понимания широким кругом читателей образность. К примеру, пословица «An apple a day keeps the doctor away» («Одно яблоко на ужин, и врач не нужен») трансформирована в «A good WiFi connection keeps your boredom at bay» в заголовке статьи об использовании интернет-технологий в области развлечений, моментально создавая определенный контекст и наделяя заглавие глубиной смысла и многомерностью, экономя газетное пространство и время читателя, то есть интересная и глубокая тема укладывается в лаконичную и доступную для понимания «упаковку».

В-третьих, журналисты, являясь людьми образованными, умными, интеллектуально развитыми, часто пользуются своим излюбленным оружием острой политической, экономической, социальной сатиры. Прекрасными примерами здесь являются следующие заголовки: «All is fair in love and trade wars» («В любви и в торговых войнах все средства хороши») вместо «All is fair in love and war» в статье о жесткой конкурентной борьбе корпораций на мировом рынке; или «One man's terrorist is another man's freedom fighter» (Что для одного – террорист, то для другого – борец за свободу») вместо «One man's meat is another man's poison» о разных взглядах противоборствующих партий или группировок и даже стран на одну и ту же ситуацию, демонстрирующих политику двойных стандартов. Очевиден тот факт, что, намеренно искажая народную мудрость, создается мощнейшая сатира, глубокая ирония, демонстрирующая весьма критическое отношение авторов, имеющее своей целью высмеять двуличие, лицемерие, обнажить искажение реальной действительности в угоду интересам вовлеченных сторон. Подобной участи не избежали и ставшие популярными высказывания известных личностей, лидеров партий и стран. Известная фраза президента США Дональда Трампа «Make America great again» превратилась в «Make America grate again» («Превратим Америку в тюрьму» («grate» значит «решетка», но устаревшее значение этого слова «тюрьма»), правда, не в заголовке статьи, а в короткометражном фильме об ужесточении контроля и ограничении свобод в Соединенных Штатах, где автором демонстрируются ложь и лицемерие персонажа, в котором без труда узнается президент страны.

В-четвертых, в сложном современном обществе, где многие темы, когда-то специфические и сугубо профессиональные, обсуждаются на всех полосах газет и журналов, где на читателя обрушиваются информация и терминология из сферы финансов, информационных, биологических, технических и квантовых технологий, медицины и проч., пословица, поговорка или крылатая фраза, пусть даже трансформированная, представляет собой тот ключ к пониманию сложной обсуждаемой темы, упрощая и гуманизируя ее, который с легкостью превратит трудное в простое. Говоря о гуманизировании информации, нами здесь представляется не превращение созданного искусственным интеллектом текста в человекоподобный, то есть написанный человеком, а попытка авторов публицистических материалов помочь читателю понять смысл специфических областей, о которых он читает, быть снисходительными к пробелам в его знаниях о сложных материях [Натхо 2017: 105-106]. К примеру, статья о криптовалютах, объединяющая в себе финансовую сферу с цифровой, достаточно сложными для восприятия неподготовленным реципиентом, становится гораздо проще для понимания, если ее заголовок предстанет в виде измененной пословицы «Do not put all your eggs into one basket» («Не складывай все яйца в одну корзину») в «Do not put all your bitcoins in one wallet» («Не складывай все биткоины в один кошелек»). Такой прием помогает превратить профессионально насыщенное содержание в доступное для неэкспертов, убрав перед ним страх непонимания.

Безусловными положительными сторонами переработки пословиц и поговорок для самих средств массовой информации являются следующие соображения. С одной стороны, элегантность в умелом манипулировании устойчивыми, всем знакомыми и понятными языковыми формами, а также зачатую присущие этой манипуляции ирония, сатира и даже сарказм способствуют закреплению за изданием имиджа остроумного, но прежде всего интеллектуального, аналитического и глубоко мыслящего органа печати, тем самым способствуя узнаваемости и укрепляя его бренд. Каким прекрасным по сочетанию драмы и иронии стал заголовок издания The Economist «When the going gets tough, the tough go shopping» («В тяжелые времена только сильные ходят за покупками») с измененной оригинальной английской пословицей «When the going gets tough, the tough get going» («В тяжелые времена только сильные идут вперед»), одновременно высмеивая и масштабнейший мировой экономический кризис 2008–2009 гг., и тяжелое положение основной массы людей, и, безусловно, условия жизни обособленного мира элиты.

С другой стороны, умелые уловки и игры со словами в пословицах способствуют живому обсуждению материала статей среди читателей, их включению в эту игру с дискуссиями об уместности каламбуров, цитированию, обсуждению, что влечет за собой очень важное в современном мире увеличение количества разноплановых отзывов, комментариев, репостов, тем самым повышая вовлеченность аудитории в данный контент и другие материалы конкретного органа СМИ. Классическим примером подобного обсуждения считается заголовок «The Rolling Stone gathers Moss» («Перекати-поле обрастает Мхом»), взяв за основу «A rolling stone gathers no moss» («Под лежачий камень вода не течет») и представив публи-

ке для обсуждения тему романтических отношений двух британских медийных личностей из щоу-бизнеса и высокой моды.

Еще одним неоспоримым вкладом в обеспечение популярности конкретного органа СМИ становится вирусность контента или его меметизанция, т.е. превращение информации в очень популярную, мгновенно широко распространяющуюся, легко имитируемую единицу культуры современного общества, как, например, существующий на текущий момент мем об эффекте Долиной в российском обществе [Петров, Жигарина 2025: 171-172]. Поэтому, если очень удачная трансформация пословицы, поговорки или крылатой фразы может обладать качеством афоризма, у которого есть все признаки мема, она лаконична, умна, содержательна, креативна, то перед ней открывается своя жизнь в социальных сетях и мессенджерах, тем самым способствуя продвижению и самой статьи и издательства. Заголовок о деятельности Илона Маска «Rocket wise, Twitter foolish» («Ракету построил, да Твиттер погубил»), произошедший от пословицы «Penny wise, pound foolish» («Не жалей алтына, а то отдашь полтину»), как раз демонстрирует такую способность.

Таким образом, трансформация пословицы или поговорки в современной прессе может быть и дискурсным крючком для привлечения широких слоев аудитории, и подтверждением ее пластичности и приспособляемости к современным реалиям и новостным повесткам, и языковой реверберацией классической народной мудрости, целью которой является попытка автора компактно и лаконично, при этом изящно и грациозно, выразить глубокие смыслы насущных реалий в интеллектуальной игре с читателем, затрагивая его культурный код, демонстрируя жизнь и эволюцию языка, выразить свое критическое отношение к ним, но главным образом актуализировать, а не разрушить традиционный жизненный опыт.

Литература

Ван Яо. Особенности трансформации пословиц и поговорок в современных СМИ // Современный ученый. 2025. № 6. С. 144-149.

Натхо О.И. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017.

Петров Н.В., Жигарина Е.Е. Пословицы, мемы и эпистемология. Интервью с паремиологом // Фольклор и антропология города. 2025. Т.7, № 4. С. 162-204.

The Economist. 2010. URL: https://www.economist.com/

The New York Times. 2006. URL: https://www.nytimes.com/

O. I. Natkho *(Pyatgorsk, Russia)*

Pyatigorsk State University

WHY “LIVE AND LEARN” IS BECOMING “LIVE AND FORCE”: THE GOALS AND EFFECTIVENESS OF PROVERB TRANSFORMATION IN CONTEMPORARY ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

The article examines the use of partially changed proverbs and catchphrases in the headlines of the English-language press, analyzing this technique’s goals: attracting attention through cognitive dissonance, satire, simplification of complex topics and enhancing audience engagement. Language play is presented as an effective tool of modern journalism for a dialogue with the intelligent reader.

Key words: proverbs, sayings, transformation, media, satire, memes

Ю. А. Ненашева *(Челябинск, Россия)*

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПРОСОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Временное предпочтение – один из ведущих факторов принятия решений в речепроизводстве/речевосприятии, проявляющийся в дискурсивной реализации высказываний, неполная синтаксическая структура которых представлена предложным словосочетанием, характеризующихся собственной просодической организацией, демонстрирующей относительную фиксированность, широкую узнаваемость и специфические дискурсивные функции.

Ключевые слова: временное предпочтение, принятие решений, просодия, предложные словосочетания, повелительные высказывания

Поскольку в дискурсивной деятельности происходит кодирование результатов когнитивной деятельности говорящего [Болдырев 2019; Кибрик, Подлесская 2009], определенные дискурсивные условия способствуют возникновению устойчивых конструкций, характеризуемых единством и относительной фиксированностью фонологической, грамматической и лексической структур и обладающих особыми функциями в этих дискурсивных контекстах [Wray 2002: 89, 96-97; Lin 2018: 16]. Возникновение таких конструкций является результатом принятия решений, в том числе временного предпочтения, при котором человек предпочитает получить быстрый предсказуемый результат своей практической деятельности, выступающий одним из значимых факторов выбора той или иной модели просодической организации высказывания [Blain et al. 2025].

Модели просодической организации высказываний, неполная синтаксическая структура которых представлена предложным словосочетанием, формируются в результате сложного взаимодействия «комбинирующих и конструирующих механизмов языка и в своей основе опираются на результаты концептуализации и языковой категоризации описываемых ситуаций (референтных сцен)» [Колесов 2023: 103; Aijmer 2014]: тематическая часть полной синтаксической структуры подвергается десемантизации, грамматикализации и последующему усечению: V+Prep+N, в которой смысловой глагол подвергается усечению, но легко восстанавливается с помощью контекста [Quirk et al. 1985: 842-843; Leech, Svartvik 2003: 99, 128].; Vieira, Wiedemer 2019]. Такое решение представляется наиболее простым и эффективным: временное предпочтение отражается в использовании более короткого варианта высказывания, который, в соответствии с ожиданием говорящего, выполнит ту же функцию, что и высказывание с полной синтаксической структурой. А.А. Кибрик, В.И. Подлесская отмечают, что неканонические ЭДЕ в виде нефинитных глагольных клауз в дискурсе встречаются реже, чем канонические и образуются «при особых когнитивных обстоятельствах» [Кибрик, Подлесская 2009: 57, 61, 63]. Они называют такие ЭДЕ «малыми» и отмечают, что малые неканонические ЭДЕ «представляют собой случаи расхождения между семантико-синтаксическим и просодическим аспектами локальной структуры дискурса» [Там же: 62-64], где просодически ЭДЕ характеризуется «как одна произносительная

конфигурация с точки зрения единого контура частоты основного тона, наличия основного акцентного центра, темпового паттерна (ускорение в начале — замедление в конце), громкостного паттерна (затухание к концу) и наличия пограничных пауз по краям» [Там же: 55].

Специфика предлогов, образующих предложные словосочетания, также определяет использование просодических средств. Существует ряд когнитивных и прагматических предпосылок, определяющих способность предложных словосочетаний с первообразными и непервообразными предлогами формировать самостоятельные высказывания с собственной просодической организацией:

– Когнитивные – первообразные предлоги реализуют базовые, легко определяемые пространственно-временные значения, что объясняет более высокую частотность предложных словосочетаний с первообразными предлогами в общей номенклатуре неполных высказываний. Непервообразные предлоги выражают отношение необходимого информативного восполнения гораздо более точно и дифференцированно.

– Прагматические – повелительные высказывания с неполными синтаксическими конструкциями, представленными предложными словосочетаниями с первообразными предлогами, чаще всего функционируют в разговорном речевом стиле (неформальной обстановке), характеризующемся ограниченностью во времени, наличием выраженной, в том числе неспецифически выраженной, эмотивности/экспрессивности. высказывания. Непервообразные предлоги часто также являются составными, характерными для формальных речевых стилей, что делает вероятность их использования достаточно низкой в разговорной речи [Шведова 1980: 706].

Несмотря на то, что первообразные предлоги (out, in, off, back) относятся к закрытой группе простейших слов и многозначны [Шведова 1980: 706], в отличие от непервообразных предлогов, вторые достаточно редко формируют неполные синтаксические конструкции, выполняющие функцию повелительного высказывания в дискурсе, несмотря на ограниченную синтаксическую сочетаемость и однозначность. Это могло бы показаться парадоксальным: говорящие должны бы были отдавать предпочтение конструкциям, характеризуемым однозначностью. Однако когнитивные предпосылки распределения ресурсов внимания и памяти способствуют применению временного предпочтения:

– однозначность препятствует возможности быстрой корректировки в дискурсивной деятельности – необходимость изменения значения, передаваемого высказыванием, потребует изменения всей структуры высказывания, а не одного из элементов;

– ограниченная синтаксическая сочетаемость и однозначность неэффективны в дискурсивной деятельности – искажение даже одного из элементов способно помешать правильной идентификации и интерпретации всей структуры, поскольку все элементы структуры жестко связаны между собой формальными и содержательными характеристиками;

– сокоммуниканты вынуждены оперировать большими количествами единиц для выражения ограниченного (меньшего) объема значений.

Проведенное исследование показало, что повелительные высказывания, неполная структура которых представлена предложным словосочетанием, характеризируются сочетанием синтаксических и просодических конструкций с определенными показателями частотности:

– словосочетания с предлогом out – 18%, среди этих словосочетаний группа out of the way встречается в 60% структур, out with – в 26% структур;

– словосочетания с предлогом in – 18%;

– словосочетания с предлогами to/up/on/through встречаются в 16%;

– словосочетания с предлогами down/here/after/ beside и др. встречаются в 14%;

– словосочетания с предлогом over – 14%;

– словосочетания с предлогом off – 13%, среди этих словосочетаний группа off with встречаются в 50% структур;

– словосочетания с предлогом back встречаются в 7%.

Преобладающая просодическая модель в этих высказываниях: H* L L%, L* L L%, H+L* L L% с диапазоном тонального движения 1-10 пт. Данная просодическая модель отражает основную коммуникативную функцию повелительного высказывания – побуждение-приказ [Pierrehumbert 1990; Jary, Kissine 2014]. В случае, если повелительное высказывание выражает побуждение-просьбу, говорящие используют иную просодическую модель: H* L H%, H* L H%, H + L* L H %. При наличии дополнительного элемента в синтаксической структуре высказывания (вокатив, подлежащее, усилительная частица do) в зависимости от положения этой единицы просодическая модель демонстрирует следующие варианты: 1) если дополнительный элемент локализован в начале/конце интонационной группы, он чаще всего реализуется движениями H* или L* в соответствии со тональными движениями смежных слогов; 2) если дополнительный элемент находится в середине интонационной группы, он реализуется отрезком L + H*, диапазон которого носит выраженный характер >4 пт.

Таким образом, говорящие используют временное предпочтение как ведущий фактор принятия решения при отборе высказываний с необходимыми структурными характеристиками. Дополнительным свидетельством использования временного предпочтения как фактора принятия решения служит тот факт, что единственные непервообразные предлоги, способные формировать неполные синтаксические конструкции, функционирующие в дискурсе как повелительные высказывания, представляют наречные составные предлоги типа out with, off with, содержательная характеристика которых состоит в выражении определительных (обстоятельственных) отношения, соответствующие лексическим значениям тех наречий, с которыми они соотносятся; кроме того, данные предлоги характеризуются краткой формой, что способствует запоминанию и соответствует принципу экономии речевых усилий.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Колесов И.Ю. Английские рекуррентные структуры как грамматические конструкции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 99-112.

Шведова Н.Ю. Предлоги // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 706-712. Т. 1.

Aijmer K. Conversational Routines in English. London; New York, NY: Routledge, 2014.

Blain B., Globig L., Sharot T., Adapting temporal preference to scarcity: A role for emotion? // Journal of Risk and Uncertainty. 2025. № 71. Pp. 93-109.

Jary M., Kissine R.M. Imperatives. Cambridge: CUP, 2014.

Leech G.A., Svartvik J. Communicative Grammar of English. London: Pearson Education, 2003.

Lin Phoebe M.S. The Prosody of Formulaic Sequences. A Corpus and Discourse Approach. London; New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018.

Pierrehumbert J.B. The phonology and phonetics of English intonation. Bloomington (Indiana): Linguistics Club of Indiana University, 1990.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language (2nd ed.). London: Pearson Longman, 1985.

Vieira M.M., Wiedemer M.L. Variationist Sociolinguistics and Construction Grammar: The Challenges and the Prospects of Compatibilization // Dimensões e experiências em Sociolinguística. São Paulo: Blucher, 2019. Pp. 21-28.

Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: CUP, 2002.

Iu. A. Nenasheva *(Chelyabinsk, Russia)*

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

DECISION-MAKING IN SPEECH PROSODY

Temporal discounting is one of the leading factors in decision making in discourse. It is actualized in using imperatives with incomplete syntactic structure (preposition phrases). These imperatives demonstrate specific prosodic structure characterized by relative stability, wide recognition and discourse functions.

Key words: temporal discounting, decision making, prosody, prepositional phrases, imperative

О. Н. Павлюк *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет
olnpavlyuk@gmail.com

КУМУЛЯЦИЯ И СИНЕРГИЯ В ПРЕПОЗИТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С СЕМАНТИКОЙ ЦВЕТА

В статье рассматривается организация препозитивных атрибутивных словосочетаний с семантикой «цвет» в англоязычном поэтическом дискурсе для детей и взрослых. С опорой на понятия кумуляции и синергии анализируются стабильность и вариативность позиции атрибута, обозначающего цвет. Делается вывод о том, что стабильное терминальное положение характеристики «цвет» отражает его объективный статус, а исключения являются результатом синергетического блендинга и служат для создания сложных поэтических образов.

Ключевые слова: кумуляция, синергия, атрибутивное словосочетание, поэтический дискурс, когнитивная лингвистика, семантика цвета, порядок прилагательных

Введение. Проблема порядка следования атрибутов в препозитивных многокомпонентных конструкциях, несмотря на наличие нормативных предписаний, известных как Royal Order of Adjectives, сохраняет актуальность в когнитивной лингвистике. Жесткая структурированность и необратимость дистрибуции компонентов-атрибутов требуют объяснения, выходящего за рамки формально-грамматических правил. Настоящая работа предлагает рассмотреть данный феномен сквозь призму кумуляции как лингвокогнитивного механизма, обеспечивающего синергетическое развитие атрибутивных структур. В статье кумуляция трактуется как «способ упорядочивания мира через выстраивание признаков-определений в атрибутивную цепочку» [Павлюк 2022: 354], что является грамматической основой для возникновения синергетического понятийного образа, или бленда [Кубрякова 2004]. Цель исследования – на примере атрибутов с семантикой «цвет» в англоязычном поэтическом дискурсе выявить, как кумулятивный механизм реализуется в текстах для детской и взрослой читательских аудиторий. Материалом послужил корпус из 3301 препозитивного атрибутивного словосочетания, из которого для анализа были выбраны 211 структур с атрибутом с семантикой «цвет».

Методология и методы. Материал исследования. В качестве материала исследования использовались поэтические тексты как наиболее полно представляющие британскую лингвокультуру, вышедшие в серии The Nation's Favourite: «Children's Poems» (2006) и «Poems» (2009).

В основе исследования лежит гипотеза о том, что порядок атрибутов в препозиции отражает последовательность приращения экстралингвистического опыта в ходе онтогенетического развития личности [Givón 1979]. Кумуляция понимается как фундаментальный механизм синкретического мышления, организующий признаки наблюдаемого объекта в линейную последовательность. Такая последовательность не является механическим сложением смыслов; она порождает качественно новое наименование, где за различными аспектами восприятия объекта резервируются определенные позиции. Интерпретация атрибутивного словосочетания как результата синергии, возникающей на базе кумуляции, позволяет объяснить как стабильность грамматической системы, так и ее гибкость в рамках определенных дискурсивных стратегий. Поэтический дискурс, адресованный детям, рассматривается как источник базовых языковых моделей, в то время как дискурс для взрослых предоставляет материал для изучения более сложных когнитивных операций, а сравнительный анализ этих дискурсов дает возможность проследить развитие кумулятивного механизма.

Основные результаты исследования. Анализ материала показал, что атрибуты с семантикой «цвет» являются значимым компонентом препозитивных словосочетаний. Из 211 отобранных словосочетаний: 67 (32%) встречаются в поэзии для детей, 144 (68%) – для взрослых читателей.

В детском поэтическом дискурсе найдено 67 конструкций с обозначением 17 различных цветов. Из них 35 словосочетаний (52%) содержат один атрибут; наиболее частотны определения *silver* (5), *black* (4), *yellow* (4). В 29 словосочетаниях с двумя атрибутами (42% от общего числа) чаще всего встречаются *green* (10) и *red* (6). Выделено также 3 словосочетания с тремя атрибутами (6%). Характерно, что в конструкциях с двумя атрибутами определение с семантикой цвета почти всегда занимает вторую позицию, примыкая к определяемому слову (*slushy* ***green*** *undergrowth*). В конструкциях с тремя атрибутами цветообозначение также располагается в терминальной, третьей, позиции (*some little* ***white*** *house*). Данное положение соответствует месту, отводимому цвету (colour) в традиционных иерархиях, например, в Royal Order of Adjectives, где он классифицируется как объективный физический признак, тесно связанный с объектом [Langacker 2008]. Такая позиция отражает базовый когнитивный принцип: от общего и оценочного к частному и объективному.

Во взрослом поэтическом дискурсе было проанализировано 144 конструкции, колористическая палитра которых несколько шире и включает 21 цвет. Отобрано 96 словосочетаний с одним атрибутом (67%), среди определений наиболее часто встречаются *white* (17), *red* (11) и *silver* (10). В 38 конструкциях с двумя атрибутами (26%) наиболее частотны *white* (6), *blue* (6) и *red* (5). В 10 словосочетаниях с тремя атрибутами (7%) повторяется только *black* (3). Подобно детскому дискурсу, атрибут с семантикой цвета в подавляющем большинстве случаев занимает позицию, ближайшую к существительному: вторую в трехкомпонентных словосочетаниях (*four* ***grey*** *towers*) и третью – в четырехкомпонентных (*that horrid* ***black*** *hole*), что вновь подтверждает его статус как неотъемлемого, постоянного признака предмета [Croft 2001].

В поэтических произведениях, ориентированных на взрослого читателя, обнаруживаются интересные исключения. В ряде структур прилагательные *blue, white* и *dark* занимают первую позицию из двух определений (***blue*** *bitter smoke,* ***white*** *flannel trousers,* ***dark*** *broad seas*). Эти случаи нельзя трактовать как нарушение грамматической нормы. С точки зрения предлагаемой методологии они являются ярким примером синергии, возникающей в результате кумуляции. Здесь происходит не простое суммирование признаков, а их концептуальное слияние (блендинг). Например, в словосочетании *blue bitter smoke* атрибут *blue* перемещается на первое место (позицию оценочного признака), вступая в синестетическую связь с *bitter*. Цвет перестает быть просто физической характеристикой дыма и становится частью сложного, эмоционально-оценочного образа горечи и холода, что позволяет автору создать многомерный поэтический образ.

Обсуждение. Выводы. Проведенный анализ подтверждает, что позиция определения с семантикой «цвет» в препозитивных атрибутивных конструкциях в

англоязычном поэтическом дискурсе в высокой степени стабильна. Как в детском, так и во взрослом поэтическом дискурсе цвет тяготеет к терминальному положению в атрибутивной цепи, находясь в непосредственной близости к определяемому слову, что, в целом, соответствует его онтологическому статусу объективного, неотделимого физического признака, а также базовым принципам когнитивной обработки информации об объекте.

Кумуляция как механизм последовательного нанизывания признаков обеспечивает грамматическую базу для описанной стабильности. Несмотря на то, что поэтический дискурс, адресованный взрослой читательской аудитории, демонстрирует синергетический потенциал этого механизма, обнаруживая исключения из общего правила, такие исключения являются не ошибками, а результатом сложной когнитивной операции – концептуального блендинга, где цвет, сливаясь с другим признаком, порождает новый, целостный и эмоционально заряженный образ описываемого объекта. Таким образом, подход, сочетающий понятия кумуляции и синергии, позволяет объяснить не только ригидность, но и креативную гибкость в организации препозитивных атрибутивных конструкций, представляя их как результат сложной лингвокогнитивной деятельности по осмыслению и кодированию человеческого опыта.

Литература

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Павлюк О.Н. Характеристика «пространство» в составе кумулятивных атрибутивных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 354-359.

Givón T. On understanding grammar. New York: Academic Press, 1979.

Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.

O. N. Pavlyuk *(Moscow, Russia)*

Moscow State Linguistic University

CUMULATION AND SYNERGY IN PREPOSITIVE ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF COLOUR

The article examines the organization of prepositive attributive constructions with the semantics of colour in English poetic discourse for children and adults. Based on the concepts of cumulation and synergy, it analyses the stability and variability of the position of the attribute denoting colour. It is then concluded that the stable terminal position of the colour reflects its objective status, while exceptions in adult poetic discourse are the result of synergetic blending and may therefore serve to create complex poetic images.

Key words: cumulation, synergy, cognitive linguistics, attributive structure, poetic discourse, colour

О. В. Палехова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
palekhova@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В БУНДЕСТАГЕ МИНИСТРОВ ЭКОНОМИКИ)

Статья посвящена интертекстуальным включениям как неотъемлемым компонентам политического дискурса. Выступления политиков – министров экономики Германии – выстраиваются с ориентацией на сложного адресата, с учетом его когнитивной системы, его лингвокультурных знаний, реализуемых посредством разных прецедентных феноменов.

Ключевые слова: интертекстуальность, политический дискурс, когнитивное пространство, прецедентные феномены, адресат

Речи политиков в парламенте Германии можно рассматривать в качестве одного из видов политического дискурса, диалогичность которого детерминирована не только тем, что адресатами политических выступлений в Бундестаге являются присутствующие члены парламента и представители средств массовой информации, но и потенциальные избиратели, которые могут следить за выступлениями представителей разных парламентских партий через СМИ или на сайте федерального правительства Германии (Bundesregierung.de). Как следствие, выступление политиков выстраивается с ориентацией на сложного, негомогенного адресата, что подразумевает не только выбор определенных лексико-грамматических структур, но отсылку к фрагментам других текстов, т.е. интертекстуальные включения. Как показывает анализ речей министров экономики, самыми частотными типами интертекста являются *цитаты* (как правило, редуцированные или трансформированные), *аллюзии*, в основе которой скрытый или явный намек на известному адресату факту, а также *прецедентные имена и ситуации*. Таким образом, *интертекстуальное пространство* политического выступления строится с учетом когнитивной системы адресата, с «лингвокультурными знаниями, закрепленными в широком спектре прецедентных феноменов» [Сегал 2019: 61], единиц вербализации фоновых знаний, участвующих в процессе кодирования и декодирования информации.

Примером прецедентного имени, апеллирующего к набору ассоциативных признаков, могут служить имена «*Дональд Трамп*» и «*Илон Маск*», используемые Робертом Хабеком в своей речи о необходимости инвестиций в образование:

(1) … macht es doch Sinn, die Superreichen, die Milliardäre der Welt, ein Stück weit für die Finanzierung dieser Bildungsaufgabe heranzuziehen. Ja, ja. Natürlich setzt eine internationale Milliardärsbesteuerung, wie von der G20 vorgeschlagen, voraus, dass wir eine internationale Einigung erzielen. Und selbstverständlich gehe ich davon aus, dass ***Donald Trump und Elon Musk*** *nicht dafür sind. Sie könnten ja auch selbst davon betroffen sein*.

При этом Хабек предлагает увеличить налоги для «супербогатых», ссылаясь при этом на G20, предложившей налогообложение миллиардеров, и признавая,

что это требует согласия всех участников «Большой двадцатки». Далее он высказывает свои опасения, что Дональд Трамп и Илон Маск будут против, поскольку это коснётся и их.

Мы считаем, что прецедентное имя «Дональд Трамп» апеллирует не столько к миллиардеру Трампу, сколько к президенту Трампу, т.е. к США как одной из важнейших стран с развитой экономикой, входящих в Большую двадцатку.

Одним из значимых для немецкого лингвокультурного социума является салиентное предложение «*Wir sind ein Land*» (мы одна страна), являющееся трансформированным прецедентным высказыванием, «аллюзией к политическому слогану, возникшему во время объединения Германии, а именно: *Wir sind ein Volk* «мы один народ». Трансформация политического слогана обусловлена тем, что сейчас речь не о восточных и западных немцах, а о всей Германии» [Палехова 2025: 194]. В одном из своих выступлений Роберт Хабек перед февральскими выборами в Бундестаг завуалированно призывает не голосовать за Олафа Шольца или Фридриха Мерца, критикуя их за отказ от климатической повестки (*Schutz des Klimas*), и используя трансформированное прецедентное высказывание «*wir sind ein Land» в «мы не можем быть страной, управляемой людьми, которые опасаются касаться проблем только лишь потому, что тогда идти против течения или будет сложно отвечать на конкретные вопросы*:

(2) ***Wir können kein Land sein****, das von Leuten regiert wird, die Sorge haben, Probleme anzufassen, nur weil dann Gegenwind kommt oder konkrete Fragen schwer zu beantworten sind.*

В качестве интертекстуальных включений в речах политиков также выступает *прецедентная ситуация*, известная широкому кругу лингвокогнитивного сообщества. Элементы прецедентной ситуации фиксируются в свернутом виде [Болдырев 2025] и актуализируются, как правило, посредством прецедентного имени или понятия. Так, например, «*49-Euro-Ticket*», введенный в 2023 г. однозначно декодируется жителями Германии не только как стимул пользоваться общественным транспортом, но и как вклад в значительное сокращение выбросов CO_2. В следующем фрагменте выступления министра экономики о мерах по защите климата содержится отсылка «*49-Euro-Ticket*»:

(3) Fangen wir mal mit dem ***49-Euro-Ticket*** *an, das schon mal eine gute Klimaschutzmaßnahme ist, weil wir damit die Attraktivität des öffentlichen Personennahverkehrs deutlich stärken…*

Следует отметить, что в выступлениях нового министра экономики Германии Катарины Райхе интертекстуальность реализуется, как правило, посредством политэкономических терминов, отсылающих к тем или иным концептам, или посредством устойчивых словосочетаний, наиболее узнаваемых для массового адресата. При этом на основе вербализованного знания данных устоявшихся в языке словосочетаний, используемых политиками в новом контексте, адресат без труда интерпретирует и декодирует их новое значение. Так, например, значение «*Vorsicht an der Bahnsteigkante*!» (будьте осторожны на краю платформы! или: Отойдите от края платформы!), относящееся к концептуально-тематической области же-

лезнодорожного транспорта и интерпретируется как *опасность (для жизни в результате падения под поезд)* проецируется на общее понятие «*предостережение об опасности*». Как следствие, в политическом контексте формируется новое, интерпретирующее значение «предостережение о потенциальной опасности для экономики». В приведенном ниже фрагменте выступления Катарины Райхе приводятся прогнозы о небольшом росте ВВП – 0,2 % в этом году и 1,3% в следующем. Предостерегая от преждевременных выводов (*Vorsicht an der Bahnsteigkante!*), что «дела идут отлично» (*alles in Butter*), министр экономики Катарина Райхе аргументирует *потенциальную опасность для экономики* тем, что этот небольшой рост происходит исключительно за счет специальных активов (*Sondervermögen*), предназначенных для инфраструктуры и смягчения последствий изменения климата, и специальных активов для обороны:

*(4) Wir erwarten in diesem Jahr ein kleines Wachstum von 0,2 Prozent des Bruttoinlandsprodukts. Im nächsten Jahr erwarten wir 1,3 Prozent und 2027 1,4 Prozent Wachstum. „**Alles in Butter**, es geht doch nach vorne, das Wachstum kommt“, könnte der eine oder andere sagen. Ich sage: **Vorsicht an der Bahnsteigkante!** – Denn die erwarteten Effekte sind momentan laut unserer Gutachter ausschließlich auf **die Sondervermögen** zurückzuführen, die Sie, meine Damen und Herren Abgeordnete, beschlossen haben: das Sondervermögen Klimaschutz und Infrastruktur und das Sondervermögen Verteidigung*.

Как уже упоминалось выше, в речах Катарины Райхе присутствует множество терминов, отсылающих к конкретной прецедентной ситуации, понятной большинству представителей немецкой лингвокультуры. При этом значение этих терминов трансформировано и проецируется на новую концептуально-тематическую область. Например, «Freiräume» (*открытые пространства, где сотрудники работают без перегородок и стен*) в контексте *(wir müssen wieder mehr Freiräume schaffen: Freiräume für Verantwortung*) проецируется на метафорически переосмысленны «открытые пространства для ответственности», т.е. открытого и ответственного взаимодействия между собой. Еще одним примером трансформированного концепта может служить словосочетание «*europäisches Teamplay*». Выражение «*Team Europe*» относится к спортивному дискурсу, используясь в качестве официального обозначения команды, представляющей Европу на международных спортивных соревнованиях. Трансформированный концепт «*европейская командная игра*» в политическом контексте «*wir können nur stark sein in Europa, wenn wir zusammenstehen*» приобретает новое значение, отсылающее к новому концепту «единая сильная Европа».

Таким образом, можно заключить, что интертекстуальное пространство политического выступления выстраивается с учетом лингвокультурных знаний адресата, апелляция к которым осуществляется посредством выступающих в качестве цитат салиентных политических высказываний и лозунгов, аллюзий, прецедентных имен и ситуаций. К интертексту можно отнести также известные и узнаваемые массовым адресатом устойчивые словосочетания, которые в политическом контексте формируют новое интерпретирующее значение.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 1. С. 5-16.

Палехова О.В. Аллюзии в Рождественских обращениях федерального президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера // Функциональная лингвистика и коммуникация: вызовы и перспективы. Минск, 17-18 октября 2025. С. 192-196.

Сегал Н.А. Категоризация мира в языке политики: на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение: дис. ... доктора филологических наук. Краснодар, 2019.

Reiche K., *Habek R.* Autorisierte Reden. 2025 URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin?f=2144556%3A2327416--992760%3A2345698&page=0

O. V. Palekhova *(St. Petersburg, Russia)*

St. Petersburg State University of Economics

THE INTERTEXTUALITY OF GERMAN POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF SPEECHES BY THE MINISTERS OF ECONOMY IN THE BUNDESTAG)

The article is devoted to intertextual inclusions as integral components of political discourse. The speeches of politicians – the German economy ministers – are oriented towards a complex addressee, taking into account their cognitive system as well as linguistic and cultural knowledge, realized through various precedent phenomena.

Key words: intertextuality, political discourse, cognitive space, precedent phenomena, addressee

М. И. Парамонова *(Санкт-Петербург, Россия)*

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

paramonova_mi@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВЕРТЫВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ТИТУЛЬНОМ ФОТОКОМПЛЕКСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена специфике представления фактуальной и концептуальной информации в титульных фотокомплексах новостных сообщений британских СМИ. Автор анализирует особенности реализации стратегий развертывания и интерпретации информации в фотокомплексе, обусловленные характером взаимодействия его изобразительной и вербальной составляющих, а также смысловыми отношениями между комплексом и текстом.

Ключевые слова: новостной текст, титульный фотокомплекс, изображение, комментарий, стратегия развертывания информации, стратегия интерпретации информации

Массмедийный дискурс постоянно находится в фокусе внимания лингвистов, что объясняется ключевой ролью современных СМИ в информировании общества о текущих событиях и формировании общественного сознания. Материалы, публикуемые в средствах массовой информации, создают медийную картину мира, которая в рамках когнитивного подхода трактуется как ментальная модель дей-

ствительности, возникающая в сознании адресата в результате воздействия данных материалов на когнитивные структуры знания и определяющая дискурсивные стратегии представления информации, свойственные тому или иному типу медиатекста [Баженова 2014]. О.С. Иссерс определяет подобные стратегии как основные, или когнитивные, поскольку они нацелены на оказание воздействия на модель мира, систему ценностей и поведение адресата [Иссерс 2008].

В настоящее время большую часть медийных материалов составляют новостные тексты. Процесс подачи информации в новостном тексте представлен специфической ментальной моделью, важными компонентами которой являются стратегии сообщения фактуальной и концептуальной информации [Баженова 2014]. При этом на фоне активной креолизации массмедийных материалов, современным новостным текстам характерна более высокая степень интеграции невербальных модусов смыслопорождения, которые, взаимодействуя со словесным модусом сообщения, предоставляют возможность полимодального восприятия информации, участвуют в создании концептуальных смыслов в сознании адресата, придают особую информационную емкость сообщению [Ахренова, Зарипов 2023].

В данной статье рассматривается реализация дискурсивных стратегий развертывания информации и ее интерпретации как основных способов представления фактуальной и концептуальной информации в титульном фотокомплексе новостного текста, который включает титульное изображение и комментарий и является важным компонентом заголовочного комплекса текста. Материалом исследования послужили фотокомплексы новостных статей веб-версии газеты *The Guardian*, опубликованных на сайте www.guardian.co.uk в период с 15.09.2025 по 10.01.2026.

Вышеупомянутые стратегии реализуются в мультимодальном компоненте новостного сообщения в процессе взаимодействия его изобразительной и вербальной составляющих, а также благодаря особым смысловым связям фотокомплекса или его частей с отдельными компонентами текста.

В результате анализа материала установлено, что механизм реализации дискурсивной стратегии развертывания содержания в фотокомплексе связан с характером семантических отношений между изображением и комментарием / текстом. Опираясь на классификацию, предложенную И.В. Вашуниной, согласно которой между вербальным и иконическим компонентами могут наблюдаться равнозначные отношения, отношения подчинения, перекрещивания и противоречия [Вашунина 2009], можно выделить следующие способы информационного развертывания:

– Тактика редукции, когда титульное изображение используется для визуализации отдельных элементов содержания заголовка текста, а также для визуального отображения топика текста, вербализованного в названии рубрики (отношения подчинения между изобразительным и вербальными компонентами), как в следующем примере: изображение на рис. 1 представляет ключевую информационную составляющую заголовка *What will happen when the £100 contactless card limit is scrapped?* статьи о предстоящей отмене ограничений на бесконтактные платежи, выраженную словосочетанием *contactless card*, а также визуализирует топик текста (рубрика *contactless payments*). Следует отметить, что изображения данного

типа, визуализирующие основные компоненты тематической области новостного сообщения, наиболее распространены.

– Тактика иллюстрирования содержания текста, которая реализуется за счет включения в новостной материал фотокомплекса, отображающего определенный фрагмент текста (равнозначные отношения между изображением, комментарием и текстом). Так, в фотокомплексе материала, посвященного инициативе южнокорейского президента по включению лечения от облысения в перечень медицинских услуг, покрываемых государственной страховкой, с которой он выступил на одном из заседаний правительства, фотография (рис. 2) и поясняющий комментарий *South Korea's President is considering extending public health insurance to cover hair-loss treatments* фиксируют один из моментов выступления президента, описанный в статье.

– Тактика детализации отдельных фрагментов содержания текста, реализующаяся путем сообщения дополнительной информации о фактах, событиях, освещаемых в статье (отношения перекрещивания между изображением и вербальной составляющей), например: в статье об ущербе, нанесенном сельскому хозяйству Великобритании в результате Брексита, изображение (рис. 3) визуализирует основной компонент содержания фотокомментария *New agricultural tax triggered protests around the UK* и фрагмента текста, посвященного негативным последствиям введения налога, выраженный лексемой *protests*. При этом фотография сообщает информацию об организаторах и лоббистах описываемых протестов (сельскохозяйственная техника с эмблемами организации Farmers to Action (FTA), традиционно координирующей протестное движение фермеров).

– Тактика информационного расширения текста, когда мультимодальный компонент статьи вводится в качестве самостоятельного информационного блока, выполняя, таким образом, конструктивную функцию. Например, в одном из новостных материалов, приуроченных к десятилетию выхода Великобритании из Евросоюза, в фокусе внимания автора – дискуссия о возможных мерах правительства в ответ на ухудшение экономического положения. При этом титульное изображение материала (рис. 4) и фотокомментарий поясняющего характера *Lorry traffic queues for ferries after border control checks were introduced* напоминают читателю об одной из причин осложнения торговых отношений между Великобританией и Евросоюзом (отношения перекрещивания между фотокомплексом и текстом).

Стратегия интерпретации информации в фотокомплексе новостного текста осуществляется посредством тактик выражения оценки и выделения ключевой информации. Так, в статье о пересмотре правительством Гондураса отношений с Китаем авторское оценочное мнение относительно происходящего выражено при помощи использования мультимодальной метафоры: изображение (рис. 5) и комментарий *A municipal worker cleans the bust of Dr Sun Yat-sen at the Republic of China Square in Tegucigalpa* создают метафорический образ конъюнктурной позиции местных властей в поддержку США (Сунь Ятсен – основатель политической партии Гоминьдан, впоследствии ведущей политической силы Тайваня, традиционно поддерживаемого руководством США). Тактика выделения ключевой информа-

ции имеет сходство с тактикой иллюстрирования, однако в отличие от последней, направлена не на визуальное сопровождение содержания текста, а на указание на наиболее релевантные информационные блоки за счет их визуального отображения в верхних уровнях текстовой структуры.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Таким образом, титульный фотокомплекс англоязычного новостного текста является важным инструментом информационного развертывания материала, сообщая информацию фактуального или концептуального характера. Стратегия развертывания информации реализуется посредством тактик редукции, иллюстрирования, детализации, информационного расширения. Стратегия интерпретации осуществляется благодаря использованию тактик оценки и выделения ключевой информации.

Литература

Ахренова Н.А., Зарипов Р.И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. 2023. № 4. С. 428-448.

Баженова Е.Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах Британских СМИ (на материале качественных Интернет-газет): дис. … канд. филол. наук. Благовещенск, 2014.

Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дис. … д-ра филол. наук. М., 2009.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

M. I. Paramonova *(St. Petersburg, Russia)*
Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications

IMPLEMENTATION OF DISCOURSE STRATEGIES OF PRESENTING AND INTERPRETING INFORMATION IN THE TITLE PHOTO COMPLEX OF THE ENGLISH-LANGUAGE NEWS TEXT

The article considers the specifics of presenting factual and conceptual information in the title photo complexes of news reports in the British mass media. The author analyzes the peculiarities of implementing the strategies of presenting and interpreting information in the photo complex, conditioned by the nature of the interaction between its pictorial and verbal components, as well as the semantic relations between the complex and the text.

Key words: news text, title photo complex, image, commentary, strategy of presenting information, strategy of interpreting information

Д. С. Перелыгина *(Новороссийск, Россия)*
Новороссийский филиал Пятигорского государственного университета
dasha.pereligina@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «СВОЕГО» В ТЕКСТЕ «ЖЕСТКОГО» ДЕТЕКТИВА

В работе рассматриваются способы вербальной репрезентации образа «своего» в англоязычных текстах, которые можно отнести к поджанру «жесткого» детектива. «Свой» трактуется как один из полюсов когнитивной оппозиции «свой – чужой», имеющей основополагающий характер для концептуализации и категоризации мира человеком и осмысления им своего места в мировом устройстве. Выявляются характерные особенности вербальной репрезентации образа «своего» в текстах «жесткого» детектива, обладающих своеобразными жанровыми особенностями.

Ключевые слова: жанр, оппозиция «свой – чужой», детективный текст, инвариант, вербализация, категоризация

В генристике и текстологии детектив рассматривается как самостоятельный жанр, обладающий фиксированным набором жанрообразующих признаков и особыми чертами приключенческой литературы. Инвариантная схема детективного текста построена на завязке, поиске преступника и развязке (см., в частности: [Колесникова 2005: 37; Перелыгина 2022]), а в основе детективного сюжета лежит противостояние «своего» и «чужого», добра и зла, служителей закона и его нарушителей.

Оппозиция «свой – чужой» вполне обоснованно относится исследователями к одной из базовых когнитивных дихотомий, лежащих «в основе сущностных представлений о бинарной организации мира» [Никифорова, Чудинов 2016] и обусловивших генезис многих мировоззренческих представлений человека о структуре и закономерностях функционирования социума, начиная с древнейших времен [ср.: «Отношения «свои» издавна являются основой всех социальных связей по той простой причине, что сотрудничество невозможно без определенной доли доверия (*Перевод наш. – Д.П.)*»] [Pitt-Rivers 2016]. Категоризация мира на «свое – чужое»

находит репрезентацию как в семантике отдельных единиц языка, так и в его фразеологическом фонде [Соловьева 2012], и в тексте/дискурсе.

Неоднозначная корреляция «своего»/героя и «чужого»/антигероя в литературе впервые раскрывается еще в Древней Греции: древнегреческие боги представлялись читателям не только положительными героями, они также были наделены и отрицательными характеристиками. Отрицательный персонаж («враг» / «чужой») пренебрегает моральными принципами, нарушает порядок определенной социальной группы, наделен собственной аксиологической системой, которая диктуется его личными желаниями и целями. Н.В. Живолупова утверждает, что вражескому образу свойственна «греховная раздробленность, удаляющая от сущности геройности, невозможной вне идеи интегрированности, собранности личности – этого профанного подобия божественной полноты» [Живолупова 2008: 280].

В современной художественной прозе оппозиция «свой-чужой» репрезентируется во всем своем многообразии в жанре детектива (см., в частности: [Таскаева 2013]). Рассматриваемая оппозиция в детективе – ключевой текстообразующий смысловой элемент, разделяющий персонажей на «безопасный» круг (свои) и источник угрозы (чужие / преступник). В настоящей статье мы сконцентрируем внимание на вербальной репрезентации образа «своего» в англоязычных текстах, которые относятся к поджанру «жесткого» детектива (часто используется и альтернативный термин «крутой» детектив как калька с англ. «hardboiled»).

Необходимо подчеркнуть, что если в системе персонажей аналитического детектива имеется четкая граница между группой «своих» и «чужих», то в текстах «жесткого» детектива данная граница размыта. Аналитический детектив характеризуется «традиционными» формами построения сюжета, цель которого – раскрыть «интеллектуальную» загадку преступления в конце повествования. Классический детектив относится к группе поджанров с сильно выраженной оппозицией «свой-чужой», так как портрет сыщика не вызывает сомнений у читателей в аспекте того, по каким критериям его оценить и к какому полюсу рассматриваемой оппозиции причислить. Образ протагониста в аналитическом детективе раскрывается через речевое поведение, которое отличается присутствием преимущественно литературной лексики и грамматичностью построения высказываний («Рождество Эркюля Пуаро» А. Кристи). Речь классического сыщика четко и логично структурирована, насыщена выразительными средствами, зачастую метафорична и практически не содержит сниженную (сленговую, жаргонную или обсценную) лексику, в отличие от протагониста в «жестком» детективе. Таким образом, можно утверждать, что в классическом детективе оппозиция «свой-чужой» прослеживается, так как границы «своих» и «врагов» четко определены (произведения Эдгара А. По, У. Коллинза, А.К. Дойла и А. Кристи).

Первые пользовавшиеся популярностью произведения в поджанре «жесткого» детектива появляются в эпоху Великой депрессии и экономического кризиса (начало 30-х гг. XX в.). Данные события стали причиной сокращения сотрудников, роста инфляции и безработицы, в результате чего в обществе появилось разочарование эффективностью экономических реформ. Герои данной жанровой раз-

новидности приближены к антигероям, поскольку для них теряется ценность профессиональных норм [Todorov 2013], что, безусловно, находит проявление и на уровне вербальной репрезентации: им свойственно проявление вербальной агрессии, частотное использование нецензурной и/или субстандартной лексики для построения экспрессивного высказывания, отсутствие усложненных синтаксических конструкций. Персонажам полюса «свой» присущи неопрятный внешний вид, бедность или пережитый ранее финансовый крах, злоупотребление алкоголем; также их помощниками в тех или иных ситуациях могут выступать персонажи с судимостью или криминальным прошлым:

(1) The ***large unshaven man tramping*** through the darkness of pre-dawn, with his telephone clamped to his ear, ***grinned***.

"It's in that ballpark."

"It's six o'clock ***in the fucking morning***!" (Galbraith "The Silkworm").

Эпитеты "large unshaven", глагол "to tramp", обсценная ЛЕ в последнем высказывании создают не самый привлекательный образ протагониста, который не совпадает с описанием главных героев в аналитическом детективе (ср., например, описания Шерлока Холмса).

(2) He ***was large and dark, with dense, short, curly hair*** that had receded a little from the high***, domed forehead that topped a boxer's broad nose and thick, surly brows***. His jaw was ***grimy*** with ***stubble*** and ***bruise-colored*** shadows enlarged his dark eyes (Galbraith R. The Silkworm).

В приведенном примере можно увидеть, что Джоан Роулинг (под псевдонимом Роберта Гэлбрейта) создает образ, наделенный естественной неуклюжестью, который приковывает взгляд прохожих. Такие вербализаторы, как: "dense, domed forehead, boxer's broad nose, grimy, stubble, bruise-colored shadows" придают характеристике протагониста более образный характер, который соответствует именно поджанру «жесткого» детектива. Данное описание создает не самый привлекательный образ сыщика, который изначально репрезентируется по канонам образа «чужого». Важно отметить, что в жестких детективах «чужой» не всегда является именно «чужим» и наоборот; соответственно, данные два полюса анализируемой оппозиции не фиксированы, а категоризация осуществляется на основе когнитивных процедур оценки. Отнесение образа персонажа к тому или иному полюсу в рамках рассматриваемого поджанра основано на том, что выбирается определенная точка отсчета для последующей оценки. Соответственно, даже если образ сыщика приближен к образу антагониста, то мы все равно оцениваем его по критериям хорошего, так как детектив в рассматриваемом романе «Шелкопряд» (The Silkworm) стремится обеспечить баланс между добром и злом, а также восстановить справедливость.

Е.П. Олейникова, говоря о романтизации отрицательных персонажей в литературных произведениях, подчеркивает, что в XXI в. среди читателей наблюдается желание быть поклонниками именно «чужих», в то время как «свои» остаются в стороне и не вызывают ярких чувств и эмоций [Олейникова]. Исследователь полагает, что данная «симпатия к антагонистам во многом обусловлена тем, что

люди эволюционно стремятся понять мотивацию поступков злодеев» [Там же]. Именно исходя из данной тенденции авторы «жестких» детективов стремятся наделить группу «своих» отрицательными частными характеристиками, которые впоследствии разрушаются или нивелируются за счет благородных поступков (например, главный герой в схватках с преступником нередко сам находится на грани убийства). Образы «врагов» в таком случае совсем обесчеловечиваются, и автор нередко выносит им жестокий приговор за сотворенное, чтобы сохранить для читателя тексто- и смыслообразующую оппозицию между «своими» и «чужими», тем самым усиливая эффект победы доброго начала над злым:

(3) *Lying towards where Strike was slumped against the wall beside the open front door, a hand pressed to his upper chest, smears of blood on the wall behind him* (Galbraith R. The Ink Black heart).

В романе «Чернильное сердце» Корморан Страйк спасает мир от опасного преступника и жертвует собственным здоровьем, получив серьёзное ранение от убийцы. Таким образом, мы соглашаемся с И. Гасановым, который подчеркивает, что «главное в образе врага – ***его полная дегуманизация,*** отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица» [Гасанов 2017].

Таким образом, историко-культурный контекст появления текстов поджанра «жесткий» детектив – это эпоха послевоенного времени и мирового экономического кризиса, вследствие чего имеет место транспозиция ключевой для детективного жанра оппозиции «свой – чужой». В образе протагониста доминирует физическая активность главного героя, необходимая для выполнения профессионального долга в условиях суровой реальности. Вербально создаваемый портрет протагониста в текстах Джоан Роулинг указывает на безразличие сыщика к восприятию его окружающими; в отличие от героя классического аналитического детектива ему свойственны «следы» неопрятности, внутреннее депрессивное состояние, частотная манифестация вербальной агрессии, использование лексического субстандарта, что существенно модифицирует категориальное наполнение полюса «свой» в рамках анализируемого поджанра.

Литература

Варлакова Е.А. Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.

Гасанов И.Б., Эбзеев Б.С. Просвещенная свобода выбора – политический императив времени // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 2. С. 3-11.

Живолупова Н.В. Христос и Истина в исповеди антигероя (Достоевский, Чехов, Набоков, Вен. Ерофеев) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 278-285.

Колесникова А.А. Блоки-фреймы как когнитивная основа произведений детективного жанра // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков и культур. Тюмень: Вектор Бук, 2005. С. 34-39.

Никифорова М.В., Чудинов А.П. Когнитивная оппозиция «СВОИ-ЧУЖИЕ» как орудие политической конфронтации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 4. С. 28-35.

Перелыгина Д.С. Детективный жанр в литературоведении // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 4. С. 43-47.

Соловьева Н.С. Проявление оппозиции «Свой - чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2 (36). С. 388-392.

Таскаева А.В. Лингвокультурный образ «детектив» (на материале детективных романов Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Агаты Кристи об Эркюле Пуаро): монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013.

Galbraith R. The Ink Black Heart. URL: https://liteka.ru/english/library/4920-the-ink-black-heart

Galbraith R. The Silkworm. URL: https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/132018-robert-galbraith-the-silkworm.html

Miller C.R. Where Do Genres Come from? // Emerging genre in new media environment. L.: Springer, 2017. Pp. 1-34.

Pitt-Rivers J. The Paradox of Friendship // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2016. № 6 (3). Pp. 443-452.

Todorov Tz. The Typology of Detective Fiction // Modern Criticism and Theory / ed. by D. Lodge, N. Wood. London; NY: Routledge, 2013. Pp. 225-232.

D. S. Perelygina *(Novorossiysk, Russia)*

Novorossiysk Branch of Pyatigorsk State University

THE IMAGE OF THE *FRIEND* IN A HARDBOILED DETECTIVE STORY

The paper examines the verbal representation of the image of the “friend” in English-language texts that can be attributed to the “hardboiled” detective subgenre. The “friend” is interpreted as one of the poles of the cognitive opposition “friend” versus “foe”, which is fundamental to how humans conceptualize and categorize the world and understand their place in the global order. Characteristic features of the verbal representation of the image of the “friend” are identified in “hardboiled” detective texts, which possess unique genre characteristics.

Key words: genre, opposition “friend” versus “foe”, detective text, invariant, verbal representation, categorization

Т. И. Петухова *(Санкт-Петербург, Россия)*

Санкт-Петербургский государственный университет

t.petuhova@spbu.ru

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ

В статье на материале дневников Сильвии Плат рассматриваются эгоцентрические языковые единицы и категории, функционирующие на лексико-грамматическом, текстовом и дискурсивном уровнях. Выявлено, что одной из доминантных эгоцентрических категорий в дискурсивном жанре дневника является эмотивность, которая актуализируется при помощи номинации и описания эмоций, стилистических средств, а также лексических единиц, реализующих эмотивный потенциал в контексте.

Ключевые слова: дневник, дискурсивный жанр, эго-текст, эгоцентрическая категория, частная когнитивная схема языковой интерпретации, эмотивность

Эгоцентрические категории и эгоцентрические единицы языка являются актуальным направлением изучения в современной лингвистике, которая характеризуется антропоцентричностью и исследовательским интересом к взаимосвязи языка,

сознания и мышления. Согласно Е.Г. Хомяковой, языковой эгоцентризм – это «особое свойство языка отражать ментально-бытийный мир говорящего сквозь призму его мировосприятия на определенном уровне развития самосознания» [Хомякова 2002: 7]. В.А. Гуреев указывает на доминантность эгоцентрического принципа организации концептуальной системы человека и анализирует функционирование эгоцентризма на различных уровнях языка: лексическом, грамматическом, текстовом [Гуреев 2017].

Функционирование эгоцентрических языковых единиц получает широкое освещение в работах Е.В. Падучевой, которая исследует слова и категории с подразумеваемым говорящим, уделяя особое внимание глаголам и наречиям русского языка с эгоцентрической семантикой, а также таким грамматическим категориям как вид, время, модальность, эвиденциальность [Падучева 2019]. Рассматривая эгоцентризм как прагматический параметр текста, Н.Г. Абросимова указывает на то, что он предполагает «самовыражение» автора в структуре текста «как субъекта с маркированной индивидуальной точкой зрения по отношению к информации, содержащейся в тексте» [Абросимова 2019]. Систематический характер вербализации в тексте индивидуальной точки зрения автора позволяет, по мнению исследователя, говорить о существовании так называемых эгоцентрических текстов.

Несомненный интерес с точки зрения изучения эгоцентрических языковых единиц и категорий представляют тексты дневников, мемуаров, автобиографий, авторами которых являются творческие личности: музыканты, художники, писатели, репрезентирующие в своих эго-текстах на вербальном уровне особенности восприятия, оценки, интерпретации мира и структурирующие дискурс в эгоцентрической перспективе, фокусируя внимание на своей субъективной точке зрения. Анализ дискурсивного жанра дневника позволяет понять специфику картины мира творческой личности, выявить частные когнитивные схемы языковой интерпретации мира, к которым, как отмечает Н.Н. Болдырев, относятся, например, доминантные концепты, категории, индивидуальные метафорические модели, авторские сравнения, модели построения предложений и структурирования дискурса [Болдырев 2019].

Материалом исследования в данной статье является дневник американской поэтессы и писательницы Сильвии Плат, творчество которой носило исповедальный характер и отличалось лирическими мотивами, виртуозным владением словом и глубоким психологизмом. Личный дневник писательницы как эго-текст не содержит детального анализа творчества других писателей. Главным для Сильвии Плат как автора дневника является отразить некоторые события собственной жизни, дать им оценку, репрезентировать значимые аспекты взаимодействия с другими людьми, объективировать на вербальном уровне свои мысли, чувства и эмоции. Рассмотрим фрагмент дневника, в котором поэтесса говорит о своем отношении к людям, являющимся для нее источником формирования литературных образов:

I love people. Everybody. I love them, I think, as a stamp collector loves his collection. Every story, every incident, every bit of conversation is raw material for me. My

love's not impersonal yet not wholly subjective either. I would like to be everyone, a cripple, a dying man, a whore, and then come back to write about my thoughts, my emotions, as that person [Plath 2000].

Данный фрагмент текста дневника характеризуется функционированием эгоцентрических языковых единиц на лексическом, грамматическом, текстовом и дискурсивном уровнях. На лексическом уровне эгоцентризм актуализируется местоимениями первого лица *I, me, my*, диспозиционным предикатом эмоционального отношения *love*, индивидуально-авторским сравнением (*I love them as a stamp collector loves his collection*), на грамматическом уровне – наличием уступительной конструкции, сослагательного наклонения. В качестве эгоцентрической категории функционирует эмотивность, которая проявляется на уровне текста в его структурно-семантической организации и реализуется путем использования языковых средств стилистической выразительности - нескольких рядов однородных членов, парцелляции, повторов. На дискурсивном уровне эгоцентризм проявляется в актуализации коммуникативных намерений автора дневника – отразить свое желание стать каждым из тех людей, с которыми сводит ее жизнь, чтобы прочувствовать их мысли и эмоции и потом отразить это в своем творчестве (*I would like to be everyone, a cripple, a dying man, a whore…*).

Значимое место в дневнике Сильвии Плат занимают рассуждения о быстротечности жизни, о зыбкости и изменчивости настоящего, о нереальности будущего:

With me, the present is forever, and ***forever is always shifting, flowing, melting****. This second is life. And when it is gone it is dead. But you can't start over with each new second. You have to judge by what is dead.* ***It's like quicksand****... hopeless from the start. A story, a picture, can renew sensation a little, but not enough, not enough. Nothing is real except the present, and already, I feel* ***the weight of centuries smothering me****. Some girl a hundred years ago once lived as I do. And she is dead. I am the present, but I know I, too, will pass.* ***The high moment, the burning flash, come and are gone, continuous quicksand.*** *And I don't want to die* [Plath 2000].

Эгоцентрическая перспектива данного текстового фрагмента структурируется вдоль временной оси *present (present is forever, nothing is real except the present) – past (some girl a hundred years ago) – future (I, too, will pass).* Эгоцентрические характеристики проявляются в актуализации частных когнитивных схем языковой интерпретации мира. Так, настоящему моменту писательница приписывает качества вечности, которая характеризуется как нечто меняющееся, текучее и тающее. В индивидуально-авторской модели мира жизнь состоит из секунд, которые быстротечны и исчезают, и все, что окружает настоящее – это зыбучие пески. К частным схемам языковой интерпретации мира можно отнести индивидуальные метафорические модели и сравнения, грамматические модели построения предложений с обилием однородных членов, повторами, параллельными синтаксическими конструкциями. Структурно-семантическая организация текстового фрагмента способствует наведению эмосем на семантику нейтральных слов, таких, например, как *shifting, flowing, melting, quicksand*. Эгоцентрический спецификатор *I* чередуется в тексте с обобщенно-личным местоимением *you*, которое в

данном контексте также выполняет эгоцентрические функции. С одной стороны, автор дневника рассуждает о своей собственной жизни, а, с другой стороны, обращается к потенциальному читателю, приглашая его вступить в диалог, присоединиться к переживаниям автора.

Сильвия Плат как автор дневника структурирует дискурсивное пространство вокруг своего *Я* в определенных пространственно-временных координатах. В качестве доминантной эгоцентрической категории в эго-тексте функционирует эмотивность, которая может находить языковую объективацию, например, в контексте репрезентации различных модусов перцепции:

This morning ***I am at low ebb****. I did not sleep well last night, waking, tossing, and dreaming sordid, incoherent little dreams. I awoke,* ***my head heavy****, feeling as if I had just emerged from a swim in a pool of warm polluted water.* ***My skin was greasy, my hair stiff, oily****, and my hands* ***as if I had touched something slimy and unclean****. The thick August air does not help. I sit here lumpishly, an ache at the back of my neck. I feel that* ***even if I washed myself all day in cold clear water, I could not rinse the sticky, untidy film away****; nor could I rid my mouth of* ***the furry unpleasant taste of unbrushed teeth*** [Plath 2000].

В данном фрагменте дневника писательница констатирует свое отрицательное эмоциональное состояние (*I am at a low ebb*). В результате беспокойной и полной тяжелых, бессвязных снов ночи, она испытывает массу неприятных ощущений, которые объективируются на языковом уровне перцептивными прилагательными, содержащими в своей семантике значение сенсорно воспринимаемого признака, а также лексемами с отрицательной оценочной семантикой. Текстовый фрагмент изобилует языковыми единицами, актуализирующими осязательный и вкусовой модусы перцепции (*my skin was greasy*; *my hair stiff, oily; the furry unpleasant taste*), а также интероцептивные ощущения (*my head heavy, an ache at the back of my neck*). Эгоцентричностью обладают и сравнительная конструкция, актуализирующая тактильную перцепцию посредством отрицательно маркированных адъективов *as if I had touched something slimy and unclean,* а также сослагательное наклонение *even if I washed myself all day in cold clear water, I could not rinse the sticky, untidy film away.* В данном фрагменте дневника реализуется потенциальная эмотивность прилагательных *heavy, greasy, stiff, oily, slimy, sticky*, которые приобретают контекстуально обусловленную эмотивную коннотацию.

Таким образом, дискурсивный жанр дневника писателя обладает ярко выраженными эгоцентрическими характеристиками, которые проявляются на лексическом, грамматическом, текстовом и дискурсивном уровнях. Одной из доминантных эгоцентрических категорий выступает эмотивность, которая реализуется на языковом уровне номинацией и описанием эмоций, а также путем наведения эмосем из контекста и актуализации эмотивного потенциала лексических единиц.

Литература

Абросимова Н.Г. «Инсценированный» эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в реальной коммуникации // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1, № 1. С. 6-14.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК. 2019.

Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм и система частей речи // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 491-493.

Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2002.

Plath S. The unabridged journals of Sylvia Plath, 1950-1962 / ed. by Karen V. Kukil. New York: Anchor Books, 2000.

T. I. Petukhova *(St. Petersburg Russia)*

St. Petersburg State University

EGOCENTRIC CHARACTERISTICS OF A WRITER'S DIARY

Using Sylvia Plath's diaries as a basis, the article examines egocentric linguistic units and categories that function at the lexical, grammatical, textual and discursive levels. It reveals that one of the dominant egocentric categories is emotivity, which is actualized through the nomination and description of emotions, stylistic devices, and lexical units that realize emotive potential in the context.

Key words: diary, discursive genre, ego-text, egocentric category, private cognitive schema of linguistic interpretation, emotivity

А. Н. Попова, Л. Н. Пивоварова *(Самара, Россия)*

Самарский государственный медицинский университет

honey_17.09.99@mail.ru, mila6474@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «СИНДРОМ» В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу языковых и когнитивных способов вербализации концепта «синдром» в современном медицинском дискурсе. Исследуются терминологические сочетания, метафорические переносы и этимологические особенности наименований, функционирующих в профессиональной коммуникации врачей.

Ключевые слова: медицинский дискурс, синдром заболевания, эпонимизация, терминоэлемент, дескриптивный признак, патофизиологические процессы

Медицинский дискурс представляет собой сложную знаковую систему, где понятие «синдром» занимает центральное место, выступая связующим звеном между отдельным симптомом и целостной нозологической формой (болезнью). Лингвистическое изучение этого понятия позволяет эксплицировать способы структурирования профессионального знания и передачи экспертной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации лингвистических средств, используемых для номинации патологических состояний в условиях стремительного развития доказательной медицины.

Основным средством репрезентации синдрома является высокоспециализированная терминология. С лингвистической точки зрения большинство названий синдромов базируется на греко-латинских терминоэлементах. Морфемы греческого происхождения позволяют лаконично описать патологическое состояние:

например, суффикс *-itis* сигнализирует о воспалительном процессе (*arthritis* – воспаление суставов, *nephritis* – воспаление почек), а префикс *dys-* указывает на нарушение функции (*dyspepsia* – расстройство пищеварения, *dysphagia* – нарушение глотательной функции). Использование латыни обеспечивает универсальность и однозначность интерпретации концепта в мировом научном сообществе.

Однако классификация лингвистических средств, используемых для создания названий заболеваний и сопутствующих им синдромов выявила три основных уровня репрезентации. На лексическом уровне доминируют терминологические сочетания с эпонимами, топонимами и дескриптивными признаками.

Использование эпонимов в медицине является традиционным способом наименования патологических состояний, при котором синдром получает название в честь ученого, впервые описавшего данную клиническую картину, или, значительно реже, в честь известного пациента, в частности, в названиях таких заболеваний, как: *«Синдром Марфана»* (поражение соединительной ткани), *«Синдром Кушинга»* (гиперкортицизм), *«Синдром/болезнь Альцгеймера»* (описан Алоисом Альцгеймером), *«Синдром Туретта»* (открыт Жилем де ля Туреттом). Эпонимы выполняют мемориальную функцию и служат лингвистическим «свернутым кодом», который аккумулирует в себе обширный пласт клинических признаков без необходимости их детального перечисления. Такого рода названия характерны для исторически устоявшихся диагнозов, отражают приоритет авторства в медицине [Головин, Кобрин 1987: 104].

Многие синдромы заболеваний получили свои названия в связи с эндемичностью заболевания в конкретной местности или локализацией первой крупной вспышки. Например, такие терминологические сочетания с топонимами, как: «*Синдром Лайма»* (назван в честь города Олд-Лайм в США), *«Средиземноморская лихорадка»*, *«Африканский трипаносомоз», «Стокгольмский синдром»*.

Дескриптивными признаками обладают так называемые «описательные» названия синдромов и болезней, которые отражают патофизиологическую суть процесса, анатомическую локализацию или ключевые клинические признаки: *«острый коронарный синдром»; «синдром хронической усталости»;*

«синдром раздражённого кишечника»; «синдром позиционного сдавления».

Подобные названия строятся по модели «прилагательное + существительное» и акцентируют ключевой клинический признак.

Особую группу составляют аббревиатуры, такие как: *ССВО* (синдром системного воспалительного ответа); *СПОН* (синдром полиорганной недостаточности), *СПИД* (синдром приобретенного иммунодефицита), *SARS* (Severe Acute Respiratory Syndrome или *ТОРС* тяжелый острый респираторный синдром), выполняющие номинативную и мнемоническую функции в профессиональной коммуникации.

Синтаксический анализ показал преобладание атрибутивных конструкций с многочленными определениями *(«идиопатический гиперэозинофильный синдром»*), а также причинно-следственных моделей с союзами «вследствие», «из-за». Как отмечается в исследованиях, «фрейм DISEASE включает компоненты

CAUSE – SYMPTOM – DIAGNOSIS – TREATMENT – OUTCOME, каждый из которых активирует определённые языковые модели: причинно-следственные конструкции, модальные выражения, термины степени выраженности симптомов» [Исраилова 2025: 112].

Использование метафор в названиях синдромов так же является давней традицией в медицине, позволяющей врачу быстро визуализировать ключевой признак патологии через ассоциацию с объектами окружающего мира, искусством или мифологией. Это облегчает запоминание сложных симптомокомплексов и обеспечивает краткую передачу важной клинической информации.

Метафоры могут базироваться на визуальном сходстве, как в случае *Синдрома «бабочки»* при системной красной волчанке, где характерная сыпь на лице напоминает крылья насекомого. В нейрохирургии и радиологии часто используют гастрономические сравнения, например, *синдром «виноградной грозди» или «бычьего глаза»*, что помогает мгновенно интерпретировать результаты визуализации.

Литературные и мифологические метафоры описывают не внешний вид, а характер поведения или специфику состояния. *Синдром «Стендаля»* описывает психосоматическую реакцию на произведения искусства, а *синдром «Алисы в стране чудес»* – искаженное восприятие размеров собственного тела и окружающих предметов. Такие названия антропоморфны и несут в себе глубокий описательный смысл, выходящий за рамки сухих анатомических терминов.

Метафора в медицинском тексте не является украшением, а служит инструментом когнитивного освоения сложной реальности. В клинической практике часто встречаются «прозрачные» метафоры, основанные на внешнем сходстве проявлений синдрома с объектами действительности. Например, зооморфные метафоры: *«синдром кошачьего мурлыканья»*, предметные метафоры: *«синдром дырявого кишечника», «синдром рикошета».* Такие средства номинации позволяют вербализовать абстрактные патофизиологические процессы через конкретные визуальные или аудиальные образы и выполняют экспланаторную функцию, облегчая запоминание и коммуникацию [Карасик 2002: 477].

В текстах медицинского дискурса понятие «синдром» функционирует в окружении строго определенных предикатов. Типичными являются глаголы манифестации (проявляется, дебютирует), локализации (сосредоточен, иррадиирует) и динамики (прогрессирует, регрессирует). Вербализация синдрома часто требует использования цепочек атрибутивных словосочетаний, где каждое определение сужает и конкретизирует диагностически значимый признак.

Лингвистическая репрезентация понятия «синдром» характеризуется стремлением к максимальной точности, системности и экономии языковых средств. Сочетание строгой терминологичности с образной метафоричностью и эпонимизацией создает многомерную языковую модель, позволяющую эффективно транслировать медицинские смыслы в научно-профессиональной среде.

Литература

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.

Исраилова И.Х. Лингвокогнитивное моделирование как теоретико-методологическая основа анализа и формирования профессиональной коммуникации в медицинском дискурсе // Yangi O‘zbekiston pedagoglari axborotnomasi. 2025. № 10. С. 111-115.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Марченко С.Е., Ефимова М.В. Особенности перевода специальной медицинской литературы // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4. С. 161-165.

Раузина С.Е. Создание унифицированной национальной медицинской номенклатуры // Международный конгресс ИТМ. Москва, 2023. С. 1-5.

Соколова М.А. Использование корпусных инструментов в исследовании терминологии (на материале английского политического языка) // Политическая лингвистика. 2024. № 4. С. 229-234.

A. N. Popova, L. N. Pivovarova *(Samara, Russia)*

Samara State Medical University

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING OF THE CONCEPT *SYNDROME* IN MEDICAL DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of linguistic and cognitive ways of verbalizing the concept of SYNDROME in modern medical discourse. The study examines terminological combinations, metaphorical transfers, and etymological features of names functioning within the professional communication of physicians.

Key words: medical discourse, disease syndrome, eponymization, term element, descriptive feature, pathophysiological processes

Н. Л. Потанина *(Тамбов, Россия)*

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

potanina@tsutmb.ru

КОНЦЕПТ *ЗНАНИЕ* И ПРОБЛЕМА МЕНТАЛИТЕТА ДРЕВНИХ ЭЛЛИНОВ

Анализируются интерпретации концепта ЗНАНИЕ в аспекте проблемы формирования античного менталитета. С позиций когнитивного подхода уточняются представления об одной из ведущих тенденций в ментальном поле греческой античности, выразившейся в конкретизации типов, уровней стандартизации и языковой репрезентации ЗНАНИЯ.

Ключевые слова: концепт, знание, логос, гнозис, докса, гнома, догма

Слово «менталитет» в его терминологическом значении почти не использовалось гуманитарной наукой до начала прошлого века. Между тем постановка вопроса о менталитете как совокупности интеллектуально-ценностных и интуитивно-практических установок действующего сознания, творческого мышления и архетипов бессознательного позволяет уточнить многие сложившиеся представления. В их числе и представления о том, что же стало основанием для того особого качества социального взаимопонимания древних эллинов, которое не только обеспечило высочайший взлет античной культуры, но и на многие столетия вперед стало неиссякаемым источником смыслов, сюжетов и моделей для мирового искусства и науки, экономической и социальной жизни.

С завершением процесса формирования и расселения древнегреческих племен происходит образование нескольких греческих диалектов (эолийского, ионийского, аттического, дорийского). Еще в дописьменный период бытование ярких мифологических сказаний на разных, но доступных для общего понимания диалектах должно было способствовать складыванию ведущих свойств античного менталитета. Способность эллина к критическому мышлению, сопоставлению, оценке и согласованию своего и чужого связана с активной ролью языка в его разносторонних отношениях со знаниями как результатами когнитивных процессов.

Культурные традиции и индивидуальный опыт человека как носителя менталитета отражаются в его сознании, фундамент которого образуется благодаря когнитивной способности нашего мозга получать, обрабатывать и передавать знания о мире при активном участии естественного языка. «Как следствие, язык предстает в своей целостности как определенная система знаний о мире, о человеке, о процессах познания и оперирования знанием. В этом своем качестве он открывает доступ к пониманию сознания, принципов его организации и структурирования» (см.: [Болдырев 2025; Кубрякова 2004]). Такое понимание естественного языка как базового фактора, обеспечивающего способность нашего мозга к познанию, лежит в основе когнитивного подхода к исследованию языка.

Охарактеризованное выше понимание языка может стать основой для изучения проблемы менталитета как особой модификации сознания людей, объединенных в социальные группы.

Цель настоящей статьи состоит в уточнении особенностей интерпретации концепта ЗНАНИЕ в процессе формирования древнегреческого менталитета.

Материалом для исследования послужили лексические единицы древнегреческого языка, репрезентирующие процесс осмысления ЗНАНИЯ. При этом учитываются разные системы координат, в которых происходят концептуализация и категоризация данного феномена, что, в свою очередь, обусловливает конкретизацию типов ЗНАНИЯ, уровней его стандартизации и языковой репрезентации.

Как известно, А.Ф. Лосев называл греческий язык единственным европейским языком, *«отождествляющим мышление и речь»* [Лосев 1988: 153-154].

Справедливо и суждение о том, что *«…в языке носителей эллинской культуры …вместо одного слова «знание» с весьма неопределенным значением употреблялось около двух десятков слов с конкретными значениями»* [Костецкий 2015: 203-204].

«Конечно, различение того и другого происходит, – отмечал при этом А.Ф. Лосев. – *Есть чистое мышление, есть просто речь. Но это абстракция. А реально существует что? «Логос», который есть и слово и мысль. … «Логос» – понятие логического, языковое и в то же время материальное, натурфилософское, связанное с воздухом, огнем, с землей, со всеми этими стихиями, которые проповедовались в античном мире»* [Лосев Там же].

Под *логосом* эллины понимали и *«человеческое слово вообще»,* и мышление как деятельность по *«проникновению в смысл явлений»* [Там же], и «всеобщий мировой закон» (*Гераклит)* [Словарь античности 1999: 321], и *«мировой разум, которому подчиняется природа и человек»* (философия стоицизма) [Там же], и

«*вечную божественную силу разума, выполняющего роль посредника между богом и людьми» (Филон Александрийский)* [Там же], и «*слово и мысль бога, сотворившего мир вещей»* [Там же].

Несмотря на очевидную множественность истолкований *логоса,* обращает на себя внимание то, что эта лексема, будучи широко известна как философский термин в перспективе общекультурного развития, первоначально принадлежала к *«обиходному языку»* эллинов [Там же], на что косвенно указывает и вышеприведенное суждение А.Ф. Лосева.

Иначе говоря, с позиций когнитивного подхода лексема *логос* репрезентировала знание, многоаспектное по своей структуре, коллективное по уровню стандартизации и базовое по уровню языковой репрезентации. Тем самым в сознании эллинов оказалось изначально закреплено принципиальное понимание *логоса* как соответствующего идее взаимосвязанности мышления и речи. Вполне вероятно, что такое понимание способствовало эффективности языковой коммуникации эллинов еще и потому, что слово *логос, («…от греч. собирать, упорядочивать – в отношении к любой функции человеческого мышления»* [Словарь античности 1999: 321]) закономерно должно было ассоциироваться с идеей взаимодействия разных членов социума.

Вместе с тем в процессе становления античного менталитета появился целый ряд языковых единиц, отражающих иные типы функциональной специфики, стандартизации и репрезентации ЗНАНИЯ в языке. Так, лексема *гносис (гнозис)* определяла ЗНАНИЕ, теоретическое по своему типу и многоаспектное по структуре. Его функциональная специфика состояла в авторитетности. В этом значении *гнозис* используется в философском дискурсе Платона [Cooper, Hutchinson 1997: 25], что, по-видимому, свидетельствует о субординатном уровне его языковой репрезентации.

Позднее, в эпоху эллинизма и раннего христианства (I–IV вв.), слово *гнозис* обретает мистические коннотации и используется для обозначения центрального понятия гностицизма – религиозно-философского течения поздней античности. В учении гностицизма под *гнозисом* понимается оккультное эзотерическое знание о божественном и вечном, передававшееся только посвященным. Тем самым слово *гнозис,* репрезентируя представления строго определенной социальной группы, при этом оставалось репрезентантом ЗНАНИЯ на субординатном уровне.

Лексема *гнома (gnome)* использовалась для наименования общепринятых и заслуживающих доверия изречений, которые в назидательных целях цитировались многими древнегреческими авторами. (Среди них – Гомер, Гесиод, Фокилид, Феогнид, Демокрит, Гиппократ, Еврипид, Эпихарм, Менандр и др. [Словарь античности 1989: 145].

В отличие от *гнозиса* и *гномы, з*нание низкой степени авторитетности, требующее обязательной проверки, могло быть обозначено словом *докса* (doxa). Так, Парменид называет *доксой «призрачное представление»*, а Платон именует *доксой «нечто, лежащее между знанием и незнанием»* [Словарь античности 1989: 188]. Доксографами называют тех античных авторов, которые пересказывали (иногда небрежно и произвольно) труды древнегреческих философов-досократиков. Стан-

дартизация такого ЗНАНИЯ ограничена рамками философского дискурса, уровень репрезентации – субординатный).

Противоположное значение имело слово *алетейя* (aletheia), под которым понималось *«то, что может быть раскрыто и познано»,* или *«истина»* [Философский словарь].

Лексемой *догма, догмат* (dogma) в античном мире обозначались теоретические положения из учений Платона, Сократа и стоиков, трактовавшиеся как знания, настолько авторитетные, что они не требуют доказательств (субординатный уровень). Древнегреческий писатель и историк Ксенофонт, чей труд «Анабасис» оказал влияние на формирование греческой и латинской прозы, называл догматами сведения, исходящие от начальников. Такие знания заслуживали безусловного доверия и были обязательны для исполнения.

Как видим, за исключением *логоса*, все остальные лексемы в вышеприведенных примерах репрезентируют не общие, а конкретизирующие характеристики ЗНАНИЯ, не всегда признаваемые на базовом (коллективном) уровне. В менталитете древних эллинов, отличавшемся глубоким мифологизмом и традиционализмом (см.: [Тахо-Годи 1992: 577-585]), *логос* как ЗНАНИЕ, восходящее к богам, но, вместе с тем, уже внедренное в человеческое сообщество, должно было восприниматься в качестве мирового закона, т.е. как ЗНАНИЕ, разделяемое всеми – коллективное по уровню стандартизации и базовое по степени его обобщенности-конкретности.

Процесс становления древнегреческого менталитета нашел свое выражение в концептуализации и категоризации ЗНАНИЯ. По уровню стандартизации ЗНАНИЕ, обозначавшееся лексемами *гнозис, гнома, докса, алетейя и догма,* ограничивалось представлениями определенных социальных групп, а его языковая репрезентация находилась на субординатном уровне. Вместе с тем возникновение этих лексем, наряду с лексемой *логос* уточняющих и проясняющих понимание ЗНАНИЯ для различных членов социума, свидетельствует об осознанном стремлении древних эллинов к достижению социальной согласованности, что не могло не способствовать оформлению античного менталитета и прогрессу античной культуры.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык как система оперирования знанием // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. 3. С. 25-32.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.

Костецкий В.В. Философия образования: лекция от первого лица // Нева. 2015. № 7. С. 203-213. URL: https://rucont.ru/efd/435781

Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Дерзание духа: сборник статей А.Ф. Лосева / сост. Ю.А. Ростовцев. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 153-171.

Тахо-Годи А.А. Послесловие. Роберт Грейвс – мифолог и поэт // Грейвс Р. Мифы древней Греции / пер. с англ. под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. С. 577-585.

Словарь античности / пер. с немецкого. М.: Прогресс, 1989.

ФС – Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1981.

Cooper J., Hutchinson D.S. (Eds.) Plato: Complete Works. Cambridge: Hackett Publishing Co., Inc., 1997.

N. L. Potanina *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

THE CONCEPT OF *KNOWLEDGE* AND THE PROBLEM OF THE MENTALITY OF ANCIENT HELLENES

The interpretations of the concept of KNOWLEDGE in the aspect of the problem of the formation of the ancient mentality are analyzed. From the standpoint of the cognitive approach, the ideas about one of the leading trends in the mental field of Greek antiquity are clarified, expressed in the concretization of types, levels of standardization and linguistic representation of KNOWLEDGE.

Key words: concept, knowledge, logos, gnosis, doxa, gnome, dogma

И. В. Рогозина *(Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
irogozi@mail.ru

МЕДИАОБРАЗ БОРИСА ДЖОНСОНА: ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В статье осуществляется лингвокогнитивное моделирование медиаобраза Б. Джонсона, в части реконструкции его невербального компонента через призму уровней и слоев интерпретации, вербализованных в англоязычном медиадискурсе. Реконструированная модель предстает в виде иерархически устроенной двухуровневой, шестислойной когнитивной структуры.

Ключевые слова: медиакогниция, медиадискурс, медиаобраз, лингвокогниивная реконструкция, многоуровневая многослойная модель

Продуктивность лингвокогнитивного подхода к исследованию медиадискурса заключается в понимании того, что на уровне воспринимающего сознания трасли-руемые масс-медиа сообщения обретают форму динамических функциональных образованиий – знаний и представлений как продуктов переработки вербальной и невербальной информации [Залевская 2000: 257]. Значительную часть медиадискурса составляют сообщения, в которых внимательно отслеживаются как действия и высказывания политических топ-акторов, так и особенности их внешнего облика. В результате совокупность соответствующих динамических функциональных единиц образует многоуровневую, многослойную когнитивную структуру – медиаобраз того или иного политика [Галинская 2014; Пешехонова 2021].

Из сказанного выше следует, что формирование медиаобраза характеризуется многовекторностью. Вектор, имеющий важное когнитивно-семиотическое измерение и представляющий для нас особый интерес, направлен на комплекс элементов невербальной самопрезентации политических деятелей. Известно, что политики-мужчины, придерживаясь традиционного подхода к своему внешнему виду, стараются выглядеть безупречно – носят деловые костюмы, имеют коротко подстриженные волосы и пр. Однако на этом общем фоне британский политик Б. Джонсон на протяжении достаточно длительного времени, и в бытность мэром Лондона, и премьер-министром Великобритании, демонстрировал слом стереоти-

пов невербальной самопрезентации политических деятелей столь высокого ранга. Как следствие, его взлохмаченная прическа и помятая, не всегда опрятная одежда постоянно находились в центре внимания масс-медиа, создававших у своей аудитории впечатление, что невербальные знаки внешнего вида Б. Джонсона транслируют некий политический message, который должен «считываться» определенным образом. Сказанное позволяет сформулировать цель настоящего исследования как состоящую в лингвокогнитивном моделировании медиаобраза Б. Джонсона, в части реконструкции его невербального компонента через призму уровней и слоев интерпретации, вербализованных в англоязычном медиадискурсе.

Начиная реконструкцию медиаобраза Б. Джонсона с первого, базового уровня, представленного достаточно поверхностными «слоями», мы, прежде всего, должны указать на то, что этот уровень является результатом непосредственной перцепции. Его первый «слой» отражает то, что доступно взгляду практически любого человека с его способностью замечать особенные признаки, например, такие как своеобразие прически или одежды [Щеголев 2007]. Языковой материал позволяет нам легко находить вербальные корреляты обозначенного выше уровня когниции, фиксирующие то, что составляет своеобразие прически британского политика. Оно передается в дескриптивно-оценочном и дескриптивно-метафорическом формате языковыми средствами, репрезентирующими следующие актуальные для масс-медиа когнитивные признаки:

- ***растрепанность*** *– windswept hair, windblown hair, messy hair, bed hair look, disheveled 'do, locks standing out in every direction, mop that is standing on end in confusion, untidy disheveled blond mop*;
- ***непокорность*** *– unruly hair, unruly thatch of blond hair, untamable mane*.

Как видим, вербализации транслируют идею «своеобразия» прически посредством аттрибутивов, передающих состояние взъерошенности, всклокоченности, взлохмаченности, спутанности и неопрятности волос Б. Джонсона. То же самое относится и к еще одной составляющей медиаобраза Б. Джонсона на уровне перцепции – состояния его одежды. В медиадискурсе оно представлено в описательно-оценочном ключе вербальными репрезентантами, фиксирующими следующие когнитивные признаки:

- ***помятость*** *– rumpled suit, his jackets are usually rumpled, rumpled Boris Johnson*;
- ***неопрятность*** *barely tucked-in shirt, his shirts – spilling out, his collars – awry, his ties rarely on an even keel, hastily put together outfits*.

Говоря о базовом уровне, следует отметить, что второй и третий «слои» медиаобраза структурируются результатами несколько более высокого уровня когниции, соотносящегося с определенным обобщением перцептивного знания. Оно достигается переводом внешне выраженных признаков во «внешне-внутренние» свойства: физическая неряшливость в ее конкретных проявлениях уже предстает как особенность личности британского политика – *Boris the scruff, the scruffily lovable English libertarian, a slob* – находящая выражение в его неряшливом и небрежном стиле (*messy style, scruffy style, unkempt style, slapdash style*) (рис. 1).

Рис. 1. Модель медиаобраза Б. Джонсона (базовый уровень)

Структура второго, глубинного уровня, определяется способностью человеческого мышления идентифицировать также и *выдающиеся* признаки, как признаки «столь отличные по форме, по размеру, по цвету, по динамике или по другим свойствам от подобных у других людей», что «вследствие своей исключительности они приобретают *особое значение*» [Щеголев 2007: 8] (*курсив мой – И.В. Рогозина*).

На этом уровне медиакогниции в поле зрения англоязычного медиадискурса остается исключительно прическа Б. Джонсона как самое яркое средство самопрезентации политика. Поэтому вербализации выдающегося признака, составляющие четвертый «слой» медиаобраза, представлены словосочетаниями, содержащими атрибутивы, указывающие на отличительность, неповторимость и уникальность вида волос бывшего британского премьер-министра – *distinctive hair, signature hair, signature hairstyle, trademark mane, unique mop*.

Пятый и шестой, наиболее глубинные «слои» медиаобраза, структурируются результатами мыслительных операций, направленных на то, чтобы представить знаки внешней самопрезентации как знаки, имеющие особое значение и по этой причине выводящие на объяснение поведения политика. Иными словами, на этом уровне наличие выдающихся признаков уже не приписывается исключительно небрежности и лени, а переводится в политическую плоскость. Поэтому глубинные слои медиаобраза структурируются вербализациями, построенными не по описательному, а по объяснительному принципу (рис. 2).

Рис. 2. Модель медиаобраза Б. Джонсона (глубинный уровень)

Медиакогниция на рассматриваемом уровне находит выражение в деятельности мышления в двух направлениях. Первое связано с экспликацией сущности и

предназначения прически как уникального невербального знака внешнего облика Б. Джонсона. Неопрятность волос политика переводится в разряд явлений неперцептивного свойства, представленных в медиадискурсе лексемами в функции когнитивных метафор как целый арсенал средств достижения скрываемых политиком целей. Средства включают стратегию, тактику, орудие, инструмент, технологию, ловушку, приманку и игру на публику: *strategic use of a deceptively absurd image, calculated political tactic, political device, Boris' secret weapon, ambassadorial weapon, a technique, a decoy, a clever ploy, a calculated performance.*

Второе направление когнитивной деятельности фокусируется на выявлении целей, стоящих за демонстрацией уникального невербального знака внешнего вида. Лингвокогнитивный анализ позволяет вычленить, как минимум, следующие четыре цели, к достижению которых, согласно медиадискурсу, политик стремится посредством манифестации своего неординарного внешнего вида:

- ***самопродвижение в сфере политики*** *– to advance in politics, to use his unkempt style to his advantage;*
- ***преодоление дистанцированности от обычных людей*** *– to assume the role of a casual "man of the people", to relate to "the people", to bridge the class gap, to question the conventionally well-dressed "elite";*
- ***завоевание широкой популярности*** *– to boost his appeal, to be popular among the public, to garner affection*;
- ***привлечение на свою сторону максимально возможного количества избирателей*** *– to garner votes, to launch the look that would go on to win him millions of votes*.

Суммируя полученные результаты, следует сказать, что положенный в основу проведенного исследования критерий разграничения особенных и выдающихся признаков, идентификация которых сопровождает когнитивные операции перцепции невербальных знаков внешнего вида, представляется весьма продуктивным в плане уточнения представлений о дискурсивных тактиках и стратегиях, которые, на наш взгляд, наглядно демонстрирует реконструированная модель медиаобраза Б. Джонсона. Она предстает в виде иерархически устроенной двухуровневой когнитивной структуры, имеющей шесть слоев вербализации семиотического комплекса элементов внешней самопрезентации британского политика.

Литература

Галинская Т.Н. Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика // Гуманитарные науки. Филология. 2014. № 2 (30). С. 114-124.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Изд-во РГГУ, 2000.

Малышева Е.Г. Моделирование медиаобраза Омска по данным современной блогосферы // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 92-106.

Пешехонова Е.С. Оценка внешности как инструмент создания образа политика-женщины в современной американской прессе // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Часть 2. С. 326-333.

Щеголев И.В. Тайный язык тела. СПб.: Питер, 2007.

I. V. Rogozina *(Barnaul, Russia)*
Polzunov Altai State Technical University

BORIS JOHNSON'S MEDIA IMAGE: LINGUOCOGNITIVE RECONSTRUCTION

The research paper is focused on linguocognitive modeling of B. Johnson's media image in terms of reconstructing its non-verbal component through the prism of the levels and layers of interpretation that were verbalized in the English language media discourse. The reconstructed model appears as a hierarchically organized two-level, six-layer cognitive structure.

Key words: media cognition, media discourse, media image, linguocognitive reconstruction, multilevel multilayer model

Ф. Руджери *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
federica.ruggeri@mail.ru

СТРУКТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В ПЕРЕДАЧЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ИТАЛЬЯНСКОМ ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

Исследование посвящено изучению категории эмотивности и способам ее реализации в структуре диалога, проходящего в рамках особого типа дискурса – телеинтервью. Цель статьи — выявление специфики организации и прагматических особенностей диалогических единств, обусловленных эмоциями коммуникантов в ходе общения. Источником материала являются выпуски итальянского ток-шоу *Che tempo che fa («Какая сегодня погода»)*, отобранные по определенным критериям. Установлены преобладание многосоставных диалогических единств и бо̲льшая степень выраженности в них категории эмотивности.

Ключевые слова: диалогическое единство, телеинтервью, реплики, итальянский язык, эмотивность, структура диалога

Телеинтервью представляет собой особый тип телевизионного дискурса, в рамках которого говорящие не только обсуждают определенную тему, но и выражают свои эмоции относительно обсуждаемой темы. Главной составляющей телеинтервью является диалогическое единство (*далее* – ДЕ), т.е. взаимосвязь двух или более реплик, из которых первая реплика выступает в роли стимула (инициальная реплика), а вторая реплика является реакцией (реактивная реплика) [Масленников 2017] (см. тж. [Cresti, Gramigni 2003]). Анализ специфики организации ДЕ в телеинтервью, проявляющейся в обмене репликами-стимулами и репликами-реакциями, в их количественных и качественных характеристиках, позволяет оценить психокогнитивное состояние говорящих, находящихся под влиянием своих эмоций в момент интерперсонального взаимодействия и определить их «личный вклад» в формировании категории эмотивности диалога, обусловливающей успешность последнего [Зыкова 2024; Зыкова, Руджери 2025].

Цель нашего исследования – выявить особенности построения ДЕ и разработать их структурно-прагматическую типологию, в которой, как мы считаем, раскрывается психоэмоциональная вовлеченность коммуникантов в процесс общения в рамках телеинтервью, способствующая достижению преследуемых

ими конкретных прагматических задач (см. тж. [Zykova 2025]). В качестве источника материала выступает итальянское ток-шоу *Che tempo che fa* («*Какая погода сегодня*»). Нами отобраны 20 телеинтервью, вышедших за период январь-декабрь 2021 г. Общая продолжительность телематериала составила 5 часов 25 минут.

Разработанный нами алгоритм исследования включает следующие шаги: (1) выделение по тематическому критерию границ ДЕ и определение количества ДЕ; (2) выявление структурных особенностей ДЕ с учетом сложности их организации; (3) установление отнесенности ДЕ к определенным прагматическим типам, детерминируемой по коммуникативно-прагматической функции составляющих их реплик (стимульных и реактивных); (4) определение частотности употребления выделенных прагматических типов ДЕ; (5) на основании полученных данных выявление вклада участников телеинтервью (ведущего и гостей) в создании определенного психоэмоциональной настроя, обеспечивающего успешность их взаимодействия. В ходе анализа ДЕ мы опирались на существующие подходы к изучению диалога в естественной и художественной коммуникации и к классификации ДЕ, в частности, [Бахтин 1986; Блох, Поляков 1992; Винокур 1998; Болдырев 2017; Романова et al. 2021]. Перейдем к краткому рассмотрению полученных результатов.

(1)–(2). Опираясь на тематический критерий определения границ, мы выявили 507 ДЕ. Анализ их структурных особенностей установил две основных группы. Первая группа включает 130 двусоставных ДЕ (25%), формирующихся из двух реплик; вторая группа – 377 многосоставных ДЕ (75%), состоящих из трех и более реплик. Значительное преобладание многосоставных ДЕ, имеющих более сложную структуру, свидетельствует о более развернутом обмене репликами в ходе общения ведущего и гостей, а также о более «усиленном» проявлении категории эмотивности в структуре диалога.

(3). В результате анализа коммуникативно-прагматических функций стимульных и реактивных реплик, составляющих ДЕ в итальянском телеинтервью, нами выявлено 12 прагматических типов двусоставных ДЕ (см. их соотношение в диаграмме 1) и 10 прагматических типов многосоставных ДЕ (см. их соотношение в диаграмме 2).

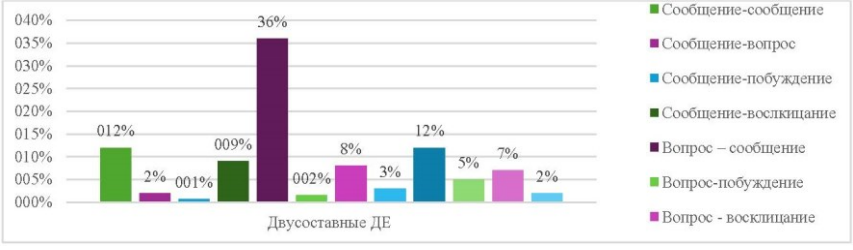

Диаграмма 1. Соотношение прагматических типов двусоставных ДЕ в итальянском ток-шоу

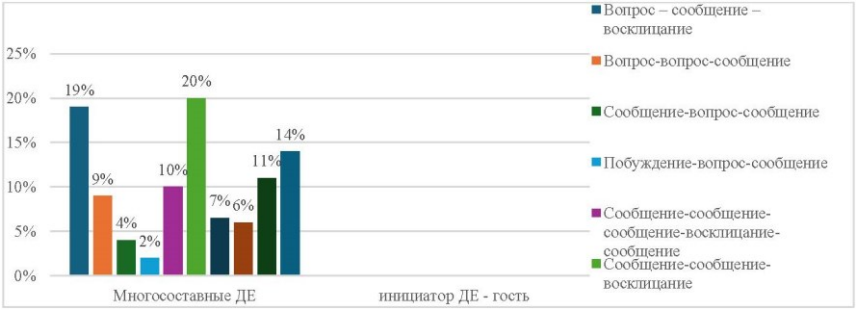

Диаграмма 2. Соотношение прагматических типов многосоставных ДЕ в итальянском ток-шоу

(4). Анализ частотности употребления выделенных прагматических типов ДЕ показал, что самыми частотными двусоставными ДЕ являются «вопрос–сообщение» (36%), «сообщение–сообщение» (12%) и «восклицание–восклицание» (12%), например, ДЕ «вопрос–сообщение»:

Фацио: *Il potere delle multinazionali e della tecnologia pone poi anche sempre di più problemi a riguardo <…>.* ***Ecco, anche qui è immaginabile, come dire, regolarlo?*** *(перевод здесь и далее — наш: Мощность транснациональных корпораций и технологий создает все больше проблем в этом отношении <…>. Вот, это тоже мыслимо, как это сказать, регулировать его?)*

Колао: ***Dunque, è inimmaginabile.. non è immaginabile pensare di fare qualcosa da soli come italiani,*** *ma anche come tedeschi, ma neanche, cioè nessuno ormai ce la può fare da solo… (Так что это невообразимо. Невообразимо думать о том, чтобы делать что-то в одиночку как итальянцы, а также как немцы, но даже не..., то есть, никто не может сделать это в одиночку...)* (Интервью В. Колао, 02.05.21).

Среди многосоставных высокочастотными являются такие прагматические типы ДЕ, как: «сообщение–сообщение–восклицание» (20%), «вопрос–сообщение–восклицание» (19%), «побуждение–сообщение–сообщение» (14%), «восклицание–восклицание–восклицание–восклицание» (11%), например, ДЕ «сообщение–сообщение–восклицание»:

Фацио: *Intanto mostro la copertina del Suo libro…ehm, 4 Marzo …adesso è già preordinabile sui principali siti di e-commerce…****eh, va detto, vogliamo dirlo, insomma, che i proventi dei diritti di questo libro Lei li ha destinati in beneficenza…*** *(Между тем, я показываю обложку Вашей книги... 4-го марта... это уже предварительно заказываемая на основных сайтах электронной продукции..., это должно быть сказано, мы хотим сказать, что доходы от прав на эту книгу вы пожертвовали на благотворительность...)*

Коттарелли: ***A “Save the Children” Italia…*** *(Организации “Save the Children” в Италии...)*

Фацио: ***A "Save the Children" Italia, come tutti i Suoi libri! Lei li dà sempre in beneficenza!*** *(Организации "Save the Children" в Италии, как со всеми Вашими книгами! Вы всегда жертвуете доходы на благотворительность!)* (Интервью К. Коттарелли, 21.02.21)

(5). В результате анализа также установлено, что ведущий инициирует построение двусоставных ДЕ в 80% случаев, а гости – в 20% случаев. Аналогично, главную роль в возникновении многосоставных ДЕ играет ведущий – 75% случаев (гости – 25% случаев). Своими стимульными репликами ведущий оказывает психологическое воздействие на гостей, вызывая у них определенные эмоционально заряженные ответные реакции (см. примеры выше). Таким образом, мы приходим к выводу о том, что ведущий является эмоционально доминирующей фигурой в организации диалога, определяющей вектор формально-содержательного развития итальянского телеинтервью.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что изучение категории эмотивности, проявляющейся на уровне структуры диалога, позволяет расширить научное представление о психокогнитивных механизмах организации общения итальянских спикеров в формате телеинтервью, о роли эмоций в выборе определенных дискурсивных стратегий для достижения конкретных прагматических задач. Перспективы дальнейшей работы мы видим в обращении к аналогичному материалу на русском языке и проведении сопоставительного анализа данных, полученных на двух языках (русском и итальянском).

Литература

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: «Русские словари», 1996. Т. 5.

Блох М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи. М.: Прометей, 1992.

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Винокур Т.Г. Диалог // Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 1998. С. 119-120.

Зыкова И.В. Эмотивы и мануальные жесты в передаче эмоционально-чувственной информации в дискурсе: методологический аспект // Круглый стол «Перцепция, эмоция, метафоризация в свете лингвокреативности-2: возможные пути изучения». М.: Кафедра общей теории словесности филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lbFGEsJkeh0

Зыкова И.В., Руджери Ф. Прагматические аспекты функционирования эмотивов и их жестов-сопроводителей в дискурсе телешоу // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 94-124.

Масленников С.В. Диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского: структура – семантика – функционирование // Вестник КГУ. 2017. № 4. С. 230-233.

Романова Т.В., Винокурова А.С., Маликова Д.А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации: монография. Нижний Новгород: Деком, 2021.

Cresti E., Gramigni P. Per una linguistica *corpus based* dell'italiano parlato: le unità di riferimento // Il parlato italiano. Atti del Convegno. Napoli, 13-15 febbraio 2003. P. 23.

Zykova I. Phraseological representation of emotions and feelings in spoken discourse: Creative boundaries and pragmatic efficiency // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Special issue: Cognitive linguistics, pragmatics, and affective sciences. 2025. X (1). Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2025. Pp. 214-228.

F. Ruggeri *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

STRUCTURAL-PRAGMATIC TYPES OF DIALOGIC UNITS IN THE RENDERING OF THE *EMOTION* CATEGORY IN ITALIAN TELEVISION INTERVIEWS

The research is devoted to the study of the category of emotivity and the ways of its implementation in the structure of a dialogue that takes place within a special type of discourse – a television interview. The purpose of the article is to identify the specifics of the organization and the pragmatic features of dialogical units caused by the emotions of communicants during communication. The source of the material is the releases of the Italian talk show *Che tempo che fa* ("What's the weather like today"), selected according to certain criteria. The predominance of multicomponent dialogical units and a high degree of expression of the emotivity category in them have been established.

Key words: dialogic unit, television interview, replicas, Italian language, emotiveness, dialogic structure

О. В. Рябуха *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
А. К. Лобанова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена
ovryabukha@mail.ru, post.lobanova@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КРАТКИХ АННОТАЦИЙ/ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ)

В данной статье рассматривается когнитивный потенциал паратекстуальных элементов на материале кратких аннотаций рекламного характера, размещаемых на обложках англоязычных художественных произведений. Анализируются их жанровые и прагматические, синтаксические и лексико-семантические особенности, их роль в формировании когнитивных установок, интерпретационных рамок и читательских ожиданий.

Ключевые слова: паратекст, когнитивный потенциал, интерпретация, аннотация, рекламный дискурс

В современной медиакультурной среде художественный текст существует не обособленно, его сопровождают и дополняют различные паратекстуальные элементы, способные вызвать эмоциональный отклик и спроецировать нужные оценочные стратегии в сознании адресата. Понятие паратекста, на которое мы опираемся в данной статье, было введено французским литературоведом Ж. Женеттом, который рассматривал его как совокупность вербальных и невербальных элементов, как «сопутствующий продукт», сопровождающий основной текст и формирующий «порог интерпретации» и дающий возможность «тексту стать книгой»

[Genette 1997: 1]. Паратекст выполняет функцию посредника, направляя восприятие текста и задавая рамки его интерпретации.

Современные исследования паратекста показывают, что он функционирует как инструмент первичной когнитивной ориентации адресата, формируя установку на определённый способ восприятия текста [Пластинина 2019]. Паратекст задаёт направление интерпретации и «в печатной культуре паратекст включает в себя все, что связано с книжным текстом, что влияет на восприятие читателя, помогает сделать книгу популярной у аудитории» [Зубаркина, Игнатова 2024: 38].

Одним из наиболее заметных типов паратекста, направленного на маркетинговое продвижение художественного произведения и его включенность в культурное пространство, является краткая аннотация к книге или рекламный текст/комментарий на обложке книги. В английском языке такой текст обозначается термином «blurb», который расшифровывается как «a brief advertisement on a book jacket» [The Random House Dictionary… 1981: 148]. Longman Dictionary описывает его как «a short description giving information about a book, new product etc.» [Longman Dictionary… 1995: 132]. Нет общепринятого варианта перевода термина «blurb» в русскоязычной научной литературе. Так Cambridge Dictionary предлагает его понимать как «a short description to advertise a product, especially a book; рекламный текст (на обложке)» [Cambridge Advanced Learner's Dictionary]. В данной статье термин «blurb» предлагается трактовать как «краткая рекламная аннотация», «рекламный текст на обложке». Помимо книг, учебных пособий этот термин также применим к таким медиапродуктам, как фильмы, аудиоспектакли, аудиокниги.

Примечательно, что слово «blurb», указывающее на жанровую принадлежность малоформатных текстов такого типа, может также использоваться и в качестве глагола: «to blurb» означает «to describe or praise in a blurb» [Merriam-Webster Dictionary]. Данная дефиниция как нельзя точно раскрывает сущность и функциональную значимость рекламных текстов на обложке книги. Основная функция такого текста на обложке, помимо информационной, – заинтересовать читателя, привлечь его внимание, повысить привлекательность произведения, назвать причину, по которой книгу стоит приобрести и прочитать.

Краткие рекламные аннотации представляют собой особый жанр, сочетающий черты художественного и рекламного дискурса. С одной стороны, они отсылают к художественному миру произведения, а с другой – выполняют прагматическую задачу привлечения внимания и стимулирования читательского интереса.

К жанровым особенностям кратких рекламных аннотаций относятся информационная компрессия, ориентация на интригу, реализуемая через приём умолчания и фрагментарного представления сюжета, а также оценочность и экспрессивность, которые призваны задать позитивную установку по отношению к тексту.

В результате анализа кратких рекламных аннотаций к произведениям Дж. К. Роулинг, Д. Брауна, С. Шелдон и других современных авторов удалось выделить ряд типично используемых синтаксических и лексико-семантических средств. Синтаксис малоформатных текстов этого типа характеризуется преобладанием кратких, простых и неполных предложений, а также активным использо-

ванием риторических вопросов и параллельных конструкций. Например, на задней обложке юбилейного издания книги «Harry Potter and the Philosopher's Stone» вторая аннотация состоит из двух предложений, одно из которых неполное («With lots of extra content that is sure to excite every witch and wizard» [Rowling 2017]) и осложнено однородными дополнениями. Здесь же содержится аллюзия к литературным персонажам данного произведения, параллель с которыми предлагается провести читателю, причислив себя к одному из них. Подобная синтаксическая организация способствует динамичности текста, а эмоционально-окрашенная лексика («excite») в совокупности со стилистическим приемом, аллюзией, создает атмосферу волшебства, восторженности, предвосхищения чудесных моментов знакомства с книгой, выполняя прагматическую задачу создания у читателя позитивной установки по отношению к произведению. Предлагая читателям причислить себя к миру волшебников, создатели данного паратекста демонстрируют ориентацию на их «позитивное лицо», «потребность индивида получать одобрение и поддержку от окружающих» [Лисенко 1999: 4], тем самым вызывая в них положительный эмоциональный отклик.

Другой пример краткой рекламной аннотации с параллельными конструкциями можно найти на задней обложке романа Sidney Sheldon «Windmill of the Gods»: *She's on the glinting edge of East-West confrontation, a beautiful and accomplished scholar who has suddenly become our newest ambassador to an Iron Curtain country, a woman who is about to dramatically change the course of world events – if she lives* [Sheldon 2005]. Помимо сцепления двух элементов, придающих тексту целостность, в конце аннотации также через тире вводится дополнительная идея, уточнение, выраженное условным предложением. В аннотациях на обложках книг нередко используются цепочки простых предложений или последовательность придаточных предложений, которые создают эффект напряжения и ускоренного повествования.

Лексический состав кратких рекламных аннотаций характеризуется высокой концентрацией эмоционально маркированных единиц (wonderful, finest original, thrilling, gripping, unforgettable, breathtaking, sensation, bestseller). Подобная лексика выполняет функцию когнитивных триггеров, вызывая у читателя эмоциональный отклик и формируя предварительную оценку произведения. Ряд авторов прибегает к стилистической адаптации аннотации к ожиданиям целевой аудитории. Так, например, на обложке книги Richard Osman «The impossible fortune» [Osman 2025] для оценки произведения используется сленг, два эмоционально-окрашенных прилагательных «bloody» и «brilliant», где первое слово является примером сниженной лексики, употребимой в фамильярно-дружеском общении, и призвано подчеркнуть и усилить эмоциональный эффект второго.

Другим важным когнитивным механизмом, который используется при написании кратких рекламных аннотаций, является апелляция к авторитетному мнению, реализуемая через цитирование известных изданий. Так, на обложке той же книги читатель найдет указание на признание ведущим изданием (#1 New York

Times Bestselling Author). Данный приём способствует снижению когнитивной неопределённости и повышению доверия со стороны читателя.

Помимо апелляции к мнению авторитетных источников часто встречаются интертекстуальные связи между паратекстовыми элементами, упоминания других произведений, часто того же автора, пользующихся успехом у читателя. Прочтение краткой рекламной аннотации тесно связано с апперцепцией, готовностью «интерпретировать текст определённым образом, соотносимым с концептуальной картиной мира читателя» [Рябуха 2019: 167]. Такие отсылки и сравнения с другими популярными произведениями активизируют в сознании адресата уже сформированные когнитивные структуры, облегчая интерпретацию и категоризацию нового текста «включая в процесс коммуникации либо весь предшествующий текст, либо его фрагмент» [Писаревская 2007: 193].

Проведённый анализ показывает, что краткие рекламные аннотации произведений англоязычной художественной литературы обладают высоким когнитивным потенциалом и выступают посредником между текстом и читателем, обеспечивая первичную концептуализацию художественного мира произведения и реализуя определенные жанровые ожидания от литературной работы. Они функционируют как самостоятельные тексты, активно влияющие на процесс последующей интерпретации произведения читателем.

Литература

Зубаркина Е.С., Игнатова И.Б. Паратекст в современном радиоэфире как явление медиакультуры // Наука и школа: общероссийский научно-педагогический журнал. 2024. № 3. С. 36-45.

Лисенко М.В. Место стратегий извинения в гармонизации межличностных отношений (на материале английского языка): автореферат дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999.

Пластинина Н.А. Зарубежная лингвистика: современные концепции паратекста // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/55FLSK419.pdf

Писаревская А.К. Прецедентный текст как лингвокультурологическое воплощение диалогизма // Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: сборник. СПб.: Борей Арт, 2007. С. 191-194.

Рябуха О.В. Национально-культурная детерминированность языковой картины мира в тексте газетной статьи // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 165-169.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/blurb

Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman: Pearson Education Limited, 1995.

Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/blurb

Osman R. The Impossible Fortune: A Thursday Murder Club Mystery. New York: Pamela Dorman Books, 2025.

The Random House Dictionary of the English Language. New York: Random House, 1981.

Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury Children's Books: Bloomsbury Publishing Plc, 2017.

Sheldon S. Windmill of the Gods. NY; Boston: Grand Central Publishing, 2005.

O. V. Ryabukha *(St. Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia
Bonch-Bruevich St.Petersburg State University of Telecommunications
A. K. Lobanova *(St. Petersburg, Russia)*
Herzen State Pedagogical University of Russia

COGNITIVE POTENTIAL OF PARATEXTUAL ELEMENTS (BASED ON THE MATERIAL OF BLURBS ON A BOOK COVER)

This article examines the cognitive potential of paratextual elements based on the material of blurbs placed on the covers of English literary works of art. The article analyses their genre and pragmatic, syntactical and lexico-semantic features, their role in the formation of cognitive attitudes, interpretative frameworks and reader expectations.

Key words: paratext, cognitive potential, interpretation, review, advertising discourse

С. А. Самбурова *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
sofi.samburova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР КАК КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье рассматривается феномен литературного жанра в контексте когнитивного исследования. Предлагается трактовать жанр как совокупность компонентов, представленных когнитивными моделями. Проводится пилотное исследование моделирования категории жанра любовного романа.

Ключевые слова: жанр, когнитивные модели, категоризация, модель, любовный роман

В данной статье мы хотели бы рассмотреть такое явление как жанр или – в некоторых исследованиях – направление художественного текста с позиции когнитивного подхода. Для этого мы предпримем попытку объединить стилистическое и концептуальное понимание жанра, в результате чего сможем представить литературный жанр как когнитивное понятие.

Стилистическое определение жанра звучит так: «Класс текстов, объединенных устойчивыми и повторяемыми содержательно-формальными признаками, представляющими собой разновидность функционального стиля по трем факторам: композиционная структура, характер содержащейся информации, эмоциональная окраска информации» [Никонова 2020: 126]. Данное определение применимо к литературным жанрам. На его основе мы можем выделить роман как жанр и рассмотреть отдельный его вид. Например, *любовный роман*, к которому также применимо понятие жанра.

Обратимся теперь к концептуальному пониманию жанра, где последний «соотносится с особыми видами ментальных схем, которые могут быть представлены концептами, фреймами, паттернами, ментальным пространством» [Никонова 2020: 126].

Эти два понятия описывают разные феномены и объекты исследования разных дисциплин, однако, у них есть точка соприкосновения – ментальные процес-

сы читателя. Изучение романа в такой перспективе переносит исследователя в область когнитивных наук.

Помимо литературоведческих исследований, жанровая спецификация имеет практическую ценность для читателя. Интуитивно понятна потребность читателя категоризировать тексты определенным образом: детектив и любовный роман будут отличаться в восприятии, а читатель зачастую предпочитает выбирать текст исходя из актуальных на момент выбора потребностей. Соответственно, каждый жанр обладает набором определенных компонентов, которые позволяют причислить роман к конкретно этому жанру.

Здесь будет уместно сделать замечание о взаимопроникновении характерных черт романов разных жанров друг в друга, так называемом смешении жанров. Зачастую можно встретить такую схему описания подобного романа: **X роман с элементами Y^1,** где **X** – жанр романа, а **Y^1** – характерный компонент для романа жанра **Y**.

Это явление объясняется ядерно-периферийной природой категоризации в ее понимании после исследований Э. Рош. Отсюда следует, что в жанре становится возможно выделить ядерный и периферийный набор компонентов: сценариев, метафор и т.д. Соответственно, чем ниже будет уровень генерализации в данной схеме (имеется в виду подход к дроблению на жанры и направления в литературе), тем более конкретные компоненты будут фигурировать в модели.

Для демонстрации вышеизложенных рассуждений мы обратились к такому жанру как любовный роман. Нам было необходимо с помощью анализа сюжета и системы образов выделить повторяющиеся компоненты, которые будут наиболее типичны для всех исследуемых нами романов и, соответственно, репрезентировать категорию *любовный роман*.

Данное исследование носит пилотный, демонстративный характер. Для него были выбраны с целью репрезентативности любовные романы разных исторических периодов и направлений: «Джен Эйр» Ш. Бронте, «Ребекка» Д. Дюморье, «Сердце сокола» Г. Герасимовой, «Посмотри на меня» С. Ахерн, «Убить злодейку» Са Воль Сэн. Уровень генерализации в данном случае оказался довольно высок, поэтому число итоговых компонентов категории оказалось невелико.

Рис. 1. Модель категории любовного романа

На рисунке (рис. 1) представлена получившаяся в ходе анализа модель категории любовного романа. В качестве ядерного компонента-признака здесь выступают *любовные взаимоотношения*, что не удивительно, ведь именно по этому критерию определяется жанр. Периферийные компоненты выделялись нами по факту их повторяемости из романа в роман.

Нами была предпринята попытка выделить признаки категоризации жанра любовного романа с позиции систематизации читательского опыта. Разумеется, у данного метода есть ограничения, однако, при работе с менее генерализованными категориями мы предполагаем более точные и валидные результаты.

Таким образом, рассмотрение жанра в виде категории, и, соответственно, совокупности определенных компонентов, репрезентированных когнитивными моделями, позволяет нам исследовать феномен жанра с помощью методов когнитивного подхода.

Литература

Кряжевских Н.Н. Категория в когнитивной лингвистике // Вестник ВятГУ. 2010. № 2. С. 12-15.

Никонова Е.А. Определение понятия «Жанр» (основные подходы, проблемы и перспективы): систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 125-131.

Тарасова И.А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88-95.

S. A. Samburova *(Moscow, Russia)*

Moscow City University

LITERARY GENRE AS A COGNITIVE CATEGORY

The article examines the phenomenon of literary genre within the framework of cognitive research. The author proposes viewing genre as a constellation of components represented by cognitive models. A pilot study has been conducted to model the category of the romance novel genre.

Key words: genre, cognitive models, categorization, model, romance novel

С. К. Сапиева *(Майкоп, Россия)*

Адыгейский государственный университет

atika16@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СИМВОЛИЗАЦИИ КАВКАЗА: КОГНИТИВНАЯ ПРОЕКЦИЯ В МАССМЕДИА

В данной статье анализируются кооперативная и некооперативная стратегии формирования символического образа Кавказа в современном медиадискурсе. Научная новизна работы заключается в экспликации лингвистических средств, формирующих стереотипы и идеологемы о Кавказе, влияющие на общественное сознание.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия, Кавказ, медиаобраз, газетный дискурс, стереотип

Актуальность изучения символической стороны имен собственных, в частности топонимических единиц, обусловлена необходимостью распознавания культурных, идеологических и исторических смыслов, формирующих коллективную

идентичность, знание которой способствует укреплению международного сотрудничества как внутри страны, так и за ее пределами.

Целью данного исследования является анализ дискурсивных стратегий, используемых для символизации Кавказа в современном массмедийном дискурсе.

Основные методы исследования: дискурс-анализ, метод когнитивного моделирования, контекстуальный анализ, статистика.

Являясь мостом, соединяющим Россию с Центральной Азией и Ближним Востоком, странами Закавказья, Ираном и Турцией, Кавказ, вследствие многовековой истории контактирования с многочисленными этносами, по замечанию Р. Абдулатипова, представляет собой «сложнейшую историко-культурную систему» (цит. по [Ten 2015: 40]). Обладая богатым символическим содержанием, отражающим сложное историческое и культурное взаимодействие, концепт Кавказ претерпел значительные изменения его восприятия в русском языковом сознании. Помимо наименования известного географического объекта, его исследование в контексте различных типов дискурса эксплицирует глубокое символическое измерение, транслирующее концептуальные сдвиги его восприятия в сознании россиян.

Наряду с информационной, развлекательной, просветительской, контролирующей функциями, медиадискурсу характерна воздействующая функция, которая «отражает не только разные стратегии подачи информации, но и различные способы когнитивного представления действительности» [Менджерицкая 2011: 102]. В этом контексте особую значимость приобретает стратегический фактор медиадискурса, задающий вектор передачи информации аудитории и направленный на формирование определенного общественного мнения.

По замечанию Л.В. Цуриковой, дискурсивная стратегия представляет собой «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения. Выбор говорящим конкретных средств для достижения определённой цели рассматривается как реализация данной стратегии в дискурсе» [Цурикова 2007: 101]. Для электронных СМИ, которые сегодня занимают лидирующую позицию в освещении действительности, характерной чертой становится специфичность медиатекста: жанровый синкретизм «определяет не только форму подачи, но и степень доверия аудитории» [Сапиева 2025: 349], «углубляются и расширяются процессы развития оценочности, использования различных пластов лексики, и в связи с этим происходит становление новой лексической системности» [Солганик 2024: 281].

Исследователи Дж. Гамперц и О.И. Иссерс выделяют два основных типа дискурсивных стратегий: *кооперативные*, направленные на сближение аудитории, и *некооперативные* (конфронтационные), заключающие в себе стратегию дистанцирования (цит. по [Чернышенко 2004: 113; Иссерс 2008]). Рассмотрим, каким образом данные стратегии реализуются в медиаобразе Кавказа.

В медиадискурсе топоним Кавказ актуализирует символический аспект через дискурсивные стратегии, формирующие многозначные образы: от символа единства и патриотизма до маркера нестабильности и конфликтов. Анализируя многочисленные исследования отечественных ученых о представленности Кавказа в

российских и зарубежных СМИ, В.Д. Алпатова отмечает, что медиаобраз Кавказа переплетает в себе историческое и политическое начала и является достаточно стереотипным и специфичным. Автор приходит к выводу о дуальном характере образа Кавказа, преимущественно воплощающем в себе стереотипы, эксплицирующие враждебность и конфликтность данного региона, что обусловлено, прежде всего, историческими и политическими событиями, связанными с Чеченской войной. Кроме того, исследователь подчеркивает, что на формирование данного образа оказывает влияние «искусственное конструирование..., навязанное государственной политикой» [Алпатова 2022: 48]. Исходя из обзорно-аналитического исследования В.Д. Алпатовой, можно заключить, что образ Кавказа в медиадискурсе устойчиво негативен, исторически нагружен и репрезентируется через политическую полемику, стереотипизацию и различные типы медийного дискурса. При этом наличие гражданских и этнокультурных попыток его переосмысления не играет существенной роли в плане трансформации конфронтационного нарратива [Алпатова 2022].

Медиаобраз Кавказа, по данным исследования автора, репрезентируется посредством некооперативной стратегии. Учитывая то, что в работе отсутствует системное сравнение представленности Кавказа в различных медиажанрах, сделаем попытку конкретизации образа данного региона в современном газетном дискурсе.

Материалом нашего исследования явились 1660 газетных статей с ключевым словом «Кавказ», представленных в «Российской газете» за период 2021–2026 гг. Выбор данного источника обусловлен, во-первых, его статусом официального печатного издания Правительства Российской Федерации, отражающего позицию исполнительной власти по ключевым вопросам внутренней и внешней политики; во-вторых, его онлайн-доступностью.

Дискурсивные стратегии и тактики символизации Кавказа, на наш взгляд, репрезентируются через систему дискурсивных маркеров, которые выделяются на базе следующего алгоритм-анализа: 1) определение смыслового содержания репрезентируемой информации; 2) экспликация авторской интенции; 3) выделение ключевых смыслов, актуализирующих концептуальные домены.

В ходе анализа было выделено 5 основных концептуальных доменов, структурирующих представление о Кавказе: *политика*, *экономика*, *культура*, *безопасность*, *социум.* Исследование газетного дискурса показало, что в информационном пространстве образ Кавказа символизируется, прежде всего, через призму государственной стабильности, экономического потенциала, этнокультурного многообразия с акцентом на положение Кавказа как неотделимой части единого российского пространства.

Доминируют нарративы об экономическом развитии, потенциале туризма, инвестиций региона, представленных во многих новостных статьях: «В кабмин внесена стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа» (20.06.2021); «Глава Минэкономразвития Решетников: На Кавказе портфель инвестпроектов вырос в 10 раз» (03.05.2023); «На форуме в Грозном заключили соглашения на 106

миллиардов рублей» (23.07.2024); «Будущее туризма в России обсудят на пленарных сессиях форума туристических территорий» (13.10.2025) и т.д.

Идеи патриотизма и единства репрезентируются через любовь к родине, общей истории, защите Отечества. В этом контексте важно отметить имя главы Чеченской Республики – Рамзана Кадырова, через образ которого, по данным многих исследований (Т.А. Ткачева, 2020, А.А. Хуажев, 2022, С.К. Сапиева, 2024 и др.), транслируется образ кавказцев. Так, в медиадискурсе «Российской газеты» в контексте освещения событий СВО используются оценочные заголовки, формирующие его образ как активного защитника страны и преданного воина президента России: «Кадыров объяснил, почему называет себя пехотинцем Путина» (19.09.2025); «Кадыров показал кадры “блестящей операции” на Харьковском направлении» (25.01. 2025); «Кадыров заявил, что поручил вырыть яму, чтобы “вылечить” Зеленского» (27.05.2024) и многие другие.

Тема экстремизма и терроризма, связанная с Кавказом, по-прежнему актуальна и находит отражение в российском медиадискурсе. Однако меняется вектор репрезентации данной проблемы: террористическая угроза теперь привязывается не к конкретному региону внутри страны, а к внешней глобальной радикализованной организации. Так, в новостной статье «Бортников: Запад пытается раскачать обстановку на Северном Кавказе» (28.08.2024) отмечается осложнение обстановки противодействия терроризму и ставится общая задача власти, правоохранительных органов и общества «не допустить дальнейшего проникновения на Кавказ радикальных идеологий и размывания *общероссийской гражданской идентичности* среди местной молодежи» (курсив наш – прим. автора). В данном контексте, а также во многих других примерах четко эксплицируются общность идей и интегрирующая роль региона в составе страны, что репрезентирует трансформацию оппозиции «Кавказ vs Россия» в «Кавказ в России», демонстрируя, что стереотип «Кавказ = терроризм» устарел.

Таким образом, анализ газетного дискурса показал, что медиаобраз Кавказа реализует символический аспект через кооперативные дискурсивные стратегии, формирующие многозначные образы: от символа единства и патриотизма до маркеров стабильности и высокого потенциала региона. Анализ показывает значительное преобладание положительной репрезентации медиаобраза Кавказа через такие средства, как номинация («горцы», «многонациональный регион», «горный край», «опорный регион» и т.д.), фрейминг (фрейм Кавказ как «историческая часть России», «бренд региона», «пространство традиций и гостеприимства», «жемчужина туризма» и др.), метафоризация («горячий регион», «горный форпост», «мост между культурами» и др.), где концептуальные домены в совокупности создают когнитивную проекцию, позиционирующую регион как символ устойчивого развития с фокусом на государственную повестку.

Литература

Алпатова В.Д. Северный Кавказ в контексте медиатизации политических процессов / В.Д. Алпатова // Век информации (сетевое издание). 2022. Т. 6, № 1 (18). С. 37-59.

Иссерс О.И. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Менджерицкая Е.О. Дискурс vs функциональный стиль: что есть язык СМИ? // Вестник ЧелГУ. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 99-102.

Сапиева С.К. Политический дискурс и медиатекст: лингвистические и жанровые аспекты // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: сборник научных трудов международной научной конференции. Майкоп, 2025. С. 346-351

Солганик Г.Я. Стилистика публицистической речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие, ч. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2024.

Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 98-108.

Чернышенко А.Г. Специфика дискурсивных стратегий. Стратегии дискурса медиации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2014. № 7. С. 113-119.

Ten Y.P., Gudakov V.V. Symbols of the regional culture of the North Caucasus // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 2 (2). С. 39-47.

S. K. Sapieva *(Maykop, Russia)*
Adygeya State University

DISCURSIVE STRATEGIES FOR SYMBOLIZING THE CAUCASUS: COGNITIVE PROJECTION IN MASS MEDIA

This article analyzes the cooperative and non-cooperative strategies of forming a symbolic image of the Caucasus in modern media discourse. The scientific novelty of the work lies in the explication of linguistic means that form stereotypes and ideologemes that influence public consciousness.

Key words: discursive strategy, Caucasus, media image, newspaper discourse, stereotype

Н. К. Седова *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
n.k.sedova@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ВИДЕОРЕПОРТАЖЕ ОБ ЭТАПЕ ФОРМУЛЫ-1

В статье анализируется и сопоставляется репертуар метафорических концептов в двух англоязычных видеорепортажах, опубликованных в преддверии британского этапа Формулы-1 2025 г. и посвященных различным аспектам данного спортивного события. Показано, что концептуальная метафора активно участвует в формировании семантики языковых единиц в обоих репортажах, однако набор используемых концептов отличается.

Ключевые слова: спортивный дискурс, метафорический концепт, метафорическая модель, когнитивная семантика

Среди отечественных лингвистов общепринятым является предложенное В.И. Карасиком разделение дискурса на персональный и институциональный. При этом спортивный дискурс, наряду с массово-информационным, политическим, научным и некоторыми другими, относится к институциональному типу [Карасик 2007: 3]. Развивая данную классификацию, В.И. Карасик опирается на предложен-

ную Н.Д. Арутюновой трактовку дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения [Там же]. В своих исследованиях дискурса Н.Д. Арутюнова обращалась в том числе к метафоре. Так, выдающийся советский и российский лингвист отмечала проникновение метафоры в различные виды дискурса, в том числе в спорт [Арутюнова 1990: 6].

В диссертационном исследовании, посвященном концептуальной метафоре как основанию активных номинативных процессов в англоязычном спортивном дискурсе, мы приходим к выводу о том, что семантика широкого репертуара терминологических и нетерминологических языковых единиц, которые используются при освещении событий в футболе и фигурном катании, формируется с помощью метафорических концептов. Мы также показываем, что репертуар метафорических концептов, которые активно участвуют в формировании семантики языковых единиц в рассматриваемом виде дискурса, являет собой систему, внутри которой можно выделить базовые и сложные концепты [Седова 2024].

Настоящее исследование посвящено выявлению и сопоставлению репертуара метафорических концептов в двух видеорепортажах, посвященных двенадцатому этапу чемпионата мира «Формула-1» 2025 г. – Гран-при Великобритании, который прошел с 4 по 6 июля на трассе «Сильверстоун» в графстве Нортгемптоншир. Оба рассматриваемых репортажа были опубликованы накануне британского этапа Формулы-1. Первый репортаж был представлен британским актером и телеведущим Гарри Бенджамином. Автором и ведущим второго репортажа, размещенного на официальном сайте спортивного телеканала «Скай Спортс» (Sky Sports), является бывший британский автогонщик, а ныне комментатор Мартин Брандл.

В ходе исследования было обнаружено, что в первом видеорепортаже, который ориентирован на широкую аудиторию и знакомит зрителей с общими фактами о предстоящем спортивном событии, при описании соперничества между отдельными гонщиками («пилотами») и между командами («конструкторами») используются метафоры, которые можно отнести к кластеру ВОЕННОЕ ДЕЛО. Метафора, с помощью которой соперничество представлено в виде сражения, вербализуется с помощью лексических единиц *battle* и *fight* (*бороться*, *сражаться*). Примером может служить высказывание, произнесенное в отношении команды «Заубер»: *Expect them to be fighting hard this weekend* (*Ожидайте, что они будут упорно сражаться в эти выходные*).

В нескольких случаях метафора сражения реализуется вместе с метафорой объективации, с помощью которой турнирная таблица – рейтинг пилотов и конструкторов, который формируется на основании набранных ими ранее очков – осмысляется в виде материального объекта и наделяется пространственными характеристиками. В качестве примера можно привести следующее высказывание: *There is a huge battle in the midfield* (*В середине поля разворачивается настоящая битва*). В данном случае речь идет о плотном расположении пилотов и острой конкуренции в середине турнирной таблицы, а сама турнирная таблица представлена в виде спортивного поля. Примечательно также, что лексическая единица *midfield*, с помощью которой реализуется метафора объективации, в своем основ-

ном значении используется для обозначения спортивного поля в ряде игровых командных видов спорта, особенно в футболе [Collins Dictionary 2025].

В первом репортаже также наблюдается совместная реализация базового метафорического концепта ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и метафорических концептов, относящихся к деятельности человека. Одним из примеров является высказывание *Mercedes will be back in action this weekend, lower temperatures helping them out* (*В эти выходные «Мерседес» вернется в борьбу, а более низкая температура им поможет*). В данном случае метафора персонификации реализуется совместно с метафорой кластера ОБЩЕНИЕ и позволяет говорить о температуре как об одушевленном предмете, который помогает одной из команд. Вторым примером, где реализуется данная метафорическая модель является высказывание *You can never be a hundred percent sure of the weather in Silverstone, so don't rule out a bit of rain to spice things up nicely* (*В Сильверстоуне никогда нельзя быть на сто процентов уверенным в погоде, поэтому не исключайте, что небольшой дождь добавит остроты*). В данном высказывании в виде одушевленного предмета представлена погода, а концепт ПЕРСОНИФИКАЦИЯ реализуется совместно с концептом кластера КУЛИНАРИЯ и вербализуется с помощью лексической единицы *to spice up* (букв. *добавить специй*).

Во втором видеорепортаже, который также посвящен предстоящему Гран-при Великобритании, но, в отличие от первого репортажа, фокусируется на особенностях трассы «Сильверстоун» и рассчитан на более подготовленную аудиторию, активно используются базовые метафорические концепты. Так, в формировании семантики в высказывании *…you've got to be able to carry the speed into corners* (*…нужно уметь сохранять скорость на поворотах*) участвуют базовые концепты ОБЪЕКТИВАЦИЯ и КОНТЕЙНЕР. Использование данных концептов, которые вербализуются с помощью словосочетания *to carry the speed into corners* (букв. *нести скорость в повороты*), позволяет представить скорость в виде материального объекта, а поворот – в виде контейнера.

В высказывании *You've got to have a car you can trust when you turn into a corner at a hundred and ninety miles an hour* (*Когда входишь в поворот на скорости сто девяносто миль в час, нужна машина, которой можно доверять*) помимо метафоры контейнера реализуется метафора персонификации. В своем основном значении глагол *to trust* (*доверять*) используется в отношении людей [Collins Dictionary 2025], а в рассматриваемом высказывании – в отношении гоночного автомобиля. Таким образом, в основе семантики словосочетания *a car you can trust* (*машина, которой можно доверять*) лежит концепт ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, который позволяет осмыслить машину в виде человека.

В результате проведенного сопоставительного исследования было установлено, что концептуальная метафора участвует в формировании семантики нетерминологических языковых единиц в обоих рассматриваемых репортажах. Концептуальный анализ показал, что в первом репортаже, который содержит сведения относительно текущего положения пилотов и команд и ожидаемого соперничества в ходе предстоящего соревнования, используется более разнообразный репертуар

метафорических концептов, а во втором репортаже, который посвящен особенностям гоночной трассы и рассчитан на более узкую подготовленную аудиторию, преимущественно реализуются базовые концепты ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ОБЪЕКТИВАЦИЯ и КОНТЕЙНЕР.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник: пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Карасик В.И. Институциональные концепты // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сборник статей / отв. ред. Г.Г. Слышкин. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. С. 3-6.

Седова Н.К. Концептуальная метафора и метонимия как основание активных номинативных процессов в англоязычном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.

Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english

Could Hamilton claim victory at Silverstone? How to win the British GP. URL: https://www.skysports.com/f1/news/12433/13390993/british-gp-vote-between-lewis-hamilton-lando-norris-and-george-russell-on-who-britains-best-f1-driver-is-right-now

Five things to look out for at British Grand Prix. URL: https://www.redbullracing.com/int-en/five-things-to-know-ahead-of-the-british-grand-prix

N. K. Sedova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

CONCEPTUAL METAPHOR IN ENGLISH-LANGUAGE SPORTS VIDEO REPORTS ON FORMULA ONE GRAND PRIX

The article analyses and compares the repertoire of metaphorical concepts in two English-language video reports published in the lead-up to the 2025 Formula 1 British Grand Prix and dedicated to different aspects of the sporting event. The paper shows that conceptual metaphor actively participates in forming the semantics of language units in both reports, although the range of metaphorical concepts used varies.

Key words: sports discourse, metaphorical concept, metaphorical model, cognitive semantics

Ю. М. Сергеева *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
yum.sergeeva@mpgu.su

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается диалогичность как неотъемлемая характеристика современного дискурса и важнейший объект научного знания, которое трактует ее в трех аспектах: диалогичность бытия, диалогичность сознания, диалогичность речи. Обозначаются основные векторы коммуникации; анализируются эксплицитные и имплицитные признаки диалогического дискурса.

Ключевые слова: дуализм, внутренняя речь, диалогические отношения, цифровая эпоха, межличностное общение

Развитие лингвистики как науки в реалиях XXI в. требует поиска новых и разнообразных методов для эффективного освоения когнитивно-коммуникативного пространства дискурса. Технологический прогресс, рационализация общественного сознания, интегральный характер современных исследований требуют переосмысления некоторых классических терминов, давно укоренившихся в понятийном аппарате наук гуманитарного цикла. Современная лингвистика разрабатывает проблемы преимущественно комплексного характера, что приводит к возникновению весьма противоречивых трактовок лингвистических явлений и проблем. Сосуществуют и активно взаимодействуют разные направления научного поиска, границы между которыми нередко слабо выражены, стерты. Доказательством диффузности междисциплинарных границ служит наличие ключевых идей, объединяющих большинство лингвистических направлений. В качестве краеугольных камней лингвистики XXI в. позиционируются *когнитивизм,* репрезентирующий идею о едином концептуальном пространстве, сохраненном в единицах языка, *лингвокультурологический подход*, который изучает, как владение культурой и языками формирует эффективную коммуникацию, и *социоцентризм,* демонстрирующий, как языковое сознание индивида отражает отношение группы к определенному явлению реальности. Отсюда вытекает насущная необходимость на современном этапе научного анализа дискурса обеспечить следование вышеназванной парадигме лингвистических исследований.

Обращение в проблеме *диалогичности* дискурса обусловлено пониманием дискурса как непрерывного процесса созидания и развертывания текста во времени и пространстве, в результате которого возникает дискурс как сложноструктурированный объект, состоящий из разножанровых текстов, взаимосвязанных друг с другом и обусловленных прагматическими условиями, в которых эти тексты производятся и сосуществуют. Мы, как представители цифровой цивилизации, живем в эпоху информационной глобализации, когда каждый индивид посредством ИКТ мгновенно включается в непрерывный обмен сообщениями, формируя совместно с другими пользователями «коллективный поток сознания». Таким образом, индивиды включены в непрерывный процесс *общения*, представляющий собой, с точки зрения психологии, особую совместную деятельность, специфика которой детерминирована, прежде всего, целью этой деятельности и средствами ее осуществления. В цивилизованном обществе универсальным средством общения выступает язык, поскольку смыл сообщения, закодированного и переданного посредством знаковой системы естественного языка, сохраняется лучше всего. Предметом речевого общения являются проецируемые посредством языка результаты мыслительных процессов участников общения, иными словами, создаваемые ими тексты.

Информатизация социального пространства приводит к необходимости нового осмысления проблем речевого общения, которое в широком смысле трактуется как особое взаимодействие *любых* модификаций субъекта. Это означает, что общение имеет, как минимум, три вектора реализации. Во-первых, это взаимодействие различных смысловых позиций внутри сознания личности; во-вторых, меж-

личностное взаимодействие отдельных индивидов и малых групп; и наконец, взаимодействие социальных систем, взаимодействие классов внутри социума, взаимодействие наций и национальных культур. Этот количественный критерий субъектов коммуникации определяет специфику отношений между ними: интраперсональное общение, непосредственное межличностное общение, и опосредованная связь в массовых коммуникациях. Для того, чтобы выявить диалогичность создаваемых дискурсов на каждом из этих уровней, нужно рассмотреть само понятие диалогичности, разведя его со смежными понятиями диалога и диалогизации.

Универсальная категория диалогичности – одна из сложнейших и важнейших междисциплинарных проблем, которая может быть рассмотрена с точки зрения трех аспектов, а именно диалогичность бытия, диалогичность сознания, диалогичность речи.

Диалогичность является онтологической категорией, так как лежит в основе отношений человека и бытия, находя свое проявление в онтологической двойственности, амбивалентности, бинарности всего сущего. Диалогичность бытия объясняется диалектическим единством противоположностей, на котором зиждется цивилизованное общество – противопоставление добра и зла, темного и светлого начал, общественного и индивидуального, свободы и ограничений.

Двойственность считается важнейшей чертой не только человеческого бытия, но и культуры в целом, о чем писал Ю.М. Лотман в рамках своей культурно-семиотической концепции. Культура, по мнению автора, функционирует как коммуникативная система [Лотман 2004: 159-165], а межкультурный диалог – есть, по сути, обмен текстами как феноменами культуры, текстами как носителями коллективной памяти этноса, носителями той наследуемой из поколения в поколение информации, которая формирует национальный культурный код.

Поскольку люди являются социально детерминированными существами и наше самосознание формируется только в процессе взаимодействия с другими индивидами, человеческая жизнь, по сути, представляет собой нескончаемый диалог, о чем писал М.М. Бахтин. Со-бытие рассматривается философом как основа существования личности, а диалог, по Бахтину, это такое отношение индивида к Другому, которое требует определенной степени открытости своего субъективного мира навстречу внутреннему миру другого субъекта. Однако в цифровом информационном поле адресат (реципиент текста) и адресант (автор текста) нередко лишены конкретизации в социальном, прагматическом, коммуникативном плане, представляя собой то, что в экзистенциальной философии именуется «человеком в человеке», представителем «всех других для Я» [Бахтин 1979: 457]. Анонимность коммуникативных актантов, их обособленность, обезличенность, усредненность является одним из негативных аспектов коммуникации XXI в., в процессе которой индивид, примеряя различные социальные роли-маски, может полностью утратить свою подлинную личность. Со-бытийность личностей, их диалог в высшем понимании этого слова замещаются виртуальными собеседниками, вытесняются бездумным потреблением контента, за которым не ощущается именно *языковая личность,* демонстрирующая в дискурсе свою уникальность, свои ценностные

ориентации, экзистенциальный опыт, интертекстуальный тезаурус. Отсюда парадокс: в эпоху тотальной коммуникации личности как никогда изолированы друг от друга.

Дуализм бытия вызывает этический дуализм внутреннего мира человека, что проявляется, прежде всего, в диалогизации сознания индивида. С психологической точки зрения, онтологическая двойственность сознания может быть объяснена тем, что два полушария головного мозга человека считывают информацию об окружающем мире по-разному: левое полушарие осуществляет абстрактно-логический анализ информации, в то время как эмоционально-интуитивное восприятие мира детерминировано работой правого полушария. *Диалогизм сознания* в разных теориях (со времен античности до наших дней) рассматривается с различных позиций, объединенных общим моментом: индивид предстает как одновременно целостная личность и как некое единство функциональных составляющих – ипостасей. В отношении структуры личности понятие «ипостась» указывает на возможность различия ее составляющих при сохранении их единой сущности [Сергеева 2016]. Любая из ипостасей личности входит либо в когнитивный, либо в эмоционально-оценочный компонент ее сознания, и их взаимодействие приводит к тому, что в сознании индивида протекает *бесконечный внутренний диалог*: имеет место структурирование, развертывание, синтез разных точек зрения субъекта; а также осознанная рефлексия индивида над собственной деятельностью. Материальным носителем идеального процесса внутренней коммуникации является *внутренняя речь,* существующая также в форме внутреннего монолога и в виде кратких невзаимосвязанных реплик.

Диалогичность речи в лингвистическом понимании не должна сводиться лишь к понятию диалога как двусторонней формы коммуникации, представляющей собой обмен репликами между двумя или более участниками общения. Диалогичность – доминантная категория дискурса разных типов и жанров, начиная от спонтанного бытового диалога и заканчивая различными типами институционального дискурса. Диалогичность в дискурсе может проявляться эксплицитно, прежде всего, за счет двунаправленного построения синтаксической последовательности высказываний в тексте (в отличие от кумулятивной, присоединительной связи, свойственной монологу как форме речи). Вербальные средства эксплицитной диалогичности проявляются также в наличии контактоустанавливающих реплик и прямых обращений к собеседнику, в использовании формы 2-го лица личных местоимений, в использовании формы побудительного наклонения и модальных глаголов долженствования. Имплицитная диалогичность дискурса прослеживается в широком употреблении риторических приемов диалогизации монологической речи: введение в текст риторических вопросов, эллиптических конструкций, различных средств создания экспрессивности, стилистически маркированной лексики, тропеических средств. Именно имплицитная диалогичность является важнейшей коммуникативной стратегией большинства разновидностей дискурса в современном социуме: медийного, политического, рекламного, построенных на стратегиях убеждающего воздействия.

В заключение подчеркнем, что в эпоху цифровых коммуникаций имеет право на существование только текст, способный агрегировать себя в единое целое с другими текстами; текст, способный не только к самоорганизации, но и к самообогащению; текст потенциально многомерный, поддающийся множеству интерпретаций; текст, вступающий в диалогические отношения с другими текстами. Таким образом, изучение различных аспектов диалогичности дискурса расширяет исследовательские горизонты лингвистики, обогащает ее методологический и понятийный аппарат, проецируя на текстовой материал как теоретические положения наук гуманитарного спектра, так и новейшие достижения в области информационно-коммуникативных технологий.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство, 2004.

Сергеева Ю.М. Внутренняя речь: психологический и лингвистический аспекты. М.: ФЛИНТА, 2016.

Yu. M. Sergeeva *(Moscow, Russia)*

Moscow Pedagogical State University

DIALOGICAL ASPECT OF CONTEMPORARY DISCOURSE AS ITS DOMINANT FEATURE

The article deals with dialogical relations as an integral characteristic of modern discourse and the most important object of scientific knowledge, which considers it in three aspects: existential duplicity, duality of human consciousness, dialogue as a speech form. The main types of communication are specified; explicit and implicit features of dialogical discourse are analyzed.

Key words: duality, inner speech, dialogical relations, digital age, interpersonal communication

В. Л. Соколова *(Москва, Россия)*

Московский государственный лингвистический университет
Московский физико-технический институт
sokolova_mglu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СКРЫТОЙ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ В КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ И ТАБЛОИДАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматриваются дискурсивные и концептуальные основания реализации скрытой манипулятивности в британской качественной прессе и таблоидах. Проведенное исследование позволило сделать вывод о единых концептуальных механизмах, но разных способах реализации и степени выраженности манипулятивности в разных типах британской прессы.

Ключевые слова: британские СМИ, качественная пресса, таблоиды, манипулятивность, скрытая манипулятивность

С появлением новых возможностей, которые предоставляет средствам массовой информации (СМИ) интернет-коммуникация, интернет-издания получили новые инструменты для осуществления воздействия на аудиторию. Представляет-

ся, что наиболее очевидно это воздействие проявляется на материале английского языка, являющегося языком глобального общения и плодотворной почвой для развития разнообразных стратегий коммуникативного воздействия.

Примечательно, что авторы, исследовавшие англоязычный медиадискурс как дискурс воздействия (например, В.И. Заботкина, А.Б. Недзельская, О.О. Борискина [Недзельская, Борискина 2021], П.М. Крафft, Дж. Донован [Krafft, Donovan 2020]), отмечали, что нередко это воздействие носит манипулятивный характер, который в ряде случаев или всегда является скрытым. При этом скрытая манипулятивность, по наблюдению В.И. Заботкиной, не может быть обнаружена современными электронными аналитическими системами [Заботкина 2025]. Таким образом, выявление скрытой манипулятивности в дискурсе англоязычных СМИ представляется актуальной задачей для лингвистического исследования.

В своей работе мы разделяем высказанное выше мнение о том, что манипулятивность в англоязычных СМИ всегда является скрытой и выдвигаем предположение о наличии разных способов выражения скрытой манипулятивности, которые могут зависеть от типа источника СМИ. В связи с этим в качестве материала исследования были выбраны информационно-аналитические статьи из британской прессы двух типов: качественная пресса и таблоиды.

Для выявления способов выражения скрытой манипулятивности использовался фреймовый анализ, при котором фрейм рассматривается как иерархическая структура [Минский 1979], состоящая из двух уровней слотов: в слотах верхнего уровня располагается информация, всегда релевантная для данного фрейма, а в слотах нижнего уровня – дополнительная информация [Минский 1979; Демьянков 1996].

В основе заполнения слотов предположительно лежит лингвокогнитивный механизм, названный нами ранее дискурсивным программированием и основанный на установлении коммуникативных антиципаций аудитории дискурсивно программирующими и их реализации дискурсивно программируемыми фрагментами.

В ходе предварительных исследований было также выявлено, что дискурсивное программирование может реализовываться на разных уровнях дискурса [Соколова 2022].

Материалом исследования послужили 26 статей из англоязычной качественной прессы (*The Guardian, The Independent*) и таблоидов (*The Mirror, The Daily Mail*), посвящённых протестам иранцев против политики их правительства в январе 2026 г.

В ходе исследования анализировались особенности реализации слотов фрейма MANIPULATION, которые мы рассматриваем как принадлежащие к его верхнему уровню – VICTIM, TRAGIC EVENT(S), CULPRIT.

В частности, в таблоидах и качественной прессе были выявлены следующие концептуальные особенности реализации подфрейма VICTIM.

Подфрейм VICTIM был реализован через дискурсивно-программирующие и дискурсивно-программируемые средства на разных уровнях дискурса, среди которых в обоих случаях доминировали лексико-семантический и полимодальный:

На ***лексико-семантическом*** уровне можно отметить использование ***оценочной лексики***, когда указания на *terrible events* дискурсивно программирует уточнение данной характеристики, которое реализуется не сразу, а через 394 п. з., предположительно удерживая внимание аудитории установленными, но не реализованными единовременно дискурсивными антиципациями: *...government forces opened fire on crowds, killing thousands* (The Guardian, 6 February 2026).

На ***полимодальном*** уровне подфрейм VICTIM дискурсивно программируется через графические изображения (фотографии) и видеоряд. При этом в таблоидах наблюдается явное преобладание полимодальных реализаций. Полагаем, что данная особенность может отождествляться с более высокой выраженностью манипулятивности, поскольку в этом случае в восприятии информации одновременно задействовано несколько сенсорных систем.

В качественной прессе следует отметить также общую тенденцию к развёртыванию подфрейма VICTIM применительно к конкретному участнику описываемых действий (например, Ali, Siamak (The Guardian, 6 February 2026), Mehnaz (The Guardian, 3 January 2026), Ahmadi (The Guardian, 27 January 2026).

В процессе разворачивания подфрейма VICTIM и удержания внимания аудитории в ходе установления дискурсивных антиципаций по поводу событий, происходящих с конкретными участниками событий, одновременно реализуются ещё два фрейма: VALUES AND PRIORITIES и APPEAL TO EMOTIONS, наличие которых, как правило, связывается с высокой манипулятивностью.

Отметим, что персонализация подфрейма VICTIM в таблоидах также наблюдалась, однако, она отмечалась в единичных случаях и удерживала внимание аудитории значительно меньший период времени, чем в качественной прессе.

Второй рассматриваемый терминал верхнего уровня фрейма MANIPULATION – TRAGIC EVENT(S) – также характеризовался рядом концептуальных особенностей и был реализован на нескольких уровнях дискурса (также с преобладанием полимодального в таблоидах).

Наиболее примечательной особенностью реализации подфрейма TRAGIC EVENT в рассмотренном материале представляется его постепенное развертывание при хронологическом изложении событий в качественной прессе. При этом происходила параллельная реализация фреймов, обращающихся к эмоциям и системе ценностей аудитории.

Отметим, что в таблоидах фрейм APPEAL TO EMOTIONS также активно реализуется, однако, он может быть «не привязан» к изложению последовательных событий.

Параллельно с подфреймом TRAGIC EVENT во всём материале исследования была также отмечена реализация подфреймов фрейма MANIPULATION нижнего уровня – NAMED SOURCE (или его альтернативы UNNAMED SOURCE) и STATEMENT MITIGATION.

Как в таблоидах, так и в качественной прессе преобладала реализация подфрейма UNNAMED SOURCE, где источники информации чаще всего указывались, как *sources*, *human rights groups* и т.п.

Что касается фрейма STATEMENT MITIGATION, то его реализация параллельно с фреймом TRAGIC EVENT наблюдалась преимущественно в качественной прессе. При этом интересно сравнить модальность представления одних и тех же данных в разных типах британских СМИ. Например, информация о числе погибших в The Guardian представлена некатегорично: *Estimates of the number killed vary substantially, hampered* by the ongoing internet shutdown […] *Other estimates from doctors based outside Iran range up to 33,000 or more* (The Guardian, 27 Jan 2026), в то время как в таблоидах та же цифра представляется как данность, без смягчения модальности и указания источника информации: *More than 33,000 protesters have been killed in Iran* (The Daily Mail, January 25). Отметим, что реализация смягчения высказывания, как правило, отождествляется с невыраженными формами манипулятивности.

Наконец, третий из рассматриваемых терминалов верхнего уровня фрейма MANIPULATION – подфрейм CULPRIT – также репрезентативно представлен как в качественной прессе, так и в таблоидах.

В материале исследования отмечалось некоторое преобладание реализации подфрейма CULPRIT в заголовках статей таблоидов с одновременным обращением к эмоциям аудитории (APPEAL TO EMOTIONS), как, например в The Mirror: *Iran **security** widens **cruel** clampdown as it turns on reformists* (09 February 2026),

Применительно к данному подфрейму также наблюдалась параллельная реализация подфреймов STATEMENT MITIGATION и UNNAMED SOURCE.

Полагаем, что проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Как для качественной прессы, так и для таблоидов характерна реализация слотов фрейма MANIPULATION на разных дискурсивных уровнях, однако, в таблоидах наблюдается преобладание визуальной информации, что можно связывать с большей выраженностью в них манипулятивности.

2. Как в качественной прессе, так и в таблоидах параллельно с фреймом MANIPULATION отмечается реализация фреймов VALUES AND PRIORITIES и EMOTIONAL APPEAL, но в качественной прессе данные фреймы имеют тенденцию реализоваться на фоне постепенно реализующихся подфреймов VICTIM и TRAGIC EVENT, удерживающих внимание аудитории. Данная концептуальная особенность, полагаем, характерна для менее явно выраженной скрытой манипулятивности.

3. Как в качественной прессе, так и в таблоидах отмечалась реализация подфрейма UNNAMED SOURCE нижнего уровня фрейма MANIPULATION, что, как правило, отождествляется с высокой выраженностью манипулятивности, однако подфрейм нижнего уровня STATEMENT MITIGATION, предполагающий менее явно выраженную манипулятивность, был реализован преимущественно в качественной прессе.

В целом, исследование позволяет сделать вывод о том, что концептуальные механизмы скрытой манипулятивности реализуются в обоих типах британской прессы, однако, в качественной прессе реализация данных механизмов может быть менее выраженной и, соответственно, менее очевидной для целевой аудитории.

Литература

Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Заботкина В.И. Когнитивная мегамодель манипулятивного пространства медиадискурса // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 3. С. 14-21.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. М.: Энергия, 1979.

Недзельская А.Б., Борискина О.О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 73-82.

Соколова В.Л. Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 99-106.

Krafft P.M., Donovan J. Disinformation by design: The use of evidence collages and platform filtering in a media manipulation campaign // Political Communication. 2020. No. 2 (37). Pp. 194-214.

V. L. Sokolova *(Moscow, Russia)*

Moscow State Linguistic University
Moscow Institute of Physics and Technology

FEATURES OF HIDDEN MANIPULATION IN BRITISH QUALITY PRESS AND TABLOIDS

The article addresses discursive and conceptual foundations of hidden manipulation in British broadsheets and tabloids. The research findings enabled the author to make a conclusion that the two types of British mass media sources share conceptual mechanisms of manipulation but are characterized by different manifestations of these mechanisms as well as the explicitness of hidden manipulation.

Key words: British mass media, quality press, tabloids, manipulation, hidden manipulation

А. Н. Степанова *(Екатеринбург, Россия)*

Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
stepanovaalenaaa@yandex.ru

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕСТАНДАРТНЫХ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО КОРПУСА)

Статья посвящена рассмотрению парадоксальности как особой когнитивной стратегии, направленной на получение и передачу знания о внутренне сложных, противоречивых явлениях, в частности, об эмоциональных переживаниях комплексного характера. На материале Поэтического корпуса НКРЯ выявляются различные механизмы парадоксальной репрезентации нестандартных эмоций в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: парадокс, парадоксальность, эмотивная лексика, Национальный корпус русского языка, когнитивная стратегия, поэтическая речь

Как отмечает Л.Г. Бабенко, «когнитивный поворот в лингвистике оказал влияние на обновление подходов к изучению вербальных репрезентаций эмоций» [Бабенко 2023: 709], что проявляется в том числе в особом внимании к пережива-

ниям комплексного характера. Эмоциональные переживания такого рода нередко характеризуются внутренней противоречивостью, в связи с чем неудивительно, что одной из форм их репрезентации в поэтической речи оказывается парадоксальное высказывание.

Нам представляется, что парадоксальность может рассматриваться не просто как характеристика поэтического текста, а как особая когнитивная стратегия. Данный термин может пониматься достаточно широко: «Стратегия – это некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [Брунер 1977: 136]. В рамках данной работы когнитивная стратегия рассматривается более узко – как способ репрезентации знаний о мире; парадоксальность в таком случае может пониматься как особая когнитивная стратегия, позволяющая работать с тем знанием, которое не может быть выражено непротиворечивым образом. Поскольку материалом данного исследования выступают высказывания с эмотивной семантикой, это новое знание оказывается связано с миром внутренних переживаний человека.

Анализ 507 парадоксальных контекстов из Поэтического корпуса НКРЯ позволил нам выявить ряд механизмов, реализующих данную когнитивную стратегию при репрезентации эмоций в поэтической речи.

Первым из таких механизмов является парадоксальная характеризация, проявляющаяся в приписывании эмоции когнитивных признаков, противоречащих ее сути. Так, парадоксальная характеризация часто осуществляется с помощью метафорических эпитетов; в частности, распространено приписывание эмоции нестандартных вкусовых, цветовых, температурных и прочих характеристик: *сладкое отчаяние* (Баркова А.); *злость золотая* (Рыжий Б.); *ледяное любопытство* (Межиров А.) и др. Распространена в поэтической речи нестандартная или противоречивая оценочная интерпретация эмоций, например:

О, награди меня утратою,
Лиши меня свободы вновь,
Пошли мне вновь любовь проклятую,
Благословенную любовь!
(Штейнберг А.)

В стихотворении А. Штейнберга обнаруживается слияние оппозитивных оценочных смыслов, поскольку любовь здесь, с одной стороны, характеризуется как *проклятая*, а с другой – как *благословенная*. В целом отношение лирического героя к любви можно сформулировать следующим образом: он принимает и положительные, и отрицательные стороны данного чувства и стремится к любви, несмотря на то, что она может быть сопряжена со страданием.

Кроме того, встречается приписывание эмоции нехарактерного для нее внешнего проявления (*И ты поморщился от счастья* у Б. Рыжего), а также указание на нестандартный источник эмоции (*Быть нелюбимым, Боже мой, // Какое счастье быть несчастным* у А. Кушнера).

Второй механизм заключается в совмещении противоположных эмоций, результатом которого оказывается комплексное, внутренне противоречивое переживание. В основе парадоксов такого рода лежит ментальная интеграция различных эмотивных смыслов.

Противопоставление эмоций, подвергающихся интеграции, может быть эксплицитным и носить общеязыковой характер (радость – печаль, любовь – ненависть), а может быть менее очевидным и основываться на оппозитивности этих эмоций с точки зрения оценочного знака, характера модальной интерпретации и других дифференциальных признаков. Следует отметить, что некоторые подобные оппозиции носят регулярный характер (в частности, в Поэтическом корпусе регулярно обнаруживаются следующие противопоставления: ужас – восторг, счастье – стыд, жалость – злоба и т.п.). Результатом ментальной интеграции выступают комплексные эмотивные концепты, в которых происходит слияние различных внутренних переживаний: *И равнодушие отчаяния // Гнетет* (Коржавин Н.); *Эту радость с тоской пополам* (Кушнер А.); *И злая жалость ко всему живому* (Межиров А.); *в тягостном веселье* (Еременко А.) и многое другое. Часто в результате концептуальной интеграции противопоставленность эмоций в значительной степени смягчается, и в то же время актуализируется их сходство, акцентируются их интегрирующие признаки. Так, в стихотворении Г. Сапгира совмещение противоположных эмоций осуществляется за счет их соединения в однородном ряду. Неразрывность, слитность переживаний различного характера на графическом уровне поддерживается отсутствием знаков препинания:

Мирьяды глоток произносят так
Здесь блеск и ужас и восторг и мрак
И падающий в космос одиночка
(Сапгир Г.)

Восторг и ужас обладают как дифференциальными когнитивными признаками (оценочная интерпретация), так и интегральными (высокая степень интенсивности чувства). За счет наличия общих семантических компонентов соединение этих эмоций в однородном ряду выглядит закономерным, ср.: *Восторг и ужас – вот что в сердце билось* (Вега М.); *От восторга немея и ужаса* (Баркова А.). Результатом синтеза оказывается комплексное чувство крайне высокой интенсивности, настолько сильное, что сложно однозначно определить его эмоциональную доминанту: ужас или восторг.

Третьим механизмом парадоксальной репрезентации эмоций в поэтической речи можно считать метафорический перенос, основанный на концептуальной интеграции различных ментальных пространств. Художественные метафоры парадоксального характера преимущественно основаны на продуктивных моделях метафорического переноса («живое существо – эмоция», «вещество – эмоция», «предмет – эмоция» и др.), но при этом имеют индивидуально-авторский характер и передают субъективное представление автора о том или ином переживании. Нестандартный персонифицированный образ горя обнаруживается в стихотворе-

нии Г. Дашевского: его можно заключить в объятья, оно может быть субъектом эмоций и проявлять их (*рыданью твоему вторю*):

Счастлив говорящий своему горю,
раскрывая издалека объятья:
подойди ко мне, мы с тобою братья,
радостно рыданью твоему вторю
(Дашевский Г.)

Парадоксальность данного высказывания заключается в том, что человек, испытывающий горе, может быть счастлив и способен радостно вторить рыданиям. Здесь, таким образом, обнаруживается совмещение положительных и отрицательных эмоций; можно также говорить о нестандартном источнике эмоции, поскольку счастливым человека делает именно горе, а точнее, способность прожить и пережить это горе.

Выявленные механизмы парадоксальной репрезентации не исключают друг друга; возможно их совмещение в одном контексте. В качестве примера приведем стихотворение Е. Шварц, в котором метафорическому представлению об эмоции как о жидкости сопутствует совмещение противоположных эмоций, а также их нестандартная характеризация:

Боже,
Ты влил мне в душу
едкую радость
и тоску без предела…
(Шварц Е.)

Метафорический образ эмоций как жидкости создается за счет предиката *влить*, а душа при этом выступает в роли сосуда, вместилища эмоций. Кроме того, данный предикат указывает на единовременное присутствие в душе двух оппозитивных эмоций – радости и тоски. Радость при этом характеризуется с помощью эпитета *едкая*, который больше характерен для отрицательных эмоций. Соответственно, радость здесь получает нестандартную оценочную интерпретацию, поскольку предстает как не вполне положительное переживание, в связи с чем комплексная эмоция, оказывающаяся результатом слияния радости и тоски, тяготеет к отрицательному полюсу оценочной шкалы.

Таким образом, парадоксальность в поэтическом тексте может рассматриваться как особая когнитивная стратегия, позволяющая получать и передавать знание, выраженное в противоречивой форме и соответствующее внутренне противоречивому явлению – например, эмоциональному переживанию нестандартного характера.

Литература

Бабенко Л.Г. Вербальные репрезентации сложных и комплексных эмоций: типы и когнитивные стратегии // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 708-711.

Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации: пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.

Поэтический корпус // Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/corpus/poetic

A. N. Stepanova *(Yekaterinburg, Russia)*
Yeltsin Ural Federal University

PARADOXICALITY AS A COGNITIVE STRATEGY FOR REPRESENTATION OF NON-STANDARD EMOTIONS (BASED ON THE POETRY CORPUS)

The article presents an overview of paradoxicality as a distinct cognitive strategy aimed at acquiring and relaying knowledge of complex and self-contradictory phenomena, namely complex emotional experiences. Mechanisms of paradoxical representation of non-standard emotions in poetic discourse are identified on the basis of samples drawn from the Poetry corpus of The Russian National Corpus.

Key words: paradox, paradoxicality, emotion lexicon, The Russian National Corpus, cognitive strategy, poetic discourse

М. П. Таймур *(Москва, Россия)*
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Taymour.MP@rea.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АУТОПОЭЗИСА

Целью статьи является выявление междисциплинарной взаимосвязи между феноменами аутопоэзиса и лингвокреативности. В работе исследуются ключевые характеристики аутопоэтических систем; рассматриваются понятия когниции и когнитивной ниши; проводится параллель между биологической мутацией и лингвокреативностью, являющейся результатом взаимодействия автора, реципиента и языка.

Ключевые слова: лингвокреативность, лингвокреатема, автопоэзис, коммуникация, когнитивный диссонанс

Термин «аутопоэзис» (греч. αὐτο- (auto) «сам», ποίησις (poiesis) «создание, производство») относится к системе, способной производить и поддерживать себя путём создания собственных частей. В начале 1960-х годов чилийские нейробиологи Ф. Варела и Х. Матурана задались целью определить изначальный организующий принцип, характерный для всей жизни на нашей планете, и данную теорию можно считать одной из наиболее разработанных современных теорий жизни. Сделанные учеными эпистемологические и онтологические выводы органически распространялись на роль языка в существовании общества, психологию личности и различные процессы, происходящие в ней [Варела, Матурана 2001]. В рамках концепции, основанной на системном подходе, в результате развития теории саморегулирующихся сложных систем выделяются следующие основные идеи:

1) каждая живая система (т.е. аутопоэтическая), хотя и отличается от других систем, имеет структуру, сходную с ними;

2) такая система может изменяться структурно, не изменяясь систематически и не теряя своих уникальных организационных качеств, что является отличием живых систем от искусственных;

3) данная система характеризуется своей автономностью и целостностью по отношению к окружающему миру, при этом будучи тесно связанной с внешней средой (так называемое динамическое единство);

4) живую систему нельзя охарактеризовать как полностью открытую или закрытую, и для обозначения этого состояния ученые вводят термин «операционная закрытость живой системы».

Таким образом, любая аутопоэтическая живая система, обладая определенным набором паттернов собственной жизнедеятельности, сохраняет свою идентичность, воспроизводится и развивается, сохраняя при этом устойчивость к влиянию внешних факторов. При этом устойчивость формы живой системы обеспечивается тем, что структура системы определяет циклы ее жизнедеятельности, алгоритм ее функционирования, позволяющий ей воспроизводиться [Аредаков 2008]. Процесс познания, рассматриваемый с биологической точки зрения, оказывается зависящим от свойств когнитивной системы, поскольку окружающий мир не является изначально сконструированной и одинаковой для всех матрицей, а представляет собой результат познавательной деятельности организма. Например, человек и кошка различаются по своей биологической организации, что определяет разницу в их когнитивных способностях по отношению к внешней среде. Этот фактор, в свою очередь, определяет местоположение и качество той части мира, «когнитивной ниши», в которой они оказываются в процессе жизни. Также представляется вполне логичным, что познавательная деятельность создает свою собственную среду по отношению к познавательному агенту в том смысле, что последний выбирает именно и исключительно те элементы мира, которые соответствуют его познавательным установкам и возможностям. Для успешного взаимодействия с окружающей средой любая живая система должна обладать знаниями, которые, по сути, и представляют собой правильное поведение в определенных ситуациях, тем самым обеспечивая большую аутопоэзисность.

Общество как одна из сложнейших аутопоэтических систем требует четкой координации действий своих членов в связи с необходимостью адаптации к миру. Именно для этого возникают самосознание, мышление и язык, а также набор концептов, которые в качестве самостоятельной ментальной единицы гештальтного типа. Е.С. Кубрякова также утверждает, что не только естественный язык преобразует и придает форму сознанию индивида, но и человек, в свою очередь, постоянно находится в процессе креативного преобразования языка, которым он пользуется [Кубрякова 2009].

При рождении каждый человек неизбежно оказывается в определенной языковой среде, и именно благодаря наличию языка для реализации коммуникативных задач становится возможным возникновение разума, самосознания и рефлексии. Очень важное наблюдение нейробиологов заключается в том, что «язык никогда никем не был изобретен только для восприятия внешнего мира. Язык не может быть использован как инструмент для познания этого мира. Скорее, именно с помощью номинации когнитивный акт порождает мир в той поведенческой координации, которая есть язык» [Варела, Матурана 2001: 207].

Таким образом, в определенном смысле язык можно воспринимать как способ построения мира, а его разделение на языкознание как язык в действии и язык как языковую систему отражает идеи Гумбольдта. Необходимо также помнить, что

понятийная система человека, как правило, богаче и объемнее используемой им языковой системы. Это может послужить основой и фундаментом для возникновения феномена языкового творчества.

В поддержку логики использования изначально «биологической» идеи аутопоэзиса в лингвистических исследованиях мы в нашем исследовании установили параллель между появлением мутаций в природе и появлением лингвокреатем в языке (подробнее см. в [Голубкова, Таймур 2019; Таймур 2022; Таймур 2025]), где лингвокреатема понимается как малая моно- или мультимодальная единица дискурса, рожденная творческим актом и обладающая прагматическим потенциалом, успешное извлечение которого зависит от интерпретативных способностей реципиента.

A. Биологические мутации постоянны, но из-за частичной изоляции любой живой системы и механизма естественного отбора подавляющее большинство мутаций рано или поздно исчезают. Только те мутации, которые со временем оказываются эффективными, имеют шанс выжить и стать частью аутопоэтической системы. То же самое происходит в языке с бесчисленным количеством креативных элементов (таких как смешанные метафоры, неологизмы, контаминации и т.д.): лишь небольшое число тех, которым удается укорениться в силу ряда причин, интегрируются в языковую систему и культуру. Ярким примером может служить малафора It’s not rocket surgery, представляющая собой контаминацию двух устойчивых выражений (It’s not rocket science и It’s not brain surgery). Её жизнеспособность в языке обусловлена способностью экономично передавать знакомый смысл («это не сложно») через новую, привлекающую внимание форму.

B. Естественные мутации, прошедшие процесс естественного отбора и интегрированные в живую систему, также могут со временем исчезнуть, поскольку сама система постоянно развивается. Таким образом, ее элементы, необходимые в определенный момент времени, могут постепенно исчезать из-за устаревания. В языке мы можем наблюдать идентичные процессы, когда устоявшиеся лингвокреатемы со временем перестают восприниматься как новшество и могут войти в группу языковых архаизмов. Динамика интеграции и устаревания особенно заметна в мультимодальном рекламном дискурсе, где креативные элементы, такие как специфические визуально-вербальные комплексы, активно работают лишь в определенном культурно-историческом контексте.

Идея рассмотрения языка как творческого процесса была развита в исследованиях истоков художественных творений немецким философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером в 1930-х гг. Он видел источник творения в художнике, а источник художника – в творении. Однако если говорить о поэтическом творчестве, то альтернативным источником творчества является язык. Сегодня одной из основных характеристик понятия креативности в многочисленных междисциплинарных исследованиях служит способность человека достигать свободы, выходя за рамки общепринятых схем обработки и генерации информации. Кроме того, важно отметить, что человек может обрести свободу воплощения своей индивидуальности, выступая не только как создатель чего-то оригинально-

го, но и как его интерпретатор или реализатор. Учитывая, что языковая креативность, а также метафоричность языка пронизывают повседневную жизнь человека, можно согласиться с тем, что языковая креативность как таковая представляет собой личностную способность творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования в реальный устный способ общения [Ирисханова 2004]. Этот процесс требует вовлечения когнитивных механизмов, таких как концептуальная интеграция, метафтонимия и (де)фокусирование внимания. Например, в мультимодальной лингвокреатеме, рекламирующей морской круиз через изображение утюга на простыне (Dreaming of a cruise?), успешная интерпретация зависит от способности реципиента к концептуальному сближению областей «рутина» и «отдых», что является актом когнитивного творчества, запускаемым самой структурой знакового комплекса.

Учитывая все вышесказанное, можно прийти к следующему выводу: взаимодействие творческой деятельности человека и языка носит сложный характер, а способность языка к самопорождению делает его еще более многогранным. При этом при анализе данных отношений необходимо учитывать мнение не только автора, но и реципиента. Последнее требует приложения когнитивных усилий для преодоления когнитивного диссонанса и расшифровки намерения автора лингвокреатемы, будь-то поэтическое произведение, смешанная метафора, новый анекдот и т.д. Поэтому мы считаем, что любой лингвокреативный процесс трехсторонний: творчество проявляется автором, реципиентом и самим языком. Это, несомненно, влияет на характер когнитивных механизмов порождения смыслов различных лингвокреатем, где одним из ключевых принципов является принцип концептуальной интеграции. В его основе лежит способность человека в ходе реального общения творчески интегрировать разнообразные концептуальные сущности в новые подвижные и гибкие структуры (ментальные пространства) и вербализовать эти процессы в соответствии со своими собственными намерениями в дискурсе.

Литература

Аредаков А.А. Сознание в онтологиях антропного принципа // Вопросы философии. 2008. Вып. 1. С. 45-50.

Варела Ф., Матурана У. Древо познания. Биологические корни человеческого познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 147-153.

Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2004.

Кубрякова Е.С. О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica. 2009. Вып. 18. С. 69-75.

Таймур М.П. Когнитивные механизмы формирования смысла лингвокреатем в мультимодальном дискурсе: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2025.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. Москва: РУСАЙНС, 2022.

M. P. Taymour *(Moscow, Russia)*
Plekhanov Russian University of Economics

LINGUISTIC CREATIVITY THROUGH THE PRISM OF AUTOPOESIS

The aim of the article is to identify the interdisciplinary relationship between the phenomena of autopoiesis and linguistic creativity. The work examines the key characteristics of autopoietic systems; considers the concepts of cognition and a cognitive niche; draws a parallel between biological mutation and linguistic creativity, which is the result of the interaction of the author, the recipient and the language.

Key words: linguistic creativity, linguocreateme, autopoiesis, communication, cognitive dissonance

Н. А. Трофимова, А. А. Озернова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
nelart@mail.ru, ozernova2@gmail.com

ФРЕЙМ *FRESH* В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ДЖЕЙМИ ОЛИВЕРА

В докладе представлен когнитивно-дискурсивный анализ фрейма *fresh* в гастрономическом медиадискурсе британского шеф-повара Дж. Оливера. На материале корпуса транскриптов показано, что «свежесть» актуализируется преимущественно через лексику минимальной обработки, маркеры агентности и позитивную оценочность. Делается вывод о персуазивной функции фрейма, задающего нормативную модель повседневной кулинарной практики.

Ключевые слова: фрейм, гастрономический медиадискурс, дискурсивный анализ, оценочность, персуазивные стратегии, Дж. Оливер

В современной лингвистике гастрономический медиадискурс понимается не только как средство передачи рецептурных знаний, но и как механизм формирования повседневных ценностных установок и моделей поведения. В рамках дискурсивного подхода медиатексты описываются как социально ориентированные практики, в которых языковые формы участвуют в воспроизводстве норм и «естественных» представлений о мире [Fairclough 2003]. Важным объектом анализа оказываются кулинарные видеоролики: они сочетают инструктивность и мягкое убеждение, формируя «правильный» сценарий повседневного приготовления пищи.

Исследование посвящено рассмотрению гастрономического дискурса Джейми Оливера – британского шеф-повара и медиакоммуникатора, чья речевая практика характеризуется устойчивой ценностной организацией. Понимание языковой личности как носителя и транслятора ценностных установок позволяет интерпретировать языковые средства не только как элементы идиостиля, но и как инструменты социального воздействия [Карасик 2002]. Одной из ключевых категорий, систематически присутствующих в его речи, является категория fresh. Однако анализ показывает, что «свежесть» редко выражается через прямое употребление соответствующей лексемы. Это показывает, что она функционирует не как отдельное слово или абстрактный концепт, а как более сложный фрейм, реализуемый через совокупность языковых средств.

Цель исследования – реконструировать структуру и функции фрейма fresh и описать его языковую реализацию в гастрономическом медиадискурсе. Теоретическую основу исследования составляют положения фреймовой семантики, трактующей фрейм как структурированную модель типичной ситуации, взаимосвязанные элементы которой актуализируются совместно (участники, действия, объекты, оценки) [Fillmore 1982: 111]. Для описания коммуникативного функционирования фрейма привлекаются положения критического дискурс-анализа [Fairclough 2003] и социокогнитивной модели дискурса [van Dijk 2008], позволяющие рассматривать фрейм как средство закрепления нормативных практик. Оценочный компонент анализа описывается в терминах теории оценивания [Martin, White 2005], которая даёт инструменты для фиксации имплицитной и интенсифицированной позитивной оценки.

Материалом исследования послужил корпус транскриптов видеоскриптов общим объёмом 12 467 токенов. Применены методы частотного анализа, извлечения конкордансов, контекстуальной интерпретации языковых репрезентантов.

Анализ позволил выделить несколько групп слотов фрейма.

Базовые слоты формируют прототипический сценарий «свежего» приготовления. Они включают натуральные ингредиенты (tomatoes*, herbs, basil, chili* и др.), а также действия минимальной обработки и непосредственного физического взаимодействия с продуктами (*chop, tear, mix, go in with your hands*). Инструкции оформляются как краткие разговорные формулы без технической детализации: just roll it out; mix it up; straight into the pan. Отсутствие технической детализации и количественных параметров снижает когнитивную нагрузку и репрезентирует приготовление как простую последовательность элементарных операций. В результате «свежесть» связывается с непосредственностью и физической простотой действия.

Вариативные (контекстуальные) слоты обеспечивают адаптацию сценария к повседневным условиям адресата. В дискурсе регулярно используются формулы, ослабляющие нормативность: you don’t really have to weigh it out; it doesn’t really matter; you could absolutely chop it up by hand. Появляются нейтральные или позитивные упоминания «упрощённых» решений – готовых или предварительно обработанных продуктов: jarred chickpeas; all the work’s done for you; a little bit of peanut butter is a cheat. Сценарий не требует идеальных условий и легко адаптируется к повседневному бытовому контексту (нехватка времени, ограниченные ресурсы). Гибкость становится важной характеристикой фрейма.

Отдельную группу образуют оценочные (аксиологические) слоты. Дискурс сопровождается систематической интенсифицированной позитивной оценкой: really good, really really tasty, amazing, beautiful, delicious, unbelievable, как, например, во фразе: This is really, really tasty, absolutely beautiful. Показательно, что оценка охватывает как результат, так и сам процесс приготовления, который описывается как приятный и естественный. Подобная тональность формирует устойчивый эмоциональный фон и закрепляет за «свежим» способом готовки статус желательного.

Совокупность структурных и оценочных элементов формирует ряд дискурсивно-прагматических эффектов. Во-первых, снижается порог участия: приготовление представляется простым и выполнимым. Во-вторых, формируется установка на агентность субъекта, что поддерживается частотными формами первого лица и краткими инструкциями, как, например, I'll just…, let's do it, go in with your hands. В-третьих, позитивная оценочность выполняет персуазивную функцию, нормализуя описываемую практику без прямых предписаний.

Таким образом, фрейм fresh выступает инструментом ценностной регуляции поведения. Он организует кулинарный опыт как простую, доступную и социально одобряемую повседневную деятельность. Гастрономический медиадискурс предстает как форма мягкого убеждения, где нормативность формируется через сценарии действий и эмоционально положительную репрезентацию практики.

Полученные результаты подтверждают продуктивность фреймового подхода для анализа гастрономического медиадискурса. В отличие от трактовки «свежести» как лексико-семантического признака или абстрактного концепта, фрейм позволяет описывать данную категорию как целостный сценарий практического действия. Данный подход позволяет точнее описать процесс кулинарной коммуникации, где значение формируется не столько через номинацию свойств, сколько через демонстрацию последовательности операций, выбор ингредиентов и оценочное сопровождение процесса. Иначе говоря, «свежесть» в рассматриваемом материале проявляется как способ организации опыта, а не как вербализованная характеристика продукта. Фреймовая модель, ориентированная на описание типичных ситуаций, их участников и действий [Fillmore 1982], позволяет адекватно зафиксировать именно этот процедурный, деятельностный характер значения.

Анализ показал, что ключевые слоты фрейма распределены по тексту неравномерно и реализуются в разных типах контекстов. Так, глаголы минимальной обработки концентрируются преимущественно в инструктивных сегментах, где говорящий демонстрирует последовательность действий, тогда как оценочная лексика чаще появляется в комментариях и метатекстовых репликах, сопровождающих процесс приготовления. Подобное распределение свидетельствует о функциональной дифференциации языковых средств: одни единицы структурируют сценарий действия, другие обеспечивают его аксиологическое и персуазивное сопровождение. Тем самым фрейм проявляется не как статическая совокупность признаков, а как динамическая конфигурация слотов, активируемых в зависимости от коммуникативной задачи.

Полученные наблюдения позволяют уточнить представление о гастрономическом медиадискурсе как о форме повседневной педагогики. Через регулярное воспроизведение рассматриваемой модели адресату предлагается определённый способ взаимодействия с продуктами и собственным практическим опытом: готовить самостоятельно, использовать простые ингредиенты, минимизировать технологические сложности, получать удовольствие от процесса. Такая модель поведения не формулируется в виде прямых предписаний, однако закрепляется через повторяющиеся языковые паттерны и позитивную оценочность. В этом смысле фрейм

fresh выступает инструментом мягкой нормализации и ценностной регуляции практик, что подтверждает тесную связь когнитивных структур с дискурсивными механизмами социального воздействия.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Fillmore Ch. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. Pp. 111-137.

Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Rouledge, 2003.

Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. London: Palgrave Macmillan, 2005.

van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

N. A. Trofimova, A. A. Ozernova *(St. Petersburg, Russia)*

St. Petersburg State University of Economics

FRAME FRESH IN THE GASTRONOMIC MEDIA DISCOURSE OF JAMIE OLIVER

The paper presents a cognitive-discursive analysis of the frame *FRESH* in the gastronomic media discourse of the British chef Jamie Oliver. Based on a corpus of video-script transcripts, the study demonstrates that “freshness” is predominantly actualized through the vocabulary of minimal processing, markers of agency, and systematic positive evaluation. The findings suggest that the *FRESH* frame performs a persuasive function, establishing a normative model of everyday cooking practices.

Key words: frame, gastronomic media discourse, discourse analysis, evaluation, persuasive strategies, Jamie Oliver

Т. Р. Тугуз *(Белгород, Россия)*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

tuguz@bsuedu.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДУЛЬНО-СОПРЯЖЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИНФОРМАТИВОВ В РОМАНАХ Р. СТИВЕНСОНА И Т. ФОНТАНЕ

Данная работа посвящена исследованию маркеров невербальной коммуникации в когнитивных конструктах романов англоязычного писателя Р. Стивенсона и немецкоязычного писателя Т. Фонтане. Впервые выявлено, что когнитивный сценарий функционирует в модели когнитивной сцены в качестве фонового терминала.

Ключевые слова: проксема, кинема, такема, хронема, сенсема, когнитивная сцена, когнитивный сценарий, модульно-сопряженный когнитивный информатив

Проблематика художественного текста в настоящее время находится в центре внимания многих исследователей. Выражая авторскую интенцию, текст содержит в себе множество концептов, присущих определенному писателю.

Художественный текст состоит из множества различных «многомерных мыслительных конструктов» [Кубрякова 1996: 90-93] – художественных концептов. Из совокупности концептов состоит авторская концептосфера. Концепт проявляет себя в тексте в виде различных конструктов, образующих информативную проекцию. Они делятся на следующие группы: «статичные, динамичные, статично-динамичные» [Огнева 2009]. Такие конструкты, как фреймы, образуют статичную проекцию. Когнитивные сценарии и когнитивные сцены представляют собой динамичную проекцию, а когнитивные карты, в свою очередь, статично-динамичную проекцию. В современной лингвистике эта тема остается недостаточно изученной.

Данная работа посвящена исследованию динамичных конструктов – когнитивных сцен и когнитивных сценариев, встречающихся в концептосфере рассматриваемых произведений. Под когнитивным сценарием подразумевается «динамичный когнитивный формат знания, репрезентированного в художественном тексте» [Огнева 2014: 77]. Когнитивная сцена «описывает взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз 2021: 107]. В отличие от когнитивного сценария, в котором показана «последовательность событий», в когнитивной сцене «реализуется коммуникативная ситуация» [Огнева, Кузьминых 2014: 35]. Совокупность когнитивных сценариев и когнитивных сцен может рассматриваться как когнитивная карта. Под данным термином понимается ментальный конструкт, который «создается и видоизменяется в результате активного взаимодействия субъекта с окружающим миром» [Залевская 1999].

Осмысление данной классификации когнитивных конструктов позволило предложить следующее уточнение и ввести термин «модульно-сопряженный когнитивный информатив», под которым понимается исследовательский конструкт, в котором сопряжены когнитивная сцена и когнитивный сценарий вследствие контекстуального единства, предопределенного интенцией писателя.

Исследование показало, что модульно-сопряженные когнитивные информативы состоят из маркеров невербальной коммуникации и нейтральных смысловых единиц. Маркеры невербальной коммуникации делятся на пять типов: кинемы, проксемы, такемы, хронемы, сенсемы. Перечисленные маркеры входят в текстовый информативный код. Наличие репрезентантов невербального кода коммуникации обусловлено «функционированием когнитивной текстовой сетки, определяющей специфику идиостиля писателя» [Огнева, Кузьминых 2014: 57]. Под кинемой понимается «выразительное, законченное (имеющее определенную структуру, способ исполнения и столь же устойчивое значение) и самостоятельное (отличное от другого) мимическое, жестовое или фиксированное (поза) телодвижение» [Нелюбин 2003: 76]. Под проксемой подразумевается номинация как «единица пространства, обладающая физическими параметрами», которые «соответствуют характеру общения» [Нелюбин 2003: 169]. Такемами называются номинанты, репрезентирующие «рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу партнера по коммуникации» [Огнева, Кузьминых 2014: 48]. Хронемы – это номинанты, отражающие «использование

времени в невербальном коммуникационном процессе» [Садохин 2004: 176]. Под сенсемами подразумеваются номинации «чувственных восприятий, основывающиеся на информации от органов чувств» [Огнева, Кузьминых 2014: 48].

В качестве материала для исследования были выбраны следующие разноязычные одножанровые темпорально-недистантные произведения: англоязычный роман Р. Стивенсона «Катриона», опубликованный в 1893 г., и немецкоязычный роман Т. Фонтане «Эффи Брист», опубликованный в 1895 г., формирующие художественный дискурс. Под темпорально-недистантными произведениями понимаются тексты, опубликованные примерно в одно время в рамках художественного дискурса [Тугуз 2025: 9].

В качестве метода исследования был избран «авторский интерпретативный алгоритм построения сравнительно-сопоставительных проксемных кодовых моделей фонового терминала текстовых когнитивных сцен» [Тугуз 2025: 7], а также метод лингвистического анализа.

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс, ФТ – фоновый терминал, К – кинема, П – проксема, Т – такема, Х – хронема, С – сенсема.

Пример 1. ***(ИИ I)*** *There they bring my father one time and another, for what purpose I have no thought in my mind; but it seems there is some hope dawned for him <…>.*

(ФТ) *I* ***took (К)*** *sixpence from my pocket,* ***gave (К)*** *it to Neil, and bade him go about his errand. <…>.*

(ИИ II) *That sixpence came with me by Balwhidder <…>* [Stevenson 2003: 9].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Катриона Драммонд и Дэвид Бальфур. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Катрионы, соответственно, Катриона является адресантом, а Дэвид – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами. Фоновый терминал содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: две кинемы (*взял*, *дал*), исходящие от одного из коммуникантов – Дэвида и глагол действия (*приказывал*). Впервые выявлено, что когнитивный сценарий функционирует в когнитивной сцене в качестве фонового терминала.

Пример 2. ***(ИИ I)*** *<…> and, if the question is equally fair, who may you be yourself?*

(ИИ II) *“You never heard tell of my name nor of me either”, said I <…>.*

(ФТ) *He* ***rose (П)*** *without more words, casting down his paper like a man ill-pleased,* ***sent*** *forth his clerk of an errand, and* ***shut (К)*** *to the house-door behind him* [Stevenson 2003: 12].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Дэвид Бальфур и Чарльз Стюарт. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Дэвида, соответственно, Дэвид является адресантом, а Чарльз – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами. Фоновый терми-

нал содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: одна проксема (*поднялся*), одна кинема (*закрыл*), исходящие от одного из коммуникантов – Чарльза, представляющие собой текстовый когнитивный сценарий.

Пример 3. ***(ФТ)*** *Und waehrend Effi diese Litanei feierlich anstimmte,* ***setzten (П)*** *sich alle vier auf den Steg hin in Bewegung,* ***stiegen (П)*** *in das dort angekettelte Boot und* ***liessen (К)*** *von diesem aus die mit einem Kiesel beschwerte Tuete langsam in den Teich niedergleiten.*

(ИИ I) *"Hertha, nun ist deine Schuld versenkt", sagte Effi, „wobei mir uebrigens einfaellt, so vom Boot aus sollen frueher auch arme, ungluecklicheFrauen versenkt worden sein <…>".*

(ИИ II) *Aber doch nicht hier* [Fontane 2005: 12].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Герта и Эффи. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Эффи, соответственно, Эффи является адресантом, а Герта – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами. Фоновый терминал содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: две проксемы (*двинулись*, *сели*), одна кинема (*спустили*), исходящие от обоих коммуникантов – Герты и Эффи. Совокупность маркеров невербального кода выстраивается в текстовый когнитивный сценарий.

Пример 4. ***(ИИ I)*** *Mama, du darfst mich nicht schelten. Es ist wirklich erst halb. Waru kommt er so frueh? <…>.*

(ФТ) *Frau von Briest* ***war in sichtlicher Verlegenheit (С)****; Effi aber* ***schmiegte (Т)*** *sich liebkosend an sie und sagte:*

(ИИ II) *Verzeih, ich will mich nun eilen; du weisst, ich kann auch rasch sein, und in fuenf Minuten ist Aschenputtel in eine Prinzessin verwandelt <…>* [Fontane 2005: 14].

В данном модульно-сопряженном когнитивном информативе присутствуют два коммуниканта – Фрау фон Брист и Эффи. Они образуют терминалы «адресат» и «адресант». Первый информационный импульс исходит от Эффи, соответственно, Эффи является адресантом, а Фрау фон Брист – адресатом. Во втором информационном импульсе адресат и адресант меняются местами. Фоновый терминал содержит следующие маркеры невербальной коммуникации: одна сенсема (*была смущена*), одна такема (*прижалась*), исходящая от одного из коммуникантов – Эффи и образующие текстовый когнитивный сценарий.

Согласно проведенному исследованию, оба произведения содержат большое количество динамичных конструктов, а именно модульно-сопряженных когнитивных информативов, в которых фоновыми терминалами в составе текстовых когнитивных сцен как в англоязычном, так и в немецкоязычном произведениях, являются текстовые когнитивные сценарии. Рассмотрение фонового терминала, функционирующего в качестве текстового когнитивного сценария, показало высокую частотность маркеров невербальной коммуникации.

Литература

Залевская А.А. Психологический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 31-42.

Кубрякова Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.

Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.

Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария. Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. Т. 1, № 2 (2). С. 75-87.

Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014.

Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2004.

Тугуз Т.Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. 2021. № 11 (79). С. 105-112.

Тугуз Т.Р. Проксемная информативность сравнительно-сопоставительной модели текстовых когнитивных сцен: на материале произведений Г. Джеймса и Г. Зудермана: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2025.

Fontane T. Effi Briest. Germany: ANACONDA, 2005.

Stevenson R. Catriona. M.: Directmedia, 2003.

T. R. Tuguz *(Belgorod, Russia)*

Belgorod National State Research University

SPECIFIC FEATURES OF MODULAR-COUPLED COGNITIVE INFORMATIVES IN R. STEVENSON'S AND T. FONTANE'S NOVELS

The work is devoted to the study of markers of non-verbal communication in cognitive constructs of novels by the English-language writer R. Stevenson and the German-language writer T. Fontane. It has been revealed that the cognitive scenario functions as a background terminal in the cognitive scene model.

Key words: proxeme, kineme, takeme, chroneme, senseme, cognitive scene, cognitive script, modular-coupled cognitive informative

Е. В. Турлова *(Оренбург, Россия)*

Оренбургский государственный университет

orenburg05@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО УЧЕБНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются динамические сценарии («Путь», «Мышление», «Коммуникация» и «Инструмент»), реализованные в названиях современных англоязычных учебно-методических комплексов. Сценарии предлагают пользователю целостную и ценностно маркированную модель образовательного процесса, в которой определены ролевые позиции,

последовательные этапы и финальные ориентиры, выходящие за рамки функций традиционного учебника.

Ключевые слова: учебный дискурс, динамический сценарий, учебно-методический комплекс, фрейм

Изучение когнитивно-дискурсивных параметров современных учебно-методических комплексов (УМК) по английскому языку необходимо, поскольку именно эти материалы содержат актуальный аутентичный языковой материал, а также имеют в своем составе цифровые, мультимедийные технологические решения, реализующие возможности преподавания в дистанционном формате. Название учебника и целого учебно-методического комплекса – это ключевой маркер, формирующий первичную когнитивную модель в сознании потребителя, учителя, ученика, автора и издателя. Переход от статичного учебника к интерактивному, мультимодальному учебно-методическому комплексу обусловливает необходимость изучения когнитивных механизмов интерпретации номинативной парадигмы учебного дискурса. Непосредственным объектом исследования служат названия современных англоязычных УМК издательств Oxford University Press, Cambridge University Press, Pearson, такие как «*Headway»*, «*English File»*, «*Think»*, «*Eyes Open»*, *«Navigate»*, «*Gateway»* и др. [Cambridge University Press; Oxford University Press; Pearson ELT Catalog]. Общая цель нашего исследования – описание языковых средств, моделирующих динамический сценарий обучения и интерпретирующих содержание обучения в современном англоязычном учебном дискурсе.

Представляется необходимым определить основные для нашего исследования теоретические положения. Так, в рамках нашей работы учебный текст, как и любой другой, служит результатом речемыслительной деятельности, открывая доступ к ментальным пространствам и стратегиям их интерпретации. Исследователи подчёркивают многогранную природу дискурса, ключевыми аспектами которой являются коммуникация и когнитивная интерпретация, в том числе посредством типичных сценариев, моделей коммуникации [Болдырев 2018; Гвишиани 2025]. В свою очередь, учебный дискурс, как классический институциональный тип, уже неоднократно становился объектом исследований в науке о языке. Существующие работы охватывают такие области, как академический, университетский, научно-учебный дискурс и их дидактические параметры [Климанова 2001]. В отличие от них, наше исследование сосредоточено на интерпретирующем потенциале учебного дискурса, а именно на том, как в нём номинируются субъекты и компоненты коммуникации, и как процесс освоения иностранного языка представлен в виде определенных сценариев, устойчивых, но динамичных моделей.

Материалом исследования служит современный учебник иностранного языка, представляющий собой языковую модель мира. Существенные изменения содержания и структуры современных УМК обусловлены глубокой цифровизацией образования (опосредованное обучение, мобильные и AI-технологии), которая радикально изменила состав и инструментарий учебно-методических комплексов, прежде относительно стабильных.

Переходя непосредственно к анализу номинативной парадигмы англоязычных учебно-методических комплексов, считаем возможным выделить следующие общие характеристики в динамическом сценарии, который разворачивается во времени и включает последовательность событий, роли участников, их цели и действия как сущностные составляющие англоязычного учебного дискурса. Например, динамический сценарий ПУТЬ / ДВИЖЕНИЕ как один из наиболее частотных репрезентируется такими названиями УМК, как *«Headway»*, *«Navigate»*, *«Gateway»*, «*Forward»*, *«Pathway»* [Cambridge University Press; Oxford University Press; Pearson ELT Catalog] и предполагает активацию фрейма «Путешествие» с входящими в него слотами *путешественник* – ученик, *траектория* – учебная программа, *этап* – уровень языкового материала, юнит, *конечная точка маршрута* – желаемый уровень владения иностранным языком. Этот сценарий ярко интерпретирует процесс освоения языка как прогресс, последовательное и управляемое движение от незнания к знанию.

Динамический сценарий МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и РАЗВИТИЯ репрезентируется следующими номинациями: «Think», *«*Eyes Open», «Insight», «Imagine», «Reflect» [Cambridge University Press; Oxford University Press; Pearson ELT Catalog]. Здесь названия активируют глубинные когнитивные фреймы «Познание», «Понимание», «Осознание» и «Творчество». Ключевыми слотами в конструируемом сценарии становятся: *субъект познания* – ученик как агент действия; *инструмент познания* – иностранный язык и учебный материал; *процесс* – внутренняя когнитивная и эмоциональная работа (анализ, рефлексия, интерпретация, генерация идей); *результат* – новое знание, личностный внутренний рост и развитие, расширение кругозора. Этот сценарий принципиально смещает акцент с внешнего, социально-коммуникативного результата на внутреннюю, ментальную динамику обучающегося. Процесс овладения языком интерпретируется не как линейное движение по траектории, а как качественная трансформация, развитие критического мышления и формирование способности к автономному познанию мира через призму нового лингвокультурного кода. Таким образом, УМК позиционируется не просто как источник языковых навыков, а как катализатор интеллектуального и личностного роста.

Динамический сценарий КОММУНИКАЦИИ и СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ моделируется такими номинациями УМК, как «English File», «Speakout», «Interchange», «Chatterbox», «Conversations» [Cambridge University Press; Oxford University Press; Pearson ELT Catalog]. Ядром активируемого фрейма здесь выступает «Общение» (Communication Event) с его базовыми слотами: *коммуниканты* – отправитель и получатель сообщения (ученик в различных социальных ролях); *канал связи* – устная или письменная речь; *сообщение* – смысл, передаваемый в акте коммуникации; *код* – собственно английский язык; *контекст* – смоделированные или реальные ситуации социального взаимодействия. Данный сценарий делает прагматическую функцию языка первичной и самодостаточной. Учебный процесс концептуализируется как непрерывная череда коммуникативных актов, практика живого, мотивированного обмена информацией, мнениями и

эмоциями. Названия-глаголы в повелительном наклонении («Speakout») прямо индуцируют речевое действие, а существительные как «Interchange» подчеркивают идею взаимности, диалогичности. Сценарий предполагает для ученика не столько системные знания, сколько социальную вовлеченность, уверенность в диалоге и успешную интеграцию в глобальное англоязычное сообщество.

Динамический сценарий РЕСУРСА или ИНСТРУМЕНТА находит свое выражение в номинациях УМК, таких как «Framework», «Blueprint», «Toolkit», «Essential Grammar in Use», «Vocabulary Builder» [Cambridge University Press; Oxford University Press; Pearson ELT Catalog]. В их основе лежит активация фреймов «Инструмент», «Конструкция», «Система». Ключевыми элементами сценария являются: *пользователь* – ученик или учитель как рациональный «мастер»; *надежный инструмент / план* – сам УМК, представленный как четко организованный, логичный и предсказуемый ресурс; *цель* – построение («строительство») языковой компетенции; *структурные элементы* – модули, правила, лексические блоки, подобные деталям конструктора или пунктам плана. Этот сценарий апеллирует к потребности в порядке, системности и контроле. Он предлагает обезличенную, но максимально эффективную модель: язык предстает как объект, который можно аналитически разложить на компоненты и собрать в работающую конструкцию по готовому «Blueprint» или в рамках заданного «Framework». Динамика здесь заключается не в эмоциональном или социальном путешествии, а в последовательном, пошаговом накоплении и интеграции знаний, где УМК выполняет роль незаменимого и точного инструментария, гарантирующего результат через следование продуманной методической архитектуре.

Языковая репрезентация и активация динамических сценариев в номинациях УМК реализуются через комплекс взаимосвязанных средств различных языковых уровней, формирующих императивную или инклюзивную модальность учебного дискурса: на *лексическом уровне* это, прежде всего, использование глаголов в повелительном наклонении (*«Think»*, *«Speakout»*) и отглагольных существительных с яркой динамической семантикой (*«Headway»*, *«Gateway»*), которые непосредственно призывают к действию или репрезентируют его результат, а также лексических единиц, актуализирующих ядерные концепты целевого фрейма (*«Path», «Insight», «Interchange»*); на *морфолого-словообразовательном уровне* ключевую роль играют префиксы и основы, передающие идею движения, трансформации или внешней направленности (*«Navigate», «Output», «Forward»*); на *синтаксическом и дискурсивно-прагматическом уровне* важнейшим приемом являются эллиптичность и максимальная компрессия названия, что превращает его в мощный семиотический «триггер», который в условиях ограниченного рекламно-методического дискурса должен мгновенно активировать в сознании потенциального пользователя развернутый сценарий обучения, программируя ожидания от курса и формируя установку на активное, целенаправленное и структурированное взаимодействие с учебным материалом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что номинативная стратегия современных англоязычных УМК является не случайным актом, а целенаправленным когнитивно-дискурсивным конструированием, при котором ключевое название выполняет функцию семиотического ядра, активирующего в сознании адресата один из нескольких базовых динамических сценариев. Каждый из выделенных сценариев, актуализируя через название соответствующий фрейм, предлагает пользователю не просто учебник, а целостную, ценностно окрашенную модель учебного опыта с четкими ролями, этапами и ожидаемыми результатами. Таким образом, посредством выбора конкретной номинации происходят первоначальное позиционирование всего курса, дифференциация его на рынке и глубокая мотивационная настройка конечного потребителя.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Гвишиани Н.Б. Когнитивные модели и автоматизированные системы в интерпретации содержательной структуры текста // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2-1 (63). С. 41-46.

Климанова О.А. Аутентичный учебный дискурс в контексте современных лингвистических исследований (на материале микротекстов формулировок учебных заданий): автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2001.

Cambridge University Press. English Catalogue. URL: https://www.cambridge.org/it/ cambridgeenglish/catalog

Oxford University Press. ELT Catalog. URL: https://elt.oup.com/cat/courses/adult_young_adult/?cc=it&selLanguage=it&mode=hub

Pearson ELT Catalog. URL: https://www.pearsonelt.es/catalogue.html

E. V. Turlova *(Orenburg, Russia)*

Orenburg State University

INTERPRETIVE POTENTIAL OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE EDUCATIONAL DISCOURSE NOMINATIVE PARADIGM

The article discusses dynamic scenarios (“Path”, “Thinking”, “Communication” and “Tool”) implemented in the names of modern English-language educational and methodological complexes. The scenarios offer the user a holistic and value-based model of the educational process, which defines role positions, successive stages and final goals that go beyond the functions of a traditional textbook.

Key words: educational discourse, dynamic scenario, educational and methodical complex, frame

Л. А. Тюкина *(Ярославль, Россия)*

Ярославский государственный технический университет
ltyukina@yandex.ru

В. Н. Бабаян *(Ярославль, Россия)*

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ИМПЛИЦИТНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ АНЕКДОТЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье исследуются лингвопрагматические и когнитивные механизмы смыслопорождения в русском языковом анекдоте. Выделены и проанализированы ключевые типы имплицитности (пресуппозиционная, импликатурная, фреймово-сценарная). Показано, что понимание анекдота представляет собой процесс конфликта и интеграции ментальных пространств, кульминацией которого выступает пуант.

Ключевые слова: лингвопрагматика, когнитивная лингвистика, анекдот, имплицитность, пуант

Русский языковой анекдот как малый фольклорно-речевой жанр представляет собой уникальный объект для исследования механизмов смыслообразования. Его юмористический эффект возникает не из эксплицитного содержания, а является результатом сложной обработки имплицитной информации. Несмотря на значительный интерес к анекдоту в филологии, его лингвопрагматические и когнитивные основания изучены недостаточно. Целью данной работы является анализ модели смыслопорождения в анекдоте, выявляющей связь между типами языковой имплицитности и когнитивными операциями по их декодированию. Гипотеза исследования заключается в том, что пуант функционирует как триггер, заставляющий реципиента реорганизовать исходную ментальную модель ситуации через интеграцию конфликтующих смысловых фреймов. По мнению В.И. Карасика, «анекдот в русском коммуникативном поведении является ключом переключения тональности из серьезной в смешную. Можно сказать, что для многих носителей русской культуры настроенность на смешную тональность именно в серьезной ситуации общения, намеренное переворачивание условий общения, является нормой» [Карасик 2002: 263].

Среди разнообразия форм анекдота (монологи, диалоги, короткие истории) языковой (лингвистический) анекдот выделяется своей зависимостью от материи самого языка. Его остроумие основано на игре слов, полисемии или каламбуре, что и составляет его «изюминку». Данная особенность делает такие анекдоты практически непереводимыми: при переводе языковая игра, как правило, теряется, а текст превращается в лишенную комизма интерпретацию. Важно, что языковой анекдот – это не отдельная тематическая группа, а особый механизм построения шутки, который может быть применен к любой теме (политика, быт, гендерные отношения и т.д.) [Tyukina, Melnikova, Babayan 2021: 28]. Лингвистический анекдот – это «не просто юмористический текст, а текст, построенный именно носителем языка, человеком, тонко чувствующим язык. Такие анекдоты могут возникать

абсолютно спонтанно в ситуациях обычного бытового общения, когда кто-либо произносит слово, у которого есть и другое значение, и возникает спонтанный языковой анекдот» [Тюкина 2025: 229]. Так, В.П. Белянин определяет языковые анекдоты как «анекдоты, понимание которых требует знаний лингвистического, металингвистического и психолингвистического характера» [Белянин 1998]. Языковая игра представлена в жанре анекдота такими «средствами создания комического как каламбур, доведение до абсурда, ирония, парадокс и др., но особое место в анекдоте занимают фонетические средства создания комического эффекта. К таким средствам на фонетическом уровне относятся: ономатопея (звукоподражание), спунеризм (перестановка слогов из двух разных слов), метатеза (фонетическая перестановка на уровне одного слова), аллитерация (повторение одинаковых или однородных согласных звуков) и другие» [Бабаян 2021: 168].

Попробуем показать интеграцию лингвопрагматики и когнитивистики в анализе юмора. Адекватный анализ анекдота как сложного семиотического феномена требует интеграции методологических аппаратов лингвопрагматики и когнитивистики. С лингвопрагматической точки зрения, анекдот представляет собой специфический речевой акт, перлокутивной целью которого является провоцирование у адресата когнитивно-эмоциональной реакции (смеха, улыбки, интеллектуального удивления). Ключевым для понимания его механизма является принцип релевантности [Sperber, Wilson 1995]. Слушатель, исходя из того, что коммуникативное высказывание оптимально релевантно, вкладывает когнитивные усилия в его обработку, ожидая соразмерного смыслового эффекта. Финальная точка анекдота – пуант – и выполняет функцию этого эффекта. Он предстает как неожиданный, но объяснимый вывод, который кардинально перестраивает интерпретацию всего предшествующего повествования, оправдывая затраченные на его понимание усилия.

Однако для описания того, как именно происходит эта перестройка, необходим когнитивный инструментарий. Когнитивная лингвистика оперирует понятиями устойчивых ментальных структур, организующих наш опыт. Фрейм понимается как когнитивная модель, репрезентирующая стереотипную ситуацию, со слотами для типичных участников, объектов и действий. Его динамической, развернутой во времени разновидностью выступает скрипт [Raskin 1985]. Анекдот в своей завязке целенаправленно активирует у реципиента тот или иной социально-культурный скрипт (например, «посещение врача», «экзамен», «поиск работы», «усталость от жизни»), создавая предсказуемую смысловую перспективу. Здесь можно сразу продемонстрировать, как конкретный текст анекдота выполняет эту функцию. Это иллюстрация отправной точки когнитивного процесса:

– У неё иссяк запал.

– Что запало?

– Иссяк.

Данный короткий анекдот-диалог основан на конфликте между идиоматическим и буквальным прочтением фразы «иссяк запал». Первая реплика использует фразеологизм в переносном значении ('пропал энтузиазм'). Вторая реплика наме-

ренно нарушает принцип релевантности, интерпретируя «запал» как глагол ('что провалилось?'), что создает прагматический сбой. Когнитивно это вызывает сдвиг фрейма, а именно от фрейма «психологическое состояние» к фрейму «физическое событие». Третья реплика («Иссяк») усугубляет абсурд, следуя логике буквального фрейма, но давая семантически несовместимый ответ (глагол вместо существительного). Юмор возникает в результате концептуальной интеграции этих несовместимых моделей, где идиома искусственно «разбирается» и доводится до буквального абсурда. Это игра с метаязыковой рефлексией и нарушением ожиданий.

Синтез этих двух подходов позволяет построить целостную модель понимания анекдота как последовательного когнитивного процесса. На первом этапе (активация базового скрипта) лингвистические маркеры завязки запускают у слушателя стандартный фрейм. Далее происходит накопление имплицитных предпосылок: в теле нарратива, через пресуппозиции и контекстуальные импликатуры, исподволь вводятся элементы, создающие слабый диссонанс или неполное соответствие исходному сценарию. Кульминационный момент, пуант, служит триггером сдвига фрейма (frame-shifting). Эта финальная реплика выступает катализатором, делая ранее периферийные или неявные элементы центральными и релевантными, что вынуждает сознание к молниеносной реинтерпретации. Попробуем показать это на примере очень короткого анекдота в одну строку:

Если на заборе вместо слова «...» написать «категорический императив», то у читающего возникнет когнитивный диссонанс.

Это метаязыковой анекдот-рассуждение, где объектом игры становится не ситуация, а сама теория юмора и понятие когнитивного диссонанса. Вместо реализации диссонанса анекдот лишь вербализует его механизм, подменяя традиционный пуант (которым должно быть непредсказуемое ругательство) сухим научным термином «категорический императив» И. Канта. Юмор строится на нарушении ожиданий дважды: 1) вместо ожидаемой обсценной лексемы дается философское понятие; 2) вместо переживания диссонанса дается его диагноз. Таким образом, этот анекдот является интеллектуальной провокацией, демонстрирующей, что описание эффекта может заменить сам эффект, создавая новый, метаюмористический диссонанс между ожидаемой формой анекдота и его академическим содержанием.

Данный процесс наиболее адекватно описывается теорией концептуальной интеграции (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера. Завершающая стадия – интеграция и разрешение – заключается в создании нового, гибридного блендпространства, в котором элементы из конфликтующих исходных ментальных пространств (базового скрипта и альтернативной интерпретации, предложенной пуантом) соединяются, порождая эмерджентный смысл – логическую, часто абсурдную или ироничную, связь между прежде несовместимыми понятиями. Когнитивный диссонанс разрешается, а затраченные на обработку умственные

усилия окупаются сильным когнитивным эффектом, который субъективно переживается как юмор [Fauconnier, Turner 2006].

Таким образом, интегративная модель демонстрирует, что анекдот является тонким инструментом управления вниманием и фреймированием, где лингвопрагматические стратегии создают условия для осуществления фундаментальных когнитивных операций по перестройке смысла.

Литература

Бабаян В.Н. Фонетическая игра в юмористическом дискурсе / В.Н. Бабаян, Л.А. Тюкина // Фонетическая рапсодия 2021: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 168-171.

Белянин В.П. Русский языковой анекдот // Вестник ЦМО МГУ. Русский язык: лингвистические исследования. 1998. № 1, часть 2. С. 37-42. URL: https://www.mospsy.ru/phorum/read.php?f=2&i=4666&t= 1998

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Тюкина Л.А. Лингвопрагматика русскоязычного языкового анекдота // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка: сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2025 г. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025. С. 227-235.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. Pp. 303-371.

Raskin V. Semantic mechanisms of humor (Studies in Linguistics and Philosophy 24). Dordrecht: D. Reidel, 1985.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1995.

Tyukina L.A. Russian language jokes in humorous dialogical discourse / L.A. Tyukina, K.A. Melnikova, V.N. Babayan // Russian studies without borders. 2021. Vol. 5, No. 1. Pp. 27-34.

L. A. Tyukina *(Yaroslavl, Russia)*
Yaroslavl State Technical University
V. N. Babayan *(Yaroslavl, Russia)*
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

IMPLICITNESS AND MECHANISMS OF MEANING GENERATION IN RUSSIAN-LANGUAGE JOKES: LINGUO-PRAGMATIC AND COGNITIVE ASPECTS

The paper examines the linguistic-pragmatic and cognitive mechanisms of meaning generation in Russian linguistic jokes. Key types of implicitness (presuppositional, implicature, frame-scenario) are identified and analyzed. It is shown that understanding a joke is a process of conflict and integration of mental spaces, culminating in the punchline.

Key words: linguopragmatics, cognitive linguistics, joke, implicitness, punchline

Н. Ю. Фанян *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет
nellyfanian@mail.ru

МЕСТО ЛИНГВОАРГУМЕНТОЛОГИИ В ОБЛАСТИ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лингвоаргументология позиционируется как интегративная область, понятийный аппарат которой является базовым для описания когнитивно-дискурсивной матрицы коммуникации, выраженной в разнообразии стратегий, тактик и жанров, требующих координации. Аргументативный дискурс исключается из видового списка дискурса, представляя собой когнитивно-дискурсивный механизм.

Ключевые слова: когнитивный аспект аргументации, стратегический потенциал дискурса, речевые акты, речевые жанры, аргументативный дискурс

Парадигматический эволюционный путь лингвоаргументологии (ЛА) зиждется на взаимозависимом развитии логики, риторики, философии от античности до современности. Общий посыл при этом спровоцирован, определен познавательным интересом человека к себе и к окружающей действительности. Лингвоаргументология формируется как научная область, как вотчина «человека аргументирующего» (homo argens).

Выберем алгоритм для описания взаимодействия когниции и дискурсии, исходя из понятийного аппарата лингвоаргументологии, ранее именуемой теорией аргументации, новой риторикой, лингвистической аргументацией (общий обзор трудов см. [Баребина 2020, Васильев 2014, Фанян 2000]). Сосредоточимся на некоторых основополагающих концепциях, имеющих отношение к заданной нами теме. В отечественной теории аргументации первый опыт описания аргументации, выходящий за рамки традиционного определения в рамках логики, связан с ее пониманием как способа рассуждения, мыслительной деятельности [Брутян 1984; Ивин 1997; Курбатов 1997]. Аргументация характеризуется как деятельность, процесс представления доводов, аргументов с целью убеждения оппонента [Ивин 1997]. Исходя из данного положения, убеждение можно рассматривать как суперстратегию для любого вида дискурса. Аргументация также определяется как когнитивный процесс в ряду других видов – принятия решений, практического рассуждения, понимания текстов и диалога на естественном языке [Баранов 2003].

Структуризация аргументативного процесса значима с точки зрения интегративной методологии. Так, в когнитивно-дискурсивном аспекте цельным представляется подход, предложенный в конце прошлого столетия. Аргументация квалифицируется как *система элементов* с несколькими уровнями субординации и *мыслительными процедурами* [Курбатов 1997: 202-206]. В них манифестируются разнообразные формы, методы и способы репрезентации, хранения, трансляции знания. *Субъектный уровень* связан с количественным измерением его состава. *Деятельностный уровень* включает подуровни: *концептуально-организационный* (правила регламента и конвенции спора, а также его формы – дискуссия, полемика, беседа и др.), *тактический* (регулятивы эффективности действия – схемы,

приемы, методы, оптимальное соотношение стратегии и тактик), *методический* (требования ясности, наглядности). *Гносеологический уровень* направлен на определение спорного положения как проблемной ситуации и познавательной проблемы, на выявление меры истинности / ложности. *Логический уровень* объемлет объект спора и его средства (определения, классификации, отношения вывода и обоснования). *Психологический уровень* в ответе за мотивы, установки, экспрессивность и эмоциональность поведения, специфику процессов восприятия, представления и понимания. *Лингвистический уровень* регулирует соотношение обыденной и научной речи, характеризуя собственно выход из формально-логического поля. *Мыслительные процедуры* актуальны *конструктивно* (доказательство, обоснование, осмысление и др.), *деструктивно* (опровержение, сомнение, сведение к абсурду и др.), *селективно* (выбор, оценка, решение, соизмерение и др.), *регулятивно* (регламентация, субординация, координация, разрешение, запрещение и др.) [Курбатов 1997]. Значимость предложенной конфигурации заключается в пересечении системы элементов и мыслительных процедур, позволяющем увидеть цельность лингвоаргументативной текстуры в виде когнитивно-дискурсивной матрицы. При этом «когнитивно-матричный анализ, предполагающий одновременное обращение к нескольким концептуальным областям» [Болдырев 2007: 26] в рассматриваемом нами ключе актуален не только в семантическом, но и в прагматическом ракурсе. Так, в настоящее время одним из приоритетных направлений в области лингвоконфликтологии как существенной части ЛА представляется анализ типов конфликтного взаимодействия в Сети с целью «построения технологии развертывания конфликтов», что «поможет разработать механизмы их своевременной нейтрализации» [Гукосьянц, Алимурадов 2022: 140].

Лингвоаргументологию в настоящее время можно характеризовать как интегративную область, средоточие когнитивно-дискурсивных исследований, охватывающих значимые концепции и теории XX столетия – теорию аргументации (ТА), теорию речевых актов (ТРА), теорию речевых жанров (ТРЖ), теорию дискурса (ТД). Интерес к ТРА в конце второй половины прошлого века способствовал появлению многочисленных классификаций. Преодоление ограничений ТРА (основное ограничение – речевое действие как элементарная единица теории, которое затем было осмыслено диалогически) ускорило популярность ТД, которая релевантна, прежде всего, в контексте стратегического потенциала, актуального на базе аксиологического подхода. К пяти предложенным представителями ТРА функциям языка (описание, норма, экспрессив, декларация, обещание) в отечественной логике в качестве важной функции выделяется оценка, которая выходит за рамки прямолинейной оппозиции *описание* (объективное, претендующее на объективность) / *оценка* (субъективное) [Ивин 1997]. Между ТРА и ТД расположена зона ТРЖ. Семантика речевых действий совпадает с семантикой речевых жанров с той лишь разницей, что в одном случае они фигурируют как элементарные единицы, а в другом – как сложные секвенции, составляющие ткань дискурса [Фанян 2021]. Рассмотрим их взаимосвязь на примере высказываний директивного класса: *инъюнктивы*, *реквестивы*, *инструктивы*, *суггестивы*, *инвитивы* [Романов

1985]. Характеризуемые как речевые действия, высказывания директивного класса актуальны также как речевые жанры (*приказ*, *просьба*, *предостережение*, *приглашение*, *угроза*) (о речевых жанрах см. [Дементьев 2010]). Как было показано, *регулятивы*, к примеру, нашли выражение в систематике аргументативной концепции [Курбатов 1997]. Данные речевые действия (либо жанры) в дискурсе релевантны в качестве стратегий, в зависимости от конкретной цели и аудитории. К примеру, для обеспечения надлежащего порядка в одном случае актуален *инъюнктив*, в другом – *реквестив*. Их реализация происходит на тактическом уровне.

Исходя из двоякого понимания аргументации – *узкого* (аргументация как когнитивно-дискурсивный процесс представления доводов для убеждения кого-л. в чем-л.) и *широкого* (аргументативность как онтологическая заданность, как ингерентная константа любого речевого акта) (об интегративности аргументативности см. [Ducrot 1974]), можно говорить о любом виде дискурса как об аргументативной деятельности. Ее стратегический потенциал складывается из всевозможных тактик и приемов, речевых средств, широко описанных в лингвистической литературе. В качестве языковых средств реализации манипулирования, к примеру, в политическом дискурсе справедливо указываются аргументативные средства – *риторические* (стилистические – тропы и фигуры) и *логические* (уловки, речевые и конвенциональные импликатуры) приемы [Михалёва 2009, Шейгал 2004 и др.]. В подобном подходе характерен справедливый реверанс в сторону классической логико-риторической аристотелевской теории. Очевидно, что любые выразительные средства следует рассматривать как аргументативные и релевантные для любого вида дискурса. Отметим также, что в дискурсивных исследованиях помимо стратегий указываются различного рода ценности как способы воздействия на чувства массовой аудитории [Берлова и др. 2003]. В области ЛА ценностный аспект обоснован не только относительно ТРА. Он охарактеризован также через призму контекстуальных видов аргументов (к авторитету, к традиции, к здравому смыслу, к интуиции, вкусу) [Ивин 1997], актуальных в качестве тактик для достижения суперстратегии убеждения.

В заключение вкратце сформулируем основные выводы.

Лингвоаргументология позиционируется нами как интегративная область, концептуальный аппарат которой является базисным для описания когнитивно-дискурсивного характера коммуникации.

Понятийный аппарат лингвоаргументологии представлен разнообразием речевых действий / жанров, которые в контексте аргументативности выступают как мыслительные процедуры и как прагматический механизм. Так, *уступка* и *допущение* могут квалифицироваться как когнитивные (семантические) компоненты (речевые действия и речевые жанры) и как дискурсивные (прагматические) элементы (стратегии и тактики) в аргументативной деятельности, понимаемой как аргументативный дискурс.

При этом аргументативный дискурс исключается из видового списка дискурса, представляя собой когнитивно-дискурсивный механизм, в котором мыслитель-

ные процедуры (когнитивный аспект) пересекаются со стратегическим вектором – убеждением (дискурсивный аспект) в качестве суперстратегии в процессе вербальной и невербальной коммуникации.

Литература

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Баребина Н.С. Аргументация критики в науке о языке (эколингвистический аспект): дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2020.

Берлова О.А., *Захаров В.П.*, *Колесникова В.Б.*, *Кочинева А.Л.* Игра на информационном поле. Журналистика и PR для «зеленых». М.: Изд-во МСоЭС, 2003.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 17-27.

Брутян Г.А. Аргументация. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.

Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание (логико-лингвистический подход): монография. Калуга: Калужск. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2014.

Гукосьянц О.Ю., Алимурадов О.А. Динамика типов конфликтного поведения, наблюдаемых в жанре интернет-комментария в период пандемии (на примере анализа комментариев к постам «Живого Журнала») // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96). С. 130-142.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.

Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1997.

Курбатов В.И. Логика. Р/н-Д: Издательство «Феникс», 1997.

Михалёва О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Романов А.А. Способ реализации иллокутивного потенциала директивных высказываний // Контрастивная и функциональная грамматика: сборник научных трудов. Калинин: Калининский госуниверситет, 1985. С. 91-98.

Фанян Н.Ю. Аргументативный аспект в языке и речи: между семантикой и прагматикой // Проблемы лингвистической прагматики: доклады Международной научной конференции. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2021. С. 264-272.

Фанян Н.Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2000.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Ducrot O. La preuve et le dire: Langage et logique. P.: Mame, 1974.

N. Yu. Fanyan *(Krasnodar, Russia)*

Kuban State University

LINGUISTIC ARGUMENTOLOGY IN THE COGNITIVE-DISCURSIVE RESEARCH

Linguoargumentology is positioned as an integrative field, the conceptual framework of which is the basic one for describing the cognitive-discursive matrix of communication, expressed in a variety of strategies, tactics and genres that require coordination. Argumentative discourse is excluded from the specific list of discourse, representing a cognitive-discursive mechanism.

Key words: cognitive aspect of argumentation, strategic potential of discourse, speech acts, speech genres, argumentative discourse

Ц. Чжан *(Киров, Россия)*
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
stud181878@vyatsu.ru

ПРАГМАЭСТЕТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ *СЕРДЦЕ/УМ* В ПОЭЗИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

На основе анализа прагмаэстетической стратегии, реализуемой в дискурсе поэзии нашего времени, установлено явление лингвокогнитивного «обмена» константными для русской культуры полярными признаками, обнаруживаемыми в лингвоэстетических фактах репрезентации концептов СЕРДЦЕ и УМ. Поэтическая концептуализация «сердца» приобретает черты мыслящего субстрата, а сфера «ума» – черты переживающего.

Ключевые слова: поэтический дискурс, прагмаэстетическая стратегия, концепты СЕРДЦЕ и УМ, концептуальная оппозиция, перлокутивный эффект

В традиции русской поэзии концепты СЕРДЦЕ и УМ рассматриваются как члены типичной бинарной оппозиции, соответствующие эмоциональному опыту и рациональному осмыслению соответственно. Однако с эволюцией поэтического языка и духа времени эта пара концептов в современной поэзии демонстрирует заметный семантический сдвиг. Данное исследование направлено на анализ конкретных проявлений этого феномена в поэтическом дискурсе нашего времени с прагмаэстетической точки зрения и рассмотрение лежащих в его основе культурно-когнитивных механизмов интерпретации поэтологического значения.

Как правило, исследователи концептов СЕРДЦЕ и УМ в поэзии подходили к ним с позиций семантики или культурной семиотики, уделяя основное внимание анализу статичных лексикографических значений и эволюции их культурных коннотаций. Однако такие подходы с трудом объясняют динамический феномен «обмена» семантико-когнитивными признаками единиц дискурса современной поэзии. Они не могут в полной мере ответить на вопрос: как этот лингвокогнитивный обмен реализуется в конкретном процессе концептуализации членов бинарной оппозиции субъектом дискурса–поэтом.

Для углубленного анализа этого дискурсивного явления в нашем исследовании в качестве основной методологической категории используется понятие «прагмаэстетическая стратегия». Прагмаэстетика как качественно новый уровень анализируемого концептуального пространства не удовлетворяется изолированным статическим описанием концептов, а помещает их в целостную ситуацию художественной коммуникации, уделяя особое внимание, во-первых, лингвоэстетическим средствам, которые в дискурсе использует поэт для выражения своей позиции; во-вторых, тому, как эти средства вызывают у реципиента специфические когнитивные эффекты – такие как парадокс, нарушение ожидания и другие. Данный подход позволяет уловить момент своеобразной инверсии когнитивных признаков членов традиционной оппозиции «сердце/ум». В этом случае «сердце» наделяется признаками рационального мышления, тогда как слово «ум» как имя концепта используется для выражения эмоциональных признаков (например, переживаний). При этом поэт сознательно нарушает устоявшиеся культурные ожи-

дания читателя посредством креативных языковых сочетаний и образов, порождая тем самым в дискурсе сильное эстетическое напряжение и когнитивную реконструкцию.

Данная – прагмаэстетическая – стратегия фокусируется на эстетизированных способах репрезентации концептов в дискурсе и вызываемых ими рецептивных эффектах. Как считает О.И. Колесникова, сущность анализа этой стратегии заключается в выявлении языковых способов выражения концептуальной позиции производителя речи с помощью тех вербальных репрезентантов концептов, которые способны вызвать определенные перлокутивные эффекты. Механизм таких эффектов трактуется как «“разрешение” дешифрующего напряжения, которое появляется при соотнесении различных когнитивных плоскостей… и приводит к осознанию семантических оснований их неожиданной совместимости» [Колесникова 2021: 159]. Эти эффекты могут быть связаны с распознаванием сигналов интертекстуальности, переживанием неожиданности / новизны семантических связей или нарушения ожидания, осознанием парадоксальности смысловых компонентов высказывания, а также абсурдности выражаемой мысли.

Результаты проведенного нами на материале поэтического корпуса НКРЯ концептуального анализа дискурсивных высказываний с ключевыми словами-именами концептов СЕРДЦЕ/УМ позволяют говорить о том, что феномен своеобразного семантического «взаимообмена» полярными признаками концептов «сердце» и «ум» является редким, но интересным фактом. Наделяя «ум» эмоциями, а «сердце» – способностью мыслить, поэты активно создают эффекты «парадоксальности» и «неожиданности», бросая вызов традиционным в русском культурном сознании устойчивым концептуальным схемам. В то же время прагмаэстетическая стратегия подчеркивает единство языковой формы и эстетической функции в коммуникации, акцентируя внимание на том, как дискурс через эстетические средства осуществляет двойное когнитивное и эмоциональное воздействие. В рамках развиваемого нами подхода поэзия является не только инструментом выражения эмоций, но и важным полем для концептуальной реконструкции и культурного познания. И.А. Тарасова подчеркивает, что каждой поэтической эпохе свойственны свои культурные знаки. Смена концептуализирующих реальность и внутренний мир человека знаков признается признаком «динамики художественных концептов» [Тарасова 2020: 184]. Одно из таких проявлений динамики поэтических концептов обнаруживается в уникальных фактах лингвокогнитивного «обмена» константными для русской лингвокультуры семантическими признаками исследуемых нами членов бинарной оппозиции.

Безусловно, в поэтическом дискурсе конца XX – начала XXI вв. по-прежнему доминирует представление об УМЕ как об органе, позволяющем человеку хладнокровно мыслить и взвешивать выгоды и потери, а не как о слове, способном выражать эмоции. Однако зафиксированы случаи, когда концепт УМ репрезентируется через черты эмоционального спектра, демонстрируя тревогу, беспокойство, печаль, что противоречит традиционной поэтической образной семантике. Например, в следующем фрагменте дискурса концептуальный признак УМА

трансформируется в субъективный опыт, служащий для эмоциональной разрядки поэта, подчеркивая его состояние беспомощности и грусти: *В стекле плывет лицо – **никчемного ума безжалостный ШИЗО**... Сейчас вот завопит в мобильнике волна, и полетят звонки, как тетрис с потолка* (Байтов Н.). УМ становится субъектом эмоционального переживания: *Мой безутешный лоб лежит в моей ладони (в долони, если длань, не правда ль, милый Даль?). **Бессонного ума бессрочна гауптвахта*** (Ахмадулина Б.). Бессонница становится тюрьмой для сознания обреченного на вечные муки творчества субъекта. Эмоциональную травму и боль передает метафорическая репрезентация ума как сгоревшего уголька: *О как одичился Лунины лик, С тех пор, как он в ней бежит, **Ума сгоревшего уголек** Личину ее темнит* (Шварц Е.).

О возможности и неизбежности преодоления полярных субстанций через аналогию с музыкальными жанрами говорит И. Лиснянская: *Как реквием и колыбельные, Как хладость ума и страсть, Две здешние параллельные **Должны наконец совпасть***. В связи с этим нельзя не отметить, что в поэтическом дискурсе прагмаэстетическая стратегия реализуется и посредством создания перлокутивного эффекта, который формируется особой мелодической организацией. Так, В.А. Маслова подчеркивает взаимодействие поэзии и музыки в стихе: «Поэтический текст организован особой поэтической энергией, порождаемой слиянием слова и музыки» [Маслова 2022: 43]. Несомненно, именно музыкальная мелодия стиха направляет в дискурсе когнитивные способности адресата, позволяя переживать смысл произведения или любого поэтического высказывания. В принципе, музыкальность предлагает способ придать поэтическое звучание любому словосочетанию; именно мелодия и тональность звучания в дискурсе выводят семантическую доминанту в так называемое «световое поле сознания». Можно предположить, что паузирование, как и звуковое оформление фраз, служит выдвижению лексем как носителей смысловых акцентов в концептуально важных компонентах поэтического высказывания.

Как и УМ, обретающий в поэтическом преломлении характеристики эмоционального опыта, а не холодного рассудка, СЕРДЦЕ, в противоположность чувственной культурной константе, может репрезентироваться через признаки рациональности. Так, этому «вместилищу чувств» поэт может приписывать свойства ума – или, как в следующем примере, его отсутствие: *В Москве сидят в седле все **с глупыми сердцами*** (Байтов Н.). Также сердцу свойственна способность рассуждать: *С чем мы вступаем в тысячелетие третье, Ветер не знает. Разве что **сердце** – дрожащая роза – **Мыслит тверезо** В утро такое, где лучше б не думать о взрывах Разного рода* (Лиснянская И.). Сердце трезво оценивает ситуацию, «думая» о несущих страдания потрясениях нового века. Оно способно размышлять, мучаясь вопросами: *Мрут на стекле шестикрылые бабочки снега, **Бабочка сердца трепещет, вопросы тая*** (Лиснянская И.).

Таким образом, в современной русской поэзии «сердце» и «ум» претерпевают своеобразный «взаимообмен» когнитивно-семантическими признаками. Этот феномен отражает не только развитие семантического потенциала самой языковой системы, которое проявляется в прагмаэстетической стратегии передачи авторского взгляда на мир в поэзии, но и ее активную роль как медиума культурного познания в реконструкции традиционных концептуальных оппозиций. Именно поэт через тщательно сконструированные языковые выражения, порождающие парадоксальный и неожиданный эстетический эффект, наделяет «сердце» рациональным мышлением, а «ум» – эмоциональным переживанием, тем самым «ломая» традиционную бинарную когнитивную модель и активно, эстетически выстраивая в процессе читательской рецепции музыкально оформленной фразы более сложную, синкретичную поэтическую картину мира.

Выявление этого феномена «полярного обмена» и механизмов его прагмаэстетической реализации указывает нам на то, что поэзия является не только инструментом выражения эмоций и мыслей, но и экспериментальной площадкой для концептуальных систем, движимой эстетикой и опосредованной языком. Будущие исследования помогут изучить проявления этого феномена в поэзии других лингвокультур, а также осуществить теоретический диалог современной когнитивной поэтики и культурной семиотики.

Литература

Колесникова О.И. Развитие психопоэтической концепции текста в прагмаэстетическом исследовании дискурса // Методология современного языкознания-3: сборник статей в честь юбилея В.А. Пищальниковой. М.: ООО «Р. Валент», 2021. С. 155-162.

Маслова В.А. Лабиринты смыслов в поэтическом дискурсе как реализация когнитивной и эстетической функции // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 40-45.

Тарасова И.А. Концептуальное моделирование как методологическая основа анализа корпусных данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 178-190.

Q. Zhang *(Kirov, Russia)*
Vyatka State University

PRAGMAESTHETIC STRATEGY FOR REPRESENTING THE *HEART/MIND* CONCEPTS IN THE POETRY OF OUR TIME

Based on an analysis of the pragmaesthetic strategy implemented in contemporary poetic discourse, a phenomenon of linguacognitive “exchange” of polar features constant in Russian culture, revealed in the linguaesthetic representations of the concepts of HEART and MIND, is established. The poetic conceptualization of HEART acquires the characteristics of a thinking substrate, while the sphere of MIND acquires the characteristics of an experiencing one.

Key words: poetic discourse, pragmaesthetic strategy, concepts of HEART and MIND, conceptual opposition, perlocative effect

Т. В. Чиковани *(Симферополь, Россия)*
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
chykovanitatiana@gmail.com

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В МОДЕЛИ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ ПРОПОВЕДИ СВ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО И САН-ФРАНЦИССКОГО «CHRIST IS RISEN»

В статье исследуется архитектоника англоязычной православной проповеди, осуществляется построение модели ее когнитивной доминанты, выявляется специфика дискурсивной активации номинантов ядерных концептов, устанавливается роль бинарных оппозиций в процессе построения модели когнитивной доминанты проповеди.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, дискурсивная активация, когнитивная доминанта, концепт, проповедь, религиозный дискурс

В современной лингвистической науке изучение специфики моделирования когнитивных доминант православной проповеди представляет собой актуальное направление исследований в формате религиозного дискурса, рассматриваемого как «динамичный формат существования религиозного знания, его трансляции и получения» [Огнева 2021: 28]. Под когнитивной доминантой проповеди понимается «концепт или совокупность концептов, обладающих наибольшим смысловым потенциалом в проповеди» [Огнева 2025: 5]. Посредством применения авторского алгоритма моделирования и комплексной интерпретации когнитивных доминант православных проповедей [Чиковани 2024: 7-8] выявляется совокупность стилистических средств и фигур речи, которые маркируют специфику номинативного поля когнитивной доминанты, устанавливаются тенденции дискурсивной активации номинантов концептов, входящих в когнитивную доминанту проповеди.

В данном исследовании впервые предпринимается попытка определить специфику функционирования выявленных в проповеди бинарных оппозиций и установить степень их вовлеченности в дискурсивную активацию номинантов когнитивной доминанты проповеди. Под бинарной оппозицией принято рассматривать «пары противоположных лексем» («*оппозитов*»), включающие в свой состав «общий и различный семантические компоненты» [Гудкова 2012: 69], что коррелирует с концепцией Н.С. Трубецкого о том, что оппозиции присущи как отличительные друг от друга, так и общие, признаки членов оппозиции [Трубецкой 1960: 75]. В рамках данного исследования актуальным представляется тезис Е.В. Милетовой о том, что «в англоязычных текстах проповедей актуализируются ключевые ценностно маркированные концепты религиозной коммуникации», используемые «в одном контексте в виде бинарных оппозиций, где первый элемент репрезентирует оценку со знаком (+), второй – со знаком (-)» [Милетова 2025: 89].

В качестве фактического материала исследования выступает проповедь «Christ Is Risen», посвященная светлому празднику Воскресения Христова, прозвучала из уст Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского в Брюсселе в 1960 г.

В архитектонике рассматриваемой проповеди выявлен широкий спектр образно-стилистических средств, маркирующих специфику номинативных полей концептов, входящих в когнитивную доминанту проповеди: 1) эпитеты: *Bright Resurrection (Светлое Воскресение); sing victoriously (победоносно воспевать); greatly sinful (великогрешный); life-giving tomb (животворящий гроб); divine light (божественный свет); lifebearing day (животворящий день)*; 2) синонимы: *sadness – sorrow (печаль); carnal – corruptible (плотское – тленное)*; 3) антонимы: *gladden – embitter (радовать – огорчать); bright – gloomy (яркий – мрачный); soften – harden (смягчать – ожесточать); visible – invisible (видимый – невидимый); love – hate (любить – ненавидеть);* 4) олицетворение: *«The heavens are jubilant and the earth rejoices»* [Sermons 2004: 29] *(Небеса ликуют, земля радуется)*; 5) гипербола: *«the entire world celebrates, visible and invisible» (2) (весь мир празднует, видимый и невидимый); a wealth of blessing (множество благословений);* 6) библейские метафоры: *the light shining from the tomb (свет, исходящий от гроба); The Blood of Christ softens hearts (Кровь Христова умягчает сердца); take pleasure from the light of Christ (наслаждаться светом Христовым); «He accepts all into His embrace» (Он принимает всех в Свои объятия); His invisible gifts, given by Him from the life-giving tomb* [Sermons 2004: 30] *(Его невидимые дары, ниспосланные Им из животворящего гроба); open the gates of eternal life and eternal bliss (открыть врата вечной жизни и вечного блаженства); «Any cloud of sadness or sorrow will vanish, and our soul will be filled with joy»* [Там же: 30] *(Любое облако печали рассеется, и наша душа наполнится радостью); «only that is truly wonderful which radiates His divine light» (только то поистине прекрасно, что излучает Его божественный свет); illuminating and shining on all with the rays of His Bright Resurrection* [Там же: 29] *(освещая и озаряя всех лучами Своего Светлого Воскресения)*; 7) антитеза: *It gladdens all, but some it embitters (это радует всех, но некоторых огорчает);* 8) риторический вопрос: *«why do others run from this light?» (почему другие бегут от этого света?); «Can it be that Christ did not suffer for all…?» (Разве может быть, что Христос пострадал не за всех…?);* 9) сравнение: *run from this light as from burning fire (бегут от этого света, как от пылающего огня); exclaim as did Peter on Mount Tabor (восклицают, как Петр на горе Фавор)*; 10) оксюморон: *«For such, the Bright Day of the Resurrection is gloomy»* [Там же: 30] *(«для таких светлый День Воскресения мрачен»)*; 11) анафора: *«Let us now turn <…>, let us try to realize…» («Давайте сейчас обратимся <…>, давайте попытаемся понять…»)*. Установлено, что выявленная совокупность образно-стилистических средств усиливает дискурсивную активацию номинантов ядерных концептов проповеди.

В результате проведенного когнитивно-герменевтического анализа выявлена следующая специфика номинативных полей 6 ядерных концептов проповеди, выраженных посредством дискурсивной активации: 1) дискурсивная активация 9 номинантов концепта GOD, 5 из которых представлены посредством перифраза: *Christ (10); God (Бог) (6); the Lord (Господь); Father (Отец); the Judge of the Universe (Судья Вселенной); the slain King of Glory (убитый Царь Славы); the One*

newly risen from the tomb (Том, кто только что восстал из гроба); the True Sun of Righteousness (Истинный Сын –праведности); the One who did suffer for us and has risen (Том, кто пострадал за нас и воскрес); 2) дискурсивная активация 8 номинантов концепта FAITH (ВЕРА): *the Blood of Christ (Кровь Христова); His blessedness (Его благословение); blessings (благословения); Paradise (Рай); pray (молиться); worship (поклоняться); holy (святой); the heavens (небеса)*; 3) дискурсивная активация 10 номинантов концепта JOY (РАДОСТЬ): *joy (7); rejoice (5) (радоваться); to gladden (2) (радовать); jubilant (ликующий); celebrate (2) (праздновать); enjoy (наслаждаться); glad (довольный); take pleasure from the Light of Christ (наслаждаться Светом Христовым); bliss(блаженство); «Paschal joy is a foretaste of eternal joy»* [Sermons 2004: 30] *(Пасхальная радость – это предвкушение вечной радости)*; 4) дискурсивная активация 7 номинантов концепта LIGHT (СВЕТ): *the light (6); shining (3) (сияющий); bright (3) (яркий); illuminating (озаряющий); burning fire (пылающий огонь); radiate His divine Light (излучает Его божественный Свет); the rays (лучи)*; 5) дискурсивная активация 9 номинантов концепта SIN (ГРЕХ): *sinful (грешный); sinners (грешники); transgressors (преступники); His enemies (Его враги); betray (предавать); hate (ненавидеть); fighting against God (сражающиеся против Бога); «prefer the corruptible and carnal to the spiritual»* [Там же] *(предпочитать тленное и плотское духовному); «love that which is against the will of God» (любить то, что противоречит воле Бога)*; 6) дискурсивная активация 13 номинантов концепта RESURRECTION (ВОСКРЕСЕНИЕ): *life (6) (жизнь); Resurrection (4) (Воскресение); risen (4) (восставший); arise (3) (восставать); death (2) (смерть); rise (подниматься); «newly-risen from the tomb» (только что восставший); the Bright Day (Светлый День); life-giving tomb (животворящий гроб); «we sing out victoriously» (мы воспеваем победоносно); «our relatives and the dear ones that have fallen asleep, <…>, in the abodes on high, enjoy the eternal light of Christ and, even more than we, feel this lifebearing Day of Pascha»* [Там же] *(«наши усопшие родные и близкие, <…>, в небесных обителях наслаждаются вечным светом Христовым и даже больше, чем мы, ощущают этот животворящий день Пасхи»); Pascha (Пасха); «prompting the slain King of Glory to rise from the tomb»* [Там же: 29] *(«призывая убитого Царя Славы восстать из гроба»)*. Проведенный концептуальный анализ позволил выявить 11 сверхчастотных лексем-коллокатов текста проповеди, входящих в номинативные поля концептов GOD, FAITH, JOY, LIGHT, SIN, RESURRECTION: *Christ (Христос); God (Бог); joy (радость); rejoice (радоваться); the light (свет); shining (сияющий); bright (яркий); life (жизнь); Resurrection (Воскресение); risen (восставший); arise (восставать); death (смерть),* на основании чего мы пришли к выводу о том, что когнитивной доминантой проповеди является концепт RESURRECTION.

В архитектонике проповеди выявлены бинарные оппозиции: 1) *the Earth-the Heaven*, 2) *life-death*, 3) *carnal-spiritual*, 4) *joy-sorrow*. Необходимо отметить, что данные диады относятся к числу фундаментальных оппозиций в религиозной картине мира и в религиозном дискурсе, в частности, вербализуя противопоставление

божественного и человеческого, небесного и земного, тленного и духовного, радостного и печального. В исследуемой проповеди, оппозиты указанных бинарных оппозиций являются номинантами номинативных полей концептов, входящих в когнитивную доминанту проповеди. Так, бинарные оппозиции *the Earth-the Heaven, life-death, carnal-spiritual*, вербализуя сему *смерть* и сему *бессмертие*, интенсифицируют ключевой признак концепта RESURRECTION (ВОСКРЕСЕНИЕ), в то время как бинарная оппозиция *joy-sorrow* выступает в качестве импликации, интенсифицирующей признак концепта JOY (РАДОСТЬ). Таким образом, выявление специфики функционирования бинарных оппозиций в составе номинативных полей концептов, входящих в когнитивную доминанту проповеди, позволяет сделать вывод о том, что бинарные оппозиции *the Earth-the Heaven, life-death, carnal-spiritual, joy-sorrow* являются средством импликации, способствующим синергии дискурсивной активации номинантов когнитивной доминанты RESURRECTION (ВОСКРЕСЕНИЕ).

Литература

Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2012. № 3. С. 68-71.

Милетова Е.В. Бинарные оппозиции как средство актуализации аксиосферы религии: ценность vs антиценность (на материале англоязычных проповедей) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 1. С. 86-97.

Огнева Е.А. Темпоральные маркеры в модели проповеди архиепископа Антония Сурожского «Ascension», произнесенной в 1964 году // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 27-36.

Чиковани Т.В. Моделирование когнитивных доминант православного дискурса проповедника (на материале духовного наследия свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2024.

Огнева Е.А., *Чиковани Т.В.* Моделирование православных когнитивных доминант в дискурсивных форматах проповедей свт. Луки Симферопольского и Крымского и свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. М.: Эдитус, 2025.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: ИЛ, 1960.

Sermons and writings of Saint John Archbishop of Shanghai and San Francisco. Part 1. Australia: Orthodox Monastery of Archangel Michael, 2004.

T. V. Chikovani *(Simferopol, Russia)*
Vernadsky Crimean Federal University

SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF BINARY OPPOSITIONS IN THE COGNITIVE DOMINANT MODEL OF THE SERMON BY ST. JOHN OF SHANGHAI AND SAN-FRANCISCO “CHRIST IS RISEN”

The article examines the architectonics of English-speaking Orthodox preaching, builds a model of its cognitive dominance, identifies the specifics of discursive activation of nominees of nuclear concepts, and establishes the role of binary oppositions in the process of building a model of cognitive dominance of preaching.

Key words: binary opposition, discursive activation, cognitive dominant, concept, sermon, religious discourse

Е. Д. Чулкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
chulkova.evdokia@yandex.ru

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящей работе с применением когнитивно-ономасиологического анализа исследуются ономасиологические модификации в конструировании категории референта, представленного исторической личностью, в публицистическом дискурсе в диахроническом аспекте. В качестве модификаций, выражающихся в изменении состава категории, формируемой ономасиологическими компонентами и ролями, выступают снижение агентивной и увеличение пассивной роли референта, а также генерализация темпоральных отношений.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, историческая личность, публицистический дискурс, ономасиологические модификации

В фокусе настоящего исследования выступает изучение ономасиологических модификаций в конструировании исторической личности в публицистическом дискурсе с учетом временного фактора. В этом ключе данная работа является логическим продолжением более обширного исследования, посвященного изучению особенностей конструирования ономасиологической категории РЕФЕРЕНТ (представленной историческими личностями и историческими событиями) с учетом дискурсивного варьирования [Чулкова 2025]. Однако, отметим, что в настоящей работе акцент исследования смещен в сторону диахронического аспекта, рассматриваемого на материале одного типа дискурса – публицистического. Основным методом исследования является контрастивный когнитивно-ономасиологический анализ, в основе которого лежит функционально-семантический и когнитивно-ономасиологический анализ [Blank 1999; Cuyckens et al. 2003; Кубрякова 1986; Беляевская 2008; Киосе 2022], в качестве дополнительных методов используются элементы фреймового анализа [Ляшевская, Кашкин 2015], а также методики аннотирования и статистической обработки данных. Предлагаемая в работе процедура контрастивного когнитивно-ономасиологического анализа нацелена, во-первых, на установление состава категории РЕФЕРЕНТ, представленной ономасиологическими компонентами, укрупненными в четыре когнитивные роли [Pustejovsky 1991], а, во-вторых, на определение возможных модификаций в категории, выражающихся в варьировании в составе ее компонентов и ролей. Целью настоящей работы является выявление ономасиологических модификаций при конструировании исторической личности в публицистическом дискурсе в диахроническом аспекте.

Материалом исследования послужили русскоязычные контексты в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), представляющие публицистический дискурс и содержащие прямую номинацию исторической личности, советского политического деятеля И. Сталина. При этом при отборе материала мы рассматривали публицистические тексты, созданные с 1990 по 2020 гг., разбив их на три временных отрезка с интервалом в 10 лет каждый: 1) 1990-2000 гг., 2) 2000-

2010 гг., 3) 2010-2020 гг. Критерием отбора исторической личности послужили, во-первых, высокая частотность вхождений номинации референта в НКРЯ (46 288 текстов), а также его заметное положение среди исторических личностей [ВЦИОМ 2022]. Выбор публицистического типа дискурса был обусловлен самими характеристиками дискурса, который сочетает в себе две функции: информационную и функцию воздействия [Чернышева 2003; Клушина 2010; Иванова 2010], при этом функция воздействия часто выступает как оценочная [Солганик 2006], что предполагает возможность установления модификаций в текстах такого типа, в том числе в диахроническом аспекте.

Согласно процедуре анализа, включающей в себя несколько этапов (подробнее см. в [Чулкова 2025]), происходит определение состава и частотности семантических ролей всех компонентов категории, входящих в простые (не)распространенные предложения с включенной номинацией исследуемого референта-исторической личности в публицистическом дискурсе с учетом диахронического аспекта, и, следовательно, с опорой на установленный состав семантических ролей и определение четырех когнитивных ролей (по [Pustejovsky 1991]), представленных ономасиологическими компонентами. На заключительном этапе анализа устанавливаются ономасиологические модификации, или же изменения в составе и частотности ономасиологических компонентов категории, диктуемые временным фактором. Для проведения анализа были отобраны в общей сложности 54 примера, которые были разбиты, согласно единице анализа, на 155 простых (не)распространенных предложений, из которых 51 предложение, датируемое периодом 1990–2000 гг., 50 предложений, датируемых 2000–2010 гг., и 54 предложения – 2010–2020 гг.

В результате проведенного анализа были установлен состав семантических ролей (с опорой на инвентарь семантических ролей в системе Фреймбанк [Ляшевская, Кашкин 2015]), формирующий категорию референта, представленную исторической личностью И. Сталина. Среди наиболее частотных семантических ролей, которые встречаются во всех трех рассматриваемых временных отрезках, отмечаются роли, входящие в блок Агенса (Агенс, Говорящий), группу посессивных ролей (Посессор), блок Пациенса (Пациенс, Тема, Цель), блок Адресата (Бенефициант), блок Экспериенцера (Субъект восприятия, Субъект ментального состояния, Субъект психологического состояния) и блок обстоятельственных характеристик (Признак, Признак действия, Момент, Срок, Время, Значение параметра, Место, Носитель информации).

С опорой на установленные семантические роли были определены ономасиологические компоненты рассматриваемой категории, укрупненные в четыре когнитивные роли: конститутивная, формальная, телическая и агентивная [Pustejovsky 1991]. В настоящем исследовании конститутивная роль понимается как внутренняя структура референта, характеризующая его конструирование во времени и пространстве в совокупности его телесных (перцептивных) характеристик, формальная роль рассматривается как конструирование референта при отнесении его к классу при помощи специфических внешних (оценочных, нетелесных)

характеристик, телическая роль предполагает конструирование референта в совокупности его целевых установок, а агентивная роль характеризует конструирование референта как результат воздействий на него или его собственных трансформаций. Каждая роль может быть охарактеризована через состав ее компонентов. Так, пример 1 иллюстрирует компоненты конститутивной роли *Активный участник ситуации при глаголах ментального состояния (Сталин [знал]*, *Активный участник ситуации при глаголах психического состояния Сталин [понимал])* и компонент формальной роли *Тот аспект действия/состояния, который отличает его от других* (*прекрасно [знал], публично [одобрял]*): *(1) <…> Сталин и прекрасно все знал, и публично одобрял действия НКВД (НКРЯ).* Пример 2 иллюстрирует телическую роль, представленную компонентом *Воздействие, которое оказывается на участника ситуации или событие* (*похоронить*), и агентивную роль, которая выражена компонентами *Участник ситуации, который претерпевает определенное воздействие самостоятельно или при помощи другого участника (его, тела Иосифа Сталина)*, *Другой участник ситуации, который оказывает определенное воздействие (Кремлю)*: *(2) Чтобы тайно похоронить его, Кремлю совсем необязательно действовать под покровом ночи, как это было с выносом из Мавзолея и спешным закапыванием тела Иосифа Сталина (НКРЯ).*

Установление ономасиологических компонентов и ролей позволило перейти к заключительному этапу анализа, а именно к определению ономасиологических модификаций в конструировании референта в дискурсе, проявляющихся в вариативности в распределении ономасиологических компонентов и когнитивных ролей с учетом временного фактора. При помощи теста ANOVA non-parametric (Фридмана) был проведен статистический анализ по трем выборкам публицистического дискурса согласно временной разбивке по 10 лет (1990–2000 гг., 2000–2010 гг., 2010–2020 гг.) для определения значимости различий. В результате было выявлено наличие значимых различий у компонентов, представляющих конститутивную роль, где $\chi 2$ составляет 10,0 при p=0,007. Анализ компонентов конститутивной роли показал, что изменения наблюдаются у таких компонентов как *Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире, Говорящий, Объект или участник ситуации, отличающийся от всех остальных* и *Точка во времени, в котором локализуется ситуация*, при этом показатели данных компонентов снижаются при движении по временной шкале от 1990 до 2020 г. Вместе с этим наблюдается рост компонента *Пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития* и *Отрезок времени, в котором локализуется ситуация.* Полученные данные указывают на то, что исследуемый референт по-разному представляется в публицистических текстах, исходя из временного интервала, что выражается в следующих модификациях: с приближением времени создания текстов к современности происходит снижение агентивности и увеличение пассивности референта, а также ослабление специфических характеристик, присущих референту. Представление темпоральных отношений стремится к генерализации и большей неопределенности.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить ряд ономасиологических модификаций в рамках одного изучаемого типа дискурса в диахроническом аспекте, которые проявляются в изменении частотности ряда компонентов конститутивной роли.

Литература

Беляевская Е.Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник МГЛУ. 2008. № 554. С. 140-146.

ВЦИОМ: Герои России. Вчера и сегодня. URL: //wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja7

Иванова И.П. Стилевые характеристики публицистического дискурса // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2014. № 2. С. 57-62.

Киосе М.И. Лингвокреативность имени собственного в дискурсе: когнитивно-семиотические основания // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 51. С. 486-496.

Клушина Н.И. Стиль массовой коммуникации: учебное пособие. М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Ляшевская О.Н, Кашкин Е.В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464-556.

Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учебное пособие. Москва: Академия, 2006.

Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003.

Чулкова Е.Д. Ономасиологические модификации в конструировании исторических личностей и событий в разных типах дискурса: дис. … канд. филол. наук. Москва, 2025.

Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition / ed. by A. Blank, P. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 61-90.

Cuyckens H., Dirven R., Taylor J.R. Cognitive Approaches to Lexical Semantics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.

Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics. 1991. Vol. 17 (4). Pp. 409-421.

E. D. Chulkova *(Moscow, Russia)*

Moscow State Linguistic University

ONOMASIOLOGICAL MODIFICATIONS IN THE CONSTRUAL OF A HISTORICAL PERSONALITY IN JOURNALISTIC DISCOURSE: A DIACHRONIC PERSPECTIVE

The present study develops a cognitive onomasiological analysis to exploring the modifications in the construal of the category of reference represented by a historical personality in journalistic discourse from a diachronic perspective. The modifications defined through changes in the structure of the category manifest themselves in changes of active and passive roles of the referent as well as the generalization of temporal relations.

Key words: cognitive onomasiological analysis, historical personality, journalistic discourse, onomasiological modifications

И. И. Чумак-Жунь *(Белгород, Россия)*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chumak@bsuedu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДУСНОГО КОНЦЕПТА *СВОЙ/ЧУЖОЙ* В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В работе описана роль модусного (интерпретирующего) концепта в поэтическом дискурсе, которая определяется внутридискурсивными факторами – стиховой формой и спецификой поэтической языковой личности. Определено, что модусный концепт СВОЙ/ЧУЖОЙ может применяться для анализа «мерцающих» поэтических смыслов в сложных, многозначных конструкциях через грамматические и семантические механизмы.

Ключевые слова: модусный концепт, поэтический дискурс, оппозиция свой/чужой, интерпретация, смысл, поэт

Представление об особом месте поэзии не только в пространстве культуры, но и в коммуникативном сознании – от расхожего иронического афоризма Л.Н. Толстого: «Говорить стихами – то же, что ходить со связанными ногами» до ощущения катарсиса как высшего проявления поэтического – направляет внимание филолога, изучающего поэтический текст, к текстовой категории модальности, и, шире, к понятию модуса.

Следует согласиться с М.Ю. Сидоровой в том, что для поэтического дискурса характерен приоритет модусного плана текста над диктумным, что ведет к активизации «модусных рамок», «как инкорпорированных в структуру предложения, так и выделенных» [Сидорова, Липгарт 2018: 68]. Способствует этому, по мнению ученого, ряд причин – субъективность, «бессобытийность и фрагментарность лирической поэзии» [Сидорова, Липгарт 2018: 68]. Действительно, облигаторным свойством поэзии является особое, очень личное (имманентное, индивидуально-ощущаемое) и в то же время предельно обобщенное авторское поэтическое видение мира. При этом Я-центричность здесь сочетается с «искусственно созданным» языком – специфической поэтической формой, включающей ритм, рифму, метр и средства образной поэтики. Именно модус «переводит» авторскую позицию, интенции (включая представление об эмоциях, воле и авторской рефлексии) в текстуальные структуры, формируя сложные перспективы и линии, которые распространяются за пределы предложения на весь текст [Копытов 2015] и способствуют выявлению непрозрачных текстовых смыслов, зашифрованных в поэтическом шедевре.

Неоднократно отмечаемая сложность в выявлении скрытых, «мерцающих» поэтических смыслов связана с характерной для поэзии модальной неопределенностью, которая, по мнению Ю. Левина, заключается в том, что «предикативные характеристики и дейктические показатели текста имеют амбивалентный, релятивный характер» [Левин 1997: 468]. Парадоксальным образом модальная неопределенность характерна и для тех поэтических текстов, строки из которых стали прецедентными (например, «Февраль. Достать чернил и плакать…» или «Пусти меня, отдай меня, Воронеж…»), – пожалуй, это очень наглядная иллюстрация восприятия поэзии как «прекрасного неизведанного».

И здесь в качестве ключа к «смыслорасшифровке» может быть использован *модусный концепт*, объединяющий субъективные модальные смыслы (отношение субъекта к высказыванию) с дискурсивными структурами. Он эффективно применяется для анализа сложных, многозначных поэтических конструкций (с уже описанной «модальной неопределённостью», множественностью толкований и суггестивными эффектами) через грамматические и семантические механизмы (см. указанную выше работу М.И. Сидоровой, исследования Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2015] и т.д.).

Являясь, по словам Н.Н. Болдырева, концептом интерпретирующим (ценностным, аксиологически маркированным), представляя единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека [Болдырев 2012], он «отзеркаливает» отношение поэта к миру, усиливая эмоциональную и образную составляющие текста.

Н.Н. Болдырев отмечает, что «интерпретация знаний о мире является основной функцией оценочных и, шире, модусных концептов и категорий в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: отрицание, модальность, эвиденциальность, определенность/неопределенность, приблизительность, экспрессивность, тональность, и др.» [Болдырев 2016: 15]. Список модусных концептов остается открытым, определение его в немалой степени зависит от конкретной исследовательской задачи. Одной из фундаментальных модусных оппозиций, которая функционирует в поэтическом тексте, «выстраивая» дискурсивные смыслы, является бинарный концепт «свой/чужой», выражающий характерную для модусного концепта интерпретирующую установку: «свой» – ‘близкий’, ‘понятный’, ‘хороший’; «чужой» – ‘далёкий’, ‘посторонний’, ‘опасный’.

Этот дуальный модусный концепт является ориентиром, выстраивающим ценностную модель текста относительно онтологической триады – «Время», «Пространство», «Человек». В поэтическом дискурсе левый член оппозиции «свой/чужой» духовно-аксиологически (реже – эстетически) совпадает с Я-концептом, воплощаясь при этом в разнообразных художественных образах. Именно модусный концепт СВОЙ/ЧУЖОЙ может выступать своеобразным «дешифратором» смысла слова в поэтическом тексте, однако подход к анализу зависит от позиции и целей интерпретатора.

1. Интерпретация в рамках отдельного поэтического текста. Расшифровка «затемненных» текстовых смыслов в поэтическом контексте требует, как правило, нескольких интерпретирующих шагов, которые можно соотнести с «искусством медленного чтения».

Так, в остросоциальной поэтической сатире В.С. Высоцкого «Потеряю истинную веру…» на первом интерпретационном уровне смыслы определяются перволичным дейксисом и характерным для поэта поэтико-интонационным орнаментом, включающим просторечные средства и императив. Представляется, что *свои* – это адресант *([совейский] человек)* и не определенный, но предполагаемый адресат — абстрактный представитель советской власти, к которому лирический

герой обращается с протестом по поводу присвоения *чужому* – египетскому лидеру *Насеру* – звания Героя Советского Союза.

Следующий шаг интерпретации меняет внутритекстовую коммуникативную ситуацию – по отношению к адресату появляется слово *гады (раздарили, гады, раздарили),* что исключает «хозяев жизни» из числа *своих* и представляет их *чужими*: *свои* (простой советский человек) против *чужих* (представителей власти).

И, наконец, на последнем, глубинном уровне, интерпретацию определяет парадоксальная сочетаемость пейоративно окрашенных фразеологизмов, актуализирующих исторические пресуппозиции (речь идет о поведении советского лидера Н.С. Хрущева), с единицей модуса истинной оценки *можно* (*Можно даже крыть с трибуны матом, Раздавать подарки вкривь и вкось*). «Фраземы не столько номинируют и объективируют указанную дихотомию, сколько выражают отношение к ней и авторскую оценку» [Черемохина 2019: 225]. Это употребление, обнажающее авторскую позицию по отношению к происходящим процессам подобно сказочно-прецедентному «А король-то голый», представляет всех действующих лиц текста как *чужих*, а автора как человека, который видит и понимает правду, отстаивая собственное мнение, несмотря на славу «опального поэта».

2. Интерпретация смыслов языковых образов в авторском идиостиле. Этот подход требует исследования всего творчества поэта. Так, дейктический маркер *мой* в сочетании с лексемой *сад* в поэзии Б. Ахмадулиной делит пространство лирической героини на *свое* (*мой сад, сад-охранитель, заботливый сад, сад-всадник*) и *чужое*, причем в оппозиции к этому неизменному атрибуту *своего* пространства (ни разу в творчестве поэтессы *сад* не определяется как *чужой*) в отдельных текстах оказываются и *дом*, и *лес*, и *чужое пространство за оградой*. Именно анализ этих оппозиций позволил выявить в структуре элементов «ряд уникальных семантических компонентов *своего* и *чужого* – с одной стороны, *сад* как ‘родное пространство’, ‘родственность, внутренняя духовная близость’, ‘связь с творчеством и вдохновением’, ‘противопоставление окружающему миру’, а с другой – ‘не свое, не принадлежащее героям’, ‘пугающее и хаотичное’ [Чумак-Жунь, Хомякова 2025: 132].

3. Интерпретация в рамках нескольких стилистических стратов – сравнение может проводиться в рамках разных идиостилей или разных дискурсивных формаций.

Так, в изучении специфики индивидуально-авторской картины мира поэта показательным может оказаться сравнение исторического события в текстах разных дискурсивных формаций. По мнению М.С. Малышевой, «огромную роль играет специфика подачи исторических фактов и в формировании когнитивной матрицы *свой-чужой*, которая лежит не только в основании любой культуры, но и в основе композиции многих текстов, в частности, исторических и поэтических» [Малышева 2020: 591].

Несомненно, «путь к концепту начинается с интенций языковой личности, а местоимение своим дейктическим «ресурсом» предоставляет автору возможность наполнить свой полый контур любым указанием – на отношение говорящего в том числе (*мое, свое, чужое не-мое* и пр.). Далее – любое семантическое наполнение

уже в контексте и обобщение на понятийном уровне концептуализации» [Чумак-Жунь, Хомякова 2025: 127].

Опора на модусный концепт предполагает множество вариантов, что и показал анализ работ современных исследователей, которые обращаются к оппозиции *свой/чужой* (не обозначая, правда, ее как модусный концепт) в лирике поэтов второй половины XX в. Этот ценностный концепт, отражающий оценку и интерпретацию говорящим (в нашем случае, поэтом), окружающего мира, вследствие своего дуального характера, в поэтических текстах может быть представлен по-разному в зависимости от разных факторов – от денотативной отнесенности, от личности поэта, от пресуппозиций, важных для коммуникативной среды, и, наконец, от эпохи.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Модусные концепты и языковая семантика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 62-73.

Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 33-43.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Копытов О.Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69-82.

Левин Ю.И. Соотношение коммуникативного аспекта лирики с когнитивным // Очерки по русской поэтике. СПб.: Изд-во СПбУ, 1997.

Малышева М.С. Роль прецедентных онимов в формировании когнитивной матрицы *свой - чужой* в поэтическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 591-594.

Сидорова М.Ю., Липгарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 2) // Филология и человек. 2018. № 4. С. 63-79.

Черемохина Д.А. Фраземообразующий потенциал концепта «Свой-чужой»: на материале текстов В.С. Высоцкого // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры. Белгород: М-во науки и высшего образования РФ, НИУ БелГУ, 2019. С. 222-225.

Чумак-Жунь И.И., Хомякова Е.С. Сильная текстовая позиция как основной прием выдвижения авторских смыслов концепта «сад» в поэзии Б.А. Ахмадулиной // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2025. Т. 11, № 2. С. 187-196.

I. I. Chumak-Zhun *(Belgorod, Russia)*

Belgorod State University

REPRESENTATION OF THE MODUS CONCEPT *OWN* AND *ALIEN* IN THE POETIC DISCOURSE

The paper describes the role of the modus (interpretive) concept in poetic discourse, which is determined by intradiscursive factors such as the verse form and the specificity of the poetic linguistic personality. It is determined that the modus concept of own/alien can be used to analyze the flickering poetic meanings in complex, ambiguous constructions through grammatical and semantic mechanisms.

Key words: modus concept, poetic discourse, interpretation, meaning, poet, OWN/ALIEN

К. М. Шилихина *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
shilikhina@rgph.vsu.ru

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ОЖИДАНИЙ В ДИСКУРСЕ

В работе рассматривается метакоммуникация как дискурсивный механизм, отражающий когнитивные ожидания участников общения и их ориентацию на Принцип кооперации. Цель исследования состоит в предложении когнитивной интерпретации Принципа кооперации: это не только прагматическая модель успешного взаимодействия, но и ментальная модель, направляющая процессы интерпретации и инференции и регулирующая взаимодействие участников дискурса.

Ключевые слова: метакоммуникация, когнитивные ожидания, Принцип кооперации, намеренное нарушение максим, релевантность

Метакоммуникация в последние десятилетия является одним из активно исследуемых объектов в лингвистике, что обусловлено ее ключевой ролью в регуляции интерпретации и организации дискурсивного взаимодействия [Cognition and Pragmatics 2009; Metalanguage 2004]. Данное исследование посвящено анализу метакоммуникации как дискурсивного механизма, отражающего когнитивные ожидания участников общения и их ориентацию на Принцип кооперации. Цель работы заключается в том, чтобы предложить когнитивную интерпретацию Принципа кооперации Грайса, рассматривая его не только как прагматическую модель успешного взаимодействия, но и как ментальную модель, направляющую процессы интерпретации и инференции в дискурсе. В центре внимания находятся метакоммуникативные комментарии, с помощью которых говорящие эксплицируют соблюдение максим, маркируют намеренные отклонения от них, переопределяют критерии релевантности и восстанавливают кооперативное взаимодействие после коммуникативных сбоев.

В качестве источника данных в исследовании использовался Национальный корпус русского языка, поскольку корпусные методы анализа позволяют выявлять регулярные способы вербализации кооперативных ожиданий в естественной коммуникации. Корпус позволяет видеть, что метакоммуникативные комментарии используются в различных режимах речи – от спонтанного устного общения до институционального и письменного дискурса.

Герберт Пол Грайс сформулировал Принцип кооперации как базовое допущение коммуникации: участники общения вносят вклад, соответствующий целям и направлению взаимодействия [Grice 1975]. Максимы количества, качества, отношения (релевантности) и способа определяют, *что* считается уместным вкладом и *как* этот вклад должен быть интерпретирован.

Принцип кооперации можно считать моделью, которой руководствуются участники дискурса, чтобы сделать общение максимально эффективным. Эта модель эксплицитно вербализуется в метакоммуникативных комментариях, которые отражают реальные когнитивные ожидания говорящих, включающие представле-

ния об информативности и релевантности высказывания, а также необходимых усилиях для интерпретации сказанного.

Можно выделить несколько случаев использования метакоммуникативных маркеров в дискурсе.

1. Экспликация соблюдения максим

Метакоммуникативные комментарии часто указывают напрямую, как именно говорящий ориентируется на максимы. Например, комментарий *проще говоря* эксплицирует соблюдение максимы качества, конструкция *если говорить по существу* указывает на внимание говорящего к максиме отношения, *короче говоря* эксплицирует максиму количества, *проще говоря* – максиму способа. Приведем несколько примеров метакоммуникации, в которой говорящие комментируют соблюдение максим:

*Хранитель этого шедевра – директор «Эрмитажа» Михаил Пиотровский убежден, что никаких претензий со стороны наследников быть не может: «**Если говорить по существу**, то коллекция давно национализирована и является собственностью России»* (Майя Ъ-Стравинская. Картины в зоне иска // Коммерсант, 25.10.2007).

***Если честно**, я вообще не разбираюсь в этой теме, поэтому весь фильм была в двух состояниях – с открытым ртом, а потом с закрытыми глазами* (Зрители поставили фильму «Огонь» высшие оценки // Vesti.ru, 03.01.2021).

С когнитивной точки зрения эксплицитное указание на то, что говорящий соблюдает Принцип кооперации, снижает когнитивную неопределенность для адресата.

2. Маркировка намеренного отклонения от максим

Принцип кооперации – это не нормативное правило, а когнитивное ожидание, которым руководствуются и говорящий, и адресат при интерпретации высказывания. Поэтому одним из ключевых моментов теории Грайса является возможность осмысленного нарушения Принципа кооперации. Например, говорящий может понимать, что некоторая информация является отступлением от темы и, следовательно, нарушает максиму отношения:

*Здесь корейцы решили изобразить имитацию кожи – характерная фактура ее, изображенная пластиком, имеет борозды, представляющие собой «сшитые куски кожи», и даже псевдострочку нитей. Тут позволю **себе лирическое отступление**. Сразу после теста Genesis Coupe я отправился в Англию на завод Bentley, где был свидетелем обтяжки кожей салонов «британцев»* (РБК Daily. Стероиды для «спортсмена»: тест-драйв Hyundai Genesis Coupe, 13.11.2012).

*И вот что я еще хотел бы сказать, быть может, **не совсем по теме** нашей беседы: если мы будем всегда держаться вместе, если мы будем доверять друг другу, в нашей стране все будет хорошо* (Знать их надо не только в лицо // Аргументы и факты, 2003.09.19).

Нет, я неточно выразился, не приближаюсь, а хотя бы двигаюсь в этом направлении (Гердт З.Е. Рыцарь совести, 2010).

Примеры иллюстрируют случаи, когда формально говорящий нарушает максимы релевантности и качества, однако метакоммуникативный комментарий предупреждает адресата об этом. Нарушение становится интерпретируемым, и, таким образом, общая кооперативность дискурса сохраняется. Если бы в сознании говорящих не существовало модели, которую задает Принцип кооперации, такое предупреждение было бы бессмысленным.

3. Метакоммуникация как средство переопределения релевантности

Метакоммуникация позволяет временно изменить критерии релевантности в соответствии с контекстом и расширить или, наоборот, сузить интерпретационную «рамку», например:

Чаще всего губительные мутации «покупают» себе место в геноме, повышая шансы молодых особей на размножение. ***Но если посмотреть шире****, то можно заметить, что самые разные процессы, которые приводят к изнашиванию организма и старению клеток, могут быть в чем-то благоприятны для организма* (Лосева П. Против часовой стрелки: что такое старение и как с ним бороться, 2020).

В какой степени это стремление было мотивировано экономически, а в какой политически, мы сейчас не обсуждаем (Бирман А. «Понятийный» класс // Известия, 26.07.2012).

Метакоммуникативный комментарий также может активировать определенную систему ожиданий относительно релевантности или показать, для кого или с какой позиции высказывание релевантно:

В этой статье мы попытаемся донести ***с практической точки зрения****, что же полезного прячет в себе протокол TCP для того, кто занимается анализом сетевого трафика* (Кочуков А. Протокол TCP: что нужно знать специалисту по анализу сетевого трафика, 2019).

С точки зрения специалиста*, чтобы навести в этой области порядок, население и государство должны разделить между собой финансовую ответственность за низкую эффективность использования энергии в ЖКХ.* (Ленц Е. Соло на водопроводной трубе (2004) // «Бизнес-журнал», 13.02.2004).

В ситуациях, отнесенных к этому типу, говорящий перенастраивает рамки интерпретации, предлагая адресату новую интерпретационную «рамку», в которой высказывание снова становится релевантным.

4. Восстановление кооперативного общения после сбоя

Если возникает угроза некорректной интерпретации или говорящий понимает, что интерпретация сказанного адресатом не совпала с интенцией говорящего, метакоммуникация используется для восстановления кооперативного взаимодействия:

Л. А почему ***вы иронизируете****?*

П. ***Я не иронизирую****. Отвечайте, пожалуйста, на вопрос* (Кусчуй Непома Там-машин // «Волга», 2014).

Alisa-kisa, ***да я шучу****, а то подумаешь, что напрашиваюсь* (Торты, 2022).

Метакоммуникация в приведенных контекстах – это реакция на возможное снижение эффективности и сбой в реализации максим. Такие комментарии корректируют ментальную модель, которую использует адресат для интерпретации

сказанного. Сам факт «восстановления» указывает на то, что кооперативное взаимодействие по-прежнему предполагается как норма.

Примеры показывают, что метакоммуникация возможна только при наличии кооперативных ожиданий, поскольку она апеллирует к ним, корректирует их, или временно переопределяет. Метакоммуникация не отменяет максимы, не подменяет их, а делает их объектом рефлексии.

Метакоммуникация – это, по сути, свидетельство того, что Принцип кооперации реально работает в языке, а не является исключительно теоретической моделью. Участники общения осознают возможность нарушения максим и используют метакоммуникацию как инструмент управления интерпретацией.

Таким образом, метакоммуникация возникает и функционирует именно потому, что участники общения ориентируются на кооперативные ожидания, описанные Грайсом. Принцип кооперации задает когнитивную норму интерпретации, а метакоммуникация служит механизмом ее явного мониторинга, коррекции и восстановления в реальном дискурсе. Метакоммуникативные комментарии делают кооперативные ожидания явными и позволяют участникам общения управлять интерпретацией высказывания в условиях потенциального или фактического отклонения от этих ожиданий.

Если в прагматическом плане Принцип кооперации задает условия успешного взаимодействия, то в когнитивном плане он функционирует как ментальная модель, направляющая процессы интерпретации и инференции, а метакоммуникация выступает не только дискурсивным, но и когнитивным механизмом, обеспечивающим согласование ментальных моделей говорящего и адресата в процессе коммуникации.

Литература

Cognition and Pragmatics / ed. by D. Sandra, J.-O. Östman and J. Verschueren. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.

Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. Pp. 41-58.

Metalanguage: Social and Ideological Perspectives / ed. by A. Jawprski, N. Coupland and D. Galasiński. Berlin; New York: Mouton, 2004.

K. M. Shilikhina *(Voronezh, Russia)*

Voronezh State University

METACOMMUNICATION AS A REFLECTION OF COGNITIVE EXPECTATIONS IN DISCOURSE

The paper examines metacommunication as a discursive mechanism that reflects the cognitive expectations of interlocutors and their orientation toward the Cooperative Principle. The aim of the study is to propose a cognitive interpretation of the Cooperative Principle, understood not only as a pragmatic model of successful interaction but also as a mental model that guides processes of interpretation and inference and regulates the interaction between discourse participants.

Key words: metacommunication, cognitive expectations, Cooperative Principle, flouting of maxims, relevance

Н. В. Шутёмова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
n.shutemova@spbu.ru

ВИДЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ДЕКЛАРАЦИЯХ О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Исследование нацелено на изучение способов аргументации оценки в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия. Предлагается классификация видов аргументации в зависимости от функционально-смыслового типа речи и языковых средств репрезентации логических структур. По первому основанию в документах выявлена аргументация, представляющая собой описание, констатацию, повествование, а по второму – дескриптивные, оценочные, прецизионные и гибридные аргументационные конструкции.

Ключевые слова: жанр деклараций о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия; категория оценки; аргументация

Тема нашего исследования связана с изучением персуазивности такого жанра институционального дискурса, как декларации о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия (далее – ВУЦ). Актуальность данного вопроса обусловлена проблематикой коммуникативно-речевого воздействия и необходимостью ее рассмотрения в соотношении с типологией дискурса и его жанровым разнообразием. Данные тексты составляются самими государствами, на территории которых находятся достопримечательности, и в этом смысле являются результатом культурной интроспекции, включающей концептуализацию национально значимого как универсальной ценности. Указанные документы содержат информацию об уникальных свойствах объектов и обосновывают их значимость для всего человечества. Цель данного исследования заключается в определении характерных для обозначенного жанра видов аргументации на основании языковой репрезентации логических структур.

При их исследовании мы опираемся на когнитивно-прагматическую трактовку категории оценки [Арутюнова 1988] и деятельностную теорию аргументации, предложенную А.П. Алексеевым. С этих позиций аргументация есть интеллектуально-речевая деятельность, реализуемая посредством построения текста, содержащего «аргументационные конструкции» (далее – АК) [Алексеев 1991: 40] как логико-лингвистические структуры, рассчитанные на принятие тезиса реципиентом. По составу они делятся на простые и сложные, по критерию истинности – правильные и ложные, по эксплицированности – демонстративные и недемонстративные.

С общелогической точки зрения в декларациях ВУЦ можно отметить использование простых и сложных АК, которые в единстве составляют общую сложную АК, служащую обоснованию ключевого тезиса деклараций – выдающейся универсальной ценности объекта. Кроме того, аргументацию в декларации ВУЦ можно считать преимущественно демонстративной, потому что посылки эксплицированы во всех частях документа, структура которого является стандартной и включает

следующие разделы: 1) краткое описание («Brief Synthesis»), 2) соответствие критериям ВУЦ («Criteria»), 3) целостность объекта («Integrity»), 4) его подлинность («Authenticity»), 5) меры, принимаемые для сохранности достопримечательности («Protection and management requirements»). Если принять во внимание, что в декларациях для обоснования ценности объектов приводятся факты, то аргументацию в них в целом можно отнести не к ложной, а правильной.

Вместе с тем полагаем, что при анализе языкового аспекта аргументации в любом тексте необходимо учитывать, во-первых, функционально-смысловой тип речи, образуемый аргументативными конструкциями, поскольку для обоснования тезиса адресант может прибегать к описанию, повествованию, рассуждению или констатации. По данному критерию в декларациях ВУЦ выделимы такие виды аргументации, как описание, повествование и констатация. Продемонстрируем их на примере документа о горах Уишань, которые обладают как природной, так и культурной ценностью.

В первом случае выдающаяся универсальная ценность объекта доказывается посредством описания его уникальных свойств (например, пейзажей в национальном заповеднике), что характерно для всех разделов документа, кроме последнего:

• *Mount Wuyi, located in China's south-east province of Fujian, contains the largest, most representative example of a largely intact forest encompassing the diversity of the Chinese Subtropical Forest and the South Chinese Rainforest* [MW].

К повествованию относится экскурс в историю объекта, который содержится преимущественно в части «Brief Synthesis»:

• *In the 1st century BCE a large administrative capital was built at nearby Chengcun by the Han Dynasty rulers* [MW].

Аргументация в виде констатации предполагает фиксацию соответствия объекта определенным критериям (раздел «Criteria») или требованиям к его охране («Protection and management requirements»):

• *It is listed as a state-level nature reserve, a state-level scenic area, a forest park and a state-level cultural relics protection unit, thus assuring the safeguarding of both the cultural and natural values of the property, under a number of national laws including: the Forestry Law (1998), the Environmental Protection Law (2002), Regulations on Nature Reserves (2002), Cultural Relics Protection Law (2002), the Law on the Protection of Wildlife (2004), and Scenic Areas Ordinance (2006)* [MW].

Во-вторых, при анализе языкового аспекта аргументации необходимо учитывать те языковые средства, которые преимущественно используются для вербализации посылок. С этой точки зрения мы полагаем возможным выделить в декларации ВУЦ аргументацию дескриптивную, прецизионную и оценочную.

Дескриптивный вид представляет собой описание объекта, выполняемое посредством дескриптивной лексики:

• *Situated along this river are numerous temples and monasteries, many now in ruins, which provided the setting for the development and spread of Neo-Confucianism* [MW].

Прецизионная аргументация содержит точные данные об объекте, которые репрезентируются посредством специальной и прецизионной лексики, включая имена собственные, числительные, термины.

• *The property consists of four protected areas: Wuyishan National Nature Reserve in the west, Nine-Bend Stream Ecological Protection Area in the centre and Wuyishan National Scenic Area in the east are contiguous, and the Protection Area for the Remains of Ancient Han Dynasty is a separate area, about 15km to the south-east* [MW].

В третьем виде АК высказывается мнение о свойствах достопримечательности, передаваемое оценочными единицами:

• *Mount Wuyi is one of the most outstanding subtropical forests in the world* [MW].

Кроме того, декларации ВУЦ характеризуются взаимодействием данных способов аргументации, что позволяет выделить следующие комбинированные виды АК: дескриптивно-оценочные, дескриптивно-прецизионные, прецизионно-оценочные, дескриптивно-прецизионно-оценочные. Дескриптивно-оценочные АК объединяют описание и оценку свойств объекта, что репрезентируется дескриптивной и оценочной лексикой:

• *The serene beauty of the dramatic gorges of the Nine-Bend River is of exceptional scenic quality in its juxtaposition of smooth rock cliffs with clear, deep water* [MW].

Дескриптивно-прецизионные АК объединяют описание объекта с фиксацией точной информации о нем, что вербализуется посредством дескриптивной и прецизионной лексики:

• *They dominate the skyline for a tortuous 10 km section of the river, standing 200-400 m above the riverbed, and terminate in clear, deep water* [MW].

Прецизионно-оценочные АК содержат как точные данные о достопримечательности, так и ее оценку, что выражается прецизионной и оценочной лексикой:

• *It contains a series of exceptional archaeological sites, including the Han City established in the 1st century BCE and a number of temples and study centres associated with the birth of Neo-Confucianism in the 11th century CE* [MW].

• *Totalling 107,044 ha, the property is surrounded by a buffer zone of 40,170 ha and has been inscribed for cultural as well as scenic and biodiversity values* [MW].

Дескриптивно-прецизионно-оценочные АК включают и описание свойств объекта, и точную информацию о нем, и его оценку:

• *The spectacular landforms in the eastern scenic area around Nine-Bend Stream (lower gorge) are of exceptional scenic quality, with isolated, sheer-sided monoliths of the local red sandstone* [MW].

Исследование показало, что в декларациях ВУЦ преобладает такой вид аргументации, как описание. Он реализуется посредством широкого спектра АК: дескриптивных, дескриптивно-оценочных, дескриптивно-прецизионных и дескриптивно-оценочно-прецизионных. Констатирующая аргументация включает как собственно прецизионные, так и гибридные АК с прецизионным компонентом.

Повествовательная аргументация создается прецизионными АК и служит элементом общего описания объекта. В целом данный вариант классификации АК в декларациях ВУЦ позволяет учитывать не только логический, но и вербальный компонент аргументации как многоаспектной деятельности, способствуя пониманию персуазивности как одного из основных свойств рассматриваемого жанра.

Литература

Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991.
Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
MW – Mount Wuyi. URL: https://whc.unesco.org/en/list/911

N. V. Shutemova *(St. Petersburg, Russia)*
St. Petersburg State University

KINDS OF ARGUMENTATION IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES

The research is aimed at studying kinds of argumentation in statements of outstanding universal value of world heritage sites. They are classified in correlation with the functional and semantic types of speech and verbal means used for argumentation. On the basis of the first criterion, such kinds of argumentation as description, statement and narration are revealed in the documents. According to the second criterion, descriptive, evaluative, precision, and hybrid argumentative structures are distinguished.

Key words: statements of outstanding universal value of world heritage sites, the category of evaluation, argumentation

А. С. Щербак *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ant_scherbak@ mail.ru

АНТРОПОНИМ В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается идея, что у верующих может формироваться определённый стиль когнитивной обработки информации, связанный с защитной мотивацией и стремлением к предсказуемости. На материале православного религиозного дискурса рассмотрены лингвистические маркеры в речи верующих как когнитивная защита.

Ключевые слова: имена святых, когнитивная защита, религиозный дискурс

Современные исследования в области когнитивной лингвистики имеют многочисленные связи с когнитивной ономастикой [Васильева 2017; Алпатов 2024] в аспекте концептуализации. Термин «ономастический концепт» активно используется учеными-ономатологами, изучающими собственные имена и их репрезентации в языке [Shcherbak 2024].

Ономастический концепт формируется не только языковым и речевым значением имени собственного, но и всей совокупностью его экстралингвистических характеристик. Развивая идеи Н.Н. Болдырева, можно считать, что ономастический концепт – это единица «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими

предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2016: 4]. Выделяется антропонимический концепт как единица ономастического знания о реальном или вымышленном субъекте, т.е. вся информация о носителе имени собственного в сознании человека. Антропонимический концепт репрезентируют именные или фамильные антропонимы через различные виды познания (повседневное, научное, религиозное, мифологическое, художественное).

Имена собственные тесно связаны с когнитивными исследованиями религиозного познания [Головнева 2021], поскольку онимы занимают особую роль в познавательной системе человека. Понимание антропонима как феномена защиты находит отражение в религиозной практике, когда, например, в имени святого закладывается идея его «защиты Богом».

Имена русских святых могут иметь фонетическое созвучие с именами святых в другой культуре. Так, библейское имя *Святого Данишла*, пророка, почитаемого в христианстве как защитника земли Русской и Москвы, имеет тюркизированную форму в именнике узбеков, казахов, татар и других тюркских народов – *Святой Даниёр* (*Данияр, Даниёл, Данияль*).

В Республике Узбекистан на периферии города Самарканда, в основании холмов Афрасиаб, возвышается мавзолей Ходжи Даниёра. Эта святыня служит местом межконфессионального паломничества и почитается в авраамических религиях (иудаизме, христианстве и исламе). Этот антропонимический синкретизм свидетельствует о том, что картина мира приобретает устойчивость и предсказуемость [Boyer 2021]. Из этого следует, что реализуется принцип познаваемости мира через антропонимы, с помощью которых человек концептуализирует окружающую действительность, формируя глобальный образ мира. Антропонимы отражают информацию о социальном контексте, ценностях общества и культуре, которая может направлять наше понимание о человеке и о мире в целом.

Павел Флоренский в своих работах о святости и вере акцентировал внимание на том факте, что для верующего первично имя Святого, а не его судьба и деяния. Концепция ангела-хранителя в православной религии закладывается при таинстве крещения – присвоение имени святого, который становится небесным защитником крещёного. Этот обряд свидетельствует о глубокой значимости личного имени святого, которое определяет смысл защитного аспекта в христианском понимании. Иными словами, христианская модель присвоения имени святого при крещении человека формирует в сознании верующего ментальную категорию защищённости.

Когнитивная защита православных верующих находит отражение в речевых действиях, что отражается в лексическом содержании фиксированных формул, например:

ПРИВЕТСТВИЕ: «*Благословите, отче*» (обращение к священнику).

БЛАГОДАРНОСТЬ: «*Спаси Христос*!», «*Спаси Господи!*»

ОПАСЕНИЕ: «*Сохрани Бог*!», «*Помилуй Бог!*»

ПОЖЕЛАНИЯ: «*Бог в помощь*!», «*Помощи Божией Вам в Ваших делах*», «*Желаю милости Божией и здоровья*!», «*Храни Вас Господь*», «*Да укрепит Господь Ваши силы*!»

ПРОСЬБА: «*Благословите*!» (начало просьбы, обращенной к священнику или старшему по возрасту). «*Помогите ради Христа*», «*Ради Бога…*».

УТЕШЕНИЕ: «*Терпи – господь наградит*», «*Христос терпел и нам велел*».

Категория защиты, как правило, имеет адресность (обращения, звательные формы имени существительного): «*Ангел-хранитель, не оставь меня*», «*О, пречудный отче Серафим*», «*Господи, помилуй*» (чаще всего присутствует в церковной аккламации).

Подобного рода высказывания являются лексическими маркерами культурно-религиозного контекста, сформировавшегося под мощным культурообразующим влиянием православия, которое задавало не только нравственные ориентиры, но и структурировало лингвистические паттерны церковной речи.

В русском речевом этикете понятия «защиты» и «спасения» выражаются через *молительное* и *желательное* наклонения глаголов и оптативный (желательный) тон. Ср.: «*Спаси и сохрани*!», «*Помоги, Господи*!», «*Не оставь меня, Богородица*!» (молитвенное наклонение); «*Да поможет вам Господь*!», «*Да будет помощь Божия с вами*!», «*Храни вас Господь*!» (желательное наклонение).

Из сказанного следует, что стратегии речевых поступков христианина проявляются через этикетные формулы и языковые выражения, которые структурируют общение с единоверцами, формируют параметры речи и поддерживают чувство защищенности. Анализ речи верующего и неверующего человека показывает, что в конце XX в. в современном русском языке сформировался новый функциональный стиль – религиозный. В современном обществе церковь укрепляет свои позиции в общественной жизни, что приводит к активизации и расширению жанров религиозного дискурса.

Согласно теории минимально противоинтуитивных представлений в когнитивном религиоведении (Паскаль Буайе), религиозные идеи «защиты» отражает сочетание интуитивного (защита как физический барьер) и сверхъестественного (божественная защита). Защита в религиозном контексте «от имени святого» предполагает духовную защиту через посредство почитаемого заступника или через имя святого как источника силы.

Следовательно, ментальная защита человека тесно связана с образом веры, который выступает когнитивным механизмом, формирующим ожидание защиты через такие реалии, как высказывания, содержащие имена святых (например, «Николай-угодник, моли Бога о нас!»), ритуалы, молитву, соборность, ношение православного креста под одеждой. Это усиливает веру в его защиту: человек молится, зная, что молитва охраняет его, ведь существуют Спаситель и Пресвятая Богородица, Защитница и Заступница.

Все люди независимо от культуры разделяют идею «упрощения сложности смыслов» имени святого (по Фреге, имена собственные имеют смысл). Антропо-

ним функционирует как «ярлык», который обходится без полного описания субъекта в каждом контексте, но сохраняет различие между значением (то, что субъект обозначает) и смыслом (то, как субъект представлен в языке и в сознании носителя языка).

Смысл антропонима отражает способ представления субъекта через языковые выражения. Это означает, что в разных культурных контекстах одно и то же имя может обозначать одного и того же субъекта (святого), но сопровождаться разными образами, описаниями и коннотациями. В то же время имя сохраняет стабильное значение как указатель на святого в окружающем мире.

Этот факт иллюстрирует, как параллелизм антропонимов помогает сопоставлять и контрастировать их значения, выявляя оттенки смысла, которые они несут в культурной памяти, например: общие имена у христиан и мусульман, сходные по происхождению или звучанию, но имеющие различную культурную и религиозную специфику: Мария – Мариам, Илья – Ильяс, Иисус – Иса (но не Бог).

В православной традиции и исламской культуре имя *Даниил* восходит к общему древнееврейскому корню и сохраняет связь с этим корнем в фонетике. Это создаёт ощущение близости между формами *Даниил* и *Даниёр* для носителей русского и тюркских языков, которые могут интерпретировать их как варианты одного имени. Между тем эти имена различаются по письму, национальным орфоэпическим нормам, и, что самое важное, в культурно-религиозном контексте они транслируют разные репрезентации святого образа: в одном случае как мужчина веры и праведности в библейской традиции, в другом – как фигура, адаптированная под мусульманские культурные контексты.

Таким образом, имена Данил и Даниёр, являясь вариантами одного имени, служат связующим звеном к пониманию духовной защиты человека, они подчеркивают идею защиты души и целостности личности.

Литература

Алпатов В.В., Чукарькова О.В., Мичугина С.В. Когнитивная ономастика: некоторые итоги и перспективы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. Вып. 3. С. 42-58.

Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка. М.: Берлин, 2016.

Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы: рецензия на книгу Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baar, 2016 // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14 (3). С. 210-221.

Головнева Е.В., Мартишина Н.И. Религиозное познание: сущность, специфика, ареал // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 9-15.

Boyer P., Ramble C. Cognitive templates for religious concepts: Crosscultural evidence for recall of counter-intuitive representations // Cognitive Science. 2001. Vol. 25 (4). Pp. 535-564.

Shcherbak A.S., Kadymova D.R. Kognitiv paradigma ichidagi onomastika // ILMIY AXBOROTNOMA. 2024. № 6/1 148. Pp. 23-29. (Научный Вестник Самаркандского университета имени Шарофа Рашидова).

A. S. Shcherbak *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

ANTHROPONYMS IN THE ASPECT OF HUMAN COGNITIVE DEFENSE

This article explores the idea that believers may develop a specific style of cognitive processing associated with defensive motivation and a desire for predictability. Using Orthodox religious discourse as an example, linguistic markers in believers' speech are examined as a form of cognitive defense.

Key words: names of saints, cognitive defense, religious discourse

И. А. Щербакова *(Елабуга, Россия)*
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shereri@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ СИТУАЦИИ УТЕШЕНИЯ РЕБЕНКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В настоящей работе описывается когнитивный сценарий ситуации утешения ребенка в англоязычном художественном тексте. Актуальность данного исследования обусловлена его антропоцентрической направленностью, пришедшей в лингвистику на смену системно-структурной парадигме. Основным методом исследования стал когнитивный подход, основанный на изучении взаимовлияния структуры языка и структуры сознания.

Ключевые слова: когнитивный сценарий, утешение, участник, эмпатия, глагол *soothe*

Появление такого направления в языкознании как когнитивная лингвистика обязано своим происхождением интересу лингвистов к человеку и его сознанию, которые ранее не учитывались при исследовании языка. Для когнитивной лингвистики, возникновение которой связано с изучением искусственного интеллекта, язык предстает в качестве средства фиксации, хранения и передачи информации и является отражением результата познавательной деятельности человека.

Широкое распространение в когнитивной лингвистике получило понятие когнитивного сценария или скрипта, которое не имеет до настоящего времени однозначного толкования. По мнению А.И. Дзюбенко, когнитивный сценарий следует связать с вербализацией ментальной схемы обобщенной ситуации, компоненты которой корректно декодируются собеседниками согласно вектору их общения и прогнозированию фактического или возможного поведения [Дзюбенко 2024: 139]. Несколько иное понимание представлено А.А. Галюк, для которой когнитивный сценарий соотносится со стереотипной последовательностью эпизодов, формирующей развитие конкретной ситуации, состоящей из участников действия и их отношений, условий, характеристики действия, которые передаются на вербальном уровне [Галюк 2025: 432]. В сущности, последнее определение перекликается со ставшим классическим пониманием Н.Н. Болдырева, для которого когнитивный сценарий представляет собой динамически представленный фрейм, в котором разворачивается во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов [Болдырев 2014: 54-55]. Такое понимание сценария

разделяется нами и многими современными исследователями [Дмитрова 2021; Юсупова 2021].

Когнитивный сценарий утешения отмечен в художественной литературе использованием глаголов, значение которых связано с психологической поддержкой говорящего речевому партнеру на его эмоциональную реакцию в определенной жизненной ситуации. Они описывают действия, способствующие облегчению эмоционального состояния утешаемого, который испытывает ответную реакцию на сложившуюся ситуацию. Эта реакция проявляется посредством таких чувств, как уныние, печаль, горе или страдания и может быть выражена посредством плача в результате сильных эмоций.

Одним из базовых глаголов утешения в английском языке выступает лексема *to soothe* (утешать). В Кембриджском словаре английского языка он описывается следующим образом: *to make something feel less painful* (сделать что-то менее болезненным; облегчать боль) *to make someone feel calm or less worried* (заставить кого-то чувствовать себя спокойным или менее обеспокоенным; успокаивать) [Cambridge dictionary].

В следующем примере из романа Кэтрин Стокетт «Прислуга» описывается сценарий утешения маленького ребенка со стороны чернокожей горничной, которая работает у семьи и присматривает за дочерью хозяйки. Этой сцене предшествует инцидент с телефоном утром на кухне, когда мать двухлетнего ребенка грубо обходится с ним, применяя физическую силу. В результате этого печального эпизода малышка начинает испытывать не только физическую, но и душевную боль, поскольку мать не уделяет внимания и не проявляет любовь, в которых так нуждается ребенок. Все это приводит к тому, что она начинает непрерывно плакать, а горничная пытается ее утешить, нашептывая: *«You okay, Baby Girl?» (Ты в порядке, малышка?)* и *«I'm here, baby, Aibee's here …» (Я здесь, детка, Эйби здесь …)*. Причем глагол *soothe* повторяется в тексте произведения дважды в лингвистическом контексте с глаголом *rock* (укачивать).

She runs straight to her mama and ... then she jerks the phone cord hard as she can. The receiver clatters out a Miss Leefolt's hand and hits the floor. ... I rush to get her but Miss Leefolt gets there first. ... Miss Leefolt slap Baby Girl on the back her bare legs so hard I jump from the sting ... I pick up Mae Mobley, try to hug her to me, but she bawling and her face is red ... I carry her out the kitchen ... When we make it to Mae Mobley's room, I set in the rocking chair. She sobs on my shoulder and I rub her back, ... "You okay, Baby Girl?" I whisper ... I look down and see red fingermarks on the back her legs. "I'm here, baby, Aibee's here," I rock and soothe, rock and soothe. But Baby Girl, she just cries and cries (Stockett K. Help).

Следующая сцена разворачивается ближе к обеду. Проходит время и воцаряются тишина и мир. Горничной удается успокоить малышку, она улыбается и спокойно сидит у нее на коленях.

Mae Mobley's in my lap helping me string the beans. She still kind a fussy from this morning ... We go in the kitchen and I fix her baloney sandwich... I'm glad for the peace. I smile over at Baby Girl, give her a strawberry, so grateful I was here during the trou-

ble with her mama. I hate to think what would a happen if I wasn't. She stuffs the strawberry in her mouth, smile back (Stockett K. Help).

К ключевым этапам реализации когнитивного сценария утешения в этом примере следует отнести неприглядную картину взаимодействия матери с дочерью, ставшей причиной переживаний последней; зрительный контакт горничной; внешнее проявление эмоций ребенка в виде плача, невербальные действия горничной (поднимает малышку на руки, прижимает ее к себе, уносит из кухни, садится с ней в кресло-качалку, гладит по спине, качает и успокаивает), разговор-утешение, результат действий горничной. Денотативная ситуация утешения представляет собой оказание психологической помощи одного лица другому.

Суммируя изложенное выше, можно утверждать, что сценарий утешения представляет собой стереотипную ситуацию, направленную на описание последовательности действий, связанных с утешением. В составе сценария утешения обнаруживаются два участника: утешаемый и утешитель, который проявляет заботу и поддержку по отношению к другому лицу. Межличностные отношения участников сценария характеризуются привязанностью и симпатией друг к другу. Ключевым аспектом сценария следует признать способность утешителя к ярко выраженной эмпатии. Языковым репрезентантом когнитивного сценария утешения в работе выступает глагол *soothe* (утешать). Безусловно, когнитивная ситуация утешения может быть актуализована и другими языковыми единицами, в том числе паравербальными сигналами и невербальными средствами. В фрагменте романа прослеживается широкое использование показателей невербальной коммуникации: обнимание, поглаживание, качание. Автор художественного произведения использует сценарий для характеристики своих персонажей: матери ребенка и чернокожей прислуги, а также демонстрирует отношение матери к ребенку.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Галюк А.А. Глагол спасти как репрезентант ситуации спасения с позиции когнитивной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 431-434.

Дзюбенко А.И. Когнитивный сценарий в реализации художественного вымысла: пространственно-темпоральные доминанты // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 5 (122). С. 138-151.

Дмитрова А.В. Особенности репрезентации когнитивного сценария «События в Капитолии» в англоязычных СМИ // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 54. С. 36-39.

Юсупова М.С. Когнитивный сценарий в художественном тексте // Молодой ученый. 2021. № 13 (355). С. 80-83.

Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/?ysclid=mgarjy8fyj500079762

Shakirova R.D., Mustafina R.F., Belyakovsky B.Y., Kepa Y.N., Klimakina E.A. Modern Linguistics: a cognitive script of the situation with transmitted reliable information on the basis of German Modal Words // Revista Entrelinguas. 2022. Vol. 8. № S1. С. e022009. URL: https://periodicos.fclar.unesp.br/entrelinguas/article/view/16920

I. A. Shcherbakova *(Elabuga, Russia)*
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University

THE COGNITIVE SCRIPT OF A CHILD'S COMFORT SITUATION IN AN ENGLISH-LANGUAGE LITERARY TEXT

This paper describes the cognitive script of a child's comfort situation in an English-language literary text. The relevance of this research is due to its anthropocentric orientation, which replaced the system-structural paradigm in linguistics. The main research method is a cognitive approach based on the study of the mutual influence of the structure of language and the structure of consciousness.

Key words: cognitive script, consolation, participant, empathy, verb "soothe"

И. А. Широва *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет, РГПУ им. А.И. Герцена
schirova@yandex.ru

О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНЦИПОВ СИСТЕМНОСТИ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье, на основе принципа системности, предпринимается попытка охарактеризовать природу и организацию некоторых элементов модели литературной коммуникации. Рассматриваются взаимосвязи между художественным текстом как коммуникативным актом и литературными коммуникантами; акцентируются их человекомерность и сложность. Подтверждается актуальность исследуемых объектов для современной науки.

Ключевые слова: категория сложного, идея субъектности, принципы системности, литературная коммуникация, модель, литературные коммуниканты, художественный текст, авторская интенция

В самом общем смысле система – это категория, обозначающая объект, организованный в качестве **целостности**; *нечто «составленное из частей*, соединенное» [НФС 1998: 619]. В целесообразности применения системного подхода к художественному тексту убеждают его сложная природа, многочисленность и разнообразие элементов, образующих художественного текст как целостность и доминирующие в современной науке идеи холизма и целостности. Согласно этим идеям, текст (сообщение) оправданно рассматривать как часть целого и, в частности, как компонент модели литературной коммуникации, соотносимый с другими её компонентами: внешней действительностью, адресантом и адресатом, контекстом, каналом и кодом [Jacobson 1997].

Целостность смысла художественного текста как иерархически организованного единства высшего ранга актуализируется в процессе общения литературных коммуникантов. Чтобы более полно и адекватно представить себе литературную коммуникацию как сложное явление, раскрыть многообразие взглядов на коммуникативную природу текста, оправданно акцентировать целостность текстового смысла в ходе описания его как системы, иными словами, анализируя взаимосвязи и взаимодействия всех его элементов, а сам текст – как единое целое [Викулова, Шарунов 2008]. Для более полного описания текста как коммуникативного акта

целесообразно упомянуть и возможность разграничения таких планов коммуникации, как реальная (внешняя) и изображенная (внутренняя) коммуникация. К плану реальной коммуникации в этом случае следует отнести общение реальных коммуникантов, разделенных большей или меньшей исторической дистанцией и по этой причине различающихся с точки зрения трудности восприятия ими сообщения. К плану изображенной коммуникации целесообразно отнести коммуникацию квази-субъектов, в первую очередь, формирующих образную систему персонажей.

Современные синергетические способы описания мира определяют текст как сверхсложную систему, а человека, порождающего и воспринимающего текст, конструирующего и реконструирующего текстовые смыслы, составляющего инвентарь этих смыслов и задающего генеральную стратегию (общую направленность) их описания, – систему супер-сверхсложную (М. Каган). Эта констатация сложности текста органично встраивается в более общие рассуждения об усложнении современного мира, науки и искусства, где также фиксируются интегративные (глобальные) процессы. Исследования саморегулирующихся систем, в качестве которых синергетикой рассматриваются как сами сложные научные объекты, включая текст, так и методология их описания, активизируются с возникновением теории информации, теории систем и кибернетики [Степин 2004: 60]. Для объяснения принципов самоорганизации в сложных системах синергетика опирается на *категорию сложного*, при этом постулируемые ею идеи оцениваются как нетрадиционные и связываются с выработкой «особой синергетической рефлексии», т.е. с формированием «принципиально новых представлений о самом познании». Синергетика, – подчеркивают Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко, Я.И. Свирский, – формирует «новый образ науки и новый идеал научности» [Киященко, Тищенко, Свирский 2004: 11].

Однако, и традиционные, классические подходы к тексту, тем более к тексту художественному, легко убеждают в сложности его природы и организации, и, как следствие, в трудности его понимания и интерпретации. Сложность текста как объекта научного (лингвистического) исследования удачно передается образом, предложенным В.А. Звегинцевым: «Ученые, приступающие к изучению текста, и не подозревают, что им придется иметь дело с объектом, по своей грандиозности не уступающим вселенной, – в сущности, с лингвистической Вселенной» [Звегинцев 1980: 197]. Справедливость мнения о сложности текста подтверждают и такие многочисленные характеристики художественного текста, как «многослойный», «многоаспектный», «многогранный», «многоуровневый», «многоплановый», «полифункциональный», «поликодовый», «мультимодальный» и пр. Эксплицируя многомерность текста, они выдвигают на первый план идею множества как совокупности, обнаруживают в тексте иерархически организованную *систему.* В качестве таких совокупностей можно назвать иерархически организованный набор конститутивных свойств текста (категорий) в моделях де Богранда и Дресслера, И.Р. Гальперина, О.Ф. Папиной, В.Г. Красных. Совокупность такого рода образуется и многообразными ракурсами описания художественного текста, каждый из которых формирует связи с остальными ракурсами и характеризует текст по

принципу дополнительности. Так, в современной антропомерной науке текст исследуется как совокупность конститутивных свойств текста; как коммуникативный акт; как вторичная моделирующая система; как возможный мир, как диалог коммуницирующих сознаний, как индивидуально-авторский вариант концептуализации мира, как эстетическое событие и пр.) Перечисленные ракурсы описания художественного текста носят вероятностный характер, а границы между ними признаются гибкими.

Множественность элементов в художественном тексте как в системном образовании оправданно связать с его сложностью и, как следствие, многообразием подходов к их описанию. Следует также отметить, что целостность художественного текста как системы привносит ей особые свойства, отсутствующие в отдельных её элементах (ср., например, такое свойство текста, как семантическая неаддитивность). По причине сложности рассматриваемых явлений (примечательно, что большинство из них не имеет из-за этого унифицированного толкования), и по причине «человекомерности» их анализа научные знания, создаваемые о тексте как о коммуникативном акте, имеют гипотетический характер, т.е. моделируются (ср. коммуникативная модель литературной коммуникации, модель автора, читателя и пр.). Как следствие, подобно любой иной модели, они лишь схематично отображают особенности объекта моделировании – реального коммуникативного акта.

Художественный текст – это обязательный компонент процесса литературной коммуникации, сообщение, адресованное читателю и реализующее авторскую интенцию. Текст традиционно выступает эффективным средством воздействия на эмоции и чувства коммуниканта с целью убедить его в правомерности, представленной и оцененной автором в тексте художественной ситуации и опосредованно – реального мира. Цель читателя – истолковать текстовый смысл, актуализировать его, основываясь на собственной уникальной мирооценке, усвоить и присвоить этот, как его можно назвать, *изначально авторский смысл*, идентифицировав его место в собственной системе ценностей. Неслучайно, интерпретация определяется сегодня как активная когнитивная деятельность, деятельность на уровне сотворчества и даже творчества.

На современном этапе развития науки с характерными для нее субъектными стилями мышления художественный текст как специфическая форма коммуникации интересует исследователя не столько как статическая система знаков, сколько как материальное воплощение речемыслительной деятельности. Эта деятельность осуществляется пишущим (говорящим) субъектом и рассчитана на читающего (слушающего) текст субъекта, т.е. на ответную деятельность. Деятельностная характеристика текста дает основание видеть в нем и результат, и продукт деятельности адресанта, и восприятие, и материал для деятельности адресата – утверждает Н.С. Валгина [Валгина 2003]. То же направление мысли обнаруживаем у Л.Г. Викуловой и А.И. Шарунова: исследователи оценивают художественный текст как *динамический коммуникативный акт и целостный процесс* (единое Целое) [Викулова, Шарунов 2008].

Идея субъектности не утрачивает своей актуальности. Её частным проявлением можно назвать понимание литературных коммуникантов как когнитивных и креативных субъектов. Взаимодействия коммуницирующих сознаний определяются особенностями коммуникативной ситуации и реализуются в формате классической триады «адресант-текст-адресат». Основа для успешной коммуникации адресата и адресанта формируется общностью их опыта, объективируемого в художественном тексте на примере конкретной художественной ситуации, а также их личностными особенностями. Текст, представляющий собой речевой элемент коммуникативного акта, интересует исследователя как средство объективации авторской картины мира и действенный способ её воспроизводства в художественной форме. Адресованные читателю ценности и/или анти-ценности транслируются через уникальную художественную ситуацию, осваиваются и присваиваются адресатом посредством убеждения и/или внушения. Сложность художественного текста влечет за собой многочисленность и разнообразие исследовательских решений.

Литература

Валгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос, 2003.

Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. М.: Восток-Запад, 2008.

Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. Т. 39. № 1. С. 197-189.

Киященко Л.П., Тищенко П.Д., Свирский Я.И. Предисловие. Когнитивно-коммуникативные горизонты синергетики // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 68-78.

НФС – Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.

Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 68-78.

Jacobson R. Linguistics and Poetics // Twentieth-Century Literary Theory: A Reader / ed. by K.M. Newton. London; New York: Bloomsbury Publishing, 1997.

I. A. Schirova *(St. Petersburg, Russia)*

Herzen State Pedagogical University of Russia

ON APPLYING SYSTEMIC PRINCIPLES FOR UNDERSTANDING A FICTIONAL TEXT

The paper focuses on a literary text, treating it as a system that allows penetration into the nature and organization of certain elements of the literary communication model. The paper examines the relationships between a literary text as communicative act and literary communicants, emphasizing their human dimension and complexity, and confirming the relevance of these objects for modern science.

Key words: category of complexity, the idea of subjectivity, the of systemic principles, the process of literary communication, model, literary communicants, literary text, author's intention, worldview

Научное издание

16+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (67)

Часть I

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска
Алимурадов Олег Алимурадович

Компьютерная верстка *С. Ф. Обрядова*

Подписано в печать 03.04.2026 г. Дата выхода в свет 27.04.2026 г.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 25,92. Уч.-изд. л. 21,48
Тираж 500 экз. Заказ 14.
Цена свободная

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Тел.: (8793) 400-555, (8793) 400-175.
E-mail: info@pgu.ru